

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА
ВЫСШАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА (ФАКУЛЬТЕТ)

ПЕРЕКРЕСТНЫЙ ГОД ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

IX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**РУССКИЙ ЯЗЫК
И КУЛЬТУРА
В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА**

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

10.04.2019 – 14.04.2019
ГРЕЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ВЫСШАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

IX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

г. Салоники (Греция)
10–14 апреля 2019

Материалы конференции

Издательство Московского университета
2019

УДК 81'25:008
ББК 81-7:71.0
P89

P89 **Русский язык и культура в зеркале перевода: IX Международная научная конференция (г. Салоники, Греция, 10–14 апреля 2019 г.): Материалы конференции.** – М.: Издательство Московского университета, 2019. – 647 с.

ISBN 978-5-19-011390-7

В сборник включены материалы докладов, представленных на IX Международной научной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода».

В опубликованных докладах освещаются различные аспекты общей теории, истории, методологии и дидактики перевода, а также теории художественного перевода. Ряд выступлений посвящен творчеству А.С. Пушкина и критическому анализу переводов его произведений на разные языки мира (к 220-летию со дня рождения). Традиционно в докладах рассматриваются также вопросы преподавания русского языка как иностранного и сравнительной культурологии. Сборник представляет интерес для исследователей в области методики и практики преподавания русского языка как иностранного, теории, методологии и дидактики перевода, сопоставительной лингвистики и сравнительного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации.

Материалы сборника будут, несомненно, полезны для преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кому близка данная тематика.

Ключевые слова: теория и методология перевода, художественный перевод, творчество А.С. Пушкина, сравнительная культурология, межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный.

УДК 81'25:008
ББК 81-7:71.0

Все материалы публикуются в авторской редакции

Russian Language and Culture Reflected in Translation: Proceedings of the 9th International conference (Thessaloniki, Greece, 10–14 April 2019). – Moscow: Moscow University Press, 2019. – 647 p.

The compilation includes materials of the reports presented at the 8nd International scientific conference “Russian Language and Culture Reflected in Translation”.

The published reports touch on various aspects of the general theory, history, methodology, translation didactics as well as the theory of literary translation. A number of presentations is focused on the work of Alexander Pushkin and the critical analysis of existing translations of his books into different languages (dedicated to the 220th anniversary of his birth). Traditionally, reports also examine the aspects of teaching Russian as a foreign language and comparative culturology.

This compilation is of interest to the researchers studying technique and practice of teaching Russian as a foreign language, theory, methodology and translation didactics, contrastive linguistics and literary criticism, culturology and intercultural communication.

The compilation materials will be undoubtedly of use to teachers, postgraduates, students and anyone related to the subject.

Key words: theory and methodology of translation, literary translation, the work of Alexander Pushkin, contrastive linguistics, intercultural communication, Russian as a foreign language.

ISBN 978-5-19-011390-7

© Коллектив авторов, 2019
© Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова,
2019

НАУКА О ПЕРЕВОДЕ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Барчот Б.</i> Перевод неперевода: точки соприкосновения переводоведения с лингвокультурологией (на примере русско-хорватской межкультурной коммуникации).....	7
<i>Белоус В.Г.</i> Томас Гоббс: «Образование обще-жития» (опыт перевода и комментария).....	15
<i>Ван Суян</i> Перевод фразеологизмов с русского языка на китайский (на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и его перевода на китайский язык).....	28
<i>Васина Е.А.</i> Устный перевод на слух с китайского и русского языков – разработка упражнений по улучшению восприятия и понимания на слух для российских и китайских студентов.....	36
<i>Выходилова З.</i> Иржи Левый как основоположник чешской теории перевода и его послание современным переводчикам.....	52
<i>Гарбовский Н.К.</i> «Цифровой перевод». Современные реалии и прогнозы.....	65
<i>Гонджилашвили Н.Г.</i> Перевод Эквтиме Такаишвили «Жития Святой Нины».....	73
<i>Горшкова В.Е.</i> Переводческие универсалии в приложении к аудиовизуальному переводу.....	84
<i>Долидзе А.Р.</i> «Убиенная душа» Григола Робакидзе: перевод с немецкого на грузинский.....	97
<i>Ефимова Н.Н.</i> Перевод экфрасиса: феноменология третьего отражения.....	102
<i>Иванова О.Ю.</i> Вариативность отражений: к вопросу о способах вербализации концептов сознания в параллельных переводах поэтического текст.....	114
<i>Калевич Н.А.</i> Русская ментальность в переводах басен И.А. Крылова на английский язык (специфика отражения).....	122
<i>Кольцова Д.А., Кольцов С.В.</i> История развития машинного перевода.....	130
<i>Крюкова Е.В.</i> Принцип палимпсеста в переводе художественного текста (на материале произведений Терри Пратчетта).....	136
<i>Кулешова Н.М.</i> Предпереводческий анализ оригинального текста на иностранном языке как средство наиболее достоверного перевода (на примере перевода с немецкого на русский язык) и его роль в подготовке профессиональных переводчиков.....	146
<i>Купко В.</i> Принцип «хорошего словацкого языка» и его влияние на качество переводов русской литературы на словацкий язык.....	157
<i>Купкова И.</i> «Принципы художественного перевода» К. Чуковского и Н. Гумилёва в словацкой и чешской теории и практике перевода.....	165

<i>Леоненкова Е.Д.</i> Переводческий комментарий: зло или необходимость?.....	175
<i>Манолопулу П.</i> Проблемы переводимости отглагольных существительных с двойным управлением в русском и греческом языках.....	184
<i>Метревели М.Г.</i> Исследование зависимости семантических трансформаций от личностных характеристик переводчика.....	188
<i>Микадзе М.Н.</i> Грузинские переводы поэзии Владимира Маяковского (языковой анализ).....	198
<i>Миронова Н.Н.</i> Семиотика стихосложения А.С. Пушкина в рецепции переводчиков.....	205
<i>Серикова А.В.</i> Переводчик-психолог и роль эмоционального интеллекта.....	213
<i>Сунь Шуай</i> История перевода военной терминологии.....	224
<i>Хамраева Ш.А.</i> Роль параллельных текстов при переводе менасивных речевых актов в политическом дискурсе с анлийского на русский язык.....	231
<i>Цуй Чжэюань</i> Синтаксическая обработка в процессе перевода с русского на китайский язык.....	243
<i>Шарабидзе Т.Т.</i> Грузинский перевод «Дон Жуана» Джорджа Гордона Байрона.....	255
<i>Шебаршина Д.Ю.</i> Прием членения и объединения предложений как одна из ключевых синтаксических трансформаций в синхронном переводе.....	261
<i>Юзвяк И.</i> Интертекст и трансформация цитат в русско-польском переводе.....	270

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Анастасьева И.Л.</i> Религиозно-мистический образ А.С. Пушкина в представлении поэтов Серебряного века.....	279
<i>Арутюнов Г.Г., Латыева Е.В., Назарова Н.Е.</i> К вопросу о возможностях перевода одного фразеологизма в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».....	287
<i>Бобок Марта-Теодора</i> Психолингвистические и ментальные параметры художественного перевода (на материале лирики Пушкина в трёх румынских переводах).....	297
<i>Борис Л.А.</i> Реалии русской культуры в сказках Александра Пушкина.....	309
<i>Ван Мэнчжу</i> Любимые женские образы русской и китайской литературы от древнего времени до современности.....	320
<i>Ван Синьюань</i> Социальная роль переводческой деятельности.....	332
<i>Василиос М.</i> Знакомство с русской культурой посредством русских народных сказок на занятиях по русской словесности.....	337

<i>Вэй Юйсюань</i> Фразеологические единицы с лексемой «рука» в русском и китайском языке.....	344
<i>Гоциридзе Д.З., Качарава В.В., Арошидзе М.В.</i> Межкультурная коммуникация в поликультурном пространстве художественного текста (на материале романа Э. Хемингуэя «Прощай, оружие»).....	349
<i>Зиновьева Т.И.</i> Становление интонационного стиля педагога в системе подготовки специалистов межкультурной коммуникации.....	358
<i>Ковалевич Е.П., Томашева И.В.</i> Русские линвокультурные коды в переводах сказок А.С. Пушкина на английский и испанский языки.....	367
<i>Кольовски А.А.</i> Как носить сюртук по-чешски: к вопросу о переводе исторических реалий.....	380
<i>Лыткина О.И.</i> Образ Америки в восприятии русских писателей конца XVIII века (А.Н. Радищев, Д.И. Фонвизин, И.А. Крылов).....	389
<i>Мешкова Е.М.</i> Англицизмы в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: оригинал и английский перевод.....	398
<i>Морару М.</i> Функции национально-культурных компонентов в пьесах Евгения Гришковца и их соответствия в румынских вариантах.....	406
<i>Пушкарева Н.В.</i> Нехудожественные произведения А.С. Пушкина и формирование научного стиля в русском литературном языке начала XIX века.....	421
<i>Саникидзе И.Т.</i> Система бинарного выражения категории вида в славянских и картвельских языках.....	430
<i>Су Муюань</i> О современных китайских фразеологических словарях.....	436
<i>Тарасенко Т.В., Разумовская В.А.</i> Рекламный текст как транслятор культурных ценностей.....	446
<i>Харшиладзе Н.В.</i> Причины снижения и способы повышения мотивации изучения русского языка как иностранного у грузинских студентов.....	454
<i>Цай Ванифань</i> Концепт чая в китайской и русской литературах.....	464
<i>Чжан Чуньяо</i> Особенности формирования терминологии высокоскоростной железнодорожной магистрали и проблемы перевода в китайском и русском языках.....	471
<i>Чович Л.</i> Концепт скука и его лингвистическое представление в романе в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина и в его переводе на сербский язык.....	481
<i>Чэнь Хао</i> О способах образования новых слов в русском и и китайском языках: черты сходства и различия.....	492

Эргуван Ф. Проблемы художественного перевода с русского на турецкий на примере романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго».....499

РУССКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Антипина И.В.</i> Проблемы, задачи и перспективы обучения трудовых мигрантов и их детей.....	514
<i>Вьюнов Ю.А.</i> Страноведение России в обучении иностранных студентов-переводчиков: размышления о концепте.....	524
<i>Гальчева Е.Е.</i> Специфические принципы методики обучения пунктуации и их соотношение с семантическим значением предложения.....	536
<i>Гоголашвили Г.И., Ломтадзе Т.Р.</i> К соответствию грузинских и русских терминов при стандартизации грузинской языковедческой терминологии.....	546
<i>Громова Л.Г.</i> Совершенствование речевой компетенции при обучении письменному переводу иностранных студентов в России (включённый этап).....	554
<i>Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н.</i> Театральная педагогика в системе подготовки переводчиков.....	564
<i>Зеленская А.А.</i> Роль аутентичных художественных текстов в преподавании русского языка как иностранного.....	572
<i>Константинова О.В., Муравьева А.А.</i> Научный текст как основа формирования иноязычной коммуникативной компетенции в процессе обучения.....	579
<i>Конюхова Е.С.</i> К вопросу о создании «Словаря литературных терминов» с переводом на китайский язык.....	590
<i>Кульгавчук М.В.</i> Московское метро на уроках РКИ.....	598
<i>Кумуржи О.В.</i> Формирование у грекоязычных школьников и студентов основ культуры произношения на занятиях по русскому языку как иностранному.....	608
<i>Литвинова Г.М., Лю Цзинпен</i> «Я русский бы выучил...»: русский язык как иностранный в китайской аудитории.....	613
<i>Пак А.Л.</i> Роль музыки в преподавании русского языка как иностранного.....	622
<i>Трегубова Л.С.</i> Реализация концептного подхода в обучении русскому языку в условиях многоязычия.....	631
<i>Третьякова Г.М.</i> Виды учебной и внеаудиторной работы с иностранными обучающимися как пути повышения мотивации изучения русского языка в отраслевом вузе.....	639

**НАУКА О ПЕРЕВОДЕ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ИСТОРИЯ И
СОВРЕМЕННОСТЬ (К 100-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ КНИГИ
«ПРИНЦИПЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА»
К. ЧУКОВСКОГО И Н. ГУМИЛЕВА)**

Барчот Б.

Философский факультет Загребского университета
г. Загреб (Хорватия)

Barčot Branka

Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb
Zagreb (Croatia)

**ПЕРЕВОД НЕПЕРЕВОДИМОГО: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ С ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РУССКО-
ХОРВАТСКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ)**

**TRANSLATING THE UNTRANSLATABLE: WHEN LINGUOCULTUROLOGY MEETS
TRANSLATION STUDIES (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN-CROATIAN
INTERCULTURAL COMMUNICATION)**

Так как культура является неотъемлемой частью коммуникативного акта, в данной статье мы исходим из предположения, что переводить значит переводить культуры, а не языки, потому что перевод на самом деле начинается там, где заканчивается словарь. В настоящей работе мы пытаемся найти ответ на вопрос, до какой степени перевод элементов культуры является «невыполнимой задачей», т.е. до какой степени транслатологический фатализм Вильгельма вон Гумбольдта можно считать оправданным. В нашей статье рассматриваются точки соприкосновения переводоведения с лингвокультурологией, т.е. приёмы перевода элементов культуры (в широком понимании речь идёт о приёмах перевода лингвокультурем) в русско- хорватской межкультурной коммуникации. Классификация Наташи Павлович (2015), на которую мы здесь опираемся, охватывает восемь приёмов: 1) заимствование; 2) буквальный перевод (калькирование); 3) культурный эквивалент; 4) объяснение (описательный перевод); 5) добавление; 6) опущение; 7) неологизм; 8) комбинация транслатологических приёмов. Проиллюстрируем потом все эти приёмы и перечислим их плюсы и минусы, т.е. осветим их достоинства и недостатки в определённых контекстах использования.

Regarding the fact that culture is an integral part of every communication act, in our paper we assume, that translating actually means translating cultures and not languages, because translation begins there where dictionary ends. In this paper, our main goal is to find the answer to the question to which extent can translation of culture-specific items be considered “an impossible task”, i.e. to which extent can Wilhelm von Humboldt’s fatalism regarding the translation process be considered justified. The article considers the following subject: the meeting point of linguoculturology and translation studies, or a set of translation techniques for translating culture-specific items (in a broad sense we speak about translating linguoculturemes) on the example of Russian-Croatian intercultural communication. Nataša Pavlović (2015) offers the following classification of translation techniques that we use in our paper: 1) borrowing; 2) literal translation (loan translation / calque); 3) cultural equivalent; 4) explanation (description); 5) adding; 6) omitting; 7) neologism; 8) combination of translation techniques. We will illustrate these translation techniques and discuss pros and cons, i.e. explain their advantages and disadvantages in specific contexts of use.

Ключевые слова: переводоведение, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, хорватский язык, русский язык.

Keywords: translation studies, linguoculturology, intercultural communication, Croatian language, Russian language.

Исходя, с одной стороны, из предположения Владимира Ивира, известного хорватского лингвиста, переводчика и лексикографа, что переводить значит переводить культуры, а не языки («*Prevoditi znači prevoditi kulture a ne jezike*» [Ivir, 1987]), так как культура – неотъемлемая часть коммуникативного акта, и учитывая, с другой стороны, до определённой степени *теорию непереводаемости* Вильгельма фон Гумбольдта, т.е. идею *языкового мировидения* (нем. *sprachliche Weltansicht*), которую он объясняет в письме к немецкому писателю и переводчику Августу Шлегелю следующим способом: «*Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счёт вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счёт своего подлинника.*», в настоящей работе мы попытаемся представить разные транслатологические приёмы для перевода элементов культуры в переводе текстов с русского языка на хорватский (и обратно). Значит, наша задача будет ответить на вопрос, до какой степени перевод элементов культуры является «невыполнимой задачей», т.е. до какой степени транслатологический фатализм Вильгельма фон Гумбольдта можно считать оправданным. Общеизвестно, что относительно идеи *языкового мировидения* из XIX века различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия, и что разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения её.

Цель данной работы – это поиск ответа на вопрос, какие приёмы переводчиков годятся лучше всего, чтобы перевести определённый элемент культуры, т.е. определённую лингвокультуру. В начале работы мы, во-первых, представим в какую теоретическую рамку вписываются все нами использованные понятия, а потом в центральной части работы мы проиллюстрируем примерами из русско-хорватской межкультурной коммуникации все транслатологические приёмы для перевода лингвокультуры. В конце мы подведём итоги и попытаемся «выписать рецепт» для облегчения трудной переводческой задачи, которую машинный перевод – несмотря на этап его развития в будущем – никогда не сможет выполнить лучше человека, являющегося носителем определённой культуры и посредником в межкультурной коммуникации.

Теоретические рамки.

Переводчики Сергей Влахов и Сидер Флорин в самом начале их известной монографии из 1980-го года «Непереводимое в переводе» приводят следующую цитату

Гёте: «При переводе следует добираться до непереводаемого, только тогда можно по-настоящему познать чужой народ, чужой язык». В настоящей работе мы не собираемся ломиться в открытую дверь и доказывать несостоятельность теории непереводаемости и опровергать транслатологический фатализм. Но мы исходим из предположения о том, что именно элементы культуры представляют собой камни преткновения на пути к успешному перевыражению переводчиком выраженного автором. Как Радимир Вентурин, хорватский русист и переводчик поэзии с русского языка на хорватский, в своей статье пишет, существуют возможности по-разному выразить и понимать содержание, и поэтому можно положительно ответить на вопрос – всё ли переведимо. Но в поэзии, по Роману Якобсону, возможны лишь творческие транспозиции, причём неразрешимыми препятствиями для переводчика являются каламбуры и языковая игра, коренящиеся в семантических потенциалах языка подлинника, отмечает Р. Вентурин [Venturin, 1995, с. 194]. Мы здесь не будем анализировать примеры перевода поэзии ни примеры перевода каламбуров и языковой игры.

Похоже на практику С. Влахова и С. Флорина, которые делают чёткую разницу между понятиями *термин* и *реалия* – «От термина нельзя требовать «национальной принадлежности»: независимо от своего происхождения он – достояние всего человечества, которое и пользуется им, как своей законной «собственностью». Реалия же всегда принадлежит народу, в языке которого она родилась. (...) Её принимают на время, и она гостит у принявшего её народа иногда день, иногда год, а бывает, обживает настолько, что превращается в заимствованное слово, обогащая или засоряя язык» [Влахов, Флорин, 1980, с. 9] – мы тоже отличаем эти два понятия, и в фокус нашего внимания ставим реалии, которые с нашей точки зрения вместе с лингвокультурологической основной единицей, т.е. лингвокультуремой, входят в гиперогипонимическое отношение.

В литературе по переводоведению мы кроме упомянутой *реалии* [Влахов, Флорин, 1980] столкнулись с разными другими названиями для элементов культуры, как например: *culture word* [Newmark, 1988]; *riječ koja izražava kulturu* (рус. *слово, выражающее культуру*) [Ivir, 1987]; *nepodudarni elementi kulture* (рус. *несовпадающие элементы культуры*) [Ivir, 1987]; *cultural reference* [Mailhac, 1996; Olk, 2001]; *extralinguistic cultural reference* [Pedersen, 2007]; *culture-specific item* [Franco Aixelá, 1996; Kwieciński 2001, Veselica Majhut_2012]. Под культурно-специфическими единицами (*culture-specific item*) понимаются «those items in the source text that embed the text in the source culture. They encompass references to unique physical world entities or to concepts, cultural artifacts, institutions, customs and forms of social

life that at a certain point of time either do not exist in the target culture repertoire, are not lexicalized in the target language, or do not have the same connotative values in the target culture as they do in the source culture» [Veselica Majhut, 2012, с. 60]. В рамках лингвокультурологии – этого междисциплинарного направления современного гуманитарного знания, возникшего на стыке лингвистики и культурологии, исследующего проявления культуры народа, отдельной социальной, религиозной или культурной группировки людей, какого-либо исторического периода и пр., которые отразились и закрепились в языке – существует понятие *лингвокультурема*, введённое Владимиром Васильевичем Воробьёвым. *Лингвокультурема* как комплексная межуровневая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания [Воробьёв, 2008, с. 45]. В понимании В.В. Воробьёва лингвокультурема есть совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак [Маслова, 2001, с. 52]. Как выше в тексте упоминается, понятия *реалия* и *лингвокультурема*, по-нашему, входят в родо-видовое семантическое отношение, причём лингвокультурема считается гиперонимом, т.е. понятием, которое в отношении к понятию *реалия* выражает более общую сущность.

Как мы уже видели, вопросом о переводе элементов культуры интересовались многие специалисты уже с 60-х гг. XX века и до сих пор продолжают этим заниматься, придумывая разные названия для элементов культуры. Поэтому можно сказать, что существует столько классификаций транслатологических приёмов, сколько и авторов, которые этим занимались / занимаются. Мы здесь будем опираться на классификацию Наташи Павлович [Pavlović, 2015, с. 70–81], хорватского лингвиста переводоведа, которая приводит следующие приёмы перевода элементов культуры, т.е. в нашем понимании речь идёт о приёмах перевода лингвокультурем:

- 1) ЗАИМСТВОВАНИЕ
- 2) БУКВАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД (КАЛЬКИРОВАНИЕ)
- 3) КУЛЬТУРНЫЙ ЭКВИВАЛЕНТ
- 4) ОБЪЯСНЕНИЕ (ОПИСАТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД)
- 5) ДОБАВЛЕНИЕ
- 6) ОПУЩЕНИЕ
- 7) НЕОЛОГИЗМ
- 8) КОМБИНАЦИЯ ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ.

В следующем разделе мы проиллюстрируем каждый из приведённых транслатологических приёмов примерами из русско-хорватской межкультурной

коммуникации, понимаемую нами как адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам (в данном случае к хорватской и русской).

Примеры использования транслатологических приёмов для перевода лингвокультурем.

Займствование как один из транслатологических приёмов обозначает процесс усвоения переводящим языком (ПЯ) лингвокультуремы из исходного языка. Очень важно подчеркнуть, что этот процесс усвоения проходит без перевода; возможны только орфографические уподобления, т.е. ассимиляция фонем орфографической системе ПЯ. На этом месте мы приведём несколько примеров займствований в рамках русско-хорватской межкультурной коммуникации: *бори, самовар, балалайка, казачок, москвич, тройка, перестройка, уравниловка* и др. → *boršć, samovar, balalajka, kazačok, moskvič, trojka, perestrojka, uravnilovka* и др. В данном случае речь идёт о реалиях внутри класса лингвокультуремы. Самое большое достоинство описанного транслатологического приёма в языке-реципиенте – это локальный колорит, т.е. колорит исходной культуры. С другой стороны, недостатки такого приёма – это а) несовпадающие коннотации в двух языках и контекст использования (например, *аппаратчик* → *aparatičik*); б) полное непонимание слова, когда оно первый раз встречается в принимающем языке, т.е. в переводящем языке (ПЯ) (например, *падонки* → *radonki*); в) ошибочное займствование (например, в хорватском языке слово *babuška* (рус. *бабушка*) используется для обозначения реалии *матрёшка*).

Буквальный перевод (калькирование) относится к приёму дословного перевода слов или выражений из исходного языка (ИЯ) на переводящий язык (ПЯ). Иногда нужны и орфографические уподобления. Вот два примера буквального перевода (калькирования) в рамках русско-хорватской межкультурной коммуникации: *русская печь* → *ruska peć*; *красный угол* → *crveni ugao*. Несмотря на то, что перевод *crveni ugao* вошёл в обиход, всё-таки надо подчеркнуть, что правильным переводом считается вариант *crveni kut*, так как в хорватском языке существуют две лексемы – *ugao* и *kut* – для одной русской лексемы *угол*. Главная разница в семантике двух хорватских лексем в том, что *ugao* – наружный угол; тот угол, который находится снаружи, за пределами чего-н.; а *kut* – внутренний угол; тот угол, находящийся внутри помещения. Плюс данного транслатологического приёма – сохранение национального колорита в ПЯ, т.е. носитель ПЯ понимает, что речь идёт о другой культуре. Возможный минус данного транслатологического приёма – непонимание в ПЯ (например, *баня по-чёрному* → *crna banja*).

Культурный эквивалент – транслатологический приём, согласно которому переводчик находит лингвокультуру в ПЯ, т.е. в культуре-реципиенте, выступающую в качестве замены лингвокультуры из ИЯ, т.е. из культуры-донора. Иллюстрацией данного приёма может служить замена русской телепередачи «Доброе утро» Первого канала хорватской телепередачей «Dobro jutro, Hrvatska» канала HRT1. Культурные трансплантации, допустим, в театральные пьесы способствуют лучшему восприятию и лучшему пониманию сюжета. Достоинство данного приёма заключается в том, что получатель информации в процессе перевода как коммуникативного акта узнаёт лингвокультуру из собственной культуры.

Описательный перевод на самом деле обозначает объяснение, благодаря которому лингвокультура из ИЯ становится более понятной в ПЯ. Необходимо принять во внимание, что описательный перевод подразумевает только самую важную информацию. Н. Павлович [Pavlović, 2015, с. 78] приводит несколько видов описательного перевода: а) гипероним (более общее / более нейтральное слово) в качестве эквивалента; б) парафраз; в) композиционный анализ. В качестве примера первого вида описательного перевода приведём следующий случай перевода в рамках русско-хорватской межкультурной коммуникации: (...) всю Алёнку съела; потом вышла на лужок и стала на травке валяться да приговаривать (...) (НКРЯ) → (...) *pojela je cijelu čokoladu, a potom je izišla na livadu i krenula se valjati po travi i govoriti (...)*. Молочный шоколад «Алёнка» в хорватском переводе заменён гиперонимом, т.е. более нейтральным словом *čokolada*. Чтобы проиллюстрировать парафраз, можно привести следующий пример: *Была, правда, у неё замечательная банька по-чёрному.* → *Istini za volju, imala je divnu tradicionalnu saunu bez dimnjaka zbog čega su njeni zidovi bili prekriveni čađom.* Что касается композиционного анализа, можно привести пример перевода словосочетания *путинский патриотизм* или *патриотизм по-путински*. В данном случае словосочетание можно буквально перевести (*domoljublje na putinovski način*), но имея в виду принцип композиционного анализа, в зависимости от контекста перевод может быть и таким: *egoistično domoljublje* или *licemjerno domoljublje*.

Добавление – транслатологический приём, при котором в переводе добавляется короткое толкование / объяснение лингвокультуры из ИЯ. Следующий пример служит иллюстрацией анализируемого приёма: *В Москве на территории «Красного Октября» проходит выставка лучших мультимедийных журналистских проектов «Истории из жизни», заслуживших признание ведущих профессиональных международных конкурсов World Press Photo, PoYi u NPPA.* (НКРЯ) → *U Moskvi se na prostoru poznate konditorske*

tvornice «Crveni oktobar» održava izložba najboljih multimedijalnih novinarskih projekata časopisa za žene «Priče iz života» (rus. «Истории из жизни») koji su dobili priznanja na vodećim međunarodnim natjecanjima World Press Photo, PoYi i NPPA. Главное достоинство анализируемого приёма заключается в том, что получатель информации в процессе перевода как коммуникативного акта приобретает объяснение, которое помогает ему понять значение референта.

Опущение лингвокультуры считается транслатологическим приёмом, которое на самом деле не рекомендуется. Это приём, которым переводчики пользуются только в тех случаях, когда нет другой возможности, т.е. в случаях отсутствия подходящего транслатологического решения.

Неологизм в контексте переводоведения является достаточно редко применяемым транслатологическим приёмом, требующим от переводчика изобретательных усилий, потому что переводчик пытается выдумать новое слово или выражение. В качестве иллюстрации данного транслатологического приёма в рамках русско-хорватской межкультурной коммуникации может служить следующий пример: *пельменная* → *peljmenđinica*.

Комбинация транслатологических приёмов, как и само название уже подсказывает, подразумевает сочетание двух или нескольких транслатологических приёмов. Самые используемые комбинации – это комбинации добавления или описательного перевода с заимствованием или буквальным переводом.

Подведём итоги всему вышеизложенному. Целью настоящей работы ни в коем случае не являлось афиширование одних транслатологических приёмов или «антиреклама» других транслатологических приёмов. Мы хотели только показать, какие транслатологические приёмы существуют для перевода лингвокультуры. В зависимости от контекста использования, с одной стороны, и от роли переводчика, которую он на себя принимает, с другой стороны, есть несколько ориентаций, которые надо учитывать. Если переводчик работает в сторону ассимиляции текста, то он для перевода лингвокультуры может использовать *культурный эквивалент* или *неологизм* в качестве транслатологического приёма. Если переводчик настаивает на сохранении национального колорита исходной культуры, т.е. если он работает в сторону экзотизации, то ему годятся следующие приёмы: *заимствование*, *буквальный перевод* или *неологизм*. Если переводчик хочет, чтобы перевод был нейтральным, тогда он может использовать *опущение* или *обобщение*. А если переводчик берёт на себя роль обучения / образования получателя

информации, тогда рекомендуется использовать приёмы *добавления* и *описательного перевода*. Все эти случаи наглядно показываются в нижеприведённой схеме в конце работы:

Схема транслатологических ориентаций [Pavlović, 2015, с. 88]

Список литературы:

- Pavlović N. Uvod u teorije prevođenja, Leykam international d.o.o., Zagreb, 2015.
- Venturin R. Je li sve prevodivo? // Prevođenje: suvremena strujanja i tendencije. Zbornik radova (ur. J. Mihaljević Djigunović, N. Pintarić), Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, Zagreb, с. 189–194, 1995.
- Veselica Majhut S. Cultural specificity in the translation of popular fiction from English into Croatian during the socialist and transition periods (1960 – 2010). 2012. (докторская диссертация) <https://www.tdx.cat/handle/10803/90251> (дата обращения: 3.3.2019)
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе, Международное отношение, Москва, 1980.
- Воробьёв В.В. Лингвокультурология, Российский университет дружбы народов, Москва, 2008.
- Маслова В.А. Лингвокультурология, Издательский центр «Академия», Москва, 2001.
- НКРЯ = Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/>

Белоус В.Г.
СПбГУ
г. Санкт-Петербург (Россия)

Belous Vladimir
St Petersburg University
St Petersburg (Russia)

ТОМАС ГОББС: «ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕ-ЖИТИЯ» (ОПЫТ ПЕРЕВОДА И КОММЕНТАРИЯ)

THOMAS HOBBS: «THE GENERATION OF A COMMON-WEALTH» (THE EXPERIENCE OF TRANSLATION AND COMMENTS)

Статья содержит оригинальный перевод отрывков из «Левиафана» Т. Гоббса, одного из основоположников классической политической философии Нового Времени. Перевод приводится в сравнении с современными реконструкциями текста на языке оригинала, а также с русским переводом (1991). Необходимость нового взгляда на популярный текст объясняется наличием многочисленных англоязычных редакций «Левиафана». Задачи переводчика заключались в выборе англоязычного «исходника» для перевода, максимально приближенного к первоисточнику, а также в определении семантических и стилистических аналогов для концептов Гоббса в русском языке. В качестве инновационного подхода к «Левиафану» приводятся два конкретных примера: а) указание на «теорию авторизации», которую отечественные комментаторы игнорируют именно по причине несовершенства перевода; б) уточнение значения терминов Common-Wealth / Civitas.

The article contains the original translation of extracts from the Leviathan by T. Hobbes, one of the founders of the classical political philosophy of Modern times. The translation is given in comparison with modern reconstructions of the text in the original language, as well as with the Russian translation of 1991. The need for a new look at the popular text is explained by the presence of numerous English-language versions of Leviathan. The tasks of the translator were to choice of the English source for translation, as close as possible to the source, and to find of semantic and stylistic analogues for the concepts of Hobbes in the Russian language. As an innovative approach to the Leviathan two specific examples are given: a) an indication of «the Theory of Authorization», which domestic commentators ignore precisely because of the imperfection of the translation; b) the revision of the meaning of the terms Common-Wealth / Civitas.

Ключевые слова: объект перевода; классический философский текст; лексика и стилистика Т. Гоббса; авторская воля; произвол переводчика; границы интерпретации; взаимообусловленность перевода и комментария.

Keywords: object of translation; classic philosophical text; vocabulary and stylistics of T. Hobbes; the author's will; translator's arbitrariness; limits of interpretation; interdependence of translation and commentary.

Представляя небольшие отрывки из «Левиафана» Т. Гоббса по-русски, хочу пояснить, что не являюсь ни филологом, ни переводчиком. Предмет моих научных занятий – история идей. Среди актуальных интересов определенное место занимает тема атомарности современного социума. Знакомясь с различными текстами, я неоднократно сталкивался с тезисом, будто основоположником концепции «атомизированного общества» является Т. Гоббс. Однако если выдающийся английский мыслитель XVII века и употреблял термин «атом» в своих трудах, то в натурфилософском, а не в социальном контексте. Поиск соответствий привел меня к оригинальному «Левиафану», и в результате

на свет появился перевод, который представляю здесь частично. Надеюсь, что опыт окажется небесполезным для профессионалов, и отечественный читатель в конце концов получит в свое распоряжение текст классика политической философии, адекватный оригиналу.

В границах коммуникации иноязычного автора, переводчика и читателя центр тяжести неизбежно смещается к отношениям двух последних. Перевод научного, философского текста подобен математическому функционалу, который предполагает набор возможностей для читательских интерпретаций. Операция, аналогичная комментарию, именуется в математике «дифференцированием первичной функции». При этом комментатор, имеющий дело с переводом, редко обращает внимание на тот факт, что предметом его интеллектуального потребления является не авторский текст, а его подобие в виде набора производных. По мере временного удаления от исходной «библиотеки функций» естественным образом возрастает недоверие к посредникам, тем более, когда в качестве таковых выступают уже переводчики переводчиков, то есть комментаторы.

Деятельность переводчика должна быть обусловлена структурой мышления автора, стилистическими конструкциями переводимого текста, потенциалом присутствующих в нем смыслов. В то же время перевод произволен по отношению к авторскому сознанию, поскольку является суммой вариаций-интерпретаций самого переводчика, который неизбежно становится *со-автором*. Переводчик постоянно погружается внутрь чужой структуры мышления. Перевод есть ревизия, пересмотр, а в первоначальном значении, перепись. Переводчик буквально переписывает: подвергает оригинал критическому анализу. Несомненно, в особых случаях он и сам может выступать в роли комментатора – дополнять классический текст собственными пояснениями.

Поскольку в настоящем случае речь идет о философском тексте, имеющем огромную историю публикаций и интерпретаций, хочу обратить внимание на разрыв, существующий между переводами и комментариями. Как правило, переводчики «Левиафана» не занимались его комментированием, и, наоборот, комментаторы вынуждены были довольствоваться результатами чужих редакций и переводов. В идеале читатель должен коммуницировать с оригиналом без посредников. Однако что говорить о русскоязычных читателях, если даже для тех, у кого английский – родной, издатели выпускают «Левиафан», адаптированный к актуальным стилистическим и лексическим нормам.

Любой перевод - это интерпретация, замысел которой неизбежно расходится с оригиналом. Переводчик обречен оставаться в пределах собственного кругозора, лингвистического и мировоззрительного; его границами служит наличный образ культуры.

Сравнивая перевод с многозначным и герметичным оригиналом, читатель неизбежно столкнется и со стилистической ограниченностью переводчика. Данное замечание касается не столько литературных особенностей отечественного «Левиафана», сколько тех «окон возможностей» толкования его смыслов, которые открываются при чтении книги.

Русских переводов трактата Гоббса всего два. Первый опыт подцензурного переложения (1868) принадлежал С. Автократову и В. Зайцеву, собственные взгляды которых определялись популярными на тот исторический момент позитивизмом и социальным радикализмом. Второй, считающийся фундаментальным, – А. Гутермана (1936) – продукт типичного для ранней советской эпохи сознания материалиста-механициста. Поздние издания в известной книжной серии «Философское наследие» (1964 и 1991) представляют собой редакции предшествующего перевода. Говорить о них как об оригинальных и самодостаточных вариантах не приходится. «К сожалению <...> мы должны с крайней осторожностью читать русский текст», – предупреждает ведущий отечественный «левиафановед» А. Ф. Филиппов, представляющий главную книгу Гоббса в серии под общим титулом «Философия власти» как раз в редакции 1936 года [Филиппов, 2016, с. 27].

Ниже будут представлены небольшие отрывки из «Левиафана» (два по-английски и два по-русски). В квадратных скобках я привожу названия глав, к которым относятся данные фрагменты: они конгруэнтны по отношению друг к другу. Сравнив английские и русские варианты, можно не только наглядно удостовериться в «трудностях перевода», но и прямо поучаствовать в расшифровке философского потенциала великой книги.

[Part 1. OF MAN. Chap. 16. Of PERSONS, AUTHORS, and things Personated]

[Actor, Author, Authority.] Of Persons Artificiall, some have their words and actions *Owned* by those whom they represent. And then the Person is the *Actor*; and he that owneth his words and actions, is the **AUTHOR**: In which case the Actor acteth by Authority. For that which in speaking of goods and possessions, is called an *Owner*, and in latine *Dominus*, in Greeke *κύριος*; speaking of Actions, is called Author. And as the Right of possession, is called Dominion; so the Right of doing any Action, is called **AUTHORITY**. So that by Authority, is alwayes understood a Right of doing any act: and *done by Authority*, done by Commission, or Licence from him whose right it is.

[Part 2. OF COMMON-WEALTH. Chap. 17. Of the Causes, Generation, and Definition of a COMMON-WEALTH]

[The Generation of a Common-wealth.] The only way to erect such a Common Power, as may be able to defend them from the invasion of Forraigners, and the injuries of one another<...>

is to conferre all their power and strength upon one Man, or upon one Assembly of men, that may reduce all their Wills, by plurality of voices, unto one Will: which is as much as to say, to appoint one man, or Assembly of men, to beare their Person; and every one to owne, and acknowledge himselfe to be Author of whatsoever he that so beareth their Person, shall Act, or cause to be Acted, in those things which concerne the Common Peace and Safetie; and therein to submit their Wills, every one to his Will, and their Judgments, to his Judgment. This is more than Consent, or Concord; it is a reall Unitie of them all, in one and the same Person, made by Covenant of every man with every man, in such manner, as if every man should say to every man, *I Authorise and give up my Right of Governing my selfe, to this Man, or to this Assembly of men, on this condition, that thou give up thy Right to him, and Authorise all his Actions in like manner.* This done, the Multitude so united in one Person, is called a COMMON-WEALTH, in latine CIVITAS. This is the Generation of that great LEVIATHAN, or rather (to speake more reverently) of that *Mortall God*, to which wee owe under the *Immortall God*, our peace and defence [The Project Gutenberg EBook of Leviathan, by Thomas Hobbes, 2009].

Извлечения сделаны из переиздания классического текста, подготовленного Эдвардом Уайтом (Edward White) и Дэвидом Уиджером (David Widger) в 2009 году. Это, по утверждению одного из публикаторов (предположительно Уайта, – судя по написанной от первого лица, но не авторизованной преамбуле), реконструкция, хотя, она в максимальной степени приближена к первоисточнику 1651 года. Уайт говорит о намерении как можно точнее следовать оригиналу, чтобы придать тексту тот колорит, который предпочитал сам Гоббс. В частности, он обращает внимание, что автор «Левиафана» широко использовал эмфазу, капитализацию и курсив – для акцентуации, при написании имен собственных, для цитат. А иногда и «просто так» – по причинам, которые сегодня установить невозможно, поскольку, как иронизирует Уайт, ни у Гоббса, ни у его наборщиков, похоже, не было излишних запретов на орфографию и пунктуацию. При подготовке текста публикатор также обнаружил, что тот приобретает гораздо больше смысла, если его читать, артикулируя, вслух, а не пытаться воспроизводить молча. Именно в таком случае начинают работать и используемые Гоббсом акценты, и его «эксцентричная пунктуация», и конструкция в целом [The Project Gutenberg EBook of Leviathan, by Thomas Hobbes, 2009].

Язык «Левиафана» – ранненовоанглийский (*Early Modern English*), что закономерно применительно к эпохе Шекспира и его ближайших потомков. Однако для актуальных носителей англо-американского сознания усложненная авторская стилистика, по всей видимости, неодолима. Внутренний ритм предложений, отбиваемый в одних случаях двоеточием, в других – точкой с запятой, мало привычен для читательского «слуха» (из

ближайших – русскоязычных – аналогов можно назвать только Андрея Белого). Современный носитель «живого» английского не расположен к погружению в архаику. В качестве подтверждения тезиса приведу извлечение из «Левиафана», подготовленного к изданию Джонатаном Беннетом (Jonathan Bennett) в 2004–2006 годах.

[Chapter 16. Persons, authors, and things personated]

Sometimes the words and deeds of those who represent someone are acknowledged as their own by those whom they represent; and in such a case the one who represents is called the ‘actor’ and the one who is represented is called the AUTHOR, as the one by whose *authority* the actor acts. For what we call an ‘owner’ (Latin *dominus*) when *goods and possessions* are the topic is called an ‘author’ when the topic is *actions*; so that being the author of an action is strictly analogous to being the owner of a house. And as the right of possession is called ‘dominion’, so the right of performing some action is called AUTHORITY. Thus, *authority* is always understood as a right of performing some act; and *done by authority* means done by commission or licence from him whose right it is [Leviathan. Part I; 2017].

[Chapter 17. The causes, creation, and definition of a commonwealth]

The only way to establish a common power that can defend them from the invasion of foreigners and the injuries of one another <...> is to confer all their power and strength on one man, or one assembly of men, so as to turn all their wills by a majority vote into a single will. That is to say: to appoint one man or assembly of men *to bear their person*; and everyone to own and acknowledge himself to be the author of every act that he who bears their person performs or causes to be performed in matters concerning the common peace and safety, and all of them to submit their wills to his will, and their judgments to his judgment. [Hobbes explains the key concepts of that sentence early in Chapter 16 (Здесь и далее в квадратных скобках уменьшенным кеглем воспроизводятся собственные комментарии публикатора – В. Б.)] This is more than mere agreement or harmony; it is a real *unity* of them all. They are unified in that they constitute one single person, created through a covenant of every man with every other man, as though *each* man were to say to *each* of the others:

I authorize and give up my right of governing myself to this man, or to this assembly of men, on condition that you surrender to him your right of governing yourself, and authorize all his actions in the same way.

[Rather than ‘you’ and ‘your’, Hobbes here uses ‘thou’ and ‘thy’—the second-person singular, rare in Leviathan—emphasizing the one-on-one nature of the covenant.] When this is done, the multitude so united in one person is called a COMMONWEALTH, in Latin CIVITAS. This is the method of creation of that great LEVIATHAN, or rather (to speak more reverently) of that *mortal god* to which we owe, under the immortal God, our peace and defence [Leviathan. Part II, 2017].

Принципиальные различия между вариантами *одного* источника очевидны. Во втором случае мы видим не тривиальную редакцию оригинала, но самый настоящий его перевод – с ранненовоанглийского на современный английский. Очевидно, сделано это для облегчения понимания книги, чтобы студенты и широкая читательская аудитория не сочли ее «эзотерической». Дж. Беннет не отвлекается ни на структуру гоббсовского текста, ни на индивидуальность авторской стилистики и пунктуации. Он переформатирует его так, как считает правильным, сам устанавливая правила. Авторские указания на полях (рубрикация текста, позднейшими издателями превращенная в так называемые «форточки») игнорируются. Публикатор не питает никакого пиетета не только к курсиву, но и непосредственно к тексту: так, например, исчезает греческий аналог слова «собственник». Здесь мы имеем дело с типичной адаптацией, которая, выпрямляя мысль автора, вполне допускает и прямые искажения. Учитывая разночтения предшествующих *авторских* редакций (помимо английской, была еще и латинская, 1668 года), Дж. Беннет включает в текст Гоббса собственные комментарии. Данное издание отличают и собственные внутритекстовые пометы Беннета: он удваивает пробелы в случаях вносимых изменений, а также маркирует жирной точкой некоторые отрезки текста, для «лучшего его понимания» [Leviathan. Part I, 2017].

В настоящий момент я не решаю задачу сравнительного анализа многочисленных редакций «Левиафана» на родном языке. Но даже элементарное сопоставление двух современных *переизданий* Т. Гоббса показывает, что англоязычная наука никогда не оставляла и до сих пор не прекращает текстологическую работу при подготовке главного произведения философа к печати. На этом фоне отечественный читатель по-прежнему довольствуется переводом 1936 года, который в лучшем случае усовершенствован последующими редакциями, малозаметными для непритворного читателя. Далее привожу уже известные фрагменты «Левиафана» по-русски в последней редакции 1991 года.

[Глава XVI. О личностях, доверителях и об олицетворенных вещах]

Представитель. Доверитель. Полномочие. Что касается искусственных лиц, то слова и действия некоторых из них признаются как *свои* теми, кого они представляют. И тогда личность является *представителем*, а тот, кто признает своими его слова и действия, есть их *доверитель*. В этом случае представитель действует по полномочию. Ибо доверитель в отношении, действий есть то же самое, что собственник – по-латыни *dominus*, по-гречески *κύριος* в отношении имущества и владения. И подобно тому как право владения называется *властью*, так право производить какое-нибудь действие называется *полномочием*; так что под полномочием всегда понимается право производить какой-

нибудь акт, а сделать *по полномочию* – значит сделать по поручению или с разрешения того, кому это право принадлежит [Гоббс, 1991, с. 124–125].

[Глава XVI. О причинах, возникновении и определении государства]

Происхождение государства (Commonwealth). Определение государства. Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу <...> может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. Это больше чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: *я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия*. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется *государством*, по-латыни – *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой [Гоббс, 1991, с. 132–133].

Редакторы издания указывают в преамбуле к «Примечаниям», что за основу был взят перевод А. Гутермана, и что текст прошел дополнительную сверку «с английским оригиналом». Далее следует ссылка на авторитетное издание, подготовленное сэром Уильямом Моулсвортом (Sir William Molesworth, 8th Baronet) [The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury, 1839]. Правда, известный английский политик, который значительную часть жизни посвятил подготовке к печати наследия Т. Гоббса, почему-то именуется здесь У. Моллесуортом [Гоббс, 1991, с. 625]. Но отнесем недочет к проблемам с транскрибированием сложных английских фамилий. Некоторые комментаторы (А. В. Магун) аттестуют данный перевод как «канонический» [Скиннер, 2006, с. 18], однако имеют ли смысл подобного рода оценки, если никакого канона не существует даже на языке оригинала? Чтобы не показаться голословным, представлю альтернативу: фрагменты

текста Гоббса по-русски – в собственном изводе (в угловых скобках дополнения принадлежат переводчику).

[Гл. 16. О ПЕРСОНАХ, АВТОРАХ, и предметах Персонафицированных]

[Актор, Автор, Авторитет.] Из Персон Искусственных некоторые используют <как> свои слова и действия, *Принадлежащие* тем, кого они олицетворяют. И тогда Персона есть *Актор*; а тот, кому принадлежат его слова и действия, есть АВТОР: В этом случае Актор действует благодаря Авторитету. Как того, кто владеет товарами и вещами, называют *Собственником*, а по-латыни *Господином*, по-гречески *хозяином*; владеющего Действиями называют Автором. И как Право владения именуется Господством, так Право совершать любое Действие называется АВТОРИТЕТОМ. Так что под Авторитетом всегда понимается Право совершения любого действия: иначе *осуществленное благодаря Авторитету*, осуществленное по Поручению, или Лицензии того, чье это право есть.

[Гл. 17. О Причинах, Образовании и Определении ОБЩЕ-ЖИТИЯ]

[Образование Обще-жития.] Единственный способ установить такую Общую Власть, которая была бы в состоянии защитить их от вторжения Чужаков и от причинения вреда друг другу <...> это наделить всей их властью и силой одного Человека или одно Собрание людей, которые смогут свести все их Воли, большинством голосов, к одной Воле: иначе говоря, уполномочить одного человека или Собрание людей нести их Персону; и каждому присваивать и признавать себя Автором во всем, как будет Действовать или станет причиной Действия тот, кто так носит их Персону, в тех ситуациях, которые касаются Общего Мира и Безопасности; а также, тем самым, каждому подчинить собственные Волеизъявления его Воле и собственные Суждения его Суждению. Это больше, чем Позволение или Согласие; это подлинное Единение их всех в одной и той же Персоне, состоявшееся благодаря Соглашению каждого человека с каждым человеком, таким образом, как если бы каждый человек мог сказать каждому человеку: *Я отказываюсь от своего Права Управления собой и Авторизую данного Человека или данное Собрание людей при том условии, что ты откажешься от своего Права и Авторизуешь все его Действия таким образом.* Множество, так объединившееся в одной Персоне, называется ОБЩЕ-ЖИТИЕМ, по-латыни КИВИТАС. Таково Образование того великого ЛЕВИАФАНА, вернее (если изъясняться более благоговейно), того *Смертного Бога*, которому мы, под *Бессмертным Богом*, обязаны нашим миром и защитой.

Не претендуя на совершенство представленного варианта, полагаю необходимым высказаться по поводу принципов, которыми руководствовался. Очевидным было предпочтение *дословного* перевода *литературному*. В качестве «исходника»

рассматривались разные варианты, однако выбор был сделан в пользу текста, подготовленного Э. Уайтом. Все его особенности – включая пунктуацию, употребление курсива, постоянное использование приема капитализации, написание слов, состоящих исключительно из прописных букв, – я считал обязательным воспроизводить буквально. Чем можно оправдать «калькирование»? Считаю, что исполняющий обязанности «переводчика» (так, по крайней мере, определяю свою функцию) должен поступать как реставратор, возвращающий исходный вид произведению искусства. Смыслы оригинала приоткрываются не в осовременивании лексических оборотов и словоформ, не в «разглаживании» речевых конструкций для понимания неким усредненным читателем, но в максимальном следовании за автором.

Важно упомянуть, что первое издание «Левиафана» вышло в Лондоне, в то время как его автор еще находился в Париже (переезд состоялся чуть позже). Отсюда, собственно, и проистекает ироническое замечание Э. Уайта относительно неконтролируемых действий наборщиков текста. Мне трудно судить о степени легитимации Т. Гоббсом всех стилистических особенностей первоиздания, однако доверимся в данном случае публикатору. «Левиафан» – сочинение философа, не избегающего символизма, но в значительно большей степени педанта-ученого, склонного к точному мышлению. Думаю, автор в полной мере отдавал отчет о связи логических и стилистических конструкций собственного текста. За курсивами, заглавными буквами в именах существительных стоит осознанная или бессознательная стратегия формализации научных категорий.

Переводчик не может не учитывать тот факт, что он имеет дело не с «апофеозом беспочвенности» (Л. Шестов) – продуктом фантазирующего автора или беспечного наборщика, а с особым парадигматическим полем, «ризомой», если говорить современным философским языком. Судя по «Левиафану» и другим примыкающим к нему текстам – в начале 1640 гг. были написаны такие политико-философские сочинения, как «Элементы права, естественные и политические» (*The Elements of Law, Natural and Politic*) и «О Гражданине» (*De Cive*), – Гоббса постоянно занимало творение новых концептов – то, что Ж. Делёз и Ф. Гваттари определяют как «предмет философии» [Делёз, Гваттари, 2009, с. 9]. Главный труд английского мыслителя содержит множество взаимосвязанных семантических оппозиций: естественное/искусственное (*Natural/Artificial*), актер/автор (*Actor/Author*), один/множество (*One/Multitude*), угроза/безопасность (*Threat/Security*), соглашения/договор (*Covenants/Contract*), подданный/глава (*Subject/Sovereigne*), политическое тело/общество (*Body Politique/Common-Wealth*) и др. Укорененность некоторых концептов в настоящем может стать источником заблуждения, будто они

существовали всегда. Однако на тот момент истории социальная, политическая науки еще только начинали утверждаться в собственных правилах, логических и грамматических.

Не-установленность, не-узаконенность научного дискурса того времени хорошо иллюстрирует позднейшая (1817) инвектива Т. С. Кольриджа: «...в царствование Карла II весь философский мир восстал против моральных софизмов Гоббса, и самые умные писатели лезли из кожи вон, чтобы найти ошибку, которую ныне может обнаружить любой школьник, просто-напросто припомнив, что слова “принуждать” и “обязывать” выражают две идеи, в корне отличающиеся друг от друга, и что одна неправомерно подменялась другой из-за путаницы в терминах» [Кольридж, 1987, с. 89]. К сожалению, большинство пост-гоббсовских английских публикаторов – и упомянутый выше У. Моулсворт, и ученые, готовившие в Оксфорде «репринтного» «Левиафана», который впервые увидел свет в 1909 году, а впоследствии выдержал множество переизданий [Hobbes's Leviathan, 1909], – данный контекст игнорировали, считая возможным подменять авторскую *волю* редакторским *произволом*. Тот же трюк проделали и переводчики-редакторы «Левиафана» на русский: проигнорировав метафорику, они представили Гоббса как юридического позитивиста. Ограничусь двумя примерами.

В «каноническом» переводе первого фрагмента *Actor* превращается в *представителя*, *Author* – в *доверителя*, *Authority* – в *полномочие*. Нарисованная переводчиком и дорисованная редакторами картина живописует отношения, возникающие между адвокатом и его клиентом при судебном разбирательстве. Очевидно, что такая трактовка уместна: как аналогия. Гоббс сам указывает на театр и суд – два вида деятельности, где человек наделяет доверием тех, кто его представляют. Между тем, базовый постулат «Левиафана» заключен в другом тезисе (он присутствует за рамками переведенных фрагментов): «каждый человек – Автор». *Автор* – носитель воли, свое-волия. Это тот, «кому принадлежат его слова и действия»; в конце концов, он единственный, кто может применить к себе местоимение «Я».

Согласимся, что между вынужденными действиями *доверителя*, и добровольными – *Автора* пролегает дистанция огромного размера и смысла. В случае, когда человек использует чужие слова, и поступки его продиктованы чужой волей, он именуется *Актером*. Актеры - это «действующие лица и исполнители», как пишут в театральных программках. Основная функция *Актера* (он же: Актер, лице-дей), подобно сценической маске, «нести на себе Персону»; представлять, о-лице-творять *Автора*. За созвучием *Авт* и *Акт* скрывается уподобление интенции и действия. Совсем необязательно *Автор*, как источник своеволия, одновременно является его проводником. Он может делегировать

собственную волю *Актору*, чтобы тот действовал от его имени, иными словами, – лицетворил. Действия *Актора* авторизуются *Автором*, то есть признаются своими, присваиваются. Лицетворение со стороны *Актора* и присвоение, авторизация со стороны *Автора* – такими словами, обозначающими жизнедеятельность в социуме, можно описать исходную формулу Гоббса. Завершающая фигура картины мира в «Левиафане» – Глава. Этот всеобщий Лицетворитель есть супер-Актор: его действия признаются, как свои, всеми, благодаря итоговому Договору, который возникает в результате Соглашения каждого с каждым.

Здесь я изложил *собственный* взгляд на то, что в современной иноязычной научной литературе давно и успешно рассматривается в качестве «теории авторизации» Гоббса [Gauthier, 1969]. Возможно ли концептуализировать нечто подобное, следуя концептам из «канонического» перевода? Вопрос риторический, и ответ на него отрицательный: говорить о присутствии таковой теории в русскоязычном научном пространстве не приходится.

Другой пример потенциального расширения смыслов «Левиафана» соотносится со вторым фрагментом. Большинство специалистов в области политической философии называют английского философа одним из основоположников идеи «общественного договора» и конструктором «договорной теории государства». При этом упускается из виду логическое несоответствие этих посылок: что именно является финальной целью *Договора* – общество или государство? В самом тексте книги существительное «договор» нигде не отягощается прилагательным «общественный». Другое дело, что целевой функцией *Договора* действительно является образование новой сущности, которая может быть истолкована в обоих смыслах.

Ключевому концепту «Левиафана», которым оперирует Гоббс – *Common-Wealth*, русские переводчики и комментаторы присвоили значение «государство». Во втором фрагменте присутствует еще и латинский аналог *Civitas*. Философ, между тем, имплицитно указывает на источники происхождения данных терминов. В первом случае это аллюзия на Аристотеля, который открывает «Политику» тезисом: «всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага» [Аристотель, 1983, с. 376]. Правда, слово, переведенное здесь с древнегреческого как «государство», в оригинале звучит иначе: «полис». Мы привычно ассоциируем сегодня «полис» с «государством», хотя перевод середины XIX столетия подсказывает возможность иной интерпретации: полис есть «форма общежития граждан» [Политика Аристотеля, 1865, с. 100]. Во втором случае автор «Левиафана» отсылает читателя к основополагающему концепту диалога Цицерона «О государстве», где говорится опять же не о «государстве» в

современном толковании, а о «сообществе граждан»: «...имею в виду гражданственность и устройство жизни народов...» [Цицерон, 1966, с. 55]. Вот почему я, учитывая указанные обстоятельства, использовал для обозначения целевой функции гоббсовского *Договора* термин «Обще-Житие».

Справедливости ради следует сказать, что во «Введении» к «Левиафану» автор усложняет формулу, добавляя в нее третий (средний) элемент – *State*: «For by Art is created that great LEVIATHAN called a COMMON-WEALTH, or STATE, (in latine CIVITAS)» [The Project Gutenberg EBook of Leviathan, by Thomas Hobbes, 2009]. В современном словаре это слово первостепенно определяется как «государство». Но релевантно ли данное значение для середины XVII века? В словарях ранненовоанглийского языка не находим подтверждения: речь идет о состоянии, положении и т. п. Куда ближе к «государству» другой термин Гоббса – *Body Politique*; впрочем, толкование данного концепта требует более тщательных изысканий.

В заключение хотелось бы отметить, что намеренная «архаизация» перевода закономерно ведет к усложнению и умножению комментариев. Новый перевод «Левиафана» должен быть ориентирован не только на «читателя», но и на «понимателя». «Пониматель» – он же «герменевт»: так именовали в древнехристианской Церкви толкователя Библии и одновременно ее переводчика. Современный герменевт должен взять на себя миссию толкования; иначе говоря, переводчик не должен игнорировать комментарии, а комментатор (в идеале) представлять иноязычные тексты в собственном переводе.

Список литературы:

- Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644 (пер. С. А. Жебелева).
- Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 3–545 (пер. А. Гутермана).
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Академический проект, 2009. 262 с. (пер. С. Зенкина).
- Кольридж Т. С.* Biographia Literaria, или Очерки моей литературной судьбы и размышления о литературе // Т. С. Кольридж. Избранные труды. М.: Искусство, 1987. С. 38–185 (пер. В. М. Герман). Политика Аристотеля. М.: Университетск. тип., 1865. 369 с. (пер. Н. Скворцова).
- Скиннер К.* Свобода до либерализма. СПб.: Изд-во Европ. Ун-та, 2006. 120 с. (пер. А. В. Магуна).
- Филлипов А. Ф.* Устройство власти в «Левиафане» Томаса Гоббса // Т. Гоббс. Левиафан. М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 5–45.
- Цицерон*. О государстве // Цицерон. Диалоги. М.: Наука, 1966. С. 55 (пер. В. О. Горенштейна).
- Gauthier D. P.* The Logic of Leviathan: The Moral and Political Theory of Thomas Hobbes. Oxford: Clarendon Press, 1969. 217 pp.
- Hobbes's Leviathan. Reprinted from the edition of 1651. Oxford: Oxford University Press, 1909. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://files.libertyfund.org/files/869/0161_Bk.pdf

Leviathan, by Thomas Hobbes. Part I / [Produced by] Jonathan Bennett. 2017. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/hobbes1651part1.pdf>

Leviathan, by Thomas Hobbes. Part II / [Produced by] Jonathan Bennett. 2017. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/hobbes1651part2.pdf>

The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury / By William Molesworth. Vol. III. London, 1839. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <https://archive.org/details/englishworkstho00unkngoog/page/n5>

The Project Gutenberg EBook of Leviathan, by Thomas Hobbes / Produced by Edward White, and David Widger. 2009. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/3207/3207-h/3207-h.htm>

Ван Суян
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В.Ломоносова
г. Москва (Россия)

Wang Suyang
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» И ЕГО
ПЕРЕВОДА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК)**

**TRANSLATION OF IDIOMS FROM THE RUSSIAN TO CHINESE
(ON THE MATERIAL OF NOVEL L.N. TOLSTOY «ANNA KARENIN» AND ITS
TRANSLATION TO THE CHINESE LANGUAGE)**

В статье проводится анализ фразеологизмов русского языка и их переводе на китайский язык в культурологическом и функционально-стилистическом аспектах.

Фразеологизмы как квинтэссенция национального языка несут в себе информацию о национальном колорите и культурном своеобразии, они формируются не только под влиянием географических и исторических условий, но и под влиянием религиозных факторов.

Материалом для исследования послужили фрагменты из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», где встречаются фразеологизмы, и их переводы на китайский язык.

Автор выбрал две переводческие версии (перевод Чжоу Янь, опубликованный в ноябре 1956 г. и перевод Цао Ин опубликованный в апреле 1982 г.) на китайский язык в качестве примеров и сделал вывод, что переводчик должен передавать смысл и отражать стиль оригинала, а также должен выполнить перевод таким образом, чтобы текст был максимально понятен читателю.

The article analyzes the idioms from Russian to Chinese in the aspect of cultural connotation and the functional and stylistic aspect.

Idiom as the quintessence of the national language, it contains rich national cultural information, it was formed under the influence of not only geographical and historical factors, but also religious.

The material for the study was fragments from the novel by L.N. Tolstoy "Anna Karenina", where there are idioms, and their translations into Chinese. The author chose two translation versions (Zhou Yan's translation published in November 1956 and the translation of Cao Ying published in April 1982) into Chinese as examples and concluded that the translator should convey the meaning and reflect the style of the original, to make the text as clear as possible to the reader.

Ключевые слова: фразеологизм, перевод, переводоведение, Л.Н. Толстой, роман «Анна Каренина».

Keywords: idiom, translation, translation studies, L.N. Tolstoy, novel "Anna Karenina".

Фразеологизмы представляют собой фиксированную комбинацию слов. Они существуют как готовые языковые единицы и часто встречаются как в устной, так и в письменной речи. Фразеологизмы как специфический лингвистический феномен имеют

особую языковую структуру и отражают те культурные реалии, которые существуют в обществе.

Н.М. Шанский писал: «Фразеологизм – это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная по своему значению, составу и структуре» [Шанский, 1985, с.20]. По мнению В.Н. Телия, «фразеологизм – это общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [Телия, 1981, с.48].

В китайской научной литературе для объяснения понятия «фразеологизм» можно найти целый ряд определений: «Фразеологизм – это фиксированная фраза с простой формой и метким значением (*перевод автора статьи*). 成语是一种相沿习用，形式简洁而意义精辟的固定短语 [Ван Гохуа, 2003, с.206]. «Фразеологизм – это идиома, фиксированная фраза, состоящая в основном из четырех слов. Китайские фразеологизмы разнообразны и имеют разное происхождение. Для большинства фразеологизмов используется переносное значение, некоторые могут быть поняты буквально, а для некоторых необходимо обращение к первоисточнику, чтобы понять значение» (*перевод автора статьи*). 成语是熟语的一种，是一种习用的固定词组。在汉语中多数由四个字组成。汉语成语组织多样，来源不一。所指多为确定的转义，有些可从字面理解，有些要知来源才能懂。 [Цыхайский редакционный комитет, 2002, с.206].

Из вышеприведенных определений данного понятия можно сделать вывод, что в русском языке охват понятия «фразеологизм» шире, чем в китайском языке. Но можно выделить и общие характеристики для данного понятия в обоих языках: 1) целостность и 2) структурность.

Переводя фразеологические единицы с русского или с китайского языков, мы не должны передавать их значение буквально или стараться сложить общее значение фразы из отдельных слов. Переводчик всегда должен учитывать целостность семантики, поскольку фразеологизмы – своеобразная квинтэссенция национальной культуры, они передают национальные особенности, то есть содержат в себе культурную коннотацию. В процессе

перевода фразеологизмы с культурной коннотацией понять достаточно трудно, но для достижения адекватности в переводе - необходимо.

Характерные национальные черты находят свое отражение во фразеологизмах: это и окружающая среда, и культурные традиции, обычаи, и религия страны.

Каждая нация существует и развивается в определенной окружающей среде, поэтому появление некоторых фразеологизмов у народов, принадлежащих разным национальностям, тесно связано с климатическими условиями и географическим своеобразием.

В России долгая и холодная зима, короткое лето, из-за сурового климата русский народ должен был достаточно часто преодолевать трудности, и для того чтобы выжить, ему приходилось выбирать для питания высококалорийный и хорошо сохраняемый при низких температурах хлеб. Именно поэтому такое понятие, как «хлеб», часто используется во многих фразеологизмах, отражающих особенности русской национальной культуры. Для своего исследования мы выбрали роман «Анна Каренина» известного русского писателя Л.Н. Толстого.

Лев Николаевич Толстой - один из иностранных писателей, которых любит и знает китайский народ. Его произведение «Анна Каренина» также достаточно популярно в Китае. Для исследования мы выбрали два перевода романа на китайский язык (перевод Чжоу Янь, опубликованный в ноябре 1956 г. и перевод Цао Ин, опубликованный в апреле 1982 г.). Чжоу Янь — первый переводчик, который перевел «Анну Каренину» на китайский язык. Цао Ин более 60 лет занимался переводом русских литературных произведений на китайский язык и перевел большое количество русских литературных произведений. Он перевел все произведения Толстого на китайский язык, его переводы наиболее известны в Китае.

Проанализируем фрагменты текста, где используется лексема «хлеб», из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и его переводы на китайский язык, выполненные переводчиками, о которых было сказано выше.

Например:

Мужчине мужественным, воздержным и твердым, что надо воспитывать детей, зарабатывать свой хлеб, платить долги. (Москва : Издательство «Э» 2017. –116 с.)

男人应该勇敢、有自制力、坚强不屈；应当教育孩子挣钱谋生,偿还债务。(перевод Чжоу Янь)

男人要有丈夫气概，要刚强持重，要教育孩子，**自食其力**，要偿清债务。(перевод Цао Ин)

Фразеологизм «зарабатывать свой хлеб» означает «добывать своим трудом средства для существования». Здесь Чжоу Янь (переводчик романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина») переводит этот фразеологизм на китайский язык следующим образом - 挣钱谋生, что буквально означает «зарабатывать деньги, чтобы жить лучше». Переводчик Цао Ин (переводчик романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина») перевел данную фразеологическую единицу на китайский язык как **自食其力** - буквально «жизнь основана на моем собственном труде». Оба переводчика хорошо поняли значение русского фразеологизма «зарабатывать свой хлеб» и использовали трансформационный метод перевода, чтобы китайские читатели лучше смогли понять смысл данного фрагмента.

А.Д. Швейцер писал, что «термин «трансформация» используется в переводоведении в метафорическом смысле. На самом деле речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе перевода одной формы выражения другой ...» [Швейцер, 1988, с. 118]. В.Н. Комиссаров считал, что «переводческие трансформации – это преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле. И, поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц» [Комиссаров,1990, с. 172]. В.Н. Комиссаров подразделяет все трансформации на лексические, грамматические и комплексные лексико-грамматические [Комиссаров,1980, с. 168]. В данном фрагменте текста при переводе фразеологизма переводчики использовали лексические трансформации, чтобы перевод был адекватным и понятным.

Приведём ещё один пример.

*Подлость? Если вы хотите употребить это слово, то подлость это то, чтобы бросить мужа, сына дяде любовника и **есть хлеб мужа**.* (Москва: Издательство «Э» 2017. – 364 с.)

«**卑鄙！要是您喜欢用这个字眼的话，为了情人抛弃丈夫和儿子，同时却还在**吃丈夫的面包**，这才真叫做卑鄙！**» (перевод Чжоу Янь)

«卑鄙吗？假如你喜欢用这个字眼，那么我说，为了情人，抛弃丈夫，抛弃儿子，却又吃着丈夫的面包，这才叫做卑鄙！» (перевод Цао Ин)

Фразеологизм «есть хлеб мужа» означает «жить за счёт мужа». Перевод на китайский язык следующий: **依靠丈夫生活**. Буквально этот фразеологизм можно перевести следующим образом: «жить, опираясь на мужа». В тексте романа переводчики Цао Ин и Чжоу Янь прибегают к дословному переводу и допускают ошибку: они плохо поняли значение данного фразеологизма, и поэтому китайские читатели вряд ли правильно поймут смысл этого фрагмента текста.

Религия играет важную роль в жизни русского человека, поэтому многие русские фразеологизмы заимствованы из Библии. Например:

А кто бросит камень? — сказал Алексей Александрович, очевидно довольный своей ролью. — Я все простил и потому я не могу лишать ее того, что есть потребность любви для нее — любви к сыну... (Москва: Издательство «Э» 2017 с.516)

«谁能够**投石头打人**呢^①?»阿列克谢·亚历山德罗维奇说，显然很满意他所扮演的角色。“我完全饶恕了她，所以我不能够拒绝她心中的爱——对儿子的爱——所要求的事情……» (Чжоу Янь)

①«圣经·新约·约翰福音»第八章：众人捉到一个犯奸淫的妇人带到耶稣面前，要用石头投她。耶稣说，没有罪的人可以用石头投她。结果人们都散去。

«可是谁愿意**落井下石**呢?»卡列宁说，对他扮演的角色显然很满意，“我饶恕了她的一切，因此我也不能剥夺她心中的爱，对儿子的爱……» (Цао Ин)

Фразеологизм «бросить камень» означает «осудить», его официальный перевод на китайский язык **苛责**, дословный перевод **投石头打人**. Здесь Цао Ин выбрал для перевода на китайский язык фразеологизм **落井下石**, что дословно означает: «когда человек падает в колодезь, его не только не спасали, а напротив, и сбрасывали вслед за ним камень». А Чжоу Янь, выбрав дословный перевод, добавил переводческий комментарий. Он писал, что фразеологизм «бросить камень» восходит к Библии. Когда книжники и фарисеи, искушая Иисуса, привели к нему женщину, уличённую в прелюбодеянии, Иисус сказал: «Кто из вас без греха, первый брось в неё камень», и люди ушли.

Комментарий является одним из основных способов компенсации смысловых потерь при переводе, чтобы носитель одной культуры понял и прочувствовал тонкости другой, художественный текст, на наш взгляд, необходимо сопровождать комментарием. Т.А. Казакова считает, что переводческий комментарий следует рассматривать как дополнительный приём, сопровождающий слова, переведённые с помощью любого способа лексико-семантической трансформации, но при этом требующие расширенного пояснения, например, если толковые словари не дают вокабулы, достаточно глубокой для данного контекста, или само понятие вообще отсутствует или трактуется иначе в переводящей культуре [Казакова, 2001, с.113]. Переводчик Чжоу Янь добавил комментарий, чтобы читатели лучше поняли культурную коннотацию, заложенную в данном фразеологизме.

Таким образом, переводчик может более точно переводить фразеологизмы с культурными коннотациями, если они сами понимают русскую национальную культуру.

Кроме аспекта культурной коннотации, переводчик тоже должен обратить внимание на стилистические свойства фразеологизмов.

И русские, и китайские фразеологизмы имеют экспрессивно-стилистические свойства. С точки зрения экспрессивно-стилистических свойств Н.М. Шанский выделяет следующие группы фразеологических оборотов: межстилевые, разговорно-бытовые, книжные. [Шанский, 1985 с. 87].

Межстилевые фразеологические обороты – «это устойчивые сочетания слов, известные и употребляемые во всех стилях языка» [Жуков, 1967, с. 21].

Разговорные бытовые фразеологические обороты – «это устойчивые сочетания слов, преимущественно или исключительно употребляемые в устной речи». Они имеют образный характер и отличаются экспрессивно-стилистической окраской (ласкательной, бранной, иронической, презрительной, шутивной и т.д.) [Жуков, 1967, с. 28].

Книжные фразеологические обороты – «это устойчивые сочетания слов, преимущественно или исключительно употребляемые в письменной речи». Они отличаются сферой употребления (письменная речь) и «повышенной» экспрессивно-стилистической окраской (книжной, торжественной, патетической, поэтической и др.) [Жуков, 1967, с. 35].

Китайские фразеологизмы основан на современной китайской стилистике Чжан Гуна. Он делится на две категории: «разговорный стиль» и «книжный стиль».

Например: *Вронский покатился со смеху. И долго потом, говоря уже о другом, закатывался своим здоровым смехом, выставляя свои крепкие сплошные зубы, когда вспоминал о каске.* (Москва : Издательство «Э» 2017. –118 с.)

弗龙斯基捧腹大笑。好久以后，在他谈别的事情的时候，他一想到头盔，就又爆发出他那种健康的笑声来，露出两排健全的密密的牙齿。

В этом предложении фразеологизм «покатиться со смеху» в русском языке относится к разговорному стилю и означает «громко, безудержно смеяться». В китайском языке 捧腹大笑 : 形容遇到极可笑的事情, 笑得不能抑制 этот фразеологизм означает «встречать смешные вещи» и относится к книжному стилю.

Приведём ещё один пример :

Он улыбнулся своею холодною улыбкой. «— Здесь столько блеска, что глаза разбежались», — сказал он и пошел в беседку. (Москва : Издательство «Э» 2017. –208 с.)

他露出冷冷的微笑。这里真是五光十色，不免叫人目迷五色了，他说着，向亭子走去。

Фразеологизм «глаза разбегаются» означает «кто-либо не может сосредоточить взгляд на чём-либо из-за разнообразия впечатлений», перевод на китайский язык следующий: 目迷五色 : 形容颜色又多又杂, 使人看得眼花。也比喻事物错综复杂, 令人分辨不清。Дословно это означает «многие и разные цветы заставляют людей выглядеть ослепительно», помимо этого, он также означает, что «дело может быть достаточно сложным и поэтому сложно принять однозначное решение». Этот фразеологизм в русском языке относится к разговорному стилю, а в китайском языке - к книжному стилю.

Таким образом, переводчик, работая с фразеологизмами, должен учитывать их стилистические свойства.

Хороший перевод должен быть максимально близок к тексту оригинала. Близость к исходному тексту не означает, что перевод должен быть буквальным. Он должен передавать смысл и отражать стиль оригинала. Для этой цели могут быть использованы различные методы перевода, и в процессе перевода следует сравнивать и выбирать те, которые помогут сделать текст максимально понятным читателю.

Список литературы:

- Жуков В.П. Офразеологизмах с оценочным значением. //Уч. зап. Новгород.пед. ин-та.1967. – 68 с.
Казакова Т.А. Практические основы перевода. English <=> Russian [Текст] / Т.А. Казакова. - СПб.: Перспектива: Союз, 2001. - С. 113.
Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М.: Высш. шк. 1990. – 254 с.
Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 168 с.

Телия В.Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке. – М.: Международные отношения, 1981.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – с.20

Швейцер А.Д. Теория перевода. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

邢福义, 汪国化现代汉语 [M]. 湖北: 华中师范大学出版社 2003.

辞海编辑委员会辞海 Цыхайский редакционный комитет [M], 上海世纪出版股份有限公司, 上海辞书出版社 2002.

Васина Е.А.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Vasina Ekaterina
Higher School of Translation and Interpretation (faculty)
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**УСТНЫЙ ПЕРЕВОД НА СЛУХ С КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ –
РАЗРАБОТКА УПРАЖНЕНИЙ ПО УЛУЧШЕНИЮ ВОСПРИЯТИЯ И
ПОНИМАНИЯ НА СЛУХ ДЛЯ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ**

**INTERPRETATION IN CHINESE-RUSSIAN AND RUSSIAN-CHINESE – HOW TO
HEAR BETTER?
(EXERCISES TO IMPROVE LISTENING SKILLS OF CHINESE AND RUSSIAN
STUDENTS)**

Устный перевод без опоры на текст – один из самых сложных этапов в процессе преподавания и обучения переводу для российских и китайских студентов. Здесь неоспоримо влияние специфических языковых особенностей ИЯ, лингвистической подготовки и общих фоновых знаний студентов, степени сознательности в выборе будущей профессии и многих других факторов. Поэтому весьма актуальной видится задача разработки определенных упражнений и методических рекомендаций, которые смогут помочь в освоении курсов «Устный перевод на слух с китайского языка» (для российских студентов) и «Устный перевод на слух с русского языка» (для китайских студентов).

Interpretation training is one of the most difficult stages in the process of teaching Russian and Chinese future interpreters. The influence of specific language features of mother tongue, linguistic and general background knowledge of students, conscious or unconscious choice of future profession and many other factors are indisputable. Therefore, good teaching techniques and methods, as well as new exercises for training courses seem very relevant.

Ключевые слова: устный перевод, китайский язык, русский язык, методический аспект.

Keywords: Interpretation training, Chinese language, Russian language, methodological aspect.

Устный перевод без опоры на текст с китайского языка для носителей русского языка и с русского языка для носителей китайского языка является одним из самых трудных видов перевода на протяжении всей профессиональной карьеры.

К сожалению, сложности, возникающие даже у маститого переводчика, зачастую связаны с общей вузовской подготовкой, поскольку в высшей школе, занимающейся даже профильной подготовкой будущих переводчиков, недостаточно времени уделяется устному переводу вслух и на слух.

Еще в конце пятидесятых годов двадцатого века Р.К. Миньяр-Белоручев с грустью замечал, что при подготовке переводчиков основное внимание уделялось именно зрительно-письменному переводу, а не переводу на слух [Миньяр-Белоручев, 1959].

Уже в нашем двадцать первом веке – в веке бума международных контактов на всех государственных и негосударственных уровнях, при стремительно растущем спросе на «устников», процесс преподавания устного перевода, в частности, в паре китайского и русского языков, увы, мало изменился. Обучение устному переводу мало чем отличается от обучения письменному переводу – так, основным материалом являются материалы новостных обзоров, печатных докладов и статей, а само преподавание нередко предполагает лишь устное заучивание терминов, различных клишированных фраз, построенных по правилам письменного стиля речи.

При этом совершенно мало времени отводится обучению устному переводу с использованием заведомо устных материалов, чем могут явиться аудиозаписи и видеозаписи выступлений на сессиях, пленарных заседаниях, круглых столах или брифингах, а также тренировке переводческих способов и приемов, поведения переводчика в ситуации устного перевода.

В этой связи становится актуальной задача изменения общей направленности подготовки устных переводчиков в комбинации китайского и русского языков и разработка ряда возможных упражнений, способствующих улучшению восприятия, понимания и перевода китайского или русского текста выступления на слух.

По словам Р.К. Миньяр-Белоручева [Миньяр-Белоручев, 1959, с. 26], достижение непосредственного понимания устной речи происходит путем:

- а) постоянного и систематического упражнения органов ощущений с использованием как произвольного, так и непроизвольного внимания учащихся;
- б) изучения определенного объема лексики в зависимости от специализации переводчика;
- в) специальных упражнений на понимание некоторых категорий слов;
- г) специальных упражнений на понимание некоторых сложных для восприятия на слух грамматических явлений;
- д) развития умения использовать «большой» и «малый» контексты.

Однако стоит заметить, что данные методические замечания были сделаны в процессе обучения переводу в парах родственных европейских языков и ориентированы на их носителей, но при этом никак не учитывалась специфика обучения переводу в паре неродственных языков. Данные методические рекомендации хотя и являются приемлемыми для пары китайского и русского языков, но все же недостаточными, и поэтому требуется уточнить способы улучшения понимания и перевода на слух именно для данной языковой комбинации.

Китайский и русский языки являются типологически чуждыми друг другу языками, и именно специфика каждого из них на различных языковых и речевых уровнях создает ряд барьеров, препятствующих пониманию на слух речи носителем каждого из этих языков.

С какими же основными препятствиями сталкивается начинающий переводчик? Для понимания проблемы необходимо в сравнительно-сопоставительном аспекте рассмотреть ряд явлений КЯ и РЯ, представляющих особую трудность при аудировании и переводе на слух. Возможное решение данного вопроса предлагается в виде упражнений.

Для удобства подачи материала все рассматриваемые трудности разделяются на небольшие блоки под названием *препятствие №*, при этом отдельно может указываться, для какого из языковых направлений оно является барьером, и после описания всех «препятствий» даются методические рекомендации по их устранению.

Препятствие № 1 – форма лексической единицы

В отличие от русского языка с его алфавитным строем китайский язык относится к языкам слогового строя. Это означает, что неделимой звуковой единицей для КЯ является целый слог, а не отдельные звуки, из которых можно создавать разнообразные по своему буквенному составу слоги. Для КЯ «слог является устойчивым звукообразованием, не изменяющим в потоке речи ни своего состава, ни своих границ» [Маслов, 1987, с.68]. Поэтому там, где слово, а затем и целая фраза, например, в русском языке разворачивается во времени и пространстве за счет последовательного увеличения звуковой (буквенной) цепочки, то в китайском языке это происходит за счет нанизывания друг на друга уже изначально заданных в языке и никогда не изменяемых слогов.

И поэтому важно обратить внимание на то, что КЯ обходится лишь ограниченным количеством слогов (чуть более четырехсот), тогда как в русском языке, благодаря различным буквенным конфигурациям, имеется гораздо больший слоговой запас. Как следствие – сильная слоговая омонимия КЯ, не характерная для РЯ.

Приведем простой пример. Китайское сочетание слогов, воспринимаемое на слух как «цзицизи» (jǐjǐ), имеет целый ряд никак не пересекающихся между собой значений. Приведем лишь некоторые из них для иллюстрации:

Активный, деятельный (积极)

Тихий, спокойный (寂寂)

Щебет, стрекот (唧唧)

Поспешно (急急)

Отвесный, крутой (岌岌)

Многочисленный, обильный (济济)

Место жительства (寄籍)

Включать в антологию (辑集)

Основной электрод (基极)

Китайский бокс (技击)

Данные слова различаются лишь на письме (в скобках указаны иероглифы), и хотя они имеют тональный рисунок (который, кстати, нередко совпадает у различных слов), но при отдельном произношении подобные слова не узнаются даже носителями китайского языка, не говоря уже о носителях русского языка.

Поэтому для российских студентов такая сильная омонимичность слогов КЯ при обучении переводу на слух становится одним из очень серьезных препятствий, нередко непреодолимых (из-за чего многие студенты предпочитают делать только письменный перевод, как в учебно-образовательном процессе, так и в будущей профессиональной переводческой карьере).

Данная особенность КЯ накладывает и свой отпечаток на то, как воспринимают русские слова китайские студенты. Казалось бы, в РЯ такой омонимичности не найти. Однако китайские студенты по принципу своего собственного языка начинают слушать лексические единицы РЯ, воспринимая некий общий элемент в различных словах и тем самым путая данные слова. Например,

Налог – залог

Интернет – интегрировать

Изображение – изобретение

Коммунистический – коммуникативный

Интересен тот факт, что уже на продвинутом этапе обучения переводу и на профессиональной стезе, когда будущие или готовые китайские переводчики уже умеют контекстуально ориентироваться и выбирать верное лексическое значение слова, при наличии смежного контекста, допускающего и те, и другие варианты лексических значений, может быть неверно понят смысл. Так, на практических занятиях с магистрами второго года обучения, довольно неплохо владеющих русским языком, произошел показательный случай. В звучащем тексте фраза «на территории России *запущены* предприятия...» была услышана неверно, а именно: «на территории России *запрещены* предприятия...», что тоже логически допустимо, однако в том контексте стало семантической ошибкой.

Гипотетически подобные промахи китайские студенты допускают именно в силу влияния природы родного языка.

Препятствие № 2 – длина лексической единицы

Одной из значительных трудностей для студентов является несхожесть длины лексической единицы – слова КЯ языка по сравнению со словами РЯ гораздо короче (соответственно, слова РЯ гораздо длинее). Это связано со следующими особенностями двух языков.

В отличие от РЯ, допускающего наличие слогов разной длины в зависимости от буквенно-звуковых конфигураций, в КЯ звуковая конфигурация слогов и, соответственно, длина слога заданы изначально и неизменны: «Время звучания слога стремится к некой постоянной величине, в особенности это проявляется в связном тексте» [Тань, 2002, с.564].

В современном китайском языке доминируют двусложные лексемы, и, если количество слогов увеличивается в силу более сложного словосочетания, то в таких случаях нередко наблюдается компрессия ради сохранения двусложного состава (отдельно о сложности компрессии КЯ для российских студентов речь пойдет ниже).

К тому же в КЯ в отличие от РЯ практически отсутствует уровень морфологической избыточности, поскольку нет флективных элементов. По сути, слова КЯ состоят из корнеслогов, что можно сравнить с таким явлением РЯ, как сложные слова типа *жар-птица, паровоз, птицелов, самокат*, но при этом без каких-либо соединительных гласных.

Поэтому неудивительно, что такие короткие слова в потоке речи часто «проскакивают мимо» российских студентов – им не хватает привычной длины, дополнительных морфологических элементов для ориентации в пространстве, к тому же, сбивает схожесть звучания всех китайских слогов.

Для китайских студентов возникает следующее неожиданное препятствие: они начинают «резать» слова РЯ до привычной им длины, т.е. примерно до двусложных образований. Это приводит к тому, что в процессе говорения китайские студенты не договаривают конечные флективные элементы (суффиксы, окончания), либо не могут долго справиться с произнесением длинных лексем РЯ – отглагольных существительных, сложных заимствований, многосоставных слов и т.д. При прослушивании текста китайские студенты часто выхватывают отдельные элементы слов, и нередко путают слова между собой, ориентируясь зачастую только по префиксам, т.е. по первым слогам по аналогии со своим языком, что в свою очередь приводит к плачевным результатам, т.к. в РЯ приставочные элементы подобны друг другу и не раскрывают полностью значение слова.

Приведем простой пример. Словосочетание РЯ *отделение офтальмологии*, в котором можно выделить десять слогов, на КЯ звучит как *янькэ* (眼科), т.е. состоит из двух слогов, что гораздо короче. Соответственно, российский студент может просто-напросто не заметить словосочетание в звучащем тексте, а китайский студент будет с ужасом слушать и пытаться собрать все эти слоги воедино.

***Препятствие № 3 – дифференциация по глухости и звонкости
(для китайских студентов)***

В КЯ для согласных звуков отсутствует дифференциальный признак по глухости и звонкости. Поэтому в течение довольно продолжительного времени, если вообще не постоянно, китайские студенты не слышат глухих и звонких звуков РЯ, даже в сильной позиции. Также для многих носителей КЯ не существует четкой границы между согласными звуками *p* и *l* (во многих диалектах КЯ это практически один звук), что негативно сказывается на восприятии слов РЯ с этими согласными. Так, слова типа *papa* и *баба*, *турок* и *дурак*, *сокращение* и *соглашение* китайский студент на слух, скорее всего, перепутает. Довольно трудной задачей для китайских студентов становится запись на слух слов, в которых присутствуют эти звуки. Так, на одном из занятий по переводу фраза, в которой говорилось об исследовании космоса, была записана студентом на доске как *иссретовать космос*. Поэтому нет ничего удивительного в том, что преподавателя, размышляющего вслух о больших *переменах*, каждый из студентов будет трактовать по-своему: кому-то почудятся *пельмени* (особенно на паре перед обеденным перерывом), а кто-то исправит одноклассника на свой лад и предложит вариант *беременная*.

***Препятствие № 4 – отсутствие лексических заимствований
(для российских студентов)***

Для европейских языков одним из препятствий в переводческой работе является наличие т.н. ложных друзей переводчика, межъязыковых омонимов, похожих по написанию/ произношению, но отличающихся по значению. Однако латинизмы, общность происхождения многих слов и вытекающая из этого их внешняя схожесть создают для европейских языков крепкую платформу международной лексики, «кочующей» от одного европейского языка к другому европейскому языку. Китайский язык латинизмами похвастаться не может, и то, что можно отнести к внешнему калькированию, например, топонимы, вряд ли будет узнано в китайском обличье (например, *Россия* звучит как *Элуосы* на КЯ). Поэтому нельзя не согласиться с китайским переводчиком-синхронистом Лин Чаолунь, отмечающим, что отсутствие внешних заимствований не облегчает, а скорее

сильно затрудняет конференциальный перевод в паре с китайским и европейским языком [林超伦, 2012, с. 11].

Приведем простой пример. Слово *эскаватор* на китайском языке звучит как «вацзюэцзи» (挖掘机), что дословно переводится как *механизм/машина для раскапывания*. Если студент или уже готовый переводчик слышит тот же термин, но на английском, французском или испанском, то его слух ласкает удивительная похожесть звучания: excavator (англ), excavateur (франц), excavadora (испан), поскольку латинский общий корень – это уже ключ к основному семантическому значению слова. Механизм фонетической догадки или простой подстановки малознакомых терминов в процессе реального перевода при работе с КЯ не поможет – если переводчик не знает форму и значение слова, то по корневому составу слова ни о чем не сможет догадаться.

Препятствие № 5 – природа словесного и фразового ударений

Восприятие и понимание на слух китайской и русской речи носителями данных языков также затруднено тем фактом, что в данных языках разные характеристики словесного и фразового ударений.

Китайскому языку свойственно тоновое ударение, имеющее несколько важных отличий от силового ударения русского языка.

Во-первых, тоновое ударение выполняет в КЯ смыслодифференцирующую функцию. В силу сильной слоговой омонимии КЯ для дифференциации смысла звучащего слова или фразы недостаточно дифференцировать их по звуковому составу – нужны правильные тоны. «Тон в КЯ важен для дифференциации смысла..., целые фразы могут совпадать по звуковому составу и различаться только тонами» [Задоевко, 1980, с. 11].

Хотя в РЯ также можно наблюдать различные конфигурации тона в зависимости от интонационного членения фразы, однако от этого лексическое значение слов не меняется, тогда как в китайском – меняется.

Во-вторых, тоновое ударение предполагает иной характер словесного ударения.

Слог в китайском языке, по сути, всегда ударен: «Тон – это исторически присущая характеристика китайского слога, прочно существующая в языковом сознании носителя языка как неотъемлемый компонент каждой данной знаменательной слогоморфемы...» [Задоевко, 1980, с. 11]. Отдельно звучащее слово или фраза, а при преднамеренной подаче и целое сообщение на КЯ характеризуются равноударностью содержащихся в них слогов.

В-третьих, что касается природы фразового ударения, то оно в тональных языках имеет совершенно иные характеристики, чем фразовое ударение в нетональных языках.

Интонационно-смысловое членение фразы на КЯ, выделение смыслового ядра происходит за счет более четкой реализации тона, более четкого пропевания его мелодии. Основным дифференциальным признаком интонации в КЯ является регистр, т.е. высотный уровень слога [Задоевко, 1980, с. 14]. Поэтому, если в русской речи рематический центр высказывания характеризуется «стрессом», т.е. усилением и переломом в движении голоса, то в китайской речи выделение новой информации происходит за счет регистровой динамики и более четкого мелодического контура слога.

Вышеперечисленные различия в природе словесного и фразового ударений КЯ и РЯ являются своего рода стрессом для студенческой аудитории, особенно для русских студентов, которые долго не могут привыкнуть к тональности и певучести КЯ, а поэтому не различают на слух и сами произносят неправильно.

Препятствие № 6 – великая компрессия и ритмика китайской речи

(для российских студентов)

Ритм, такт и мелодия являются важными характеристиками китайской речи. Поэтому стремление к некой единой величине фразы и всего текста, к созданию количественно параллельных структур является определенной тенденцией формирования высказывания и целого сообщения на КЯ. Из-за этого возникает такое явление, которые мы называем «великой компрессией», поскольку под сокращение внешней формы подпадают как отдельные слова, словосочетания, так и отдельные высказывания. Для российского студента это может стать настоящей бедой, потому что в сокращенном виде узнать на слух и без того омонимичные лексемы КЯ становится практически невозможным.

Выше уже говорилось о двусложном составе лексем современного китайского языка как об основной длине слова. Однако даже двусложная лексема может «попадать под сокращение». Китайцы с их любовью к славному прошлому, отдавая дань великим книжным традициям, нередко используют и в устной речи элементы древнего письменного языка вэньянь, в котором все слова были односложными. Благодаря этому речь становится более поэтичной, но в то же время еще короче. Например,

纵观当前东亚总体形势，**谋**和平、**求**发展、**促**合作日益深入人心。

В приведенной выше фразе все двусложные глаголы (谋求、促进) были использованы в их односложной форме, что, конечно же, весьма поэтично, но при этом довольно проблематично для устного переводчика, поскольку за счет подобной компрессии уровень языковой избыточности сообщения становится гораздо уже.

В китайской речи к ритмическому единообразию стремится не только слово, но и словосочетание, поэтому довольно распространенным явлением можно назвать сокращение четырехсложных до двусложных образований. Так, словосочетание *медицинское страхование* вместо четырехсложного образования 医疗保险 чаще будет встречаться в виде двуслога 医保. Что говорить о всевозможных политических реалиях Китая, где компрессия выполняет, как нам кажется, не только эстетическую функцию, но и служит лингвистическим средством пропаганды идеологии социализма с китайской спецификой в новейшую эпоху. Например, шестислог 共建共治共享 со значением «совместное строительство, совместное управление, совместное пользование» в своем первоначальном виде состоит из двенадцати слогомorfов 共同建立、共同治理、共同享受.

Важно отметить, что по принципу структурного и количественного параллелизма строятся целые абзацы текстов публичных выступлений на КЯ, что приводит к слишком большой информативной плотности на одну короткую и ритмичную фразу, а при перечислении этих фраз одной за другой притупляется восприятие у переводчика и, как следствие, выпадают целые блоки информации.

И, наконец, еще одним серьезным и болезненным препятствием для русского переводчика будет изобилие в китайской публичной речи фразеологических сочетаний и цитат, построенных по определенным ритмическим законам древнего китайского языка, и никогда не узнаваемых на слух, если раньше не встречались и не были заучены. И когда эти готовые фразовые единицы вставляются в ритмически организованный абзац, то кроме музыкальной мелодии начинающий переводчик может вообще ничего не услышать.

Обобщая вышесказанное, мы делаем вывод о том, что в силу тех или иных языковых и речевых особенностей КЯ и РЯ существует довольно серьезная проблема недостаточного понимания на слух и, как следствие, плохого перевода на слух как с китайского языка для российских студентов, так и с русского языка для китайских студентов. Поэтому возникает необходимость разработки специальных упражнений именно для данной пары языков с учетом их специфики. Ниже предлагается рассмотреть некоторые из уже апробированных в аудитории упражнений и давших определенные положительные результаты.

Упражнения на улучшение восприятия, понимания и перевода на слух с КЯ и РЯ

Основная задача всех упражнений – задача на **преодоление чужого**, т.е. выработка навыка работы в условиях, где начинающий переводчик сталкивается с иностранной речью,

для которой характерны совершенно иные, чем в его родном языке, качественные, количественные, структурные и ритмические особенности.

Предлагается разделить упражнения на два блока в зависимости от способа их выполнения: 1) упражнения, выполняемые на слух без опоры на текст и 2) упражнения, выполняемые на слух и с возможной опорой на текст. Стоит отметить, что мы не настаиваем на соблюдении строгого порядка в последовательности подачи как блоков, так и упражнений внутри них, поскольку нередко требуется их попеременное использование исходя из индивидуальных особенностей студенческой аудитории.

Блок № 1: упражнения, выполняемые на слух без опоры на текст

Упражнение № 1: перевод на слух сообщений, содержащих явные и мнимые фонетические омонимы

Вариант упражнения для российских студентов:

Преподаватель или компьютер предлагает студентам перевести на слух блоки фраз, в которых встречаются омонимичные лексемы. Лексемы могут как полностью совпадать по форме и тональному рисунку, так и быть только частично омонимичными, т.е. иметь разные финалы, инициалы или тональный контур (дифференцировать последние в речи студентам бывает также сложно). По возможности рекомендуется слушать подаваемый материал через наушники, поскольку звук не рассеивается, и тем самым снимается лишнее напряжение у студентов. В упражнении студенты стараются различать значение подобных по звучанию лексем с опорой на малый и широкий контексты. Например:

Блок фраз № 1 – *bianhua, bianhuan, bianhuang*

(отличия в финалах, допустимо совпадение по тонам):

发生翻天覆地的**变化**;

面对风云**变幻**国际和地区形势，要树立命运共同体意识；

树叶为什么会变绿**变黄**了。

Блок фраз № 2 – *dashi, tashi*:

(дифференциация по придыханию и отсутствию придыхания, допустимо совпадение по тонам):

齐白石是 20 世纪中国最著名的十位国画**大师**之一；

习近平在主旨演讲中宣布要干**十件大事**，还提了三点希望。

墨西哥前驻华**大使**李子文在接受央视记者采访时，赞赏中国在绿色发展、脱贫等领域取得的成就

Вариант упражнения для китайских студентов:

Преподаватель или компьютер предлагает студентам перевести на слух блоки фраз, в которых встречаются т.н. фонетические омонимы – слова, в которых похожи лишь те или иные части. Упражнение может состоять из нескольких частей в зависимости от степени сложности. Т.н. простая версия упражнения предполагает фразы без смежности контекста, т.е. студент, даже если плохо слышит, может догадаться о значении слова по смыслу всего высказывания. Например:

Блок фраз № 1 – *сокращение, соглашение*:

*Под **сокращение** попали несколько сот человек;*

*Между Китаем и Россией было подписано **соглашение** о строительстве газопровода.*

Усложненная версия упражнения предлагает рассматривать похожие по звучанию слова, которые в определенном контексте действительно могут быть взаимозаменяемы. В данную категорию сложных слов нередко попадают глаголы, обозначающие противоположные действия, и ряд цифр РЯ.

Например:

Блок фраз № 2 – *запрещать, запускать*:

*На Байкале было **запрещено** китайское предприятие по очистке воды.*

*На Байкале недавно было **запущено** новое предприятие по очистке воды.*

*На Байкале **не защищены** старые предприятия по очистке воды.*

Блок фраз № 3 – двенадцать, девятнадцать:

*На круглом столе присутствовало **19** делегатов из Харбинского университета.*

***12** мая состоится торжественное открытие церемонии «Один пояс, один путь».*

Упражнение № 2: восприятие на слух международной лексики на китайский лад, перевод в условиях отсутствия внешних заимствований

(в основном для российских студентов)

Данное упражнение состоит из нескольких этапов.

Сначала студенту предлагается сделать обратный перевод, т.е. в довольно быстром перевести с РЯ список общеупотребительной международной лексики на КЯ. Список может быть разбавлен как очень легкими словами, так и сложными терминами, но самое главное – эти слова должны иметь общее индоевропейское происхождение, поэтому в паре европейских языков хоть как-то узнаваемы, чего не скажешь про их перевод на КЯ. Поэтому для российского студента встает довольно сложная задача – суметь в быстром темпе, долго не раздумывая выдать именно китайский вариант. Также упражнение можно

дополнить, предложив студенту после слова на РЯ давать вариант на одном из европейских языков, которыми он владеет, а уже после этого китайское звучание слова. Например,

Список слов № 1: *Саммит, бизнес, трансформация, делегация, экономика, политика, вакцина, конвенция, аспирин, секунда.*

Список слов № 1: *Суверенитет – sovereignty, регион – region, система – system – systeme, газ – gas, инфекция – infection, стимулировать – stimulate, глобальный – global.*

Обратный перевод, как было замечено, поднимает активность и сознательность студентов, вследствие чего им легче запомнить слово, а потом узнать его уже в китайском произношении.

Данное упражнение также предполагает прямой перевод с КЯ, когда студенту озвучиваются фразы, содержащие т.н. международные термины, и предлагается при переводе подобрать именно вариант слова с латинским корнем.

Самый сложный вариант упражнения выполняется уже на прослушивании больших отрывков сообщений на КЯ, в которых предлагается узнать привычные латинизмы в их непривычном китайском обличье.

Упражнение на узнавание международной лексики предназначено в основном для российских студентов, хотя при определенной необходимости может выполняться и с китайскими студентами, в основном не для улучшения восприятия на слух а для тренировки устной памяти. В силу того, что китайские студенты предпочитают все письменно фиксировать, им довольно трудно удержать латинизмы именно в устной речи – поэтому здесь можно поставить перед собой задачу научить запоминать их устное произношение тех или иных латинских слов; при этом можно отдельно рассказать им о происхождении тех или иных слов, что, как показывает опыт, потом лучше способствует их запоминанию.

Упражнение № 3: восприятие на слух рематических центров высказывания

В данном упражнении китайские и российские студенты учатся распознавать в звучащем тексте фразовое ударение (регистровое или акцентно-силовое), рематические паузы, темп и громкость речи, меняющиеся в зависимости от распределения старой и новой, важной и дополнительной информации.

Упражнение состоит из нескольких видов заданий.

Задание №1: прослушайте текст и определите слова, словосочетания и фразы с четкими тональными контурами (в направлении с КЯ на РЯ) или выделенные акцентно-силовым ударением (в направлении РЯ на КЯ), по возможности запишите их.

Задание № 2: прослушайте текст и определите более быстрые и более медленные, более тихие и более громкие отрезки сообщения. Объясните, с чем это связано.

Задание № 3 (выполняется с текстом): слушайте текст и постарайтесь обозначить все микро- и макропаузы. Проанализируйте размеченный текст, объясните появление пауз.

Блок № 2: упражнения, выполняемые на слух и с возможной опорой на текст

Упражнение № 4: упражнение на улучшение понимания на слух компрессии в китайской речи (для российских студентов)

Студенту зачитывается или предлагается самостоятельно прочитать список слов и словосочетаний КЯ, построенных по закону компрессии. Он должен не только их узнать, понять и перевести, но и дать полный вариант каждого из сокращенных слов в словосочетании. Например,

节水减排 (4 слогоморфа) восстанавливаем до 节省水量、减少排放 (8 слогоморфов)

减税降费 (4 слогоморфа) восстанавливаем до 减少税款、降低费用 (8 слогоморфов).

Сами словосочетания в списке могут быть сгруппированы по степени сложности – от часто употребляемых, тех, которые хоть как-то на «на слуху» (общая экономическая, бизнес тематика), до менее знакомых, например, постоянно обновляемая коммунистическая лексика с китайской спецификой, словосочетания, построенные по правилам письменного языка вэньянь, чэньюи, цитаты из древних текстов и т.д.

Второй вариант данного упражнения предполагает узнавание сокращенных словосочетаний уже в контексте звучащей фразы или целого сообщения. Поскольку данный вид задания может оказаться слишком трудным, то сначала рекомендуется сделать перевод с листа, а потом уже предлагать сделать перевод ранее разобранного отрывка со слуха.

Упражнение №5: выделение новой информации, вычеркивание смысловых повторов, дополнительной информации

Студенты учатся ориентироваться во всем объеме подаваемой информации, по сути, задавать себе вопрос: а надо ли вообще это переводить? Обучаемые анализируют текст с точки зрения информативной новизны и информативной избыточности, наличия параллельных семантических структур, обычно не требующих повторного перевода, отмечают многословие и пустословие оратора дабы не идти у него на поводу, переводя ненужные отрезки спонтанно развертываемой речи. Данный вид упражнений способствует тому, что начинающие переводчики перестают цепляться за каждое слово в звучащем тексте, пугаться ситуации что-то не расслышать (а именно этот страх сильно притупляет возможность вообще что-то услышать и понять), приучают себя концентрировать внимание

на информативных пиках и с помощью метода прогнозирования чувствовать логику мысли оратора.

Данное упражнение может выполняться следующим образом. Студентам раздается письменная запись выступления, включается аудиозапись и далее совместно с преподавателем или самостоятельно дома делается анализ, предполагающий как выделение, так и вычеркивание информации. Ниже приводятся образцы выполнения задания.

Образец выполнения задания с российскими студентами (тема – пресс-конференция по климату в пресс-канцелярии Госсовета КНР):

~~三是我们现在的谈判都是谈 2020 年之后如何去做，现在 (呢) // 我们要通过对话 (和盘点)，对 2020 年之前各国到底 做了 些什么、做得如何，特别是一系列缔约国大会所做的决定，是不是在各国得到了落实进行盘点。另外(呢) // (понимаем, что вводится новая вообще мысль) 还有一个重要因素，就是大家都关心的资金问题 (но голосом не выделено, поэтому определяем по 大家都关心 и настраиваемся на то, что будут цифры скоро) ，哥本哈根会议上已经明确要求 (доп)，发达国家 (знаем, что будет контраст, поэтому слушаем цифру) 要在 2020 年之前为发展中国家提供每年一千亿美金的资金支持 (нужно услышать цифру, хотя очень нечетко; когда не услышал – нужно без цифр передать логику и все; цифра будет еще раз позже) ，我们希望 (呢) // 发达国家率先减排，希望京都议定书多哈修正案生效 (доп)。~~

Образец выполнения задания с китайскими студентами (тема – международный экономический форум во Владивостоке):

Развитие Дальнего Востока для нас безусловный приоритет. Повторю, это последовательная, долгосрочная политика. Наши усилия направлены на то, чтобы создать здесь в динамично растущем Азиатско-Тихоокеанском регионе мощный центр международного сотрудничества и интеграции, деловой и инвестиционной активности, образования, науки и культуры. ~~Создание такого центра прежде всего в интересах граждан России, дальневосточников, их благополучия, для того чтобы люди могли в полной мере реализовать себя.~~

Анализ: ~~Повторю (重复一下, 强调一下)~~ можно опустить; ~~Создание такого центра прежде всего~~ – повтор темы, опускаем, последнюю часть присоединяем к первой через (能够)造福; ~~их благополучия, для того чтобы люди могли в полной мере реализовать себя~~ – смысловой повтор, можно оставить что-то одно.

Упражнение № 6: повторение за диктором в различных вариациях

Данный вид заданий можно было бы выполнять по аналогии с эхо-повтором, практикуемым для пар европейских языков, если бы не специфика восприятия китайской и русской речи носителями КЯ и РЯ. Эхо-повтор в его чистом виде для данной пары языков сделать студентам весьма сложно, поэтому для них были разработаны вариации на тему упражнения «эхо-повтор». Ниже приводятся некоторые из вариантов выполнения данного задания.

Вариант 1: включается запись, после каждой законченной фразы – остановка аудио записи и студент старается повторить услышанное с правильным ритмическим рисунком, громкостью, скоростью, паузацией.

Вариант 2: включается запись и после того, как нажимается пауза, студент сначала считает до десяти, и после этого старается повторить услышанное с правильным ритмическим рисунком, громкостью, скоростью, паузацией.

Задания демонстрируются на первых занятиях, далее предполагается их внеклассная практика. Упражнения выполняются каждый день не более 10-15 минут, запись сразу же отправляется преподавателю. Требование к строгому соблюдению времени выполнения задания является ключевым, поскольку организует домашнее время студента, заставляет выполнять упражнение регулярно. Также мы настаиваем на том, чтобы запись ежедневно отправлялась преподавателю, что совершенно доступно при наличии современных средств коммуникации). Это повышает сознательность студента и, самое главное, у него появляется желание что-то сделать, поскольку его мотивирует наличие получателя (надо сказать, что в задачу преподавателя входит в первую очередь согласие на получение сообщения; постоянная проверка не является обязательной). Упражнение работает при соблюдении вышеперечисленных условий, и уже за несколько недель улучшается как собственное говорение, так и восприятие на слух.

Итак, выше были рассмотрены ряд трудностей восприятия, понимания и перевода сообщения на КЯ или РЯ, с которыми сталкиваются обучаемые на протяжении всего курса обучения переводу на слух, также в виде ряда упражнений были продемонстрированы способы преодоления данных трудностей.

Как показывает личный опыт профессиональной и педагогической деятельности, при сознательном подходе студентов и заданной установке преподавателя на последовательное выполнение упражнений как в аудитории, так и при самостоятельной подготовке, можно добиться желаемого результата – слышать и переводить лучше.

Список литературы:

- Задоевко Т.П.* Ритмическая организация потока китайской речи / Т.П. Задоевко. М.: Наука, 1980.
- Zadoenko, T.P.* Ritmicheskaya organizaciya potoka kitayskoy rechi [Rhythmic structure of Chinese speech]. М.: Nauka, 1980 (in Russian).
- Маслов Ю.С.* Введение в языковедение / Ю.С. Маслов. М.: Высшая школа, 1987.
- Maslov, Y.S.* Vvedeniye v yazykoznaniiye [Introduction to the science of language]. М.: Vysshaya shkola, 1987(in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Методика обучения переводу на слух/ Р.К. Миньяр-Белоручев. М.: ИМО, 1959.
- Minyar-Beloruhev, R.K.* Metodika obucheniya perevodu na sluh [Oral interpretation training methods]. М.: ИМО, 1959.
- Софронов М.В.* Просодия основных единиц китайского языка // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В.А. Дыбо. М., 1991. []
- Sofronov, M.V.* Prosodiya osnovnyh yedinic kitayskogo yazyka [Prosody of Chinese language] // Slavistica. Indoeuropeistica. Nostarica. K 60-letiyu so dnia rozhdeniya V.A. Dybo. М., 1991 (in Russian).
- Тань Аошун.* Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянских культур, 2002.
- Tan Aoshuang.* Problemy skrytoy grammatiki. Sintaksis, semantika i pragmatika yazyka izoliruyushchego stroya [Problems of concealed grammar: syntax, semantics and pragmatics of an isolating language type (using Chinese as an example)]. Moskva: Yazyki slavyanskih kultur, 2002 (In Russian).
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода / Г.В. Чернов. М.: URSS, 2016.
- Chernov, G.V.* Teoriya i practica synchronnogo perevoda [Theory and practice of simultaneous interpretation]. М.: URSS, 2016 (in Russian).
- 林超伦, 实战同传: 英汉互译 / 林超伦著. 北京: 中译出版社, 2012 (in Chinese).
- 赵为, 汉俄双语同声传译的某些特点及教学对策 // 俄语教学与研究论丛, 第 16 辑. 哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2010 (in Chinese).

Выходилова З.
Университет имени Палацкого
г. Оломоуц (Чехия)

Vychodilova Zdenka
Palacky University
Olomouc (Czech Republic)

ИРЖИ ЛЕВЫЙ КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК ЧЕШСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА И ЕГО ПОСЛАНИЕ СОВРЕМЕННЫМ ПЕРЕВОДЧИКАМ

JÍŘÍ LEVÝ AS THE FOUNDER OF THE CZECH TRANSLATION THEORY AND HIS CONTRIBUTION TO CONTEMPORARY TRANSLATION STUDIES

Статья посвящена личности и научной деятельности чешского теоретика перевода и литературоведа Иржи Левого ((1926 – 1967). В первой, автобиографической части, автор описывает жизненную дорогу Левого, главным образом годы, проведенные в Университете имени Палацкого в г. Оломоуц, где Левый создал свои лучшие произведения. Описывается в первую очередь деятельность Левого в области теории перевода, его авторские, педагогические, редакторские и организационные труды. Во второй части статьи описывается транслатологическая концепция Левого, излагаемая им в его выдающемся, синтезирующем произведении – монографии «Искусство перевода» (1963). Упоминаются важные темы его концепции, как, например, его понимание перевода как процесса выбора решений, понимание переводческой нормы, связанной с функцией, вопросы переноса авторского стиля и многие другие, причем подчеркиваются структуралистские начала его подхода к исследуемым проблемам. Последняя часть статьи посвящена дидактическому применению транслатологической концепции Левого на современном этапе дидактической практики – в процессе обучения студентов-русистов на кафедре славистики Университета им. Палацкого в Оломоуце. На конкретных примерах студенческих литературных переводов автор показывает возможность применения идей Левого при переводе современных беллетристических текстов и актуальность его творческого наследия для следующих поколений. Статья завершена оценкой творческого вклада концепции Иржи Левого в чешскую и мировую науку о переводе.

The paper focuses on the personality and works of a Czech literary scholar and translation theoretician Jiří Levý (1926 – 1967). The first biographical part, covers Levý's life story and looks closely at the years spent at Palacký University Olomouc, where he published his most significant works. Special attention is paid to his activities in the field of translation theory, Levý as an author, teacher, editor and organiser. The second part of the paper introduces Levý's concept of translation theory, as presented in his seminal synthetic work – The Art of Translation (1963). It focuses on the key ideas of Levý's concept, such as translation as a decision-making process, his notion of a translation norm linked to the function, questions related to the transformation of an author's style, and several other, while emphasising the structuralist ideas underpinning Levý's approach to the issues in question. The paper concludes with a summary on the didactic aspects of Jiří Levý's translation concept in contemporary teaching practice for students of Russian philology at the department of Slavic studies, Palacký University Olomouc. With several examples from student's translations, the author illustrates the application of Levý's ideas when translating modern literary texts and the vitality and relevance of Levý's heritage for future generations. This section closes with an assessment of Levý's creative contribution to both Czech and world translation theory.

Ключевые слова: Иржи Левый, теория перевода, Искусство перевода, норма перевода, функции перевода, стратегия перевода.

Keywords: Jiří Levý; translation theory; The Art of Translation; translation norm; functions of a translation; translation strategy.

Иржи Левый – чешский литературовед, лингвист, историк литературы, блестящий знаток англо-американской поэзии, переводчик, историк и теоретик перевода. Судьба дала

ему лишь 41 год жизни, но в течение 20 лет своей творческой карьеры он успел создать глубоко продуманную цельную теорию перевода, и его по праву считают основоположником чешской науки о переводе. Но, несмотря на это, концепция Левого во многих аспектах долгое время недооценивалась, даже сегодня лишь информированная часть переводоведческой общественности осведомлена о том, что некоторые переломные идеи, приписываемые западным теоретикам перевода, выдвинул уже Левый. Потребность определенной сатисфакции творчества Левого была и одним из импульсов для выбора темы моего доклада на этой конференции, хотя русскоязычная публика представляет собой исключение, так как с фундаментальным произведением Левого, «Искусством перевода», российские читатели могли познакомиться еще в 1974 году.

Иржи Левый родился 8 августа 1926 года в словацком городе Кошице в семье вузовского преподавателя и переводчика с французского языка Отакара Левого; в начале Второй мировой войны семья переехала в Прагу. Университетское образование Левый завершил в городе Брно – в Университете им. Масарика – по специальности английская и французская филология. Сразу после защиты диссертации по теме «Сопоставительный взгляд на английский стих» (*Srovnávací pohled na anglický verš*) он стал сотрудником кафедры английской и германской филологии Университета им. Палацкокого в г. Оломоуц, с которым он связал свою жизнь на следующие тринадцать лет. В Оломоуце Иржи Левый создал ряд своих лучших работ по истории и теории английской и американской литературы и по теории перевода. К ним принадлежат, кроме прочего, знаменательные статьи об Уильяме *Блейке*, *Томасе Стернзе Элиоте*, *Уольте Уитмене*, Уильяме Шекспире и др. Кроме того, Левый опубликовал около двадцати статей с транслатологической тематикой в лучших чешских и мировых журналах, в том числе в журнале «Vabel», платформе Международной федерации переводчиков (FIT). В статьях автор постепенно раскрывает темы, которые он позже подытожил в своем стержневом произведении – в книге «Искусство перевода».

Многие работы Левого направлены на дидактическую область: в соавторстве со своим коллегой, русистом Богуславом Илеком, он написал вузовское пособие «Главы по теории и методике перевода» (*Kapitoly z teorie a metodiky překlada*, Praha 1956), и два года спустя свое собственное пособие «Введение в теорию перевода» (*Úvod do teorie překlada*, Praha 1958). Пособие состоит из четырех глав: I. Перевод как тип искусства и его нормы; II. О некоторых закономерностях переводческой верности; III. Процесс перевода; IV. Перевод как историко-литературная проблема. Это пособие послужило основой для книги «Искусство перевода».

Учитывая ситуацию ранних пятидесятых годов в области отечественной теории и практики перевода, следует отметить смелую критичность Иржи Левого, когда он говорит об ограничении творческой самостоятельности переводчика, о поддержке продукции скучных и неинтересных с точки зрения языка переводов, об акцентировании идейной и содержательной стороны художественного произведения за счет эстетической стороны и т.д. В это время автор подходит к решению вопросов теории перевода еще преимущественно с литературоведческих позиций, только позднее он ослабляет акцентирование литературоведческих аспектов теории перевода подчеркиванием двойкой теоретической платформы транслатологии как самобытной научной дисциплины – а именно литературоведения и лингвистики. И что методологически самое существенное: все размышления автора о переводе развиваются в интенциях пражского структурализма.

Уже в упомянутых пособиях автор доказывает свои положения большим количеством иллюстративного материала, собранного как в процессе его систематических исторических исследований, так и в процессе его редакторской работы и постоянного контакта со студенческой переводческой практикой.

Сам автор во введении к своему пособию излагает суть своего подхода к объясняемому явлению, а тем самым также и «тайну» постоянной актуальности своих мыслей: «Пособие «Введение в теорию перевода» не намерено быть учебником перевода – научиться умению переводить можно только на практике, и каждая готовая инструкция была бы, скорее, вредной. Я считал более полезным дать студентам филологических специальностей и начинающим переводчикам текст, который бы представлял собой, скорее, образец теоретического решения и совет, как подходить к переводческим проблемам, и, таким образом, парализовать склонность к ремесленному и механическому переводу слов.» [Levú, 1958, с. 3; перевод мой – З. В.].

В 1957 выходит значительное произведение Левого – двухтомные «Чешские теории перевода». Первый том носит название «Развитие переводческих теорий и методов в чешской литературе». Автор представляет в нем информированный критический обзор развития чешской переводческой мысли с средневековья до конца Второй мировой войны, помещенный в рамки европейских исторических взаимосвязей.

Второй том представляет собой антологию текстов, в которых избранные чешские переводчики формулируют свое понимание принципиальных вопросов перевода и через призму которых, следовательно, презентуются переводческие нормы данного периода, его «переводческая эстетика».

Издание «Чешских теорий перевода» можно интерпретировать как первую историю чешского мышления о переводе вообще. В Чехословакии и за рубежом оно вызвало огромный интерес: в течение следующих двух лет вышло около двадцати рецензий и отзывов, в том числе в Советском Союзе, Венгрии, Польше, Хорватии и в журнале «Vabel».

Деятельность Иржи Левого выходила далеко за рамки Оломоуцкого университета. Параллельно с деятельностью в Университете им. Палацкого он преподает на Философском факультете университета в Брно и в брненской Академии искусств, читает лекции дома и за рубежом. Он становится членом Союза чехословацких писателей, работает председателем переводческой секции Союза, принимает участие в работе искусствovedческой коллегии Чехословацкой академии наук, становится членом редакционных советов издательства «Одеон», журналов «Чешская литература», «Диалог», «Vabel», редактором многочисленных сборников и т.д.

Еще в Оломоуце Левый работает над обширной статьей под названием «Проблемы сравнительного стиховедения» (*Problémy srovnávací versifikace*), которая стала основанием для присуждения ему степени доктора наук. В 1964 году, за три года до своего преждевременного ухода из жизни, Иржи Левый окончательно переехал в Брно. В эти годы возникает несколько статей, опубликованных в материалах зарубежных конференций, несколько антологий под редакцией Левого, многочисленные предисловия и послесловия к научным публикациям. После смерти Левого вышли в свет две книги избранного из произведений автора: в 1971 году в Праге сборник избранных статей с названием «Будет ли литературоведение точной наукой?» (*Bude literární věda exaktní vědou?*), и в том же году в Брно – сборник статей с симптоматическим названием *Paralipomena*. Речь идет о неизданных до тех пор в Чехословакии работах на иностранных языках, в том числе и о статье «Актуальные проблемы теории художественного перевода», которая представляет собой текст доклада, прочитанного Левым на русском языке на международном симпозиуме о художественном переводе, организованном Союзом писателей СССР. Статья вышла (без оглавления) во втором томе сборника «Актуальные проблемы теории художественного перевода» в Москве в 1967 году.

«Искусство перевода» и творческая концепция Левого вчера и сегодня.

Вся творческая деятельность в области перевода была подготовкой для главного произведения Левого «Искусство перевода», первое издание которого относится к 1963 г. – последнему году его оломоуцкого творческого этапа. На 350 страницах текста Левый выдвигает принципиальные постулаты, многие из которых его наследники усвоили, и эти

мысли стали уже неотъемлемой, интегральной составной частью современной теории перевода.

Как пишет переводчик «Искусства перевода» Вл. Россельс в предисловии к этой книге: «...в целом книга И. Левого, благодаря огромной эрудиции автора, вполне может служить энциклопедией передовых идей в области науки о переводе» [Левый, 1974, с. 20]. Как уже было сказано, Левый в этом произведении подытожил результаты своего многолетнего опыта исследования частных переводческих проблем как в теоретическом, так и в дидактическом плане. При решении рассматриваемых вопросов Левый последовательно применяет функциональный сопоставительный подход пражского структурализма, развивая его начала и применяя новые методологические приемы. Хотя Левый, в отличие от предыдущих поколений «толкователей перевода», сам активно не занимался переводом (лишь в молодости он переводил английскую поэзию), его теоретические изложения базируются на богатом иллюстративном материале чешского языка в сопоставлении с многочисленными европейскими языками, что придает достоверности его изложению.

Книга состоит из двух основных частей, в которых автор рассматривает художественный перевод в разных аспектах – историко-культурном, литературном, лингвистическом, философско-эстетическом. Первая часть предваряется критическим обзором существующего состояния теоретического мышления о переводе, затем следует известное описание трех фаз переводческого труда – от постижения оригинала через интерпретацию подлинника к творческому перевыражению подлинника. Следующая глава говорит об эстетических проблемах перевода, автор в ней затрагивает уже упомянутые вопросы двух переводческих норм (норм воспроизведения и нормы художественности), двойственности переводного произведения, оппозицию верного и свободного перевода, вопросы национального и исторического колорита и функции перевода в национальных литературах и в мировой литературе и многих других существенных проблем, связанных с процессом художественного перевода (подробнее см. ниже). Следуют «Две главы из поэтики перевода», самостоятельная глава посвящена переводу пьес. Во второй части книги автор разворачивает свою концепцию перевода стихов. Обсуждая все эти вопросы, Левый постоянно помнит не только о переводчике как интерпретаторе и создателе нового художественного произведения, и его взаимоотношениях с автором текста подлинника, но также о читателе перевода как рецепторе и конкретизаторе результата переводческого процесса.

Наибольшей ценностью для переводческой практики, на мой взгляд, является понимание Левым процесса перевода как «процесса выбора решений». Надо подчеркнуть, что книга, хотя она написана на высоком научном уровне, очень увлекательна.

Зарубежной читательской публике «Искусство перевода» стало доступным впервые на немецком (1969, *Übersetzung. Theorie einer Kunstgattung*), а затем и на русском языке (1974, *Искусство перевода*). В подготовке обоих иноязычных изданий, реализованной еще при жизни автора, Левый принимал активное участие, главным образом, в немецкоязычной версии он многое изменил, заменил иллюстративный материал, но основная концепция осталась неизменной; можно сказать, что автор, в принципе, лишь уточнил и дополнил некоторые сведения, в соответствии с новейшими исследованиями науки о переводе. Только в 2011 году книга вышла в свет также на английском языке. Переводчику «Искусства перевода» на английский язык, Патрику Корнессу, в ходе процесса перевода даже удалось составить четырехязычный электронный корпус, составленный на основе четырех изданий книги. Речь идет о корпусе параллельных текстов, который можно использовать для сравнения любых элементов чешского, немецкого, русского и английского текстов с лексикологической, грамматической, транслатологической и других точек зрения. Сегодня он уже является интегральной составной частью системы *InterCorp*.

Зузана Етмарова в предисловии к последнему (уже четвертому) чешскому изданию «Искусства перевода» обращает внимание на то, что Иржи Левый был долгое время в транслатологической среде западных стран известен лишь как автор модели перевода как процесса выбора решений, соотносимой с теорией игр и принципом так наз. минимакса, а именно благодаря своей статье, опубликованной на английском языке в сборнике в честь семидесятилетия Романа Якобсона¹ [см. Levý, 2012, с. 8]

Но Левый одним из первых, например, последовательно акцентировал индивидуальную личность переводчика, выдвинул теорию переводческой нормы, связанной с функцией, понятие так наз. опосредованного перевода, «перевода перевода» (то есть перевода перевода с другого языка), понятие псевдоперевода и так далее. Левый уже в свое время осознавал необходимость – сказано современной терминологией – интердисциплинарного подхода к исследуемым явлениям, это значит, кроме лингвистического структурализма он черпал также из диалектики Гегеля, феноменологии немецкого философа чешского происхождения Эдмунда Гуссерля и его ученика, польского

---

¹ Levý, J. Translation as a Decision Process. // „To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday.“ 11 October, 1966. The Hague / Paris: Mouton, 1967 c. 1117-1182.

теоретика Романа Ингардена, из социологии Макса Вебера, кибернетики и других отраслей науки. В том числе Левый отмежевывался от позитивизма и формализма западных теоретиков, но его по праву считают первым транслатологом-дескриптивистом. Необходимо осознать, что общественно-политическая атмосфера пятидесятих-шестидесятих годов требовала от авторов дипломатических ссылок на марксистское изложение данных проблем. Но в контексте вневременных мыслей Левого эта уступка является маргинальной.

Дидактическое применение мыслей Левого в современной русистской переводческой практике.

Завет творческого труда Иржи Левого в чешской и мировой науке о переводе актуален до сих пор, в том числе и в нашем университете. На отделении русистики кафедры славистики Университета им. Палацкого в Оломоуце мысли Левого непосредственно используются в первую очередь на семинарских занятиях по художественному переводу. В последней части настоящей статьи хотелось бы коротко поделиться опытом работы со студентами над переводами художественной литературы.

В течение первого семестра дисциплины «Семинар художественного перевода» студенты анализируют существующие книжные переводы, во втором семестре студенты уже сами пытаются переводить переведенные или непереведенные еще тексты современной русскоязычной художественной литературы, они обсуждают свои переводческие решения, сравнивая их в случае потребности с официальными переводами. К работе над анализом переводных текстов и над собственными переводами молодые переводчики подходят, вооруженные теоретическими знаниями хотя бы избранных глав «Искусства перевода». Окончательный вид переведенных текстов часто бывает результатом интерпретационных сомнений и непростого и долгого поиска оптимальных переводческих решений. Метод конструктивной коллективной критики всех членов переводческого коллектива идет на пользу качеству переводов. Здесь есть возможность непосредственного дидактического использования идей Левого.

При первом чтении переводчики устраняют ошибки тривиального характера, возникшие в процессе небрежного чтения, и так наз. интерферемы, то есть ошибки, причиной которых является негативный перенос явлений родного языка [Levů 2012, с. 53]. Хотя Иржи Левый эксплицитно не говорит о разных типологических чертах языка подлинника и языка перевода, этот факт все-таки имплицитно содержится в его мыслях о различиях между двумя языками как о дифференцирующем деятеле обоих текстов («Самый текст обусловлен языком, на котором призывание создано, и потому при переводе многое

приходится выражать другими средствами, присущими другому языку.» [Левый, 1974, с. 53]), в мыслях о стилеобразующей роли исходного языка или о взаимоотношении двух языковых систем как деятеле, влияющем на стиль переведенного произведения, и о «несоизмеримости материала двух языков» [Левый, 1974, с. 64] и в других местах «Искусства перевода». Переводческие недостатки, вытекающие из дифференций между русским и чешским языками, в этой области проявляются, например, в выражении обладания – русский язык принадлежит к так наз. языкам «esse», между тем как чешский язык к языкам «habere», ср.²: *волосы у Вальи рыжие – Valjiny vlasy jsou rezavé* – правильнее: *vlasy má Valja rezavé; несмотря на то, что его имя было таким холодным – přestože její jméno bylo takové studené* – правильнее: *...přestože jméno měla takové studené* и т.д. Русский язык более тяготеет к аналитизму, чем чешский язык (*он более умный, чем ты* – ошибочно переведено как *je více rozumný než ty* – правильно: *je rozumnější než ty*, или *má více rozumu než ty*). Русская разговорная речь в сравнении с чешской разговорной речью намного более эллиптична и лаконична (*Ты сама сочинила? – спросила молодая учительница* было переведено как: «*Sama jsi složila?» – zeptala se mladá učitelka*; чешский язык, однако, должен выразить облигаторный объект минимум в форме местоимения, значит: «*To jsi složila sama?» zeptala se mladá učitelka* и т.п.). Русский язык любит употреблять так наз. частичное отрицание в тех случаях, когда чешский язык должен использовать полное грамматическое отрицание – это также бывает частой причиной интерференционных ошибок, вытекающих из типологических различий между русским и чешским языками (*В Юлбаше, мать рассказывала, было не несять, не двадцать, - целых сто! домов...* было по ошибке переведено как: *Matka vyprávěla, že v Julbaše stálo ani ne deset, ani ne dvacet domů, ale celá stovka!* – правильный перевод: *...že v Julbaše nebylo ani deset, ani dvacet domů, ale celá stovka!*)

К области языковой типологии принадлежит также проблематика различий в функциональной нагрузке деепричастных и причастных оборотов, к категории вида глаголов или проблематике так наз. актуального членения высказывания с консеквенцией на порядок слов. Именно последнее бывает камнем преткновения даже для опытных переводчиков, ср., напр.: *Ну, тогда идем знакомиться с убогим. – Tak se jdete seznámit s ubožákem*, вместо правильного *Tak se jdeme s tím ubožákem seznámit*. Русский язык тяготеет к переносу ремы из позиции в конце высказывания ближе к центру высказывания, между

² Материалом для иллюстраций послужили переводы, выполненные студентами в «Семинарах художественного перевода» в 2013 – 2018 гг.

тем как в чешском языке нормативной считается концевая позиция ремы. Вышесказанное касается также высказываний, выражающих противопоставление: *Natálie Kirillovna široce rozevřela oči. Anikejev sklopil oči.* – лучше: *Natálie Kirillovna doširoka otevřela oči. Anikejev oči sklopil.* В русском языке довольно частым явлением является так наз. обмыкание – порядок слов, который при переводе на чешский язык необходимо изменить, ср., напр.: *ovinutý kolem hlavy cop měla silný jako ruka; představoval si, jak promrzlí na kost Izabela a Konstantin Arnoldovič slézají z kamenné palandy...* Надлежащий порядок слов: *cop ovinutý kolem hlavy...; ...Izabela a Konstantin Arnoldovič, promrzlí na kost, slézají z kamenné palandy...* Следующим принципом, несоблюдение которого в ранних студенческих переводах часто бывает причиной ошибок в порядке слов, является правило, что, если в предложении на первом месте стоит второстепенный член предложения, как правило, обстоятельство, то сначала следует имя, а затем глагол: *Seïčas okenné skla pokryta nejnými lednými uzorami.* Ошибочный порядок слов: *Ted' okenní skla jsou pokryta jemnými ledovými květy* – правильно: *Ted' jsou okenní skla pokryta jemnými ledovými květy.*

В ходе второго чтения внимание студентов больше сосредоточивается на способах перевода авторского стиля, т.е., на области, принадлежащей к существенным темам концепции Иржи Левого. Левый осознает многослойность этой проблематики («Сохранение стиля – требование весьма проблематичное и неосуществимое в полной мере.» [Левый, 1974, с. 83]), а также роль субъекта переводчика в процессе перевыражения подлинника: «стиль подлинника есть и тот объективный факт, который переводчик субъективно преобразует» [Левый, 1974, с. 94]. Ограниченный размер настоящей статьи позволяет продемонстрировать использование этих тезисов лишь на так наз. микроуровне, то есть на избранных частных переводческих проблемах и их возможном решении, хотя для более наглядной верификации их применимости в некоторых случаях следовало бы оперировать более обширным контекстом.

Иржи Левый предупреждает об опасности «стилистического убеднения словаря», которое может происходить тремя способами: а) употреблением общего понятия на месте конкретного, точного обозначения, б) употреблением стилистически нейтрального слова вместо эмоционально окрашенного слова и в) недостаточным использованием синонимии [Левый, 1974, с. 155]. Однако сам автор эти свои утверждения в других местах книги релятивизирует, и тупит таким образом лезвие своих слов и вызывает у студенческой читательской публики доверие. Именно повторные указания на возможность вариантных переводческих решений (перевод как «процесс выбора решений») помогает более креативно обращаться с определенной (в определенной степени неизбежной)

схематичностью шаблонности правил и образцов учебников, которые студентам приходится усваивать на теоретических транслатологических дисциплинах («принципиальная множественность решений» [Левый, 1974, с. 84]. В конце концов, переводческая практика показывает множество ситуаций, когда лучшим решением будет «идти против правила».

Так, например, обобщение значения студенты оценили, как существенное в нижеприведенных случаях: *Pana s mamou vyšli **iz podjezda**. – Táta s mámou vyšli **ze dveří**.* (Русское слово *подъезд* обозначает проход или проезд большого, в наше время обычно панельного дома.); *Эти мысли заползают к нам в голову... и там, в голове, подолгу жужжат, как **назойливые мухи**. – Tyto myšlenky se nám kradou do hlavy ... a tam se dlouho hemží jako **otravný hmyz**.* (Переводчица в соответствии с чешским узусом коммуникации предпочла более общее *otravný hmyz* («назойчивые насекомые»), буквальному «надоедливые мухи»).

Областью, в которой переводчик искусно различает тонкие нюансы значения, является чуткое обращение со средствами связности текста. Средства когезии способствуют большей беглости и большей эксплицитности логических отношений между отдельными частями текста. Русский язык, особенно его разговорный вариант, благодаря этим средствам делает высказывание более сжатым, ср.: – *Через тридцать лет мы будем стариками, – плакала Татьяна. – Больными и слабыми стариками, какая, к черту, любовь? – Za třicet let budeme staří,“ plakala Taťána. „Nemocní, slabí a staří, **tak** jakápak, k sakru, láska?“ – Фашисты длушили рыбу в реке так, что поверхность скрывалась под белыми брюшками. – Fašisté omračovali rybu v řece takovým způsobem, že voda **pak** pod jejich bílými bříšký ani nebyla vidět.* – Приведенный прием, на первый взгляд, репрезентирует один из способов так наз. интеллектуализации в переводе, которую Иржи Левый оценивает, как устранение умышленного напряжения между мыслью и способом ее выражения [Levý, 2012, с. 132-133]. На наш взгляд, правило применения речевого узуса в этом случае является определяющим.

Иржи Левый предъявляет высокие требования к всесторонней эрудиции переводчика, акцентирует его фантазию, языковое творчество, способность выявлять подтекст [Levý, 2012, с. 126 и в других местах]. Многие молодые переводчики умеют реализовать свой творческий потенциал в находчивых переводческих решениях. Один пример, говорящий за все: в результате продолжительного поиска оптимального перевода предложения [Пастернак] проговорил, как мог, «историю ее первой девичьей зрелости» первичный, не очень удачный, буквальный вариант *Pasternak povuprávěl, jak jen mohl, «první příběh její*

dívčí zralosti» получил окончательный вид в выражении *Pasternak se v ní pokusil převyprávět tu chvíli, kdy se dívka stává ženou/kdy se z dívky stává žena.*

На основе понимания термина «переводность» (*překladovost*) Иржи Левый определяет свое отношение к такой сущности, какую представляет собой общественно-историческая норма перевода. В переводческой практике оно отражается в соблюдении, или, наоборот, подавлении национальной и исторической специфичности подлинника методами так наз. экзотизации, натурализации, или креолизации.³ Левый при этом исходит из убеждения, что „в переводе имеет смысл сохранять лишь те элементы специфики, которые читатель перевода может ощутить как характерные для чужеземной среды, т. е. только те, которые могут быть восприняты как носители «национальной и исторической специфики» [Левый, 1974, с. 130]. Эта проблематика связана также с иным фоном знаний читателя оригинала и читателя перевода: «многое в подлиннике при дословном переводе приобрело бы совершенно иной смысл в глазах читателя с другим багажом познаний и другим образом мыслей» [Левый, 1974, с. 58-59].

Последствие для переводческой практики влечет за собой эта проблематика, например, в области перевода реалий. Студенты, как правило, скорее, склонны к стратегиям натурализации, но решение в этой области – дело очень деликатное, оно зависит от многих факторов, и не всегда данная стратегия уместна, ср.: *Мальчик дорогой мой! Девочка моя! Подождите! Не уходите! Я еще не успела прочитать вам про Серую Шейку и про Каштанку, про Петю Гринева и Машу Миронову!* Серая Шейка – это утка из мультфильма, Каштанка – собака из рассказа А. П. Чехова, Петя Гринев и Маша Миронова – это герои Капитанской дочки Пушкина. На первом этапе переводчица решила заменить их отечественными реалиями: *Chlapče, můj drahý! Holčičko moje! Počkejte! Nechod'te pryč! Ještě jsem vám nestihla přečíst Honzíkovu cestu, o Červené Karkulce, o Princ a Večernici!* «Honzíkova cesta» – это название известной детской книги писателя Богумила Ржиги, «O Červené Karkulce» – народная европейская сказка (Красная Шапочка), «Princ a Večernice» – фильм по мотивам сказки Божены Немцовой. Эта версия была отвергнута членами переводческого коллектива, к правильным решениям были отнесены герои детских книг, известные и в чешской среде (Незнайка), или зарубежные персонажи, известные как в русской, так и в чешской культурной среде, например, Пеппи, Длинный чулок, Пиноккио (для российских детей, конечно, Буратино). Следующей возможностью было максимальное обобщение типа:

---

³ Понятие Левого «переводность» подробнее разработал словацкий теоретик перевода Антон Попович, главным образом в своем произведении *Teória umeleckého prekladu* 1975 года. Поповичу также приписывается авторство термина «креолизация».

Ještě jsem vám nestihla přečíst všechny dětské knížky, но это решение представляло бы собой бесспорное обеднение перевода. В следующем контексте натурализирующий подход был, напротив, вполне уместен: *Боря им недоволен: тоже мне, доктор Гааз, «спешите делать добро»*. Так как имя русского врача и филантропа немецкого происхождения чешскому читателю неизвестно, уместна или его замена общим выражением, воплощающим данное качество (*to je nám, panečku, hotovej samaritán*), или компенсация приведением реальной личности с той же характеристикой (возможен и вариант с транспозицией грамматического рода: *to je nám hotová Matka Tereza / celá Matka Tereza* и т.д.).

Мы стараемся добиться того, чтобы студенты были способны применять теоретические знания в ходе собственного перевода художественной литературы таким образом, чтобы семинары проходили в духе творческой дискуссии и были направлены на креативный подход к переводимому художественному тексту. Продолжая традиции чешского художественного перевода и транслатологического концепта Иржи Левого, мы подчеркиваем необходимость мультидисциплинарного подхода к исследуемым явлениям. Философское начало образует герменевтика как умение интерпретации литературного произведения и ее практическое использование в области художественного перевода.

В заключение обучения студенты уже, как правило, хорошо разбираются в «Искусстве перевода» Левого и в дипломных работах с транслатологической тематикой способны трактовать тезисы Левого в более широком контексте и находить континуальность его мыслей в мыслях современных транслатологов.

Иржи Левый укрепил позицию теории перевода как самостоятельной и равноправной научной дисциплины среди гуманитарных наук. В своих произведениях он сумел гениально объединить три аспекта: научный, популярно-исследовательский и дидактический. В Чешской Республике на его учении выросло уже несколько поколений переводчиков и его концепцию так или иначе творчески развивают все последующие теоретики перевода. Причиной постоянного возвращения молодого поколения к Левому можно считать именно убедительность его аргументов, подкрепленных переводческой и учебной практикой, а также недирективность и умеренность его формулировок, которые показывают подход к переводчику как индивидууму, обладающему правом самостоятельного субъективного решения. Студенты в соответствии с этой мыслью приходят к сознанию, что избранное ими конкретное решение является только одним из многих возможных. Именно это понимание перевода как процесса выбора решений и переводчика как принимающего решение деятеля является вневременным вкладом концепции Левого в мировую науку о переводе.

Список литературы:

- Левый, И.* Искусство перевода. Перевод с чешского и предисловие Вл. Россельса. М.: Прогресс, 1974, 396 с.
- Levý, J.* České teorie překladu (1). Vývoj překladatelských teorií a metod v české literatuře. Praha: Ivo Železný, 1996. 273 s.
- Levý, J.* České teorie překladu (2). Praha: Ivo Železný, 1996. 323 s.
- Levý, J.* Die literarische Übersetzung. Theorie einer Kunstgattung. Übersetzt von Walter Schamschula. Frankfurt am Main: Athenäum, 1969.
- Levý, J.* Kapitoly z teorie a metodiky překladu. / Levý, J., Ilek, B. Praha: SPN. 1956. 94 s.
- Levý, J.* Translation as a Decision Process. // „To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday. “11 October, 1966. The Hague / Paris: Mouton, 1967 c. 1117-1182.
- Levý, J.* Umění překladu. Praha: Miroslav Pošta – Apostrof, 2012. 367 s.
- Levý, J.* Úvod do teorie překladu. Praha: SPN, 1958. 109 s.
- Vychodilová, Z.* Olomoucká etapa v profesním životě Jiřího Levého. Jiří Levý jako inspirace pro současnou rusistickou překladatelskou praxi. // Jiří Levý – zakladatel československé translatologie. Brno (в печати)
- Zehnalová, J. a kol.* Kvalita a hodnocení překladu: Modely a aplikace. Olomouc: Univerzita Palackého, 2015. 343 s.

Гарбовский Н.К.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Garbovskiy Nikolay
Higher School of Translation and Interpretation (faculty)
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

«ЦИФРОВОЙ ПЕРЕВОД». СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПРОГНОЗЫ

«DIGITAL TRANSLATION». PRESENT-DAY REALITIES AND FORECASTS

Определение «цифровой» в современном мире охватывает все новые и новые сферы. Если руководствоваться не только стремлением к следованию модным трендам, но необходимостью вскрыть сущность изменений, происходящих сегодня в сфере переводческой практики в условиях цифровизации и информатизации жизни общества, а также попытаться построить прогнозы относительно будущего профессии переводчика для эффективной подготовки будущих поколений переводческих кадров, то вопрос о сущности этого явления оказывается весьма актуальным.

The definition «digital» covers new and new areas in the modern world. If you are guided not only by the pursuit of fashion trends, but by the need to reveal the essence of the changes occurring in translation practice today in the conditions of digitalization and informatization of society, and also try to make forecast of the translator future profession to prepare future generations of translation personnel effectively, the essence of this phenomenon is highly relevant.

Ключевые слова: цифровой перевод, переводческая практика в условиях цифровизации и информатизации жизни общества, подготовка переводческих кадров.

Keywords: digital translation, translation practice in the conditions of digitalization and informatization of society, preparation of translation personnel.

Определение «цифровой» охватывает все новые и новые сферы жизни современного общества. Наряду с техническими понятиями, такими, как «цифровые технологии», «цифровое телевидение» и т.п., определяющими конкретные способы и средства обработки, хранения и передачи информации, возникают метафоричные имена, настораживающие размахом заключенного в них содержания: «цифровая эпоха», «цифровое общество», «цифровой мир» и др. Цифра поистине правит современным миром: цифровая экономика заявлена как магистральное направление экономического развития многих стран. Правительство Казахстана, например в 2017 г. приняло государственную программу «Цифровой Казахстан». Представители самых различных сфер деятельности заявляют о цифровизации своих отраслей. Врачи называют это явление «цифровой медициной», юристы говорят о «цифровом праве» и даже о «цифровой правосудии», историки называют «цифровой историей» использование компьютерных технологий и цифровых медиа для исторического анализа, исследований и визуализации данных и т.п.

В сфере образования ведутся жаркие дискуссии не только о преимуществах и недостатках цифровых учебников, но и о «цифровой педагогике», и даже о «цифровой дидактике» в целом.

В этих условиях у специалистов в области теории, методологии и практики перевода возникает закономерный вопрос: не пришло ли время, следуя современным трендам, заявить о «цифровом переводе»? В самом деле, если руководствоваться не только стремлением к следованию интеллектуальной моде, но необходимостью вскрыть сущность изменений в переводческой практике и в подготовке переводческих кадров, как происходящих сегодня на наших глазах, так и прогнозируемых на ближайшие 10-20 лет, то вопрос о корреляции перевода и «цифры» оказывается далеко не праздным.

В этой связи представляется важным рассмотреть четыре группы вопросов: о сущности явления, определяемого как «цифровой перевод»; о характере взаимодействия перевода и цифровых информационно-коммуникационных технологий в современном мире; о возможных изменениях в профессии переводчика в ближайшие 20 лет; о подготовке переводческих кадров для «цифрового общества».

Введение в научный и повседневный оборот понятия «цифровой перевод» требует определения его объема и содержания. Какие явления в современном межъязыковом коммуникационном пространстве могут быть определены как «цифровой перевод»? Идет ли речь о переводе, выполняемом переводчиком с использованием цифровых информационно-коммуникационных технологий, или же в новую модную одежду облачается уже хорошо знакомое понятие перевода, осуществляемого не человеком переводчиком, а его «электронным заменителем», известное в под именами «машинный перевод» (когда на первой стадии к переводу привлекались мощности электронно-вычислительных машин), и позднее «автоматический», или «компьютерный», перевода?

Представляется, что понятие «цифровой перевод» относится к более сложной системе противоречивых отношений в биноме «человек-умная машина». В этой системе сочетаются и взаимная выгода, и откровенный антагонизм.

Взаимная выгода отношений между человеком и машиной в этой системе очевидна. С одной стороны, умная машина, мгновенно оперирующая большими данными, позволяет переводчику быстро просмотреть возможно большое число вариантов вызвавшего затруднения «конкретного случая» и сделать свой выбор, обоснованный индивидуальной логикой. С другой стороны, каждый новый вариант перевода «конкретного случая», предложенный переводчиком и попавший в облако больших данных в глобальной

информационной системе, обогащает систему и позволяет самообучающейся машине использовать его в дальнейшем для новых переводческих решений.

Антагонизм между машиной и человеком вызван, с одной стороны, все нарастающим беспокойством о будущем человеческой профессии переводчика, которого во всех ситуациях межъязыкового общения постарается заменить искусственный интеллект, что экономически более выгодно, а с другой стороны, критикой в адрес программ автоматического перевода, предлагающих варианты, не способные конкурировать в самых различных ситуациях межъязыкового общения с вариантами переводчика-человека.

Таким образом, «цифровой перевод» сегодня – это новый вид технологии перевода, представляющий собой систему сетевого взаимодействия переводчика и цифровых информационно-коммуникационных средств, способствующий возрастанию эффективности переводческой деятельности и качества переводческой продукции. Представление о «цифровом переводе» имеет исторический характер и с течением времени будет изменяться, дополняясь новыми смыслами, по мере того, как будет эволюционировать характер взаимоотношений человека-переводчика и искусственного интеллекта.

Эпоха цифровизации начинается с началом нынешнего тысячелетия. «2002 год считается рубежом цифровизации: доли аналоговой и цифровой информации сравнялись. Сегодня «цифра» «правит бал», вытесняя аналоговую информацию «на обочину» современного развития информационного общества» [Садовничий, 2018, с. 197].

В этом довольно распространенном положении о начале цифровой эпохи привлекает внимание тот факт, что это начало однозначно связывается со сменой носителя информации: от аналоговых к цифровым. Поэтому совершенно закономерно речь идет и развитии информационного общества, котором человек в своей профессиональной деятельности, в социальных и бытовых отношениях отдает предпочтение информации на цифровых носителях, а в некоторых случаях просто вынужден пользоваться информацией, поступающей ему из цифровых источников. Такой процесс может быть определен как информатизация общественной жизни.

Но цифровизация, на мой взгляд, – понятие более широкое, так как включает в себя не только работу человека с информацией, поступающей на цифровых носителях, но и делегирование некоторых производственных и иных общественно значимых функций искусственному интеллекту, т.е. более высокий уровень цифровых технологий.

Если попытаться применить это различие информатизации и цифровизации к современным переводческим технологиям, то можно заметить, что информатизация

процесса перевода есть не что иное, как автоматизированный перевод, предполагающий использование переводчиком цифровых информационных технологий. Что же касается цифровизации перевода и, в конечном итоге, понятия «цифрового перевода», то в этом случае речь идет именно о **системе взаимодействия** переводчика-человека, использующего преимущества информационных технологий, и искусственного интеллекта, осуществляющего так называемый автоматический перевод и способного не только выполнять с той или иной степенью успешности функции переводчика-человека, полностью или частично заменяя его в некоторых ситуациях межъязыкового общения, но и постоянно самообучаться для повышения уровня своего «переводческого мастерства».

Возникает вопрос: что представляет собой эта система и как она функционирует в различных ситуациях межъязыковой коммуникации с переводом, когда объектом перевода оказываются речевые произведения разного содержания, разных речевых жанров, различающихся степенью авторского индивидуального своеобразия форм речи.

Для ответа на этот вопрос представляется целесообразным прежде всего разграничить два традиционно различаемые по способам восприятия исходного сообщения и порождения нового высказывания на языке перевода вида перевода – устный и письменный.

Сегодня новые цифровые технологии в большей степени внедряются в область письменного перевода. Именно в этой сфере ощущается наибольшая заинтересованность работодателей в автоматизации переводческого процесса и применении цифровых технологий, предполагающих ощутимую экономическую выгоду. Сетевое взаимодействие в едином цифровом информационном пространстве, явление «межъязыковых больших данных» оказывают положительное влияние на производительность процесса перевода, скорость решения переводческих задач, качество переводческой продукции.

Ситуации межъязыкового общения, предполагающие участие переводчика для устной коммуникации, весьма многообразны и вариативны, как по степени ответственности переводчика за успешность коммуникации, так и по формам протекания самого процесса устного перевода.

Межъязыковая коммуникация в множестве типичных, часто повторяющихся ситуациях социального общения, предполагающих определенный набор необходимых для обеспечения взаимопонимания высказываний (отель, ресторан, аэропорт, туризм и пр.) дает широкий простор применению автоматических переводчиков.

Синхронный конференциальный перевод текстов с часто повторяющейся и жесткой дискурсивной структурой также может рассматриваться как одна из будущих функций искусственного интеллекта.

Сегодня «цифровой перевод» делает еще свои первые шаги. Но тем не менее, мы с уверенностью можем говорить о том, что в мировой истории перевода началась новая эпоха. О.И. Костикова, изучая вопрос периодизации исторического развития перевода совершенно справедливо заметила, что объективным критерием, способным отделить один период истории перевода от другого мог бы стать исторической периодизации перевода мог способ хранения и передачи информации [см.: Костикова, 2011, с. 18]. «В самом деле, если оставить в стороне все лингвистические, культурные, эстетические и другие аспекты перевода, на которые опираются исследователи, члени весь исторический опыт перевода на периоды, то в наиболее общем плане перевод — это передача информации, заключённой в исходном сообщении от одного коммуниканта к другому, предполагающая переход от одного кода к другому. Передача информации с необходимостью предполагает канал, т.е. некую материальную основу. И если взглянуть на историю перевода с этих позиций, то в ней можно довольно отчётливо увидеть целый ряд периодов. Следует иметь в виду, что использование того или иного канала, существенно влияет на все аспекты переводческой деятельности, на технологию и стратегию перевода» [там же]. Тем не менее, полагает исследователь, подчеркивая необходимость изучения исторического опыта переводческой деятельности, «как бы ни совершенствовалась технология перевода, какие бы новые актанты не включались в процесс перевода, каждый переводчик вновь и вновь решает задачи, над которыми задумывались и Цицерон, и Иероним, и Доле, и Чуковский, и Бенъямин, и Берман, и многие другие писатели, переводчики, философы, обратившиеся к переводу [там же, с. 21].

Всякий акт перевода начинается с восприятия исходного сообщения. Исходное сообщение в письменной форме предполагает чтение как определенную когнитивную функцию, реализуемую переводчиком.

Сегодня все чаще письменный текст воспринимается, в том числе и переводчиком, ни со страниц бумажной книги, а из цифровых источников, т.е. в форме текста на электронных носителях после его цифровой обработки. Это вызвало к жизни понятие «цифровизации чтения», которая, по мнению некоторых исследователей, есть «естественная стадия его развития, детерминированная эволюцией письменной культуры и появлением новой, так называемой, «информационно-медийной, письменности, которая лежит в основе цифровой революции» [Мелентьева, 2018, с. 32]. Цифровое чтение, по

мнению Ю.П. Мелентьевой, «теряет линейный характер, нагрузка на мозг при чтении гипертекста намного больше, чем при линейном чтении, а возможность глубокого вдумчивого чтения заметно уменьшается. Снижается и, как показывают исследования, уровень понимания с степенью удовольствия от чтения» [там же, с. 34].

Подобное представление о когнитивных способностях человека современной цифровой цивилизации весьма настораживает. В переводческой деятельности понимание исходного текста является основной когнитивной функцией. Снижение уровня понимания исходного сообщения неизбежно ведет к смысловым ошибкам и искажениям, т.е. самым серьезным «грехам» переводчика.

За счет чего происходит снижение способности понимания текста? Считается, что цифровое чтение напоминает сканирование. Возможность обращения в ходе чтения к множеству ссылок, переходы к другим текстам в сети отвлекают от основного текста и снижают глубину восприятия.

В то же время формирование личности переводчика предполагает и развитие у него особых когнитивных способностей. Переводчик – самый внимательный читатель. Эта аксиома не теряет своей значимости и в цифровой среде. Переводчик с древних времен вынужден постоянно отвлекаться от основного сообщения в поисках необходимой информации: словари, справочники, второстепенные источники, комментарии и пр. При этом он не лишен способности вновь вернуться к тексту-объекту перевода. Желание облегчить процесс постоянного поиска информации приводило к совершенствованию поисковых технологий. Достаточно вспомнить знаменитое «книжное колесо» – конструкцию, напоминавшую колесо водяной мельницы, на крыльях которой лежали раскрытые книги, изобретенную в конце XVI в. итальянским инженером Агостино Рамелли.

Современные информационные технологии – это очередной шаг на пути совершенствования способов поиска попутной информации, необходимой именно для более полного понимания исходного сообщения.

Иначе говоря, переводческое чтение как процесс восприятия исходного текста, какова бы не была природа носителя информации, сохраняет свое основное свойство – глубину понимания, и свой характер – линейность. Переводчик, «поплавав по волнам Интернет», в поисках необходимой именно для максимально полного понимания текста, возвращается к тексту-объекту перевода и продолжает его «линейное освоение». Отсюда следует вывод: глубина понимания в процессе чтения не столько зависит от природы носителя информации, сколько от цели чтения. Цель переводчика – успешный перевод глубоко понятого исходного текста.

Рассмотренный пример с чтением в цифровой среде заставляет внимательно взглянуть на основные задачи дидактики перевода для формирования переводческих кадров будущего, которой необходимо разрешить основное противоречие между когнитивными способностями, формируемыми спонтанно цифровой средой, и когнитивными способностями, необходимыми для осуществления перевода, в условиях когда первые противодействуют развитию вторых.

Однако это не единственная задача современной дидактики перевода. Президент давосского экономического форума Клаус Шваб, известный своими часто сбывающимися экономическими прогнозами, заявляет о наступлении 4 промышленной революции: «Из множества разнообразных и увлекательных задач, стоящих перед современным обществом, наиболее важной и впечатляющей является осознание и формирование новой технологической революции, которая предусматривает как минимум преобразование человечества. Мы стоим у истоков революции, которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение. По масштабу, объему и сложности это явление, которое я считаю четвертой промышленной революцией, не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества» [Шваб, 2016, с. 8]. В результате этих революционных технологических изменений некоторые профессии окажутся невостребованными: «Технологическое развитие всегда уничтожало какие-то профессии, заменяя их новыми и иными видами деятельности, возможно в другом месте» [там же, с. 33]. Коснется ли это профессии переводчика, уже сейчас конкурирующего, пока успешно, с искусственным интеллектом? Сколько в условиях победившего цифрового пространства понадобится переводчиков? Для каких сфер деятельности? С какими компетенциями и когнитивными способностями? С какими языковыми комбинациями? Каков будет характер его взаимодействия с искусственным интеллектом? Останется ли перевод в том виде, в каком мы привыкли его представлять себе сегодня?

На все эти и еще очень многие вопросы должна ответить современная дидактика перевода, ведь, те, кто приходит сегодня осваивать специальность переводчика, выйдут на рынок труда только через 5-6 лет, когда искусственный интеллект достигнет такого уровня способностей, который предсказать сегодня сложно.

В начале XX в. была популярной поговорка: «генералы всегда готовятся к прошлой войне». Если продолжать готовить сегодня переводчиков по тем моделям и представлениям о переводческой деятельности, которые сложились десятилетия тому назад, и пока еще не утратили своей актуальности, то можно уподобиться таким генералам, а формируемое

сегодня новое поколение переводчиков может оказаться не готовым к грядущим изменениям общественной жизни.

Список литературы:

Костикова О.И. История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе. // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 2.

Мелентьева Ю.П. Цифровое чтение как технология обучения и образования. // Доклады научного совета по проблемам чтения. Вып. 15. Материалы Постоянного Круглого стола «Цифровое чтение: ресурсы, инструменты, практики». М.: Российская академия образования. 2018.

Садовничий В.А. Большие данные в современном мире // Садовничий В.А. Математика в созвездии наук. Избранные выступления. М. : 2018.

Шваб К. Четвертая промышленная революция / «Эксмо», 2016 — (Top Business Awards).

Гонджилашвили Н.Г.
ТГУ имени Ивана Джавахишвили
г. Тбилиси (Грузия)

Gonjilashvili Nana
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
Tbilisi (Georgia)

ПЕРЕВОД ЭКВТИМЕ ТАКАИШВИЛИ «ЖИТИЕ СВЯТОЙ НИНЫ»

EKVTIMETAKAISHVILI'S TRANSLATION OF THE «LIFE OF ST. NINO»

В труде обобщенно рассмотрены сохранившиеся справки в русской литературе о св. Нине и обращении Картли в христианство, а также краткая история о существующих переводах сочинения на русский язык. Подчеркнуто, что перевод «Житие св. Нины» Э. Такашвили отличается от всех других доскональной точностью по отношению к подлиннику, мастерством передачи художественного и эстетического мира, совершенством научного аппарата и учётом принципов перевода. Здесь же рассмотрены композиция и структура текста, его содержательная сторона, методика перевода семантических единиц, глубина выражения отдельных художественных эпизодов и сохранность поэтичности первоисточника. Указано, что перевод выполнен на высокопрофессиональном уровне, максимально близок к оригиналу и, в целом, до сегодняшнего дня имеет научную ценность. Перевод Э. Такашвили сыграл значительную роль в популяризации грузинской литературы в русской среде.

The work provides general overview of data about St. Nino and conversion of Kartli to Christianity maintained in Russian literature, as well as brief history of Russian translations of the work. It should be mentioned that E. Takaishvili's translation of "Life of St. Nino" is distinguished from the other translations with its accuracy, skillful description of the artistic-esthetic world, perfection of the scientific instrumentation and due regard of the translation principles. Here is provided also the composition and structure of the translated text, its contents, methodology of translation of the semantic units, depth of expressiveness of some episodes and maintaining of the poetic nature of the original work. It is mentioned that the translation is made at high professional level, as close to the original as possible and overall, maintains the scientific value up to present. Translation by E. Takaishvili has played significant role in popularization of Georgian literature in the Russian-speaking world.

Ключевые слова: св. Нино, Картли, христианство, Э. Такашвили, оригинал, перевод.

Keywords: St. Nino, Christianity, Kartli, E. Takaishvili, original, translation.

«Житие святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии» – основа основ грузинской христологии. Это подтверждается также многочисленностью редакций творения. До нас дошло пять редакций «Жития святой Нины» – Синайский (IX-X в.в.), вошедшие в разделенное на 16 глав произведение «Обращение Грузии (Картли)» Шатбердская и Челишские редакции (X в. и XII в.), сохранившаяся редакция в «Жизни картлийских царей» Леонтия Мровели (XI в.), метафразированная редакция Арсена Монаха (XII в.) и перефразированная редакция неизвестного автора (XIII в.).

Сведения о принятии христианства святой Ниной и Картлийским царством в русских источниках встречаются с раннего периода. «Житие святой Нины» в русских письменных источниках известно тремя версиями – Летописная (1512 г.), Пролого-Свинаксарская («Чтение» на 27 октября) и включенная в «Рай мысленный» Стефана Атонели (1659 г.).

Особый интерес к Святой Нине русские проявляют с XIX века. В частности, Святая Нина упоминается почти во всех церковных календарях, печатаются различные варианты «Жития Святой Нины», в основном пересказы-перефразы; с 40-х годов XIX века в русских изданиях появляются краткие описания из жизни св. Нины, которые давали русским читателям представления о принятии христианства св. Ниной из Каппадокии и грузинами.

Самым ранним русским переводом «Жития св. Нины» под названием – «Нина – Просветительница Грузии» (издали в 1849 году с предисловием и комментариями переводчика) принадлежит известному общественному деятелю Дмитрию Кипиани (1811-1997).

«Житие св. Нины, просветительницы Грузии» вместе с кратким описанием жития и мученичества почти всех святых церкви Грузии напечатали в изданном в 1856-1860 годах в Петербурге сборнике «Жития святых Российской церкви, также иверских и славянских» (составитель – Андрей Муравьев). Об этих изданиях Ф. Брокгауз писал: «Сочинения Муравьева были первыми на русском языке книгами духовного содержания, получившими распространение в среде высшего русского общества» [Брокгауз, 1897, 189].

В 1886 году в Москве напечатали книгу – «Житие святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии», в которой вместе с описанием жизни и деяний св. Нины была также передана идея покровительства Богородицы Грузии, связанные с крестом св. Нины известия и отдельные истории Грузии. Впоследствии по Московским изданиям церковные издания на русском языке «Жития св. Нины» несколько раз печатались в Одессе (1890, 1894, 1900, 1915).

В популяризации «Жития св. Нины» среди русскоязычного читателя особую роль сыграл Михаил Сабинин, изданные им в 1992 году сборник «Рай Грузии» (в котором впервые полностью представлена грузинская агиография V-XVIII в.в.) и книги – «Полное жизнеописание святых грузинской церкви» (издали тремя частями в Санкт-Петербурге в 1871, 1872 и 1873 годах), «История грузинской церкви до конца VI века» (1877). В этот период на русском языке были опубликованы труды грузинских ученых о принятии христианства Грузией и св. Ниной – «Жизнеописание святых, прославляемых православною грузинскою церковью» П. Иоселиани (1850), «О праздниках, установленных грузинскою церковью» Д. Пурцеладзе (1862), «Очерки по истории грузинской церкви» А. Хаханашвили (1897), «История грузинской церкви» М. Джанашвили (1898), «Проповедническая деятельность апостола Андрея и св. Нины в Грузии» Ив. Джавахишвили (1901).

Среди существующих разнообразных переводов на русский язык о заслугах св. Нины и обращении в христианство Картли выделяется труд Эквтиме Такашвили «Три исторические хроники», в состав которого входило «Обращение Картли» (литературный памятник был найден в 1888 году). Ученый думал, что для исследования и популяризации грузинской культуры было необходимо перевести и издать на русский язык значительные тексты. Из рукописей Э. Такашвили хорошо видно, какое значение придается переводу этих материалов на русский язык и как много времени он уделял этой работе: «Издание на русском языке труда для меня было материально полезно (оплата за страницу составляла один рубль), однако для дела оказалось накладным: если я делал бы это на грузинском языке, то успел описать-издать все рукописи. Перевод на русский язык требовал большого времени» [Такашвили, 1968, с. 183]. В другом месте он пишет: «Мы решили издать этот труд на русский язык, чтобы материалы стали доступны для широких кругов востоковедов» [Такашвили, 1904, с. 11]. Поэтому Э. Такашвили сочинение перевел на русский и в 1900 году напечатал в известном органе «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. X, VIII. В этом же году труд издал книгой.

Немного о переводчике. Эквтиме Такашвили (1863-1953) – известный грузинский историк, археолог и общественный деятель; один из основателей Исторического и этнографического общества Грузии (1889), Тбилисского государственного университета, также Национал-демократической партии Грузии (1917) (Подпись Э. Такашвили зафиксирована на Акте независимости Грузии); профессор (1918); член Учредительного собрания Демократической Республики Грузия (в 1919-1921 годах); Парижского нумизматического общества (с 1922 года), затем действительный член Общества Азии Франции (с 1925 года); академик Академии наук Грузии (1946). В 2002 году Православная церковь Грузии провозгласила Эквтиме Такашвили святым.

После аннексии Красной армией Грузии, Э. Такашвили, несмотря на крайнюю нужду, в 1921-45 годах сохранил и затем вернул в целостности на родину, вывезенную во Францию казну Грузии, в связи с чем его прозвали «Казначеем Грузии».

Под руководством Э. Такашвили осуществили не одну научную экспедицию. Он изучал и исследовал историю Грузии, собирал археологические и этнографические предметы, рукописи (собрал 17 рукописей «Витязя в тигровой шкуре»); описал состояние и древности монастырей и церквей, исследовал фрески; собрал богатые фотоматериалы; изучил и издал не одно древнегрузинское произведение; основал две научные серии – «Древняя Грузия» и «Древности Грузии»; составил грузино-французский словарь (1928-31).

Труды Эквтиме Такашвили - *Три исторические хроники*, Тифлис, 1890; Новый вариант «Жития св. Нины» или вторая часть «Обращения Картли», Тифлис, 1891 (на груз. яз.); *Описание рукописей Общества распространения грамотности среди грузинского населения*, т. 1-2, кн. 1-8, Тифлис, 1904-12; *Житие Картли*, Тифлис, 1906 (на груз. яз.); *Археологические экскурсии, розыскания и заметки*, в. 1-5, Тифлис, 1905—1915; *Христианские памятники*, Москва, 1909; *Les antiquités géorgiennes. Société géorgienne d'histoire et d'ethnographie*, Tiflis, 1909; *Album d'architecture géorgienne. Éd. de l'Univ. de Tiflis*, Tiflis, 1924; *Georgian chronology and the beginning of the Bagratid rule in Georgia*. In: *Georgica*. v.I, London, 1935; *Государство иберов и государство картвов, «Мнатоби»*, 1948, No 8 (на груз. яз.); *Хроника Сумбата Давидовича о Багратионах Тао-Кларджети, в сб.: Материалы по истории Грузии и Кавказа*, в. 27, Тб., 1949 (на груз. яз.); *Археологическая экспедиция 1917 г. в Южные провинции Грузии*, Тб., 1952 и др.

Что касается перевода Э. Такашвили «Трех исторических хроник» на русский язык. Полное название труда – «Источники грузинских летописей. Три хроники (Обращение Грузии в христианство; Жизнь и известие о Багратидах, царях наших грузинских, откуда они явились в эту страну, или с какого времени владеют они царством Грузинским, которое написал Сумбат, сын Давида; Хроника Месхийской Псалтыри)». По мнению Ал. Барамидзе, «собиранию и изданию трудов Э. Такашвили на русском языке способствовало также то, что их публикацию взял на себя известный орган СМЦМПК» [Барамидзе, 1966, с. 139].

«Обращение Грузии» до нас дошло в Шатбердской и в Челишской редакциях. Э. Такашвили перевел первую из них. Пробелы Шатбердской редакции (Челишская редакция еще не была известна) ученым восполнялись из произведения, для которого «Обращение Грузии» послужило источником – «Житие святой Нины».

Объем перевода на русский язык «Обращения Грузии» превышает в два раза грузинский текст. Если объем грузинских текстов «Обращение Грузии» и «Хроники Сумбата» составляет 79 страниц, соответствующий текст на русском языке вместе с комментариями составляет 182 страниц. Отсюда ясно, в каком объеме приложил Э. Такашвили комментарии к русскому тексту. Э. Такашвили принадлежал к той группе переводчиков, для которых точность и простота были более значительны, чем художественная выразительность переведенного текста, его эмоционально-эмпатическая сторона. Поэтому он особое значение придает точности переведенного текста и почти слово в слово следует за оригиналом.

Свои соображения о переводческих принципах Э. Такашвили высказал также М. Банцадзе, в частности она пишет: «В русском переводе, в отличие от грузинского текста, не

дано того обширного, равного исследованию вступления, где Э. Такашвили рассуждает о происхождении источников, рукописях, существующих неточностях или других значительных вопросах. Здесь даны только тексты всех трех хроник, однако довольно большое место отведено сносам, где Э. Такашвили старается как можно полно рассмотреть все значительные вопросы, которые непосредственно связаны с текстом. Таким образом, он, по мере возможности, полностью охватывает значительную часть введения грузинского текста, которое связано не только с текстом, но и с вопросами вокруг него, включая описания рукописи. Сам текст «Хроники» Э. Такашвили перевел предельно точно, с большим вниманием» [Банцадзе, 2001, с. 132].

В нижеследующем труде речь пойдет о входящем в «Обращение Картли» обширном тексте «Житие св. Нины», который условно относят ко второй части вышеупомянутого сочинения. Прежде чем приступим к непосредственному рассмотрению вопроса, следует отметить, что в располагаемой нами научной литературе основательной оценки и рассмотрения принципов перевода Э. Такашвили «Житие св. Нины», мы не обнаружили. Таким образом, нижеследующий труд - одна из первых попыток изучения перевода и, соответственно, исходя из формата доклада, мы не сможем полностью исчерпать связанную с вопросом проблематику, поэтому ограничимся несколькими вопросами.

В первую очередь, внимание обратим на заглавие сочинения в целом. Э. Такашвили в переводе рядом с заглавием подлинника – «Обращение Грузии» в скобках указал – (въ христианство), чем для русского читателя конкретизировал и сделал ясным вопрос, о чем будет повествование.

Что касается композиции и структуры сочинения. Э. Такашвили, как и в случае всех других компонентов сочинения, и здесь неизменно следует за первоисточником. Текст «Жития св. Нины» в переводе также представлен главами, которые имеют досконально соответствующие подлиннику заглавия. Последовательность глав такова – [Глава III]. Житие Святой Нины; Глава IV, написанная тою же Соломе уджармийскою; Глава V. Прибытие Св. Нины въ Мцхету, написанное тою же Соломе уджармийской; Глава VI, которую написала женщина еврейка, по имени Сидония, дочь священника Авиатара; Глава VII, сказанная женщиною Сидониею же; Глава IX сказанная ею же; Глава XI, сказанная ею же; Глава XII, сказанная Авиатаромъ, который былъ первосвященникомъ въ святилище евреевъ въ Мцхете и принялъ крещение изъ рукъ Нины; Глава XIII. О Честномъ Кресте, которое написали Яковъ; Глава XIV. Воздвижение Честнаго Мцхетскаго Креста и затемъ новое явление его; Письмо, которое написалъ передъ смертью царь Картліи Миреанъ. рукою архіепископа Якова, и далъ Соломе уджармийской, жене своего сына, которая была

поистине сведуща во все; Завещание царя Миряна сыну своему Реву и супруге своей Нань.

Чтобы читателю было более понятно название той или иной главы, переводчик сопровождает их довольно исчерпывающими комментариями, в которых отмечено, как они представлены в подлиннике сочинения или в его других вариантах, какие отличия выявляются при их сравнении (в ряде случаев с целью предоставления читателю всей информации названы отсутствующие в подлиннике эпизоды, которые зафиксированы в других источниках, например, у Сократа, Руфинуса и Феодорита Кирского), когда оканчивается та или другая глава и др. Примером приведем несколько комментариев. Название четвертой главы имеет в сноске следующие комментарии: «Первые три главы нашего источника не обозначены в оригинале, но очевидно, что первую главу составляет приведенная нами выше краткая хроника (стр. 1- 48)» и «В других вариантах следующий рассказ примыкает к предыдущему и не выделен в особую главу» [Такаишвили, 1900, 56]. Встречаются и такие комментарии – «Этимъ кончается пятая глава нашего оригинала (ср. съ Н. Г. р. 99 -100). Обозначение главы, вероятно, имело место на прапавшемъ листе» [Такаишвили, 1900, с. 66].

Последнее разъяснение, которое представляет собой предположение ученого, отчасти восполняет недочеты названия главы. В одном из комментариев VIII главы читаем: «Вместо этих двух параграфов, в других вариантах имеется довольно подробный рассказ о первых последовательницах и последователях св. Нины, об исцелении ею одного отрока и самой царицы Наны (см. Н. Сг. р. 109 -110)» [Такаишвили 1900, с. 80]. О представленном в конце произведения письме царя Мириана, написанном перед смертью, переводчик замечает, что оно не сохранилось ни в одном варианте сочинения, но о завещании царя Мириана, предназначенном царице Нане и своему сыну, говорит, что под таким названием оно нигде не встречается, хотя отмечает, что само завещание приведено в более полной версии. Э. Такаишвили вместе с предоставлением дополнительной информации подобными разъяснениями подчеркивает значение древнего сочинения.

При ознакомлении с комментариями в сносках выясняется, что Э. Такаишвили не оставляет без внимания ни один нюанс, подробно говорит о той или иной детали, лаконично и просто разъясняет более или менее расплывчатые пассажи, восполняет конкретные отрезки справками других редакций, чем полностью удовлетворяет любознательность читателя и вооружает его многосторонними знаниями, подготавливает основу для лучшего восприятия-познания сочинения в дальнейшем.

В общем, при рассмотрении перевода значительное внимание уделяется собственным, географическим и обозначающим происхождение и должности названиям, как они представлены, каким принципам следует переводчик при их переносе.

Перед непосредственным рассмотрением вопроса нужно отметить, что в 1989 году перевод «Обращение Картли» Э. Такаишвили издали серией «Источники по истории Грузии» (текст издания подготовила, приложила исследования и комментарии Мариам Чхартишвили). В предисловии М. Чхартишвили отмечает, что «перевод выполнен на высоком профессиональном уровне, максимально приближен к оригиналу и, в целом, по сегодняшний день сохраняет научную ценность [Чхартишвили, 1989, с. 9]. Вместе с тем учёный отмечает, что перевод и комментарии Эквтиме Такаишвили отредактировала картами и обогатила замечаниями, почти с интервалом в целый век отразила результаты источниковедческого исследования и герменевтического анализа. Таким образом, будет интересным их сравнение в определенных случаях, поиск сходства и различий, что, в свою очередь, будет представлять собой полученные новшества в результате современных исследований и поисков.

В переводе «Три исторические хроники» (куда входит «Житие св. Нины»), отмечает М. Банцадзе, при перечислении библейских лиц Э. Такаишвили некоторые имена оставляет в соответствии с произношением в грузинском языке. По его высказыванию, «мы удерживаем в тексте грузинскую транскрипцию некоторых имен». Ученый выносит транскрипцией грузинского языка географические и топонимические названия, однако в ряде случаев русскоязычному читателю разъясняет содержание некоторых топонимов» [Банцадзе, 2001, с. 132].

Собственно в переводе «Житие св. Нино» собственные имена, в основном перенесены без изменений, поскольку эти имена в обоих языках читаются одинаково. Приведем несколько примеров, в частности в сочинении упоминается несколько имен приближенных к Нине верующих женщин – Рипсиме, Гаиане, Сусанна, Сарра, Нана, Шрошана, Суджи, Анастось. В связи с последним именем переводчик в сноске ссылается на отличное прочтение варианта Вахтанга Багратиони (въ Вахт. Ред. – Анастасия). В сочинении в то же время встречаем перевод женских собственных имен – Перожавра (груз. Перожавр), Елена (груз. Елене), Мария (груз. Мариами).

Мужские имена, главным образом, представлены в русской форме –_Георгий (груз. Гиорги), Ювеналий (груз. Иобенали), Лазарь (груз. Лазаре), Петр (груз. Петре), Моисей (груз. Мосе), Авиатарь (груз. Абиатари), Завулонь (груз. Забилони). В связи с последним именем в сноске имеется такое разъяснение – «Все другие списки тутъ прибавляютъ: по

имени Завулонъ (въ некоторыхъ спискахъ: Забилонъ: М.: Забулонъ)» [Такаишвили, 1900, с. 51] и т.д. Без изменений перенесены имена царей Картли и Армении – Мириан, Трдат. Имена языческих богов Картли перенесены грузинской транскрипцией – Армаз и Заден, Гацц, Га. Имя бога халдеев так же представлено подобным образом – Итрушана, к нему переводчик в сноске приложил разъяснение «Въ другихъ вариантахъ имя этого бога Итруджанъ» [Такаишвили, 1900, с. 51].

В последующем издании перевода Э. Такаишвили «Три исторические хроники» (ред. М. Чхартисвили) мужские и женские имена представлены также в переводе Э. Такаишвили. Лишь в одном месте встречается изменение, в частности Перожавр приведен в грузинской транскрипции.

Э. Такаишвили некоторые термины, обозначающие должности и звания, оставляет без перевода, например, «Мтавари» (рус. «князь»), «Эристави» (буквально – глава народа), эриставств (буквально – владения главы народа).

В издании «Три исторические хроники» 1989 года «Мтавари» заменен словом «Знатный», «Эристави» же и здесь оставили без изменений, хотя вместо «Саэриставо» встречаем «Княжество».

Что касается топонимов и названий, обозначающих происхождение-родословие. В переводе они встречаются в грузинской транскрипции, например, княжества (саэриставо) – Холамай, Хозабай, Хлачай, Хенешаги, Тимгараги, Закай, Гзай, Заргай, Зардай, Зармай, Тмонигопи (подобная картина фиксируется и во втором издании сочинения). Э. Такаишвили и в этом случае прибегает к сноске и представляет сохранившиеся в различных вариантах их отличные версии (напр. Хозабъ, Хозамо, Холамъ).

В перевод без изменения перешли названия краёв, городов и поселений – Каппадокия, Картли, Константинополь, Иерусалимъ, Коласте (схол. въ городе Кодастре), Урбниси, Уджарма, Баратиани, Буди, Улопореть, Мцхета, Двин, Мухранъ, Эларбини, Сапурцли, Киндзара, Рабата, Улопореть, Могвта и т.д. В ряде случаев также обстоит дело в обозначении гор, озер и рек, например, гора Тхоти, озеро Паравана, река Иорданъ, Алазани, однако, упоминается Кура (груз. Мтквари). В тексте также встречаются случаи перевода топонимов, в частности, Греция, Римъ, Армения и т. д.

Переводчик по большей части в сносках разъясняет их расположение, приводит варианты их различного прочтения, чтобы у читателя создать четкое представление о целом ряде неясных мест. В качестве примера используем один пример – Бранджи. В сноске читаем: «Неизвестно, какой народъ подразумевается подъ бранджами, потому что это название въ Жития св. Нины ни въ одномъ грузинскомъ источникъ не попадается»

[Такаишвили, 1900, с. 52]. Тут же ученый приводит соображения по этому вопросу Вахушти Батонишвили, что, возможно, бренджи были уроженцами города Испанской Каталонии Барцалонии (Барцелонии), «ибо названия Бренджи и Барцалонь похожи, а Каталонь отличается отъ грузинскаго Паталонь только одною буквою, тамъ же находилась глубокая река и поле Гиаталонское или Каталонское. Кроме того, тамъ живутъ баргузы – то же, что грузинские бренджи» (там же). Э. Такаишвили добавил: «Грузинологи, касавшиеся вопроса о бренджахъ, приурочивали этотъ народъ то къ франкамъ, то къ бургундцамъ, то къ фризамъ и британцамъ, то фригийцамъ» (там же).

Во втором издании Э. Такаишвили (1989) бренджи разъясняется следующим образом: «Идентифицировать точно бренджей с каким-либо исторически известным народом не удастся. В них специалисты видят то франкские, то галльские племена и т. п. Таким образом, проблема не решена однозначно. Единственное, в чем совпадают мнения всех это то, что бренджи – это европейский народ. Дело в следующем: в поздних редакциях «Жития св. Нины» вместо этнонима «бренджи» находим «пранги» – по древнегрузинским источникам эквивалент европейцев» [Чхартишвили, 1989, с. 60].

В переводе Э. Такаишвили имена, обозначающие происхождение-родословие, по большей части, переведены, например, виолеемлянке, евреямъ, армянки, Магдалина, Каппадокийский, Джавахетский. Также встречаем и в грузинской транскрипции, в частности, уджармели, сивниели.

Нужно отметить, что Э. Такаишвили в грузинской транскрипции приводит слово «Миафора» и не разъясняет его, только указывает его отличную форму – «Ниафора». Также прямо перенесено слово «евадаги». Ученый тут же отмечает, что пока специалистами не выяснится значение этого слова, его в «Житие Картли» нужно понимать в фиксированном значении – «родственница и потомокъ царей». Это слово во втором издании перевода «Трёх исторических хроник» приводится именно в этом значении.

Вместе со всем вышесказанным, очень важно также изучение перевода с художественной и эстетической точки зрения. К чести Э. Такаишвили нужно отметить, что он с большим мастерством переводит художественно-поэтические пассажи грузинских текстов; не жалеет усилий и привлекает всевозможные выразительные средства, какие есть в оригинале, дабы русскоязычный читатель приобщился к древнейшим грузинским произведениям. С целью иллюстрации сказанного, приведем несколько примеров: «Я же осталась въ розовыхъ кустахъ, ибо розы и миндаль цвели тогда» – Говорит св. Нина [Такаишвили, 1900, с. 61]; «Все превратится черезъ тебя въ красную, благоухающую розу...» – Говорит Сидония св. Нине [Такаишвили, 1900, с. 73]; и еще – «Вижу, дитя мое,

силу твою, подобную силе львицы, которая возвышает свой голос над всеми четвероногими, или подобна ты орлице, которая выше орла поднимается въ высь небесную и зеницей своей, равной небольшой жемчужине, обнимает всю землю, выслеживает и намечает свою добычу и, наметивъ взоромъ, подобнымъ огню, съ шумомъ подбираетъ крылья и устремляется на нее. Да будетъ такова жизнь твоя, при руководительстве Св. Духа» [Такаишвили, 1900, с. 56].

На основании из всего вышеизложенного можно сказать, что перевод на русский язык Э. Такаишвили «Житие св. Нины», если привлечем его же слова, выполнен «с огромным вниманием», «порядок и правила» «строго» соблюдены, неясные и сомнительные места подробно разъяснены, восполнены другими вариантами источников, с художественно-эстетической точки зрения мастерски сложен и досконально приближен к подлиннику. По его мнению, свободный перевод исторических памятников и документов не целесообразен, поскольку он предназначен только для художественных памятников. Как он отметил, работая над подлинником, и здесь цель переводчика в том, чтобы «этот важный источник вместе с историческим значением не потерял и филологического значения» [Такаишвили, 1890, LLXXXV-VI].

Перевод Такаишвили «Обращение Картли» сыграл значительную роль в популяризации грузинской литературы. Как отмечает Д. Менабде, «Вышеупомянутый перевод выделяется и тем от опубликованных ранее материалов о св. Нине, что являлся высокопрофессиональным научным переводом, который создал целую эпоху с точки зрения ознакомления русского читателя с текстом «Обращения Картли» [Менабде, 2009, с. 261]. Высокую оценку дали переводу Н. Марр (Кавиладзе, 1991) и И. Джавахишвили (Джавахишвили, 1904). О высоком профессионализме, чрезвычайно утонченной переводческой культуре также свидетельствует повторная публикация перевода Э. Такаишвили почти спустя век.

Список литературы:

- Банцадзе М.* Переводческие принципы Эквтиме Такаишвили/ М. Банцадзе, журнал «Цискари», 5-6, 2001 (на грузинском языке).
- Барамидзе А.* Э. Такаишвили: Сборник исследователи древнегрузинской литературы/ Барамидзе А. Э. Тб.: издательство ТГУ, 1966.
- Джавахов И. А.* Грузия (Библиография) / Джавахов И. А. Византийский временник, 1904, т. XI, вып. 1-2.
- Менабде Д. Л.* «Обращение Картли» на иностранном языкеЖ Сборник Житие св. Нины и Обращение Картли/ Менабде Д. Л. Тб.: издательство Института литературы, 2009, с. 255-281 (на грузинском языке).

- Переписка Нико Марра и Эвтиме Такашвили (1888-1931)* / Составили, вступительную статью и комментарии приложили Р. Квиладзе и Г. Мамацашвили. Тб.: издание «Мецниереба», 1991 (на грузинском языке).
- Такашвили Э. С.* Три исторические хроники / Такашвили Э. С. Тиф.: Тип. К. Месхиева и С. Полетаева, 1890 (на грузинском языке).
- Такашвили Э.С.* Обращение Грузии. Перевод с древнегрузинского /Такашвили Э. С. Редакционная обработка, исследование и комментарии М. С. Чхартушвили, Тб.: «Мецниереба», 1989.
- Такашвили Э. С.* Источники грузинских летописей. Три хроники /Такашвили Э. С. СМОМПК вып. XXVIII, 1900, с. 1-116.
- Энциклопедический словарь* / Брокгауз Ф. А. [и др.]. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, т. XX, 1897 (словарь).

Горшкова В.Е.
Иркутский государственный университет
г. Иркутск (Россия)

Gorshkova Vera
Irkutsk State University
Irkutsk (Russia)

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ В ПРИЛОЖЕНИИ К АУДИОВИЗУАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ

UNIVERSALS OF TRANSLATION AS APPLIED TO AUDIOVISUAL TRANSLATION

Переводческие универсалии, интерес к которым обусловлен развитием корпусного переводоведения, обсуждаются в приложении к аудиовизуальному переводу. Наряду с термином «переводческие универсалии» М. Бейкер, рассматриваются «переводческие законы» Г. Тури, «переводческая интерференция / трансференция» Г. Тури / В. И. Черемисина, «переводческие гипотезы» Д. Жилия, «деформирующие тенденции» А. Бермана. Сравнение содержания означенных терминов позволяет констатировать их очевидное взаимное соответствие и комплементарность. Автором делается попытка установления переводческих универсалий на основе двух переводов субтитрами кинодиалога французского фильма «Intouchables» (Франция, 2011) на русский язык. Анализ позволяет выявить три категории различий (технические, культурологические и собственно лингвопрагматические). Вопреки ожиданию, в переводах не находят отражения такие общие переводческие универсалии, как нормализация, упрощение или интерференция французского языка. Во-первых, прослеживается очевидное стремление переводчиков сохранить или даже усилить выраженный разговорный регистр исходного текста средствами переводящего языка. Во-вторых, наблюдается парадоксальное использование англоязычных реалий для обозначения фактов французской культуры, что является отражением общей тенденции глобализации.

Translation universals increasingly drawing researchers' attention largely due to the development of corpora translation studies are discussed through the prism of their application to audio-visual translation. Along with M. Baker's term "translation universals", there are considered G. Toury's "translation laws", "translation interference/transference" proposed by G. Toury and V.I. Cheremisin, "translation hypotheses" advanced by D. Gile and A. Berman's "deforming tendencies". Comparison of the terms listed points to their undeniable inter-correlation and complementary character. We attempt hereby to identify translation universals based on two Russian subtitled translation versions of the film dialogue in the French film «Intouchables» (France, 2011). Three categories of differences have been revealed: technical, culturological and linguopragmatics per se). Contrary to our expectations, the translation versions analyzed do not demonstrate such general translation universals as normalization, simplification of interference of the French language. The following conclusions were drawn: first, the translators obviously tend to preserve and even enhance vernacular register of the source text by target language means; second, the translators are clearly inclined to use English realia to denote some facts of French culture, which stems for the general tendency towards globalization.

Ключевые слова: переводческие универсалии, корпусное переводоведение, аудиовизуальный перевод, перевод субтитрами.

Key words: universals of translation, corpora translation studies, audiovisual translation, subtitling.

L'apparition d'un nouveau support comme le cinéma va également générer, au fur et à mesure de son évolution, de nouveaux types de traductions avec leurs techniques et leurs impératifs [Ballard, 2013, p. 210]

Понятие универсального в языке и переводе волнует умы исследователей с самого начала становления теории перевода как науки.

Что касается языковых универсалий, известный специалист в области истории и эпистемологии языка Сильвен Ору отталкивается от идеи существования некоего ментального языка (в терминах Дж. Фодора), отличного от естественного языка, благодаря которому человек может выразить на любом языке любые мыслительные сущности в силу универсальности последних, что и способствует переводимости или «выразимости» (в терминах Дж. Каца) [Ору, 2000, с. 2002]. В фундаментальном труде основоположника французского переводоведения Жоржа Мунена эта проблема трактуется в ракурсе анализа «картин мира», сформированных той или иной культурой, в ходе которого ученый объясняет возможность перевода наличием целого ряда универсалий, выходящих за рамки собственно языковых. К таковым относятся референциально обусловленные «космогенные» или «экологические» универсалии (холод/тепло, дождь/ветер, земля/небо, животный/растительный мир, день/ночь и т.д.), универсалии биологические, неотъемлемые от существования человеческого вида (еда, напитки, дыхание, сон, отправление физиологических потребностей и т.д.), физиологические (цвет), био-психологические (пространство и время) и т.д. [Mounin, 1963, p. 196–202].

Понятие собственно переводческих универсалий приобрело особую значимость в конце XX века в связи с развитием корпусного переводоведения, основной задачей которого становится «исследование объективных закономерностей, обуславливающих лингвистический выбор переводчика рядом экстралингвистических факторов» [Куниловская, 2015, с. 2]. В контексте наших размышлений важно подчеркнуть определенный всплеск интереса к переводческим универсалиям в современном отечественном переводоведении. В этом плане особенно выделяются корпусные изыскания М. А. Куниловской [Куниловская, 2017] и Е. С. Краснопеевой [2015а, 2015б, 2016], опирающиеся на идею переводного дискурса, обоснованную в трудах Н. К. Гарбовского [Гарбовский, 2004, 2011, 2016].

Если обратиться к хронологии трактовки переводческих универсалий в означенном ракурсе исследований, последняя восходит к основополагающей статье Моны Бейкер «Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications» [Baker, 1993]. В основе рассуждений исследователя лежит мысль о том, что переведенные тексты представляют собой реальные акты коммуникации, имеющие равные права на существование наряду с другими актами коммуникации, но отличные по своей природе. Соответственно, возникает необходимость в определении / конкретизации таких отличий,

что становится возможным благодаря достижениям корпусной лингвистики, позволяющей анализировать переведенные тексты с использованием больших информационных массивов (банков данных). По мнению М. Бейкер, благодаря такому анализу удастся лучше понять саму суть перевода как деятельности.

В упомянутой выше статье М. Бейкер так определяет переводческие универсалии: «features which typically occur in translated text rather than original utterances and which are not the result of interference from specific linguistic systems» [Baker, 1993, p. 243]. То есть, речь идет о явлениях, возникающих в процессе переводческой деятельности, не имеющих места в ИЯ, но наблюдаемых в ПЯ вне зависимости от пары языков, типа текста или личности переводчика. Автор выводит четыре основные переводческие универсалии (ПУ):

1. Разъяснение (explicitation), находящее свое проявление в стремлении переводчика прояснить содержание исходного текста на переводящем языке («*overall tendency to spell things out rather than leave them implicit*»).

2. Упрощение (simplification), проявляющееся в тенденции создавать более простые тексты на ПЯ по сравнению с текстами аналогичной тематики на языке оригинала («*tendency to simplify the language used in translation*»).

3. Нормализация (standardization) – стремление переводчика задействовать все нормативные ресурсы переводящего языка с опорой на стандартные конструкции, маскирующие творческий потенциал автора исходного текста («*tendency to exaggerate features of the target language and to conform to its typical patterns*»).

4. Нивелирование различий переводимых текстов, перевод последних без учета используемого автором регистра, в то время как в оригинальных текстах означенные различия присутствуют достаточно эксплицитно («*tendency of translated text to gravitate towards the centre of a continuum*»).

Идеи М. Бейкер в отношении переводческих универсалий были подхвачены другими переводоведами. Так, французский исследователь Даниэль Жиль понимает последние более узко как тенденции, отражающие неотъемлемые характеристики собственно перевода вне зависимости от рассматриваемой пары языков. Такие универсалии Д. Жиль относит к гипотезам, что вполне объяснимо, учитывая большую сложность формализованного подтверждения существования последних, несмотря на то что названные теоретические гипотезы находят подтверждение и обоснование в процессе практической переводческой деятельности. Среди таковых фигурируют: 1) гипотеза разъяснения, постулирующая большую ясность перевода по сравнению с оригиналом; 2) гипотеза лингвистической нормализации, объясняющая более частое использование стандартных структур в переводе

в сопоставлении с авторскими структурами оригинального текста; 3) гипотеза, называемая автором «потенциальной», в соответствии с которой второй перевод одного и того же текста отличается меньшей «натурализацией», чем первый [Gile, 2014, p. 252–253].

Сравнение переводческих универсалий М. Бейкер и Д. Жилия демонстрирует их частичную корреляцию в плане разъяснения и нормализации текста на ПЯ. Однако в обоих случаях отсутствует упоминание феномена интерференции, нашедшего свое отражение в трудах израильского переводоведа Гидеона Тури, известного своим дескриптивным подходом к переводу. В своем труде «*Descriptive Translation Studies and Beyond*» (1995) Г. Тури формулирует два закона, определяющих переводческую деятельность (цит. по [Baker, 2000, p. 290; Guidère, 2011, p. 93–94; Look, 2016, p. 184–185]): 1) закон нарастающей стандартизации (*law of growing standardization*) и 2) закон интерференции (*law of interference*).

Следуя этим законам, не носящим предписывающего характера, в переведенных текстах могут наблюдаться оба означенных выше явления. В первом случае переводчик стремится использовать при переводе структуры, типичные для ПЯ, что приводит к упразднению творческого начала в языковом оформлении исходного текста и его стилистической нейтрализации. По мнению Г. Тури, указанный закон с необходимостью определяется возрастом, уровнем билингвизма, профессиональным и социальным опытом переводчика. При применении второго закона переводчик переносит на ПЯ лингвистические явления, характерные для ИЯ. Любопытно в этом плане замечание Г. Тури, что явление интерференции с очевидностью зависит от «престижа» ИЯ и степени его влияния на принимающую культуру. Как видим, если первый закон практически совпадает с универсалией нормализации по М. Бейкер, второй не имеет ничего общего с классификацией, предложенной этим автором.

На наш взгляд, такое понимание переводческой интерференции Г. Тури коррелирует с обоснованием присутствия в переводном тексте явления трансференции, выдвинутого В. И. Черемисиным и понимаемого как «мотивированное отражение элементов языка оригинала в языке перевода», и прежде всего лексико-семантической трансференции, заключающейся в использовании в тексте на ПЯ «функционально-мотивированных лексических единиц, отражающих формы, значения и правила употребления соотносимых единиц ИЯ, что способствует достижению большей адекватности перевода и потенциально может рассматриваться как способ обогащения» (цит. по [Умерова, 2013, с. 69–71]). Именно трансференция в итоге приводит к появлению переводческого дискурса, пресловутого третьего кода, о котором нередко упоминают переводоведы.

Помимо терминов «переводческая универсалия», «переводческий закон», «переводческая интерференция / трансференция», существует целый ряд других терминов, среди которых особое место занимают «деформирующие тенденции» Антуана Бермана [Berman, 1984]. Таковыми автор называет деформации, которые претерпевают оригинальные тексты в процессе их перевода на ПЯ. Другими словами, многие переводы «склоняют» содержание исходных текстов «на свои нравы», происходит определенная «натурализация», приспособление последних к принимающей культуре, что говорит о нередко неосознанной тенденции этноцентризма. А. Берман приводит 12 таких деформирующих тенденций: 1) рационализация, 2) разъяснение, 3) растягивание, 4) облагораживание и вульгаризации, 5) качественное обеднение, 6) количественное обеднение, 7) нарушение ритма, 8) деструкция смежных значащих связей, 9) системная деструкция, 10) стирание местного колорита или его экзотизация, 11) деструкция образных и идиоматических выражений, 12) стирание языковых различий [Там же]. Анализ означенных тенденций позволяет соотнести их как с переводческими универсалиями в терминах, приведенных выше исследователей, так и с традиционными переводческими трансформациями и стратегиями фореизации и доместикации, используемыми в переводе. Любопытными в плане наших дальнейших рассуждений, наряду со стиранием языковых различий (12), представляются деформирующие тенденции облагораживания / вульгаризации (4), качественного и количественного обеднения (5-6), деструкции смежных значащих связей (8) и деструкции образных и идиоматических выражений (11). Но об этом ниже.

Краткий обзор подходов к понятию переводческих универсалий современными исследователями демонстрирует явный разброс мнений – от логических и собственно языковых обоснований до трактовки последних в ключевых для общей теории перевода терминах. Так, в «Толковом переводоведческом словаре» Л. Л. Нелюбина переводческие универсалии определяются следующим образом:

1. Понятия и категории перевода, существующие независимо от условий перевода, жанрового характера текстов и контактирующих языков. К ПУ можно отнести инвариант, сообщение, способы перевода, соответствия, единицу перевода и др.

2. Явления и категории, свойственные всем разновидностям переводческой деятельности: схема процесса перевода, инвариант перевода, единица перевода и т.д. [Нелюбин, 2003, с. 151]

В целом, сопоставление точек зрения позволяет выявить некие точки пересечения между отдельными положениями, разъясняющими суть переводческих универсалий.

Проанализируем последние в приложении к аудиовизуальному переводу (АВП), поскольку именно в этом виде перевода особенно «зримо» прослеживается еще одна проблема переводческих универсалий, связанная с фигурой переводящего, а именно, проблема «видимости / невидимости» переводчика, непосредственно коррелирующая с качеством перевода.

Проблема эта в указанном ракурсе еще ни разу не поднималась в переводоведении, оперирующем, главным образом, письменными текстами / устными сообщениями или коммуникативными ситуациями (в терминах В. В. Сдобникова). (Сравните коммуникативную ситуацию с использованием перевода – КСП 2 – для которой осуществление перевода изначально не планировалось, к каковым исследователь относит АВП, называемый им «аудиомедиаальным» переводом [Сдобников, 2015]).

По мнению исследователей, в силу своей специфики АВП, как никакой другой вид перевода, отвечает своей цели, придающей гораздо большее значение функции текста перевода, а не его форме, что позволяет говорить о переводе–адаптации [Haji-Abdollahi, 2018; Look, 2016; Şerban, 2008]. Об этом свидетельствуют, прежде всего, общие ограничения, налагаемые на АВП. Ограничения эти можно обозначить как интерсемиотические, поскольку аудиовизуальный переводчик с необходимостью должен принимать во внимание целый ряд составляющих, таких как собственно текст, видеоряд, звуковое/шумовое оформление, музыкальное сопровождение. Другими словами, он должен одновременно учитывать вербальные и невербальные / иконические и неиконические знаки. При этом не всегда очевидно, какие из означенных составляющих превалируют над другими.

Вслед за Матье Гидером [Guidère, 2011], подразделим общие ограничения на внутренние, относящиеся к специфике конкретного вида АВП, и внешние, связанные с восприятием иностранных фильмов представителями принимающей культуры (дети, подростки, взрослая зрительская аудитория), требующие учета предпочтения зрителей в плане просмотра дублированных или субтитрированных фильмов, а также их жанров (детектив, комедия, мелодрама, триллер), уровень знания иностранных языков, открытость к культуре Другого. Что касается культуры, учет последней подразумевает два аспекта: с одной стороны, речь идет о передаче на ПЯ происходящего на экране и за его пределами (интерсемиотическая адаптация), с другой – зрительское восприятие, нередко представляющее настоящую дилемму для переводчика в плане передачи арготических выражений и сниженной лексики, ориентирования на исходную или принимающую культуру в целях сохранения естественности звучания кинодиалога, то есть, в других

терминах, использования стратегий фореизации или доместикации и т.д. Внутренние ограничения, как таковые, определяют собственно специфику АВП, выделяющую последний в ряду других видов перевода, и представленного, прежде всего, такими его разновидностями, как дублирование, перевод субтитрами, перевод «голосом за кадром».

Ввиду ограниченности объема статьи рассмотрим переводческие универсалии на примере перевода субтитрами, понимаемого нами как «сокращенный перевод диалогов фильма, отражающий их основное содержание и сопровождающий в виде печатного текста визуальный ряд фильма в его оригинальной версии, располагаясь, как правило, в нижней части кинокадра» [Горшкова, 2006/2008, с. 39].

Учитывая «чужеродный» характер, своего рода «вторжение» субтитров в ткань фильма, достаточно существенны технические требования к введению последних. Важную роль играют количество строк, пространственное расположение субтитров на экране и их соответствие разворачиванию звучащего текста, столь необходимые для адекватного восприятия зрителем фильма как целого. При этом существуют ограничения, запрещающие разрывать смысловые группы (*Mark pushed his black / truck → Mark pushed / his black truck), обстоятельства с предлогом (*Mary scampered under / the table → Mary scampered / under the table), имя и фамилию (*Bob and Mr / Smythe are at the movies → Bob and Mr Smythe are / at the movies), оставлять союз на предыдущей строке (*In seconds she arrived and / he ordered a pepsi → In seconds she arrived / and he ordered a pepsi), отрывать вспомогательный глагол от основного (* Mom said I could / have gone to the movies → Mom said I could have gone / to the movies), заканчивать одну фразу и начинать следующую на той же строке (*He suspected that his face / turned to pale. He knew he → He suspected that his face / turned to pale). Последнее представляется возможным лишь в случае коротких высказываний, связанных между собой в смысловом отношении (Why? Why not me?) [Orero, 2008, p. 63–64].

При переводе субтитрами, помимо сохранения собственно смысла исходного сообщения, немаловажную роль играют и такие формальные требования к оформлению последних, как размер шрифта, цвет, контраст с фоном, на котором они будут выставлены. Так, Пилар Ореро свидетельствует об испанском стандарте UNE 153010, предписывающем выставлять светлые субтитры на темном фоне, что повышает их читабельность, хотя в целом вопрос цвета шрифта субтитров до сих пор остается нерешенным [Orero, 2008, E1-Khoury, 2011].

Как показывают наши наблюдения, обращение к переводу субтитрами как разновидности АВП вносит свои коррективы в устоявшийся перечень переводческих

универсалий, что обусловлено, прежде всего, непреложным учетом технической составляющей перевода.

Материалом нашего исследования служит фильм «1+1» («Intouchables», реж. Оливье Накаш и Эрик Толедано, Франция, 2011), номинированный в 2012 году на премию Сезар сразу в 8 категориях. Главного приза в номинации «Лучший актер» удостоился исполнитель роли Дрисса Омар Си. Годом позже фильм признан лучшим европейским фильмом по версии национальной кинопремии Испании «Гойя», а также лучшим в двух номинациях («Лучшая зарубежная комедия» и «Лучшая зарубежная драма») по версии российской народной кинопремии «Жорж». В 2013 году фильм номинирован на приз Британской киноакадемии и на премию Золотой глобус.

Фильм основан на реальных событиях и рассказывает историю Дрисса – молодого сенегальца из парижского пригорода, не так давно освободившегося из тюрьмы, и Филиппа – одинокого состоятельного вдовца, ценителя искусства, ставшего инвалидом после неудачного полета на парашюте. Филипп ищет себе помощника, Дрисс приходит на собеседование с единственной целью получить официальный отказ для того, чтобы иметь право на выплату пособия по безработице. В ходе развития событий между нашими героями, своего рода «неприкасаемыми» – чернокожим и инвалидом – достигается полное взаимопонимание. Фильм, позиционируемый в российском прокате как трагикомедия («1+1»), завораживает щемящей грустью, искрометными комедийными сценами, блестящим противопоставлением двух языковых регистров, не мешающих сближению и взаимному духовному обогащению людей, принадлежащих к таким разным слоям французского общества.

Исследование проведено на основе двух вариантов закрытых (отключаемых) внешних субтитров к данному фильму. Перевод А принадлежит Татьяне Филимоновой (1494 субтитра), перевод В – переводчику под ником ElBrujo (1477 субтитров). В ходе анализа выявлено три категории различий (технические, культурологические и собственно лингвопрагматические). Подчеркнем достаточно условный характер подразделения этих категорий, ввиду невозможности проведения четкой грани между последними.

С *технической* точки зрения в обоих вариантах перевода соблюдено лишь одно требование: все субтитры располагаются в нижней части кадра. Однако переводчик А злоупотребляет трехстрочными и даже четырехстрочными субтитрами, загромождающими экран и затрудняющими зрительское восприятие. Сравните:

– *Je dois vous préciser que beaucoup de candidats abandonnent au bout d'une semaine.*

А: Должна предупредить, / большинство кандидатов / не выдерживают и / сдаются через неделю. (4 строки)

В: Предупреждаю, большинство / уходит уже через неделю. (2 строки)

К тому же, субтитры нередко опережают собственно реплику, в то время как согласно стандартам они должны появляться на экране спустя 0,25 сек. после начала ее произнесения [Духовная, 2016, с. 27]. Такое опережение влечет за собой искажение смысла кинодиалога. Вспомним сцену, когда Дрисс нечаянно проливает горячую воду на ногу Филиппу, узнает, что тот ничего не чувствует, и ... продолжает «экспериментировать». При виде происходящего помощница Филиппа Марсель в ужасе восклицает: *Qu'est-ce que tu fabriques encore?* → А: Что ты опять творишь? → В: Что он тут делает? Филипп отвечает: *Des expériences.* → А: Провожу один опыт. → В: Экспериментирует. Исходя из варианта перевода А, Филипп проводит эксперименты над самим собой.

Анализ показывает, что приводимые субтитры не всегда соответствуют нормативным требованиям пространственно-временного плана, что свидетельствует об отсутствии специфической для АВП универсалии «технической» нормализации.

В плане *культурологических* различий весьма показательна сцена возвращения Дрисса домой. Недовольная его долгим отсутствием тетя отчитывает нашего героя и в какой-то момент переходит на сенегальское наречие, что позволяет зрителю узнать происхождение Дрисса, объясняющее его акцент. Однако означенный переход отражен только комментарием переводчика А: «Говорят на сенегальском наречии». Переводчик В оставляет этот фрагмент без внимания.

Традиционную проблему создает и перевод имен собственных, вызывающих определенные ассоциации у представителей отдельных культур. Например:

– *Bonjour, ça va? Je ne vous dérange pas, Patrick Juvet ? Tu veux un café...*

А: Привет, блондинка, / как дела? Не потревожил? / Может чашечку кофе?

В: Привет, как жизнь, Патрик Суэйзи? / Кофейку не желаете?

В оригинальной реплике в силу внешнего сходства цвета и длины волос Дрисс именуется водителем машины Патриком Жюве, по имени белокурого швейцарского певца и композитора 70-90-х гг., что создает комический эффект. В России этот певец не столь известен, поэтому переводчик А уходит от использования имени собственного, однако, для сохранения комического эффекта именуется его «блондинкой», что частично отражает коннотативную семантику антропонима. Переводчик В заменяет имя Патрика Жюве на Патрика Суэйзи, известного американского актера с аналогичным цветом и длиной волос.

Разумеется, он более известен российскому зрителю, чем Патрик Жюве, однако, не совсем понятно, почему француз проводит аналогию с американским актером.

Создается впечатление, что перевод В выполнен с английских субтитров, что, на наш взгляд, подтверждается следующим примером:

– *J'ai eu Sivot de la Chancellerie. Alors, c'est pas Mesrine, mais il a quand même un petit casier bien rempli, ton Driss. Il vient de faire 6 mois pour le braquage d'une bijouterie.*

А: Я навел справки. / Он не закоренелый преступник, но ... / он и не святоша, твой Дрисс. / Он только что вышел из тюрьмы. / Полгода за попытку / ограбить ювелирный магазин.

В: У меня есть свои люди в полиции. / Он, конечно, не Аль Капоне, / но и не мать Тереза. / Только что отсидел полгода / за ограбление ювелирного.

В приведенной выше сцене друг Филиппа сообщает ему, что Дрисс недавно вышел из тюрьмы и сравнивает последнего со знаменитым французским преступником Жаком Мерином, именовавшимся в 70-е годы XX века во Франции «врагом государства № 1» (*l'ennemi public № 1*). Поскольку этот человек русскоязычной публике, скорее всего, неизвестен, в переводе А используется словосочетание «закоренелый преступник», в то время как переводчик В пытается сохранить образность выражения и обращается к имени «Аль Капоне», более известному российскому зрителю еще и в ассоциации с Аль Пачино, исполнителем главной роли в американском фильме «Крестный отец». Справедливости ради отметим, что, хотя оба этих имени объединяет принадлежность к преступному миру, обладатели последних занимались разными видами деятельности: Аль Капоне был боссом чикагской мафии, в то время как Мерин виртуозно грабил банки, за что не раз отбывал тюремное наказание. Любопытным представляется и сравнение Дрисса с матерью Терезой в переводе В, в то время как переводчик А использует слово «святоша», не лишенное негативной коннотации.

Аналогичный анализ можно провести еще по целому ряду французских имен собственных, перевод которых представляет собой подмену французских реалий-антропонимов американскими со стороны переводчика В (Raffarin → Раффарен → Митт Ромни; Georges Marchais → Жорж Марше → Джордж Буш; Jean Jorès → Жан Жорес → Авраам Линкольн). (Сравните также: euro → евро → баксы; inspecteur → инспектор → коп; chocolat → конфета → M&Ms). В этой связи любопытен фрагмент фильма, когда переводчик В имел возможность сохранить практически абсолютное тождество с оригинальным высказыванием, содержащим русскую реалию «поп»:

– *C'est chelou. On dirait un prêtre orthodoxe. / Un pope ? / Un pope.*

А: Видок тот еще. Православный / священник или кто-то в этом роде. / Поп. / Точно поп.

В: Эдакий ортодоксальный священник. / Папа Римский. / Точно, Папа.

Вопрос: какую из переводческих универсалий отражают приведенные выше примеры субтитров, учитывая, что переводчик В, по определению, работал в расчете на российскую зрительскую аудиторию? Лишь в одном случае он вспомнил об этом, применив стратегию доместикации / деформирующую тенденцию А. Бермана (стирание местного колорита) при переводе антропонима (Mina → Мина → Нина).

Полагаем, что подобная тенденция является отражением процесса глобализации, характеризующего состояние современного мира с доминирующей ролью английского языка и американской культуры. Не значит ли это, что пришло время говорить о формировании соответствующей универсалии с еще не сложившимся названием?

В плане *лингвопрагматических* различий анализируемых субтитров с сожалением приходится констатировать откровенное нарушение смысла некоторых оригинальных высказываний переводчиком А. Сравните:

– *Si je le mets pas, le sang circule mal. Du coup, je risque de m'évanouir.*

А: Если не носить их, / кровоток остановится, / я заболею и умру.

В: Без них у меня застоится / кровь и я отрублюсь.

Несмотря на несоблюдение технических требований к субтитрам (разрыв глагола и прямого дополнения), переводчик В достаточно верно передал общий смысл исходного высказывания. Однако данный пример привлек наше внимание, прежде всего, как отражающий деформирующую тенденцию вульгаризации по А. Берману (m'évanouir → отрублюсь). Весьма сомнительно, чтобы представитель французского светского общества использовал подобные разговорно-фамильярные выражения, к тому же в самом начале знакомства со своим помощником из парижских низов.

К этой же категории может быть отнесено, помимо очевидного снижения регистра, неправомерное использование Филиппом личного местоимения «ты» при обращении к Дриссу в переводе В:

– *Arrêtez de dire n'importe quoi, donnez-moi un chocolat.*

А: Перестаньте дурачиться / и дайте мне конфету.

В: Не мели чепухи и дай мне M&Ms.

Анализ двух вариантов субтитров к фильму «Intouchables» позволяет констатировать, что, вопреки ожиданию, в переводах не находят отражения такие общие переводческие универсалии, как нормализация или интерференция французского языка.

Прослеживается очевидное стремление переводчиков сохранить или даже усилить выраженный разговорный регистр исходного текста средствами переводящего языка в терминах деформирующей тенденции А. Бермана, а также парадоксальное использование англоязычных реалий для обозначения фактов французской культуры, что, на наш взгляд, является отражением общей тенденции глобализации.

Список литературы:

- Гарбовский Н. К.* Перевод и языковые универсалии // Теория перевода. М.: МГУ, 2004. С. 321–324.
- Гарбовский Н. К.* Перевод и «переводной дискурс» // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2011. № 4. С. 3–19.
- Гарбовский Н. К.* О переводе. М.: Форум, 2016.
- Горшкова В.Е.* Перевод в кино. Иркутск: ИГЛУ, 2006/2008.
- Духовная Т. В.* Субтитры: понятие, типы, лингвистические и экстралингвистические факторы формирования // Особенности исследования и конструирования актуальных типов дискурса и их категорий: монография. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. С. 17–40.
- Краснопеева Е. С.* О месте понятия «переводческие универсалии» в исследованиях переводного дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2015а. Вып. 98. № 27 (382). С. 108–113.
- Краснопеева Е. С.* О тенденциях интерференции и нормализации в переводе (корпусное исследование на материале русскоязычного переводного дискурса) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015б. № 7 (68). С. 45–48.
- Краснопеева Е. С.* Лексические особенности русскоязычного переводного дискурса (корпусное сравнительно-сопоставительное исследование на материале современной художественной прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20; Тюменский государственный университет. Тюмень, 2016.
- Куниловская М. А.* Переводческие универсалии как центральное направление корпусного переводоведения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/292146365> (Дата обращения: 11.02.2019)
- Куниловская М. А., Ильюшеня Т. А., Ковязина М. А.* Перспективы исследования лингвистических признаков русскоязычного переводного дискурса // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 2. С. 17–27.
- Ору С.* История. Эпистемология. Язык. М.: Прогресс, 2000.
- Сдобников В. В.* Перевод и коммуникативная ситуация: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.
- Умерова М. В.* Переводы в языке принимающей культуры: степень влияния и функциональный статус: монография. М: ТЕЗАУРУС, 2013.
- Ballard M.* Histoire de la traduction. Repères historiques et culturels. Bruxelles : De Boeck, 2013.
- Baker M.* Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications // Text and Technology / Eds. Baker M., Francis G. et Tognini-Bonelli E. Amsterdam/Philadelphie: John Benjamin, 1993. P. 233–250.
- Baker M.* Universals of Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Edited by Mona Baker. London: Routledge, 2000.
- Berman A.* L'épreuve de l'étranger. Paris : Gallimard, 1984.
- El-Khoury T.* Le sous-titrage dans le monde arabe // Traduction et médias audiovisuels / Adriana Șerban et Jean-Marc Lavour (éds). Villeneuve d'Ascq : Presses universitaires de Septentrion, 2011. P. 79–91.
- Gile D.* La traduction. La comprendre, l'apprendre. Paris : Presses Universitaires de France, 2005.
- Guidère M.* Les “universaux” // Introduction à la traductologie. Penser la traduction : hier, aujourd'hui, demain. Bruxelles : De Boeck, 2011.
- Haji-Abdollahi M.* Traduction audiovisuelle : l'étude du sous-titrage selon les théories du fonctionnalisme et du Skopos. Beau Bassin (Mauritius) : Editions universitaires européennes, 2018.
- Look R.* La traductologie de corpus. Villeneuve d'Ascq : Presses Universitaires du Septentrion, 2016.

Orero P. Le format des sous-titres : les mille et une possibilités // La traduction audiovisuelle. Approche interdisciplinaire du sous-titrage / Adriana Şerban et Jean-Marc Lavour (éds). Bruxelles : de Boeck, 2008. P. 55–67.

Долидзе А.Р.
ТГУ имени Иванэ Джавахишвили
г. Тбилиси (Грузия)

Dolidze Anna
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
Tbilisi (Georgia)

**«УБИЕННАЯ ДУША» ГРИГОЛА РОБАКИДЗЕ:
ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО НА ГРУЗИНСКИЙ**

**GRIGOL ROBAKIDZE'S «THE MURDERED SOUL»:
TRANSLATION FROM GERMAN TO GEORGIAN**

В статье говорится о немецкоязычном романе Григола Робакидзе «Убиенная душа» и его грузинском переводе, принадлежащем Александру Картозия. Роман пользовался большой популярностью, поскольку был одним из первых произведений о советской реальности. В романе «Убиенная душа» писатель изобразил тоталитарную действительность, в нем предрекались сталинские репрессии, жертвой которых стало огромное количество людей. В немецкоязычном романе Гр. Робакидзе модернистские тенденции проявляются с меньшей остротой, чем в других произведениях, хотя мировосприятие автора и здесь остается неизменным. Сопоставление переводного материала с написанными на грузинском языке произведениями Гр. Робакидзе, выявило следующее: стиль Робакидзе довольно тяжелый; перевод выполнен простым современным грузинским языком и в точности следует немецкому оригиналу, язык которого прост и понятен. Переводчик чувствует ритм писателя, который передает внутренние, душевные переживания героя в динамике и таким словесным материалом, что использование других лексических единиц представляется с трудом.

In the article talks about Grigol Robakidze's German-language novel "The Murdered Soul" and his Georgian translation, owned by Alexander Kartozia. The novel was very popular because it was one of the first literary works about the Soviet reality. In the novel "The Murdered Soul", the writer portrayed totalitarian reality, Stalin's repressions were predicted in it, the victim of which was a lot of people. In the German-language novel of Gr. Robakidze modernn tendencies appear with less sharpness than in other works, although the author's perception of the world remains unchanged here. Comparison of translated material with Gr. Robakidze's works written in Georgian language revealed the following: Robakidze's style is rather heavy; the translation is made in simple modern Georgian language and exactly follows the German original, whose language is simple and clear. The translator feels the rhythm of the writer, who transmits the inner, spiritual experiences of the hero in the dynamics and such verbal material that the use of other lexical units seems to be difficult.

Ключевые слова: роман, «Убиенная душа», оригинал, перевод, стиль.

Keywords: the novel, «The Murdered Soul», original, translation, style.

Роман «Убиенная душа» Григола Робакидзе был написан в 1932 году на немецком языке, в 1933 году был издан в Германии. Это был литературный протест против сталинизма. Автор предрек будущий кровавый террор и репрессии. Книга имела большой резонанс во всем мире; по этой причине в 1935 году Григол Робакидзе был признан «врагом народа», а его творчество в Советском Союзе запретили и вплоть до 1989 года никто не упоминал о нем. Роман «Убиенная душа» был переведен с немецкого Александром Картозия. Неизвестно, существовала ли рукопись романа на грузинском языке, и кто

перевел его на немецкий – сам Григол Робакидзе или кто-то другой, или произведение с самого начала было написано автором на немецком языке. Роман пользовался большой популярностью, поскольку был одним из первых произведений о советской реальности и, что главное, в нем предрекались сталинские репрессии, жертвой которых стало огромное количество людей. Сопоставление переводного материала с написанными на грузинском языке произведениями Гр. Робакидзе, выявило следующее: стиль Робакидзе довольно тяжелый, писатель как будто «старит грузинский язык»; в переводе Ал. Картозия этот процесс незаметен. Перевод выполнен современным грузинским языком и следует немецкому оригиналу, язык которого прост и понятен. Следует отметить еще одно обстоятельство: в немецкоязычном романе Гр. Робакидзе модернистские тенденции проявляются с меньшей остротой, чем в других произведениях, хотя мировосприятие автора и здесь остается неизменным.

Действие романа развивается в Тбилиси. Главный герой – писатель Тамаз Энгури всеми силами старается ускользнуть от щупалец красной диктатуры, не сотрудничать с насильственным режимом, сохранить достоинство и не сломаться. Но ГПУ – карательная машина, исполняющая непоколебимую волю Сталина, – думает иначе. В переводном тексте отчетливо проступает стиль Робакидзе. Писатель изображает действительность, выходя из сновидения и призрачности, т.к., по его мнению, именно действительность является неправдоподобной и алогичной, а не видения. Он описывает такую огромную нелогичность, как самообвинение и саморазоблачение в преступлении, которое человек не совершал, и превращение подобного явления в массовый психоз (в стране, лишенной свободы, от страха каждый обвиняет себя). По мнению писателя, это результат тоталитарного режима, «эта атмосфера, в которой видимость и реальность переплелись друг с другом, создавала возможность того, чтобы и *не совершенное преступление было воспринято как нечто реальное*» [Робакидзе, 1991, с. 88]. Причину этой искаженной действительности писатель опять-таки объясняет феноменом сновидения: «*Так как человек, толкующий свой дурной сон, надеется, что тот не сбудется, так и эти невинные признавались в своих мнимых прегрешениях лишь для того, чтобы их не совершать. Чем больше казалось прегрешение, тем сильнее было рвение саморазоблачения – человеку не терпелось поскорее пройти через чистилище*» [Робакидзе, 1991, с. 79]. Мысль автора ясна, логику нелогичности тоталитарного режима можно увидеть лишь в кошмарных видениях-образах, поскольку в сновидении, вообще, «*все грани... стерты*» [Робакидзе, 1991, с. 79]. Переводчику хорошо известен «грузинский язык Робакидзе» и, несмотря на то что

намеренно не архаизирует текст перевода, использует лексику Робакидзе, что еще более сближает его стиль с авторским.

Сам мир сновидений для Робакидзе находится на «тончайшей грани между бодрствованием и сном». Чувства в нем «напряжены до предельной утонченности» и обязательно исходят из внутреннего мира персонажа, соответствуют его настроению. Главный герой романа, Тамаз, чувствует давление тоталитарного режима; он осознает, что ему до конца не хватит силы воли, чтобы сохранить жизнь и вместе с ней и достоинство. И вот во сне Тамаз видит деревья, посаженные им 30 лет назад – «мертвые, высохшие, вырванные с корнями». Это уничтожение плодов его 30-летнего труда; тех плодов, которые получал поэт ценой определенного «лабиринта» в обществе и некоторого самообмана. Атмосфера сновидения дает персонажу понять, что его жизни угрожает опасность, поэтому он отождествляет себя этими мертвыми деревьями: *«На одно мгновение между явью и сном он обратился в эти деревья. Дрожь прошла по его телу. Он почувствовал, что жизненные силы покидают его»* [Робакидзе, 1991, с. 108]. Робакидзе показывает, что граница между сном и бодрствованием, между реальностью и ирреальностью очень близка. Следует отметить, что переводчик также уделяет особое внимание описанию нереального мира и передает это соответствующим грузинским словарным материалом.

Робакидзе в первую очередь интересуется душевным состоянием своего героя и передает это его раздумьями. Тамаз *«...нащупывал ту грань, за которой небытие и Бог пребывают одновременно»* [Робакидзе, 1991, с. 126]. Соприкосновение с этим миром может вызвать в человеке взаимно противоположные процессы. У Важа-Пшавела мы встречаем сновидение, вызывающие преобразование и катарзис; у Робакидзе сталкиваемся со сновидением, провоцирующим падение человека. Дрему Берзина автор передает как транс. Его постепенно обволакивает туман, «теряя и находя себя снова», погружаясь в дурман. Ему даются мощные и сладостные приливы неведомых сил. Процесс перехода в этот новый мир переводчик передает словом гнать: *«Будто табун белогривых коней, гнали они его в бесконечность»* [Робакидзе, 1991, с. 126]. Берзин находится в Москве, на партийной конференции, среди делегатов на сцене Большого театра, когда его одолевает дрема. Во сне он почувствовал взгляд «ящероголового» (Сталина). Берзин поднялся и отвесил поклон в сторону ящероголового, в его мозгу мелькнуло – «высокое напряжение», а перед глазами сверкнула надпись «смертельно!». Берзин чувствует на себе взор ящероголового; он снова собрался было встать, «но что это? На лице невозмутимого он увидел отражение своего собственного лица». Им овладевает жуткое чувство: *«...ему показалось, что тайком от других рептилий встретились две змеи. Они узнали друг друга и молча пришли ко*

взаимному соглашению о том, что здесь им лучше всего не раскрываться перед другими. Берзин чувствовал еще что-то – ящероголовый угадывал все его тайные мысли» [Робакидзе, 1991, с. 127]. Переводчик просто и лаконично передает действие, стиль Робакидзе проявляется более в сновидениях, в которых герой жестоко страдает; ему страшно, страх путает ему рассудок, он проваливается в преисподнюю. От стыда и страха он весь обмяк, оголился. Видит, что все, не отрывая глаз от его голого тела, смеются над ним. Он вырывается в явь, весь в холодном поту. Стучит зубами чтобы увериться, что это реальность. Берзин ощупывает вокруг себя предметы: подушку, одеяло, стол, лампу. Хочет убедиться, что все, к чему он прикасается – реальность. Покачнувшись, он падает на пол и, горячо и быстро дыша, пытается подняться на ноги. *«Так это был сон, всего лишь призрак!»* – кричал он с помутившимися глазами, на самом деле похожий на пресмыкающееся. *«Как прекрасна жизнь! Как сладостно жить, даже ползая!»* [Робакидзе, 1991, с. 128]. Реалистическим развитием текста сновидения является то, что Берзина исключают из партии. Но это не главное, что хочет сказать автор. Несмотря на то, что после этого сна и связи с Ната, Берзин стал более облагороженным, Робакидзе посредством сновидения хочет показать реальную сущность сотрудника ГПУ, его пронырство. Интересно, что реальность переходит в сновидение так, что писатель не проводит грани, в действительности Берзин засыпает не в Большом театре, а в собственной комнате, на что указывает ощупывание руками реальных предметов. Переводчик чувствует ритм писателя, который передает внутренние, душевные переживания героя в динамике и таким словесным материалом, что использование других лексических единиц представляется с трудом.

Кульминацией романа является сон-видение Тамаза. Оно похоже на описанные автором другие сновидения, когда действительность прямо переходит в сон. Герой больше не чувствует своего тела, хотя продолжает реальное действие, едет в сторону Манглиси. Воздух становится прохладнее, чище, прозрачнее; слышатся звуки оркестра. Это – космическая симфония. Тамаз, опьяненный, внимает этим звукам. Если сон Берзина является процессом реального падения персонажа, сновидение Тамаза представляет собой духовное возвышение героя и переход в потусторонний мир. Во сне осуществляются оба процесса – и духовный и физический. Тамаз тонет в оркестре: *«Упоение, не испытанное доселе, захлестнуло, растворило «я» Тамаза. Все стало светом, высью, болью, слезой. Безлунная ночь. Тьма сгустилась. Звуки оркестра стали яснее, четче и упоительнее»* [Робакидзе, 1991, с. 153]. Плач героя во сне указывает на его раскаяние и очищение, после чего следует причащение с землей, которая напоена кровью Христа и окончательное соединение с потусторонним миром. *«Он погрузился в сумерки забвения»*, вначале увидел

погибшего друга. Тамаз долго лежал без сознания. Всю ночь. Очнувшись, почувствовал, что собака друга не отходила от него все это время, она нежно касалась его. Тамаз взял собаку на руки и заглянул ей в глаза. *«Со священным трепетом увидел в них Бога. Тамаз вскочил на ноги, бросил взгляд в Беспредельное и сильным голосом возвал: «Ты есть! Ты есть! Ты есть!» Тамаз взывал к Безымянному. Собака, не отрываясь, смотрела на него. Влажный свет тихо струился из ее глаз»* [Робакидзе, 1991, с. 154].

В романе «Убиенная душа» писатель изобразил тоталитарную действительность, «тленную, безбожную» картину большевизма, которую своей нелогичностью он уподобил сновидению. Описанный Гр. Робакидзе процесс сновидения представляет собой нереалистическое повествование; переводчик сумел так перенести реальность в сон, что читатель этого не чувствует. Только после того, как герой просыпается, читатель может дифференцировать, что было сном, а что – явью. Переход из реальности в сновидение своеобразно похоже на транс, во время которого стираются всякие грани, поэтому он похож на процесс умирания, во время которого также стираются границы и теряется личность – *«Тамаз уже не был прежним Тамазом, ведь он долго был погружен в сумерки Забытья»* [Робакидзе, 1991, с. 154]. Если у человека в реальной жизни есть способность падения и возвышения, у Робакидзе эта способность активизируется во сне, т.к. в это время чувства человека становятся чрезвычайно чувствительными и нежными. В переводе Александра Картозия, который в точности, буквально следует тексту оригинала, видим ускорение ритма именно при описании сновидений; переводчик чувствует акцент автора и создает идентичный текст. Перевод можно назвать конгениальным. Это обусловлено тем, что и автор, и переводчик являются представителями одной нации, а перевод осуществляется не на иностранный язык, а на родной. Несмотря на сложность стиля Гр. Робакидзе, сложную структуру его предложений, совпадение перевода с оригиналом – налицо, поскольку немецкоязычный Робакидзе не выделяется сложным синтаксисом и проявляет склонность к простоте. Это обстоятельство также способствовало максимальному соответствию перевода с оригиналом.

Список литературы:

Робакидзе Гр. Убиенная душа. Тб., 1991 (на груз. яз.).

Робакидзе Гр. Убиенная душа. Перевод с немецкого на русский Сергея Окропиридзе. [https://www.e-reading.club/bookreader.php/1053793/Robakidze - Ubiennaya_dusha.html](https://www.e-reading.club/bookreader.php/1053793/Robakidze_-_Ubiennaya_dusha.html) (дата обращения: 02.03.2019)

Ефимова Н.Н.
Иркутский научный центр СО РАН
Иркутский государственный университет
г. Иркутск (Россия)

Efimova Nadezhda
Irkutsk scientific center SB RAS
Irkutsk state university
Irkutsk (Russia)

ПЕРЕВОД ЭКФРАСИСА: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ТРЕТЬЕГО ОТРАЖЕНИЯ

EKPHRASIS TRANSLATED: PHENOMENOLOGY OF THE THIRD REFLECTION

В статье предпринята попытка рассмотрения экфрасиса как разновидности интерсемиотического перевода, а также перевода экфрастического дискурса. Анализ последнего проведен через призму основных постулатов общей когнитивной теории перевода. Демонстрируются характеристики экфрастического дискурса, подтверждающие его принадлежность к институциональному и персональному модусам; показана корреляция между типом переводимого дискурса и модусом достигаемого тождества.

The paper attempts to consider ekphrasis as a variety of intersemiotic translation and ekphrastic discourse as an object of translation. Ekphrastic discourse is analyzed through the prism of basic postulates of general cognitive theory of translation. Institutional and personal discourse features are shown to be present in the chosen type of discourse. Correlation between the variety of the source text and the mode of translation equivalence is demonstrated.

Ключевые слова: экфрасис, перевод, феноменология, позитивистское тождество, феноменологическое тождество.

Keywords: ekphrasis, translation, phenomenology, positivist equivalence, phenomenological equivalence.

Объектом нашего исследования является перевод экфрасиса, определяемого как «описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте». Термин экфрасис или экфраза впервые появляется в поздней греко-римской риторике. Н.В. Брагинская отмечает, что даже самые ранние определения экфрасиса различались: так, ритор Феон (I – нач. II в. н.э.) определяет его как «описательную речь, отчетливо являющую глазам то, что она поясняет», а Гермоген (II в. н.э.) упоминает «экфразы людей (т.е. портреты), обстоятельств, времен года или дня (каiroi), мест, условий, в которых происходят события, и многого другого» [Брагинская, 1977, с. 259].

В своем первоначальном виде жанр экфрасиса возник как риторическое упражнение, целью которого было столь подробно и красочно описать скульптурное произведение, фреску, архитектурный объект или реальное событие, например, поединок, чтобы слушатель смог отчетливо представить его. В Новое время сфера функционирования экфрасиса выходит за пределы художественного текста, поскольку появляется необходимость составления детальных каталогов и путеводителей по выставкам. Интерес к

изобразительному искусству приводит к появлению экфрасиса в дневниковых записях, травелогах и мемуарах.

Как распространенный в беллетристике художественный прием экфрасис был и остается объектом исследований в области литературоведения и риторики, освещаемый с различных сторон в зависимости от избранной парадигмы. Современные исследователи отмечают его синергетическую природу. Так, Л. Геллер указывает на то, что экфрасис зародился в античной традиции дискурсивных типологий, однако сейчас его можно отнести к «межвидовым, смежным, пограничным явлениям», отвечающим самым глубоким запросам постмодернизма» [Геллер, 2013, с. 45].

В последние десятилетия отмечается расширение объема самого понятия «экфрасис» - в него включаются не только собственно описания объектов искусства, но и фактологическая и культурологическая информация, позволяющая лучше их осмыслить. Интерсемиотический характер искусств, их комплементарность и различные грани взаимодействия кодов обусловили рост исследовательского интереса к объектам, междисциплинарным по природе. Так, М. Рубинс указывает на то, что экфрасис «может содержать информацию о художнике, его художественном объекте, реакции зрителей на его произведение, стиле и даже комментировать, насколько успешно поэту удалось воссоздать произведение искусства литературными средствами» [Рубинс, 2003, с. 17].

Представление об экфрасисе как своего рода переводе с языка изобразительного искусства на вербальный язык становится основой его интерпретации рядом исследователей. О.М. Фрейденберг полагает, что экфрасис как средство выражения коррелирует с архаическим модусом сознания, с фольклорными культами и ритуалами: «Как показывает особый античный жанр экфразы, вещь представлялась зверем (жертвенным, умерщвляемым животным), одновременно и стихией, и героем типа Ахилла и Патрокла» [Фрейденберг, 1998, с. 85], – пишет О. М.Фрейденберг.

В понимании Платона материальный объект есть копия эйдоса – духовной сущности, изначально существующей в мире, ее отражение. Тогда изображение реального объекта предстает отражением отражения. Поскольку наличие реального материального объекта не является условием создания его изображения, будем рассматривать художественный объект как первое отражение эйдоса, экфрасис – как второе, перевод экфрасиса – как третье. Такая последовательность преобразований может быть представлена в виде схемы: эйдос → произведение искусства (первое отражение) → экфрасис (второе отражение) → перевод экфрасиса на другой язык (третье отражение).

Вторичность искусства по отношению к реальности определяет его изначально миметический характер. Рассматривая способность к удвоению реальности как неотъемлемую характеристику искусства, Ю.М. Лотман указывал на то, что «возможность удвоения является онтологической предпосылкой превращения мира предметов в мир знаков: отраженный образ вещи вырван из естественных для нее практических связей ... и потому легко может быть включен в моделирующие связи человеческого сознания» [Лотман, 1992, с. 39]. Однако означаемое, для которого художник создает означающее, само по себе оказывается результатом отражения идеи. Переход от отражения к отражению не может не сопровождаться искажениями в силу разницы кодов и феноменологической природы перевода. На каждом этапе отражения неизбежно возникает определенная кривизна - «удвоение удвоения» или «двойное удвоение» [Лотман, 1992, с. 390].

Реконструкция культурного и идеологического контекста, в котором создано произведение искусства, позволяет увидеть в нем не только эстетически воспринимаемый объект, но и указание на мировосприятие автора, его ценностные и этические ориентиры. Дискурс функционирует в тесной связи с историей и набором ценностей той социальной группы, в рамках которой он формировался. Описание процесса и результата такой реконструкции наряду с описанием и истолкованием самого произведения можно считать экфрасисом, если определить последний как словесное описание визуального образа. Перевод экфрасического дискурса представляет собой предмет отдельного исследования, и, на наш взгляд, характеризуется целым рядом специфических особенностей и трудностей, некоторые из которых мы освещаем в данной работе.

В качестве материала исследования использованы оригиналы и переводы книги «Looking at pictures» Susan Woodford, опубликованной в русском переводе издательством «Ad marginem» в 2018 г., и книги Alex Pilcher «A queer little history of art», перевод которой готовится к печати в издательстве «Ad marginem» в 2019 г. По жанру обе книги представляют собой популярные искусствоведческие эссе, адресованные заинтересованному, но необязательно очень осведомленному читателю. Расширенная трактовка термина «экфрасис», предложенная выше, позволяет классифицировать их как примеры экфрасического дискурса.

Интенция автора искусствоведческого популярного текста двойка – во-первых, сообщить читателю некую информацию, и, во-вторых, вызвать его активную реакцию – например, поиск дополнительных фактов, позволяющих дополнить или опровергнуть сказанное автором, либо повторное обращение к художественным объектам, описанным в эссе. Первая цель характеризует рассматриваемый дискурс как институциональный,

поскольку предполагает структурную завершенность текста и верифицируемость приводимых фактов, а, значит, исключает феноменологическое переживание. Значение в институциональном дискурсе – константа, доступная пониманию членов того сообщества, которому принадлежит адресат, то есть оно относится к Миру Действия и определяет выражение – в терминах общей когнитивной теории перевода М (Е) [Воскобойник, 2004, с.223]. Перевод такого дискурса предполагает неременное соответствие структуре с целью достижения позитивистского тождества с оригиналом.

Вторая цель – вовлечение читателя в избранную тематику – неизбежно привносит в текст черты персонального дискурса, в котором, в отличие от институционального, выражение является постоянной величиной, определяющей значение E(M). В персональном дискурсе значение выступает как элемент Мира Ценности, что подразумевает интенцию соответствия переживанию на пути к достижению феноменологического тождества.

Сочетание характеристик обоих модусов дискурса в переводимом исходном тексте ставит перед переводчиком задачу соблюдения точности, нахождения эквивалентов, проверяемых в Мире Действия, и задачу передачи авторского переживания, эмоционально-смысловой доминанты, приобщения к ней читателя в Мире Ценности.

Проанализируем фрагменты выбранных переводов с точки зрения переводческих решений. Помимо оппозиции визуального и вербального кодов, характеризующей экфрасис, важной для него представляется и дихотомия его дискурсивного типа – он обладает характеристиками институционального и персонального дискурсов. Так, институциональными свойствами экфрасиса являются его ориентация на определенные ролевые отношения между автором и читателем, имеющие конкретную цель сообщения информации. Однако функция экфрасиса не тождественна функции учебника, т.к. дидактический компонент соседствует с эмоциональным. Перлокутивным эффектом экфрасиса как высказывания становится не только восприятие фактологической информации, но и определенное эмоциональное состояние читателя – удивление, восхищение, отторжение, желание узнать о прочитанном больше или, напротив, осознание того, что описываемый объект или жанр не вызывают желания обратиться к ним вновь.

Воссоздание этого перлокутивного эффекта в переводе подразумевает ориентацию на феноменологическое тождество оригиналу в противовес позитивистскому, то есть достижение адекватности – соответствия ситуации, а не формальной эквивалентности [Воскобойник, 2004]. В анализируемых ниже фрагментах эта цель достигается через лексические и грамматические трансформации.

Jan van Eyck Giovanni Arnolfini and his Wife, 1434

Oil on panel, National Gallery, London

1. *Scholarly research has revealed* that many of the apparently ordinary objects in this picture are actually *disguised* symbols, which impart a spiritual dimension to this quiet interior.

«Looking at pictures», p. 151

1. Многие из ничем не примечательных, на первый взгляд, предметов на этой картине в действительности *нагружены символическим значением*, которое вносит с опрятный *городской* интерьер духовное измерение.

«Как смотреть на картины», с. 151

В примере 1 переводчик опускает фрагмент «Scholarly research has revealed» («Научные исследования выявили»), который в дословном переводе на русский язык оказался бы вне популярного стиля изложения, которым написан весь текст. «Disguised symbols» преобразуются в «нагружены символическим значением», привнося в русский вариант предвосхищение детального описания, которое и следует – в финале фразы появляется дополнительное определение интерьера – «городской», тогда как в оригинале он описывался только как «quiet». Эти отступления обосновываются именно стремлением следовать духу, а не букве оригинала.

<p>2. The walls of the comfortable and well-appointed room are cut off abruptly by the frame; they seem to extend forwards to invite us in, to include us in the scene. <i>We are encouraged</i> to come closer too, <i>not only by the small scale of the work</i>, but also by the richness of detail in the rendering of every part of it: by the softness of fur, the shine of polished metal and even the delicate carving on the woodwork.</p> <p>«Looking at pictures», p. 151</p>	<p>2. Стены уютной и хорошо обставленной комнаты резко прерваны картинной рамой; они будто простираются вперед, приглашая нас войти внутрь композиции. <i>Этому ощущению способствуют</i> богатство фактур и тонкость проработки деталей: обратите внимание, насколько достоверны мягкость меха, блеск полированного металла, искусная резьба по дереву.</p> <p>«Как смотреть на картины», с. 151</p>
---	---

В примере 2 пассивная конструкция «We are encouraged to come closer» заменена на активную «Этому ощущению способствуют». В оригинале форма страдательного залога использована для акцентирования самого действия и его объекта, а не субъекта. в связи с тем, что автор не указывает деятеля, поскольку здесь важен не деятель, а само действие и его объект. В русском языке пассивная форма словарного эквивалента английскому глаголу «encourage» («поощрять») практически не употребляется, и переводчик отдает предпочтение действительному залогу, выбирая в качестве подлежащего те характеристики картины – «богатство фактур и тонкость проработки деталей», которые вызывают описываемые ощущения. При этом словосочетание «the small scale of the work» в переводе опущено.

Квир-культура, истории визуальной репрезентации которой посвящена книга «A queer little history of art», – одна из субкультур, активно функционирующих в современной России. Квир-культура получила распространение в Европе и северной Америке в конце XX века. Изначально термин «queer» использовался только для описания людей

нетрадиционной сексуальной ориентации. Постепенно его семантика стала охватывать более широкий круг понятий, описывающих любые нетрадиционные отношения и ценности в самых разных сферах человеческого взаимодействия. Отличная от общепринятой модель самоидентификации и осознания своего предназначения отражает протест против устоявшихся норм поведения, социального и личного взаимодействия, и становится одним из символов неконформизма. Передача философии толерантности, которая является общепринятой составляющей западной культуры, но не укоренилась в массовом сознании россиян, - одна из сложных задач переводчика этой книги.

Поскольку многие концепты квир-культуры не являются общепринятыми, их вербализация даже в пределах одной языковой системы оказывается не простой задачей. Лексический фонд субкультур нередко представляет собой негерметичный набор языковых знаков, означаемое которых отлично от означаемого тех же знаков общенационального языка при совпадении означающих. В качестве примеров можно назвать прилагательные «gay» и «queer», изначально имевших значение «веселый» и «странный», но претерпевших семиотическую трансформацию, в результате которой их первые значения были практически полностью вытеснены из национальной языковой картины мира. Будучи элементами общенациональной языковой системы, они получили особое распространение в пределах определенной социальной группы, где обрели новое значение, с которым «вернулись» в общенациональный язык.

Одна из аналогичных лексических единиц – «out» - дала толчок образованию словоформы «outing» в значении «предание гласности, публичное разглашение информации о сексуальной ориентации или гендерной идентичности человека без его на то согласия». Ее транскрибированный вариант – «аутинг» - зафиксирован в современных словарях русского языка. В 2008 году в России появилась автономная некоммерческая организация «Выход» (от английского «coming out»), выступающая за равные гражданские права и принятие ЛГБТ обществом. Ее деятельность направлена против замалчивания дискриминации, физического и морального насилия, преступлений на почве ненависти и интолерантности к представителям квир-культуры. Таким образом, к набору значений русской лексемы «выход» добавилось еще одно – раскрытие сексуальной ориентации.

В приводимой ниже картине концепт, вербализуемый словом «out», занимает центральное место.

Henrik Olesen b.1967 Denmark, Untitled

3. If there were an award for the most innocuous cliché in the language, *'it's a nice day to be out'* would make the shortlist. The remark makes up for its banality by reminding the hearer that, Yes, it is a nice day. It's no mystery if this sunny commonplace *was co-opted* as a blithe celebration of LGBT pride and visibility.

«A queer little history of art», p. 61

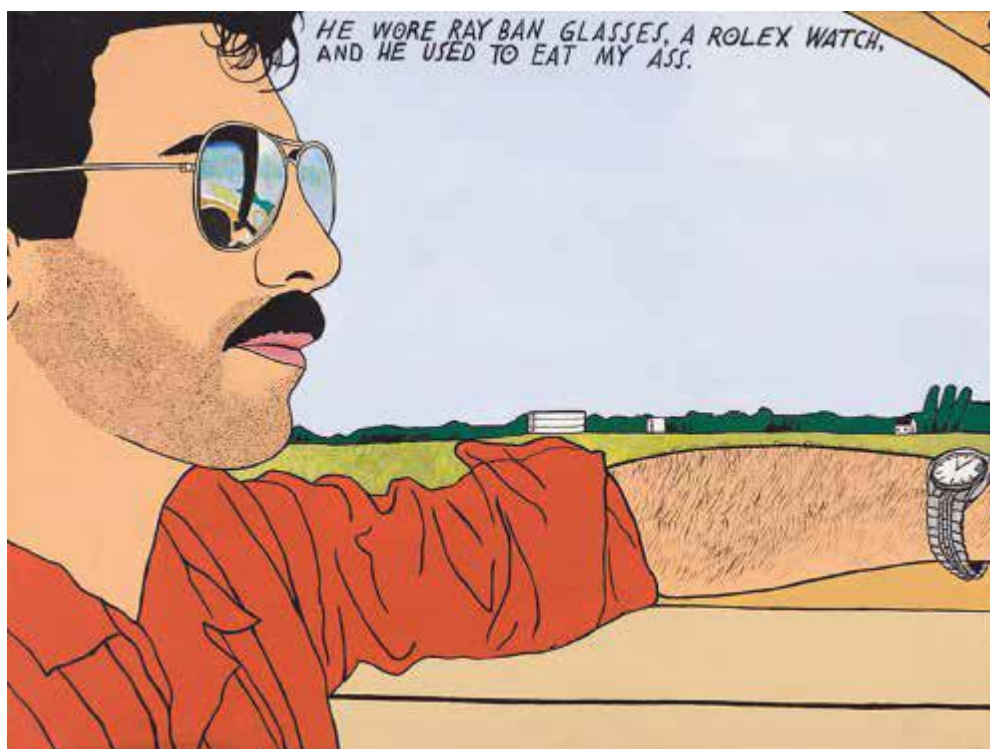
3. Если бы за самое безобидное клише в языке присуждали награду, то фраза *«сегодня отличный день чтобы выйти»* попала бы в короткий список. Эта фраза сглаживает свою банальность, напоминая слушателю, о том, что «Да, день и вправду хорош». Неудивительно, что **Олесен** *использовал* эту позитивную банальность и для жизнерадостного чествования ЛГБТ-гордости и заметности.

«Краткая история квин-искусства», с. 61

Слоган «it's a nice day to be out» переведен как «сегодня отличный день чтобы выйти». Транскрибированный эквивалент английского «to come out» в значении «открыто и добровольно признать свою принадлежность к сексуальному или гендерному меньшинству» зафиксирован в русских словарях в формах «кáминг-áут», «кáмин-áут», «кáминг áут» и «каминáут». Однако использование одной из этих единиц в переводе примера 3 привело бы к полной утрате первоначального значения выражения – «отправиться на прогулку». Стремление сохранить оба означаемых – эксплицитного (выход на прогулку) и имплицитного (раскрытие идентификации) – находит отражение в выбранном переводе «сегодня отличный день, чтобы выйти». Преобразование страдательной конструкции «this sunny commonplace was co-opted» в форму действительного залога «Олесен использовал» смещает смысловой акцент с выбираемого художником варианта слогана на него самого.

Идея раскрытия идентичности набирает популярность в последние десятилетия XX века, что связано с растущим общественным движением за толерантность, открытыми выступлениями против принятия законов, ущемляющих права людей нетрадиционной сексуальной ориентации. В этом направлении создан цикл Джои Террилла «Breaking Up/Breaking Down», одна из картин которого приведена ниже.

Joey Terrill b.1955 USA

<p>4. Joey Terrill's <i>Breaking Up/Breaking Down</i> is a series of twelve scenes that plumb the heartaches of gay relationships with down-to-earth realism. Reproduced opposite is the ex-lover, as pictured in the protagonist's memory. His aviator sunglasses, flannel shirt and moustache are classic elements of the '<i>clone</i>' <i>street style</i>, popular among American gay men from the mid 1970s.</p> <p>«A queer little history of art», p. 98</p>	<p>«<i>Расставаясь/Срываюсь</i>» Джоуи Террилла – это серия из двенадцати сцен, которые с будничным реализмом проникают в самую глубину терзаний гомосексуальных отношений. Репродукция справа – бывший любовник, запечатленный в памяти протагониста. Его солнцезащитные очки-авиаторы, фланелевая рубашка и усы – классические элементы <i>уличного стиля «кастро клонов»</i>, популярного среди американских геев в середине 1970-х.</p> <p>«Краткая история квир-искусства», с. 98</p>
--	--

Ассоциативный потенциал английских фразовых глаголов как их отличительный признак, значимый для передачи в переводе, не получил подробного освещения в исследованиях по переводу. Адекватный перевод этого пласта лексики подразумевает учет не только семантики фразовых глаголов, но и потенциальные ассоциативные ряды, образность, коммуникативно-прагматические маркеры, контекст употребления.

В названии цикла использованы фразовые глаголы «break up» и «break down». Каждый из них сохраняет ключевую сему основного глагола «break» - «ломать». Словарный перевод глагола «break up» - «разрывать отношения» - сохранен в предложенном переводе «расставаясь», а для «break down» из ряда возможных вариантов выбрано слово «срываюсь». В силу различий грамматических систем исходного и переводящего языков передать формальный грамматический параллелизм английских деепричастных конструкций оказывается невозможным. Также утрачивается при переводе и возможность использования пары одинаковых глаголов. Однако эти потери удастся в некоторой степени компенсировать на фонетическом уровне. Характерная для английского языка аллитерация, присутствующая в оригинале (*Breaking Up/Breaking Down*), отчасти воспроизводится в переводе «*Расставаясь/Срываюсь*». Воссоздание фонетического сходства компонентов словосочетания позволяет более точно передать переживание и настроение автора, чем, например, вариант «расставаясь/ломаюсь».

«“Clone” street style» - пример словосочетания, относящегося к языку субкультуры квир. Тот факт, что автор оригинального текста считает необходимым объяснить это выражение, указывает на возможность его непонимания даже носителями английского языка. Обращение к сленгу субкультуры, для которого характерна специфическая образность и метафоричность номинаций, приоткрывает завесу над самим социокультурным феноменом.

«Castro clone» - сленговый термин, обозначающий мужчину нетрадиционной сексуальной ориентации, чья одежда, прическа и стиль поведения имитируют идеализированный образ рабочего: узкая футболка, расклепанные тесные джинсы с заниженной талией, усы, бакенбарды, очки-авиаторы. Такой имидж, демонстрирующий гипертрофированную маскулинность, появился в 70-е годы прошлого века в квартале Кастро - районе Сан-Франциско, прославившемся как место компактного проживания представителей ЛГБТ-сообщества. Предложенный перевод «уличный стиль «кастро клонов» калькирует форму словосочетания исходного текста, не делая содержание более эксплицитным, чем это было задумано автором. Имплицитность изложения и искусно структурированные описания, которые по замыслу автора не до конца раскрывают суть описываемых явлений и объектов, тем самым вызывают у читателя желание больше узнать о них. Такая стратегия повествования – полного деталей и в то же время недоговоренностей - позволяет автору увлечь и заинтересовать читателя, вызывая желание заглянуть за завесу, скрывающую неизвестный мир. Переводчику удастся следовать за ним, сохраняя характеристики как институционального, так и персонального дискурса, присущие оригиналу.

Согласно когнитивной теории перевода, профессионализм переводчика характеризуется уровнем когнитивного диссонанса, достигаемым в процессе перевода. При этом важен и тип дискурса. Чем ближе дискурс к институциональному типу, тем более оправданы переводческие изыскания в когнитивном пространстве первого уровня когнитивного диссонанса, который предполагает поиск словарных эквивалентов между элементами исходного языка и переводящего языка. На втором уровне когнитивного диссонанса переводческие соответствия обнаруживаются на уровне текста. Однако, если это когнитивное пространство «имеет недостаточное количество информации для выравнивания когнитивного диссонанса» [Воскобойник, 2004, с. 250], переводчик расширяет область поиска до дискурса, выходя на третий уровень.

Именно этот уровень переводческой компетенции и демонстрируют рассмотренные фрагменты. Если экстраполировать идею иерархии когнитивного диссонанса на

описательные и интерпретативные стратегии автора экфрасиса, то можно отследить, что профессиональное описание произведения искусства, бесспорно, охватывает не только перечисление деталей, но дает и подробный культурологический комментарий. Это – второе – отражение неизбежно привносит элементы, которые, будучи имплицитными, могут быть незаметны наивному зрителю.

Третье отражение – собственно перевод – может трансформировать и, в некоторых случаях, опускать их, как показано на примерах. Таким образом, перевод экфрасиса как дискурса, интегрирующего признаки институционального и персонального дискурса, демонстрирует динамическое равновесие двух модусов тождества, при этом «конечный результат перевода, как правило, суммируется под знаком феноменологического тождества» [Воскобойник, 2004, с. 257].

Список литературы:

Брагинская Н.В. Экфрасис как тип текста: к проблеме структурной классификации // Славянское и балканское языкознание: Карпатовосточнославянские параллели / Н.В. Брагинская. М., 1977. С. 259-283.

Воскобойник Г.Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. / Воскобойник Г.Д. Иркутск, 2004. 290 с.

Вудфорд С. Как смотреть на картины / С. Вудфорд. – М.: Ad Marginem. 176 с.

Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе / Л. Геллер //

Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума. / Л. Геллер. – М., 2002. С. 5-23.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств») / Ю.М. Лотман. СПб.: Академический проект, 2002. – С. 388-400.

Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. / Ю.М. Лотман. Таллин: Александра, 1992. - 472 с.

Рубинс М. Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция / М. Рубинс. СПб, 2003. 354 с.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности / О.М. Фрейденберг. –М.: Восточная литература, 1998. – 800 с.

Pilcher A. A queer little history of art / A. Pilcher. - Tate Enterprises Ltd. 2017. – 160 p.

Woodford S. Looking at pictures / S. Woodford. - Thames and Hudson. 2016. – 176 p.

Иванова О.Ю.
АНО ВО «Российский новый университет»
г. Москва (Россия)

Ivanova Olga
Russian New University
Moscow (Russia)

ВАРИАТИВНОСТЬ ОТРАЖЕНИЙ: К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ СОЗНАНИЯ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ПЕРЕВОДАХ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

VARIABILITY OF REFLECTIONS: VERBALIZING CONSCIOUSNESS CONCEPTS IN PARALLEL TRANSLATIONS OF A POETIC TEXT

В статье представлен взгляд на процесс вербализации в оригинальном поэтическом тексте и его параллельных переводах некоторых универсальных концептов европейского языкового и культурного сознания. Задача рассматривается на примере анализа текста стихотворения И. Гете «Ночная песня странника II».

The article presents a look at the process of verbalization in the original poetic text and its parallel translations of some universal concepts of European linguistic and cultural consciousness. The problem is considered on the example of the analysis of the text of the poem by I. Goethe "Night Song of Wanderer II".

Ключевые слова: концепты сознания, вербализация, Гете, поэтический текст, перевод поэтического текста.

Keywords: concept of consciousness, verbalization, Goethe, poetic text, translation of poetic text.

Вопросы о том, что такое художественный образ, как он связан с концептами сознания, что такое поэтическое образное мышление и что такое перевод художественного поэтического текста, не являются новыми и сколь-нибудь оригинальными. Они, скорее, могут быть отнесены к вечным вопросам, которые со времен Аристотеля задает себе и другим та часть человечества, которую всё еще заботят вопросы культуры в целом, искусства и литературы в частности и конкретно - перевода художественного текста как способа отражения и сохранения культуры (причем, как, с точки зрения исходного текста, так и с точки зрения текста переводного, а точнее – с позиции авторов этих текстов, как носителей культуры и обладателей определенного «средового»⁴ сознания, способного под особым углом зрения видеть и отражать окружающую их реальность).

Объектом исследования в этой работе является поэтический текст как исходный материал и продукт перевода, а предметом выступает специфика вербализации концептов сознания в переводном поэтическом тексте, выявленная как результат сравнения

---

⁴ Термин наш – *О.И.* См., например, Иванова О.Ю. Античность как энтелехия культуры серебряного века /Дисс. на соискание ученой степени канд. культурологии по специальности 24.00.01. «Теория и история культуры». – М., 1999. – 298 с., а также другие работы автора.

нескольких параллельных переводов. Конкретным текстом, о котором пойдет речь, выбрано известное стихотворение И. Гёте, чаще встречающееся под названием «Ночная песнь странника II» (Wandrer's Nachtlied II). Оно было написано в 1780 г. В оригинале это стихотворение поименовано как «Ein gleiches» — «Та же самая» (или «похожая, равная»⁵)⁶, что в контексте общего перечня стихотворений Гёте указывает на его непосредственную связь с другим стихотворением, также более известным под названием «Ночная песнь странника», но только с пометкой «I», написанное в 1776 г. Первое из упомянутых нами стихотворений было включено, как известно, в собрание сочинений Гёте только в 1815 г. и располагалось следом за Wandrer's Nachtlied I, что, по мнению исследователей [Синило, Электронный ресурс], служит явным указанием на то, что между этими стихотворениями существует очевидная «концептуальная» (понятийно и лексически выраженная) связь.

О переводе обоих стихотворений на русский язык (и отдельно, и в сравнении) с подробным анализом некоторых переводов написано достаточно работ. К наиболее содержательным, с точки зрения перечня переводов, следует отнести работу С. Лузана [Лузан, Электронный ресурс], к наиболее системным, с точки зрения анализа переводов Песни – II, - статью А.М. Финкеля [Финкель, 2001], к наиболее глубоким, с точки зрения анализа самого исходного текста Песни II и точности оценки (с нашей точки зрения – О.И.) некоторых ее переводов на русский язык – статья Г.В. Синило [Синило, Электронный ресурс]. Безусловный интерес представляют также статьи А.А. Сидорова, В.М. Жирмунского и многих других исследователей. Собственную интерпретацию перевода «Ночной песни II», осуществленного И.Ф. Анненским, автор данной статьи предложил в контексте своей версии герменевтического перевода эпохи русского Серебряного века [Иванова, 2012]. Следует отметить, что независимо от Г.В. Синило и на тот момент не зная даже о ее трактовке перевода Анненского, мы пришли в определенной мере к созвучным выводам (Алман как источник образа) и оценкам (положительный отзыв о переводе Анненского), что, безусловно, является подтверждением истинности сделанных выводов и ценности перевода И.Ф. Анненского в контексте так настойчиво отстаиваемой нами уже много лет позиции о высоком качестве его переводческой практики.

Таким образом, и тема, и общая методика исследования в нашей работе не представляют собой ничего нового. Новым, по замыслу автора, будет данная в развитии⁷

---

⁵ В согласовании с русским «песня», при том, что в немецком языке слово «песня» (Lied) среднего рода.

⁶ Мы не согласны с переводом «Другая», которое дано в статье Г.В. Синило [7], по причине очевидной двусмысленности в русском языке слова «другой» в противовес немецкому gleich, которое чаще имеет значение *равный, такой же*.

⁷ Первый опыт – см. [Иванова О.; 2012].

попытка показать на конкретных примерах, почему в сознании конкретного переводчика обобщение концепта сознания в форме художественного образа выражается в тех или иных вербальных формах, позволяющих художественному образу стать поэтическим текстом и войти в систему культурной коммуникации, как внутриязыковой (внутри определенной этнокультуры), так и межъязыковой (межкультурной) и даже межсемиотической (Ср. виды перевода по Р.О. Якобсону⁸).

Прежде всего, нам представляется важным определить тот смысл, который мы вкладываем одновременно в понятие «концепт» как лингвистическую категорию и «концепт сознания» как категорию психологическую, поскольку в нашем случае концепт должен, как нам кажется, пониматься междисциплинарно. Наиболее емким с этой точки зрения нам представляется определение, данное в «Кратком словаре когнитивных терминов» Е.С. Кубряковой: «Концепт – это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга...всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Цит. по Матеева, 2010, с.98]. С позиции психолога С.Э. Полякова, концепт - это психическая конструкция, обозначаемая словами [Поляков, 2017, с.104-106]. – «Психическая конструкция превращается в концепт только после ассоциации ее с образом соответствующего слова» [Поляков, 2017, с.106]. По сути, концепт – это образ мира, закрепленный в коллективном сознании посредством слова и в процессе социализации личности, в процессе ее вхождения в круг своей этнокультуры и в круг культуры своей цивилизации, в процессе ее «энциклопедического» (по С.С. Аверинцеву) формирования, через это слово в его субъективном отражении входящий в сознание индивидуальное. Во всяком случае, образ концепта в индивидуальном сознании всегда предопределяется сознанием коллективным. Именно поэтому, на каждом новом этапе своей эволюции коллективное сознание (как на уровне конкретной этнокультуры, так и на уровне цивилизации в целом) требует глобальной «перезагрузки» (подтверждения, обновления) своих базовых концептов для того, чтобы адаптировать их к новому этапу состояния коллективного сознания. Процесс этой «перезагрузки» в свою очередь выражается в «новых прочтениях», «новых толкованиях» знаковых концептов интеллектуально-культурного наследия конкретными личностями (индивидуальным сознанием). Собственно индивидуальное стремление к «новому толкованию» и вообще к «толкованию» концепта как такового есть главное условие для его сохранения, потому что именно толкование, интерпретация выражает суть процесса вербализации концепта как лингвокультурной и

---

⁸ Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - С. 16-24

коммуникативной ценности. Именно вербализация есть показатель востребованности концепта «для обмена информацией между говорящими» [Поляков, 2017, с. 105]. Разумеется, в роли концепта может выступать как отдельное понятие (отдельный предмет), так и фрейм (ситуация, процесс) или «фигурированная ситуация», «привлекающая внимание часть феноменального поля» [Китадзё, 2019, с.25], как это называет японский исследователь М. Китадзё со ссылкой на датского психолога Э.Рубина.

Последнее определение, связанное исходно с интерпретацией произведений изобразительного искусства, представляется нам наиболее интересным в контексте толкования «картины природы» в стихотворении Гете и его переводах.

Итак, стихотворение Гете есть специфическая «фигурированная ситуация», являющаяся концептом как сама по себе (ситуация-концепт «Песнь странника» Гёте как ценность европейской и мировой культуры), так и включающая в себя несколько самостоятельных концептов (элементов, фигур ситуации), коммуникативно значимых для европейской цивилизации как конституирующие компоненты, определяющие целостность и идентичность ее коллективного сознания. Цивилизация, культура для своего сохранения (чтобы не прервалась «связь времен» и была преодолена «бездна» небытия, забвения, бездна бездуховности)⁹ нуждается в том, чтобы каждое поколение знакомилось и закрепляло в своей коллективной памяти культурно значимые ценности (как отдельные понятия-концепты, так и произведения искусства целиком, воспринимаемые как отдельные понятия-концепты) [Волкова, Электронный ресурс]. Поэтому неудивительно, что фактически для каждого поколения есть версии своего перевода (перезагрузки, обновления, нового толкования) этого стихотворения на русский язык: М. Лермонтов (1840), И. Анненский (1904 -1909), В. Брюсов (1919), В.Федоров (1929), Л. Пастернак, Д. Андреев (1950-е), Смирнов-Сокольский Д. (2006), В. Николаев (2007). Как мы видим, особая частотность переводов приходится на кризисные «рубежи веков», что объясняется особой интенсивностью рефлексии о своей культуре и судьбе человечества. В целом «фигурированная ситуация», выраженная этим стихотворением, ее толкование столь значимо для коммуникативного пространства и самосохранения культуры, что становится поводом для обнаружения «истинных смыслов» (у каждого поколения – как универсальных, так и специфических, своих) не всеми подряд, а теми индивидуумами, жизнь которых приходится на периоды «перезагрузки».

---

⁹ П.Д. Волкова попыталась подать руку помощи поколению 2000-х своим циклом передач «Мост над бездной».

Общее толкование (концепт как ситуация) стихотворения, естественно, складывается из толкования и способов вербализации отдельных конституирующих концептов. Попробуем дать им оценку посредством сопоставления параллельных переводов с подстрочником исходного немецкого текста как «Тем же самым» по отношению к тексту «Песни I». Текст Лермонтова мы намеренно исключаем из сравнений, понимая его как некую «вторую» текстовую реальность. Поскольку мы не ставим своей целью анализ ритмики, то остановимся на анализе исходного текста и переводов по предложениям.

1. Исходный текст: *Über allen Gipfeln ist Ruh*

Подстрочник: *Над всеми вершинами покой*¹⁰

Обратим внимание на то, что немецкий предлог *Über* однозначно определяет, что Покой (Ruh) присутствует не на вершинах, не вершины пребывают в покое, а сам этот покой воспринимается как некая эманация высшего, над вершинами, в небесах (из небес) пребывающего божества (ср. «Der du von dem Himmel bist» - Ты, который из небес являешься» - Песня I). Это ни в коем случае не предполагает взгляд человека сверху вниз (ср. Синило), это взгляд человека вверх и обнаружение им божественного покоя, царящего над всем материальным сущим как эманации высшего Божества, проявляющаяся из небес *Über allen Gipfeln, von dem Himmel*. Покой (конкретно - Тишь) над горами присутствует только в переводе В. Николаева и И. Анненского. Во всех остальных переводах именно горы пребывают в покое, они являются субъектами, актантами состояния покоя. Существительное Ruh в немецких текста встречается в значениях: покой, отдых, сон (в том числе, божественный, относящийся к небесам). Во всех контекстах значение этого слова связано с отсутствием физического перемещения, с отсутствием физического воздействия извне, с пребывающим бездействием, абсолютным отдыхом. В немецких контекстах у слова *Ruh* отсутствуют какие-либо звуковые коннотации (<https://ru.glosbe.com/de/ru/Ruh>). В различных словарях русского языка слово *Тишь*, в свою очередь, чаще дается как синоним слова *тишина*, т.е. имеет очевидные звуковые коннотации (отсутствие звуков), хотя и встречается как синоним слова *спокойствие*, но только в переносном значении определяются как синоним слова *покой* (<https://slovar.cc/rus/efremova-slovo/1182409.html>).

На наш взгляд, поводом к выбору слова *Тишь* как вербального обозначения в русском тексте (обоих указанных переводчиков) концепта «божественного покоя» могла послужить общеизвестная поговорка «Тишь да гладь – Божья благодать». Кроме того, для Анненского слово «Тишь» (с позиции его стремления к персонификации наиболее важных

---

¹⁰ Все подстрочники даны в нашем переводе – О.И.

для его творчества концептов), как обладающее большим спектром функциональности (ср. - «Тишь кругом стоит» - «Тишь тебя возьмет»), оказалось более предпочтительным. С другой стороны, именно *Тишь* как ипостась *Божьей благодати* (ср. поговорка) станет той силой, которая поможет лирическому герою обрести желанный покой (см. последнюю строчку *balde Ruhest du auch*

2. Исходный текст: *in allen Wipfeln spurest du kaum einen Hauch.*

Подстрочник: *На всех макушках (деревьев) ты не ощутишь никакого дуновения ветра.*

У Анненского - «В листве уж черной не ощутишь ни дуновенья», у Брюсова - «В листве, в долинах Ни одной Не дрогнет черты», у Пастернака - «В полусон Каждый листик средь бора На краю косогора Погружен», у Андреева - «Долы млеют во мгле», у Федорова – « а в долинах сон такой», у Смирнова-Сокольского - «Зефир проворный в лес густой бег не стремится», у Николаева - «И над деревьями Почти совсем не ощутишь ни дуновенья». При сравнении возникает ощущение того, что Николаев следует за Анненским, для Брюсова, Андреева и Федорова – оригиналом выступает Лермонтов, у которого также «мир горный» (горы не как таковые, а как олицетворение горного мира) и «мир дольный» противопоставлены друг другу, а Пастернак и Смирнов-Сокольский однозначно делают из простого, реалистичного и абсолютно прозрачного текста Гёте некую пасторальную жеманную «рисованную» картинку. «Черная листва» Анненского может быть прочитана в контексте общей, «эсхатологической», символики его творчества [Иванова, 2012, с.205], но может быть интерпретирована и как намеренно реалистичный образ (в рамках абсолютно конкретной и предельно реалистичной стилистики Гёте): наступили сумерки, а поэтому затих ветер и на фоне неба ветки деревьев и листья кажутся абсолютно черными. Примечательно, что на одном из зарубежных альбомов свксофониста Ильи Белорукова (альбом так и называется «Wandrer's Nachtlied II») на фоне ночного неба изображены черные ветки и плоды яблони.

3. Исходный текст: *Die Vögellein schweigen im Walde.*

Подстрочник: *Птички молчат в лесу.*

У Анненского – «В чаще затих полет...», у Брюсова – «Птицы спят в молчании бора», у Пастернака – «Птичек замерли хоры», у Андреева – «Дремлет птенчик в дупле», у Федорова – «Не потревожит лесную тишь птичье пенье», у Николаева – «Птичий свист в лесу не найдешь», у Смирнова-Сокольского – «Птиц смолкли игривые споры».

Примечательно, что уменьшительно-ласкательная форма, присутствующая в обозначении птиц, встречается в переводах только у Пастернака. У Брюсова молчат не

птицы, а бор, т.е. их сон понимается как причинно-следственная закономерность. Дремлющего в дупле птенчика Андреева вряд ли можно признать удачной формой вербализации концепта, связанного с ночным затиханием птичьего лесного гомона. Непросвещенному в зоологии обывателю известно, что ночью птицы спят в гнездах. В дупле живут дятлы, вряд ли способные выступать основанием для милой поэтической ассоциации. Летать в чаще могут только птицы, поэтому «затихший полет» у Анненского не выглядит противоестественно – птицы к ночи перестали летать и потому затихли. На месте конкретики Гёте возникает метафора Анненского, для которого в силу традиций современного ему поэтического контекста метафоричность и иносказательность гораздо ближе конкретике.

4. Исходный текст: *Warte nur, balde ruhest du auch*

Подстрочник: Подожди же (ты только подожди), скоро ты тоже отдохнешь.

У Анненского – «О, подожди!.. Мгновенье – Тишь и тебя... возьмет», у Брюсова – «Подожди только: скоро уснешь и ты», у Федорова – «Малость терпенья — Ты смолкнешь тоже», у Пастернака – «Погоди: будет скоро И тебе угомон», у Андреева – «Подожди: уготован Вечный отдых и нам», у Николаева – «Подожди лишь мгновенья, Ты отдохнёшь», у Смирнова-Сокольского – «И нас уж скоро Сон осенит».

Анализ текста Анненского убеждает нас в его амбивалентности: Тишь как Божья благодать или Тишь как Смерть [см. Иванова, 2012]. Именно эта амбивалентность: что ждет человека – Божья благодать или вечный покой и является ли вечный покой Божьей благодатью – заставляет просвещенный мир уже несколько веков размышлять над, казалось бы, простым и ясным текстом стихотворения Гёте. Стилистика и лексика Брюсова, Федорова, Андреева, Смирнова-Сокольского не оставляют сомнений в том, что путника ждет скоро вечный покой. Текст Николаева скорее нейтрален (вербально поверхностен), чем двусмысленен. Но что же утверждает Гёте, когда помещает первую, почти забытую, и вторую, ставшую знаком мировой культуры, песню в единое смысловое (концептуальное) пространство? Эти два стихотворения представляют собой своеобразный диалог: 1) мольбу, просьбу, обращение ночного путника к тому более сладостному горнему Миру (*Süßer Friede!*), олицетворяющему Божественную сущность, способную утолить горе и боль и сулящую дважды несчастному, уставшему от «движения», от всех радостей и печалей жизни, двойное утешение (*Den, der doppelt elend ist,/ Doppelt mit Erquickung füllest,/ Ach, ich bin des Treibens müde! Was soll all der Schmerz und Lust?*). В своем обращении путник призывает тот Мир (или Божественную сущность) явиться к нему, «приблизиться к его груди» (*Komm, ach komm in meine Brust!*) и 2) ответ горнего (сладостного) Мира,

являющегося эманацией Божественной сущности и потому пребывающего в покое и утешающего страдания, ночью, в час абсолютной гармонии, когда весь подлунный (дольний) мир подобно горнему Миру пребывает в покое. Ответ, состоящий в том, что Божественная благодать (*Тишь* у Анненского) не заставит себя ждать, и ночной путник в своей безмятежности, покое и благодати уподобится Тому, кто пребывает в Мире горнем (auch ruhest – ты также, тоже успокоишься). Состоявшийся как концепт, т.е. соединенный с конкретным словом (Ruh, ruhest), концепт «покой» у Гёте сохраняет свою перманентную лакуарность в связи с невозможностью найти для него универсально однозначного толкования (в рамках коллективного сознания) как в самом немецком языке, так и в других языках. Таким образом, не только культурная значимость стихотворения как художественного произведения, как знаковой «фигурированной ситуации», но и неопределенность главного концепта этой ситуации делает стихотворение Гёте важным коммуникативным узлом, присутствующим как коммуникативный повод в каждой культурно-исторической эпохе, - в каждой из всех, пришедших на смену веку Просвещения.

Список литературы:

- Волкова П.Д.* Мост над бездной. Авторская программа. Электронный ресурс - http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/32766/ (Дата обращения – 01.03.2019).
- Иванова О.* Герменевтический перевод как функция культурного синтеза Серебряного века, или почему И.Ф. Анненский перевел «Ночную песнь странника» Гёте / Deutschland und Russland im wissenschaftlichen Dialog Neugier, Kompetenz, Erfahrung - Россия – Германия в научном диалоге Любопытность, Компетенция, Опыт. - Frank & Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur Berlin 2012. 333 с. - С.202-205. ISBN 978-3-86596-445-8
- Китадзё М.* Анализ своеобразного употребления деепричастий совершенного вида в русских литературных произведениях XVIII – XIX веков / «Осенние коммуникативные чтения – 2018». Сборник статей Международной научно-практической конференции «Осенние коммуникативные чтения: К 20-летию открытия лингвистического образования в РосНОУ». Москва, 29-30 ноября 2018 г. – М.: ООО «Русайнс», 2019. С.15-26.
- Лузан С.* Ночная песнь странника 1, 2 I, II Й. В. фон Гёте – Электронный ресурс - <https://www.stihi.ru/2014/06/30/1536> (Дата обращения - 27.02. 2019).
- Матвеева Д.С.* Концепт как единица сознания /Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. № 6, 2010. – Тольятти: Изд. Волжского университета, 2010. С.96-99. ISSN: 2076-7919.
- Поляков С.Э.* Концепты и другие конструкции сознания. – СПб.: Питер, 2017. – 624. ISBN 978-5-4461-0363-8.
- Синило Г.В.* «Ночная песнь странника II» И. В. Гёте в свете жизненных идеалов XVIII века. – Электронный ресурс - <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-ger/sinilo-nochnaya-pesnya-strannika-gete.htm> (Дата обращения - 25.03.2019).
- Финкель А.М.* «Ночная песня странника» Гете в русских переводах // «Русский язык», издательский дом «Первое сентября», 13/2001 – Электронный ресурс - <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200101307> (Дата обращения – 01.03.2019).
- Электронные словари:*
Glosbe – Электронный ресурс <https://ru.glosbe.com/de/ru/Ruh>
Slovar.cc – Электронный ресурс <https://slovar.cc/rus>

Калевич Н.А.
АНО ВО «Российский новый университет»
г. Москва (Россия)

Kalevich Natalia
Russian New University
Moscow (Russia)

**«РУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ» БАСЕН И.А. КРЫЛОВА В КОНТЕКСТЕ ИХ
АНТИЧНЫХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ
(на примере сравнительного анализа текста басни «Ворона и лисица»)**

**RUSSIAN MENTALITY OF IVAN A. KRYLOVS FABLES IN THE CONTECXT OF
THEIR ANCIENT AND EUROPEAN SOURCES**

В статье предпринята попытка сформулировать специфику «русскости» текстов басен И.А. Крылова в сопоставлении с некоторыми текстами их античных и европейских источников.

The article attempts to formulate the specifics of the “Russianness” of the fables texts by I.A. Krylov in comparison with some texts of their ancient and European sources.

Ключевые слова: жанр басни, И.А. Крылов, русская ментальность, специфика интерпретации, Эзоп, Федр, Лафонтен.

Keywords: fable genre, I.A. Krylov, Russian mentality, specificity of interpretation, Aesop, Fedr, Lafontaine.

Иван Андреевич Крылов, безусловно, не просто заметная фигура в русской классической литературе – именно благодаря ему такой жанр как басня сформировался и получил фактически наиболее совершенное, классическое воплощение. Именно басни Крылова стали впоследствии главным образцом для сравнения и подражания.

Басни Крылова относятся к тому типу текстов, которые в максимальной и концентрированной степени несут в себе то, что принято называть спецификой этнокультурной ментальности. При этом среди наиболее известных басен Крылова есть и такие, которые написаны по сюжетам известных басен француза Лафонтена, в свою очередь заимствовавшего сюжеты античных басен, созданных в глубокой древности греческим автором Эзопом и римским баснописцем Федром. А в конечном счете, именно тексты Эзопа были источником и тех басен, которые на латинском языке в поэтической форме создавал Федр.

О басне как жанре и об античной басне, в частности, существует большая и весьма разнообразная библиография, чаще представленная в учебниках, пособиях, а также отдельных монографических исследованиях специалистов по античной литературе. К наиболее известным среди них следует отнести работы И.М. Тронского, С.И. Радцига, Н.А. Чистяковой, М.Л. Гаспарова и многих других. Один из известных исследователей античной литературной басни М.Л. Гаспаров, говоря об античной басне, утверждал, что басня –

«самый демократический жанр античной литературы – часто доносит до нас отголоски чувств и мыслей угнетенных масс древности – рабов и беднейших свободных» [Гаспаров, 1971, с.3]. Ту же характерную черту можно указать и в связи с баснями более позднего времени. Именно демократичность басни как жанра позволяет нам находить в ней черты этнокультурной ментальности того народа, жизнь и быт которого отражается в тексте басни. Характеризуя античную басню, М.Л. Гаспаров писал также о том, что «к античности восходит и большинство басенных тем и сюжетов в литературе нового времени: не зная античной басни, нельзя вполне понять ни Лафонтена, ни Крылова» [Там же]. Дошедшие до нас басни, сохранившиеся под именем Эзопа, представляют собой прозаические притчи. Поэтическую форму сюжетам Эзопа, несколько их переработав уже на латинском языке, придал Федр. Примечательно, что еще в античности появилась традиция называть басни не баснями вообще, а баснями Эзопа. Басня Эзопа воспринималась безотносительно к авторству Эзопа, а как наименование жанра. Именно поэтому, когда за написание басен взялся французский писатель Лафонтен, он назвал сборник своих басен «Басни Эзопа, переложенные в стихах господином де Лафонтеном».

Перечень работ и авторов, исследующих творчество И.А. Крылова, не менее обширен. Подробные ссылки на существующие издания представлены в книге Ю.И. Минералова [Минералов, 2007]. Большая часть исследований лингвистического характера посвящены вопросам языка и стиля басен Крылова, а также определению той роли, которую сыграло творчество Крылова в формировании русского литературного языка. К наиболее глубоким и фундаментальным исследованиям на эту тему следует отнести работы известного отечественного лингвиста В.В. Виноградова [Виноградов, 1945; Виноградов, 1970; Виноградов, 1938].

Наше небольшое исследование представляет собой попытку понять и дать оценку тому, как определенный устойчивый архетип (конструкт и даже концепт) европейского коллективного сознания, сформированный античной традицией, вербализуется и становится оригинальной басней И.А. Крылова. В этой работе мы попытаемся проследить, какую трансформацию переживает античный сюжет и античная басенная литературная форма как таковая, двигаясь от античности VI века к Новому времени, через интерпретацию Лафонтена к специфически русской версии Крылова.

Разумеется, ни Федр, ни Лафонтен и, тем более, Крылов своих предшественников не переводили. Это всегда собственная оригинальная версия, написанная по мотивам классического сюжета, востребованного во все времена. Сюжеты античных басен настолько

универсальны (или до нас дошли именно такие универсальные сюжеты), архетипичны, что они сохраняют свою свежесть и актуальность в национальной одежде любого колорита.

1. «Ворона и лисица»

Эзоп «Ворон и лисица»: Κόραξ κρέας ἀρπάσας ἐπὶ τινος δένδρου ἐκάθισεν. Αλώπηξ δὲ θεασαμένη αὐτὸν καὶ βουλομένη τοῦ κρέατος περιγενέσθαι στᾶσα ἐπὶ αὐτὸν ὡς εὐμεγέθη τε καὶ καλόν, λέγουσα καὶ ὡς πρέπει αὐτῷ μάλιστα τῶν ὀρνέων βασιλεύειν, καὶ τοῦτο πάντως ἂν ἐγένετο, εἰ φωνὴν ἔχειν. Ὁ δὲ παραστῆσαι αὐτῇ θέλων ὅτι καὶ φωνὴν ἔχει, ἀποβαλὼν τὸ κρέας μεγάλα ἐκεκράγει. Ἐκείνη δὲ προσδραμοῦσα καὶ τὸ κρέας ἀρπάσασα ἔφη· «ὦ κόραξ, καὶ φρένας εἰ εἶχες, οὐδὲν ἂν ἐδέησας εἰς τὸ πάντων σε βασιλεῦσαι.» Πρὸς ἄνδρα ἀνόητον ὁ λόγος εὔκαιρος [Басни Эзопа (древнегреческий текст); Электронный ресурс].

Подстрочный перевод: «Ворон унес кусок мяса и уселся на дереве. Лисица увидела, и захотелось ей получить это мясо. Стала она перед вороном и принялась его расхваливать: уж и велик он, и красив, и мог бы получше других стать царем над птицами, да и стал бы, конечно, будь у него еще и голос. Ворону и захотелось показать ей, что есть у него голос; выпустил он мясо и закаркал громким голосом. А лисица подбежала, ухватила мясо и говорит: «Эх, ворон, кабы у тебя еще и ум был в голове, — ничего бы тебе больше не требовалось, чтоб царствовать» [Басни Эзопа (русский текст); Электронный ресурс]. (Эта басня про глупого человека – Здесь перевод наш – *Н.К.*)

Федр: Qui se laudari gaudent verbis subdolis,/serae dant poenas turpi paenitentia./ Cum de fenestra corvus raptum caseum/ comesse vellet, celsa residens arbore,/vulpes invidit, deinde sic coepit loqui:/'O qui tuarum, corve, pinnarum est nitor!'/Quantum decoris corpore et vultu geris!'/Si vocem haberes, nulla prior ales foret'./At ille, dum etiam vocem vult ostendere,/lato ore emisit caseum; quem celeriter/dolosa vulpes avidis rapuit dentibus./Tum demum ingemuit corvi deceptus stupor [Федр; Электронный ресурс].

Ж. де Лафонтен: Maître Corbeau, sur un arbre perché,/Tenait en son bec un fromage./Maître Renard, par l'odeur alléché,/Lui tint à peu près ce langage:/ Et bonjour, Monsieur du Corbeau,/ Que vous êtes joli! que vous me semblez beau!/ Sans mentir, si votre ramage Se rapporte à votre plumage,/ Vous êtes le Phénix des hôtes de ces bois./ À ces mots le Corbeau ne se sent pas de joie,/ Et pour montrer sa belle voix,|Il ouvre un large bec, laisse tomber sa proie!/ Le Renard s'en saisit, et dit //Mon bon Monsieur,/Apprenez que tout flatteur/ Vit aux dépens de celui qui l'écoute./ Cette leçon vaut bien un fromage sans doute./Le Corbeau honteux et confus /Jura, mais un peu tard, qu'on ne l'y prendrait plus [Лафонтен; Электронный ресурс].

И.А. Крылов: Уж сколько раз твердили миру,

Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.
Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду, Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр,
-Лисицу сыр пленил,
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
"Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перышки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись!
Что ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!"
Вещуньяина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло, -
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал - с ним была плутовка такова [Крылов, Электронный ресурс].

Проанализируем последовательно развитие сюжета и его концептуальные составляющие во всех выше представленных текстах.

У Эзопа в притче, написанной прозой, главными действующим лицами являются Ворон (грозная и гордая птица, вьющаяся над полями) и Лиса. Грамматическая структура греческого языка позволяет уточнить род действующих лиц. Ворон – он, лисица – она. Греческий ворон VI века до нашей эры вряд ли может быть взаимозаменяемым с вороной. Это однозначно большая черная хищная птица, греческое наименование которой (σοαχ)

вошло в состав термина, которым в зоологии обозначаются именно вороны в отличие от ворон. Ворону, живущему в дикой природе, скорее доступно мясо, чем сыр. Кружась над растерзанным телом животного, вороны выхватывают куски мяса. Так и здесь. Ворону мясо никто не посылал, он его схватил (выхватил, похитил - ἄρπάσας) и сел на дерево. Проходившая мимо лиса увидела мясо и очень захотела его съесть. Она расхваливает ворона, предполагая, что он мог бы при условии владения хорошим голосом, стать царем птиц. Мораль произносит также сама Лиса, замечая Ворону после того, как он выронил мясо, что для того, чтобы стать царем у него есть всё, кроме ума. В комментарии автора говорится, что это басня про глупого «мужчину». Употребление слова ἄνδρας (именно мужчина) на фоне «её» (Лисы) не оставляет сомнений в определенной гендерной подоплёке события (хитрая женщина и падкий на лесть мужчина).

У Федра гендерный конфликт также присутствует, что выражено грамматическими формами прилагательных и причастий. Но в тексте Федра появляется уже не ворон, а ворона (corvus) с куском сыра, похищенного с окна. Сюжет тем самым становится более приземленным. «Красота перьев» вороны, которой восхищается лиса – в определенной мере может восприниматься как источник «павлиньих перьев», которые примеряют на себя «ущербные» по своему внешнему виду «вороны» (см. далее) в русских фразеологических оборотах. Мораль басни присутствует как авторский текст и в ней осуждаются не глупцы, а падкие на лесть опять же мужчины (Qui). Нам неизвестно, как отреагировал на похищение мяса Ворон у Эзопа, но в тексте Федра присутствует описание шока (раскаяние), в которое поверг Ворону поступок Лисы.

Во французском языке Corbeau – это скорее ворон, чем ворона. Ворона во французском чаще обозначается как corneille (ср. ниже corvus corone) и имеет женский род. В сравнении с русским это слово чаще всего встречается именно в таких контекстах, где в русском возникают «стаи воронов» и клики кружащегося над полем «воронья». Ворон Лафонтена уважаемый господин и источник добычи сыра в тексте басни не комментируется. Появление в басне Господина Лиса, а не госпожи Лисы – очевидное влияние французского фольклора. Господина Лиса привлекает не вид, а запах сыра. В речи господина Лиса у Лафонтена, как и у Федра (текст которого был очевидным источником сюжета для Лафонтена) превозносится красота оперенья Ворона. Причем здесь можно допустить и совпадение желаемого с действительным. Оперенье у черного ворона достаточно впечатляющее, а вот голос, действительно, вряд ли сравним по своей красоте с ним. Автор замечает с очевидной иронией - «Чтобы показать свой прекрасный голос. Он открыл свой широкий клюв» (Et pour montrer sa belle voix, Il ouvre un large bec). Мораль

басни вложена в уста Лиса и выглядит очень галантно, в полном соответствии с «просветительскими» традициями эпохи. За преподанный урок не жалко расстаться с сыром. – «Мой хороший господин, знайте, что любой льстец /Живет за счет того, кто его слушает. Этот урок стоит сыра, без сомнений». / Ворон, пристыженный и сконфуженный,/ Поклялся, что больше так не попадетс [Лафонтен, Электронный ресурс]. Дополнительная коннотация, которая может быть выведена из текста Лафонтена, состоит в том, что «и на старуху бывает проруха». Гордый и прекрасный Ворон с черным опереньем

А теперь перейдем к тексту И.А. Крылова. Не получив системного образования, Крылов вряд ли был знаком с греческим и латинским текстами басни. Для него единственным источником сюжета был Лафонтен. В тексте Лафонтена, как мы уже упоминали, выбор мужского рода в обозначении главных героев басни, скорее всего, обусловлен интерференцией французской фольклорной традиции (Лис) и задачей показать, что лесть может стать причиной конфуза и для весьма достойного господина (Ворон). В свою очередь в тексте Крылова под влиянием русского фольклора Лис превращается в хитрую Лису. Лиса - безусловная дама со всеми своими и гендерными, и фольклорными особенностями (хитрая лиса русских сказок; ее пленил сыр, она говорит чуть дыша и проч.). Ворона, хоть и «она», но скорее существо бесполое, символически собирательное, обобщенный символ глупца, падкого на лесть и способного каркать по любому поводу, чтобы показать (подтвердить) свою значимость. «Ворона» Крылова, находясь в общем контексте заданной античным сюжетом тематики, - «падкий на лесть глупец» - является в русском языке и культуре компонентом целой лингвокультурной сферы, отраженной в поговорках, парафразах, просторечных словах и жаргонизмах: ворона как ротозей – «проворонить», «эх, ты, ворона!», «ворон считать». Ворона, польстившись на слова Лисы, «проворонила» свою добычу. Ворона (лат наименование *corvus corone*), безусловно, в русском языке имеет общий корень с вороном (*corvus corax*), но в равнозначных ворону контекстах никогда не встречается. Ворон в отличие от вороны не «примеряет павлиньи перья». Он птица самодостаточная, а «ворона», являясь типичным городским обитателем, всё время пытается казаться лучше, чем она есть, натянуть на себя «павлиньи перья», стать «царь-птицей». Предвещать беду в русскоязычных текстах способны и ворон, и ворона, но стилистически их провидческие способности принципиально различаются: черный ворон беду и смерть «кликает», он вьется над головой как символ смерти, «слетающееся воронье» на поле битвы - это не ворóны, а вóроны, от ворона не отмахнешься, а ворона может беду, проблему «накаркать», поэтому от неё можно и нужно отмахнуться, чтобы «не накаркала». Ворона нередко вообще «каркает попусту». У ворона в русском контексте голова вряд ли

вскружится от похвал (этот образ в отличие от французского текста Лафонтена не встречается в сниженных стилистически контекстах), а у каркающей попусту «вещуны» вороны – голова, как мы видим из басни, вскружилась. Ворона привыкла быть нахлебницей. Вот и в басне Крылова ей «где-то бог послал кусочек сыра» (Ср. в предыдущих текстах – один выхватывает, другой крадет, о способе добычи сыра третьим эвфимистически умалчивается). И если мы помним, что в русской песне «ворон вьется», то неуклюжая ворона способна в русской басне на дерево только «взгромоздиться». Крылов очень точно описывает не только неуклюжесть вороны, но и характерные для этого вида птиц моменты «замирания» («позавтракать уж было собралась, да призадумалась»). Но это единственное чисто внешнее «зоологическое» совпадение. В остальном в крыловской вороне нет ничего от одной из на самом деле умнейших птиц¹¹. Ворона Крылова – это «Ворона» Крылова, которая его стараниями становится одним из знаковых концептов русской лингвокультуры. Нам не удалось найти четких указаний на то, когда в русский язык вошли в качестве частотного компонента разговорного языка фразеологизмы «ворон считать» и, прежде всего, - «проворонить». Не исключено, что на формирование этих лексем и их смыслов повлияла именно басня Крылова.

Сравнительный анализ текстов других басен мог бы оказаться, как нам кажется, не менее познавательным. Вывод, следующий из всего сказанного, состоит в том, что в своем тексте, имеющем непосредственную связь с архетипами европейской культуры, Крылов добивается абсолютной гармонии с точки зрения включения исходно античного сюжета басни о Вороне в русскую лингвокультурную среду, преодолев возможные стилистические и смысловые интерференции хорошо известного ему Лафонтена. Гармонично вписываясь в контекст русской культуры, текст Крылова расширяет ее, наполняет новыми концептами, т.е. новыми смыслами, оформленными в виде новых слов или слов с новыми значениями. Так в мире своих басен И.А. Крылов творит «мир русского слова».

Список литературы:

- Гаспаров М.Л.* Античная литературная басня (Федр и Бабрий). – М.: Наука, 1971. 280 с.
- Виноградов В.В.* Язык и стиль басен Крылова. /Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, том IV, выпуск 1. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1945, С. 24–52.
- Виноградов В.В.* И. А. Крылов и его значение в истории русской литературы и русского литературного языка // Русская речь 1970 № 04 – М.: Наука. С.3-13.
- Виноградов В.В.* Просторечие как основа литературной речи в басенном языке И. А. Крылова. – М.: Учпедгиз, 1938.

---

¹¹ Известно, что городские вороны по своему интеллекту приближаются к приматам.

Минералов Ю.И. История русской литературы XIX века. 1800-1830 годы. – М.: «Высшая школа», 2007. – 367 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: "ИТИ Технологии", 2006. - 944 с.

Источники:

Басни Эзопа - <http://aesop.liferus.ru/pages.htm> (русский перевод)

Басни Эзопа - https://el.wikisource.org/wiki/Αισώπου_Μύθοι/Κόραξ_και_αλώπηξ (древнегреческий текст)

Федр - <https://vsebasni.ru/ezop/vulpes-et-corvus.html>

Крылов И.А. - <https://deti-online.com/basni/basni-krylova/vorona-i-lisica/>

Лафонтен Ж. де - <https://akyla.net/stihi-na-francuzskom/jean-de-la-fontaine/315-jean-de-la-fontaine/373>

Кольцова Д.А
Кольцов С.В.
Высшая школа перевода (факультет)
Московского государственного университета имени М.В Ломоносова
г. Москва (Россия)

Koltsova Daria
Koltsov Sergey
Higher School of Translation and Interpretation (faculty)
Moscow State University
Moscow (Russia)

ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

HISTORY AND DEVELOPMENT OF MACHINE TRANSLATION

Машинный перевод – это активно развивающаяся отрасль переводоведения. Большинство современных переводчиков уже не могут представить процесс перевода без этого помощника. Сегодня в арсенале переводчика имеются различные программы, которые не только переводят тексты, но и редактируют их. Однако активное развитие данный перевод получил сравнительно недавно. Еще несколько десятилетий назад переводчики не могли подумать, что технологии дойдут до такого уровня. Если раньше компьютерные возможности были ограничены, и переводчику приходилось полностью менять переведенный машиной текст, то в настоящее время переводчик может выступать в качестве редактора и оставлять большинство переведенного текста. В данной статье дается определение машинного перевода, рассматривается его история, а также описываются основные принципы и виды машинного перевода на сегодняшний день.

Machine translation is an actively developing branch of translation studies. Most modern translators can no longer imagine the translation process without this assistant. Today, there are various programs in the translator's arsenal that not only translate texts, but also edit them. However, the active development of this translation has been relatively recent. A few decades ago, translators could not even imagine that technology would reach such a level. Earlier the computer capabilities were limited, and a translator had to completely change the text translated by the machine. Now a translator can act as an editor and leave most of the translated text. This article gives a definition of machine translation, describes its history, and the basic principles and types of machine translation nowadays.

Ключевые слова: машинный перевод, история машинного перевода, электронные словари, компьютерная лингвистика.

Key words: machine translation, history of machine translation, electronic dictionaries, computer linguistics.

Научно-технический прогресс привел к возрастанию потоков информации, которой обмениваются носители разных языков, а также способствовал расширению межъязыковых границ и увеличению объема текстов, требующих перевода. В связи с этим, перед переводчиком встала сложная задача - переводить быстро и качественно в условиях большого количества информации. Арсенал письменного переводчика пополнился электронными инструментами, которые облегчили поиск необходимой информации и сам процесс перевода. Наиболее известными из них являются электронные переводные словари («Lingvo», «Мультитран», и др.), системы класса Translation Memory («TRADOS», «Déjà

vu», «Wordfast» и др.), программы автоматического редактирования текстов, программы распознавания устной речи и т. д.

Однако отношение к машинному переводу (МП) всегда было неоднозначным. Многие ученые считают, что появление компьютеров и интернета стало серьезным шагом вперед в области практического переводоведения, позволило значительно повысить качество перевода. Другие относятся к такому переводу крайне негативно, подчеркивая несовершенство машинного перевода. Переводчики также опасаются, что программы машинного перевода вытеснят их из этой профессиональной среды. В статье мы дадим определение машинного перевода и рассмотрим основные этапы его развития.

Л. Ю. Шипицына определяет машинный (или автоматический) перевод как выполняемое компьютером действие по преобразованию текста на одном естественном языке в эквивалентный по содержанию текст на другом языке, а также результат такого действия [Шипицына, 2013].

В толковом переводоведческом словаре Л.Л. Нелюбина дается несколько определений: – 1. Автоматический перевод текста на основе заданной программы, осуществляемой ЭВМ. 2. Отрасль языкознания, разрабатывающая теорию такого перевода на основе коренного пересмотра основных положений и методов лингвистики. 3. Автоматизированная обработка информации в условиях двуязычной ситуации – передача текста с одного человеческого (естественного) языка на другой [Нелюбин, 2003].

Исследования по машинному переводу за свою историю переживали как подъемы, так и спады. Фактически история машинного перевода начинается с «Джорджтаунского эксперимента». В 1954 г. в Нью-Йорке была представлена первая система МП — IBM Mark II, разработанная компанией IBM совместно с Джорджтаунским университетом. Машине на входе подавалось около 60 предложений на русском языке, записанных на перфокартах, а машина, в свою очередь, выдавала перевод этих предложений на английский язык. Выбор языка, с которого осуществлялся перевод, был обусловлен начинающейся холодной войной и необходимостью анализировать огромные объемы информации, поступающие на русском языке. Для перевода была выбрана достаточно узкая тематика нефтехимии, и все вводимые предложения были очень простым. Программа была очень ограниченной в своих возможностях (она имела словарь в 250 единиц и 6 грамматических правил). В том же 1954-м первый эксперимент по машинному переводу был осуществлен в СССР И. К. Бельской (лингвистическая часть) и Д. Ю. Пановым (программная часть) в Институте точной механики и вычислительной техники Академии наук СССР [Дроздова, 2015].

К началу 50-х годов целый ряд исследовательских групп в США и в Европе работали в области МП. В эти исследования были вложены значительные средства, однако результаты вскоре разочаровали инвесторов, так как возможности аппаратных средств были ограничены. В 1959 году философ Й. Бар-Хиллел выступил с утверждением, что высококачественный полностью автоматический перевод не может быть достигнут в принципе. Он исходил из того, что выбор того или иного перевода обусловлен знанием внеязыковой действительности, а это знание слишком обширно и разнообразно, чтобы вводить его в компьютер. Однако Бар-Хиллел не отрицал идею машинного перевода, как таковую, считая перспективным направлением разработку машинных систем, ориентированных на использование их человеком-переводчиком (своего рода «человеко-машинный симбиоз») [Филиппович, 2012].

В 1966 г. специально созданная Национальной Академией наук комиссия ALPAC (Automatic Language Processing Advisory Committee) пришла к заключению, что машинный перевод нерентабелен: соотношение стоимости и качества МП было явно не в пользу последнего, а для нужд перевода технических и научных текстов было достаточно человеческих ресурсов [Филиппович, 2012].

В 1970-х годах начался новый подъем исследований в области МП. Он был связан с серьезными достижениями в области компьютерного моделирования интеллектуальной деятельности. Исследователи теперь ставили целью развитие «реалистических» систем МП, предполагавших участие человека на различных стадиях процесса перевода. Системы МП превращаются в незаменимого помощника, способствующего экономии времени и человеческих ресурсов. Одной из новых разработок этого периода стала технология ТМ (translation memory), работающая по принципу накопления. В процессе перевода программа сохраняет в памяти перевода (в базе данных) оригинальные и переведенные сегменты текста, которые именуется единицами перевода. Каждый раз, когда переводчик приступает к переводу нового сегмента текста, этот сегмент сопоставляется с единицами перевода, содержащимися в базе данных. Если память перевода содержит такой же или похожий сегмент, программа, проанализировав базу данных, находит его и автоматически подставляет в текст перевода вместо оригинального фрагмента. Если предложенный программой вариант является неточным совпадением, то переводчик может изменить его, то есть отредактировать, и добавить его в память перевода, за счет чего информационная емкость памяти перевода постоянно увеличивается [Морозкина, 2012]. К такой программе можно отнести TRADOS.

В СССР с середины 70-х годов были созданы промышленные системы машинного перевода с английского языка на русский АМПАР (на основе исследований и разработок коллектива Ю. А. Моторина), с немецкого языка на русский НЕРПА, с французского языка на русский ФРАП. На этих разработках основываются такие системы машинного перевода, как Stylus, Socrat и другие.

Особого внимания заслуживает работа отечественных лингвистов, таких, как И. А. Мельчук и Ю. Д. Апресян (Москва), результатом которой стал лингвистический процессор ЭТАП. В 1980 г. была сдана первая очередь ЭТАП-1 (французско-русский перевод), а в 1985 — ЭТАП-2 (англо-русский перевод). Система ЭТАП-2 работала в режиме качественного перевода на основе полного синтаксического анализа и в режиме пословного перевода, в процессе которого привлекался только морфологический анализ. Мельчук И.А. ввел теорию «Смысл ↔ Текст». Это многоуровневая модель, позволяющая перейти от текста к его смысловой структуре, записанной на некотором универсальном языке, после чего совершить обратный переход от записанной смысловой структуры к любому естественному языку [Апресян, 1982].

В 90-е годы началось бурное развитие рынка ПК и информационных технологий. Машинный перевод стал важной частью переводческой деятельности. В настоящее время несколько десятков компаний занимаются разработкой коммерческих систем МП, в их числе: Systran, IBM, L&H (Lernout & Hauspie), Language Engineering Corporation, Transparent Language, Nova Incorporated, Trident Software, Atril, TRADOS, Caterpillar Co., LingoWare; Ata Software; Lingvistica b.v. и др.

В настоящее время различают три вида систем машинного перевода:

— Системы на основе грамматических правил (RuleBased Machine Translation, RBMT);

— Статистические системы (Statistical Machine Translation, SMT);

— Гибридные системы [Андреева, 2013]

Системы на основе грамматических правил производят анализ текста, который используется в процессе перевода. Перевод осуществляется на основе встроенных словарей для данной языковой пары, а также грамматик, охватывающих семантические, морфологические, синтаксические закономерности обоих языков. Преимуществами систем на основе грамматических правил являются грамматическая и синтаксическая точность, стабильность результата, возможность настройки на специфическую предметную область. К недостаткам систем на основе грамматических правил можно отнести необходимость создания, поддержки и обновления лингвистических баз данных, трудоемкость создания

такой системы, а также ее высокая стоимость. Примером такой системы является переводчик PROMT. В настоящее время компания PROMT – ведущий разработчик систем автоматизированного перевода и обладает колоссальным технологическим багажом, что позволяет разрабатывать системы перевода с различными функциональными возможностями. Уникальные технологии построения систем перевода и оригинальные алгоритмы работы с текстами на естественных языках стали тем базисом, на котором были созданы все программные продукты компании, и который обеспечил возможность разработки широкого спектра решений для автоматизированного перевода с одного языка на другой. Программные продукты компании PROMT одинаково полезны как для решения бизнес-задач, так и для домашнего использования. В последнее время особое внимание компания PROMT уделяет созданию специальных средств и технологий для профессиональных переводчиков. В настоящее время системы PROMT выполняют перевод для 24 языковых направлений. Генеральный словарь для одной языковой пары содержит от 40 до 200 тысяч словарных статей, которые в свою очередь содержат структурированное описание различной лингвистической информации, необходимой системе для работы сложнейших алгоритмов анализа

Статистические системы используют статистический анализ. В систему загружается двуязычный корпус текстов, содержащий большое количество текста на исходном языке и его перевод на требуемый язык, после чего система анализирует статистику межъязыковых соответствий, синтаксических конструкций и т. д. Система является самообучаемой — при выборе варианта перевода она опирается на полученную ранее статистику, отличаются быстротой настройки и легкостью добавления новых направлений перевода. Среди недостатков наиболее значительными являются наличие многочисленных грамматических ошибок и нестабильность перевода. К таким системам можно отнести Google Translate и Яндекс. Перевод.

Гибридные системы- еще не до конца разработанная отрасль. Она сочетает в себе подходы, описанные ранее. Ожидается, что гибридные системы машинного перевода позволят объединить все преимущества, которыми обладают статистические системы и системы, основанные на правилах. В настоящий момент разработками в области гибридной системы занимаются Systran, PROMPT.

В практике переводческой деятельности и в информационной технологии различаются два основных подхода к машинному переводу. С одной стороны, результаты машинного перевода могут быть использованы для поверхностного ознакомления с содержанием документа на незнакомом языке. В этом случае он может использоваться как

сигнальная информация и не требует тщательного редактирования. Другой подход предполагает использование машинного перевода вместо обычного «человеческого». Это предполагает тщательное редактирование и настройку системы перевода на определенную предметную область. Здесь играют роль полнота словаря, ориентированность его на содержание и набор языковых средств переводимых текстов, эффективность способов разрешения лексической многозначности, результативность работы алгоритмов извлечения грамматической информации, нахождения переводных соответствий и алгоритмов синтеза. На практике перевод такого типа становится экономически выгодным, если объем переводимых текстов достаточно велик, если тексты достаточно однородны, словари системы полны и допускают дальнейшее расширение, а программное обеспечение удобно для постредактирования. Такого рода системы машинного перевода используются в организациях, потребности которых в оперативных и качественных переводах достаточно велики.

Мы видим, что машинный перевод – это не современная разработка, у него богатая история, которая сопровождалась как взлетами, так и падениями. На сегодняшний день – это незаменимый помощник переводчика. При этом надо иметь в виду, что, хотя при использовании программы автоматизированного перевода уменьшается время перевода и увеличивается его качество, основную работу по переводу (анализ текста, выбор той или иной переводческой стратегии) выполняет человек. Система автоматизации перевода – это, прежде всего, инструмент, облегчающий работу переводчика.

Список литературы:

- Апресян Ю.Д., Цинман Л.Л.* Об идеологии системы ЭТАП-2 // Формальное представление лингвистической информации. Новосибирск, 1982.
- Андреева А.Д., Меньшиков И.Л., Мокрушин А.А.* Обзор систем машинного перевода // Молодой ученый. — 2013. — №12. — С. 64-66.
- Дроздова К.А.* Машинный перевод: история, классификация, методы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. №3 (7)
- Морозкина Е.А., Шакирова Н.Р.* Использование информационных технологий для оптимизации процесса перевода // Вестник Башкирск. ун-та. 2012.
- Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин.* — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003.
- Филиппович А.Ю.* Лекции по дисциплине "Лингвистическое обеспечение АСОИУ" / Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, 2012
- Щипицина Л.Ю.* Информационные технологии в лингвистике : учеб. пособие — М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.

Крюкова Е.В.
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва (Россия)

Kryukova Ekaterina
Russian State University for the Humanities
Moscow (Russia)

ПРИНЦИП ПАЛИМПСЕСТА В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА)

THE PRINCIPLE OF PALIMPSEST IN TRANSLATING LITERARY TEXTS (A CASE STUDY OF TERRY PRATCHETT'S WORKS)

В статье раскрывается содержание понятия «палимпсест» как иерархии просвечивающих друг через друга текстов. Возникновение и развитие массовой культуры изменило формат передачи культурного знания, что привело к значительному переосмыслению многих культурных представлений и установлению новых связей между до этого не связанными текстами. Использование принципа палимпсеста в работе с художественным текстом позволяет не только раскрыть его глубинный потенциал, но и вскрыть связи между различными текстами, актуализируя их и демонстрируя непрерывность их существования. Интересное развитие эта идея находит в произведениях современного британского писателя Терри Пратчетта, где палимпсест представлен через обращение к фольклору и фольклорным образам, эксплуатирующимся в литературе и массовой культуре. В статье дается характеристика палимпсеста на материале произведений Т. Пратчетта, с точки зрения сюжета и стилистических средств, служащих для реализации палимпсестных связей. Отсюда вытекают проблемы перевода, связанные с реализацией принципа палимпсеста и создаваемым им эффектом. На примерах из произведений Т. Пратчетта демонстрируется, как можно классифицировать палимпсестные элементы, а также какие стратегии перевода подходят для их перевода.

The article considers the meaning of the notion of palimpsest as a hierarchy of texts superimposed on each other with traces of each still shining through. Mass culture has affected the forms of cultural knowledge transmission, which has led to substantial redefinition of many cultural ideas and establishment of new links among the texts unrelated before. The use of the principle of palimpsest while working with a literary text allows to not only unlock its untapped potential but also disclose links among various texts, bringing them up-to-date and demonstrating discontinuity of their existence. The phenomenon has also found its way into the works of a modern English author Terry Pratchett where palimpsest is presented through folklore and folklore images as exploited in literature and mass culture. Palimpsest is characterized through a case study of T. Pratchett's works, regarding the plot and stylistic devices used to realize the palimpsest links. It leads to the problem of translation having to do with the realization of the principle of palimpsest and the effect it creates. Specific examples from T. Pratchett's works are given to illustrate a classification of palimpsest elements and appropriate translation strategies.

Ключевые слова: палимпсест; фольклор; фэнтези; переводческие стратегии.

Keywords: palimpsest; folklore; fantasy; translation strategies.

Особенностью литературы на современном этапе развития является то, что она отражает художественное переосмысление человека и мира, представление о которых существенно поменялись за последнее время. Немалую роль в этом сыграло появление и развитие массовой культуры, которая повлияла на формы передачи культурного знания, что и привело к значительному переосмыслению многих культурных представлений и

установлению новых связей между до этого не связанными текстами. По-настоящему актуальным для понимания ситуации и реализации транстекстуальных смыслов является понятие «палимпсест», что впервые отметил Жерар Женетт в своей работе 1982 г. «Палимпсесты: литература во второй степени». Если говорить о буквальном значении, то палимпсест представляет собой старинную рукопись, где поверх старых слоев текста наносят новые, при этом старый текст, смываясь не до конца, проступает на поверхность. Нас, безусловно, будет интересовать переносное значение, когда, по рассуждению Ю.В. Шатина, палимпсест представляет собой «иерархию просвечивающих друг через друга текстов» в самом широком смысле [Шатин, 1997, с. 222].

Идею о том, что тексты связаны друг с другом, а версии текста множатся со временем, высказывал еще Дж. Толкин, используя такое понятие, как «волшебный котел» (the Cauldron of Story). В своей статье «О волшебных сказках» он говорит о художественном сознании народа и представляет его в метафорическом образе вечно кипящего котла, в котором варятся самые разные вещи и в который постоянно добавляют «новые ингредиенты, вкусные и невкусные» [Толкин, 1992, с. 27]. То, что попало в котел и поварилось там какое-то время, выходит из него другим, преобразенным, более смешным или жутким, но в любом случае, более мощным, чем было до этого: это могут быть предания, сказки, песни, эпопеи, и, если переключиться на современность, то и художественные тексты, которые сейчас как никогда опираются и используют все созданное и накопленное ранее.

Развивая эту идею, особенно любопытным можно назвать рассмотрение палимпсеста как «порождающего устройства модели мира», складывающейся из «многообразных вариаций памяти, ... размышлений и отражений в сознании» [Исаев, Владимирова, 2017, с. 206-207]. Интересное представление эта концепция получает в современной литературе, в частности в произведениях Т. Пратчетта, в которых палимпсест необычайно ярко представлен через обращение к фольклору на различных его уровнях, фольклорным образом, эксплуатирующимся в литературных произведениях и массовой культуре. Сам Т. Пратчетт вполне сознательно прибегал к принципу палимпсеста, называя его, правда, «белым знанием» (white knowledge), под которым он подразумевает общее представление о чем-то, будь то какой-либо роман, писатель, литературный образ и т.д., которые существуют у нас в голове, но чей источник нельзя указать с точностью: «If I put a reference in a book I try to pick one that a generally well-read, well-viewed, well-listened person has a sporting chance of picking up; I call this “white knowledge,” the sort of stuff that fills up your brain without you really knowing where it came from. I like doing this kind of thing. There are a

number of passages in the books which are “enhanced” if you know where the echoes are coming from but which are still, I hope, funny in their own right» [Words from the Master]. Стоит указать и на тот факт, что автор подчеркивает то, на какого читателя он ориентируется – того, кто читает, смотрит и слушает происходящее в современной культуре, что еще раз подчеркивает иерархическое строение современных текстов, когда образы больше не существуют лишь в письменной литературе, но переосмысливаются в кинематографе и даже музыке, переписывая оригинал на каждом последующем уровне, т.е. речь идет о палимпсесте.

Терри Пратчетт создал серию фэнтези «Плоский мир» (Discworld), которая стала настолько популярной, что Пратчетта признают одним из лучших писателей современности, а за вклад в литературу он был удостоен в 1998 году звания Кавалера Ордена Британской Империи. Сам Пратчетт говорил, что Плоский мир начался как «своеобразный антидот от плохой фэнтези» [Мир фантастики]. Соединив вместе несколько сказочных вселенных в одну, Пратчетт создает неповторимый палимпсестный коллаж. А поскольку его реализацией служит словесная ткань и определенная словесная оригинальность, вполне логично возникают проблемы перевода, связанные с палимпсестом и эффектом, на создание которого и направлено обращение к нему. Далее мне бы хотелось обобщить и систематизировать предлагаемые официальными переводами решения и представить выводы о подходящих переводческих стратегиях.

В произведениях Т. Пратчетта палимпсестные связи проявляют себя на разных уровнях. Возьмем, к примеру, имена.

Магпур [Pratchett, 1998, p. 26]	Сорокула [Пратчетт, 2006, с. 32]
---------------------------------	----------------------------------

Перед нами фамилия вампирского клана. Вообще, вампиры у Пратчетта, с одной стороны, уже знакомые нам ожившие человеческие трупы, которые питаются кровью, и их можно убить, вонзив деревянный кол в сердце или обезглавив. Однако у Пратчетта их жажда крови рассматривается скорее как зависимость, чем строгое диетическое требование, поэтому отказываясь от человеческой крови, вампиры сублимируют свою жажду во вторичную, более социально приемлемую зависимость, которой могут выступать кофе или фотография. Многие из них вступают в Лигу Воздержания (the League of Temperance) и становятся «Черными лентами» (Black Ribboners), что, безусловно, отсылает нас к движению за трезвость в викторианскую эпоху. Если на вампиров попадает прямой солнечный свет, они мгновенно превращаются в пепел, однако хватит лишь капли крови,

чтобы вернуть им первоначальный облик. Многие поэтому носят с собой совок, щетку и карточки с просьбой помочь оживить их.

В оригинале фамилия семьи вампиров представляет собой слияние «magpie» и «vampire», что создает у английского читателя образ, состоящий из «сороки» и «вампира». Палимпсестное использование образа сороки обусловлено тем, что издавна эта птица символизировала темные силы. К тому же у Пратчетта сороки используются вампирами, чтобы следить за людьми. Но почему именно слово «vampire»? Один из вампиров объясняет это следующим образом:

<p>‘Of course. We <i>are</i> vampires,’ said Vlad. ‘Or, we prefer, vampyres. With a "y". It's more modern.’ [Pratchett, 1998, p. 90]</p> <p>‘We're vampires. Or, rather, vampyres. Father's a bit keen on the new spelling. He says it indicates a clean break with a stupid and superstitious past.’ [Pratchett, 1998, p. 112]</p>	<p>– Конечно. Мы ведь вампиры. Или упыри. Это более устаревшее название. [Пратчетт, 2006, с. 109]</p> <p>– Мы – вампиры, ну, или упыри, как будет угодно. Хотя отец настаивает именно на первом варианте. Говорит, что, приняв себе новое имя, мы тем самым рвем с нашим темным, полным суеверий прошлым. [Пратчетт, 2006, с. 135]</p>
---	--

Тут выявляется еще одна палимпсестная связь. Слово «vampire» именно в такой форме – это то, как называют себя современные последователи «вампирической» субкультуры, на что и делается отсылка в оригинальном тексте. Еще более любопытным является то, что на самом деле, такая репрезентация слова представляет собой более старый вариант написания, на чем и делается акцент переводчиком. Остановив выбор на *эквиваленте* «упырь», переводчик дальше развивает образ как «более устаревшее название». Иными словами, здесь мы видим ориентацию на стратегию не просто смысла, но и эффекта. Переводчик жертвует формальными особенностями оригинала, которые невозможно передать дословно на русский язык, и подбирает эквивалент, вызывающий у русского читателя похожий эффект, однако при этом теряется оригинальный компонент, отсылающий к современной «вампирической» субкультуре. К тому же, во второй части перевода непонятно, почему речь идет о «первом варианте»: «Мы – вампиры, ну, или упыри, как будет угодно. Хотя отец настаивает именно на первом варианте». Тогда

получается, что подразумевается слово «вампиры», и создаваемый оригиналом эффект передается не полностью.

Возвращаясь к имени Магруг – Сорокула, становится очевидным, что переводческая проблема не исчерпана. В русском официальном переводе сохраняется отсылка к «сороке», но поскольку в русском языке у слова «вампир» нет другого написания, да и «вампирская» субкультура является англоязычной в своей основе, вариации на тему «vampire» в русском языке нет. Поэтому вместо слова «вампир» или даже «упырь» в качестве второго корня используется «Дракула», который, пожалуй, представляет собой практически имя нарицательное, упоминание которого тут же наталкивает на мысль о вампирах. Таким образом, можно сделать вывод, что лексические средства создания палимпсеста в оригинале и переводе немного отличаются, но при этом достигаемые эффекты практически совпадают, т.е. можно говорить об удачном сочетании стратегий формы и смысла.

Casanunda [Pratchett, 1991, p. 229]	Казанунда [Пратчетт, 2001, с. 308]
-------------------------------------	------------------------------------

Это имя любвеобильного гнома. Заслуживающим отдельного рассмотрения здесь является палимпсестное переосмысление имени Казанова, в котором формально обнаруживается омофон к английскому «over», т.е. «над, выше», что и служит основой для комической трансформации имени для гнома, который, как и все представители этой расы, был невысокого роста (Casan + over – Casan + under). Перевод представляет собой транслитерацию. Ассоциации с Казановой, возможно, и возникают, но они не настолько очевидны, как для оригинала. К тому же, само звуко сочетание «нунда» не очень приятно русскому уху и может вызвать дополнительные образы вроде «зануда» и т.п., что отсутствует в оригинале. Кроме того, теряется отсылка к маленькому росту («unda» – «under»). Можно сделать вывод, что заложенный в оригинале палимпсестный смысл передается в переводе лишь частично.

Nanny Ogg [Pratchett 1989, p. 229]	нянюшка Ягг [Пратчетт, 2016, с. 309]
------------------------------------	--------------------------------------

Это имя могущественной ведьмы, чей характер основан на образе «матери» из языческого мифа о Тринединной богине [Ackerman, 2002]. Само имя отсылает нас к ирландскому Тир на Ног, «острову юных» в кельтской мифологии, стране вечной молодости, острову вечной молодости – месту, в котором все, по преданию, оставались молодыми, что очень соответствует характеру героини, которая, несмотря на свой

преклонный возраст, ведет себя очень непосредственно. Любопытно, что палимпсестная связь обнаруживается и в следующем. Слово *Ogam*, обозначающее письменность древних кельтов и их тайный язык, появляется в Плоском мире в виде *Oggham*, что опять-таки отсылает нас к образу этой ведьмы. При этом в одной из книг она даже утверждает, что именно ее предки изобрели этот язык [Pratchett, 2005].

Если говорить о переводе, то очевидно, что принцип палимпсеста не реализован в полной мере. Перевод первой части дается нам калькой «нянюшка», а вот фамилия, скорее всего, отсылает к образу Бабы Яги. Возможно, таким способом переводчик хотел создать дополнительные ассоциации с колдовством, ведь нянюшка является ведьмой. Однако нянюшка – добрая ведьма, и поэтому могут возникнуть нежелательные ассоциации.

the Low King [Pratchett, 1999, p. 20]	король-под-горой [Пратчетт, 2007, с. 30]
---------------------------------------	--

В Плоском мире «the Low King» обозначает короля всех гномов. Имя это представляет собой сложный палимпсестный коллаж. Во-первых, как указывается в «The Annotated Pratchett File», оно резонирует с полумифическими образами Верховных королей Ирландии (the High Kings), и как поясняет сам автор, «as dwarf kingdoms are underground, with the most important butts being deepest, it makes sense for their king of kings to be set *under* his subjects, rather than above.» [The Annotated Pratchett File] Во-вторых, в оригинале очевидно представлено также палимпсестное переосмысление образа Эребора, или Одинокой Горы, королевства гномов из фэнтезийного мира Средиземья, созданного Дж. Р. Р. Толкином. Правителем этого королевства является Король-под-горой (King under the Mountain). Если посмотреть на переводной вариант, то становится очевидным, что для русского читателя сохранен лишь второй палимпсестный компонент из двух представленных, что, безусловно, означает некоторую потерю, особенно учитывая тот факт, что переводной эквивалент напрямую заимствует перевод из Толкина, не оставляя месту переосмыслению образа.

Отдельно стоит выделить такого персонажа, как Игорь (Igor), который, пожалуй, является самым уникальным персонажем Плоского мира. В основе этого характера, лежат Чудовище Франкенштейна Мэри Шелли и горбатые помощники безумных ученых в фильмах компании Хаммер (Hammer Films), но в то же время Игорь обладает своими неповторимыми особенностями.

Игори – это члены особого клана прислуги в Убервальде (Uberwald), стране, чье название является переводом латинского слова Трансильвания на немецкий язык и означает «залесье» [TV Tropes – Uberwald]. Убервальд представляет собой немецкоязычное обобщение стереотипичных черт стран Восточной Европы, которые были показаны в многочисленных фильмах ужасов английской киностудии Hammer Films. Неудивительно, что в Плоском мире основными работодателями Игорей являются, прежде всего, сумасшедшие ученые и высший класс Убервальда (вампиры и оборотни), что опять отсылает нас к целому пласту фильмов ужасов. Еще одной палимпсестным элементом здесь является и то, что Игори обладают странной способностью всегда оказываться за спиной других персонажей, если их позвать, и прямо у двери, если постучать: «An Igor might be filling coffins with earth in the cellar, or up on the roof adjusting the lightning conductor, but a caller never had to knock twice.» [Pratchett, 2001, p. 209] Они также способны незаметно оказаться в комнате, которую они только что покинули через дверь, что также является пародией на ляпы в старых фильмах ужасов.

Речь Игорей также имеет свои отличительные особенности.

<p>‘And when it cometh to athithtantth, you cannot go wrong with an Igor. Everyone knowth that.’ [Pratchett, 2001, p. 36]</p>	<p>Ви нуждаться помощник. Игорь ефть лучший помощник. Вфе это знавайт! [Пратчетт, 2010, с. 46]</p>
---	--

Сразу бросается в глаза тот факт, что Игорь шепелявит, что передается на письме через графоны: «cometh» вместо «comes», «athithtantth» вместо «assistance», «knowth» вместо «knows». Иными словами, звук [s], который на письме обычно передается буквой «s», Игорь произносит как [θ], который на письме обычно передается через сочетание «th». Графоны используются именно по этой системе. При переводе на русский шепелявость Игора передается так, как звучит эта особенность на русском языке, т.е. «с» заменяется на «ф»: «ефть» вместо «есть», «вфе» вместо «все». При этом в русском варианте нельзя не обратить внимание на использование псевдонемецкого акцента, ведь Игорь родом из Убервальда. При этом акцент передается таким образом, как он звучит для носителя русского языка, для чего переводчик использует грамматические ошибки («ви нуждаться», «знавайт»). Этот прием является очень популярным и используется достаточно часто, например, в анекдотах и фильмах. Иными словами, здесь мы видим адаптацию для достижения необходимого эффекта в языке перевода.

Все Игори также неукоснительно подчиняются своему Кодексу, который представляет собой яркий палимпсестный коллаж.

<p>The Code of the Igors was very strict.</p> <p>Never Contradict: it was no part of an Igor's job to say things like 'No, thur, that'th an artery.' The marthter was always right.</p> <p>Never Complain: an Igor would never say 'But that'th a thouthand mileth away!'</p> <p>Never Make Personal Remarks: no Igor would dream of saying anything like "I thould have thomething done about that laugh, if I wath you."</p> <p>And Never, Ever Ask Questions. Admittedly, Igor knew, that meant never ask BIG questions. 'Would thur like a cup of tea around now?' was fine, but 'What do you need a hundred virginth for?' or 'Where do you ecthpect me to find a brain at thith time of night?' was not. [Pratchett, 2001, p. 170-171]</p>	<p>Кодекс Игорей был весьма строг.</p> <p>Никогда Не Возражать. В обязанности Игоря не входило лезть под руку со всякими умными фразами типа: «Нет, герр мафтер, это артерия». Хозяин всегда прав.</p> <p>Никогда Не Жаловаться. Со стороны Игоря такие фразы, как «Но это же в тыфяче миль отфюда!», были абсолютно недопустимы.</p> <p>Никогда Не Язвить. Игорь даже в мыслях не мог произнести что-нибудь вроде: «Ефли б я так хохотайт, я бы на вфякий флучай повидайт доктор».</p> <p>И Никогда, Никогда Не Задавать Вопросов. Конечно, под этим имелись в виду ВАЖНЫЕ вопросы. Вопрос «Не хотейт ли герр мафтер чашку чая?» задавать было можно, а вопрос «Зачем герру мафтеру целая фотня девфтвениц?» или «Где же мне ифкайт в это время футок человефкий мозг?» – нет. [Пратчетт, 2010, с. 217-217]</p>
--	--

В первую очередь, стоит отметить, что графические средства передачи и оригинала и перевода представлены одинаково с сохранением заглавных букв везде, где они есть. Особенностью самого описания является еще и то, что оно перемежается с «прямой речью» Игоря, особенности которой уже были рассмотрены, а именно шепелявость и использование средств передачи псевдонемецкого акцента таким образом, как он звучит для носителя русского языка, в частности использование грамматических ошибок («хохотайт», «повидайт»). Также переводчик использует здесь такой прием, как вставка ассоциирующихся с немецким акцентом слов («герр мафтер»).

Интересно и то, что представляет собой каждый пункт кодекса. Это не просто отсылки к фильмам ужасов о безумных ученых, ставящих свои жуткие опыты, но и палимпсестное переосмысление этих стереотипов с современной точки зрения – что бы на самом деле сказал здравомыслящий слуга своему безумному хозяину и как бы он, на самом деле, поступил в разных щекотливых ситуациях, что создает еще и очень сильный юмористический эффект от разрыва шаблона. Все это достаточно адекватно передается при переводе, при этом можно отметить следующее.

В оригинале названия частей кодекса идут в форме императива, что сохраняется при переводе. При этом передача содержания каждой части, т.е. того, что стоит за каждым «правилом» кодекса, ориентирована, в первую очередь, на смысл и то, как «подкрепляет» каждый пункт цитата слов Игоря. Например, в самой первой части мы видим «В обязанности Игоря не входило лезть под руку со всякими умными фразами типа: «Нет, герр мафтер, это артерия». В оригинале же – «it was no part of an Igor's job to say things like “No, thur, that'th an artery”». То есть в оригинале нет фразы, соответствующей переводному «лезть под руку со всякими умными фразами», но цитата, которая идет далее, прямо указывает на то, что это действие именно подобного рода (когда слуга умничает и указывает хозяину, что и где). Иными словами, при переводе мы видим развертывание заложенного смысла.

Далее мы видим «an Igor would never say “But that'th a thouthand mileth away!”» – «Со стороны Игоря такие фразы, как «Но это же в тыфяче миль отфюда!», были абсолютно недопустимы. Здесь используется скорее стратегия смысла в сочетании со стратегией, ориентированной на достижение нужного эффекта. Выбранный вариант перевода звучит гораздо смешнее, чем бы звучал максимально приближенный к оригинальной форме перевод, как, например, «Игорь никогда не скажет».

В следующей части перед нами следующее соответствие: «Never Make Personal Remarks» – «Никогда Не Язвить». Вообще, ближайшем эквивалентом фразы «make personal remarks» является «переходить на личности», но опять-таки, исходя из следующей далее цитаты, переводчик развертывает переводной вариант в более подходящем ей направлении, ведь речь идет именно о колких замечаниях в сторону хозяина.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в приведенном отрывке переводчик решает переводческие проблемы, обращаясь к стратегии смысла и стратегии, ориентирующейся на передачу эффекта.

В заключение следует отметить, что многочисленные и многослойные ассоциации, составляющие основу палимпсестной организации рассмотренных романов, могут быть

осознаны на разных уровнях, в зависимости от подготовленности и историко-культурного опыта реципиента. Именно поэтому роль переводчика особенно важна, ведь именно переводчик, выбирая те или иные стратегии, может помочь передать заложенный оригиналом эффект для носителя другого языка, помогая в реализации коммуникативной природы литературы. Выстраивая палимпсестные связи, Т. Пратчетт наделяет своих персонажей новой жизнью. Благодаря обращению к палимпсесту, усиливается эмоциональная и юмористическая нагрузка текста. Языковые средства создания палимпсестных связей представляют собой сложные комбинации стилистических приемов, довольно часто направленных на комический эффект. Автор прибегает именно к такому способу, чтобы создать связи между, казалось бы, далекими явлениями и через юмор привлечь внимание читателя к глубоким вопросам, затрагивающим, в том числе, моральные ценности. Отсюда логично вытекают и сложности перевода. Когда речь идет о палимпсесте, используется сочетание различных стратегий перевода, при этом преобладание той или иной из них зависит от того, какой элемент переводится.

Список литературы:

- Женетт Ж.* Палимпсесты: литература во второй степени. М.: Научный мир, 1989. 470 с.
- Исаев С.Г., Владимирова Н.Г.* Актуальная поэтика: Смена художественной парадигмы. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017. 482 с.
- Мир фантастики.* – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://old.mirf.ru/Articles/art3842.htm>.
- Пратчетт Т.* Ведьмы за границей [пер. с англ. П.Киракозов]. – М., Эксмо, 2001. 384 с.
- Пратчетт Т.* Вещие сестрички [пер. с англ. В.Вольфсон]. – М., Эксмо, 2016.
- Пратчетт Т.* Вор времени [пер. с англ. Н. Берденников, А.Жикаренцев]. – М., Эксмо, 2010. 480 с.
- Пратчетт Т.* Carpe Jugulum. Хватай за горло! [пер. с англ. Н. Берденников, А.Жикаренцев]. – М., Эксмо, 2006. 512 с.
- Толкин Дж. Р. Р.* О волшебных сказках // Толкин Дж. Приключения Тома Бамбадила и другие стихи из Алой Книги: Стихи и повести/ Пер. с англ. – М., 1992. 416 с.
- Шатин Ю.В.* Минья и палимпсест// *Ars interpretandi*: Сб. статей к 75-летию Ю.Н. Чумакова. Новосибирск, 1997. 250 с.
- Ackerman R.* The Myth and Ritual School. Psychology Press, 2002. – 234 p.
- Longman Dictionary of English Language and Culture.* – 2006. – 1620 p.
- Pratchett T.* A Discworld Novel: Carpe Jugulum. Corgi Books, 1998. 425 p.
- Pratchett T.* A Discworld Novel: Lords and Ladies. Corgi Books, 2005. 400 p.
- Pratchett T.* A Discworld Novel: Thief of Time. Harpertorch, 2001. 378 p.
- Pratchett T.* A Discworld Novel: Witches Abroad. Corgi Books, 1991. 286 p.
- Pratchett T.* A Discworld Novel: Wyrdsisters. Corgi Books, 1989. 288 p.
- The Annotated Pratchett File, v9.0* [Электронный ресурс] – Режим доступа по адресу: <http://www.lspace.org/books/apf/the-fifth-elephant.html>.
- TV Tropes – Uberwald* [Электронный ресурс] – Режим доступа по адресу: <https://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/Main/Uberwald>.
- Words from the Master* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lspace.org/books/apf/words-from-the-master.html>.

Кулешова Н.М.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kuleshova Nina
High Scholl of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОРИГИНАЛЬНОГО ТЕКСТА НА
ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ КАК СРЕДСТВО НАИБОЛЕЕ ДОСТОВЕРНОГО
ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА С НЕМЕЦКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК) И
ЕГО РОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ**

**PRE-TRANSLATION ANALYSIS OF THE ORIGINAL TEXT IN A FOREIGN
LANGUAGE AS A TOOL OF THE MOST ACCURATE TRANSLATION AND ITS ROLE
IN THE TRAINING OF PROFESSIONAL TRANSLATORS: TRANSLATION FROM
GERMAN INTO RUSSIAN**

В данной статье раскрывается понятие предпереводческого анализа, его основные этапы, элементы, место и значение в процессе перевода оригинального текста с иностранного языка на русский; важность синтаксического, морфологического и стилистического анализа предлагаемого текста для достижения наиболее точной, адекватной передачи коммуникативной, когнитивной, эмоциональной и эстетической составляющей текста оригинала с учетом лингвистических особенностей языка перевода на примере перевода с немецкого языка на русский. Подчеркивается важность овладения инструментарием предпереводческого анализа для подготовки профессионального переводчика. Показаны наиболее типичные переводческие ошибки и их профилактика.

This article focuses on the concept of pre-translational analysis: its main stages, elements, place and importance in translation of an original text from a foreign language into Russian. Moreover, it demonstrates the significant role of syntactic, morphological and stylistic analysis of an original text in achieving the most accurate and adequate translation of its communicative, cognitive, emotional and aesthetic components based on the linguistic characteristics of the target language (translation from German into Russian is given as an example). The importance of teaching pre-translation analysis tools in training professional translators is emphasized. The most typical translation mistakes and the ways to avoid them are shown.

Ключевые слова: предпереводческий анализ, оригинальный текст, текст перевода, синтаксический, морфологический и стилистический анализ, лингвистические особенности, инструментарий предпереводческого анализа, профилактика типичных ошибок.

Keywords: pre-translation analysis, original text, target text, syntactic, morphological and stylistic analysis, linguistic characteristics, pre-translation analysis tools, ways to avoid typical mistakes.

Перевод - сложный, многогранный вид человеческой деятельности, главная задача которого заключается в раскрытии смысла, заложенного в языке оригинала, и изложении его сообразно законам и особенностям языка перевода. Точно так, как в мире нет абсолютно одинаковых людей, так нет и не может быть абсолютно одинакового изложения или описания одного и того же события и явления жизни, даже на одном языке, не говоря уже о разных языках, которые отражают менталитет носителей данного языка, их жизненный и исторический опыт, реалии современности и т.п.

Таким образом, чтобы наиболее адекватно понять, а затем и изложить понятое на язык перевода, необходимо учитывать закономерности и особенности этого языка.

В этом смысле язык немецкий обладает множеством благодатных для переводчика особенностей: язык этот, как и его носители, весьма логичен, системен и достаточно прозрачен, если знать его закономерности и особенности.

Начинающий переводчик нередко «цепляется» за слова, не обращая внимания на их последовательность, место, взаимосвязи и т.п. Зачастую, выбрав для какого-то иностранного слова в словаре одно значение, он смело вставляет его в свой текст, который часто оказывается домысленным, додуманным, т.е. искаженным.

Как же помочь начинающему переводчику правильно понимать, а, следовательно, и интерпретировать тот или иной текст? Большим подспорьем в правильном понимании текста может служить его предпереводческий анализ.

В лингвистике существует множество подходов к теме предпереводческого анализа. Наиболее убедительной мне представляется схема, данная отечественным переводоведом, И.С. Алексеевой.

Следует отметить, что не все теоретики перевода используют термин «предпереводческий анализ», однако подразумевают его. Так, например, Р.К. Миньяр-Белоручев утверждает, что «текст - это не просто последовательность графических или звуковых языковых знаков, ограниченная единым назначением, это еще и система языковых единиц, несущих далеко не равнозначную информацию». Учет вида информации при переводе помогает подобрать соответствующие средства языкового выражения.

Доминанты предпереводческого анализа на примере особенностей немецкого письменного языка, которые следует учитывать в процессе обучения профессиональных переводчиков.

Синтаксический анализ.

Представляется целесообразным начинать процесс перевода с синтаксического анализа текста, обращая при этом внимание, прежде всего, на формальные признаки: порядок слов, падеж существительного, временная форма глагола, управление глагола, полная или краткая форма прилагательного или причастия и т.п.

Порядок слов в немецком предложении. Рамочная конструкция.

Одной из особенностей немецкого синтаксиса является, в отличие от русского языка строгая упорядоченность слов в предложении. Так простое повествовательное предложение с прямым порядком слов схематически можно изобразить так:

подлежащее + сказуемое 1 + второстепенные члены предложения + сказуемое 2

(где сказуемое 1 - изменяемая часть, а сказуемое 2 - неизменяемая его часть сказуемого).

Wir haben dieses Buch schon gelesen. - Мы уже прочли эту книгу.

Простое повествовательное предложение с обратным порядком слов схематически можно изобразить следующим образом:

второстепенный член предложения + сказуемое + подлежащее + сказуемое 2

Dieses Buch haben wir schon gelesen. - Мы уже прочли эту книгу.

Для немецкого предложения характерна так называемая рамочная конструкция, когда две части сказуемого образуют своего рода рамку. Подлежащее может занимать в простых предложениях 1-ое либо 3-е место, то есть место подлежащего также фиксировано.

Строгий порядок слов и в предложениях иного типа. Так в вопросительном предложении с вопросительным словом порядок слов следующий: *вопросительное слово + сказуемое 1 + подлежащее + второстепенные члены предложения + сказуемое 2.*

Wann haben Sie den Urlaub gehabt? - Когда у Вас был отпуск?

Порядок слов в вопросительных предложениях без вопросительного слова такой: *сказуемое 1 + подлежащее + второстепенные члены + сказуемое 2*

Haben Sie den Urlaub schon gehabt? - У Вас уже был отпуск?

Сложноподчиненные предложения имеют собственный порядок слов. Если сложноподчиненное предложение начинается с главного, то в нем сохраняется порядок слов простого повествовательного предложения (соответственно с прямым либо обратным порядком слов). Схематично порядок слов в них можно изобразить так: *главное предложение, + придаточное предложение (сказуемое 1 + подлежащее + второстепенные члены + сказуемое 2)*, то есть здесь также соблюдается рамочная конструкция.

Der Student ist nicht zum Unterricht gekommen, weil er die ganze Woche krank war. - Студент не пришел на занятия, так как он всю неделю болел.

Если на первом месте стоит придаточное, то структура предложения выглядит так:

Союз/союзное слово + подлежащее + второстепенные члены + сказуемое 2 + сказуемое 1, + (главное предложение:) сказуемое 1 + подлежащее + второстепенные члены + сказуемое 2.

Da der Student die ganze Woche krank war, ist er zum Unterricht nicht gekommen. - Так как студент всю неделю болел, он не пришел на занятия.

Важно обращать внимание на порядок слов в предложении, поскольку он помогает раскрывать истинный смысл фразы. Зачастую неопытные переводчики, не вычлняя

главные и второстепенные члены предложения, не видят языковых элементов, которые указывают на связь между компонентами предложения, и не понимают их значения.

Глагол и его производные формы.

Работая с обучающимися следует закреплять полученные в школе знания о частях речи, членах предложения, указывать на расхождения между родным и иностранным языками. Для немецкого языка чрезвычайно важен глагол и его производные формы: субстантивированный инфинитив, отглагольные существительные, причастие I и причастие II и т.п.

Зная правила их образования, можно достаточно точно определить их значение. Например, субстантивированный инфинитив (оканчивается на -en; ср. р.), как правило, означает какое-то действие как процесс: например, *das Schneiden* (резка), *das Gehen* (хождение), *das Stehen* (стояние), а отглагольное существительное (имеет 0-окончание и измененную корневую гласную; муж. р.), означает, как правило, некий результат действия, например: *der Schnitt* (разрез), *der Gang* (походка), *der Stand* - стойка и т.п.

Признаки и значение причастия I и II.

В немецком языке существует две формы причастия: Partizip I и Partizip II, которые могут употребляться в полной (с окончаниями) и краткой (без личных окончаний) форме.

Образование Partizip I: основа глагола + суффикс -end. (как правило переводится на русский как действительное причастие настоящего времени с суффиксом -ущ, -ющ. Полная форма причастия I употребляется как определение. Например: *Das lesende Mädchen saß am Tisch.* - *Читающая* девочка сидела за столом.

Краткая форма причастия I употребляется как обстоятельство и переводится, как правило, деепричастием. Например: *Das Mädchen saß lesend am Tisch.* - Девочка сидела за столом, *читая.*

Образование Partizip II: основа глагола + префикс ge- + суффикс -t (для слабых глаголов) и суффикс -en (для сильных глаголов). Partizip II в полной форме употребляется в качестве определения и переводится на русский страдательным причастием прошедшего времени (с суффиксом -енн). Например, *Das gelesene Buch lag auf dem Tisch.* - *Прочитанная* книга лежала на столе. *Der übersetzte Text war sehr interessant.* - *Переведенный* текст был интересным.

Две функции Partizip II в краткой форме: употребление в качестве составной части сказуемого и в качестве обстоятельства.

Например: Wir haben gestützt auf unsere Erfahrungen viel geleistet. - Мы, *опираясь* на наш опыт, многого *достигли.*

«gestützt» и «geleistet» - это два Partizip II в краткой форме. «geleistet» служит для образования сложного прошедшего времени «Perfekt», поскольку вместе со вспомогательным глаголом «haben» оно образует рамочную конструкцию.

А Partizip II «gestützt» употребляется самостоятельно в качестве обстоятельства, выраженного в русском языке деепричастием.

Значение простого прошедшего времени «Präteritum» и составного прошедшего времени «Perfekt».

«Präteritum», как правило, означает незавершенное, а «Perfekt» завершенное действие в прошлом. Например: *Das Mädchen las (Präteritum) dieses Buch drei Tage lang.* - Девочка читала эту книгу три недели.

Die Brigade hat dieses Haus vor drei Jahren gebaut (Perfekt) - Бригада построила этот дом три года назад.

Пассивный залог - «Passiv».

В немецком языке временные формы пассивного залога используются гораздо чаще, чем в русском. Переводя «Passiv» на русский язык, целесообразно трансформировать его в активный залог «Aktiv». Например: *In unserem Lande wird zur Zeit viel gebaut.* - У нас в стране в настоящее время много строят. *Puschkin wurde im Jahre 1799 geboren* - Пушкин родился в 1799 году.

Распространенное причастное определение (РПО)

Особое место в немецком языке занимает так называемое распространенное причастное определение. Распознать РПО можно по следующим признакам: необычное скопление вспомогательных частей речи (предлоги, артикли или слова их заменяющие); удаленность артикля или слова его заменяющего от определяемого слова; наличие полной формы причастия (реже прилагательного) Partizip I или Partizip II.

der von den Demokraten geführte Kongress der USA - руководимый демократами Конгресс США;

der von der US-Regierung unter George W. Bush 2003 völkerrechtswidrig vom Zaun gebrochene zweite Irak-Krieg - вторая иракская война, развязанная в 2003 году - в нарушение международного права - возглавляемым Джорджем У. Бушем правительством США;

Перевод РПО следует начинать с определяемого слова и справа стоящих от него слов, затем причастие и все относящиеся к нему слова. Часто скопление вспомогательных слов и наличие Partizip II (хотя и в полной форме), сбивает с толку неопытного

переводчика, заставляет его прибегать к необоснованной трансформации структуры предложения, домысливанию, что приводит к искажению смысла высказывания.

Различия в плотности (компрессивности) русского и немецкого языка.

Немецкий язык более компрессивный, чем русский, поэтому часто при переводе на русский приходится делать семантически мало значимые дополнения. Например: In der jüngsten Kabinettssitzung wurde die Entwicklung (развитие) der Länder beraten. - На последнем заседании правительства рассматривались вопросы развития земель.

Морфологический анализ

Глаголы с отделяемыми приставками

Весьма важной особенностью немецкого языка является наличие в нем глаголов с отделяемыми приставками. Трудность правильного перевода таких глаголов заключается в том, что, например, в настоящем времени «Präsens» и простом прошедшем «Präteritum» отделяемая приставка ставится в конец предложения, образуя так называемую рамочную конструкцию. Отделяемые приставки часто обладают вполне конкретной семантикой, придающей глаголу определенные нюансы. Например, приставка *her* - означает, как правило, действие по направлению к говорящему: *Komm her!* - Подойди ко мне! *hin*- от говорящего - *Geh hin!* - Иди прочь!

ein- действие, направленное внутрь чего: *einbauen* - встроить; *aus*- - действие вовне: *ausschreiben* - выписать; *zusammen*-, *mit*- - действие вместе с кем-то: *zusammenleben* - жить вместе; *mitsingen* - петь вместе с кем-то; *an*- - адресность действия: *ansprechen*, *anreden* - обращаться к кому-либо; *anrufen* - звонить по телефону;

Двойные приставки и приставки-двойники предлогов.

Часто употребляются двойные приставки, смысл которых можно вывести из их составных частей. Например, *Komm heraus!* - Выйди ко мне! *Geh hinaus!* - Выйди вон! (В разговорной речи эти двойные приставки могут употребляться и самостоятельно, без глагола.) *Weg!* (= *Geh weg!*) - Прочь!

Порой встречаются весьма забавные образные глаголы. Например, глагол *herausklopfen*: «*klopfen*» означает «стучать». Приставок «*her*» означает движение к говорящему, «*aus*» движение наружу. То есть, анализируя составные части глагола, можно понять, что данный глагол означает: «стучком вызвать кого-либо выйти из дома либо выглянуть в окно».

Многие приставки, например: *mit*, *nach*, *aus*, *zu*, *von*, *bei*, *gegen*, *entgegen* и т.п. по форме и смыслу часто совпадают с приставками: *mit*, *nach*, *aus*, *zu*, *von*, *bei*, *gegen*, *entgegen* и т.п.

Несовпадение в управлении глаголов.

Для человека, занимающегося переводом, важно знать, что многие глаголы в немецком имеют отличное от русского языка управление, то есть требуют после себя иного падежа или предлога. Например: *jmdm. Dat. zu etw. Dativ gratulieren* - поздравить кого-либо (в немецком - кому-либо) с чем-либо. (русскому «с» соответствует «zu» («к»)); *sich bei jmdm. (Dativ) für Akk. bedanken* - поблагодарить кого-либо за что-либо (глагол в немецком возвратный и он требует после себя предлога «bei» («у»)).

Несовпадение значения модальных глаголов.

В основном все известные модальные глаголы в немецком имеют соответствия в русском языке: *müssen* - долженствовать как объективная необходимость; *sollen* - долженствовать как субъективная необходимость/приказ/ поручение; *wollen* - хотеть, желать чего-либо; *können* - мочь как физическая возможность; *dürfen* - мочь как возможность, обусловленная разрешением/ запретом; *mögen* - мочь (в состоянии что-то терпеть, выносить + «любить» как самостоятельный глагол). Но в них отмечаются и некоторые отличия.

Так глагол *müssen* может иметь значение высокой степени вероятности происходящего, которая базируется на знании конкретных фактов, конкретной ситуации. Например: *Er muss jeden Moment kommen.* - Он *вот-вот* придет. (Например, он позвонил и сказал, что скоро придет).

Глагол *sollen* может иметь значение: «по слухам», «как говорят». Например: *Ihr Mann soll sehr viel Geld haben.* - *Говорят*, у ее мужа очень много денег.

Глагол *wollen* может означать, что говорящий подвергает сомнению высказывание какого-то лица. Например: *Er will das nicht gewußt haben.* - Он *утверждает*, что он этого не знал. (= верится с трудом, что он этого не знал). Этот же глагол может также означать, что что-то идет не так. Например: *Seine Wunde will nicht heilen.* - Его рана *никак не заживает*.

Глагол *können* может выражать гипотетическую возможность или предположение.

Например: *Der Junge könnte entweder im Garten oder in der Garage sein.* - Молодой человек, *наверное*, в саду или в гараже.

Глагол *dürfen* может выражать предположение. Например: *Dieser Mann dürfte um die 50 (Jahre alt) sein.* - Этому мужчине, *по-видимому*, около 50 (лет).

Глагол *mögen* может выражать желание или нежелание что-либо сделать. Например: *Sie möchte diese Ferien am Meer verbringen.* - Она *хотела бы* провести эти каникулы на море. Двойные предлоги и различия в местонахождении предлогов.

В немецком языке довольно часто употребляются двойные предлоги. Например: *von Kindheit an* - с детства; *bis auf den letzten Mann* - до последнего человека; *bis an die Knochen* - до костей; *vom Felsen aus* - со скалы; *von 6 Uhr ab* - с 6-ти часов; *um die Stadt herum* - вокруг города;

Необычным порой оказывается также и место предлога. В отличие от русского некоторые немецкие предлоги могут играть роль послелогов. Например, *den Berichten zufolge* - согласно сообщениям; *dem Park gegenüber* - напротив парка; *den See entlang* - вокруг озера;

Сложные слова

В немецком языке используется огромное множество сложных слов, состоящих из 2-х, 3-х, 4-х и даже более частей. Словарь отнюдь не всегда дает перевод таких слов, лексикография просто не успевает их фиксировать. Важно знать, что значение абсолютного большинства сложных слов выводится из составляющих их компонентов. Ключевым в таких словах является последняя часть. Она переводится как существительное. Впереди стоящие слова являются определением либо дополнением. Отдельные компоненты соединены соответствующими сочетаниями гласных и согласных. Чаще всего - это «-(e)s» или «-(e)n». Но соединительные компоненты могут и отсутствовать. Поэтому очень важно найти границу между словами. От правильности членения сложного слова зависит распознавание его смысла.

die Bundeskanzlerin (федеральный канцлер, суф. ж.р.) = *der Bund* (федерация) + *es* (соединительный компонент) + *die Kanzlerin* (канцлер, «- in» суфф. ж.р.)

die Fussballweltmeisterschaft (чемпионат мира по футболу) = *der Fuß* (нога) + *der Ball* (мяч) + *die Welt* (мир) + *der Meister* (мастер) + *schaft* (суфф. ж.р.)

das Lebendgewicht (живой вес) = *lebend* (причастие - живой, живущий) + *das Gewicht*(вес)

Фоновые знания

При анализе оригинального текста необходимо обращать внимание обучающихся на особенности немецкого языка. Приобретая навык анализа, учащиеся начинают за формальными признаками оригинального текста видеть и понимать смысловую связь между словами. Но понять - это половина дела. Нужно еще научиться грамотно, сообразуясь с закономерностями русского языка, передать смысл высказывания, учитывая при этом сочетаемость русских слов, жанровые, коммуникативные и прочие особенности текста и употребляя соответствующие клише, фразеологизмы и т.п.

Большим подспорьем в этом смысле может стать регулярная - закрепляющая приобретенные навыки - работа с текстами аналогичной тематики на русском языке. Она не только позволяет расширить кругозор обучающихся, но и освоить соответствующую терминологию, словосочетания, клише, реалии и т.п.

Полезной представляется также возможность сравнения и анализа переводческих решений, обучающихся и отбора наиболее удачных и точных из них, разбор типичных лексических и грамматических ошибок, стилистических шероховатостей и т.п.

Проводя такого рода работу, следует также рекомендовать обучающимся чаще обращаться к справочной литературе, выверять цитаты, реалии, учитывая при этом, когда и где написан данный материал, кто автор и т.п. Поскольку вся эта фоновая информация помогает лучше понять не только сам текст, но, возможно, цель, назначение или повод для его написания.

В заключение хотелось бы выделить наиболее типичные ошибки обучающихся:

1. Отсутствие должного внимания к порядку слов в предложении. Часто, стоящее на первом месте прямое дополнение принимается за подлежащее и т.п.
2. Неправильный перевод глаголов с отделяемыми приставками, стоящими в конце предложения.
3. Некорректный перевод глагольных форм Konjunktiv I (служащих, как правило, для передачи косвенной речи) и форм Konjunktiv II (которые, как правило, переводятся сослагательным наклонением, выражающим предположение, желание, прогноз и т.п., но которые могут также означать итоговое действие).
4. Незнание всех значений модального глагола.
5. Интернационализмы часто оказываются "ложными друзьями переводчика". Поскольку нередко похожие по форме интернационализмы в разных языках имеют различные значения.
6. Отсутствие навыка морфемного разбора, который нередко позволяет понять слово и выражение без обращения к словарю.
7. Трудности в определении границ между частями сложного слова. Видя структуру сложного слова и зная значение его составных частей, можно понять смысл сложного слова в целом.
8. Неправильное употребление совершенного и несовершенного вида глагола, скорее типичное для неносителей языка. Такая проблема часто встречается при переводе научных текстов, где речь сначала идет о проведении серии экспериментов (здесь

требуются глаголы несовершенного вида), а затем об их завершении, итоге (здесь уже требуются глаголы совершенного вида).

9. Неумение воспринимать текст как единое логическое целое, где отдельные части - предложения, абзацы, заголовки и подзаголовки и т.п. - тесно связаны между собой. Поэтому в языке перевода следует очень тщательно подбирать эквиваленты, особенно для таких частей речи, как: наречия, частицы и т.п., которые зачастую являются своеобразной смысловой смычкой, придающей высказыванию определенную стилистическую и эмоциональную окраску.

10. Недостаточно внимательное отношение к реалиям, терминам, фразеологизмам, идиомам, цитатам и т.п. Их следует скрупулезно выверять, не полагаясь на авось. В этом смысле могут помочь бумажные и электронные носители справочной информации, а также подборка на языке перевода текстов по схожей тематике.

11. Необходимость учета роли знаков препинания в передаче смысла. За небольшим исключением, употребление знаков препинания в немецком и русском языке совпадает. Важно видеть знаки препинания и правильно членить предложение, выделяя в нем главное и второстепенное.

12. В немецком предложении особая роль отводится глаголу и отглагольным формам. В русском же языке приоритет за существительным: очень распространены предложные конструкции, распространенные дополнения и т.п. Это следует учитывать при переводе.

13. Переводя с немецкого языка нельзя забывать, что в нем, подобно многим другим европейским языкам (в отличие, например, от японского) ядро высказывания находится в начале фразы, за ним следуют уточнения. Например, «*Der Mann, der an der Bushaltestelle saß.*» («*Мужчина, который сидел на остановке автобуса.*»)

14. Кроме того, немецкий язык - более компрессивный, чем русский. При переводе с немецкого на русский к существительному - вследствие узуса - может добавляться существительное без явно выраженной семантики. Так, к словам типа *die Entwicklung* (развитие) могут добавляться слова «вопросы», «проблемы», «процесс» и т.п. Поэтому зачастую текст перевода с немецкого на русский оказывается несколько длиннее.

15. Трудности при переводе заголовков. Их не следует переводить сразу. Целесообразнее сделать это по завершении перевода, поскольку зачастую заложенный в заголовке смысл, открывается лишь после перевода всего текста.

В заключение следует отметить, что предпереводческий анализ, включающий в себя как подготовку к переводу, так и непосредственно сам процесс перевода - опирающийся на

логику, синтаксический, морфологический и стилистический анализ, а также фоновые знания - позволяют добиться максимально возможного приближения текста перевода к оригиналу.

Перевод можно считать завершенным, если он дополняется редакторской правкой, (желательно в два этапа): 1. проверка смыслового соответствия текста перевода тексту оригинала; 2. правка с учетом закономерностей и особенностей языка перевода.

Цель второго этапа - максимально приблизить текст перевода к аналогичным текстам данного языка по синтаксису, лексике, стилистике и т.п. Следует на некоторое время отложить сделанный перевод и считать его еще раз позже. Это позволяет избежать интерференции, калькирования, а также при необходимости трансформировать структуру предложения, адаптируя ее к нормам русского языка. Текст перевода становится, таким образом, более привычным и понятным для русского читателя.

Список литературы:

Алексеева И.С. Введение в переводоведение / И.С. Алексеева. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 352 с.

Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Московский Лицей, 1996. – 208 с.

Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: «Готика», 1999. — 176 с.

Купко В.
Институт русистики
Философский факультет Прешовского университета
г. Прешов (Словакия)

Kupko Valerij
Institute of Russian Studies
Faculty of Arts, University of Prešov
Prešov (Slovakia)

**ПРИНЦИП «ХОРОШЕГО СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА»
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ПЕРЕВОДОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НА СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫК¹²**

**A «GOOD SLOVAK» PRINCIPLE OF THE SLOVAK TRANSLATION SCHOOL AND
THE QUALITY OF TRANSLATIONS
OF RUSSIAN LITERATURE INTO SLOVAK**

Статья посвящена одному из принципов т. наз. словацкой переводческой школы – принципу «хорошего словацкого языка», аналогии к которому можно найти и в положениях о переводе, выдвинутых К. Чуковским. Этот принцип обязует переводчика действовать в рамках нормативного языка, переводить ненормативные выражения строго функционально и определяет правила перевода диалектов и передачу собственных имён. С одной стороны, такие рамки помогают улучшать качество переводов художественной литературы, с другой стороны, при нетворческом подходе переводчиков и издательских редакторов, они могут способствовать искажению авторского стиля подлинника. Спорным является само понятие «хорошего словацкого языка», которое может разными переводчиками и редакторами восприниматься по-разному. В статье демонстрируется соблюдение данного принципа на примере романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», осуществлённого Магдой Такачовой.

The aim of the paper is to discuss one of the principles of the Slovak Translation School – a “good Slovak” principle analogies to which can be found in the statements given by K. Chukovsky. According to the “good Slovak” principle a translator has observe the norms of literary language, to translate non-standard expressions functionally, the principle also determines the rules of the translation of dialects and of the transfer of proper names. On one hand such rules help improve the quality of literary translations, on the other hand they could contribute to the deformation of an author’s style if translators and editors follow them in a non-creative way. The notion “good Slovak” itself is disputable as it can be understood in a different way by different translators and editors. Following the rule is demonstrated in the Slovak translation of M. Bulgakov novel Master and Margaret translated by Magda Takáčová.

Ключевые слова: словацкая переводческая школа, принцип «хорошего словацкого языка», сдвиг, искажение авторского стиля, экспрессивность выражения, Магда Такачова

Keywords: Slovak Translation School, a “good Slovak” principle, shift, deformation of an author’s style, expressiveness, Magda Takáčová

Словацкий язык принадлежит к самым молодым языкам Европы. В качестве литературного языка он был кодифицирован лишь в 1840-е г. и в его основу был положен среднесловацкий диалект, один из трёх диалектов (наряду с западнословацким и восточнословацким) словацкого языка. С тех пор словацкий язык прошёл эпоху бурного

---

¹² Статья написана при финансовой поддержке Министерства образования Словацкой Республики в рамках научно-исследовательского проекта VEGA 1/1014/16 «Slovenské preklady ruskej prózy v 60. – 80. rokoch 20. storočia».

развития, превратившись из диалекта регионального значения в избавленный каких-либо комплексов неполноценности современный язык общенационального общения и художественного творчества. В развитии словацкого языка, в его относительно быстром восхождении на уровень развитого, современного, культивированного языка, в его обогащении и укреплении его самосознания огромную роль сыграл глубокий интерес передовой интеллигенции того времени в обогащении своей национальной культурной среды посредством переводов зарубежных художественных литератур на словацкий язык.

Художественный перевод с самого начала должен был сыграть роль своего рода «имплантолога», пересаживающего богатство других литератур в организм словацкой культуры, в то время (в XIX веке) большей частью деревенской. У истоков формирования словацкой переводческой традиции стоял, благодаря идее славянской взаимности, интерес передовой словацкой интеллигенции к литературам родственных народов, прежде всего к русской литературе. «Русофильская ориентация Штуровцев»¹³ пишет словацкий историк и теоретик перевода К. Беднарова, «пустила глубокие корни, из которых позже в словацкой культурной среде выросла мощная традиция перевода с русского языка и интереса к русской литературе» [Bednárová, 2015, с. 23]. Именно благодаря переводам русской, прежде всего классической, литературы на протяжении одного столетия, во второй половине XX века (в основном в 50-е – 60-е годы) в Словакии сформировалось очень сильное поколение переводчиков художественной литературы. Достижения этого переводческого поколения дали основание переводчику и теоретику перевода Яну Ференчику назвать его «словацкой переводческой школой». Сам Ференчик, которого можно считать одним из родоначальников этой школы, подтверждает, что основы школы «были заложены многочисленной группой переводчиков с русского языка, влияние которой постепенно распространялось на другие языки и поколения активных переводчиков» (перевод мой – В. К.) [Ferenčík, 1982, с. 16]. Переводы русской литературы стали своего рода лабораторией художественного перевода, исследования которой привели к постоянному усовершенствованию техники перевода, и накопленный опыт привёл к формированию своей собственной теории перевода, которая, и это необходимо подчеркнуть, тоже не обошлась без влияния русской (советской) теории перевода. Следует вспомнить такие важные для формирования словацкой теории перевода работы таких теоретиков перевода как А. Фёдоров, И. Кашкин, В. Комиссаров, Я. Рецкер, Л. Бархударов и др.

---

¹³ Штуровцы – группа представителей главного направления словацкого национального движения середины XIX века, во главе которой стоял Людовит Штур (1915-1856), автор первой грамматики современного словацкого языка.

О том, насколько активно работала лаборатория словацкой переводческой школы (в области переводов русской классической и советской литературы), свидетельствуют некоторые статистические данные. С 1945 по 1969 год было переведено 405 произведений русской классики, 1415 произведений современной советской литературы и 304 произведения детской литературы, 2334 научных работ, в том числе 210 работ по литературоведению [см. Pašteková, 1998, с. 82]. Исходя из более чем векового опыта перевода, и, прежде всего, из опыта послевоенного переводческого поколения, Ян Ференчик в книге «Контексты перевода» [Ferenčík, 1982] сформулировал шесть основных принципов словацкой переводческой школы, которыми руководствовались переводчики и редакторы с целью достижения как можно лучшего содержательного, а также эстетического эффекта от художественного произведения, трансформируемого с языка оригинала на язык перевода: 1. принцип перевода полного текста, 2. принцип семантической тождественности оригинала и перевода, 3. принцип формальной тождественности оригинала и перевода, 4. принцип «хорошего словацкого языка» (наряду с принципом строго функционального использования нелитературных элементов), 5. принцип предпочтения семантической тождественности перед формальной в случае их коллизии, 6. принцип концепционности перевода [Ferenčík, 1982, с. 55].

Своё внимание мы сосредоточим на четвёртом принципе – принципе «хорошего словацкого языка», «под которым понимается обязанность переводчика действовать в рамках нормативного языка, причём нормой считаются также авторитетные справочники и лингвистические работы, занимающиеся оптимальным употреблением языкового фонда; ненормативные языковые элементы можно употреблять строго функционально и в рамках общей понятности» (перевод мой – В. К.) [Ferenčík, 1982, с. 37]. Кроме того этот принцип включал в себя такие правила как правило не переводить территориальный диалект оригинала конкретным территориальным диалектом словацкого языка, а в данном случае использовать стилизованный диалект, специально созданный переводчиком для данного перевода; правило переводить социальный диалект соответствующим социальным диалектом словацкого языка; правило переноса иностранных собственных имён в оригинальной форме или в принятой транскрипции (кроме устоявшихся и «говорящих» имён) [Ferenčík, 1982, с. 55-56]. Такой принцип был необходим в словацком языке как развивающемся языке с ещё не совсем устоявшимися нормами (в 1950-е г.), и тем более в таком языке, который возник, в отличие от русского литературного языка, «неестественным» путём, кодификацией по решению определённой группы людей (а не на основе естественно сформировавшегося языка большого центра).

Следить за соблюдением принципа «хорошего словацкого языка» помогали редакторы издательств, что способствовало как качественному переносу определённого произведения в другую культуру, так и развитию и обогащению литературного языка, если подход редакторов к совместной работе с переводчиками над поиском адекватных (функционально эквивалентных) выражений был творческим (но, с другой стороны, в отдельных издательствах постепенно возникали свои собственные «издательские узусы», которым писатели и переводчики должны были приспособляться). Таким образом, словацкая переводческая школа «осознанно участвовала в стремлении к развитию современного словацкого языка в соответствии с его законами, традициями и языковым сознанием его носителей» (перевод мой – В. К.) [Ferenčík, 1982, с. 67]. Несмотря на всё это, Ференчик признаёт, что «трудно найти двух образованных носителей литературного языка, которые полностью сошлись бы во мнениях, касающихся его отдельных единиц, прежде всего лексических и фразеологических» (перевод мой – В. К.) [Ferenčík, 1982, с. 66].

В некоторых случаях принцип «хорошего словацкого языка» соприкасается с теоретическими положениями (или исходят из них), выдвинутыми К. Чуковским в книге «Высокое искусство. Принципы художественного перевода». Чуковский, например, пишет следующее: «Хороший переводчик, хотя и смотрит в иностранный текст, думает всё время по-русски и только по-русски, ни на миг, не поддаваясь влиянию иностранных оборотов речи, чуждых синтаксическим законам родного языка. Переводчик должен стремиться к тому, чтобы каждая фраза, переведённая им, звучала по-русски, подчиняясь логике и эстетике русского языка» [Чуковский, 2011, с. 215]. Словацкий переводчик, исходя при переводе иноязычного произведения из принципа «хорошего словацкого языка», в итоге также должен руководствоваться логикой и эстетикой «хорошего словацкого языка». Если переводчик в совершенстве владеет родным языком, его подчинение требованиям этого принципа будет свободным и непринуждённым и язык в тексте перевода будет живым и избавленным гипнотического влияния подлинника. И наоборот, несовершенное знание родного языка приводит к более интенсивному просачиванию языка оригинала в язык перевода с одной стороны, и с другой стороны, строго следящий за правильностью языка переводчика редактор, дисциплинированно соблюдающий принцип «хорошего словацкого языка» во время работы над текстом перевода, может создать нежелаемый эффект искусственности. У некоторых переводчиков художественной литературы такие рамки «хорошего словацкого языка» могут вызывать эффект переводческого дискомфорта и ограничения возможности полного раскрытия личности автора посредством своей переводческой личности. «Подобно тому как хороший актёр всего ярче проявит свою

индивидуальность в том случае, если он весь без остатка перевоплотится в изображаемого им Фальстафа, Хлестакова или Чацкого, выполняя каждым своим жестом священную для него волю драматурга, так и хороший переводчик раскрывает свою личность во всей полноте именно тогда, когда целиком подчиняет её воле переводимого им Бальзака, Флобера, Золя, Хемингуэя, Сэлинджера, Джойса или Кафки» [Чуковский, 2011, с. 55]. В таком случае требование «хорошего» языка может стать в определённом смысле помехой для переводчика в проявлении индивидуальности автора подлинника, может вызвать в нём, например, эффект самоцензуры или затушёвывания особенностей стиля, писательской манеры переводимого автора, тогда как «от художественного перевода мы требуем, чтобы он воспроизвёл перед нами не только образы и мысли переводимого автора, не только его сюжетные схемы, но и его литературную манеру, его творческую личность, его стиль» [Чуковский, 2011, с. 21].

Приведём несколько примеров нарушения авторского стиля в переводе на словацкий язык романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», осуществлённом Магдой Такачовой. Магда Такачова – переводчик одного поколения с Я. Ференчиком и перевод романа возник в 1968 году, когда, по словам Ференчика, словацкая переводческая школа как преобладающий творческий метод (или совокупность приёмов) уже сформировалась [ср. Ferenčík, 1982, с. 17, 21]. Переводчица, следуя, видимо, принципу «хорошего словацкого языка», методически нарушает особенности стиля авторского повествования. Рассказчик в романе «Мастер и Маргарита» безличен. Он «невидим» и своей «невидимостью» он оставляет читателя наедине с текстом и его героями. В переводе же рассказчик выступает от первого лица и вступает в диалог с читателем, и тем самым становится нарушающим волю автора и совсем ненужным читателю «гидом» по произведению. В подлиннике мы читаем: «Да, **следует отметить**¹⁴ первую странность этого страшного майского вечера» [Булгаков, 1966, с. 8], а в словацком переводе: «Ozaj, **aby som nezabudol** zaznamenat' prvú zvláštnosť tohto zlovestného májového večera» [Bulgakov, 2005, с. 7].¹⁵ Несмотря на то, что переводческое решение «aby som nezabudol» – букв. «чтобы я не забыл» – является для словацкого языка естественным, переводчик могла использовать более нейтральное и не менее естественное выражение, которое не нарушало бы стилистической особенности оригинала: «tu treba poukázať na prvú zvláštnosť...». Такого рода стилистические сдвиги встречаются на протяжении всего перевода, это целый ряд отклонений от подлинника, имеющих характер переводческого приёма.

---

¹⁴ Здесь и далее в тексте полужирным шрифтом выделено мной – В. К.

¹⁵ Цитированный перевод является переизданием перевода 1968 года.

Следующий комплекс сдвигов, искажающих стиль автора, связан с использованием переводчиком экспрессивных выражений вместо нейтральных в подлиннике и наоборот. Например, булгаковское: «и Берлиоза **выбросило** на рельсы» [Булгаков, 1966, с. 32] в словацком переводе звучит так: «а **šmarilo** ho na koľajnice» [Bulgakov, 2005, с. 7] – экспрессивное слово «šmarit'» имеет в русском языке свой эквивалент: «швырнуть», а эквивалентом к слову «выбросить» будет словацкое слово «hodit'»: «а **hodilo** ho na koľajnice». В следующем примере: «поэту, которому вовсе **не улыбалась** мысль караулить сумасшедшего немца» [Булгаков, 1989, с. 31] на месте разговорного глагола «улыбаться» в переводе находится более экспрессивный: «básnika, ktorému vôbec **nevoňalo**, že má strážiť romäteného Nemca» [Bulgakov, 2005, с. 50], хотя адекватным словацким выражением был бы глагол «perozdávalo». В другом случае автор перевода меняет стилистическую окраску подлинника, переводя булгаковскую фразу, несущую иронический оттенок, выраженный средствами официально-делового стиля: «План Берлиоза **следует признать правильным**» [Булгаков, 1966, с. 31], экспрессивной разговорной фразой: «**Klobúk dole** pred Berliozovým plánom» [Bulgakov, 2005, с. 50], т. е. «следует снять шляпу перед планом Берлиоза», вместо: «Treba povedať, že Berliozov plán bol správny».

Или наоборот, в случае, где у Булгакова используются экспрессивные выражения, переводчик использует выражения нейтрального характера, например, в случае фразы «Так вот необходимо принять меры, а то получается **какая-то неприятная чепуха**» [Булгаков, 1966, с. 31] в словацком переводе используется нейтральное выражение: «Treba ihneď urobiť patričné opatrenia, lebo z toho môžu vzniknúť **veľké neprijemnosti**» [Bulgakov, 2005, с. 50], что в обратном переводе на русский значит: «могут возникнуть большие неприятности». (Кроме сдвига в экспрессивности выражения здесь произошёл и смысловой сдвиг – автор подлинника говорит не о будущих «больших неприятностях», а о настоящей ситуации, которую сложно объяснить, которую можно назвать бредовой, бессмысленной.)

Такие переводческие решения К. Чуковский относит к словарным ошибкам и считает их не самыми опасными: «В том-то и дело, что, как бы ни были порой губительны отдельные словарные ошибки, даже они далеко не всегда наносят переводу такую тяжёлую травму, какую наносит ему искажение стиля» [Чуковский, 2011, с. 19]. Проблемой, однако, они становятся тогда, когда они в тексте встречаются слишком часто. Ян Ференчик считает тенденцию употреблять как можно более экспрессивные формы скорее нарушением принципа формальной тождественности оригинала и перевода, потому что словацкая переводческая школа, понимая форму в диалектическом единстве с содержанием, «допускала изменение формы в переводе лишь во имя необходимости адекватно выразить

содержание» (перевод мой – В. К.) [Ferenčík, 1982, с. 63]. Но к такому изменению формы привело соблюдение принципа «хорошего словацкого языка» и результатом этого изменения стало искажение авторского стиля оригинала. «Отражение личности писателя в языке его произведений и называется его индивидуальным стилем, присущим ему одному. Потому-то я и говорю, что, исказив его стиль, мы тем самым исказим его лицо. Если при помощи своего перевода мы навяжем ему свой собственный стиль, мы превратим его автопортрет в автопортрет переводчика» [Чуковский, 2011, с. 23-24]. Нельзя обвинить М. Такачову, что она намеренно изменяла стиль текста. Она просто употребляла в переводе такие языковые средства, которые она считала, с одной стороны, соответствующими подлиннику и, с другой стороны, типичными средствами живого «хорошего словацкого языка». Таким образом, выбор таких переводческих решений является результатом переводческой концепции, обусловленной принципом «хорошего словацкого языка» и основанной на – как характеризует деятельность М. Такачовой «Словарь словацких переводчиков художественной литературы XX века» – стремлении к аутентичному словацкому языку и богатству его средств выражения, благодаря которому Такачова «внесла значительный вклад в формирование современного, стилистически дифференцированного языка перевода, способного адекватно передать даже самые трудные произведения всемирной литературы с сохранением соответствия смысловых слоёв языка оригинала и перевода и поэтической стороны художественного произведения» [Kováčičová, Kusá, 2015, с. 281].

Такое понимание «хорошего словацкого языка» и такая концепция перевода могла бы в настоящее время восприниматься как проявления переводческого идеала своего времени. Возможно также, что бóльшая экспрессивность действительно является объективной характеристикой словацкого языка – к такому предположению пришёл словацкий переводчик и теоретик перевода Ян Виликовский на основе исследований, показавших, что почти в любом словацком переводе английской литературы больше экспрессивных выражений, чем в подлиннике [Vilikovský 1984, с. 193-194]. Однако, хотя большинство правил, входящих в принцип «хорошего словацкого языка», до сих пор в основном соблюдается в словацкой переводческой практике (транскрипция собственных имён, функциональное употребление нелитературных средств, перевод диалектов), самым спорным является само понятие «хорошего словацкого языка» – главным образом ввиду всё ещё существующих отличий в языке отдельных регионов Словакии, а также ввиду отсутствия профессиональной редакционной работы во многих издательствах. Но главная проблема при выборе переводческих решений в переводе романа «Мастер и Маргарита», а также во

многих других переводах русской литературы, связана, возможно, не с соблюдением или несоблюдением принципа «хорошего словацкого языка», а с недостаточным раскрытием автопортрета автора подлинника, определением его стиля со стороны переводчика.

Список литературы:

- Булгаков М.* Мастер и Маргарита: Роман: Книга первая. / М. Булгаков. // Москва. 1966. № 11. С. 6-127.
- Левый И.* Искусство перевода. / И. Левый; пер. с чеш. В. Россельса. М.: Прогресс, 1974. 397 с.
- Попович А.* Проблемы художественного перевода. / А. Попович; пер. со слов. И. А. Бернштейн и И. С. Чернявской. М.: Высшая школа, 1980. 199 с.
- Чуковский К.* Высокое искусство: Принципы художественного перевода. / К. Чуковский. СПб.: Авалонь, Азбука-Аттикус, 2011. 448 с.
- Bednárová K.* Kontexty slovenského umeleckého prekladu 20. storočia. / K. Bednárová // Slovník slovenských prekladateľov umeleckej literatúry: 20. storočie. / ed. by O. Kovačičová, M. Kusá. Bratislava: Veda, 2015. С. 15-73.
- Bulgakov M.* Majster a Margaréta. / M. Bulgakov; transl. by M. Takáčová. Bratislava: Petit Press, 2005. 446 s.
- Ferenčík J.* Kontexty prekladu. / J. Ferenčík. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1982. 152 с.
- Pašteková S.* Transformácie obrazu ruskej literatúry (1945-1970). / S. Pašteková // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836-1996: Stručné dejiny umeleckého prekladu na Slovensku: Zv. 4. Ruská literatúra / M. Kusá [et al.]. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1998. С. 81-96.
- Slovník slovenských prekladateľov umeleckej literatúry: 20. storočie.* / ed. by O. Kovačičová, M. Kusá. Bratislava: Veda, 2015. 511 с.
- Vilikovský J.* Preklad ako tvorba. / J. Vilikovský. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1984.

Купкова И.
Институт русистики
Философский факультет Прешовского университета
г. Прешов (Словакия)

Kupkova Ivana
Institute of Russian Studies
Faculty of Arts, University of Prešov
Prešov (Slovakia)

**«ПРИНЦИПЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА» К. ЧУКОВСКОГО
И Н. ГУМИЛЁВА В СЛОВАЦКОЙ И ЧЕШСКОЙ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА¹⁶**

**K. CHUKOVSKY'S AND N. GUMILEV'S PRINCIPLES OF LITERARY TRANSLATION
IN SLOVAK AND CZECH TRANSLATION
THEORY AND PRACTICE**

Статья посвящена следам положений, выдвинутых в «Принципах художественного перевода» К. Чуковского и Н. Гумилёва, в словацкой и чешской теории и практике художественного перевода. В 1950-е годы в Словакии начали формироваться принципы художественного перевода, которые стали основой творческого метода, позже получившего название «словацкая переводческая школа». Отражение идей «Принципов художественного перевода», несмотря на то, что словацким и чешским теоретикам и переводчикам они не были известны, наблюдается как в принципах словацкой переводческой школы (принцип формальной тождественности подлинника и перевода, принцип «хорошего словацкого языка»), так и в работах чешского теоретика перевода И. Левого (художественный перевод как искусство, передача формальных аспектов стихов) и словацкого теоретика перевода А. Поповича (стилистические сдвиги в переводе).

The aim of the paper is to show the tracks of the statements given in K. Chukovsky's and N. Gumilev's Principles of Literary Translation in Slovak and Czech theory and practice of literary translation. In the 1950s principles of literary translation started to form in Slovakia and they became the basis of a method of literary translation which later got the name of the Slovak Translation School. The reflection of the ideas of Principles of Literary Translation can be seen in the principles of the Slovak Translation School (the formal correspondence of the original and the translation principle, the "good Slovak" principle) as well as in the works the Czech translation theorist J. Levý (literary translation as art, reproduction of the formal features of a poem) and the Slovak translation theorist A. Popovič (shifts of expression in translation) although none Slovak and Czech theorists and translators was familiar with the book.

Ключевые слова: принципы художественного перевода, словацкая переводческая школа, К. Чуковский, Н. Гумилёв, И. Левый, А. Попович, формальная тождественность, стилистические сдвиги, переводизм.

Keywords: principles of literary translation, Slovak Translation School, K. Chukovsky, N. Gumilev, J. Levý, A. Popovič, formal correspondence, shifts of expression, translationese.

Развитие художественного перевода в Словакии после 1948 года, когда власть перешла в руки коммунистической партии, во многом похоже на процессы, происходившие в России после 1917 года. В Словакии (Чехословакии) появились исключительно

---

¹⁶ Статья написана при финансовой поддержке Министерства образования Словацкой Республики в рамках научно-исследовательского проекта VEGA 1/1014/16 «Slovenské preklady ruskej prózy v 60. – 80. rokoch 20. storočia».

государственные издательства, что, кроме отрицательных аспектов (идеологический контроль, издавание переводов прежде всего русской литературы, причём не столько классической, сколько – намного бóльшими тиражами – советской, часто не очень качественной, литературы и т.п.), имело и положительную сторону. Планирование в области издательского дела способствовало возможности составить (или хотя бы начать составлять) «систематически подобранную библиотеку, могущую служить не только материалом для чтения, но также пособием к изучению истории мировой литературы во всём разнообразии её национальных оттенков, литературных школ, течений и художественных форм изложения» [Чуковский, Гумилёв, 1919, с. 2 обл.]. Как известно, издательству «Всемирная литература», основанному М. Горьким в 1918 г. в Петрограде, удалось осуществить этот план лишь частично (библиотека должна была состоять из около 4000 томов, а было издано лишь около 120 переводов). Однако, замысел сделать все переводы заново, «на других – строго научных – основаниях» [Чуковский, 2012, с. 8], и первая формулировка общих правил или принципов художественного перевода в брошюре «Принципы художественного перевода» [Чуковский, Гумилёв, 1919, с. 2 обл.], выработанной по инициативе Н. Гумилёва [ср. Иванова, 2012, с. 589] для сотрудников издательства, стали началом развития науки о переводе в России.

Также в Словакии после Второй мировой войны резко возросло количество переводной литературы, начали издаваться переводы новейшей мировой литературы и в новых обстоятельствах после 1948 г. был выработан план изданий основного фонда мировой литературы [см. Ferencík, 1982, с. 15]. И так же, как и в России, возникла потребность в едином взгляде на художественный перевод и в общих принципах переводческой работы. Образовалось первое объединение переводчиков «Кружок переводчиков» (Kruh prekladateľov, 1949), который, так же, как и большой круг художников слова в российском издательстве «Всемирная литература», организовал лекции, курсы, дискуссии, в рамках которых решались частные вопросы перевода художественной литературы на словацкий язык (транскрипция собственных имён, роль нелитературных элементов в переводе, поиски переводческой терминологии и т. д.). Значительной вехой и толчком не только к определению единых принципов художественного перевода, но и к развитию теории перевода, стала полемика о переводе романа М. Шолохова «Тихий Дон», осуществлённого Зорой Есенской в 1950 г.¹⁷ Итогами полемики стала первая формулировка программы рождающейся переводческой школы. В её основе лежала переписка Зоры

---

¹⁷ О Зоре Есенской и переводе «Тихого Дона» см. статью В. Биловеского [Биловески, 2015]

Есенской с её главным оппонентом и критиком, молодым переводчиком-русистом Яном Ференчиком, после полемики [см. Maliti-Fraňová, 2007, с. 57], а также опыт группы переводчиков вначале, и главным образом, русской литературы, а позже и других литератур. Обобщающими идеями новой программы являлись стремление к новому художественному качеству, высокой культуре родной речи, профессионализму и соблюдению переводческой этики [см. Ferencík, 1982, с. 16]. Результатом этого стремления стало явление, которому Ян Ференчик в половине 1970-х гг. дал название «словацкая переводческая школа» и определил его как «совокупность приёмов, образовавших творческий метод, который стал преобладающим, самым продуктивным и самым типичным для определённого периода (1950-е – конец 1970-х гг. – прим. И. К.) развития переводческой деятельности; в случае словацкой переводческой школы данный метод приобрёл даже характер нормы» (перевод мой – И. К.) [Ferencík, 1982, с. 53]. В качестве отличительных знаков этого творческого метода Ференчик приводит следующие принципы:

1. принцип перевода полного текста оригинала (не допускается никаких добавлений или пропусков частей текста, в книжных переводах обязательно приводятся библиографические данные оригинала; в случае перевода неполного текста читатель должен быть об этом осведомлён);

2. принцип смысловой тождественности оригинала и перевода (речь идёт об относительной тождественности, допускаемой средствами языка перевода);

3. принцип формальной тождественности оригинала и перевода (сохранение формальных элементов текста оригинала: в прозе – членение текста на главы, абзацы, в стихах – членение текста на строфы, число строк, рифмовка, в драме членение текста на действия, явления и т. д., но всегда с учётом функции данной формы); формальная и смысловая тождественность школой воспринимаются в диалектическом единстве;

4. принцип «хорошего словацкого языка» (употребление в переводе литературного языка, строго функциональное употребление ненормативных средств); в рамки данного принципа входило также несколько правил: правило переноса иностранных собственных имён в оригинальной форме или в принятой транскрипции (кроме устоявшихся и «говорящих» имён), правило не переводить территориальный диалект оригинала конкретным территориальным диалектом словацкого языка, правило переводить социальный диалект соответствующим социальным диалектом словацкого языка, правило не переносить архаичность текста оригинала в перевод, если она является результатом временной отдалённости оригинала и перевода, а не замыслом автора оригинала;

5. принцип предпочтения смысловой тождественности в случае её коллизии с формальной тождественностью;

6. принцип концептуальности перевода – главный принцип, которому подчиняются все остальные принципы и правила [Ferenčík, 1982, с. 36-38, 50-70].¹⁸

Поскольку принципы словацкой переводческой школы сначала создавались прежде всего переводчиками русской литературы, вполне понятно, что в этих принципах заметно отражение идей видных представителей русской (советской) переводческой мысли (К. Чуковский, М. Алексеев, А. Фёдоров, И. Кашкин и др.). Заметны в них также идеи, выраженные в «Принципах художественного перевода» К. Чуковского и Н. Гумилёва. Например, принцип формальной тождественности оригинала и перевода полностью соответствует положению о том, что «[и]скажая форму произведения искусства, мы *тем самым* искажаем и его содержание» [Чуковский, 1919, с. 13], и включает почти такое же сохранение в переводе формальных элементов текста (курсив, скобки и т. п.), какое предлагается в «Принципах...» [см. Чуковский, 1919, с. 23].¹⁹ Параллели наблюдаются также относительно принципа «хорошего словацкого языка»: «Хороший переводчик, хотя и смотрит в иностранный текст, *думает* всё время *по-русски* и только по-русски (по-словацки и только по-словацки – прим. И. К.), ни на миг не поддаваясь влиянию иностранных оборотов речи (...). Нужно, чтобы каждая фраза, переведённая им, *звучала по-русски*, подчиняясь логике и эстетике русского языка» [Чуковский, 1919, с. 13, 16].²⁰ В рамки принципа «хорошего словацкого языка» входит также правило переноса собственных имён из языков с другой графической системой по правилам практической транскрипции, которая передаёт иностранные имена (слова) точно так, как этого требует К. Чуковский: «*не приблизительно, а со всею точностью, доступной для русской* (словацкой – прим. И. К.) **фонетики**. Исключение делается только для тех имён, написание которых установлено давней традицией (напр. Людовик вместо Луи, Вальтер Скотт вместо Уолтер Скотт и т. д.). Что же касается тех имён, относительно которых ещё не установилось, традиции, то их надлежит передавать с наибольшей близостью к их *подлинной национальной фонетической форме*» [Чуковский, 1919, с. 23].

Но влияние «Принципов художественного перевода» на принципы словацкой переводческой школы было скорее всего не прямым, а опосредованным. Первым

---

¹⁸ О принципах словацкой переводческой школы см. также диссертацию В. Князьковой [Князькова, В. С., 2009].

¹⁹ Принцип формальной тождественности не касается сохранения пунктуации оригинала в случае, когда она в языке перевода выполняет другие функции.

²⁰ Здесь и далее курсивом выделено у автора, полужирным шрифтом выделено мной – И. К.

посредником стали, наверно, книги К. Чуковского «Искусство перевода» (1936), расширенный вариант статьи «Переводы прозаические», находившейся в «Принципах художественного перевода, и «Высокое искусство» (1941, 1964), значительно расширенный, исправленный и дополненный вариант «Искусства перевода» [см. Чуковский, 2012, с. 321, 322]. Вторым посредником была несомненно работа чешского литературоведа и теоретика перевода Иржи Левого, вышедшая в 1963 г. под таким же названием, как и первый вариант книги Чуковского – «Искусство перевода» (Umění překladu).²¹

Именно в этой работе, одной из определяющих работ чешской и словацкой теорий перевода, которая, по словам переводчика книги на русский язык В. Россельса, «благодаря огромной эрудиции автора вполне может служить энциклопедией передовых идей в области науки о переводе» [Россельс, 1974, с. 20], находим прямые связи с «Принципами художественного перевода» Чуковского и Гумилёва. Левому было известно всё актуальное, что к тому времени было издано по проблематике художественного перевода, и в списке использованной литературы он, кроме других русских авторов, приводит и «Высокое искусство» Чуковского 1941 года издания.²² Даже заглавие книги Левый выбрал не случайно – оно отражает его отношение к работе переводчика художественной литературы, которое во многом совпадает со взглядами Чуковского и Гумилёва.

«Переводчик художественной прозы **не фотографирует подлинник, а творчески воссоздаёт его.** (...) **Переводчик – это художник,** мастер слова, соучастник **творческой работы** того автора, которого он переводит» [Чуковский, 1919, с. 7], пишет Чуковский. А у Левого читаем: «Цель переводческого труда – постичь, сохранить, передать подлинник (информацию), а не создать новое произведение, не имеющее прототипов; **целью перевода является воспроизведение.** В процессе перевода материал одного языка замещается материалом другого, и, стало быть, все художественные средства языкового порядка переводчик создаёт сам, на родном языке, заново; таким образом, в области языка перевод – подлинное оригинальное **творчество.** Перевод как произведение – художественная репродукция, **художественное воспроизведение,** перевод как процесс – подлинное творчество...» [Левый, 1974, с. 90]. И далее Левый, так же, как и Чуковский [Чуковский, 1919, с. 7], сравнивает работу переводчика с искусством актёра: «... перевод как тип искусства – промежуточная категория между исполнительским искусством и оригинальным

---

²¹ До публикации первого издания «Искусства перевода» Левого, но после выхода в свет книги Чуковского, под таким же заглавием (The Art of Translation) вышла статья В. Набокова (1941), а также книга Т. Сэвори (Th. Savory; 1957), которую Левый также приводит в своём списке литературы.

²² По словам В. Россельса в предисловии к русскому изданию «Искусства перевода», «более всего отражена в книге И. Левого советская переводческая теория» [Россельс, 1974, с. 12].

творчеством. Вот почему **изо всех искусств ближе всего к переводу мастерство актёра**» [Левый, 1974, с. 90].

Параллели находим и в области отношения между «своим» и «чужим» в переводе. Чуковский говорит: «Пусть синтаксис перевода будет русский, но **стиль должен сохраниться английский**» [Чуковский, 1919, с. 13], а Левый далее развивает эту мысль в главе «Национальный и исторический колорит» [Левый, 1974, с. 127-140]: «[о]тношение между оригиналом и переводом – это отношение между произведением и его исполнением *в другом материале*», и поэтому «невозможно сохранить при переводе все элементы оригинала, содержащие историческую и национальную специфику, но, безусловно, **следует вызвать у читателя впечатление, иллюзию исторической и национальной среды**» [Левый, 1974, с. 129], т. е. сохранить то, что Чуковский в данном месте текста называет «стилем».

Вопрос стиля (в традиционном, лингвистическом, понимании) в переводе является одним из центральных вопросов теории Левого. В связи с этим интересно, что глава «Стиль художественный и стиль “переводческий”» в книге Левого как будто является продолжением наблюдений Чуковского над словарём переводчика: «У большинства переводчиков **чрезвычайно скудный словарь**. Каждое иностранное слово для них имеет лишь одно значение. Запас синонимов у них нищенски мал» [Чуковский, 1919, с. 14]. «Читая средний или посредственный перевод и оригинальное произведение, чуткий к языку читатель ощутит различие в их стиле. Даже когда в переводном тексте нет явных языковых погрешностей или неуклюжестей, он часто выглядит **тусклым, бесцветным, серым**, ему недостаёт того тонкого налёта поэзии, который отличает художественную прозу от любого даже литературно-исправного текста. Критика в подобных случаях говорит о “*переводческом жаргоне*”» [Левый, 1974, с. 153].

Несомненным является и диалог Левого с Н. Гумилёвым (который, возможно, осуществился и благодаря посредничеству Р. Якобсона, члена Пражского лингвистического кружка, существенно определившего научную деятельность Левого) о стихотворном переводе. Например, положение Левого о том, что «переводчику в поисках формального ключа следует **исходить прежде всего из содержательных функций формы**» [Левый, 1974, с. 253], и из него вытекающие возможные приёмы передачи звуковой (формальной) стороны стихотворения («Часть вторая» книги [Левый, 1974, с. 239 и посл.]) перекликаются со словами Гумилёва о том, что «поэт, достойный этого имени, **пользуется именно формой, как единственным средством выразить дух**» [Гумилёв, 1919, с. 25], и о том, что при передаче звуковой стороны стиха «приходится прибегать к условной передаче (...),

потому что она по большей части действительно даёт впечатление, адекватное впечатлению подлинника» [Гумилёв, 1919, с. 28]. Несмотря на то, что подробный анализ всех аспектов перевода стихов в книге Левого нельзя сравнивать с несколькими страницами гумилёвских принципов, мысли этих двух авторов о переводе поэзии настолько схожи, что возникает впечатление, как будто статья Гумилёва послужила вдохновением для исследований Левого. Такое же понятие единства формы и содержания и, одновременно, строго функциональной передачи формы в переводе стали также одним из принципов словацкой переводческой школы (см. выше).

«Искусство перевода», в котором И. Левый охватил почти все вопросы художественного перевода, оказало влияние не только на практику художественного перевода и формирование его принципов в Словакии, но и на развитие словацкой теории перевода. Своим учителем считал Левого один из видных словацких и мировых теоретиков перевода Антон Попович, основной труд которого, «Проблемы художественного перевода» (Teória umeleckého prekladu, 1975), известен также российскому читателю [Попович, 1980]. Попович далее развивал работы Левого и, кроме того, был русистом, поэтому наличие следов русской переводческой мысли в его работах можно считать естественным. В списке использованной литературы Попович, так же, как и Левый, приводит «Высокое искусство» К. Чуковского. И всё же в «Проблемах художественного перевода» Поповича встречаются и те идеи «Принципов художественного перевода», которые в «Высокое искусство» не попали.

Одним из вкладов А. Поповича в переводоведение является положение о (стилистических) сдвигах, или «сдвигах выражения», в переводе²³ – функциональных несоответствиях отдельных элементов оригинала и перевода [Попович, 1980, с.192]. Попович выделяет два основных вида сдвигов: конститутивный сдвиг – объективно неизбежный сдвиг, вытекающий из отличий в системах языка подлинника и языка перевода, и «индивидуальные» сдвиги – «система отклонений, допущенных переводчиком» [Попович, 1980, с.109], в т. ч. тематический (т. е. «различия между тематическими фактами (реалиями) в оригинале и в переводе») и негативный («неадекватное решение стилистической (тематической и языковой) информации, обусловленное непониманием оригинала») сдвиги [Попович, 1980, с.192]. Оптимальным вариантом является «[ф]ункциональный стилистический сдвиг, т. е. такой, цель которого — адекватно передать характер оригинала в условиях другой системы» [Попович, 1980, с. 98].

---

²³ Стилистический характер сдвигов у Поповича отличает их от сдвигов (shifts) у Дж. Кэтфорда, представляющих собой явления формального (грамматического) уровня [ср. Catford, 1965, с. 73-82].

О явлениях, названных Поповичем сдвигами в переводе, однако, писали уже и авторы «Принципов художественного перевода». Конститутивный сдвиг, это, например, неизбежное увеличение количества печатных знаков в русском переводе по сравнению с английским оригиналом, вследствие чего возникает «другой ритм, другой стиль (...) впечатление грузности», которое можно устранить формальными изменениями в тексте («из одной переводимой фразы *сделать две или три*») [Чуковский, 1919, с. 18]. Тематический сдвиг, это, например, упомянутый выше «русский стиль» (русские реалии, обороты речи) в английских текстах [Чуковский, 1919, с. 12-13]. В связи с этим Чуковский высказывает мнение, что «[т]акое обрусение иностранцев, обращение их в российское подданство, в малой мере всегда неизбежно, но в качестве принципа едва ли желательно» [Чуковский, 1919, с. 13]. Тематический сдвиг, следовательно, не всегда является негативным явлением, и Левый уточняет случаи, когда такой сдвиг «в малой мере неизбежен»: «Изобразительные средства, для которых на языке переводчика нет эквивалента и которые в подлиннике не способствуют созданию иллюзии национальной среды, можно заменить в переводе субститутами, однако только *нейтральными*, неокрашенными, не связанными в представлении читателя с конкретным местом и временем» [Левый, 1974, с. 132], после чего он приводит примеры из «Высокого искусства» Чуковского. Попович такой переводческий приём называет «натурализацией (одомашниванием)» [Попович, 1980, с. 64]. Индивидуальный сдвиг, т. е. такой, который вытекает «не только из объективной ситуации, т. е. из иного кода традиции и ситуации, у переводчика, но и из индивидуального образного и выразительного идеолекта переводчика, его пристрастий и индивидуальных склонностей» [Попович, 1980, с. 99], проявляется, например, у таких переводчиков, которые «переводят писателя, чуждого им по стилю, испытывают постоянный соблазн “*исправить*”, “*подкрасить*” подлинник», вследствие чего они превращают «поросятушек в птичек» [Чуковский, 1919, с. 13-14] и тем самым нарушают стиль подлинника. К проявлениям негативного сдвига Попович относит, например, употребление так называемых «переводизмов»²⁴ [Попович, 1980, с. 188, 192], т. е. «[п]ассивное воспроизведение языковых и стилистических характеристик в переводе, результатом которого является механическая зависимость языка и стиля перевода от оригинала» (перевод мой – И. К.) [(ар), 1983, с. 178]. Это то, что Чуковский определяет как

---

²⁴ В самом деле Попович употребляет здесь понятие «prekladatel'čina», которое можно буквально перевести как «переводческий язык». Перевести его как «переводизм» решили авторы русского перевода книги Поповича.

«особый, условный, *переводческий язык*, который с подлинным русским языком не имеет ничего общего» [Чуковский, 1919, с. 16] и который также наносит вред стилю оригинала.

Стилистические проблемы перевода для Поповича, так же, как и для Левого, были очень важными – Попович воспринимает перевод как стилистическую операцию [Попович, 1980, с. 24]. Но вопросы стиля занимают, пожалуй, самое важное место также в «Принципах художественного перевода»: «Не только у каждого сословия, но и у каждого отдельного лица есть свой собственный индивидуальный язык. Переводчику нужно стараться уловить особенности речи каждого отдельного персонажа и, по возможности, воспроизвести их в своём переводе. У больших писателей в каждом романе не один, а несколько стилей; эти стили то чередуются, то сливаются вместе в причудливых и смелых сочетаниях – и всю эту живую динамику стиля, без которой произведение искусства мертво, обязан воспроизвести переводчик» [Чуковский, 1919, с. 14]. Для адекватной передачи разнообразных стилей в художественном произведении или его стилистических особенностей Попович предлагает опираться на систему стилистических категорий (*výrazová sústava*) словацкого лингвиста и литературоведа Франтишека Мико [Miko, 1969, с. 9-34]. Эта система позволяет эмпирически определить каждую художественную особенность (стилистическую категорию) выразительных средств подлинника и на основе этого найти стилистически эквивалентное выражение в переводе [ср. Попович, 1980, с. 89-93].

Издательство «Всемирная литература» выпустило «Принципы художественного перевода» «в надежде, что почин её авторов не останется без продолжателей и что в близком будущем общими усилиями удастся, быть может, заложить принципиальные основы, если не науки, то хотя бы практического руководства к одному из самых трудных и требовательных искусств – искусству художественного перевода» [Чуковский, Гумилёв, 1919, с. 6]. Заложены были не только основы практического руководства к художественному переводу, но и основы новой науки – переводоведения (которая, оказывается, возникла в конце 1950-х годов в Советском Союзе [см. Рум, 2016, с. 60]), которые способствовали развитию художественного перевода не только в России, но и в других странах, в том числе и в Словакии.

Список литературы:

Биловески В. Зора Есенска и словацкая переводческая школа [Электронный ресурс]. / В. Биловески // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2015. Вып. 2. С. 5-9. – Режим доступа: <http://vestnik-rosnou.ru/человек-в-современном-мире-human-modern-world/2015/2/5>

- Гумилёв Н.* Переводы стихотворные. / Н. Гумилёв // Принципы художественного перевода: Статьи К. Чуковского и Н. Гумилёва. Петербург: Всемирная литература, 1919. С. 25-30.
- Иванова Е.* У истоков «Высокого искусства» [Электронный ресурс]. / Е. Иванова // Собрание сочинений: в 15 т. Т. 3: Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей. / К. Чуковский; сост. Е. Чуковской и П. Крючкова. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. С. 582-590. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/chukovsky_ss_v_15-ti_tt_tom03_2012.pdf
- Князькова В.С.* Отражение лексического своеобразия прозы А. И. Солженицына в словацких переводах: на материале рассказа «Один день Ивана Денисовича»: диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.03. / В. С. Князькова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2009. 250 с.
- Левый И.* Искусство перевода. / И. Левый; пер. с чеш. В. Россельса. М.: Прогресс, 1974. 397 с.
- Попович А.* Проблемы художественного перевода. / А. Попович; пер. со слов. И. А. Бернштейн и И. С. Чернявской. М.: Высшая школа, 1980. 199 с.
- Россельс В.* Опыт теории художественного перевода. / В. Россельс // Искусство перевода. / И. Левый; пер. с чеш. В. Россельса. М.: Прогресс, 1974. С. 5-24.
- Топер, П.* Предисловие. / П. Топер // Проблемы художественного перевода. / А. Попович; пер. со слов. И. А. Бернштейн и И. С. Чернявской. М.: Высшая школа, 1980. С. 5-12.
- Чуковский К.* Принципы художественного перевода: Статьи К. Чуковского и Н. Гумилёва. / К. Чуковский, Н. Гумилёв. Петербург: Всемирная литература, 1919. 35 с.
- Чуковский К.* Переводы прозаические. / К. Чуковский // Принципы художественного перевода: Статьи К. Чуковского и Н. Гумилёва. Петербург: Всемирная литература, 1919. С. 8-24.
- Чуковский К.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 3: Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей [Электронный ресурс]. / К. Чуковский; сост. Е. Чуковской и П. Крючкова. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. 640 с. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/chukovsky_ss_v_15-ti_tt_tom03_2012.pdf.
- (ap) [Popovič, A.].* Prekladateľčina. / (ap) [A. Popovič] // Originál – preklad: Interpretačná terminológia. / ed. A. Popovič [et al.]. Bratislava: Tatran, 1983. С. 178.
- Catford J. C.* A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 1965. 103 с.
- Ferenčík J.* Kontexty prekladu. / J. Ferenčík. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1982. 152 с.
- Maliti-Fraňová E.* Tabuizovaná prekladateľka Zora Jesenská. / E. Maliti-Fraňová. Bratislava: Veda, 2007. 208 с.
- Miko F.* Estetika výrazu: Teória výrazu a štýl. / F. Miko. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1969. 292 с.
- Popovič A.* Teória umeleckého prekladu. / A. Popovič. Bratislava: Tatran, 1975. 293 с.
- Pym A.* Translation Solutions for Many Languages: Histories of a flawed dream. / A. Pym. London, New York: Bloomsbury, 2016. 288 с.

Леоненкова Е.Д.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Leonenkova Ekaterina
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ: ЗЛО ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

TRANSLATOR'S COMMENT: EVIL OR NECESSITY?

В статье рассматривается проблема использования переводческого комментария в художественном тексте. Любое художественное произведение отражает сферы культурных представлений народа, что позволяет рассматривать его как один из главных источников лингвокультурологической информации. При переводе художественного текста неизбежны смысловые потери, а переводческий комментарий может их компенсировать. Переводческий комментарий поясняет предметы, явления и ситуации, составляющие культурный фонд определенного лингвокультурного сообщества, в который входят знания в области истории, литературы, географии и т.п. Переводческий комментарий способен не только компенсировать смысловые потери, но и предоставить дополнительную информацию, которую невозможно «вписать» в основной текст перевода. Однако переводческий комментарий в той или иной степени субъективен, что может повлиять на восприятие переводного произведения.

The article covers the problem of commentary to translate fiction. Any work of art reflects the sphere of cultural representations of the people, which makes it possible to consider it as one of the main sources of linguacultural information. During the translation of a literary text, semantic losses are inevitable, and translator's comment can compensate for them. The translator's comment explains the objects, phenomena and situations that make up the cultural foundation of a certain linguacultural community, which includes knowledge in the field of history, literature, geography, etc. Translator's comment can not only compensate for the semantic loss, but also provide additional information that cannot be added into the main text of the translation. However, translator's comment is subjective, to some degree, which may affect the perception of the translated work.

Ключевые слова: переводческий комментарий, художественный текст, смысловые потери, компенсация смысловых потерь, лингвокультурная информация, культурный фонд.

Keywords: translator's comment, literary text, semantic losses, semantic loss compensation, linguacultural information, cultural foundation.

Любое художественное произведение отражает сферы культурных представлений народа, что позволяет рассматривать его как один из главных источников лингвокультурологической информации. Текст сохраняет и передает основные аспекты жизни общества в конкретной ситуации и в определенную историческую эпоху. «Автор литературного художественного произведения воспроизводит реальные или виртуальные картины, пользуясь языковыми средствами как инструментом. В то же время, каждый знак, семантически значимый, уже является отражением определенного фрагмента внеязыковой действительности и заключает в себе элемент языковой картины данного этноса» [Есакова, 2001, с. 29].

Описание особенностей национальной картины мира на языковом материале художественных текстов с позиции лингвокультурологии ставит целью объяснение не только коммуникативно-языковых процессов, нашедших свое отражение в тексте, но и экстралингвистических факторов, влияющих на эти процессы. Поэтому адекватность перевода во многом зависит от того, насколько хорошо переводчик, носитель другой культуры, поймет особенности и эпоху описываемого произведения.

При переводе (в частности, при переводе художественного текста) неизбежны смысловые потери, поэтому перед переводчиком встает главный вопрос: как компенсировать эти потери?

Переводческий комментарий является одним из основных способов компенсации смысловых потерь в тексте перевода. С помощью комментариев могут быть объяснены предметы, явления и ситуации, составляющие культурный фонд определенного лингвокультурного сообщества, в который входят знания в области истории, литературы, географии и т.п. Переводческий комментарий способен не только компенсировать смысловые потери, но и предоставить дополнительную информацию, которую невозможно «вписать» в основной текст перевода.

Как отмечает Н.К. Гарбовский, «комментарии оказывают неоценимую помощь переводчику в понимании наиболее “темных” мест оригинала. Они уточняют исторический и культурный контекст, иногда помогают решить “лингвистические загадки”, но порой и вводят в заблуждение» [Гарбовский, 2011, с. 12]

Однако существует и противоположная точка зрения. «Противники комментария обвиняют переводчиков в “насилии над текстом”, полисемичность образов которого исчезает из-за эксплицитного характера примечаний, обедняющих смысловую многоплановость классического произведения, препятствуя тем самым “множественности восприятия”. Последнее, в свою очередь, является “насилием над читателем”, который, вместо того чтобы получить удовольствие от текста, вынужден постоянно отвлекаться на пояснительные детали, сковывающие его свободу» [Костикова, 2001, с. 133]

Как правило, комментарий выносятся за пределы авторского текста. Он может быть оформлен и как сноска внизу страницы (подстрочный комментарий), и как примечание в конце текста (затекстовый комментарий). Однако в некоторых переводных текстах можно встретить и внутритекстовый комментарий, который может быть незаметен для читателя, так как сливается с текстом автора.

В данной работе мы рассмотрели два перевода одного из самых известных произведений М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Первый перевод был выполнен в

1967 году Майклом Гленни. Переводчик зачастую прибегал к внутритекстовому комментарию. В 1997 году вышел в свет другой перевод, выполненный Ричардом Пивером и Ларисой Волохонской. В нем можно найти достаточно подробные подстрочные комментарии. Исходя из этого, можно сделать вывод, что «переводчики разных поколений, обращаясь к классическим произведениям, сталкиваются в основном с одними и теми же проблемами, одни и те же единицы перевода вызывают необходимость принимать непростые решения, и решения эти могут быть весьма различными» [Гарбовский, 2011, с. 15].

Географические названия являются частью культурного фонда; они могут иметь определенную внутреннюю форму, вызывать у представителей одной культуры конкретные ассоциации. Именно поэтому топонимы могут быть непонятны носителям другой культуры:

«...Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало. Он побледнел, вытер лоб платком, подумал: “Что это со мной? Этого никогда не было... сердце шалит... я переутомился. Пожалуй, пора бросить все к черту и в **Кисловодск**...”». (часть 1, глава 1, с. 10)

<p>The Master and Margarita. Mikhail Bulgakov. Translated from the Russian by Michael Glenny. Published by Collins and Harvill Press, London, 1967</p>	<p>The Master and Margarita. Mikhail Bulgakov. Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. Published in Penguin Books, 1997</p>
<p>Berlioz gazed miserably about him, unable to say what had frightened him. He went pale, wiped his forehead with his handkerchief and thought: 'What's the matter with me? This has never happened before. Heart playing tricks . . . I'm overstrained ... I think it's time to chuck everything up and go and <i>take the waters at Kislovodsk</i>...'</p>	<p>Berlioz looked around in anguish, not understanding what had frightened him. He paled, wiped his forehead with a handkerchief, thought: 'What's the matter with me? This has never happened before. My heart's acting up... I'm overworked... Maybe it's time to send it all to the devil and <i>go to Kislovodsk</i>...'</p> <p>Kislovodsk: Literally 'acid waters', a popular resort in the northern Caucasus, famous for its mineral springs.</p>

Кисловодск – город-курорт, который входит в состав региона Кавказские Минеральные Воды. Город был назван в честь знаменитых источников «кислой воды»

Нарзан. Именно благодаря этим источникам Кисловодск стал одним из главных лечебных курортов страны.

В переводе Майкла Гленни мы видим выражение *take the waters*, которое можно перевести как «лечиться на водах», т.е. переводчик снова прибегает к внутритекстовому комментарию. Ричард Пивер и Лариса Волохонская дают более подробный комментарий, указывая также и объяснение названия города.

Похожую ситуацию можно увидеть в следующем примере:

«Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! – совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич». (часть 1, глава 1, с. 10)

<p>The Master and Margarita. Mikhail Bulgakov. Translated from the Russian by Michael Glenny. Published by Collins and Harvill Press, London, 1967</p>	<p>The Master and Margarita. Mikhail Bulgakov. Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. Published in Penguin Books, 1997</p>
<p>'Kant ought to be arrested and given three years in <i>Solovki asylum</i> for that " proof " of his! ' Ivan Nikolayich burst out completely unexpectedly. (здесь и далее курсив наш – Л.Е.)</p>	<p>They ought to take this Kant and give him a three-year stretch in <i>Solovki</i> for such proofs!' Ivan Nikolaevich plumped quite unexpectedly. (курсив наш – Л.Е.)</p> <p>Solovki: A casual name for the 'Solovetsky Special Purpose Camps' located on the site of a former monastery on the Solovetsky Islands in the White Sea. They were of especially terrible renown during the thirties. The last prisoners were loaded on a barge and drowned in the White Sea in 1959.</p>

Мы видим, что Майкл Гленни добавил слово *asylum*, которое можно перевести как «приют», «убежище», и даже «психиатрическая больница». Однако, как известно из истории, Соловки – это Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОИ), куда отправляли противников Советской власти. С 1937 г. это место стало тюрьмой, поэтому выражение «отправить в Соловки» ассоциируется с суровым наказанием. В связи с этим, на наш взгляд, переводческий комментарий будет здесь более уместен, поскольку слово *asylum* не передает «прагматику» названия *Соловки*. С другой стороны, иностранные читатели могут не понять, что стоит за выражением «Special Purpose Camps», которое встречается в комментарии ко второму переводу.

Похожую ситуацию можно увидеть и в следующем примере:

«...Берлиоз спросил, криво усмехнувшись:

– А кто именно? Враги? **Интервенты?**» (часть 1, глава 1, с. 14)

<p>The Master and Margarita. Mikhail Bulgakov. Translated from the Russian by Michael Glenny. Published by Collins and Harvill Press, London, 1967</p>	<p>The Master and Margarita. Mikhail Bulgakov. Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. Published in Penguin Books, 1997</p>
<p>...Berlioz asked with a sardonic grin: 'By whom? Enemies? <i>Foreign spies?</i> '</p>	<p>Berlioz asked, grinning crookedly: 'By whom precisely? Enemies? <i>Interventionists?</i>'</p> <p>Enemies? Interventionists? There was constant talk in the early Soviet period of 'enemies of the revolution' and 'foreign interventionists' seeking to subvert the new workers' state.</p>

Интервент – это человек, который вторгается на территорию другой страны, вмешивается в ее дела, пытаясь подорвать ее изнутри. Ричард Пивер и Лариса Волохонская решили не отступать от этого понятия и использовали слово *interventionist*, снабдив его небольшим лингвокультурологическим комментарием.

Майкл Гленни решил передать данное понятие через выражение *foreign spy*, «иностранный шпион», что наш взгляд не совсем корректно: основная задача шпиона выяснить секретную информацию, а не вмешиваться в дела страны/объекта.

Интересно также обратить внимание на фамилии персонажей, задействованных в сцене на Патриарших прудах:

«Первый был не кто иной, как Михаил Александрович **Берлиоз**, председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой **МАССОЛИТ**, и редактор толстого художественного журнала, а молодой спутник его – поэт Иван Николаевич Поньрев, пишущий под псевдонимом **Бездомный**». (часть 1, глава 1, с. 3)

<p>The Master and Margarita. Mikhail Bulgakov. Translated from the Russian by Michael Glenny. Published by Collins and Harvill</p>	<p>The Master and Margarita. Mikhail Bulgakov. Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. Published in Penguin Books,</p>
--	--

Press, London, 1967	1997
<p>The first was none other than Mikhail Alexandrovich <i>Berlioz</i>, editor of a highbrow literary magazine and chairman of the management committee of one of the biggest Moscow literary clubs, known by its abbreviation as <i>massolit</i>; his young companion was the poet Ivan Nikolayich Poniryov who wrote under the pseudonym of <i>Bezdomny</i>.</p>	<p>The first was none other than Mikhail Alexandrovich <i>Berlioz</i>, editor of a fat literary journal and chairman of the board of one of the major Moscow literary associations, called <i>Massolit</i> for short, and his young companion was the poet Ivan Nikolayevich Ponyrev, who wrote under the pseudonym of <i>Homeless</i>.</p> <p>Berlioz: Bulgakov names several of his characters after composers. In addition to <i>Berlioz</i>, there will be the financial director <i>Rimsky</i> and the psychiatrist <i>Stravinsky</i>. The efforts of critics to find some meaning behind this fact seem rather strained.</p> <p>Homeless: In early versions of the novel, Bulgakov called his poet <i>Bezrodny</i> ('Tastless' or 'Familyless'). Many 'proletarian' writers adopted such pen-names, the most famous being <i>Alexei Peshkov</i>, who called himself <i>Maxim Gorky</i> (<i>gorky</i> meaning 'bitter'). Others called themselves <i>Golodny</i> ('Hungry'), <i>Besposhchadny</i> ('Merciless'), <i>Pribludny</i> ('Stray'). Worthy of special note here is the poet <i>Efim Pridvorov</i>, who called himself <i>Demian Bedny</i> ('Poor'), author of violent anti-religious poems. It may have been the reading of <i>Bedny</i> that originally sparked Bulgakov's impulse to write <i>The Master and Margarita</i>. In his <i>Journal of 1925</i> (the so-called 'Confiscated Journal' which turned up in the files of the KGB and was published in 1990), Bulgakov noted: 'Jesus Christ is presented as a scoundrel and swindler... There is no name for this crime.' (Book 1, chapter 1, p. 17-18)</p>

Как видно из приведенного примера, Ричард Пивер и Лариса Волохонская дают достаточно объемный комментарий, насыщенный дополнительной информацией, которая «перегружает» текст. Действительно, М.А. Булгаков дал некоторым своим героям фамилии известных композиторов (Берлиоз, Римский, Стравинский), однако до сих пор остается не ясным, зачем автор использовал данный прием.

Как правило, подстрочные и внутритекстовые комментарии содержат небольшой объем информации; все остальное, что не влияет на прагматику текста, на наш взгляд, следует указывать в примечаниях в конце перевода/текста. Переводчики дословно перевели фамилию поэта, поэтому комментарий здесь излишний. В свою очередь, Майкл Гленни решил использовать транскрипцию и транслитерацию для передачи псевдонима поэта.

Говоря об ономастике, следует также обратить внимание на место работы Берлиоза. МАССОЛИТ – это вымышленное объединение литераторов Москвы и СССР. Как расшифровывается данная аббревиатура, до сих пор остается загадкой; однако очевидно, что эта «организация» была создана по образцу РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей) и МАПП (Московской ассоциации пролетарских писателей). Одна из предполагаемых расшифровок – Мастера советской (или социалистической) литературы [Соколов, 2018].

Майкл Гленни снова прибегает к внутритекстовому комментарию: «chairman of the management committee of one of the biggest Moscow literary clubs, known by its abbreviation as massolit». Причем название пишется строчными буквами, что не свойственно для аббревиатуры.

В переводе Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской можно найти следующий комментарий:

«**Massolit**: An invented but plausible contraction parodying the many contractions introduced in post-revolutionary Russia. There will be others further on - Dramlit House (House for Dramatists and Literary Workers), findirector (financial director), and so on». (Book 1, p. 17)

Таким образом, переводчики в очередной раз достаточно подробно объясняют явления, свойственные Советской эпохе, однако они не говорят о том, как расшифровать данную аббревиатуру/сокращение. Поэтому переводчики использовали название *Massolit*, указав, что это сокращение.

Как уже было сказано выше, из-за большого количества подробных комментариев в переводе Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской страница кажется перегруженной, поэтому, на наш взгляд, часть информации можно было вынести за основной текст.

При переводе аббревиатур и сокращений переводчики используют разные приемы:

«Степа взглянул на бумагу и закоченел. Все было на месте. Во-первых, собственноручная Степина залихватская подпись! Косая надпись сбоку рукою финдиректора Римского с разрешением выдать артисту Воланду в счет следуемых ему за семь выступлений тридцати пяти тысяч рублей десять тысяч рублей». (часть 1, глава 7, с. 88)

<p>The Master and Margarita. Mikhail Bulgakov. Translated from the Russian by Michael Glenny. Published by Collins and Harvill Press, London, 1967</p>	<p>The Master and Margarita. Mikhail Bulgakov. Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. Published in Penguin Books, 1997</p>
<p>Stepa looked at the sheet of paper and went numb. It was all there: his own bold signature, the backward-sloping signature of Rimsky, the <i>treasurer</i>, sanctioning the payment to Woland of a cash advance of ten thousand roubles against his total fee of thirty-five thousand roubles for seven performances.</p>	<p>Styopa looked at the paper and froze. Everything was in place: first of all, Styopa's own dashing signature... aslant the margin a note in the hand of the <i>findirector</i> Rimsky authorizing the payment of ten thousand roubles to the artiste Woland, as an advance on the thirty-five thousand roubles due him for seven performances.</p> <p>Findirector: Typical Soviet contraction for 'financial director'.</p>

Ричард Пивер и Лариса Волохонская в комментарии отмечают, что *findirector* - сокращение от выражения «финансовый директор». В данном случае для иностранных англоговорящих читателей такое сокращение может быть понятно из контекста, но комментарий убирает все сомнения.

Майкл Гленни подобрал аналог должности финдиректора и использовал слово *treasurer*. Данное слово дословно переводится как «лицо, ответственное за деньги, которые принадлежат организации». На русский язык *treasurer* часто переводят как «казначей». По нашему мнению, данная замена приемлема.

В приведенных выше примерах зачастую прослеживается субъективность всех трех переводчиков. По словам Н.К. Гарбовского: «Как и любой другой вид искусства, перевод воспроизводит действительность, то есть некую данность, существовавшую до начала этой деятельности. Иначе говоря, продукт переводческой деятельности, как и любого другого вида искусства, — это продукт индивидуального отражения некоего объекта действительности» [Гарбовский, 2016, с. 460].

На наш взгляд, то же самое можно сказать и о комментарии. М.Л. Гаспаров отмечает, что нейтрального комментария, как и нейтрального перевода не существует: перевод начинает интерпретацию текста, комментарий ее продолжает [Гаспаров, 2004, с. 74].

В связи с этим можно говорить о том, что переводческий комментарий, с одной стороны, помогает читателю лучше понять произведение автора, а с другой, - изменяет исходный текст, так как в нем отражается субъективная оценка переводчика.

На наш взгляд, переводческий комментарий действительно является одним из основных способов компенсации смысловых потерь при переводе. Лучше использовать затекстовый комментарий, чтобы не перегружать страницы переводного произведения, что может быть неудобно для читателя; можно использовать и подстрочный комментарий. В этом случае не стоит забывать об объеме комментария, вносить в него только те аспекты, которые могут помочь иностранному читателю лучше понять культурный фонд определенного лингвокультурного сообщества. Однако, как отмечает О.И. Костикова, «вопрос о том, следует ли отдавать приоритет автору текста и воссоздавать в переводе язык и атмосферу той эпохи, в которую он писал, или же, напротив, обратиться к “целевому” читателю и создать произведение, при прочтении которого современники не будут испытывать трудности (“прекрасные неверные”), остаётся открытым» [Костикова, 2010, с. 43].

Список литературы:

- Булгаков М.А.* «Мастер и Маргарита: Роман» / – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
- Гарбовский Н.К.* Новый перевод: свобода и необходимость // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2011. — № 1. — С. 3–16.
- Гарбовский Н.К.* О переводе (монография). — Форум Москва, 2016.
- Гаспаров М.Л.* Ю.М. Лотман и проблемы комментирования // Новое литературное обозрение. – М.: Новое издательство, 2004. – № 66. – С. 70–74.
- Есакова М.Н.* Ситуативные реалии как переводческая проблема (на материале текстов произведений М. Булгакова и их переводов на французский язык) //Булгакова и их переводов на французский язык: дис. канд. филол. наук. – 2001. – Т. 205
- Костикова О.И.* Лингво-культурологические аспекты переводческого комментария // Язык и культура. Лингвистика, поэтика, сравнительная культурология, теория перевода / Под ред. Н. К. Гарбовский. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. — С. 132–145.
- Костикова О.И.* Переводческая критика: «прозрачность» vs «зеркальность» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 3.
- Соколов Б.* Расшифрованный Булгаков. Тайны «Мастера и Маргариты». – Litres, 2018. [Электронный ресурс].
- The Master and Margarita by Mikhail Bulgakov, from the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny [Электронный ресурс] – 1967. - Режим доступа: http://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/eben001_mastermargarita_glenny.pdf
- The Master and Margarita by Mikhail Bulgakov. English translation and notes by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky [Электронный ресурс] – 2008. - Режим доступа: www.paskvil.com/file/files-books/bulgakov-master-and-margarita.pdf

Манолопулу П.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Manolopulu Paraskevi
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДИМОСТИ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ДВОЙНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ В РУССКОМ И ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКАХ

PROBLEMS OF TRANSLATABILITY OF VERBAL NOUNS WITH DOUBLE CONTROLS IN RUSSIAN AND GREEK LANGUAGE

В данном докладе рассматривается проблема отглагольных существительных с двойным управлением с русского языка на греческий. В частности, даётся сравнительно-сопоставительный анализ переводческих стратегий при переводе отглагольных существительных с двойным управлением с русского на греческий. Главное внимание обращается на классификацию русских отглагольных существительных в соответствии с падежами, которыми они управляют; сопоставляются примеры их употребления в русском и греческом языках. Сделаны выводы об адекватности перевода русских отглагольных существительных на греческий язык. Данная работа может быть интересна и полезна преподавателям русского и греческого языка, переводчикам-лингвистам, этнолингвистам и культурологам.

This report addresses the problem of verbal nouns with double control from Russian into Greek. In particular, a comparative analysis of translation strategies is provided when translating double-control verbal nouns from Russian into Greek. The focal point is given to the classification of Russian verbal nouns in accordance with the cases that they control; examples of their use in Russian and Greek are compared. Conclusions about the adequacy of the translation of Russian verbal nouns into Greek are made. This work can be of interest to teachers of Russian and Greek, linguistic-translators, ethno-linguists and culturologists.

Ключевые слова: существительное с двойным управлением, глагольная группа, прямой объект, косвенный объект, словосочетание.

Keywords: verbal noun with double control, verb groups, directs object, indirect object, prepositional object.

Изучение иностранного языка всегда лежит в сфере интересов человека. Они являются средством общения людей друг с другом. Это инструмент, с помощью которого два народа могут общаться и понимать друг друга. Благодаря изучению иностранного языка можно познакомиться с разными культурами и разными типами обществ. Тема русско-греческих связей и сходства между этими двумя странами вызывает интерес к обсуждению и исследованию. Так многие учёные-лингвисты, работая с русским и греческим языками, изучали их в разных аспектах и с разных точек зрения. Были отмечены не только общие черты, но и различия, как в грамматике, так в синтаксисе и морфологии.

Статья на тему: «Проблемы переводимости отглагольных существительных с двойным управлением в русском и греческом языках». Она представляет собой анализ проблема отглагольных существительных с двойным управлением с русского языка на

греческий. Особенно, даётся сравнительносопоставительный анализ переводческих стратегий при переводе отглагольных существительных с двойным управлением с русского на греческий.

Статья состоит из трёх частей: Она начинается с определением термина «отглагольное существительное» в русском языке, с подкатегориями русских отглагольных существительных, потом описываются русские глаголы с двоиным управлением, где конкретно анализируются все комбинации падежей глаголов с двойным управлением и заканчивается с попыткой перевести русских отглагольных существительных с двойным управлением на греческий язык.

В данной работе автор дает определение и обобщенную характеристику термина «отглагольные существительные». Они определяются как существительные, образованные от глагольных основ и обозначающие опредмеченное действие (состояние, процесс), т.е. представляющие его в отвлеченном смысле. Это особый вид существительного, характерный для многих языков. В русском языке, это такие существительные как игра от (играть), собрание от (собирать) и другие. Эти сущесвительные образуются либо путем усиления (игра-играть), либо суффиксальным способом (собрание- собирать).

Далее автор уточняет, какие категории отглагольных существительных в русском языке. Они образуются:

а) безаффиксным способом словообразования: ввоз, взмах, вывоз, заплыв, нагрев, накал, обжиг, обмолот, отлов, отстрел, подрыв, провоз, прогул, прокат, распада

б) суффиксальным способом словообразования: арендавание, барахтанье, блуждание, бурение, возвращение, высказывание, награждение, овладение, оказание, окончание, появление, приобретение, разбрасывание, управление, установление (с суффиксами -ни-е (-нь-е), (-ани-е, -ени-е), бритье, вздутие, взятие, закрытие, мытье, нажатие, развитие (с суффиксом –ти-е –ть-ё) — малопродуктивным); варка, клейка, возка, заливка, заправка, засолка, кройка, прокладка, проходка, разбивка, чистка, читка (с суффиксом –к -а); грабеж, дележ, платеж (с суффиксом -ёж-); бомбежка, дележка, зубрежка, кормежка (с суффиксом -ёжк-а); молотьба, пальба, резьба, стрельба, ходьба (с суффиксом -б-а). Отглагольные существительные широко используются во всех стилях речи.

Таким образом, в категории суффиксального способа словообразования есть подкатегории. Они всего 14: Отглагольные существительные на: -ала, -ание, -ация, -ба, -ение, -ище, -ка, -ля, -ня, -ок, -ство, -тва, -тель, -яние.

Подводя итоги небольшого анализа глаголов с двойным управлением в русском языке, приводится к следующему выводу. Глаголы с двойным управлением в русском языке

разделены на 3 большие группы и включают большой объем глагольных фраз, состоящих из двух дополнений. Отмечается большое разнообразие падежных комбинаций в зависимости от группы глаголов и семантического значения глагола. Таким образом, мы выделяем следующие категории:

Беспредложное двойное управление: Управляемыми падежами при беспредложном двойном управлении могут быть падежи: а) вин. и дат.; б) вин. и тв.; в) род. и тв.; г) дат. и тв.

Беспредложно-предложное двойное управление. В этом виде двойной связи первый управляемый падеж является беспредложным, второй имеет предлог. Связи здесь очень разнообразны - около 10 разновидностей.

Предложное двойное управление. При двойном предложном управлении глагол управляет одновременно: 1) род. п. и другим косвенным падежом (дат. п., вин. п., предл.п.); 2) тв. п. и другим косвенным падежом (вин.п., предл.п.).

Вышеприведенный анализ помогает нам лучше понять систему снижения глаголов русского языка и является инструментом анализа отглагольных существительных при их переводе в русском и греческом языках.

Затем, через преобразования предложений, содержащих глаголы с двойным управлением, на отглагольные существительные с двойным управлением, были переведены на греческий язык и рассмотрены трудности в процессе перевода и несоответствие этого явления в другом языке:

Адвокат объяснил ситуацию своему клиенту. // Объяснение ситуации клиенту адвокатом. (= Ο δικηγόρος εξήγησε την κατάσταση στον πελάτη του. // Η εξήγηση της κατάστασης στον πελάτη από τον δικηγόρο.)

Профессор решал математические упражнения Марии. // Решение математических упражнений Марии профессором. (= Ο καθηγητής έλυσε τις ασκήσεις μαθηματικών στη Μαρία. // Η λύση των μαθηματικών ασκήσεων της Μαρίας από τον καθηγητή.)

Психолог ответил своему пациенту на все вопросы. // Ответ на все вопросы пациенту психологом. (= Ο ψυχολόγος απάντησε στον ασθενή του σε όλες τις ερωτήσεις. // Η απάντηση σε όλες τις ερωτήσεις στον ασθενή από τον ψυχολόγο.)

Жена быстро согрела еду своему мужу, чтобы идти на работу. // Согревание еды мужу женой, чтобы идти на работу. (= Η σύζυγος ζέστανε γρήγορα το φαγητό στον άντρα της, για να πάει στη δουλειά. // Το ζέσταμα του φαγητού στον άντρα από την σύζυγο, για να πάει στη δουλειά.)

Адвокат предупредил своего клиента о санкциях. // Предупреждение о санкциях клиенту адвокатом. (= Ο δικηγόρος προειδοποίησε τον πελάτη του για τις κυρώσεις. // Η προειδοποίηση στον πελάτη για τις κυρώσεις από τον δικηγόρο.)

Я поддержал свою подругу в её решении. // Поддержка свою подругу в её решении. (=Υποστήριξα την φίλη μου στην απόφαση της. // Η υποστήριξη στην απόφαση της φίλης μου.)

Португалия будет извлекать выгоды от этого соглашения. // Извлечение выгоды от этого соглашения из Португалии. (=Η Πορτογαλία θα επωφεληθεί από τη συμφωνία αυτή. // Το όφελος της Πορτογαλίας από τη συμφωνία αυτή.)

Спасательная команда восходила на гору со специальным и оборудованием. // Восхождение спасательной команды на гору со специальным оборудованием. (=Η ομάδα διάσωσης κατέβηκε το βουνό με ειδικό εξοπλισμό. // Η κατάβαση του βουνού με ειδικό εξοπλισμό από την ομάδα.)

Владимир помогает Марине по дому. // Помощь Владимира Марине по дому. (= Ο Βλαδιμίρ βοηθάει τη Μαρίνα στο σπίτι. // Η βοήθεια του Βλαδιμίρ στην Μαρίνα με το σπίτι.)

Она поблагодарила свою соседку за её помощь. // Благодарность соседку за её помощь. (= Ευχαρίστησε την συγγάτοικό της για την βοήθειά της. // Η ευγνωμοσύνη στην συγγάτοικο για την βοήθειά της.)

В заключение нашего исследования и после этого анализа и перевода отглагольных существительных на русском и на греческом языках мы можем необходимо подчеркнуть следующие: в первых, глагол в русском языке преобразуется в основном в именительном падеже и прямой объект в родительном падеже и пишется после отглагольного существительного. С другой стороны, косвенный объект остается как есть и не изменяется. Далее, субъект становится причиной и тогда используется творительный падеж. В то же время то же самое происходит в греческом языке с прямым и косвенным объектом. Только несколько раз меняется одно из двух во имя праведности, в то время как объяснение причины на греческом языке появляется с словосочитанием.

Метрели М. Г.
Телавский государственный университет имени Я. Гогешвили
г. Телави (Грузия)

Metreveli Medea
Ya. Gogebashvili Telavi State University
Telavi (Georgia)

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАВИСИМОСТИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ОТ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРЕВОДЧИКА

RESEARCH OF DEPENDENCE OF SEMANTIC TRANSFORMATION ON PERSONAL CHARACTERISTICS OF THE TRANSLATOR

В результате наших исследований, мы можем предполагать, что значения в речи автора и в переводе переводчика не тождественны. И вызвано это не только тем, что автор и переводчик являются представителями разных культур, но и тем, что каждому из них присущи разные психологические характеристики. Мы постарались выявить взаимосвязь между семантическими трансформациями, возникающими при переводе и индивидуальным сознанием переводчика. Экспериментально было проверено, как зависят семантические трансформации от личностных характеристик переводчика. В экспериментах, которые проводил и мы во время исследования, принимали участие профессиональные переводчики синхронисты. Все они действовали по одной схеме и выбирали из всех способов перевода те, которые были близки к вербализации их субъективного восприятия мира. В данной работе мы попытались выяснить, как соотносится результат перевода с личностью переводчика.

Цель нашего исследования — выявить взаимосвязь между семантическими трансформациями, возникающими при переводе и индивидуальным сознанием переводчика.

Объект исследования - переводы художественной литературы, синхронные переводы: грузинско-русские, русско-грузинские, русско-итальянские, итальянско-русские, грузинско-итальянские, итальянско-грузинские.

Предмет исследования – семантические трансформации, которые протекают при переводе.

Материал – переводы художественной литературы, записи синхронных переводов разной тематики.

The purpose of our study is to reveal the relationship between the semantic transformations that arise in the translation and the individual consciousness of the translator.

The object of the research is translations of fiction, simultaneous translations: Georgian-Russian, Russian-Georgian, Russian-Italian, Italian-Russian, Georgian-Italian, Italian-Georgian.

The subject of the research is the semantic transformations that occur during the translation.

Material - translations of fiction, records of simultaneous translations of different subjects. We came to the conclusion: the result of translation is correlated with the personality of the translator.

We can assume: meanings in the author's speech and in the translation of the translator are not identical. Author and translator are representatives of different cultures; each of them has different psychological characteristics. We identified the relationship between semantic transformations and the individual consciousness of the translator. We checked experimentally, how semantic transformations depend from personal characteristics of the translator. In the experiments participated professional interpreters. All of them acted according to the same scheme: they chose those methods of translation, which were close to the verbalization their subjective perception of the world.

Ключевые слова: психолингвистика, перевод, речь, коммуникация, культура, переводчик, синхронный, семантические трансформации, психологический.

Key words: psycholinguistics, translation, speech, communication, culture, translator, synchronous, semantic transformations, psychological.

Значения «живут двойной жизнью» (как говорил А.Н. Леонтьев). С одной стороны, они входят в социальный опыт или социальную память общества, с другой, составляют

неотъемлемую часть внутреннего, психологического мира каждой отдельной личности [Леонтьев, 1993, с.17].

В результате наших исследований, мы можем предполагать, что значения в речи автора и в переводе переводчика не тождественны. И вызвано это не только тем, что автор и переводчик являются представителями разных культур, но и тем, что каждому из них присущи разные психологические характеристики.

Цель нашего исследования — выявить взаимосвязь между семантическими трансформациями, возникающими при переводе и индивидуальным сознанием переводчика.

Объект исследования - переводы художественной литературы, синхронные переводы: грузинско-русские, русско-грузинские, русско-итальянские, итальянско-русские, грузинско-итальянские, итальянско-грузинские.

Предмет исследования – семантические трансформации, которые протекают при переводе.

Материал – переводы художественной литературы, записи синхронных переводов разной тематики.

Методы исследования:

Тестирование записей перевода с помощью компьютерной системы ВААЛ.

Метод сопоставительного анализа записей речи автора и записей перевода.

Оценочный метод - анализ записей, которые содержат вербальные репрезентации картины мира автора речи и переводчика.

Задачи исследования:

Проверить экспериментом как зависят семантические трансформации от личностных характеристик переводчика в записях переводов.

Сделать анализ записей автора и записей перевода и установить, соответствуют ли их психологические содержания и реализации определенных когнитивных структур в них.

Развитие широкой исследовательской деятельности в сфере перевода начинается после создания ООН и Лиги Наций. В это время происходит развитие и увеличение дипломатических контактов, следовательно, становится необходимо перевести огромное количество материалов. Это, в свою очередь требует подготовку высококвалифицированных переводчиков. Естественно, создаются специальные школы. После этого начинается бурное развитие переводческой науки.

А.А Залевская в своей книге «Введение в психолингвистику» пишет, что «Психолингвистика появилась параллельно с рядом других наук, получивших сложные

названия из двух, а иногда и трёх компонентов, что отвечало актуальности разработки комплексного подхода в целях объяснения фактов, не поддающихся интерпретации в рамках одной из контактирующих дисциплин» [Залевская, 2007, с. 9].

А.А. Леонтьев считает, что «Психолингвистика возникла в связи с необходимостью дать теоретическое осмысление ряду практических задач, для решения которых чисто лингвистический подход, связанный с анализом текста, а не говорящего человека, оказался недостаточным» [Леонтьев, 2003, с. 404].

В центре внимания психолингвистики и переводоведения фигурируют вопросы, связанные с говорящим человеком и языком. Объектом теории перевода является перевод, как особый вид речевой деятельности, а объектом психолингвистики является речевая деятельность. Исходя из этого, задачи этих дисциплин часто и во многом пересекаются. Таким образом, можно сказать, что эти науки развиваются параллельно. И сегодня учёные уже исследуют смежные задачи и ищут ответы на вопросы, которые являются близкими по проблематике. Вопросы, которые рассматриваются в психолингвистике, а именно теория речевой деятельности, актуальны и для науки о переводе. В это время на первый план выходят понятия: «языковая способность» и «языковая активность», «порождение и восприятие речи», «межкультурная коммуникация» и «фоновые знания», «языковая личность» и «образ мира», и т.д.

Для развития науки о переводе очень большое значение имеют психолингвистические исследования о том, как протекают речемыслительные процессы, что происходит во время порождения и восприятия речи, какие трансформации протекают на глубинных и поверхностных уровнях и т. д.

В переводоведении под влиянием психолингвистического подхода была создана теория эквивалентности, которая ставит изучение основ перевода за традиционно-лингвистические рамки. Сегодня современных лингвистов интересуют целостные и осмысленные тексты, а не фонетические, грамматические, лексические языковые средства. В современной теории перевода текст рассматривается как сложное структурное и содержательное целое, которое во время перевода сохраняется и воспроизводится в тексте перевода.

Современная теория перевода рассматривает перевод, как и язык, как средство общения, и называет эту теорию коммуникативной моделью перевода. Здесь уже явно заметно влияние психолингвистических понятий, таких, как «речевая коммуникация», «речевая деятельность» и т.д.

Каждая из контактирующих в переводе языковых сообществ имеет свою культуру. Межкультурная компетенция предполагает знание этих культур. Переводчик должен обладать умением не просто понимать и интерпретировать смысл оригинала, но также учесть конкретную ситуацию общения, и таким образом построить содержание текста в переводе.

С точки зрения психолингвистики переводчик, с одной стороны должен точно передать смысловые оттенки исходного текста, а с другой стороны должен осознать, что он сам находится в определённом смысловом поле, в пределах своей индивидуальности и своей культуры. Предметная компетенция позволяет переводчику сделать авторскую интерпретацию описываемой предметной ситуации.

С психолингвистической точки зрения перевод является не просто лингвистическим или культурным явлением, не только особой психической или мыслительной деятельности субъекта, а представляет сочетание всех этих факторов. Это речемыслительный процесс, который изучается в психолингвистике.

Мы исследуем эти процессы в продолжение многих лет. Идея нашей работы заключается в нахождении способов, при помощи которых будет возможно в основе процесса машинного перевода положить механизмы, разработанные на основе результатов исследования отношений на уровне глубинных структур предложений.

Порождению этой идеи способствовали две причины:

1. Именно глубинная структура предложения содержит обязательную информацию для семантической интерпретации. Она содержит не только предполагаемые значения слов, но и глубинные взаимоотношения между логического субъекта и логического объекта.

2. Взаимоотношения в глубинных структурах являются универсальными для всех языков. Соответственно, предложение на первом языке нужно перевести в свою глубинную структуру, потом автоматически, при помощи языковых универсалий, перенести эти взаимоотношения в эквивалентную глубинную структуру второго языка, и наконец, сформировать соответствующую поверхностную структуру. Так мы можем избежать трудностей, которые связаны с существующим различием между поверхностными структурами разных языков.

Задача исследования заключается в том, чтобы найти те методы и средства, при помощи которых будет возможен переход с одной структуры на другую и сделать процесс таких трансформаций возможным. Мы продолжаем исследования в это направлении. Работая над этими вопросами, мы исследовали также интересные случаи билингвизма, так как исследование владения двумя языками и исследование процессами, которые протекают

в сознании билингвов имело большое значение для наших основных исследований в сфере перевода. И нужно сказать, что билингвы не способны переводить синхронно. Это отмечают многие ученые. Например, известный ученый, психолингвист Татьяна Чернигорская. Она говорит о запрете на взятие билингвов в качестве синхронных переводчиков, так как у них нет адекватной дистанции между языками, а синхронный перевод - это молниеносное переключение с одного языкового кода на другой. Вот ее слова: «Я видела картинки, которые показывают функционально-магнитный резонанс во время синхронного перевода. То есть голова человека во время синхронного перевода. Я вообще не понимаю, почему он жив, этот человек. Там просто горит-полыхает весь мозг. По сложности и стрессорности это работа близкая к предельной. Это очень быстрое переключение кодов. Еще одна интересная вещь, профессиональные синхронисты эту работу проделывают фактически в сомнамбулическом состоянии. Я специально опрашиваю: «А про что переводили сейчас?». И очень высокий процент ответов: «Ой, не знаю даже, про что». Причем речь идет об очень высоком классе переводчиков. Как только они начинают задумываться [о сути переводимого материала], они проваливают эту историю, потому что скорость: сознание не может за такой скоростью успеть».

В качестве действий в переводе рассматриваются способы представления смыслов языковыми выражениями. Автор фиксирует свои личностные смыслы посредством языкового выражения, а переводчик порождает свои личностные смыслы на основе интерпретации представленных в тексте конвенциональных языковых единиц. Каждый раз в процессе интерпретации порождается «свой» уникальный текст. Этот текст связан с оригиналом инвариантным смыслом, но в нем присутствуют оттенки профессиональных и личных качеств переводчика. Хорошо виден и результат избранных переводчиком приоритетных переводческих тактик и стратегий.

В переводоведении обязательно надо использовать исследовательские приёмы психолингвистики. Это очень полезно во время исследования таких тем, как знак, концепт, адекватность, эквивалентность и т. д.

Процесс восприятия и понимания текста с психолингвистической точки зрения представляет собой иерархическую систему, где в тесной взаимосвязи выступают низший, сенсорный, и высший, смысловой, уровни.

Реальный процесс понимания текста не совпадает с тем порядком, в котором поступает информация.

В современной лингвистике допускается вариативное восприятие одного и того же текста различными реципиентами. Это явление объясняется несколькими

психологическими причинами. Это проявления мотивационной, когнитивной и эмоциональной сфер личности: степень концентрации внимания на воспринимаемой информации, эмоциональный настрой в момент восприятия текста; и т. д. Во время осмысления текста индивид опирается на схемы знаний о мире.

О.С. Зорькина считает, что необходимо отдельно выделить психофизиологические особенности индивида, воспринимающего текст: его пол и возраст. Половые и возрастные особенности определяют наличествующую у человека картину мира, от которой и зависят различия в восприятии и трактовке содержательных компонентов текста [Зорькина, 2003, с. 207].

Белянин выделяет два типа читателей художественных текстов. Реципиенты первого типа интерпретируют текст в пределах авторской концепции. Эта концепция определяется самим текстом. В этом случае проекция текста, выстроенная реципиентом, максимально приближена к смыслу, вложенному в текст его автором. Для второго типа реципиентов исходный текст является лишь толчком к порождению собственных мыслей, связанных с темой текста. Такой читатель заменяет текст автора собственным текстом, достаточно удалённым от значения текста-эталона [Белянин, 1988, с. 74]. В. П. Белянин представляет психолингвистическую типологию художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте [Белянин, 2000, с. 53]. Организует центра текста его эмоционально-смысловая доминанта – «система когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для определённого типа личности и служащих психологической основой ... вербализации картины мира в тексте» [Белянин, 2000, с. 54].

Поэтому, создавая текст, человек, обладающий определённым типом акцентуированного сознания, описывает действительность через призму своих собственных представлений о ней. При этом он использует такие элементы языка, которые имеют для него личностный смысл. Что касается восприятия и понимания определённых типов текстов, то наиболее адекватно смысл текста интерпретируется тем индивидом, психологическая структура сознания которого максимально приближена к психологическим особенностям личности автора.

Очень интересно, изучение синхронного перевода с точки зрения психолингвистики. Особенно нужно отметить, что во время синхронного перевода процесс восприятия исходного сообщения и порождения текста перевода протекает одновременно. Поэтому синхронный перевод самый сложный вид перевода. Некоторые ученые считают, что хорошие синхронисты переводят не через мышление, т.е. анализа и синтеза, а через условные рефлексy, т.е. «стимул – реакция». Но, как подтверждают наши исследования,

это не совсем так. В процессе синхронного перевода главную роль играет именно мышление.

А.Ф. Ширяев создал психолингвистическую модель синхронного перевода, где каждое действие состоит из трех фаз: фазы ориентирования и поиска решения, фазы осуществления и фазы контроля. [Ширяев, 1979, с. 16].

В первой фазе действия в своем сознании переводчик строит вероятностную модель ораторской речи. С этого момента, когда оратор начинает говорить, переводчик собирает информацию для поиска решения. Потом происходит идентификация исходного отрезка, и переводчик выбирает решения из заранее заготовленных. Но в том случае, когда прогноз окажется не точным, на основе своего опыта и знаний переводчик ищет решения.

Во второй фазе действия происходит завершение порождения текста на языке перевода. Эти фазы (первая и вторая) скоротечны. Продолжительность этих фаз исчисляется несколькими секундами.

В третьей фазе переводчик оценивает правильность перевода. Слушание и говорение во время синхронного перевода составляют единое целое и одновременно как бы мешают друг другу. Происходит одновременное восприятие и порождение речи. По мнению некоторых авторов, эта одновременность обеспечивается механизмом вероятностного прогнозирования. Это значит, что во время слушания у переводчика рождается гипотеза о смысловом завершении намерений говорящего. Этот процесс протекает на основе подсознательной субъективной оценки вероятностей. Переводчик также проверяет вероятность синтаксических структур и лексических средств.

Б. Штайер предполагает, что смысловая гипотеза не может являться основным рычагом в механизме синхронного перевода. Он признаёт, что «проектирование» имеет место в отношении структуры предложения. В создании механизма синхронизации также участвует речевая компрессия – способ уменьшения текста, т.е. опущение избыточных элементов высказывания. Каждое высказывание имеет ядро, несущее основную информацию. Во время речевой компрессии в переводе сохраняется именно это ядро, а другие детали теряются вовремя перекодирования. В первую очередь, устраняется информация, восполняемая экстралингвистической ситуацией общения. Потом устраняются дубликаты предшествующих высказываний. И, наконец, устраняются эпитеты, причастные обороты, формулы вежливости, отступления от темы, собственные имена, даты и числовые данные.

При компрессии большое значение имеет слуховые узнавания речевых образов.

Во время перевода в узнавании речевых сигналов на исходном языке использование переводчиками речедвигательного анализатора чрезвычайно ограничено. Переводчики используют новый субъективный код, который формируется в результате тренировки. Этот код функционирует на основе узнавания слов и словосочетаний только на основе слуховых образов, без артикуляционного воспроизведения. Переводчики удерживают в сознании полученную информацию в виде слуховых и зрительных ощущений. В это время некоторые переводчики используют микропаузы в собственной речи для восприятия некоторых фрагментов слов на исходном языке.

Во время перевода во взаимодействие вступают целостные, организованные системы информации, в которых отражаются особенности национального мировоззрения и индивидуально-авторской картины мира. При переводе с одного языка на другой, например, с грузинского на русский, происходит взаимное наложение картин мира грузинского языка (языка оригинала) и русского языка (языка перевода). Они одновременно взаимно проникают друг в друга и взаимно влияют друг на друга. Результатом их взаимодействия будет вариант перевода, репрезентирующий своеобразие картины мира, изображённой в подлиннике, и в тоже время хранящий элементы, присущие картине родного для переводчика языка.

Таким образом, переводной текст является по существу результатом «пере-восприятия», а переводчик выступает в роли посредника в диалоге культур [Проценко, 2005, с. 124]. С. Саворнин в статье «Traduire l'intraduisible après les postcolonial studies», подчеркивает, что «... процесс перевода, оставаясь творческим процессом, кроме тесных связей между языками и культурами требует лингвистической компетенции. Он играет важнейшую роль в создании идентифицирующих конструкций, но также требует со стороны переводчика осознания ответственности этой роли, наравне с разработкой и внедрением этики в практику перевода» [Savornin, электронный ресурс].

Основным инструментом межкультурной коммуникации считается иностранный язык, а через перевод осуществляется взаимодействие языков и культур. Переводчик является бикультурным медиатором, который помогает в общении представителям двух языковых картин мира, отправителям и получателям речи.

Часто возникает противоречие между оригиналом и переводом из-за различия между культурой отправителя и культурой воспринимающей среды, в которой осуществляется перевод. И мастерство переводчика, как языковой личности проявляется в умении искусно и точно сблизить две различные культуры, два различных языка. Для этого переводчику нужны такие когнитивные компетенции, как понимание авторской смысловой программы

текста, рефлкторная способность и интерпретативная готовность переводчика как медиатора культур.

Выводы:

1. В экспериментах, которые проводил и мы во время исследования, принимали участие профессиональные переводчики синхронисты. Все они действовали по одной схеме и выбирали из всех способов перевода те, которые были близки к вербализации их субъективного восприятия мира.

2. В результате исследований было выявлено, что лексико-семантические трансформации во многом зависят от личностных характеристик переводчика.

3. Перевод, как специфический вид речевой деятельности, нуждается в посреднике. Психологические характеристики автора и посредника могут отличаться.

4. У переводчика есть свои особенности представления картины мира, которые вербализуются в тексте. Они проявляются в семантических трансформациях. То, что эти трансформации есть в тексте перевода, нельзя объяснить только тем, что в системы исходного языка и языка перевода различны.

5. Синхронный перевод, как и другие виды перевода, имеет интерпретативный характер, который обусловлен различным эмоциональным отношением переводчиков к описываемой в речи автора ситуации.

6. Когда личностные доминанты автора и переводчика не совпадают, происходит изменение эмоционально-смысловой доминанты перевода и пересказа.

7. В речи переводчика доминанта перевода сохраняется, но речь приобретает новые смысловые оттенки. Это значит, что можно говорить о вторичной эмоционально-смысловой доминанте, т.е. о доминанте перевода.

8. С установкой личности переводчика коррелируют синтаксические трансформации. Экстравертной установке соответствует замена статических элементов динамическими, а интровертной установке соответствует замена динамических элементов статическими.

Список литературы:

- Белянин В. П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. //М.: Изд-во МГУ, 1988. 123 с.
- Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики (модели мира в литературе). //М.: Тривола, 2000. 248

- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику: Учебник. 2-е изд. испр. и доп. //М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2007. – 560 с.
- Зорькина О.С.* О психолингвистическом подходе к изучению текста // Язык и культура. 2003. С. 205–210
- Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. - С. 16-21
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – 3-е изд. // М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. – 287 с.
- Проценко Е.А.* Возможна ли репатриация при переводе? // Вестник ВКУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005. №2, С. 124–128.
- Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. // М.: Воениздат, 1979. — 183с.
- Savornin S. Traduire l'intraduisible après les postcolonial studies [Электронный ресурс] // URL: <http://e-lla.univprovence.fr/pdf/article5.pdf>

Микадзе М. Г.
Госуниверситет им. Акакия Церетели
г. Кутаиси (Грузия)

Mikadze Manana
Akaki Tsereteli State University
Kutaisi (Georgia)

ГРУЗИНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО (ЯЗЫКОВОЙ АНАЛИЗ)

GEORGIAN TRANSLATIONS OF POETRY BY VLADIMIR MAYAKOVSKY (LINGUISTIC ANALYSIS)

Перевод как акт межъязыковой и межкультурной коммуникации имеет огромное социальное значение. Он всегда был в центре внимания. Много разных идей было высказано в недавно опубликованных специальных исследованиях. Для некоторых исследователей наиболее важным моментом при выполнении перевода является хорошее знание литературы, для других лингвистические методы кажутся более ценными. Д. Панджикидзе утверждает, что важнейшим фактором перевода являются эстетические ценности оригинального текста. Мы считаем, что оба момента имеют жизненно важное значение. Хотя они тесно связаны друг с другом, они также могут быть разделены.

Мы можем столкнуться с некоторыми трудностями при переводе текста с одного языка на другой. Грузинский перевод, конечно же, по-своему оригинален благодаря своей структуре и некоторым особенностям. Переводчик должен поддерживать естественную структуру языка, и это может быть достигнуто только путем сохранения определенных грамматических характеристик языка, что представляется довольно сложным.

Переводчик должен учитывать тот факт, что язык художественной литературы основан на литературном языке, и при переводе очень важно попытаться найти эмоциональные эквиваленты в целевом языке.

Стихи В. Маяковского – лучший пример взаимосвязи человеческой жизни и некоторых психологических моментов. Читатель долгое время находится под впечатлением его стихотворений как ценных произведений искусства.

Стихи В. Маяковского переведены на грузинский язык В. Гаприндашвили, Г. Гачечиладзе, Д. Гачечиладзе, В. Джавахадзе, В. Челидзе, И. Абашидзе, В. Патаридзе, Т. Джангулашвили, показавшим хороший вкус в литературе. У переводчика невозможно всегда иметь все готовые материалы, фразы и термины, независимо от того, насколько богат и хорошо разработан целевой язык.

Translation, as the act of interlinguas and cultural communication, is of greatest social importance. This kind of importance has always been in the centre of attention. Many different ideas have been expressed in recently published special researches. For some researchers the most important point while doing a translation is a good knowledge of literature, for some, on the other hand linguistic methods seem to be valuable. D. Pandjigidze claims that the most important factor of translation is aesthetic values of the original text. We consider both of them to be of vital importance. Though they are closely linked with each other, they can also be separated.

We might face some difficulties while rendering the text from one language into another. Georgian translation, of course, in its own way is original due to its structure and some specific features. The translator should manage to maintain the natural structure of the language and this can only be achieved by preserving the specific grammatical characteristics of the language, which seems to be quite difficult.

The translator should take into consideration the fact that the language of fiction is based on literary language and when translating it is very important to try to find the emotional equivalents in the target language.

Poems of V. Maiakovsky is the best example of interconnection between the human life and some psychological moments. The reader is under the poem's impression for a long time and that means that it is a valuable work of art.

Poems of V. Maiakovsky was translated on Georgian language V. Gaprindashvili, G. Gachechiladze, D. Gachechiladze, V. Javakhadze, V. Chelidze, I. Abashidze, V. Pataridze, T. Djangulashvili and it is a good

taste in literature. The translator is impossible always to have all the readymade materials, phrases and terms, no matter how rich and well developed the target language is.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, эстетическая ценность оригинального текста, лингвистическая культура, поэзия Маяковского.

Keywords: cultural communication, aesthetic values of the original text, linguistic culture, poetry V. Mayakovsky.

Поэзия Владимира Маяковского занимает почетное место среди грузинских переводов. Этому способствовало не только то, что В. Маяковский, будучи русской языковой личностью, ощущал себя в иноязычной (грузинской) среде как в родной, но и тот факт, что в селе, где он родился, в течение долгих лет отмечались Дни поэзии Маяковского, в которых участвовала элита советской поэзии.

Современная грузинская литературная критика дала вполне справедливую оценку переводческой деятельности В. Гаприндашвили, Г. Гачечиладзе, И. Абашидзе, В. Джавахадзе, Д. Гачечиладзе, В. Челидзе, М. Патаридзе, В. Лаперашвили, Х. Бериулава, Т. Джангулашвили. Наш интерес вызывает один из аспектов их творчества - переводы произведений Маяковского с точки зрения их языково-стилистических особенностей.

В. Маяковский - один из основоположников и лучших представителей советской литературы XX века, произведения которого, переведенные на многие языки, вовлекли читателей в духовный мир поэта. Природа его стихов многогранна, его психологические переживания глубоки, однако творчеству его свойственно иронически-критическое отношение ко всему, пропущенное через эмоции, - все это показывает бессознательный бунт поэта-революционера против существующего мира. Необычайная нежность заключена в слове поэта. Именно этим словом он бросает вызов всему земному шару.

Способности к переводу чрезвычайно специфичны и редки; благодаря им переводчик проникает в глубь произведения, в мысли и чувства чужой для него языковой личности и переносит их в свою национальную среду, пытаясь донести все это до своего читателя (другой языковой личности) так, чтобы все это имело бы определенную ценность во всех отношениях: художественном, эмоциональном, интеллектуальном и т.п. При этом необходимо по возможности сохранить и перенести в иной художественный и языковой мир стиль писателя или поэта, поскольку каждый художник имеет свой собственный стиль, который и отличает его. В то же время автор для каждого произведения создает отдельную стилистическую систему. Если переводчик не сумеет заметить это, если он не сумеет почувствовать стиль оригинала, он не будет истинным творцом, истинным переводчиком. В особенности это касается переводчиков поэтических произведений, ведь на другой язык надо перенести не только мысль, но и ритм стиха, его ритмику и т.д.

Каким бы богатым и развитым ни был язык инонациональной среды, у переводчика не может быть готового языкового материала (лексического, грамматического и т.п.), и это понятно. Рассмотрим, как используют переводчики творчества В. Маяковского стихотворные формы, подходящие и естественные для грузинского языка:

Уходите, мысли, восвояси.
Обнимись,
души и моря глубь.
Тот,
кто постоянно ясен, -
тот, по-моему,
просто глуп.
("Домой!")

"Sinisken gaswieT,
fiqrebo Cemo,
sulo,
zRvis siRrmes gadaekone,
is,
vinc maradis martivad msjelobs,
me vfiqrob,
briyvia swored."

(Переводчик Д. Гачечиладзе)

Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.
Пустота....
Летите,
в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
(«Сергею Есенину»)

"rogorc ityvian,
miaSureT
Tqven im qveyanas -
sicariele...

varskvlavTa Soris
unda iqroloT.
iq ar iqneba avansebi,
da arc ludxana."

(Переводчик Д. Гачечиладзе)

Стержнем грузинского предложения является глагол, без которого почти невозможно выразить мысль на грузинском языке. Это прекрасно понимает переводчик стихотворения «Сергею Есенину» Д. Гачечиладзе, тщательно отбирающий особенно выразительные, экспрессивные глаголы:

"ara, esenin,
ar **dagcini**,
dacinvas, mtrobas
rogor **Segkadreb**,
roca yelSi
maxrCobs naRveli,
vxedav -
dadeq da
Tqveniv ConCxiT
avsebul tomars
Tqven **aqanavebT**
gaWril xelis asaхсахеbiT".

Трезвость.

Нет, Есенин,
это насмешка.

В горле
горе комом -
не смешок.

Вижу -
врезанной рукой помешкав,
собственных
костей
качаете мешок.

Двум глаголам из оригинала соответствует шесть глаголов в грузинском переводе.

"hei, gons **modiT**,

ras **CadixarT**,
rad **gindaT** xvedri,
e mag Rawvebis
sasikvdilo
carciT mferavi...
Tqven xom
usnaur iseT rames **gamoafrendiT**,
rom ver **SeiZlebs**
qveyanaze
imas veravin"

- Прекратите!

Бросьте!

Вы в своем **уме ли?**

Дать,

чтоб щеки

заливал

смертельный мел?!

Вы ж

такое

загибать **умели,**

что другой на свете не **умел.**

Семи глаголам из оригинала соответствует пять глаголов в грузинском переводе.

Настоящий переводчик вносит в развитие языка перевода большой вклад. Язык - это огромное богатство, сокровище, в котором переводчик ищет такие слова и выражения, которых в языке оригинала может и не быть.

Для В. Маяковского характерно создание окказиональных слов, новых понятий, ввод композитов, что осложняет перевод, поскольку используемый поэтом композит плохо усваивается грузинским языком. Не остается другого пути, композит следует разделить на части, но значение не должно быть утеряно. С этим прекрасно справляется В. Джавахадзе при переводе поэмы «Во весь голос»:

Уважаемые

товарищи потомки!

Роясь в сегодняшнем окаменевшем г...,

наших дней изучая потемки,

вы,

возможно,

спросите и обо мне.

И, возможно, скажет

ваш ученый,

кроя эрудицией

вопросов рой,

что жил-де такой

певец кипяченой

и ярый враг воды сырой.

(«Во весь голос». Первое вступление в поэму)

pativsemulo

amxanago STamomavlobav!

roca gaqeqavT

gaqvavebul nagavs dRevandels

da dReis dReze

wamoiwyebT gulwrfel saubars,

mec momikiTxavT,

kvals mohyvebiT

albaT Cemamdec,

swavluli Tqveni,

amomxsneli ZvelTa rebusTa,

Tavs ar SegawyenT,

ra Tqma unda,

bevri CiviliT,

ityvis, -

cxovrobda,

umReroda aduRebuls da

auduRari wyali sZulda

Savi WiriviT.

(переводчик В. Джавахадзе)

В. Маяковский - поэт будущего, его стихи, бесспорно, подтверждают это:

Для веселия

планета наша

мало оборудована.

Надо

вырвать

радость

у грядущих дней.

В этой жизни

помереть

не трудно.

Сделать жизнь

значительно трудней.

("Сергею Есенину")

"sasixarulos

cotas gvaZlevs

planeta vrceli,

unda movstacoT

sixaruli

myofads elvians.

Tavi moikla

схovrebaSi

ar aris Zneli,

схovreba Seqmna, _

gacilebiT

ufro Znelia".

Каждый перевод обогащает не только культуру, но и язык. Поэтому в последнее время большое внимание уделяется лингвостилистическому анализу переводной художественной литературы. Данному вопросу посвящено много исследований. Наша работа также служит этой цели. Действительно, грузинские переводы стихов В. Маяковского следует считать удачными.

Список литературы:

- Блок А.А., Маяковский В.В., Есенин С.А. Избранные сочинения // «Искусство», М., 1991.
Маяковский В.В. Стихотворения, поэмы // «Сабчота хеловнеба», Тб.1973. (на груз. яз.)
Гачечиладзе Г.Г. Вопросы теории перевода // «ТГУ», Тб. 1959. (на груз. яз.)
Панджикидзе Д.П. Язык, читатель, перевод // «Ганатлеба», Тб. 2002. (на груз. яз.)

Миронова Н.Н.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mironova Nadezhda N.
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**СЕМИОТИКА СТИХОСЛОЖЕНИЯ А.С. ПУШКИНА
В РЕЦЕПЦИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ**

**THE SEMIOTICS OF A.S. PUSHKIN'S VERSIFICATION
IN TRANSLATORS' RECEPTION**

Переводы поэзии великого русского поэта на иностранные языки отмечены в истории литературного перевода и критики перевода многочисленными попытками. Были созданы поэтические произведения, близкие пушкинскому оригиналу по своим количественным особенностям и по своему поэтическому образу. Все они подчинены семиозису поэтических знаков в оригинале и в переводе.

Translations of the works by the great Russian poet into other languages are marked off in the history of literary translation and translation critics by innumerable attempts. There are pieces of poetry closely resembling Pushkin's original works by their quantitative characteristics as well as by their poetic images. They all are subjected to semiosis of poetic signs in the original and in the translations.

Ключевые слова: семиозис, поэтический знак, количественные особенности стиха, поэтический образ.

Keywords: semiosis, poetic sign, quantitative characteristics of verse, poetic image.

Исследование русской поэзии и прозы с семиотической точки зрения, как пишет Ю.М. Лотман, проводится в двух направлениях: на основании уже разработанных методик в семиотической культурологии и на основе новых отечественных исследований по семиотике культуры, которые фиксируют динамичность, нестабильность и внутреннюю противоречивость русской культуры. В результате этих исследований стало возможно изучать семиотику русской поэзии и прозы в пространстве русской культуры, опираясь на экспериментальные методики [Лотман, 1994, с. 407]. Семиотика литературных дискурсов актуализируется в вербальном воплощении смыслов, при этом знаковую сущность приобретают морфологические, синтаксические, текстовые параметры. Дискурс в целом соответствует определённому пространству, актуализация которого имеет когнитивную (познавательную) природу. Литературный дискурс актуализируется в истории создания произведения (прозы и поэзии), критике литературы, переводах на иностранные языки, учитывая множественные варианты [Миронова, 2018, с. 543]

Поэтические произведения А.С. Пушкина привлекали к себе выдающихся отечественных исследователей (Ю.М. Лотмана, В.В. Виноградова, М.Л. Гаспарова, В.В. Набокова, Б.М. Гаспарова и других), которые в результате тщательного культурно-исторического, текстологического и лингвистического анализа создали тот фонд работ, без которого не может обойтись ни современный отечественный читатель, ни зарубежный литературовед, ни переводчик. Комментарии Ю.М. Лотмана оказали большое влияние на формирование литературоведческой школы в Тарту [Лотман 1975; Lotman 2001]. Наряду с ней, интерпретации пушкинских текстов, предложенные В.В. Набоковым [Nabokov 1964; Nabokov / Baumann 2009], до сего времени помогают славистам во всём мире освоить тексты и их историю.

В области критики перевода сегодня цитируются оценки переводов самими переводчиками, благодарно вспоминая исторические и лингвокультурологические комментарии к пушкинским текстам на русском языке [Arndt W.; Falen J.; Hofstadter D.; Johnston S.Ch.; Keil R.-D.; Prieb V.]. Творчески развивая идеи выдающихся пушкинистов прошлого позволяет по-новому взглянуть на особенности поэтического мира Пушкина и его место в русской культуре. В 1995 году увидели свет «Рабочие тетради» А.С. Пушкина [Пушкин 1995]. Впервые факсимильное издание рабочих тетрадей великого русского поэта станет доступным учёным-славистам всего мира. Наконец-то «... всему миру откроются те грани пушкинского гения, которые до сих пор могли постигнуть лишь знающие русский язык», – пишет в предисловии к изданию принц Уэльский, под эгидой которого вышло это восьми-томное издание [Пушкин 1995, с. 9].

К исследованию семиотики стихосложения можно применить дихотомию внутреннего и внешнего пространства. В университете г. Тарту применительно к литературе была предложена модель, в которой границу между этими пространствами можно считать «зеркалом». Семиотические возможности зеркала, как это показано Ю.И. Левиным, связаны с отражением в виде воспроизведения оригинала, что может служить моделью знака вообще и иконического, в особенности [Левин, 1988, с. 8].

Далее мы рассмотрим, каким образом метафора «зеркальности» применима к произведениям А.С. Пушкина на уровне диахронии и синхронии во внутреннем пространстве русской лингвокультуры и во внешнем пространстве инокультуры при их передаче на иные языки. Весьма плодотворным при этом может быть «принцип противоречия», предложенный Ю.М. Лотманом для анализа и интерпретации языковых и внеязыковых фактов, претерпевших изменения в ходе работы поэта над поэтическими произведениями [Лотман, 1975, с. 8]. И хотя речь идёт о романе в стихах «Евгений

Онегин», подобная методика исследования семантики и стиля литературного произведения может быть успешно применена для изучения других поэтических произведений.

Известно, что А.С. Пушкин работал над романом в стихах более семи лет: с 1823 по 1830 гг. Примерно раз в год появлялась новая глава. Полная версия романа увидела свет в 1833 году. Изменения в обстоятельствах личного и социального плана влияли на ход работы. Но не только причины внеязыкового плана, но и противоречия в самом тексте стали предметом исследователей-комментаторов. Упомянем некоторые из них: разночтения по поводу письма Татьяны, хранившегося то у самого автора, то у Евгения Онегина;

Татьяна плохо знала по-русски, с трудом выражалась на родном языке, а одновременно, обладала русскою душою и пр. Атрибуция текстов А.С. Пушкина составляет на сегодняшний день десятки исследований на разных языках. Часто семиотическое пространство эпохи поэта представлено в весьма противоречивом виде. Так, было выявлено немало ошибочных трактовок зависимости пунктуационных знаков от выраженного в предложении (строфе) смысле, тем более что поэт иногда не использовал пунктуационный знак в конце предложения, а заканчивал фразу рисунком, виньеткой, но в печатном виде редакторы сами проставляли пунктуационные знаки. В качестве примера используем пример атрибуции Б.М. Гаспарова из его рецензии на факсимильные тексты А.С. Пушкина, о чём сказано выше. Так, благодаря специфической пунктуации, смягченное, почти нерешительное оформление: «Нѣтъ весь я не умру», вместо эмфатически-утвердительного «Нѣтъ, весь я не умру» [Гаспаров, 2001].

Комментарии русистов, литературоведов, культурологов к текстам А.С. Пушкина способствовали переработке уже имеющихся переводов на иные языки. В докладе приводится анализ переводов стихотворений поэта на английский, немецкий и китайский языки, их интерпретация, основанная на исследовании структуры поэтических текстов.

Первые переводы произведений А.С. Пушкина появились еще при его жизни в 1823 году (переводы на немецкий и французский языки). Переводы «Евгения Онегина» на английский язык (британский и американский вариант) осуществили переводчики:

Оливер Элтон (Oliver Elton, 1937); Дороти П. Рэдин и Джордж З. Патрик (Dorothea P. Radin and George Z. Patrick, 1937); Уолтер Арндт (Arndt, 1963); Юджин М. Кайден (Eugene M. Kayden, 1964); В.В. Набоков (1964); Чарльз Х. Джонстон (Charles H. Johnston, 1977). Они представляют различные лингвокультурные сообщества, обладают различным опытом в освоении русского лингвокультурного пространства первой половины XIX в. и одновременного англоязычного пространства, они отличаются друг от друга и различными взглядами на перевод поэтического текста, включая «индивидуальную когнитивную

процедуру по установлению неязыковой (невербальной) коммуникативной интенции автора [Клушина, 2011, с.126]. В течение длительного времени они изучали русский язык в совокупности его системы, нормы и узуса, семантики, прагматики и синтактики, ритмики и рифмы поэта и знаковости русского быта, истории и ментальности, чтобы создать полноценный поэтический вариант по его воздействию на иноязычного читателя.

Оливер Элтон в предисловии к своему переводу «Евгения Онегина» отмечает сложность перевода онегинской строфы из-за бедности выбора и однотипности двойных и женских рифм в английском языке. Переводчик указывает на построчный характер пушкинских стихов, каждая строфа представляет собой цельное законченное высказывание. Этого невозможно достичь в английском языке, поскольку для кратких предложений трудно найти подходящую английскую рифму. Элтон отказывается от следования синтаксическому делению пушкинской строфы ради сохранения коммуникативной равноценности с оригиналом. Его перевод изобилует переносами и сложными предложениями длиной в несколько строк. Рэдин и Патрик также не ставили себе задачу передачи пушкинской строфы. Особо отметим вышедший в 1963 году в США перевод Уолтера Арндта [Arndt, 1963], за который он в том же году получил Боллингенскую премию (Bollingen prize). У. Арндт, профессор по русскому языку и литературе, хорошо известен как переводчик Пушкина. За сохранение в переводе онегинской строки он удостоился высокой оценки отечественных литературоведов [Липгарт, 2008]. Юджин М. Кайден, в предисловии к своему изданию 1964 года, пишет о невозможности перевода «Евгения Онегина» на иностранный язык из-за «поэтической формы онегинской строфы, ассонансов, речевых нюансов, ритма, рифмы, идиом – всего того, что составляет лексическое богатство пушкинской поэзии» [Kayden, 1964]. Свою переводческую задачу он видит в сохранении ритма пушкинского стиха, но при возможности нарушения строгого чередования мужских и женских рифм в пределах двенадцати строк при неизменном сохранении рифмы двух последних. Ради этого Кайден жертвует смысловой эквивалентностью своего перевода.

В последние десятилетия появились новые английские переводы «Энциклопедии русской жизни» (романа в стихах «Евгений Онегин») и обширные комментарии, которые в большей степени, чем прежде, отвечают задачам переводчика поэтического произведения. Особого внимания заслуживает в этой связи комментарии к пушкинским переводам когнитивиста и философа Дугласа Хоаштадтера (Douglas Richard Hofstadter), опубликованные на английском языке в США и совсем недавно, в 2018 году, на немецком языке в ФРГ. Д. Хофштадтер сравнил четыре перевода «Евгения Онегина» на английский

язык, прибегнув порой к весьма суровой критике [Hofstadter 1999; 2018]. Так, перевод О.Элтона (1937) он считает неплохим, но не может назвать его особым переводческими находок в переложении стихов А.С. Пушкина. Перевод писателя и переводчика У. Арнда (1963) с немецкого и русского языков на английский отличается, по его мнению, «немецким акцентом» (*deutscher Akzent*), который тот сам не чувствует. Наряду с критикой синтаксического построения, достоинства данного перевода очевидны и перевод был отмечен премией Принстонского университета (США). Дословный перевод «Евгения Онегина» и обширный комментарий В.В. Набокова критик подверг уничижительному разгрому, назвал перевод «гротеском», припомнив при этом все «грехи» русского писателя. Британский дипломат, поэт и переводчик Чарлз Хепбёрн-Джонстон (*Charles Hepburn-Johnston*) опубликовал свой перевод «Евгения Онегина» в 1977 году. К недостаткам этого перевода Д. Хофштадтер относит нарушения ритмики английского языка, который начинает «спотыкаться», и грамматические погрешности, хотя в передаче смысла ставит этот перевод на высокое место, сравнивая все прежние варианты. Перевод известного американского переводчика с русского языка, литературоведа Джеймса Фейлена (*James E. Falen*), увидевший свет в 1990 году, был весьма положительно представлен в упомянутом комментарии, как вариант, передавший замысел русского поэта во всей его полноте. Д. Хофштадтер писал о фаленовском переводе «Евгения Онегина»: перевод Джеймса Фейлена был на голову выше работы Чарлза Джонстона во всех возможных аспектах — течение стиха было более мелодичным, он был яснее и проще, ритм был более регулярным, рифмы — более точными. В целом, перевод Фейлена был просто более артистичным.

В версиях на немецком языке поэтический гений А.С. Пушкина представлен весьма богато, начиная с прижизненных переводов и заканчивая последним переводом романа в стихах «Евгений Онегин» в 2014 г. Переводчик Виктор Э. Приб в 2014 опубликовал свой перевод на немецком языке, а в 2018 году вышел его комментарий к переводам с русского на немецкий язык [Prieb, 2018].

Оценка немецких переводов А.С. Пушкина, высказанная С. Аптом, одним из лучших переводчиков с немецкого на русский в нашей стране, имеет для нас первостепенное значение. В 1997 году был опубликован перевод «Евгения Онегина» на немецкий язык Рольфа-Дитриха Кайля, а уже 1998 году С.Апт в своей рецензии дал ему высокую оценку: «Рольф-Дитрих Кайль совершил великое дело, можно было бы даже сказать подвиг, если бы это слово не было так обесценено слишком частым употреблением. Он перевел на немецкий язык «Евгения Онегина» — онегинскими строфами, с рифмами, стилистически соответствующими пушкинским, легкими, звучными стихами». И при этом сделал это

настолько точно, что, если пронумеровать строки, как это делают, например, с Библией, с античными поэтами или в академических изданиях классиков, любой стих перевода будет соответствовать стиху оригинала, в чем легко убедиться, благо издательство имени Сабашниковых опубликовало немецкий перевод параллельно с подлинником [Апт, 1998, эл. ресурс: <http://www.zh-zal.ru/inostran/1998/6/book01.html> режим доступа: 1.03.2019].

Р.-Д. Кайл, славист по образованию, был переводчиком на фронте во время второй мировой войны, потом попал в плен. На вопрос С. Апта, не стал ли он враждебно относиться к России, Кайль ответил: «Нет. Ведь еще до того, как я попал в плен, я прочитал Пушкина». ... С.Апт привёл единственное замечание к переводам Кайля, где выбор переводчика остался неадекватным: никакой смысловой эквивалент не передает эмоциональных обертонов таких слов, как «душеньки, подруженьки», «молодец», «вишенья» и «песенка заветная» [там же].

Перевод Виктора Приба (2014) и последующие комментарии (2018) находятся на том уровне вариативности, которая учитывает семантические тонкости русского языка. Так, в разделе, посвящённом поэтике «Евгения Онегина» сравнивая свой перевод и перевод Теодора Коммихау, В. Приб делает различия между лексемами «враги» и «противники»:

Puschkin: ***Vra**gi stoyat, potupya v zor./ **Vra**gi! Davno li drug ot druga/ Их жажда крови отвела?*

Prieb: ***Die Feinde** stehn, versenkt den Blick./ **Die Feinde!** Wann kam, statt der Buße./ **Vendetta**, trennend sie parat?*

Commichau: ***Die Gegner** senken stumm den Blick./ **Die Gegner!** Nach so wenig Stunden/ Durch grimmen **Blutdurst** schon entzweit?* [Prieb, 2018, S. 38].

Интерес к А.С. Пушкину в современной Германии остаётся значительным. Вариативность самих переводных текстов и комментариев к ним как литературоведов, так и лингвистов-славистов имеет множество примеров как в печатном виде, так и электронном (на сайтах писателей и переводчиков, на форумах читателей, где приводятся примеры собственных переводов и авторских стихов, построенных по форме онегинской строфы.).

Перейдём к рецепции А.С. Пушкина в Китае. Впервые имя поэта было названо в изданной там «Российской энциклопедии» в 1900 году. А через 3 года появилась первая пушкинская книга: «Капитанская дочка» вышла в свет с необычным названием: «Русская любовная история, или жизнеописание капитанской дочери Марии» и таким же уникальным подзаголовком «Записки о сне мотылька в сердце цветка». Это был перевод с языка-посредника (английского) на китайский. Семиотическое пространство русского текста было искажено как в стиле, так и передачи смысла. В связи с иной орфографической

системой переводчик представил две трети текста оригинала. Что касается художественного замысла поэта, то он также подвергся одомашниванию в китайской линвокультуре и стал напоминать «типичный для того времени китайский любовный роман с положительным героем» [Чжа, 1999, с. 97]. В переводе изменился и стиль повествования (нарратив), так как в то время в китайской литературе не было принято вести повествование от первого лица. Автор намеренно изменил имена и названия русских географических мест.

Стиль Пушкина А.С. был утрачен.

«Евгений Онегин» («Ефугэни Аонецзинь»), по заслугам оценённый в Китае, переводился на китайский язык многократно. В историю китайского пушкиноведения вошло имя одного из его патриархов – Гэ Баоцюаня, самого блистательного переводчика русского поэта [Черкашина 2009]. Сегодня насчитывается 11 версий перевода «Евгения Онегина» на китайский язык. «Собрание сочинений Пушкина» (в 7-ми томах) вышло в 1995 году под редакцией Лу Юна. В подготовке этого собрания приняли участие 33 переводчика. Позже появилось «Собрание сочинений Пушкина» (в 8-ми томах) под редакцией Сяо Ма и У Ди. Новое «Собрание сочинений Пушкина» будет состоять из 10 томов, все переводы будут выполнены выдающимся китайским русистом Фэн Чунем. Фэн Чунь ранее руководил редакцией русской литературы в Шанхайском издательстве «Переводная литература».

А.С. Пушкин стал одним из любимых во всём мире авторов. Варианты переводов исчисляются десятками. Но пушкинский гений требует переводческой взыскательности, которая находит себя в новых текстах. Семиозис, как создание и развитие знаков художественного произведения и их интерпретация в оригинале и переводе, нуждается в новых методах изучения.

Список литературы:

- Ант С.* Пушкин по-немецки // Иностранная литература. М.: 1998, № 6. Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.zh-zal.ru/inostran/1998/6/book01.html> 1.03.2019
- Гаспаров Б.М.* Заметки о Пушкине // Новое литературное обозрение. № 52. М., 2001.
- Гаспаров М. Л.* «Снова тучи надо мною...». Методика анализа // Избранные труды. Т. II. О стихах. М., 1997. С. 9-20.
- Клушина Ю.И.* Факторы лакуарности в английских переводах «Евгения Онегина» А.С. Пушкина // Вестник ПСТГУ. III: Филология. М., 2011. Вып. 4 (26). С. 125–135.
- Левин Ю.И.* Зеркало как потенциальный семиотический объект // Зеркало. Семиотика зеркальности / Труды по знаковым системам / Учёные записки Тартуского гос. ун-та. Вып. XXII Тарту, 1988. С. 6-24.
- Липгарт А.А.* Об английских переводах поэзии и драматургии А. С. Пушкина. [Электронный ресурс]. URL: www.libfl.ru/win/nbc/books/lipgart.html (дата обращения: 20.02.2019)
- Лотман Ю.М.* Тезисы к семиотике русской культуры // Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., Гнозис, 1994. С. 407-416.
- Лотман Ю.М.* Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин» / Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1975. 110 с.

- Миронова Н.Н.* Семиотика дискурса как механизм формирования когнитивного пространства литературного произведения // Когнитивные исследования языка, *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире. Материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике 10-12 октября 2018 года., № 34. с. 543-546
- Пушкин А.С.* Рабочие тетради. Лондон- Санкт-Петербург: РАН Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом), Консорциум сотрудничества с Санкт-Петербургом, 1995. В 8 тт.
- Черкашина Л.А.* Китайская мечта поэта. Эл. ресурс: <http://www.russianshanghai.com/articles/post1110> (Режим доступа: 8.03.2019)
- Чжа Сяоянь.* Восприятие Пушкина в Китае: обзор переводов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 10. С. 96-99.
- Arndt Walter.* Eugene Onegin. New York: E. P. Dutton, 1963.
- Deutsch Babette.* Eugene Onegin. In Poems, Prose and Plays of Alexander Pushkin, edited by Avrahm Yarmolinsky, 111-311. Modern Library. New York: Random House, 1936.
- Elton Oliver.* Evgeny Onegin. London: The Pushkin Press, 1937.
- Falen James E.* Eugene Onegin. Carbondale, Illinois: Southern Illinois University Press, 1990.
- Hofstadter Douglas R.* Eugene Onegin. New York: Basic Books, 1999.
- Hofstadter Douglas R.* Douglas R. Hofstadter preist James Falen // TraLaLit. Plattform für übersetzte Literatur / Übers. aus dem Engl. v. Freyja Melsted, Julia Rosche und Felix Pütter. 25. Juli 2018 – Meisterwerk [Электрон. ресурс] Режим доступа: <https://www.tralalit.de/2018/07/25/douglas-r-hofstadter-preist-james-falen>. 27.02.2019
- Johnston Sir Charles.* Eugene Onegin: A Poetic Novel. London: Private Printing, 1977.
- Keil, Rolf-Dietrich.* Jewgeni Onegin: Roman in Versen. Gießen: Wilhelm Schmitz Verlag, 1980.
- Lotman, Yuri M.* Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture / Translated by Ann Shukman, introduction by Umberto Eco. London & New York: I.B.Tauris Publishers, 2001. (The new edition of Lotman 1990.)
- Nabokov Vladimir.* Eugene Onegin. Bollingen Series LXXII. New York: Pantheon, 1964.
- Nabokov Vladimir/Baumann, Sabine.* Eugen Onegin. Frankfurt: Stroemfeld, 2009.
- Puschkin Alexander.* Jewgeni Onegin. Roman in Versen/ Aus dem Russischen und mit Erläuterungen von Rolf-Dietrich Keil. Moskau, Sabaschnikow Verlag, 1997.
- Prieb Viktor Eduard.* Das poetische Übersetzen als handwerkliche Kunst. Lehre des wissenschaftlich-poetischen Übersetzens (aus Erfahrung und am Beispiel meiner Übersetzung von Faust ins Russische und Eugen Onegin ins Deutsche und von anderen). Berlin, 2018. 189 S.
- Puschkin Alexander S.* Gedichte. Leipzig : Karl Rauch-Verlag, 1946. 40 S.
- Puschkin Alexander S.* Gedichte. Poeme. Eugen Onegin / Hrsg. von W. Neustadt. Berlin: SWA-Verlag, 1947. 556 S.
- Pushkin A.* Evgeny Onegin / Transl. by Oliver Elton. L., 1937.
- Pushkin Alexander.* Eugene Onegin. A novel in verse. The Bollingen prize translation in the Onegin stanza / Transl. by Walter Arndt. Ann Arbor, Michigan, 1992.
- Pushkin A.* Eugene Onegin. A novel in verse / Transl. by Eugene M. Kayden. Yellow Springs, Ohio, 1964.

Серикова А.В.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Serikova Anastasia
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПЕРЕВОДЧИК-ПСИХОЛОГ И РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

INTERPRETER-PSYCHOLOGIST AND EMOTIONAL INTELLIGENCE

В статье переводческая деятельность рассматривается через призму теории социальных ролей, определяется соответствующий ролевой набор, а также приводится краткое описание содержания каждой роли. Особое внимание уделяется роли переводчика-психолога, проводится параллель между работой психолога и переводческой деятельностью. Кроме того, рассматривается эволюция понятия эмоциональный интеллект и его содержания. Основой анализа важности эмоционального интеллекта в контексте работы устного переводчика выступает модель эмоционального интеллекта Дэниела Гоулмана.

The article utilizes social role theory to study interpreting and determines the appropriate set of social roles, while each role is defined in a concise way. The main focus of the article is an interpreter-psychologist role, interpreting is compared to psychological practice. The evolution of emotional intelligence concept and its content is another highlight of the article. The model of emotional intelligence by Daniel Goleman serves the basis for analyzing the importance of emotional intelligence for interpreting.

Ключевые слова: социальные роли, эмоциональный интеллект, переводчик-психолог.

Key words: social roles, emotional intelligence, interpreter-psychologist.

Disciplinary science has died. It's gone.
Frans Johansson
Дисциплинарная наука умерла. Ее больше нет.
Франс Йоханссон

Начало XXI века ознаменовало активное развитие междисциплинарного подхода в различных областях научной мысли. Исключением не стало и переводоведение, неслучайно и V международная юбилейная конференция «Наука о переводе сегодня» в 2016 году прошла под темой «Междисциплинарная интеграция как вектор развития». В конференции приняли участие представители научного сообщества и эксперты в области перевода и переводоведения из пяти стран. Одной из основных тем конференции стал междисциплинарный характер развития современной науки о переводе. Выступая с

приветственным обращением, Почетный президент Постоянного международного совета университетских институтов устного и письменного перевода (CIUTI) — первой международной организации, объединяющей представителей университетских структур подготовки переводчиков по всему миру, — профессор Женевского университета (Швейцария) Х. Ли-Янке обратила внимание на продуктивность междисциплинарной интеграции для развития современного научного знания. «Сегодня это единственный путь, ведущий к прогрессу в нашей области, — уверена профессор Ли-Янке, — только так мы сможем сделать шаг вперед, который возможно будет способствовать и развитию других наук». [Костикова, 2016]

Безусловно, идея междисциплинарности не нова. Историю развития данного подхода подробно рассматривает в своей статье «Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний» Н.К. Гарбовский. [Гарбовский, 2015] Еще А.Д. Швейцер, отмечал, что «общая теория перевода является междисциплинарным направлением, лингвистическим в своей основе, тесно смыкающимся с сопоставительным языкознанием, психолингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой, лингвистической географией. По сути, речь идет о приложении лингвистической теории к конкретному виду речевой деятельности — переводу. Поэтому можно охарактеризовать общую лингвистическую теорию перевода как отрасль прикладного языкознания» [Швейцер, 1973].

В.Н. Комиссаров отмечал, что «переводоведение в целом — это, несомненно, особая научная дисциплина, имеющая многие интердисциплинарные аспекты. Лингвистика может описать и объяснить целый ряд важнейших факторов, определяющих характер и результаты перевода, но она не может раскрыть всю многогранность этого сложного вида человеческой деятельности» [Комиссаров, 1999]. В частности, для изучения личности переводчика используются методы и подходы, характерные для социологии и психологии, которые упоминал еще А.Д. Швейцер [Швейцер, 1973]. Одним из таких подходов можно считать и теорию социальных ролей или символического интеракционизма, возникшую в 1930-е годы в США. Данная теория рассматривает личность с точки зрения выполняемых ею социальных ролей.

В статье переводческая деятельность рассматривается через призму теории социальных ролей. Предпримем попытку определить соответствующий ролевой набор и дать краткое описание содержания каждой роли, уделив особое внимание роли переводчика-психолога и проведя параллель между работой психолога и переводческой деятельностью. Кроме того, проследим эволюцию понятия «эмоциональный интеллект» и

его содержания. Основой анализа важности эмоционального интеллекта в контексте работы устного переводчика выступает модель эмоционального интеллекта, предложенная Дэниелом Гоулманом.

Некоторые положения теории социальных ролей. В соответствии с теорией социальных ролей, каждый человек занимает несколько позиций в социальной системе. Каждая из этих позиций, предполагающая определенные права и обязанности, называется статусом. Человек может иметь несколько статусов, но чаще всего только один определяет его положение в обществе. Этот статус называется главным или интегральным. Зачастую интегральный статус обусловлен должностью или профессией. Социальный статус обозначает конкретное место, которое занимает индивид в социальной системе. Совокупность требований, предъявляемых индивиду обществом, образует содержание социальной роли. Социальная роль – это совокупность действий, которые должен выполнить человек, имеющий определенный статус в социальной системе. Каждый статус обычно включает ряд ролей. Совокупность ролей, вытекающих из данного статуса, называется ролевым набором. [Мид, 2009]

Советский социолог И.С. Кон в своей работе «Личность как субъект общественных отношений» подробно рассматривает проблему личности в рамках социологии и, в частности, теории социальных ролей. Так, например, он пишет, что описание поведения и взаимоотношений индивида с другими людьми и общественными учреждениями невозможно кроме, как в терминах выполняемых им социальных ролей [Кон, 1967]. Именно социальные роли, связанные с определенными ролевыми ожиданиями, определяют отношения между участниками коммуникации и успешностью коммуникативного акта, что особенно важно при осуществлении переводческой, в некотором смысле посреднической, деятельности.

Развитие личности всегда происходит в определенном социальном пространстве. Личность в процессе становления может вступать в различные взаимоотношения с другими индивидами, группами, социальными общностями. В определенном смысле человек играет определенную социальную роль, которая характеризует его отношения с другими индивидами.

Ролевой набор устного последовательного переводчика. Рассмотрим положения теории социальных ролей в разрезе интегрального статуса «переводчик». Профессия многогранна, разные направления существенно отличаются друг от друга. Так В.Н. Комиссаров предложил психолингвистическую классификацию перевода, которая учитывает способ восприятия оригинала и создания текста перевода, выделив письменный

и устный перевод. В письменном переводе и оригинал, и текст перевода предстают в фиксированном виде, переводчик имеет возможность обращаться к ним неоднократно, при необходимости вносить изменения. Основным каналом восприятия и порождения перевода выступает зрение. При устном переводе оригинал и перевод имеют нефиксированную форму, доступны лишь для однократного восприятия и не предоставляют переводчику возможности внесения исправлений. Еще одним отличием от письменного перевода является форма восприятия и перевода – аудиальная. В свою очередь, устный перевод подразделяется на синхронный и последовательный. Синхронный перевод предполагает практически одновременное с прослушиванием (с отставанием в несколько секунд) проговаривание перевода, требует применения специальных технических средств. При последовательном переводе переводчик подключается после того, как оратор завершил свое выступление или некий его фрагмент. Различия между разными видами перевода, такие как канал восприятия, канал перевода, фактор времени, неодинаковые отрезки оригинала, характер взаимодействия с участниками межъязыкового общения [Комиссаров, 1990], обуславливают необходимость сконцентрировать внимание на одном аспекте переводческой деятельности – работе устного последовательного переводчика на деловых переговорах.

Ролевой набор в данном случае выглядит следующим образом:

1. *слушатель* воспринимает речевое произведение на языке оригинала;
2. *оратор* воспроизводит речевое произведение на языке перевода;
3. *посредник межкультурной коммуникации* налаживает контакт между представителями различных культур;
4. *исследователь* проводит подготовительную работу;
5. *организатор* обеспечивает комфортные условия работы, минимизирует вероятность возникновения непредвиденных ситуаций;
6. *психолог* способствует нормализации отношений между участниками переговоров и отношения к самому переводчику;

участник переговоров находится за столом переговоров, заинтересован в успешном завершении переговорного процесса.

Переводчик-психолог. Психолог — это специалист, который занимается изучением поведения человека в различных ситуациях, коррекцией поведения индивида в жизни, на работе, помогает преодолеть внутриличностные конфликты и проблемы межличностных отношений. Также психолог помогает человеку преодолеть различные комплексы, побороть страхи и вести гармоничный образ жизни.

Роль переводчика-психолога предполагает менее обширное и глубокое, однако схожее воздействие на участников переговорного процесса. Точный перевод требует внимания не только к вербальным, но и к невербальным средствам выражения ораторов. Таким образом, можно сказать, что переводчик-психолог изучает поведение индивидов. Более того, при обострении ситуации, росте напряженности, переводчик может выступить своеобразным «громоотводом», способствуя нормализации обстановки. Так Виктор Михайлович Суходрев, которого по праву можно назвать легендой, личный переводчик политических лидеров нашей страны: Хрущева, Брежнева, Громыко, Микояна, Косыгина, Горбачева, в своих мемуарах описывал весьма непростую командировку в Индию, когда он сопровождал «большую троицу», во главе с Председателем Президиума Верховного Совета Климентом Ефремовичем Ворошиловым, «глубоким старцем, немощным умом и телом». В ходе визита происходит целый ряд сложных и неоднозначных ситуаций. Когда премьер-министр Индии Джавахарлал Неру упомянул в разговоре поставку определенных средств, Ворошилов отреагировал весьма бурно, «затараторил»: «Ни о каких средствах мы тут говорить не можем! Это только с Никитой Сергеевичем! А мы не можем! Нам нельзя!» Суходрев понял, что остальные члены делегации были весьма встревожены подобным поведением, и «еле заметно кивнул им, мол, не беспокойтесь». При переводе постарался «обойти острые углы и интерпретировал тираду Ворошилова в более нейтральном варианте». Такое переводческое решение позволило сохранить лицо делегации. Та же командировка принесла еще более неожиданную ситуацию, когда Суходрев был вынужден выйти из роли переводчика и напрямую обратиться к Ворошилову, который наотрез отказывался понимать специфику обычаев страны, в частности, предпринял попытку насильно расчесать представителя секты, члены которой с детства не стригут и не расчесывают волосы:

«— Климент Ефремович! Нельзя ему!

И только это остановило Ворошилова. Он повернулся ко мне и переспросил:

— Нельзя?

Я повторил.

— Ну, ладно, — сказал Ворошилов, убрал расческу в карман и пошел дальше».

[Суходрев, 2008]

В последние десятилетия ученые все чаще обращаются к исследованию процесса осуществления перевода текста не как к творческой деятельности отдельного переводчика, а как к интеллектуальной деятельности, которая в первую очередь обусловлена вполне объективными факторами, например, социально-культурной средой.

Эта идея берет начало в теории переводческих норм, которые доминируют в определенную эпоху и формируют принципы переводческой деятельности. В настоящее время переводческая деятельность рассматривается прежде всего, как явление социальное, обеспечивающее возможность коммуникации между представителями различных социокультурных образований. В связи с этим перевод должен быть эмоционально интеллектуален.

В психологии все чаще и чаще используется термин эмоциональный интеллект (ЭИ), обозначающий способность осознавать эмоции, достигать и генерировать их так, чтобы содействовать мышлению, пониманию эмоций и того, что они означают, и, соответственно, управлять ими таким образом, чтобы способствовать эмоциональному и интеллектуальному росту [Coleman, 2008].

Эмоциональный интеллект. Рассмотрим подробнее понятие «эмоциональный интеллект». В наши дни существуют различные трактовки данного понятия, описывающие его структуру и разъясняющие его суть.

Идея единства эмоций и интеллекта восходит к древнейшим философским и религиозным учениям. В Библии, в Книге Притчей Соломоновых можно найти изречения о роли интеллекта в процессе эмоциональной саморегуляции: «Придет гордость, придет и посрамление; но со смиренными мудрость» (Притча 11:2), «Иной пустослов уязвляет как мечом, а язык мудрых – врачует» (Притча 12:18). В православной традиции воспитание чувств имеет первостепенное значение для умственного развития, а в русской религиозной философии высоко ценилась ориентация на других людей, готовность к сопереживанию. Подобные идеи можно встретить в работах А.А. Ухтомского, Н.А. Бердяева, А. Сурожского, С.П. Франка [Андреева, 2012].

Связь познавательных и эмоциональных процессов нашла отражение и в трудах античных философов. Аристотель в «Риторике» определяет эмоции «как нечто, столь сильно преобразующее человеческое состояние, что это отражается на его способности к рассуждениям» [Лафренье, 2004].

Само словосочетание изначально появилось в конце XX века на страницах научной литературы по психологии, однако сегодня мы уже свободно оперируем этим понятием, ставшим «неотъемлемой составляющей жизни современного человека» [Хьелл, 2013].

В первой половине XX века Дэвид Векслер (1943) предложил классическое представление об интеллекте как о глобальной способности индивида целенаправленно действовать, рационально мыслить, и взаимодействовать с окружением эффективным образом. Д. Векслер выделял «интеллектуальные» (рациональные способности) и

«неинтеллектуальные» элементы интеллекта (социальные, коммуникативные навыки). И несмотря на то, что Векслер предположил, что «неинтеллектуальные» способности имеют приоритетное значение для определения способности личности в достижении успеха, данная группа факторов осталась практически без внимания, в отличие от когнитивной составляющей. Это привело к тому, что интеллект долгое время представляли, как некий конструктор для решения логических и математических задач. [Wechsler, 1943] Однако, эти идеи долгое время не получали развития. И только в 1983 году Ховард Гарднер, автор одной из современных концепций интеллекта, заявил о «множественном интеллекте», выделив семь форм интеллекта:

- Логико-математический (number smart);
- Вербальный (лингвистический) (word smart);
- Визуально-пространственный (picture smart);
- Телесно-кинестический (body smart);
- Музыкальный (music smart);
- Межличностный (эмоциональный) (people smart);
- Духовный (экзистенциальный) (problem solving smart).

Х. Гарднер считал, что межличностный (эмоциональный) интеллект и духовный (экзистенциальный) интеллект так же важны, как и традиционно измеряемый IQ (вербальный и логико-математический). [Gardner, 1993]

Проблемой эмоционального интеллекта занимались Э. Торндайк, Дж. Мейер, П. Сэловей, Д. Карузо, К. Изард, Р. Бар-Он и многие другие. Они предлагали теории, в которых предпринималась попытка наиболее точно определить понятие «эмоциональный интеллект», его сущность, структуру. Некоторые из них (например, Дж. Мейер, П. Сэловей, Д. Карузо) стали авторами моделей эмоционального интеллекта. [Андреева, 2012] Ученые продолжают предлагать новые теории, способы диагностики уровня эмоционального интеллекта, практические психологи разрабатывают различные тренинги, направленные на повышение уровня эмоционального интеллекта для людей разных возрастов и профессий.

Значительный вклад в развитие данной области внес Дэниел Гоулман. Он оценил идеи об эмоциональном интеллекте, расширил их и в 1995 году написал книгу об эмоциональном интеллекте, ставшую бестселлером в США. В своей книге Д. Гоулман уделил особое внимание практическому применению теории эмоционального интеллекта в жизни и на работе. Он предложил внедрять программы обучения эмоциональному интеллекту в школах и на предприятиях, заявляя, что эмоциональный интеллект более значим, чем академический интеллект. [Гоулман, 2009]

Модель эмоционального интеллекта по Гоулману принято относить к смешанным моделям ЭИ. В своей модели эмоционального интеллекта он соединил когнитивные способности и личностные характеристики и выделил пять основных составляющих эмоционального интеллекта:

Самосознание – способность называть эмоциональные состояния, способность понимать взаимосвязи между эмоциями, мышлением и действием, способность адекватно оценивать свои сильные и слабые стороны;

Саморегуляция – способность контролировать эмоции, умение изменять нежелательное эмоциональное состояние, способность в кратчайшие сроки восстанавливаться после стресса.

Мотивация — способность получать удовольствие от решения проблем, стремление к достижениям, ответственность, инициативность, оптимизм, личные предпочтения при выборе целей.

Эмпатия — способность принимать иную точку зрения, открытость и честность, уход от стереотипов в отношении других людей, знание культуры.

Социальные навыки — навыки влияния, например, умение убеждать; умение общаться, в том числе с коллегами; умение слушать, сотрудничать, улаживать конфликты; способность вдохновлять и вести за собой; умение инициировать и управлять изменениями; способность понять чувства других людей. [Гоулман, 2009]

Данная модель представляется комплексной и всеобъемлющей, используем ее для рассмотрения роли переводчика-психолога, для которой эмоциональный интеллект имеет первостепенное значение.

1. Самосознание. Переводчик должен адекватно оценивать свое эмоциональное состояние, прослеживать взаимосвязи между эмоциями, мышлением и действием. Четкое осознание сильных и слабых сторон позволяет добиться максимально хорошего результата в работе. Так, например, начинающий переводчик может компенсировать недостаток опыта более тщательной подготовкой и проработкой темы предстоящих переговоров, что позволит ему чувствовать себя более уверенно и повысит качество перевода.

2. Саморегуляция. Одна из важнейших составляющих работы устного переводчика. Участие в переговорах – изначально стрессовая ситуация ввиду таких факторов как высокая степень ответственности, непредсказуемость обсуждения, необходимость быстрого реагирования. Она может быть дополнительно осложнена недостатком опыта, резкой сменой вводных, недостатком знаний о деталях переговорного

процесса, его участниках и прочими факторами. При этом, и в образовательном процессе, и на выпускных экзаменах переводческих отделений, один из параметров оценки – «подача» – поведение переводчика, громкость и четкость речи, выдержка, отсутствие хезитационных пауз и иных внешних проявлений нервозности. Более того, для потребителя перевода «подача» имеет весьма большое значение. Априори, уверенный в себе, спокойный внешне человек вызывает гораздо больше доверия, нежели мнущийся, суетливый, сомневающийся.

3. Мотивация. Устному переводчику приходится сталкиваться со множеством непредсказуемых ситуаций, которые требуют незамедлительного решения. Решение организационных вопросов – своевременное получение информационных материалов, проверка оборудования, внимание к деталям. В условиях сегодняшней действительности многие переводчики предпочитают не полную занятость, а краткосрочные контракты. Поэтому инициативность (не следует путать с инициативой, которая бывает наказуема) зачастую выходит на первый план – прекрасное качество работника, особенно актуальное из-за ограниченного времени, в течение которого переводчик может произвести благоприятное впечатление на работодателя.

4. Эмпатия. Еще одно важнейшее качество переводчика. Почётный президент Постоянного международного совета институтов и факультетов перевода (CIUTI), профессор Ханнелоре Ли-Янке не раз обращалась к теме эмпатии в переводческой деятельности, в том числе, в рамках курса «Дидактика перевода», прошедшем в Высшей школе перевода. Тема прекрасно раскрыта в небольшой брошюре «Other words, other meanings: a guide to health care interpreting in international settings», посвященной работе переводчика в медицинской отрасли. [Bischoff, Loutan, 2008] Данные обстоятельства, вероятно, требуют максимального уровня эмпатии. Одного и переводчик на деловых переговорах обязан быть способен воспринимать различные точки зрения, не имеет права руководствоваться стереотипами (или даже иметь их). Его манера должна быть открытой, вызывать доверие собеседников. И, безусловно, переводчик, как посредник межкультурной коммуникации, должен быть осведомлен о культурных особенностях, связанных с представителями различных национальностей.

5. Социальные навыки. В данном случае, роль переводчика налагает определенные ограничения. Например, он влияет и убеждает участников переговоров, но лишь в той мере воздействия, которую заложил оратор. Кроме того, он не может брать на себя роль лидера. Однако некоторые другие качества должны проявляться в полной мере: умение слушать, способность понимать чувства других людей и, конечно же, умение

общаться – ключевое для данной профессии, ведь основная функция переводчика – обеспечить коммуникацию.

Представленный ролевой набор устного последовательного переводчика позволяет лучше осмыслить различные направления данной деятельности. В дальнейшем внимание будет уделено другим ролям, в том числе, роли оратора, организатора, исследователя. Роль переводчика-психолога была выбрана для анализа неслучайно. В эпоху стремительного развития технологий (в том числе, и образовательных), именно «человеческий фактор» приобретает максимальную ценность, а способности эффективно выстраивать взаимоотношения с другими участниками коммуникации представляется одним из ключевых навыков переводчика. Эмоциональный интеллект, подробно рассмотренный в статье и представляется воплощение того самого «человеческого фактора».

Таким образом, мы видим, что наличие эмоционального интеллекта является важнейшим условием для эффективного выполнения роли переводчика. Он позволяет успешно справляться с социальными ролями, присущими статусу «переводчик», понимая ожидания других участников социального взаимодействия и отвечая им. Кроме того, он позволяет своевременно адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, справляться со стрессовыми ситуациями и минимизирует негативные последствия для всех участников переговорного процесса.

Закончить хотелось бы нетрадиционно, приведя цитату известного ученого, психолингвиста Татьяны Черниговской. В программе «Повелитель интеллекта» она интересно и наглядно разъясняет роль эмоционального интеллекта. «Один из видов интеллекта – это эмоциональный интеллект. Это не только умение считать. Это еще и умение, скажем, сопереживать. Это, в частности, нас выводит к проблеме зеркальных нейронов. Это системы в мозгу, которые включаются тогда, когда не вы что-то делаете, а вы за этим наблюдаете. Если я иду на какой-то серьезный важный разговор, то, если я соображаю и хочу в этом разговоре не провалиться в первую же минуту, я должна построить себе схему разговора, учитывая конкретного человека, с которым я буду говорить. Значит, я должна как бы выйти из своего организма, если хотите – из мозга, и встать на его сторону, и его глазами смотреть на себя. Это есть основа успешного социального взаимодействия». Данное описание четко коррелирует с подготовкой переводчика к участию в важном мероприятии.

Список литературы:

Андреева И.Н. Азбука эмоционального интеллекта. – СПб: БХВ-Петербург, 2012. – 288 с.

- Гарбовский Н.К.* Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2015 No 1, 2015 с. 3-21
- Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект / Дэниел Гоулман; пер. с англ. А.П. Исаевой. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009. - 478 с.
- Йоханссон Ф.* Эффект Медичи: возникновение инноваций на стыке идей, концепций и культур. М.: Вильямс, 2008. 192 с.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.
- Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных учёных. М.: ЧеРо, 1999.
- Кон И. С.* Социология личности. Издательство политической литературы Москва, 1967
- Костикова О.И.* «Наука о переводе сегодня». V Международная конференция // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2016 No 4, 2016 с. 106-129
- Лафренье П.* Эмоциональное развитие детей и подростков / Питер Лафренье; [Пер. с англ.: М. Васильева и др.]. - СПб. : Прайм-Еврознак ; М. : Олма-Пресс, 2004. - 250 с.
- Мид Дж. Г.* Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. — М., 2009.
- Суходрев В. М.* Язык мой – друг мой. М.: Тончу, 2008.
- Хьелл Л.* Теории личности – 3-е изд. / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб. : Питер, 2013.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.
- Bischoff A., Loutan L.* Other words, other meanings: a guide to health care interpreting in international settings. –Geneva: HUG. 2008. 56 p.
- Coleman Andrew* (2008). *A Dictionary of Psychology* (3 ed.). Oxford University Press.
- Gardner H.* Multiple intelligences: the theory in practice / H. Gardner. – N.Y.: Basic Books, 1993.
- Wechsler D.* Non-intellective factors in general intellect / D. Wechsler // Psychological Bulletin. – 1940. – 37. – P. 444 – 445. Reprinted in Journal of Abnormal Social Psychology. – 1943. – 38. – P. 101 – 103.

Сунь Шуай
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
Г. Москва (Россия)

Sun Shuai
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

HISTORY OF MILITARY TERMINOLOGY TRANSLATION

В статье рассматривается понятие «военный термин», его особенности, основные направления в его исследовании, актуальность изучения военного термина и его перевода, выявляются характерные признаки военного текста. Отмечается важность проблемы термина для военного перевода в связи с насыщенностью военного текста терминологией. В работе дается описание военной терминосистемы современного русского языка на примере военной уставной терминологии; предложенный краткий исторический экскурс позволяет выявить ход развития русскоязычных военных терминов. Обозначенные основные направления в исследовании перевода военного термина подчеркивают неразрывную связь в этой деятельности с развитием международных контактов в области военного дела, мировых войн, международных конфликтов, переводческой деятельности и профессии переводчика.

The article discusses the concept of “military term”, its features, the main directions in its study, the relevance of the study of the military term and its translation, it also identifies the characteristic features of the military text. It is underlined the importance of the term problem for military translation in connection with the richness of the military text with terminology. The paper gives a description of the military terminological system of the modern Russian language on the example of the charter military terminology; it also provides a brief historical review which allows to identify the development of the Russian military terms. The main directions in the study of the military term translation emphasize the inextricable link in this activity with the development of international contacts in the field of military affairs, world wars, international conflicts, translation activities and the profession of translator.

Ключевые слова: военный текст, военный термин, военная терминосистема, военный перевод, словарь военных терминов, военный переводчик.

Keywords: military text, military term, military term system, military translation, dictionary of military terms, military translator.

В качестве термина может выступать любое слово или словосочетание, если оно начинает обозначать научное понятие, включенное в ту или иную семантическую систему. Если первоначально языковой единицей, используемой в качестве термина, понималось слово, то с середины 1950-ых годов, когда появляется учение о словосочетании, в терминоведении, как пишет Л.А. Манерко, заявили «о настоящей потребности рассматривать словосочетание не как вторичную после слова единицу», а как оформленную синтаксически полноценную единицу номинации [Манерко, 2003, с. 16]. Перевод термина на другой язык предполагает установление семасиологической связи, или связи термина с

обозначаемым им понятием, и одновременно знаковой связи, соединяющей термины двух языков.

Под **военным термином** принято понимать слово или словосочетание, используемое для обозначения определенного специального понятия, относящегося к военной науке или военной технике. Терминологический фонд военной сферы любого языка постоянно изменяется, так как его развитие обусловлено не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами, такими, например, как появление новых образцов вооружений, боевой техники, видов вооруженных сил, разработка новых методов ведения войны и т.д. В связи с этим некоторые термины выходят из употребления, другие появляются вновь, и в итоге военная терминология пополняется так же, как и словарный запас языка в целом. Кроме того, каждый новый военный конфликт провоцирует появление большого количества новых терминов, особенно в области военного сленга. Так произошло, например, в военном подязыке американского варианта английского языка в новейшей истории во время американо-вьетнамской войны 1965–1973 гг. и американо-иракского военного конфликта 2003–2011 гг.

А.И. Леонов справедливо подчеркивает, что военная терминология обладает набором общих свойств, которые не зависят от какого-либо конкретного языка, а характеризуют военный подязык в целом. Исследователь подчеркивает, что основные реалии вооруженных сил всех государств в основном схожи, и военная терминология, подобно любой другой специальной терминологии, в значительной степени унифицирована. Вместе с тем в вооруженных силах любой страны наблюдаются свои национальные особенности, отраженные в соответствующей терминологии [Леонов, 2017, с. 120].

Проблема термина является едва ли не самой важной для военного перевода, поскольку военный текст в любой из своих разновидностей – военно-научный, военно-технический, военно-деловой, военно-публицистический и др. – насыщен терминами [Бушев, 2009, с. 123].

Наряду с многочисленными военными терминами военный текст отличаются следующие особенности:

- 1) продуцент текста – абстрагированный;
- 2) адресат четко определен, что связано с регламентированностью его прав и обязанностей;
- 3) информационная насыщенность текста, содержательно-фактуальный тип информации, однозначность, эксплицитность, сжатость информации;

4) высокая степень интертекстуальности, что проявляется в иерархической зависимости жанров;

5) низкая степень интердискурсивности;

6) высокая степень стандартизации [Дуброва, 2015].

Кроме того, исследователи подчеркивают межвременной актуальный характер такого дискурса, поскольку речь военнослужащих всегда обладала свойственной определенному времени колоритом; ярко выраженную маскулинность семантики текста; наличие в качестве базовой дуально-антагонистической милитаристской модели, подразумевающей деление коммуникантов на «своих» и «чужих»; эвфемизацию, являющуюся одним из способов номинации военных операций и действий ввиду их полной секретности; театральность военного дискурса «как основополагающий элемент феномена войны и всего ее лингвосемиотического пространства» [Олянич, 2015, с. 165].

Актуальность изучения военной терминологии и ее перевода объясняется беспрецедентным объемом ее современного использования в многообразии контекстов. В частности, военные термины получили широкое распространение среди журналистов в СМИ, а также в современном политическом дискурсе, где они применяются, например, для реализации речевых тактик запугивания и демонстрации превосходства [Лату, 2011, с. 102–103]. Американский исследователь Дж. Майклз называет это явление «ловушкой военного дискурса». Оно заключается, по его мнению, в том, что язык войны, военные дискурсы и связанная с ним терминология оказывают в наши дни далеко не позитивное влияние на политику стран, усиливая ее агрессивный и милитаристский характер [Michaels, 2013, p. 65].

Военная терминосистема любого языка состоит из отдельных терминосистем, связанных с той или иной областью военной сферы. Например, военная уставная терминология русского языка к настоящему моменту объединяет термины, включенные в текст устава и называющие основные понятия военной области знаний и сферы деятельности военнослужащих и связанные между собой логически и семантически. К важнейшим категориям этой терминосистемы относят термины категории военнослужащих (*командир, офицер, командир соединения*), термины категории военного подразделения/формирования (*полк, батальон, военная инспекция*), термины категории военной службы (*воинское звание, воинский долг, единоначалие*), термины категории военных артефактов (*казарма, военный городок, ручной гранатомет*), термины категории военных действий (*приказ, команда, призыв, развод наряда, строевая стойка*).

Каждая из выделенных терминосистем, делится, в свою очередь, на более мелкие подсистемы, находящиеся между собой в отношениях иерархии. Например, в русскоязычную терминосистему категории военных артефактов входят следующие группы терминов: 1) различные виды оружия, комплектующие, средства защиты; 2) специально оборудованные для несения военной службы и боевых действий помещения, территории и объекты, расположенные на них; 3) военная документация; 4) различные виды боевой техники, ее составляющие, груз, горючее; 5) военная форма одежды и ее аксессуары; 6) объекты военной деятельности, имеющие символическое значение и отражающие традиции Вооруженных Сил РФ. Структурная классификация этих терминов включает простые военные термины (*трюм, танк, гюйс, клотик*), производные военные термины (*обмундирование, патронник*), сложные военные термины (*штык-нож, гранатомет, грот-мачта*), а также военные термины-словосочетания (*травматический пистолет, электрошоковое устройство с возможностью дистанционного воздействия*).

Сложившаяся к настоящему моменту военная русскоязычная терминология прошла длительный путь своего развития, отражая процессы, происходящие в стране и за ее пределами, а также научно-технический прогресс. Так, П.Я. Черных отмечает, что истоки русской военной лексики восходят к общеславянской эпохе, когда орудия труда одновременно использовались и как орудия охоты, и как орудия обороны и нападения в бою с противником. С поворотным моментом в истории военного дела, вызванного применением пороха и огнестрельного оружия, связаны существенные изменения в системе русской военной лексики и фразеологии: появляются новые слова (*огненный бой, пуля, запал, фитиль*), возникают семантические изменения в целых группах слов (*стрелять, порох*), выходят из активного употребления отдельные слова и выражения [Черных, 1956]. Б.А. Ларин приходит к выводу о том, что к XVII веку в целом сложилась и достигла определенной нормализации военная терминология русского литературного языка. В это время она приблизительно «на три четверти русская, а на одну четверть заимствована из западноевропейских языков» [Ларин, 2005, с. 283]. Дальнейшее активное развитие военной терминологии мы наблюдаем во времена правления Петра I. Она обогащается новой лексикой, заимствованной из западноевропейских языков (*волунтер, инфантерия, фелтцейх мейстер*) и вытеснившей во многом традиционные славянские военные термины (*стрельцы, стрелки, пушкар*). Кардинальным образом меняется военный язык после Октябрьской революции 1917, отражая социально-экономические и политические изменения в стране. На формирование военной терминосистемы русского языка огромное

влияние оказала Великая Отечественная война 1941–1945 гг., заложив основы современной военной терминологии.

Вопросам военной терминологии и ее перевода в отечественной науке о языке посвящены труды Л.К. Латышева, Л.Л. Нелюбина, А.Б. Бушева, В.Н. Шевчука, Г.М. Стрелковского, И.С. Алексеевой, Е.Д. Исаевой, А.Г. Рябова, О.А. Алимурادова, Ю.Ю. Дубровой, Ш.С. Бектурдиевой, Л.А. Гаврилова и др. Исследователи обращаются к проблемам лингводидактики перевода военного термина, языковой природе военного термина и способам его образования в различных языках, особенностям военной терминологии в том или языке, сравнительного анализа образования русско- и иноязычных военных терминов, заимствования в области военной терминологии, жанровых разновидностей военных терминов, специфике перевода военных многокомпонентных терминов, военной лексикографии, перевода военных устойчивых сочетаний, роли метафоры в военном терминообразовании и т.п.

Наиболее полное описание военная терминология получает в лексикографических трудах, отражающих результат развития терминов военной сферы на том или ином этапе. Так, в последние годы вышли в свет двуязычные словари военных терминов С.О. Даминовой [Даминова, 2018], Н.К. Гарбовского [Гарбовский, 2008], Б.В. Киселева [Киселев, 2018] и др. Особое распространение в настоящее время получают отраслевые и узкоотраслевые военные толковые двуязычные терминологические словари, которые оказывают существенную помощь при переводе иноязычных военных материалов. Как известно, использование любых терминов связано со стремлением специалистов к максимально сжатой и точной передаче информации, исключающей возможность произвольного и субъективного ее толкования, что особенно важно применительно к военным текстам. Поэтому перевод таких текстов требует от переводчика глубоких знаний в области иностранной и соответствующей русской военной терминологии, а также умения правильно ею оперировать [Тимофеева, 2009, с. 336–337].

История теории и практики военного перевода формировалась параллельно с развитием международных контактов в области военного дела, мировых войн, международных конфликтов, переводческой деятельности, профессии переводчика. Исторические исследования развития переводческой деятельности позволяют заключить, что уже древние военные конфликты повлекли за собой рождение профессии военного переводчика и формирование переводческой практики. В истории известны первые переводы со времен военных походов Александра Македонского в Египет. Отправной точкой для отечественного военного перевода стали межцивилизационные отношения и

военные конфликты в Древней Руси. Формальным началом науки военного перевода является XVI век, когда международные отношения претерпели значительные изменения.

В России в 1549 году создается Посольский приказ, в функции которого входила и переводческая деятельность. В XIX веке появились специальные курсы по подготовке военнослужащих для работы с иностранными языками, а в конце XIX века знанием иностранных языков отличались почти все представители высшего офицерского состава. Учреждение профессии военного переводчика в 1929 году в значительной степени способствовало развитию военного перевода в России. Н.А. Стадульская пишет, что три тысячи военных переводчиков, работая в контакте с врагами, союзниками и освобожденными иностранными пленниками концлагерей, приближали победу в Великой Отечественной войне. Благодаря переводу допросов вражеских учёных и трофейных документов, страна сделала колоссальный рывок в технической сфере. В дальнейшем военные переводчики участвовали в войнах в Корее, Афганистане, Эфиопии, Анголе, Камбодже, Югославии, Никарагуа и Мозамбике ... Без военных лингвистов невозможны были международные переговоры на всех уровнях [Стадульская, 2015, с. 84]. В процессе развития переводческой практики развивалась и теория перевода, совершенствовалась военная терминология.

Как известно, нормы терминопотребления, принятые в военной сфере, подлежат строжайшему соблюдению. Это особенно касается терминов в текстах боевых документов, распоряжений, технических наставлениях, уставной литературе и т.д. Данный факт объясняется тем, что любое отклонение от терминологической нормы в военной среде общения может вызвать сбой коммуникации между военнослужащими и даже привести к катастрофическим последствиям. Столь высокая требовательность к военному термину, динамичные процессы в области современного военного дела, сложный состав военной терминологии, включающий лексику из различных отраслей науки и техники, активное использование военной лексики в разнообразных, помимо военного, контекстов, глобализационные процессы и расширение международных контактов в военной сфере обуславливают, по нашему мнению, необходимость дальнейшего тщательного лингвистического исследования военной терминологии и ее перевода.

Список литературы:

- Бушев А.Б.* Лингводидактика перевода военного термина // Армия и общество. 2009. № 3 (19). С. 123
Гарбовский Н.К. Русско-французский словарь военных терминов, М., изд-во МГУ, 2008. 960 с.
Даминова С.О. Англо-русский словарь военного сленга, М., изд-во URSS, 2018. 96 с.

- Дуброва Ю.Ю.* Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов (на материале военных документов): автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 2015. 22 с.
- Киселев Б.В.* Англо-русский словарь военно-технических терминов и сокращений. Ч. 1. М., изд-во Издательские решения, 2018
- Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII веков): учебник, М., 2005. 416 с.
- Лату М.Н.* Военная терминология в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 102–103
- Леонов А.И.* Лингвокультурные особенности англоязычной и русской военной терминологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 120
- Манерко Л.А.* Истоки и основания когнитивно-коммуникативного терминоведения, Лексикология, Терминоведение, Стилистика, М., 2003
- Олянич А.В.* Милитарный (военный) дискурс // Дискурс Пи. 2015. № 4. С. 165
- Стадильская Н.А.* С миром на его языке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки [Электронный ресурс]. 2015. С. 84. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/s-mirom-na-ego-yazyke>
- Тимофеева С.Б.* Специфика военного термина и ее отражение в двуязычном учебном словаре [Электронный ресурс] // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. С. 336–337. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-voennogo-termina-i-ee-otrazhenie-v-dvuyazychnom-uchebnom-slovarе>
- Черных П.Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период, М., изд-во МГУ, 1956. 243 с.
- Michaels J.* The discourse trap and the US military, New York: Palgrave Macmillan, 2013. 267 p.

Хамраева Ш.А.
Казахский университет
международных отношений и мировых языков
имени Абылай хана
г. Алматы (Казахстан)

Khamrayeva Shakhida
Kazakh Ablai Khan University
of International Relations and World Languages
Almaty (Republic of Kazakhstan)

РОЛЬ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕНАСИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

THE ROLE OF PARALLEL TEXTS IN TRANSLATION OF MENACING SPEECH ACTS IN POLITICAL DISCOURSE FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Данная статья посвящена особенностям перевода менасивных речевых актов в политическом дискурсе, и использования параллельных текстов на практических занятиях по переводу. На сегодняшний день изучение особенностей перевода менасивных речевых актов в политическом дискурсе с английского на русский язык и работа с параллельными текстами данного феномена является острой необходимостью современной науке о переводе. Параллельные тексты, а именно тексты политического дискурса с элементами менасивного речевого акта, представленные в виде объединения оригинального текста и его перевода служат эффективным решением переводческих задач. Параллельные тексты – это совокупность документов, написанных на одну и тоже тему, переведенных на два языка, в нашем случае английский и русский языки, размеченных и выровненных по предложениям.

This article dedicated to the translation peculiarities of menacing speech act in political discourse, and its use of parallel text on the lessons of translation practice. Today, it has become necessary to study the peculiarities of the translation of menacing speech acts in political discourse from English into Russian as well and such phenomenon as working with parallel texts, nowadays is an urgent need in Translation science. Political speeches and its parallel texts with elements of menacing speech act, represented as the concatenation of the original text and its translation are an effective solution to translation problems. Parallel texts are a collection of documents written on the same subject, translated into two languages, in our case English and Russian, marked up and aligned by sentences.

Ключевые слова: менасивный речевой акт, параллельные тексты, перевод, политический дискурс, язык, угроза.

Keywords: menacing speech acts, parallel texts, translation, political discourse, language, threat.

На сегодняшний день Казахстан известен миру как молодое развивающееся государство, которое ставит перед собой определенные цели и успешно достигает их.

Использование новых технологий в переводе менасивных речевых актов и речевых актов агрессии в целом, инновационных форм и методов обучения, которые отражают уровень современного развития информационных и прикладных технологий выражается не только практическим, но перспективным планом.

Речевая агрессия, несмотря на свой менее опасный и разрушительный характер и являясь тактическим средством манипуляции противником в политическом дискурсе с целью борьбы за власть может оказаться первым шагом на пути к агрессии масштабной и

физической. С учетом нынешнего состояния современности возникает необходимость изучения особенностей перевода менасивных речевых актов политического дискурса. На сегодняшний день в отечественной лингвистике возникает необходимость научного осмысления данного коммуникативного феномена и изучения проблемы перевода с английского языка на основе дискурсивного анализа.

Повышения качества и эффективности перевода – все это является основными задачами, которые будут решены в процессе перевода с использованием новых технологий, также следует отметить, развитие самостоятельной работы студентов, углубление и расширение сферы их самостоятельной деятельности в определенных областях, в данном случае при переводе менасивных речевых актов в политическом дискурсе с английского на русский язык.

Параллельные тексты – это совокупность документов, написанных на одну и тоже тему, переведенных на два языка, в нашем случае английский и русский языки, размеченных и выровненных по предложениям.

Параллельные тексты, а именно тексты политического дискурса с элементами менасивного речевого акта, представленные в виде объединения оригинального текста и его перевода служат эффективным решением переводческих задач.

Вопросами разработки применения параллельных текстов занимаются ряд Казахстанских и мировых исследователей в области лингвистики, языкознания и теории перевода. Применение параллельных текстов при переводе менасивного речевого акта в политическом дискурсе, по мнению учёных и специалистов, является одним из наиболее удачных и продуктивных методов изучения теории речевых актов и английского языка, обучения аспектам переводческой деятельности в целом.

Казахстанские лингвисты и переводоведы занимаются исследованием параллельных текстов, а именно установлением сходства и различия языков на лексическом и грамматическом уровне, выявляют особенностей перевода опираясь на исследования исходных и переводных текстов, также определяют адекватность перевода текста. Что касается, выравнивания текста по структуре предложения, является нелегкой задачей, обычно параллельные тексты встречаются с проблемами и особенностями перевода, возникающими в результате несовпадения деления исходного и переводного текстов на предложения, такое несовпадение возникает без участия машинного перевода текстов. Если говорить о параллельных текстах, то следует отметить своеобразную формулу перевода, например: одно предложение переводится одним предложением, два предложения переводятся одним предложением, одно предложение переводится двумя предложениями –

все это можно отнести к соответствию, либо к несоответствию текста перевода к тексту оригинала.

Материалом для параллельных текстов могут служить различные тесты, различной тематики. Мы акцентируем внимание на переводе менасивных речевых актов в политическом дискурсе, их адекватная передача на русский язык, на наш взгляд, является актуальным направлением.

Параллельные тексты с элементами речевой угрозы в политическом дискурсе является предметом исследования разных наук: психологии, юриспруденции, политологии, медицины. Каждая дисциплина предполагает своё видение данного явления. Согласно определению в БСЭ: «Угроза - это намерение нанести физический, материальный или иной вред отдельному лицу или общественным интересам, выраженное словесно, письменно, действиями либо другим способом» [Большая советская энциклопедия, http://www.rubricon.com/bse_1.aspx]. Конкретизируя это понятие, психологи определяют угрозу как вид психического насилия над человеком. Понятие угрозы неразрывно связано с агрессией, которая предполагает целенаправленное деструктивное поведение, наносящее вред объектам нападения, или вызывающее отрицательные переживания, состояние напряженности. В теории конфликтологии угроза выделяется как один из видов агрессивных речевых актов, который служит для манифестации или установления социальной асимметрии. При различии в социальном статусе агрессора и жертвы первый прибегает к агрессивным речевым актам для самоутверждения и для того, чтобы добиться от жертвы подчинения. Это значит, что агрессивный речевой акт есть прежде всего инструмент создания и поддержания социальной иерархии. Угроза характеризуется как выражение намерения сделать что-то, что повредит интересам другой стороны, не просто выражают подобное намерение, но преследуют цель принудить соперника действовать сообразно предъявленным требованиям. Сегодняшние реалии таковы, что многие политические деятели чаще стали использовать менасивные речевые акты, прочие предостережения «угрозы», больше свойственные разговорному и публицистическому стилю и многие политические деятели активно использует современные технологии, социальные сети и интернет, как площадку для манипулирования сознанием масс. Менасивные речевые акты в социальных сетях является полным отражением того, как политические деятели, игнорирующие здравый смысл, ведет в политический дискурс в контексте их участия в различных международных мероприятиях [Хамраева, 2017, с. 437].

Говоря о самих текстах, содержащих менасивный речевой акт, то оригиналу соответствует аутентичный перевод (перевод официального документа, имеющий одинаковую силу с оригиналом).

Менасивный речевой акт, а именно его коммуникативно-прагматический аспект по концепции Дж. Серля детерминируется социолингвистическими аспектами:

- 1) «адресованность речевого акта»;
  - 2) «распределение коммуникативных и социальных ролей»;
  - 3) «характер отношений между коммуникантами, т. е. их дистантность (близкая, нейтральная, далекая)»;
  - 4) «обстановка общения»;
  - 5) «степень мотивированности применения угрозы тем или иным коммуникантом»
- [Серль, Вандервекен Д, 1986, с. 133].

Менасивный речевой акт является средством прямого воздействия на адресата. Язык – это средство воздействие на адресата, и проблемы языка в рамках лингвистики важна и актуальна на современном этапе науке о языке. На наш взгляд перспективным направлением в переводе является разработка параллельных политических текстов, и электронных в том числе.

С точки зрения В. Соколова «новые технологии помогают рационализировать и упростить процесс обучения, но отнюдь не заменяют необходимости прилежания и настойчивости. Метод работы с параллельными текстами обязательно требует результаты, достигнутые на компьютере, дополнить их анализом и отбором со стороны субъекта учения» [Соколов, 2010, с. 13]. Современная молодежь активно пользуется новейшими технологиями, в том числе и электронными переводчиками, электронными словарями, онлайн-переводчиками. Такие переводы, искажают смысл текста оригинала, являясь дословным машинным переводом, а параллельные тексты же в электронном виде дают возможность не только заниматься практикой чтения на иностранном языке, также увеличивать свой лексический запас. Это говорит о том, что студенты пополняют свои знания. Что касается, казахского и русского языков, используемых при таком переводе, они для самопроверки и самоконтроля, нежели для адекватной передачи текста оригинала.

Материала в электронном виде дает возможность работать над языковыми и культурологическими явлениями текста, делать заметки и выписки по тексту с целью детального изучения. По ходу работы можно вести определенные записи по тексту, изучать вокобуляр.

С точки зрения Е.П. Сосниной «примеры из параллельного текста также могут быть использованы при обучении языку, поскольку дают студентам практический материал, с которым они столкнутся при использовании языка в реальных ситуациях межкультурной коммуникации. Автор указывает на то, что существенный недостаток многих учебников в том, что они содержат только изобретенные примеры, и их описания базируются на интуиции или чьих-то выводах. Параллельные тексты, напротив, обеспечивают аутентичный наглядный контекст» [Соснина, 2010, с. 31].

Параллельные тексты являются эффективными средствами в обучении переводу на дисциплине «Практика письменного перевода». «Комплексы упражнений, составленные на основе параллельных текстов, могут быть ориентированы на сопоставление исходного и переводного текстов с целью идентификации тех или иных приемов, способов перевода и оценки их эффективности. Кроме того, в практическом смысле перевод должен ориентироваться на возможности постредактирования, сравнения и оценку различных стратегий и интерпретаций в рамках контекста» [Артемьева, Макеева, Мильруд, 2005, с. 157].

В этой связи речь может идти о поиске эквивалента интересующей лексической единицы, определения принципов перевода различных разрядов лексики, грамматических форм и структур, стилистических явлений.

Не вызывает сомнения и то, что параллельные тексты-образцы особенно полезны в том случае, когда студент работает со строго нормированными текстами. Жанрово-стилистическое оформление таких текстов практически не допускает лексико-грамматического или стилистического варьирования, отступления от определенных социокультурных норм. Параллельные тексты-образцы, составленные на этапе предпереводческого анализа исходного текста, могут служить для изучающего язык таким же эффективным вспомогательным средством, как и различного рода словари.

Ниже приведена таблица отрывков речи с параллельным текстом выступления президента США Д.Трампа на сессии Генеральной Ассамблеи ООН:

<p>Remarks by President Trump to the 72nd Session of the United Nations General Assembly</p>	<p><i>Дональд Трамп</i> Полный текст речи американского президента Дональда Трампа на сессии Генеральной Ассамблеи ООН:</p>
---	--

<p>... For more than 70 years, in times of war and peace, the leaders of nations, movements, and religions have stood before this assembly. Like them, I intend to address some of the very serious threats before us today but also the enormous potential waiting to be unleashed.</p> <p>... But each day also brings news of growing dangers that threaten everything we cherish and value. Terrorists and extremists have gathered strength and spread to every region of the planet. Rogue regimes represented in this body not only support terrorists but threaten other nations and their own people with the most destructive weapons known to humanity.</p>	<p>...На протяжении 70 с лишним лет на сессиях этой ассамблеи в мирное и военное время выступали руководители стран, движений и религиозные лидеры. Как и они, я намерен обратить внимание на самые серьезные угрозы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, а также на тот колоссальный потенциал, который еще не задействован и ждет своего часа.</p> <p>... Однако каждый день приносит с собой новости о все более серьезных опасностях, которые угрожают всему тому, что мы ценим и бережем. Террористы и экстремисты набирают силу и распространяются по всей планете. Режимы-изгои, представленные и в этом зале, не только поддерживают террористов, но и грозят другим странам и своим собственным народам самым разрушительным оружием в истории человечества.</p>
<p>...International criminal networks traffic drugs, weapons, people; force dislocation and mass migration; threaten our borders; and new forms of aggression exploit technology to menace our citizens.</p> <p>To put it simply, we meet at a time of both of immense promise and great peril. It is entirely up to us whether we lift the world to new heights, or let it fall into a valley of disrepair.</p>	<p>...Международная преступность торгует наркотиками, оружием, людьми, провоцирует массовую миграцию, угрожает нашим границам и создает новые формы агрессии, используя инновационные технологии для запугивания наших граждан. Попросту говоря, наша встреча проходит в момент огромных надежд и колоссальных опасностей.</p>

	<p>И только от нас зависит, сумеем мы поднять мир на новые высоты, или позволим ему скатиться в хаос.</p>
<p>If we desire to lift up our citizens, if we aspire to the approval of history, then we must fulfill our sovereign duties to the people we faithfully represent. We must protect our nations, their interests, and their futures. We must reject threats to sovereignty, from the Ukraine to the South China Sea. We must uphold respect for law, respect for borders, and respect for culture, and the peaceful engagement these allow. And just as the founders of this body intended, we must work together and confront together those who threaten us with chaos, turmoil, and terror.</p>	<p>Если мы хотим воодушевить своих граждан, если мы хотим получить одобрительный вердикт истории, то в таком случае нам необходимо выполнять свой священный долг перед теми людьми, которых мы преданно представляем. Мы должны защищать свои страны, их интересы и их будущее. Мы должны отвергнуть угрозы суверенитету, которые существуют от Украины до Южно-Китайского моря. Мы должны поддерживать соблюдение закона, границ, уважение к культуре и мирное взаимодействие, которое появляется в итоге.</p> <p>Согласно намерениям учредителей этой организации, мы должны работать вместе и бороться с теми, кто угрожает нам хаосом, беспорядками и террором.</p>
<p>The scourge of our planet today is a small group of rogue regimes that violate every principle on which the United Nations is based. They respect neither their own citizens nor the sovereign rights of their countries.</p> <p>If the righteous many do not confront the wicked few, then evil will triumph. When decent people and nations become bystanders to history, the forces of destruction only gather</p>	<p>Бедствием для нашей планеты сегодня является небольшая группа стран-изгоев, которая нарушает все те принципы, на которых строится Организация Объединенных Наций. Они не уважают ни своих собственных граждан, ни суверенные права своих стран. Если добропорядочное большинство не станет бороться</p>

<p>power and strength.</p>	<p>с порочным меньшинством, в мире возобладает зло. Когда порядочные люди и страны становятся сторонними наблюдателями, силы зла и разрушения набирают вес и могущество.</p>
<p>No one has shown more contempt for other nations and for the wellbeing of their own people than the depraved regime in North Korea. It is responsible for the starvation deaths of millions of North Koreans, and for the imprisonment, torture, killing, and oppression of countless more.</p>	<p>Никто не демонстрирует такого презрения к другим странам и к благополучию собственного народа, как безнравственный режим Северной Кореи. Он несет ответственность за голодную смерть миллионов северокорейцев, а также за пытки, убийства, аресты и угнетение бесчисленного множества людей.</p>
<p>We were all witness to the regime's deadly abuse when an innocent American college student, Otto Warmbier, was returned to America only to die a few days later. We saw it in the assassination of the dictator's brother using banned nerve agents in an international airport. We know it kidnapped a sweet 13-year-old Japanese girl from a beach in her own country to enslave her as a language tutor for North Korea's spies.</p>	<p>Все мы стали свидетелями кровавых злодеяний этого режима, когда умер ни в чем не повинный американский студент Отто Уормбир (Otto Warmbier). Мы стали свидетелями этих злодеяний и тогда, когда при помощи запрещенного нервно-паралитического газа в международном аэропорту был убит брат диктатора. Мы знаем, что они похитили милую 13-летнюю японскую девочку на пляже в ее собственной стране, сделав ее рабыней и преподавателем языка у северокорейских шпионов.</p>
<p>If this is not twisted enough, now North Korea's reckless pursuit of nuclear weapons and ballistic missiles threatens the entire world with unthinkable loss of human life.</p> <p>It is an outrage that some nations would</p>	<p>Северокорейскому режиму и этого оказалось недостаточно. Сегодня он бездумно испытывает ядерное оружие и баллистические ракеты, угрожая всему миру и создавая</p>

<p>not only trade with such a regime, but would arm, supply, and financially support a country that imperils the world with nuclear conflict. No nation on earth has an interest in seeing this band of criminals arm itself with nuclear weapons and missiles.</p>	<p>опасность бесчисленных людских жертв. Это возмутительно, когда некоторые страны не только торгуют с таким режимом, но и вооружают, снабжают его и оказывают ему финансовую поддержку, зная, что он угрожает миру ядерным конфликтом.</p> <p>Ни одна страна на нашей планете не хочет, чтобы эта банда преступников вооружилась ядерным оружием и ракетами.</p>
<p>The United States has great strength and patience, but if it is forced to defend itself or its allies, we will have no choice but to totally destroy North Korea.</p> <p>Rocket Man is on a suicide mission for himself and for his regime. The United States is ready, willing and able, but hopefully this will not be necessary. That's what the United Nations is all about; that's what the United Nations is for. Let's see how they do.</p>	<p>У Соединенных Штатов много сил и терпения, но если Америку вынудят защищаться или защищать своих союзников, у нас не останется выбора, кроме как полностью уничтожить Северную Корею.</p> <p>Человек-ракета встал на самоубийственный путь для себя и для своего режима. Соединенные Штаты готовы и в состоянии отразить удар, но надеются на то, что необходимости в этом не будет. В этом весь смысл Организации Объединенных Наций. Именно для этого она и создавалась. Посмотрим, как они себя поведут.</p>
<p>It is time for North Korea to realize that the denuclearization is its only acceptable future. The United Nations Security Council recently held two unanimous 15-0 votes adopting hard-hitting resolutions against North Korea, and I want to thank China and Russia</p>	<p>Северной Корее пора понять, что отказ от ядерного оружия — это единственное приемлемое будущее. Недавно Совет Безопасности ООН провел два голосования, единогласно утвердив жесткие резолюции против</p>

<p>for joining the vote to impose sanctions, along with all of the other members of the Security Council. Thank you to all involved.</p> <p>But we must do much more. It is time for all nations to work together to isolate the Kim regime until it ceases its hostile behavior.</p> <p>We face this decision not only in North Korea.</p>	<p>Северной Кореи. Я хочу поблагодарить Китай и Россию за то, что они проголосовали за введение санкций вместе со всеми другими членами СБ ООН. Спасибо всем присутствующим и причастным к этому голосованию. Но мы должны сделать гораздо больше.</p> <p>Пришло время, когда все страны мира должны начать совместную работу по изоляции режима Кима, делая это до тех пор, пока он не откажется от своих агрессивных и враждебных действий. Такое решение нам предстоит принять не только в отношении Северной Кореи.</p>
---	---

Немаловажно отметить тот факт, что система образования совершенствуется с каждым годом, тем самым и меняется тенденции и подходы при подготовке специалистов по специальности «Переводческое дело». Современные подходы при подготовке переводчиков обеспечивают формирование и реализацию не только профессиональных переводческих навыков и умений, а также формируют определенный фундамент общественных знаний. Социокультурные знания сформированные в процессе обучения переводчиков помогают им в будущем в работе определять методы и пути решения переводческих задач, а также и выработать стратегии перевода для достижения поставленных целей.

В процессе глобализации и всемирного развития межкультурно-коммуникативных отношений перед высшими учебными заведениями стоит задача подготовить не просто лингвиста, а межкультурно-коммуникативно ориентированного переводчика, который обладает необходимыми знаниями, умениями и компетенциями данной специализации.

В современное время возникает острая необходимость в подготовке высококвалифицированных, конкурентоспособных переводчиков. В связи с этим, возрастает потребность в трендовых методах обучения переводческому делу.

Во многих высших учебных заведениях Казахстана, рабочие учебные программы по специальности «Переводческое дело» основные курсы по переводу начинаются с третьего

года обучения. На первых этапах ведется подготовка на формирования лексико-грамматических и межкультурно-коммуникативных компетенций, навыков и умений.

Мы считаем, что простой языковой подготовки для студентов специальности «переводческое дело» недостаточно, так как нужно навыки моментального нахождения адекватного эквивалента ИЯ и ПЯ. Для этого следует готовить специалистов по переводческому делу способных адекватно переводить текст с одного языка на другой, совершать пред и пост переводческие анализы текста, точно переносить терминологию на ПЯ.

На наш взгляд, у студентов младших курсов слабо развито чувство языка, не все могут увидеть в тексте основную идею автора и передать ее, зачастую переводы текстов политического характера в целом, и менасивного речевого акта в частности могут быть искажены, что могут привести к плачевным последствиям.

Работая на занятиях по практике перевода с параллельными текстами политического направления, содержащими менасивную риторику, помогут студентам сопоставить текст оригинал с его переводом, при этом анализируя и оценивая перевод, чтобы в будущем избежать грубых ошибок. Соответственно, перед преподавателем стоит задача развить у студентов умение правильно понимать интенцию автора.

Перед преподавателем стоит цель выявить потенциал сопоставительного анализа параллельных политических текстов в предпрофессиональную подготовку студентов переводческих факультетов. Объектом исследования является профессиональная подготовка переводчика на младших курсах лингвистического вуза.

Мы считаем, что на занятиях по практике перевода следует использовать комплекс упражнений по сравнительно-сопоставительному анализу параллельных текстов, таких как предлагаем выше, мы уверены, что работа с параллельными текстами помогут сформировать основные умения и навыки по выбранной специальности.

В целом процесс работы с переводом параллельных политических текстов с элементами менасивной риторики, строится на осмыслении студентами процедуры сравнительно-сопоставительного анализа как такового...

Таким образом, материал, представленный в виде электронных параллельных текстов, дает возможность не только изучать иностранный язык, но и анализировать и сопоставлять различные переводы. Работа с параллельными политическими текстами с менасивной риторикой позволяет нам избежать неверного, неадекватного, неточного, искаженного перевода. Такие тексты помогают студентам увидеть и понять, основное

намерение говорящего или автора, его интенцию, и в будущем избежать совершения ошибок в процессе соеой переводческой деятельности.

Список литературы:

- Артемьева О.А., Макеева, М.Н., Мильруд, Р.П.* Методология организации профессиональной подготовки специалиста на основе межкультурной коммуникации / О.А. Артемьева, М.Н. Макеева, Р.П. Мильруд. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. 160 с.
- Соснина Е.П.* Корпусная лингвистика в обучении языкам/ Е.П. Соснина// тез. докл. 36-й научно-тех. конференции проф.-препод. состава УлГТУ - Ульяновск, 2003.
- Соснина Е.П.* Параллельные корпуса в обучении языку и переводу/ Е.П.Соснина// Статья [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/literature/articles/corpus_education_translation/. – Дата доступа: 15.07.2010.
- Соколов В. Д.* Использование параллельных текстов при изучении иностранных языков / В. Д. Соколов // Статья [Электронный ресурс]. – 2010 – Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/s/sokolow_w_d/parallel02.shtml. – Дата доступа: 18.08.2010.
- Серль Дж.Р., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986
- Хамраева Ш.А.* «Речевой акт угрозы в политическом дискурсе»// Материалы второй Республиканской ежегодной конференции ученых и учителей «Дуальное обучение в педагогическом образовании: опыт, подходы, проблемы», 2017 г. , с. 437
- Большая советская энциклопедия, http://www.rubricon.com/bse_1.aspx
- Barlow M* ParaConc: A Parallel Concordancer/ М.Barlow//[Электронный ресурс].- <http://jupiter.fltr.ucl.ac.be/FLTR/GERM/ETAN/CECL/Events/icamepr.htm#para>. – Дата доступа: 17.07.2010.

Цуй Чжэюань
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Cui Zheyuan
Higher School of Translation and Interpretation (faculty)
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

SYNTACTIC HANDLING IN THE PROCESS OF TRANSLATING FROM RUSSIAN TO CHINESE

В данной статье автор дает определение некоторых инновационных понятий, которые оказываются полезными в процессе письменного перевода с русского на китайский язык, и на основе этих понятие анализирует ошибки студентов в их переводе, а также показывает, как адаптировать синтаксическую структуру перевода, чтобы текст перевода стало полностью приемлемой для китайских читателей.

In the present article the author gives the definition of some innovational concepts, which will be useful in the process of written translation from Russian to Chinese, and then on the basis of these concepts analyses some mistakes of students in their translation, and explains how to adapt syntactic structure of the translation, to make the text fully acceptable for Chinese readers.

Ключевые слова: письменный перевод, китайский язык, синтаксическая структура.

Key words: written translation, Chinese, syntactic structure.

Когда переводят, многие часто обращают внимание только на то, как переводятся отдельные слова, как работать над ними. Это, конечно, является необходимостью в процессе перевода, но и недостаточно для качественной работы. Нужно и обращать внимание на синтактику перевода, работать над ней, чтобы организовать информацию оригинала в разумном для переводного языка виде. Иначе, если даже в переводе правильно переводятся все отдельные слова, их неправильная организация сделает перевод либо трудным для понимания, либо неверным, либо совершенно неправильным.

Одна из самых распространенных трудностей для русских переводчиков, которые письменно переводят русский текст на китайский язык – это именно синтактика. В русском языке авторы могут создавать всякие длинные сложноподчиненные предложения, в которые входят большой объём информации; а для китайского языка такое длинное сложноподчиненные предложение, обычно составляющее из атрибутивных конструкций, недопустимо для чтения. Во время реальной работы письменного перевода переводчики часто сталкиваются именно с таким русским предложением, которое составляет из нескольких атрибутивных конструкций. К сожалению, не все переводчики с ними

справятся. У некоторых переводчиков получается не перевод, а какая-то разбитая информация – каждое слово переведено, но поставлено не в должном виде. Чем сложнее оригинал, тем хуже получается.

Синтаксическую обработку должен осуществлять каждый переводчик, но для многих переводчиков способ этой обработки остается неизвестным. Даже практические учебники не дают детальные советы, не определяют, какие шаги нужно предпринимать.

Например, в учебнике «实用翻译教程 An Applied Theory of Translation» автор давал следующие примеры неправильного с точки зрения синтактики перевода:

«1) The report noted proposals that eating less fat and more food with whole grains and other fibers can protect against cancer.

Неправильный перевод: 这份报告特别提到了少食脂肪，多吃含全面粉和其他纤维素的食物能预防癌症的那些建议。

Редактированный перевод: 这个报告特别提到，有人建议少吃脂肪，多吃全粮食品和其他含纤维素的食物，能预防癌症。

2) It noted that being overweight has been linked to sickness and death from such diseases as high blood pressure, diabetes, heart disease and gallbladder disease.

Неправильный перевод: 它指出，过胖与疾病及诸如高血压、糖尿病和胆囊疾病引起的死亡有关。

Редактированный перевод: 报告指出，肥胖容易引起疾病，容易导致由于高血压、糖尿病、心脏病和胆囊疾病等引起的死亡。»

Анализуя ошибки этих переводов, автор комментирует: «原译完全按照原文句子结构，而且用了不符合汉语习惯的长定语，读者至少要读三遍才能看懂»²⁵.

Считаем, что причина ошибки точно выявлена, но автор учебника не давал детальные советы о том, как их исправить. Он только советует:

«从实用翻译理论的角度来看，翻译就是把原语表达的原作思想内容、艺术风格以符合译语习惯的表达方式重新表达出来。译文不但要保存原作的思想风格，而且必须符合译语习惯，即提高可接受性。由于两种语言表达方式不同，翻译时应对原文的表达形式做必要的调整改动。其实，仅仅保存原作的思想风格并不困难，难就难在如何用符合译语习惯的地道语言表达出来。然而，各种语言总有各自的表达方式。一种意思，按原语的说法译

---

²⁵ В этих предложениях полностью сохраняется синтаксическая структура оригинала, и переводчики употребляют длинные атрибутивные конструкции, которые для китайского языка непривычны. Читателям приходится читать эти предложения как минимум три раза, чтобы их понять. – мой перевод

成译语不行，会出现翻译症，换个符合译语习惯的说法，提高了可接受性，避免了翻译证，又收到了与原作相同的效果，何乐而不为呢？»²⁶

Это конечно правда, мы все согласны, что переводчики должны вносить те необходимые адаптацию и изменение в процессе перевода. Но проблема здесь не в том, что студенты не признают эту необходимость, а в том, что они не знают, какие шаги нужно предпринимать. Они могут только видеть в учебнике примеры – готовые варианты. Так как сам процесс перевода происходит в голове переводчика, трудно угадать, прочитав только готовые переводы, как в самом деле вносить необходимые адаптацию и изменение. Даже сами переводчики часто и не знают, как отвечать на вопрос, как это делать. Для них это некий процесс, который происходит почти несознательно, и трудно его описывать языком. Таким образом, русские студенты могут только поставить переведенные китайские слова вместе, часто создавая перевод, которое является совершенно неприемлемым с точки зрения китайского языка. Детальные инструкции взять неоткуда.

Мы пытаемся этот процесс раскрыть и дать детальные, шаговые инструкции, чтобы повысить качество переведенных русскими студентами на китайский язык текстов

Самый первый шаг в переводе - расшифровка и толкование исходного текста. Здесь нужно обращать внимание не только на каждое слово, но и на состав предложения в целом. Мы должны определить, к какому типу исходное предложение относится. Но предложения для анализа может быть любым, случайным. Нам необходим общий принцип, чтобы разделить предложения на определенные типы.

Прежде чем вступать к типам предложения, приведем мощный инструмент, который мы будем использовать в процессе анализа оригинала. Это «Определение дополнительной информации».

Во всех длинных предложениях есть некоторые части, которые описывает или дополняет другие части в предложении, и их можно свободно удалить без нарушения

---

²⁶ С точки зрения прикладной теории перевода, перевод есть перевыражение смысла и художественного стиля исходного текста на переводном языке общепринятым способом выражения. В переводе должен сохраняться смысл и стиль оригинала, и перевод должен быть написан общепринятым способом на переводном языке, то есть, у перевода должен быть высокий уровень приемлемости. Из-за того, что у двух языков разные способы выражения, переводчики должны вносить необходимые адаптацию и изменение. На самом деле, не трудно только сохранять смысл и стиль оригинала. Трудно выразить чистым переводным языком. Однако у разных языков свои способы выражения. Если сохранение способа выражения исходного текста недопустимо для переводного языка, и это сохранение приведет к «Translationese», почему бы не выразить общепринятым способом для переводного языка? Таким образом, переводчик повышает уровень приемлемости перевода, избавится от «Translationese», и достигает эквивалентности. – мой перевод

грамматическую правильность данного предложения. В результате этого удаления снижается объём информации, предложение становится менее подробным, но ещё можно считать его предложением, а не просто «ряд слов».

Первый тип дополнительной информации – прилагательное и наречие. Например, в «Это конечно правда, мы все согласны, что переводчики должны вносить те необходимые адаптацию и изменение в процессе перевода» можем удалить прилагательные «необходимые», получается «Это конечно правда, мы все согласны, что переводчики должны вносить те адаптацию и изменение в процессе перевода». Хотя это предложение теперь стало чуть менее подробным, но оно нормальное. Также, в «.....их можно свободно удалить», мы и можем свободно удалить «свободно». В китайском языке это также прилагательное и свой объект, которые связываются через «的».

Но и не все прилагательные являются дополнительным. Например, мы не можем удалить прилагательное «дополнительным» из «но и не все прилагательные являются дополнительным», потому что в данном предложении это слово играет роль дополнения, и удаление данного слово нарушает грамматическую полность предложения.

То есть, если прилагательное не играет роль дополнения в предложении и лишь дополняет информацию в другое слово, его тогда можем считать носителем дополнительной информации, и можно удалить.

Второй тип дополнительной информации – информация цели, причины, времени, места, способ, вводное слово, и т.п. Это потому, что эти типы информации в случае, когда эти виды информации в предложении не являются подлежащем, сказуемым и дополнением являются только носителями информации, и не влияет на грамматическую структуру предложения.

Например, в предложении «Я вчера в ресторане Макдолналдс покушал, потому что нет денег для дорогих ресторанов», мы можем удалить вышеуказанные типы информации, остается только «Я покушал». Хотя после удаления дополнительных информации в предложении почти ничего не осталось – трудно сказать, что по сравнению с оригиналом «я покушал» имеет реальное значение – но остаток данного предложения ещё можно считать грамматическим правильным предложением.

В китайском языке такие типы информации также являются дополнительными и не влияют на полность предложения.

Третий тип дополнительной информации – все придаточные предложения. Мы считаем данные конструкции дополнительным, потому что их можно свободно удалить. Конечно, часто бывают и случаи, когда в главном предложении объём информации

маленький, или фактически нет информации, например, в «Я видел ресторан Макдолналдс, в котором я вчера ночью хорошенко покушал вместе с друзьями» главное предложение не носит большую долю информации, большинство информации содержится в придаточной конструкции. Если удалим эту конструкцию, не изменяется тот факт, что «я видел ресторан». Если удалим главное предложение, то «в котором я вчера ночью хорошенко покушал вместе с друзьями» видимо неправильно.

В крайнем случае, что выражено в главном предложении может не иметь реальный смысл, вся значительная информация выражается в придаточной конструкции, например, «Иногда бывает случай, когда выражено в главном предложении не имеет реальный смысл, вся значительная информация выражается в придаточной конструкции». Удалим придаточную конструкцию, получим только «иногда бывает случай» - бессмысленное выражение, но в нём есть подлежащее и сказуемое. Мы, конечно, и можем отдельно употреблять содержание придаточной конструкции: «Иногда выражено в главном предложении не имеет реальный смысл». Но это также полное предложение, и мы можем добавить другие конструкции, чтобы уточнить его содержание. Главное предложение должно соержжать как минимум подлежащее и сказуемое, чтобы стать грамматически полным предложением. Информацию можем вставить в предложение разными способами, но прежде чем добавить информацию, нужно сначала оформлять полную конструкцию – подлежащее и сказуемое.

В китайском языке редко бывают придаточные конструкции, и трудно определить их признаки.

Соответственно, существует и «не предложение». Это обычно только отрывок из полного предложения, составляет из некого объекта и его дополнения, но нет связанного с ним сказуемого. Напримел, «ресторан Макдолналд, где я вчера кушал» - это только «КАКОЙ-ТО» ресторан, и не является полным предложением. В китайском языке, это обычно некое описательное выражение и свой объект, которые связываются с помощью иероглифа «的».

Мы подчеркиваем необходимость подлежащего, сказуемого, и иногда дополнения, потому что язык есть абстрактное описание реальности, людям всегда нужно определить, что в целом происходит – определить, это какое событие. Остальная информация – место, время, цель, и так далее не является ключевым для определения события. Можем сказать, что эти экстралингвистические факторы соответственно и являются дополнительными в языковом отражении реальности. Изолированная информация о месте, времени, цели и так далее не имеет смысл. Такое выражение, как «Сегодня в МГУ» не создает представление у

нас, какое событие происходит, а лишь дает некое фоновое знание. Все будут считать, что это либо только отрывок из кое-какого предложения, либо это ответ на конкретный вопрос. Такая информация не может существовать без связи с конкретным событием, а то она становится бессмысленной.

После определения дополнительной информации, приступаем к типам предложений. В целом, после удаления дополнительной информации, мы можем по составу главного предложения разделить предложения на три типа:

1. Действие. В таком предложении обязательно есть глагол, который является сказуемым в главном предложении. Это понять не трудно. Предложения этого типа упрощаем как «кто\что что делает». В китайском языке этот тип также легко распознать.

2. Существование. В таком предложении адресант в целом обращает внимание на существования некоего существа, но не употребляет глагол. Например, «У меня желание купить дом». Здесь выражено, что у адресанта желание, а «купить дом» уточняет это желание – какое желание, и является дополнительной. Другой пример: «У меня нет желания купить козу» - не существовать тоже вставим в этот тип. Модель этого типа – «что есть»\ «чего нет». В китайском языке типичный признак такого типа предложения – иероглифы «有(есть)» и «没有(нет)».

Конечно, существует и глаголы в русском языке, которые можно употреблять для выражения данного смысла – «Имею желание купить дом, но не имею возможности». И глагол «существовать» также выражает смысл «существование». Но это всё-таки глаголы, и мы классифицируем предложение с этими глаголами как «Действие».

3. Характеристика. Предложения данного типа не содержит глагол, и в них описывается конкретный объект. Этот тип предложения можем далее разделить на два субтипы – «кто-что есть кто-что», и «кто-что какой». Например, предложение «Лингвистика – это наука о языке» классифицируем как «что есть что», потому что его главное предложение – «лингвистика - наука»; а предложение «Макдолналдс, где я вчера покушал, очень дорогой» сокращаем в «Макдолналдс дорогой», и оно считаем субтипом «что есть какой». В китайском языке признак такого типа – шаблон «是... (причастие)... 的 ». Например, «语言学是研究语言的科学» (буквально «Лингвистика – изучающая язык наука» - что есть что); «中国人民是好客的» («Китайский народ гостеприимный» - что есть какой).

Конечно, способы вставления дополнительной информации и образования полных предложений на китайском языке достаточно сложные и разнообразные, и нужно ещё больше

дополнительной работы. Мы здесь показываем только основные способы и признаки. Они для анализа перевода уже достаточны.

Определение типов предложений важно для интерпретации исходного текста. На этом этапе перевода мы должны определить, является ли некая часть исходного текста полным глаголом. Важно отметить, что все полные предложения должны быть переведены в полные предложения.

Приведем пример и перевод студента для анализа.

Исходный текст:

Уровень доступности медицинской помощи, с одной стороны, вроде как растёт, и действительно растёт, но тем не менее многих граждан не устраивает. И понятно, с чем это связано. Ведь об этой системе, как правило, судят по первичному звену.

Перевод студента:

Медицинская помощь распространяется все шире, но с другой стороны многие люди недовольны. Мы понимаем, что причина недовольства людей ясна.

В данном переводе, существует, конечно, достаточно много мелких ошибок. Например, не нужно переводить «медицинской помощи» по слову как «医疗救助», это выражение нужно переводить в целом, как «医疗» и всё. И есть проблема сочетаемость слов – растёт доступность обычно не переводится как «普及程度增加(увеличиться)», а «普及程度提高 (повышается)». Здесь нет можем указать причину с точки зрения семантики, это просто привычка выражения. «我们明白人们不满意的原因很清楚» - «Мы понимаем, что причина недовольства людей ясна» слишком многословный и на самом деле не очень соответствует оригиналу - но такие ошибки не критические, любой китайский читатель данный перевод поймет, хотя наверно у кого-то возникает ощущение, что этот текст написан не очень грамотным китайцем.

В остальных частях перевода, наоборот, существуют критические ошибки.

«但是另一方面很多人的不满意» не является предложением на самом деле, это только некое существительное с дополнением – «с другой стороны, недовольство многих людей». Это «не предложение».

А в «人们常常是第一环节的评判这个体系» мы можем найти глагол «评判», но также признаки «Характеристика» - «是» и «的». Два типа предложений здесь смешиваются, и такое смешанное предложение недопустимо для китайских читателей.

Чтобы правильно данное предложение перевести, нам сначала нужно выявить его главное содержание. Удалим все слова, которые носят дополнительную информацию.

Уровень растёт, растёт, но граждан не устраивает.

程度 (повышение), 但不能满足 (устраивает) 国民。

Мы пока не переводим «повышение», потому что это слово нужно определить в соответствии с другими иероглифами по сочетаемости.

Добавим остальные части.

«Уровень доступности медицинской помощи» - 医疗普及程度。 По сочетаемости слов, переводим «растёт» как «提高»。

Переводим «с одной стороны, вроде как растёт, и действительно растёт». Это не должно вызвать затруднение. «一方面, 应该在增长, 也的确在增长».

«Но тем не менее многих граждан не устраивает» - нужно поставить дополнение после глагола. «然而不能满足许多国民». Далее нужно адаптировать перевод в соответствии с сочетаемости. Глагол «满足» обычно употребляется с иероглифом «需求» - получается «удовлетворить спрос», это можно узнавать только путем накопления языковых материалов.

И предложение переведено. «医疗普及程度, 一方面, 应该在增长, 也的确在增长, 然而不能满足许多国民的需求». Если «удовлетворить спрос» не нравится, можно также переводить как «合乎许多国民的心意», но такое выражение также не привычно в данном политическом контексте для китайских читателей.

Остальная часть – «Ведь об этой системе, как правило, судят по первичному звену.» можно по разному переводить.

Сначала, определим его тип. Это «Действие», так как в нём есть глагол «судят». Мы, конечно, можем его переводить как «Действие». Получается «毕竟人们总根据第一环节来评判这个系统».

Но мы не должны всегда сохранить типологический характер исходного предложения в переводе. Мы можем и перевести его в другие типы.

Например, в «Характеристику» - «毕竟人们总是根据第一环节来评判这个系统的» - что буквально значит «Вель люди - всегда **судящие** по первичному звену об этой системе». Это логика достаточно непривычна для русского языка, но шаблон «是... (причастие)....的» можно часто употреблять в таких подобных ситуациях. С его помощью легко переводить предложения других типов в «Характеристику».

Или в «Существование» - «毕竟人们总有根据第一环节来评判这个系统的习惯» - что буквально значит «Ведь у людей, как правило, **привычка** судить об этой системе по первичному звену». Здесь мы добавили слово «привычка», что в исходном тексте нет, поэтому этот перевод не считаем 100% эквивалентным.

То есть, тип исходного текста не должен ограничить наш способ перевода. Конечно, важно сначала оформлять полное предложение с помощью основное знание китайской грамматики.

В данном примере исходный текст достаточно краткий, а при переводе длинных, сложных предложениях проблема уже не в том, как переводить конкретные слова на китайский язык, а преодолеть ту трудность, что в китайском языке не допускаются длинные придаточные конструкции – основной способ вставления в предложение информации.

Пример следующий:

«В соответствии с решениями состоявшегося в Сочи Конгресса сирийского национального диалога, страны-гаранты Астанинского процесса — Россия, Турция и Иран - провели большую работу по формированию Конституционного комитета, добившись согласия Правительства и оппозиции со списком его потенциальных членов.»

Определение типа предложения: Это «Действие». Главная часть: «Страны-гаранты провели большую работу». Сначала попробуем переводить его как «Действие».

Здесь мы пока не думаем о конкретных отношениях между частями, а только по частям их переводить, пока инролирую падеж русских выражений.

«В соответствии с решениями» - 根据决定

«Состоявшегося в Сочи» - 在索契举行的

«Конгресса сирийского национального диалога» - 叙利亚全国对话大会

«Астанинского процесса — Россия, Турция и Иран» - 阿斯塔纳进程的担保国——俄罗斯，土耳其和伊朗

«Провели большую работу» - 进行了大量工作

«По формированию Конституционного комитета» - 组建宪法委员会的

«Добившись согласия Правительства и оппозиции» - 得到了政府和反对派的同意

«Со списком его потенциальных членов» 对候选人名单

Далее мы объединяем части в соответствии с китайской грамматикой. Это может быть любых две связанных части. Получаем следующие части:

根据决定

在索契举行的叙利亚全国对话大会

阿斯塔纳进程的担保国——俄罗斯，土耳其和伊朗进行了大量工作

组建宪法委员会的大量工作

得到了政府和反对派对候选人名单的同意

Далее объединяем части и удалим повторы, добавим связи:

根据在索契举行的叙利亚全国对话大会的决定，阿斯塔纳进程的担保国——俄罗斯，土耳其和伊朗进行了组建宪法委员会的大量工作，得到了政府和反对派对候选人名单的同意。Здесь уже переведено предложение. Конечно, мы можем далее адаптировать порядок слов, добавить некоторые слова, чтобы перевод полностью соответствует нормам китайского языка, но критических ошибок здесь нет. Этот вариант уже приемлемый. Адаптировать в другие типы предложения не нужно.

Конечный вариант: 根据在索契举行的叙利亚全国对话大会的决定，阿斯塔纳进程的担保国——俄罗斯，土耳其和伊朗进行了组建宪法委员会的大量工作，拟定的委员会候选人名单得到了政府和反对派的同意。

Данный пример только длинный, и практика показывает, что нет необходимости адаптировать его синтаксическую конструкцию. Дальше приведем пример, где можно адаптировать.

«Вызывает тревогу и стремление продвигать вне рамок международных структур различные не консенсусные инициативы, а выработанные келейно, «узким кругом избранных» решения, преподносить их как мнение всего мирового сообщества.»

Определение типа предложения: Это «Действие». Главная часть: (кое-какое) стремление вызывает тревогу. Оформляем переведенные части исходного текста:

«Стремление вызывает тревогу» - 趋势引起警觉. Если сохраним синтаксическую структуру, остальные части предложения мы должны переводить как дополнительная информация к слову «стремление».

«Вне рамок международных структур» - 在国际组织框架外.

«Продвигать различные не консенсусные инициативы» - 推行各种未经协商的提案

«Выработанные келейно, «узким кругом избранных» решения» - 秘密地，由“一小群精英”制订的决议

«Преподносить их как мнение всего мирового сообщества.» - 将其当做整个国际社会的意见。

Нужно отметить, что мы должны распознавать в частях «не консенсусные инициативы, а выработанные келейно.....решения» сопоставление. Тогда для выражения сопоставления, нужно употреблять шаблон «不是....而是.....». Получаем «不推行经过协商的提案, 而推行秘密地, 由“一小群精英”制订的决议».

Объединяем части. Получаем:

在国际组织框架外不推行经过协商的提案, 而推行秘密地, 由“一小群精英”制订的决议, 将其当做整个国际社会的意见的趋势引起警觉。

Этот перевод проблематичный, потому что описание «стремления» слишком длинный, и фактически составляет из двух предложений. Теперь нужно переводить предложение в другие типы.

«Существование»: 有一种需要警觉的趋势——在国际组织外不推行经过协商的提案, 而推行秘密地, 由“一小群精英”制订的决议, 将其当做整个国际社会的意见。

«Характеристика»: 有一种趋势是需要警觉的——在国际组织外不推行经过协商的提案, 而推行秘密地, 由“一小群精英”制订的决议, 将其当做整个国际社会的意见。

Эти два адаптированной варианты соответствуют привычкам китайского языка, и новая информация (рема) как правило, была поставлена в конце предложения. Эти варианты более приемлемы.

Есть и пример, когда главное предложение не носит важную информацию. Оно существует только для того, чтобы предложение стало полным. Например:

«В наши дни историческую традицию использования Грановитой палаты для проведения церемоний на высшем уровне продолжают и Президенты Российской Федерации».

Если мы удалим дополнительную информацию, то остается лишь «президенты продолжают традицию». Если мы переводим его в «总统延续了.....的传统», то как в предыдущем примере, описание к слову «традиция» будет слишком длинным:

«В наши дни» - 现在

«Историческую традицию» - 历史传统

«Использования Грановитой палаты» - 用多棱宫

«Для проведения церемоний на высшем уровне» - 举行最高级别的典礼

«продолжают и Президенты Российской Федерации» - 俄罗斯联邦总统们延续

现在俄罗斯总统们仍延续了在多棱宫举行最高级别的典礼的历史传统。

Но фактически реальность, описанная в данном предложении не является «президенты продолжают традицию», а «президенты продолжают проводить церемонии в Грановитой палате». То есть, в переводе мы должны обращать больше внимание именно на это, и сбросить структуру исходного текста. Тогда получаем «现在俄罗斯总统们仍继续在多棱宫举行最高级别的典礼». Здесь пока не переведено «историческая традиция». Так как эта часть в переводе уже не является дополнением, мы можем переводить его как «образ действия» - «по исторической традиции».

«По традиции» и «продолжать» в китайском языке не употребляются вместе, потому что повторяется значение «продолжать». Конечная версия: «现在俄罗斯总统们仍按历史传统在多棱宫举行最高级别的典礼»

Обобщая вышеизложенный материал, следует сделать следующие выводы:

1. Можно удалить по нашему определению дополнительную информацию, чтобы структура предложения стала более ясной для переводчиков. После удаления дополнительной информации можем определить тип предложения.

2. При переводе длинных предложениях, мы можем разбить его в некоторые части, и объединяем переведенные части вместе в соответствии с их отношением в исходном тексте.

3. Тип перевода как предложение не должен всегда остаться одинаковым, как исходный текст.

4. Иногда нужно делать необходимые адаптации и изменения в переводе, чтобы он стал приемлемой.

5. Иногда главное предложение не содержит большую долю информации, тогда мы можем переорганизовать предложение, чтобы важная информация находилась в конструкции «подлежащее, сказуемое, дополнение», что соответствует нормам китайского языка.

Список литературы:

Гарбовский Н.К. Теория Перевода / Н.К.Гарбовский М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.

Лавров С.В. Большая пресс-конференция Сергея Лаврова по итогам 2018 года [Электронный ресурс], Режим доступа: <http://interkomitet.ru/blog/2019/01/17/bolshaya-press-konferentsiya-sergeya-lavrova-po-itogam-2018-goda/>

Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс], Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>

汉语语法史/ 王力著. – 北京: 中华书局, 2014.10

实用翻译教程/ 范忠英编著. – 北京: 外语教学与研究出版社, 1994.6

Шарабидзе Т.Т.

ТГУ имени Иванэ Джавахишвили
г. Тбилиси (Грузия)

Sharabidze Tamar

Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
Tbilisi (Georgia)

**ГРУЗИНСКИЙ ПЕРЕВОД «ДОН ЖУАНА»
ДЖОРДЖА ГОРДОНА БАЙРОНА**

**GEORGE GORDON BYRON'S «DON JUAN»
AND ITS GEORGIAN TRANSLATION**

В статье говорится о грузинском прозаическом переводе поэмы «Дон Жуан» Джорджа Гордона Байрона. Перевод выполнен Ростомом и Паатой Чхеидзе в 2016 году. Первые сведения о Байроне в Грузию в XIX веке внесли Александр Грибоедов, а также другой русский поэт Вильгельм Кюхельбегер. Байрон имел большое влияние на грузинских поэтов-романтиков. Перевод, выполненный в XXI веке, имеет характерные для нашей эпохи особенности. Данное творение лорда Байрона переводчики считают современным романом. Переведенный на грузинский язык «Дон Жуан» читается с легкостью, точно следует тексту оригинала и старается не пропустить ни одну деталь; одним словом, книга не является свободным переложением. В ней отчетливо проявились основные стилистические особенности Байрона, освобожден от всяких литературных рамок. Грузинский перевод «Дон Жуана» сопровождается предисловием переводчиков, в котором говорится о том, как они старались отыскать точно соответствующую форму для данного сложного поэтического творения. Их труд можно назвать поэтической прозой; перевод, несмотря на то, что лишен рифмы, сохраняет характерный ритм.

The article talks about the Georgian prose translation of the poem "Don Juan" by George Gordon Byron. The translation was made by Rostom and Paata Chkheidze in 2016. The first information about Byron in Georgia in the XIX century was made by Alexander Griboedov, as well as another Russian poet Wilhelm Kuchelbeger. Byron had a great influence on Georgian romance poets. The translation made in the 21st century has features characteristic of our time. This poem of Lord Byron is considered a modern novel by translators. "Don Juan" translated into Georgian is read with ease, exactly follows the original text and tries not to miss a single detail; the book is not a free arrangement. It clearly showed the main stylistic features of Byron, freed from any literary framework. The Georgian translation of "Don Juan" is accompanied by the translators preface that tell how they tried to find the exact appropriate form for this complex poetic work. Their work can be called poetic prose; translation, despite being devoid of rhyme, retains a characteristic rhythm.

Ключевые слова: Байрон, поэма, «Дон Жуан», оригинал, перевод, стиль.

Keywords: Byron. the poem, «Don Juan», original, translation, style.

Вообще, переводить классиков сложно, тем более, если писатель не современник и отстоит во времени. Прошедшее время отражается и в языке, что должно проявить себя и в переводе. Переводить Джорджа Гордона Байрона на грузинский стали еще в XIX столетии. Байрон повлиял на творчество многих поэтов, в том числе на грузинского поэта Николоза Бараташвили. Первые сведения о Байроне в Грузию внесли Александр Грибоедов, а также другой русский поэт Вильгельм Кюхельбегер. Их сослали в Грузию как непокорных и ненадежных молодых интеллектуалов. Неслучайно, что первым, кто познакомил Грузию с Байроном, был именно Грибоедов. Поэма «Горе от ума» – это мини-модель того, что

пришлось пережить Байрону у себя на родине. Грибоедов является первым, открывшим путь Байрону в Грузию... Очевидно, тесть Грибоедова, поэт Александр Чавчавадзе, благодаря своему зятю, оказался под влиянием творчества Байрона. Предположительно, «Гогча» Александра Чавчавадзе создана под впечатлением «Еврейских мелодий» Байрона. Английского поэта в своих произведениях упоминали грузинские писатели XIX века: Гиоргий Эристави, Григол Орбелиани, Александр Орбелиани и другие. Особенное влияние Байрон имел на творчество Николоза Бараташвили, о чем не раз отмечалось в научной литературе. После раскрытия заговора 1832 года на протяжении восьми лет, в Грузии запрещалась публикация произведений Байрона, однако идеи поэта переходили из салона в салон. Результатом этого является то, что Байрон был хорошо известен в Грузии и его творчество активно переводилось. Лидер национально-освободительного движения Грузии XIX века, писатель Илья Чавчавадзе сравнивает реку Терек – символ движения – с Байроном, а гору Казбег, возвышенную и далекую, – с Гете.

Отметим, что в Грузии в основном переводили поэзию Байрона, переводы выполнялись как с оригинала, так и с русских переводов. Последние, разумеется, сопровождалось определенными изъянами, представляя собой переводы переводов. В них были утеряны те нюансы, которые не смогли отразиться в русских переводах. Исходя из этого, эти нюансы пропали и в грузинских переводах.

В 2016 году грузинская литература обогатилась еще одним переводом Байрона. Речь идет о прозаическом переводе «Дон Жуана», выполненном Паатой и Ростомом Чхеидзе. Из мировых эпосов до этого на грузинский существовало только два прозаических перевода: переложенный неизвестным автором «Висрамиани» Фахрадина Гургани и зазвучавший под пером Зураба Кикнадзе и Тамаза Чхенкели «Одиссея» Гомера. К этим переводам добавился «Дон Жуан» в переводе Пааты и Ростом Чхеидзе. В свое время эти литераторы стихами переложили англо-саксонский героический эпос «Беовульф», поэтому, думается, их не затруднил бы и поэтический перевод «Дон Жуана», но они сознательно выбрали проторенный грузинскими «Висрамиани» и «Одиссеей» путь. Причиной этого было следующее: данное творение лорда Байрона переводчики считают современным романом. В грузинском литературоведении относительно данного перевода бытуют два взгляда: часть критиков считает, что «в наше время сам Байрон предпочел бы написать это произведение в прозе»; другая часть придерживается мнения, что переводить поэтическое творение прозой нецелесообразно, это искажает его восприятие, раскрывающееся в форме стиха, в его ритме и легкости. Мы, со своей стороны, приветствуем данный прозаический перевод, т.к. считаем, что современный читатель (не говоря о литераторе) с трудом воспринимает

объемные произведения, написанные стихами; также сложно переводчику, который затрудняется в стихотворной форме точно перенести действие и переживания героев, кроме того, он должен думать о перенесении рифмы и придать всему произведению в одну форму.

В свое время известный грузинский писатель XX века Отар Чхеидзе собирался перевести «Дон Жуана» белым стихом и в качестве образца перевел «Посвящение», позднее включенное им в биографический роман «Итальянские дневники Байрона». Писателю стало ясно, что переложение эпоса требовало от него очень много времени и энергии, поэтому он предпочел написать собственный роман; однако он воодушевил молодых, которые, благодаря его роману, познакомились с миром Байрона и получили возможность пережить художественную силу «Дон Жуана».

Известно, что данный эпос создавался Байроном в подражание Гомера. Им было задумано написать 24 Восхваления, однако, он не смог осуществить этого из-за преждевременной кончины. Произведение включает 17 Песен. Волнующие приключения Дон Жуана прерываются на захватывающем эпизоде, хотя незавершенность не является изъяном этого великого произведения.

Вирджиния Вульф, один из ярких представителей модернистской прозы, в своих дневниках называет «Дон Жуана» одной из наиболее популярной поэмы. Ученым сложно определить жанровое своеобразие поэмы. Одни называют его эпосом, вторые – сатирическим эпосом, третьи – антиэпосом. Для переводчиков особенно значимо было то, что Энн Мелор называет произведение эпическим романом, а Элизабет Бойль – стихотворным пикареским романом. Данное обстоятельство убедило переводчиков в возможности прозаического перевода произведения. К этому добавился тот факт, что «Евгений Онегин» Александра Пушкина, написанный непосредственно под влиянием «Дон Жуана» (так же, как и драматическая поэма «Каменный гость»), сопровождается припиской «Роман в стихах».

Джорд Гордон Байрон – величественное имя в мировой литературе, особенно по отношению к модернистской эпохе, когда глобальные культурные процессы и их обмен между европейскими странами становится все более актуальным. Соответственно его «Дон Жуан» не воспринимается только как приключенческий текст: истории, приключившиеся с Дон Жуаном, – это осуществленный Байроном глобальный проект, декларация амбиций человечества, проявивших себя уже в начале XIX столетия. Как известно, сам Байрон также играл важную роль в событиях своей эпохи. Он являлся не только культурной, но и политической фигурой. Его политическая деятельность, участие в национально-освободительном движении Греции, нескончаемые путешествия, указывают на то, что он

был и дипломатом, самой выдающейся фигурой Европы, вносящей мировоззренческие изменения в общественно-политическую жизнь и сознание влиятельных стран того времени.

В интервью Паата Чхеидзе подчеркнул, что Байрон своим «Паломничеством Чайльда-Гарольда» и «Дон Жуаном» определил не только поэзию, но и модернистскую прозу XX века; возможно нахождение типологических параллелей между ним и Джеймсом Джойсом. Неслучайно и то, что его «Улисс» был написан под влиянием Гомера, и поначалу ирландский писатель собирался придать роману структуру из 24 глав.

Переведенный на грузинский язык «Дон Жуан» читается легко, точно следует тексту оригинала и старается не пропустить ни одну деталь; одним словом, книга не является свободным переложением. В ней отчетливо проявились основные стилистические особенности Байрона: двойное время – время персонажа и время автора, острая ирония писателя почти ко всем событиям и переживаниям героя, даже к самому себе, благодаря чему Байрон освобождается от всяких литературных рамок; в «Дон Жуане» он высмеивает само романтическое чувство и сводит его до утилитарной потребности. Слияние романтических и реалистических тенденций – реалистическое изображение действительности и вместе с этим описание полученных под воздействием событий переживаний – характерно для творчества Байрона.

В отличие от немецкого романтизма, в английском романтизме наблюдается большая тяга к реализму. Этот процесс в литературе становится очевидным с XVIII века. Вечная тема поэзии для английского романтизма также предстает жизнью души, проявляющейся в быту. Задачей писателя является следующее: правильным воздействием на мысли и чувства читателя задействовать эту духовную жизнь, привести ее в движение. Наверное, поэтому, подобно другим великим представителям английского романтизма, в творчестве Байрона очень сильны реалистические тенденции. Поэт настолько детально изображает внешний мир, что, если бы не особенности выражения, с первого взгляда его можно принять за реалиста. Отчетливо проступает избыточный субъективизм. В эпических творениях Байрона биографический материал внесен в таком количестве, что его «Дон Жуан» предстает своеобразным автобиографическим романом.

Байрону интересен не только внешний мир; большое внимание он уделяет влиянию внешних обстоятельств на самого себя, своей субъективной оценке и иронии, которые придают определенную свободу поэту, освобождая его от общественной морали. Именно эта свобода видна в грузинском переводе, проявляющаяся в первую очередь в реалистическом уклоне поэта, что особенно очевидно в его поэмах. Байрон в точности

передает действительность, но еще большее внимание он уделяет описанию полученных от того или иного события переживаний. В этих переживаниях проступает могучая ирония относительно почти каждого явления и переживания, проступает ирония к самому себе. Благодаря иронии поэт высвобождается из литературных границ. В своем «Дон Жуане» он смеется над самим романтическим чувством и доводит его до утилитарной потребности.

Следует отметить, что в поэме «Дон Жуан» описана не только история главного персонажа, но и в первую очередь современная писателю действительность (те же обращения Байрона к историческим и текущим событиям, его взгляды на писателей и деятелей той эпохи. Среди них: Уильям Блейк, Томас Мур, Семюэл Тейлор Колридж, Вильям Уордсворт, Роберт Скотт, Томас Кемпбел, Сэмюэл Роджерс, Джордж Краб и др.; нюансы общения с ними и т.д.). Два времени текут в параллельных руслах, однако развитие сюжета происходит только в одном времени. Лавирование в двух временах, объединение времени и среды автора и персонажа, является особенностью стиля поэм Байрона, что со всей полнотой отображено и в переводе. Заглавия поэм, те же «Дон Жуан», «Манфред», «Паломничеством Чайльд-Гарольда», указывают на время персонажа, чего нельзя сказать о поэме «Каин». Такой акцент на современность является одним из признаков субъективизма, хотя каждый отдельный романтик по-разному проявляет свой субъективизм: на первый план выдвигает или индивидуализм отдельного действующего лица, или субъективную точку зрения автора. Можно сказать, что в «Дон Жуане» проступает развитие творческого метода Байрона от романтизма к реализму; данная тенденция видна и в переводе.

Как известно, в поэзии Байрона его душевное состояние проступает в разных аспектах: тяжелая печаль неразлучна с поэтом, с его душой, потерявшей спокойствие, он вечно в движении и переносит душу от одной пристани в другую («Уже бегу, хочу оставить этот берег» / Байрон); в поэзии Байрона фигурируют духовные концепты – храм любви, замок веры. «Под этот лунный свет... / Как часто о тебе потоком синим / Печаль склоняет голову устало» [Колхи Донна, Габуня Давид; 2017, с. 62]. Душа Байрона не поддается ветру и непогоде и со скоростью стрелы устремляется к преодолению любого препятствия. Иногда душа поэта направляется к кладбищу, чтобы познать потустороннее. Для него выражением поэтической синевы являются вершины холмов Энсли, помнящие поэта Байрона, который любил уединенные прогулки. Луна Байрона накрывает синевой пространство и «Мечты несутся в бездну вихрем сильным, / А время тянется, влача минуты вяло» [Колхи Донна, Габуня Давид; 2017, с. 43]. Перечисленные концепты формируют идеологию поэта, его мышление, что очевидно и в прозаическом переводе «Дон Жуана». Самый важный концепт творчества Байрона, на наш взгляд, – это вечный порыв («бег») к

недостижимому и непостижимому. Во всем творчестве Байрона чувствуется внутренний ритм порыва и движения: («Уже бегу, хочу оставить этот берег»); поэтому в процессе работы над «Дон Жуаном» переводчикам пришлось довольно долго искать соответствующий ритм повествования; для этого им пришлось испробовать различные стили выражения.

Грузинский перевод «Дон Жуана» сопровождается предисловием переводчиков, в котором говорится о том, как они старались отыскать точно соответствующую форму для данного сложного поэтического творения. Их труд можно назвать поэтической прозой; перевод, несмотря на то, что лишен рифмы, сохраняет характерный ритм. Вместе с языковой тканью ритм определяет поэтическую структуру произведения. Ритмом, рефренами, аллитерациями, лексическим своеобразием данный текст выявляет свойства поэтического творения. Переводчики превосходно справились с задачей и добились поставленной цели – сохранить связь с эпохой романтизма, с лексическими традициями XIX столетия, установленными романтиками и, в то же самое время, поставить отпечаток современности. Сменой архаических выражений и скабрёзной лексики они смогли пропитанный ароматом двухсотлетней данности текст сделать вечно современным. Подобное отношение к тексту, на наш взгляд, обусловило популярность перевода и успех книги.

Список литературы:

Байрон Джордж Гордон. Дон Жуан. Переводчики Ростом и Паата Чхеидзе. Тб., изд-во Тбилисского государственного университета Ильи, 1991 (на груз. яз.).

Джордж Гордон Байрон. Стихи. http://www.orator.ru/stihi_bairon_elegia.html (дата обращения: 05.03.2019)

Лирика. Переводчики Колхи Донна, Габуня Давид и Паата Чхеидзе. Тб., 1991 (на груз. яз.).

Шебаршина Д.Ю.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Shebarshina Daria
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПРИЕМ ЧЛЕНЕНИЯ И ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАК ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

SENTENCE FRAGMENTATION AND INTEGRATION AS ONE OF MAJOR SYNTACTIC TRANSFORMATIONS IN SIMULTANEOUS INTERPRETING

В данной статье говорится о трансформациях, к которым неизбежно прибегает синхронный переводчик для передачи системы смыслов оригинального текста. В частности, стрессовые условия осуществления самого процесса перевода и отсутствие достаточного количества времени для осмысления текста оригинала способствуют тому, что особую важность в синхронном переводе приобретают синтаксические трансформации членения и объединения предложений. В статье мы подробно остановимся на примерах использования данных трансформаций в реальной практике синхронного перевода, обусловим целесообразность этих операций, а также выявим факторы, которые влекут за собой принятие соответствующих переводческих решений.

The article deals with transformations that inevitably uses a simultaneous interpreter to convey the system of meanings of a source text. In particular, stressful conditions of simultaneous interpreting and strict time limits for perceiving a source text determine the importance that gain the syntactic transformations of sentence fragmentation and integration when performing simultaneous interpreting. In the present article we will provide examples of such transformations found in the practice of simultaneous interpreting as well as we will define their feasibility and factors that caused them.

Ключевые слова: синтаксическая трансформация, синхронный перевод, система смыслов, текст оригинала, текст перевода, членение и объединение предложений.

Keywords: syntactic transformation, simultaneous interpreting, system of meanings, source text, target text, transformations of sentence fragmentation and integration.

В настоящее время международные мероприятия в основном обеспечиваются синхронным переводом, поскольку именно этот вид перевода способен обеспечить интенсивную межкультурную коммуникацию в условиях жесткого временного регламента. Почему же работа синхронного переводчика столь востребована и, одновременно, столь сложна? Почему синтаксические трансформация членения и объединения предложений являются одним из ключевых приемом синхронного перевода?

Многие теоретики и практики анализировали синхронный перевод. Так, В.Н. Комиссаров характеризует синхронный перевод как «способ устного перевода, при котором переводчик, слушая речь оратора, практически одновременно (с небольшим отставанием 2-3 сек.) проговаривает перевод» [Комиссаров, 2001, с. 112]

Осуществление синхронного перевода одновременно с восприятием сообщения на языке оригинала являет собой принципиальное отличие данного вида языкового посредничества от других видов коммуникативной деятельности. «Особенность синхронного перевода, отличающая его от всех остальных видов перевода, заключается именно в том, что его основная и, по сути, единственная цель – обеспечить общение между разноязычными участниками акта коммуникации в момент совершения этого акта» [Чернов, 1987, с. 12].

Г.В. Чернов характеризует синхронный перевод как «двухязычную коммуникативно-речевую деятельность, осуществляемую в экстремальных условиях – мощных физических, психологических и семантических «помех», острого дефицита времени и внешнего контроля за темпами протекания деятельности» [Чернов, 1978, с. 130]. Вышеперечисленные экстремальные условия осуществления переводческой деятельности определяют особенности синхронного перевода. А.Ф. Ширяев выявляет главную особенность синхронного перевода – «параллельность восприятия речи оратора и порождения речи на языке перевода» [Ширяев, 1979, с. 6], при этом перечисляя и другие особенности, в первую очередь жесткий лимит времени: время осуществления синхронного перевода «в 2 раза меньше того, которым располагает переводчик при последовательном переводе, и в 20-30 раз меньше, чем при письменном переводе текста той же речи» [там же]. Учёный отмечает и «посегментный характер синхронного перевода: синхронный переводчик переводит текст по сегментам по мере их поступления, тогда как при последовательном переводе (как и при письменном переводе письменных материалов) переводчик сначала прослушивает (прочитывает) весь текст» [там же]. Следовательно, соображения экономии времени на проведение мероприятия обуславливают все увеличивающуюся востребованность данного вида перевода.

Таким образом, ввиду ряда особенностей и экстремальных условий осуществления синхронный перевод признается экспертами крайне специфическим родом деятельности, «подвластным» лишь избранному кругу лиц. Профессионалы, осуществляющие синхронный перевод, обладают необходимыми для данной деятельности компетенциями, включающими развитую краткосрочную память, умение прогнозировать высказывание, навык одновременного говорения и слушания речи, способность быстро переключаться с одного языка на другой, умение абстрагироваться от «помех» разного рода, умение грамотно производить переводческие трансформации.

Прежде чем вводить в повествование ключевые для синхронного перевода синтаксические трансформации, стоит подробно остановиться на самом понятии

переводческой трансформации. Так, в лингвистике существует целый ряд определений понятия **переводческая трансформация**.

Я. И. Рецкер называет трансформациями «приемы логического мышления, с помощью которых переводчик раскрывает значение иноязычного слова в контексте и находит ему русское соответствие, не совпадающее со словарным (лексические трансформации) и преобразования структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами переводящего языка (грамматические трансформации)» [Рецкер, 1974, с.38].

Следующее определение данному понятию дает В.Н. Комиссаров: «поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально- семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц» [Комиссаров, 1990, с. 172].

Л.С.Бархударов считает, что переводческие трансформации - это многочисленные и качественно разнообразные преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности») перевода вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков [Бархударов, 1975, с. 190].

Таким образом, исследователи понимают под «переводческой трансформацией» отношения между соотнесенными единицами исходного текста и текста перевода на разных уровнях языковой системы.

Н.К. Гарбовский, в свою очередь, характеризует переводческую трансформацию как «такой процесс перевода, в ходе которого система смыслов, заключенная в речевых формах исходного текста, воспринятая и понятая переводчиком в силу его компетентности, трансформируется естественным образом вследствие межъязыковой асимметрии в более или менее аналогичную систему смыслов, облакаемую в формы языка перевода²⁷».

На наш взгляд, именно определение Н.К. Гарбовского более полно раскрывает понятие трансформации, поскольку оно позволяет отойти от формальных (поверхностных) структур и погрузиться в систему смыслов (глубинные структуры). Кроме того, исследователь особое внимание уделяет и субъективности восприятия переводчиком системы смыслов, умению переводчика максимально полно и точно передать смысл исходного сообщения на фоне множественных помех.

Подробно рассмотрев понятие переводческой трансформации, мы возвращаемся к вопросу синхронного перевода и ключевым трансформациям, присущим этой деятельности.

---

²⁷ Гарбовский Н.К. Теория перевода 2007 с. 366

Почему же именно членение и объединение предложений выступают одним из ключевых приемов синхронного перевода?

Как мы видели выше переводческая трансформация рассматривается большинством исследователей как операция, обусловленная межязыковой асимметрией, то есть лингвистическими факторами. Но что, если при осуществлении перевода на первый план выходят внелингвистические факторы.

Так, например, испанский лингвист Фернандо Поятос в своем исследовании говорит о таком внелингвистическом факторе синхронного перевода, как обеспечение переводчику надлежащей видимости из кабины. Ученый отмечает тот факт, что участники коммуникации в процессе выступления постоянно обращаются к языку невербального общения: мимике, жестам, позам. По оценкам лингвиста «словами невозможно передать все составляющие коммуникации, поскольку словарный запас человека по своей полноте не может сравниться со способностью разума человека к самовыражению» (перевод мой — Д. Ш.) [Poyatos, 1994, с. 100].

В свою очередь, испанский психолог-лингвист Альберт Коста исследует другой фактор внелингвистического характера, а именно проблему распределения внимания: «эту способность мы неосознанно применяем каждый день – на базовом уровне, когда одновременно слушаем и пишем или, когда одновременно идем и разговариваем и на более сложном уровне, когда требуется прикладывать больше усилий» (перевод мой — Д. Ш.) [Costa, 2015]. Ученый в своем исследовании показывает, что у «синхронных переводчиков вышеупомянутая способность особенно развита, поскольку они постоянно равномерно распределяют внимание при осуществлении процессов понимания и воспроизведения исходного сообщения» [там же].

В процессе синхронного перевода необходимо учитывать и другие не менее важные внелингвистические факторы такие, как темп оратора, посегментность развертывания высказывания, острый дефицит времени, внешний контроль за деятельностью переводчика, речевая избыточность, особенности произношения оратора и другое. В следствие этого прием членения и объединения предложений становится главным «помощником» синхрониста при выполнении перевода.

Обратимся к примерам из переводческой практики синхронистов Организации Объединенных Наций. Примеры наглядно показывают использование приема членения и объединения предложений при осуществлении синхронного перевода.

• **Прием объединения предложений** – это способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное [Комиссаров, 2001, с. 218].

1. This institution was founded in the aftermath of two world wars to help shape this better future. *It was based on the vision* that diverse nations could cooperate to protect their sovereignty, preserve their security, and promote their prosperity. [1:2] – Такое учреждение, как ООН, ведь создали после двух мировых войн, чтобы сформировать облик лучшего будущего *на основе видения*, что самые разные страны могут сотрудничать друг с другом, чтобы ограждать свой собственный суверенитет, сохранять безопасность и поощрять процветание. [2:2]

Данный пример иллюстрирует прием объединения предложений при переводе с английского языка на русский. Объединение предложений обусловлено невысоким темпом речи оратора, что, в свою очередь, позволило переводчику соединить два простых предложения.

2. Mr President, *There are two ways of addressing the curse of poverty. The traditional method is through incremental levels of aid and hand-holding.* But our Prime Minister Narendra Modi has chosen the more radical route, through economic empowerment. [3:3] – *Госпожа председатель, можно двояко подойти к искоренению нищеты – это традиционный метод увеличения гуманитарной помощи.* Но наш премьер-министр Нарендра Моди пошел по более радикальному пути - это расширение экономических прав и возможностей. [4:3]

Аналогичную картину мы видим и здесь. Невысокий темп речи обуславливает преобразование синтаксической структуры выделенных курсивом предложений на ИЯ в одно сложное в ПЯ.

3. За резолюцию проголосовало подавляющее большинство государств-членов ООН. В меньшинстве оказались прежде всего как раз те страны, которые вопреки целям и принципам Устава ООН пытаются доминировать в глобальных делах, навязывать модели развития и свои «ценности» государствам и народам, руководствуясь логикой однополярности, подрывающей международное право. – *Los estados miembros de las Naciones Unidas votaron a favor, pero en la minoría estaban aquellos países en donde los principios de la Carta tratan de dominarse los asuntos mundiales e imponer sus propios modelos y valores de desarrollo.* Se ven guiados por la lógica de unipolaridad.

В данном примере мы видим и прием объединения, и прием членения предложения, о котором пойдет речь далее. В первом случае темп речи оратора из России невысок, что

позволяет переводчику из испанской кабины синхронного перевода не следовать за оратором «по пятам», а послушать его и определить синтаксическую связь между предложениями. По итогам прослушивания оратора переводчик принимает решение объединить предложения противительным союзом «рего» («но»). В то же самое время, необходимость членения второго предложения оригинального текста продиктована нормами испанского языка: страдательное причастие «*guiados*» значительно отстоит от глагола «*tratan de*», что приводит к несогласованности предложения. В результате чего, переводчик принимает решение разделить предложение.

- **Прием членения предложения**

1. *Es necesario detener los enfrentamientos que han provocado una violencia innecesaria, que nos lastima a todos los latinoamericanos.* [11:1] – *Необходимо избежать столкновений, которые вызвали столь ненужное насилие. Эта ситуация заботит всех нас, латиноамериканцев.* [12:1]

Синхронист использует прием членения предложения при переводе на русский язык испанского сложноподчиненного предложения с придаточным определительным. Данный выбор, скорее всего, продиктован стремлением переводчика избежать нанизывания придаточных определительных предложений с союзным словом «который».

2. *International criminal networks traffic drugs, weapons, people; force dislocation and mass migration; threaten our borders; and new forms of aggression exploit technology to menace our citizens.* [1:2] – *Международные преступные сети. Торговля наркотиками, оружием, людьми. Принудительное перемещение людей. Массовая миграция. Угроза нашим границам. Новые формы агрессии с использованием технологий для того, чтобы угрожать нашим гражданам.* [2:2]

Переводчик использует здесь две трансформации. Во-первых, он умышленно изменяет тип предложения со сложного предложения с сочинительной связью на простые назывные предложения. Во-вторых, появление назывных предложений «*Международные преступные сети. Торговля наркотиками, оружием, людьми. Принудительное перемещение людей*» предполагает членение оригинального предложения. На наш взгляд, данный переводческий прием позволяет заострить внимание на каждом кванте информации оратора и оказать соответствующий прагматический эффект на получателя информации.

3. *Los dolorosos daños a servicios y las pérdidas de bienes sociales y personales, las privaciones ocasionadas a las familias por largas horas sin electricidad o abasto de agua, acentuaron la unidad y solidaridad de nuestro noble y heroico pueblo.* [7:2] – *Был нанесен колоссальный ущерб различным службам, социальному и личному имуществу. Кроме того,*

пострадали многие семьи – долгие часы они находились без электроснабжения и воды. Все это сплотило наш народ, повысило солидарность нашего героического народа. [8:2]

Оригинальное предложение на испанском языке содержит целый ряд однородных распространенных подлежащих со сказуемым, значительно отстоящим от первого подлежащего. Переводчик, чтобы избежать перегруженности предложения и потенциальных ошибок в лексической сочетаемости, принимает решение разбить сложное предложение на три простых. Кроме того, решение переводчика о внедрении приема членения предложения продиктовано высоким темпом оратора, не позволяющим сохранить изначальную структуру предложения.

4. *On our part, we will continue contributing towards the good governance of the oceans by hosting the next “Our Ocean 2017 Conference” in Malta next month.* [9:1]– *В свою очередь, мы продолжим вносить свой вклад в надлежащее управление океанами. Принимаем следующую конференцию «Наш Океан 2017» на Мальте в следующем месяце.* [10:1]

В данном случае переводчик использует эмфазу, поэтому намеренно дробит оригинальное предложение. При переводе на русский язык акцент оказывается на словосочетании «*Принимаем следующую конференцию*».

5. *Más aun, como si no sobraran las amenazas sobre la humanidad y sus deslumbrantes creaciones, es un hecho que se perpetua y expande el hegemonismo militar y nuclear, en detrimento de la aspiracion mayoritaria de los pueblos a un desarme general y complete, ideal que Cuba comparte y, como prueba de su compromise con este objetivo, el 31 de enero pasado, se convirtio en el quinto Estado en ratificar el Tratado sobre la Prohibicion de las Armas Nucleares.* [13:2]– *In addition, and as if there were not enough threats on humanity and its deadly creations, it is a fact that the military and nuclear hegemonism of imperialism is perpetrating itself and expanding to the detriment of hopes of the majority of the peoples for a general and complete disarmament. It is an idea Cuba shares. As approval of its commitment on January 31, last Cuba became the fifth state to ratify the Treaty on Prohibition of Nuclear Weapons.* [14:2]

Здесь мы наблюдаем сложную структуру исходного предложения, что является нормой для испанского языка, нежели исключением из правила. Переводчик английской кабины максимально следует синтаксической структуре оригинального текста до тех пор, пока это не начинает противоречить нормам английского языка. Данный лингвистический фактор, а также высокий темп речи носителя испанского языка приводят к тому, что

переводчик отступает от первоначальной структуры и дробит высказывание на три предложения.

Вышеизложенные примеры показывают, что качество синхронного перевода зависит не только от учета в переводе лингвистических, но и внелингвистических факторов.

При изучении и анализе трансформаций, характерных для устного синхронного перевода, нам представляется целесообразным применять комплексный подход. С одной стороны, важно учитывать лингвистические основы перевода, которые заложили виднейшие исследователи в области языкознания. С другой стороны, изучение устного синхронного перевода требует междисциплинарного подхода, соответственно, особая роль отводится внелингвистическим факторам перевода. На практике, в процессе осуществления синхронного перевода, также необходимо избирать стратегии, которые бы учитывали возможные лингвистические и внелингвистические составляющие перевода. Стратегия использования приемов членения и объединения предложений представляется нам удачной, поскольку она позволяет профессионалу как успешно преодолевать случаи межязыковой асимметрии на синтаксическом уровне, так и грамотно «реагировать» на внелингвистические факторы.

Список литературы:

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. /Л.С.Бархударов. М.: Международные отношения, 1975. -240 с.
Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. / Л.С. Бархударов. М., 2008. -240с.
Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник /Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. / В.Н. Комиссаров. М.: ЭТС, 2001. — 424с
Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). /В.Н. Комиссаров.М.: Высшая школа, 1990. - 253 с.
Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. / Я.И. Рецкер. М.: Международные отношения, 1974. — 216 с.
Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода / Г.В. Чернов. М.: Междунар. Отношения, 1978. 253 с.
Ширяев А.Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода / А.Ф. Ширяев. М. Воениздат, 1979.183 с.
Costa A. Language control in bilinguals: Intention to speak vs. execution of speech. Barcelona: Brain and Language, 2015.
Poyatos F. La comunicación no verbal, Vol. I. Cultura, lenguaje y conversación; Vol. II: Paralenguaje, kinésica e interacción; Vol. III: Nuevas perspectivas en novela y teatro y en su traducción. Madrid: Ediciones Istmo, 1994.

Материал исследования:

Statement by His Excellency Donald Trump, president of the United States of America, at the 72 session of the UN General Assembly, New York, September 19, 2017.

Речь президента США, Дональда Трампа, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 19 сентября 2017 года.

General Debate of the 72nd Session of the United Nations General Assembly Address by Minister of External Affairs of India Smt. Sushma Swaraj 23 September 2017
Речь министра иностранных дел Индии, Сушмы Сварадж, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 23 сентября 2017 года.

Palabras del presidente de Paraguay Juan Carlos Varela ante la Asamblea General de las Naciones Unidas. Nueva York. 20 de Septiembre de 2017.
Речь президента Парагвая, Хуана Карлоса Варелы, на 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 20 сентября 2017 года.

Intervención del Ministro de Relaciones Exteriores de la República de Cuba, Bruno Rogriguez Parrilla en el 72 período de sesiones de la Asamblea General de la ONU. Nueva York. 22 de Septiembre de 2017.
Выступление министра иностранных дел республики Кубы, Бруно Родригеса Парильи, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 22 сентября 2017 года.

Statement by His Excellency Joseph Muscat, prime minister of the Republic of Malta, at the 72 session of the UN General Assembly, New York, September 22, 2017.
Речь премьер-министра Мальты, Джозефа Муската, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 22 сентября 2017 года

Речь министра иностранных дел России, Сергея Лаврова, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 21 сентября 2017 года.

Statement by His Excellency Sergey Lavrov, foreign minister of the Russian Federation, at the 72 session of the UN General Assembly, New York, September 21, 2017.

Palabras del presidente de cuba Miguel Díaz-Canel Bermúdez ante la Asamblea General de las Naciones Unidas. Nueva York. 26 de Septiembre de 2018.
Statement by His Excellency, Miguel Díaz-Canel Bermúdez, president of Cuba, at the UN General Assembly, New York, September 26, 2018.

Юзвяк Иоланта
Университет Казимира Великого
г. Быдгощ (Польша)

Jozwiak Jolanta
Kazimierz Wielki University
Bydgoszcz (Poland)

ИНТЕРТЕКСТ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦИТАТ В РУССКО-ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ

INTERTEXT AND QUOTE TRANSFORMATION IN RUSSIAN-POLISH TRANSLATION

В статье рассматриваются вопросы передачи интертекстуальных ссылок в форме различного рода цитат в русско-польском переводе. Материалом для анализа послужили фрагменты романов Фандоринского цикла Бориса Акунина и их соответствия в польских переводческих вариантах, в которых имеются эксплицитные формы цитации, например, цитаты-имена авторов, заглавия произведений или цитаты с указанием на авторство.

Хотя такого типа интертекстуальные ссылки, с одной стороны, являются самыми простыми для идентификации, с другой стороны, оказывается, что из-за различий в литературно-культурном наследии способы их передачи бывают различными.

Преобразования цитат в переводе приобретают разные формы и зависят от литературно-культурного опыта реципиентов и от оценки переводчиком способности идентификации цитаты потенциальными читателями. В результате в ходе индивидуальных переводческих решений появляются дополнительные объяснения, сноски и замены.

The article deals with the issues of transferring intertextual references in the form of various kinds of quotes in the Russian-Polish translation. The research material consists of excerpts from the novel by Boris Akunin from the Erast Fandorin series and their equivalents in Polish translation variants, which include, for example, quotes - names of authors, titles of works or quotes with an indication of authorship.

Although such types of intertextual references on the one hand are the simplest to convey, on the other hand it turns out that due to differences in the literary and cultural heritage, the ways of their transmission are varied.

Quote transformation in translation take different forms and depend on the literary and cultural knowledge of recipients and the interpreter's assessment of the ability to identify the quote by potential readers. As a result, additional explanations, footnotes or replacements appear in the texts in the process of making individual decisions by the translator.

Ключевые слова: интертекстуальные ссылки, трансформация цитат, переводческие решения, Борис Акунин.

Keywords: intertextual references, quote transformation, translator's decisions, Boris Akunin.

Интертекстуальность и интертекст как проявление «вписанности» текста, особенно художественного, в процесс литературной эволюции уже многие десятилетия является предметом исследований литературоведов и критиков литературы, изучающих природу художественного произведения и творческой художественной деятельности. Однако на переломе XX и XXI веков, т.е. в эпоху диалога культур, вопрос перевода национально-ориентированных текстов стал особо актуальным. В центре внимания оказались культурно обусловленные элементы оригинала различных уровней, способы их передачи в текст перевода, а также возможность их восприятия представителями другой культуры. Объектом исследования стали также интертекстуальные элементы, так как употребляя их, авторы

произведений отсылают читателей к культурному наследию данной языково-культурной общности или к мировому литературному наследию. Примерами текстов, в которых встречаются разные виды цитирования, послужат некоторые постмодернистские романы Фандоринского цикла, написанные представителем современной русской прозы Б. Акуниным, а также их польские переводы, в которых можно найти разные результаты переводческих решений, применяемых при передаче рассматриваемых элементов.

Присутствие интертекстуальных ссылок в форме различного рода цитат выполняет в тексте разные функции, усиливает его экспрессивность, образность, а прежде всего расширяет круг возникающих в процессе восприятия текста ассоциаций.

В зависимости от формы цитации, а также от когнитивной базы читателя идентификация источника даже в случае восприятия оригинала читателями из исходной культуры может вызывать некоторые затруднения. При передаче фрагментов с элементами интертекстуального характера переводчик встречается также с различиями в содержании упомянутой когнитивной базы, связанными с воспитанием в другой культурной среде и с другим языково-культурным наследием. Даже в случае сходств должен быть особо внимательным к подбору соответствующих средств выражения.

Вслед за А. А. Кравцовой цитату будем рассматривать как часть исходного текста, с которым она семантически связана, т.е. как заимствование некоторого фрагмента текста, служащее отсылкой к этому тексту для актуализации его в сознании адресата со всеми закрепившимися за ним коннотациями [Кравцова, 2008, с. 117].

Как пишет Н. А. Кузьмина, цитация – это «процесс энергообмена между прототекстом (прототекстами) и метатекстами». А цитата (в широком смысле) является интертекстуальным знаком «с высоким энергетическим потенциалом, позволяющим ему продвигаться во времени и в пространстве интертекста, накапливая культурные смыслы и тем увеличивая имплицитную энергию» [Кузьмина, 2017, 99].

Цитаты бывают разными. Наименее сложными для идентификации являются эксплицитные их формы, т. е. цитаты-имена авторов и героев произведений, заглавия произведений, а также цитаты с указанием на авторство. Однако даже в таком случае в переводе не всегда можно достигнуть соответствующего коммуникативного эффекта.

А. Майкевич выделяет четыре вида ссылок интертекстуального характера: элементарные интертекстуальные сигналы, эксплицитные показатели интертекстуальности, имплицитные показатели и неявные/скрытые ссылки. К первой группе причисляются ситуации, когда информация о ссылке на прототекст дается непосредственно, т. е. акт цитации вербализуется, например, в речи рассказчика и/или героя произведения, в авторских

комментариях, и появляется фамилия автора, заглавие. Ко второй группе относятся как графические средства (пунктуационные знаки, изменение шрифта, курсив, разрядка и т. п.), так и тематические ссылки ономастического характера (имя героя, наименование места), лишенные прямой идентификации. В свою очередь к третьей группе принадлежат разные ссылки имплицитного характера и проявляющиеся на разных уровнях текста (фонетическом, лексическом, синтаксическом, повествовательном), а к четвертой – скрытые и трудно распознаваемые ссылки, никаким образом не обозначенные в структуре текста [Majkiewicz, 2008, с. 23–25].

На самом деле ни писатели, ни авторы переводческих вариантов произведений не руководствуются подобного рода классификациями, однако рекомендации по передаче последующих форм рассматриваемых элементов, а также анализ отдельных переводческих решений могут оказаться весьма полезными в процессе выбора самого лучшего соответствия. Причем следует подчеркнуть, что как в оригинале, так и в переводе встречаются комбинированные способы цитации, и нередко обнаруживается некая асимметрия использованных форм. Например, в исходном тексте имеется заглавие и фрагмент произведения, а в переводном – заглавие и переведенный фрагмент дополняются сноской, в которой эксплицируется имя и фамилия автора прототекста, повторяется заглавие и появляется дополнительная информация об авторе перевода – его имя и фамилия, ср.:

«И еще что-то такое из детства, из „Страшной мести“: „В бездонном провале грызут мертвецы мертвеца, и лежащий под землею мертвец растет, гложет в страшных муках свои кости и страшно трясет всю землю» [Акунин, 2009, с. 229],

и перевод:

«I jeszcze coś zapamiętanego z dzieciństwa ze *Strasznej zemsty**: „w bezdennej otchłani trupy gryzą trupa, i leżący pod ziemią trup rośnie, w strasznych męczarniach gryzie kości swoje i straszliwie potrząsa całą ziemią»,

вместе со сноской:

*«Mikołaj Gogol, *Straszna zemsta*, przeł. Czesław Jastrzębiec-Kozłowski» [Akunin, 2004, с. 194]

Сноска не всегда оценивается положительно и действительно отвлекает читателя от основного текста. Поэтому некоторые переводчики принимают решение о непосредственном включении цитаты-имени в текст. В рассматриваемом случае это имя автора произведения, ср.:

«Я после того вашего прихода представляла себе всякое... И так у меня красиво получалось. Только жалостливо очень и непременно с трагическим концом. Это из-за „Бедной Лизы”. Лиза и Эраст, помните?» [Акунин, 2008, с. 252],

«Po pańskiej wizycie wyobrażałam sobie najrozmaitsze rzeczy. Wszystko tak ładnie mi się układało. Tylko że bardzo smutno i nieodmiennie z tragicznym zakończeniem. To z powodu *Biednej Lizy* Karamzina. Liza i Erast, pamięta pan?» [Акунин, 2003, с. 188].

Экспликация фамилий авторов является довольно популярным переводческим приемом, в случае если, по мнению переводчика, существуют различия в знаниях представителей исходной и принимающей культур и служит выравниванию шансов на соответствующее восприятие текста путем наиболее полной идентификации источника. В описываемом фрагменте она кажется особо важной, поскольку в дальнейшей части текста связь с источником развивается, усугубляется образом смерти, предупреждает развитие сюжета и готовит к этому внимательного читателя. Это существенный момент для цикла в целом, поскольку речь идет о первой любви главного героя (законченной трагическим образом), а этот мотив в виде внутренних интертекстуальных ссылок возвращает в последующих романах о приключениях Фандорина²⁸.

Иногда фамилия поэта или писателя как в оригинале, так и в переводе остается имплицитной, ср.:

«Одним словом, мятежный демон, дух изгнания» [Акунин, 2008, с. 89],

«Czyli, jak mówi poeta: potężny demon, duch wygnania» [Акунин, 2003, с. 67].

В приведенной паре переводческих соответствий ситуация представляется по-другому в сравнении с предыдущими примерами, потому что здесь встречается трансформация начала известной поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон», сопровождающаяся выражением *одним словом*, начинающим вывод, обобщение. Упомянутая трансформация цитаты имеет лексический характер, т. е. происходит замена одной лексической единицы на другую: *печальный – мятежный*.

В польском переводческом варианте также появляется лексическая трансформация – замена слов *posepny – potężny*, обобщающее выражение переводится с помощью польского присоединительного союза *czyli*, а дополнительно вводится выражение *jak mówi poeta* (‘как говорит поэт’), т.е. маркер цитирования, элементарный сигнал интертекстуальности. Значит, польский переводчик обратил внимание читателя на фразу и ее литературный

---

²⁸ Примеры внутритекстовых интертекстуальных ссылок в цикле романов Б. Акунина об Эрасте Фандорине рассматриваются подробно автором настоящей статьи в одном из разделов монографии: *Józwiak J. Konteksty – Decyzje – Konsekwencje. Problemy przekładu*, Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, Bydgoszcz 2016.

источник, возможно оценивая знания польских реципиентов относительно творчества М. Лермонтова выше, чем в других случаях, придавая фрагменту, с одной стороны, немного больше эксплицитности, а с другой стороны, сохраняя намеренную автором имплицитность путем введения аналогичной трансформации. Надо подчеркнуть, что ассоциация кажется менее очевидной для представителей польского культурного круга, чем для реципиентов оригинала, в значительно большей степени знакомых с русской литературно-культурной традицией.

Следует отметить, что, увидев цитату, читатель обращается к первоисточнику (если способен его идентифицировать), вспоминает его, его содержание, может быть, конкретную ситуацию, в которой была высказана определенная фраза, а в последней очередности соотносит фразу с актуальным контекстом, в котором она употребляется. Лишь только в этот момент возникают у него ассоциации более конкретного характера, в отличие от общих, появившихся в момент идентификации прототекста. Значит, читатель перестает воспринимать тексты изолированно, а образы и ситуации накладываются друг на друга, позволяя возникать ассоциациям, в идеале – намеренным автором оригинала.

В некоторых случаях из-за различий в литературно-культурном наследии читателей из исходной и принимающей культур переводчик вынужден в некоторой степени прибегнуть к замене одного прецедентного имени другим для обеспечения соответствующего восприятия, ср.:

«Варя усилием воли заставила себя нахмуриться и думать о грустном, но в непослушную спросонья голову лезло совсем другое, *в духе Агафьи Тихоновны*: если б к петинной преданности прибавить соболевскую славу, да зуровскую бесшабашность, да таланты Шарля, да фандоринский прищуренный взгляд...» [Акунин, 2007, с. 104];

«Wysiłkiem woli udało się Warrii sposepnieć i pomyśleć o smutnych rzeczach, ale do niesfornej po przebudzeniu głowy pchało się coś zupełnie innego, *w duchu rozważań bohaterki Ożenku*: gdyby wziąć oddanie Pieti, dodać sławę Sobolewa, nonszalancję Zurowa, talenty Charles'a i spojrzenie spod przymkniętych oczu Fandorina...» [Akunin, 2003a, с. 78].

Как следует из приведенных фрагментов, переводчик, оценивая возможность возникновения намеренных ассоциаций, пришел к выводу (следует подчеркнуть, что вполне обоснованному), что вероятность знания заглавия комедии Н. В. Гоголя в форме установленного соответствия намного выше, чем возникновение ассоциаций с известным русскоязычным читателям монологом Агафьи Тихоновны из *Женитьбы*. Поэтому вместо цитаты-имени героини, которое могло быть введено в транскрибированном виде, появилась своего рода контекстуальная оговорка с заглавием пьесы *bohaterka Ożenku*. Замена одного

интертекстуального маркера другим в рамках одного и того же произведения, т. е. своеобразная замена, а именно смещение точки соприкосновения, позволила увеличить шансы воспринять в шутовском тоне размышления Вари – героини *Турецкого гамбита*.

Также в нижеследующем фрагменте цитирование, как и бывает во многих случаях, служит характеристикой героя, подчеркивая его образованность, однако его форма сложнее. В этом конкретном контексте прием имеет также особое значение для вывода Бриллинга относительно ситуации в стране, т. е. позволяет создать, с одной стороны, более сложный, но, с другой стороны, более понятный читателям, местами иронический образ ситуации, ср.:

«Если обычные террористы ставят себе задачу истреблять „обгающих руки в крови”, сиречь высших государственных сановников, то эти решили взяться за „ликующих и праздно болтающих». [...]

– Ну, стихотворение у Некрасова: «От ликующих, праздно болтающих, обгающих руки в крови, уведи меня в стан погибающих за великое дело любви». Так вот, наши «погибающие за великое дело любви» поделили специальности. Головной организации достались «обгающие» – министры, губернаторы, генералы. А наша московская фракция решила заняться «ликующими», они же «жирные и сытые». Как удалось выяснить через внедренного в группу агента, фракция взяла название «Азазель» – из богоборческого лихачества. Планировался целый ряд убийств среди золотой молодежи, «паразитов» и «прожигателей жизни» [Акунин, 2008, с. 212–213].

В переводе появляется дополнительная сноска, ср.:

«*Nikołaj Niekrasow, *Słomiany gycerz*, przekład Tadeusza Łopalewskiego» [Akunin, 2003, с. 159],

в которой упоминается автор оригинала, заглавие и автор перевода, хотя фамилия автора произведения эксплицируется в основном тексте, а расширенная цитата вводится таким же образом, ср.:

«Jeśli zwykli terroryści stawiają sobie za cel likwidować tych “którzy nurzają w krwi ręce”, to ci postanowili zabrać się do głupstwa plotących». [...]

– No, u Niekrasowa jest taki wiersz: «Od zwycięzców, od głupstwa plotących, od tych, którzy nurzają w krwi ręce, prowadź mnie do szeregów ginących za miłości nakazy najświętsze*. No więc nasi “ginący za najświętsze nakazy miłości” podzielili się rolami. Głównej organizacji dostali się ci, “którzy nurzają w krwi ręce” – ministrowie, gubernatorzy, generałowie, a nasza moskiewska frakcja postanowiła zająć się “plotącymi głupstwa”, bo przecież są “tłusci i syści”. Jak udało się wyjaśnić przez агента, który przeniknął do grupy, “frakcja” przyjęła nazwę “Azazel”; to

taka bogoburcza fanfaronada. Planowano cały szereg morderstw wśród złotej młodzieży, “pasożytów” i “utrącjuszów”». [Akunin, 2003, с. 159].

Как следует из обоих фрагментов, цитирование начинается с элементарных интертекстуальных сигналов графического характера, но без указания на автора первоисточника, потом эксплицируется его фамилия и продолжается цитирование в парцеллированном виде, что более тесно связывает прецедентный и новый контексты. Благодаря такому включению и структурно-семантической трансформации, цитата наполняется новым, дополнительным смыслом в принимающем контексте. Расчленение цитаты приводит к тому, что невозможно анализировать ее актуальное значение вне нового словесного окружения.

Интертекстуальные элементы могут быть также очень сильно связаны с новым контекстом, даже если прецедентные имена введены в текст романа, казалось бы, в традиционном изолированном виде. Рассмотрим фрагмент текста с двумя разными видами цитирования, ср.:

«В этом событии многое выглядело фантасмагорически. Во-первых, кровавая драма произошла не где-нибудь, а в театре, на глазах многочисленной публики. Во-вторых, спектакль был превеселый – “Сказка о царе Салтане”». В- третьих, в зале присутствовал не сказочный, а самый настоящий царь, которого убийца не тронул. В-четвертых, театр охранялся так, что никакой Гвидон туда не проник бы даже под видом комара. Зрителей пускали лишь по личным пропускам, выдаваемым Охранным отделением. В-пятых, самое фантастическое – у террориста такой пропуск имелся, причем не поддельный, а настоящий. В-шестых, убийца сумел не только войти в театр, но и пронести огнестрельное оружие...» [Акунин, 2009а, с. 8-9].

На основании иллюстративного материала становится ясным, что в тексте элементы сказочного сюжета спектакля переплетаются с деталями реальной ситуации в театре. Кроме того, доминирующим приемом являются разные семантические оппозиции, а об их нереальности и некоей невозможности одновременного возникновения предупреждает читателя первое предложение, придавая фрагменту дополнительный фантастический, магический оттенок. Оппозиции введены путем прямого перечисления с помощью вводных слов. Они касаются того, что настоящая драма ставится в театре, но кровавая драма не должна произойти на глазах публики; веселый спектакль заканчивается убийством; в пьесе выступает сказочный царь – в зале присутствует настоящий царь, но не он является целью нападения; охрана настолько строга, что невозможно даже магически проникнуть в театр,

однако террорист реально здесь присутствует; невозможно получить пропуск и огнестрельное оружие, но наличие обоих предметов у убийцы реально.

Независимо от того, что намеченный автором образ ситуации и межтекстовых связей является довольно сложным, передача самой структуры не вызвала у переводчика особых затруднений, ср.:

«Wiele elementów w tym wydarzeniu wyglądało wręcz fantasmagorycznie. Po pierwsze, krwawy dramat wydarzył się nie gdzie indziej, tylko w teatrze, na oczach licznie zgromadzonej publiczności. Po drugie, sztuka była nader wesoła (Bajka o carze Sałtanie). Po trzecie, na widowni był obecny bynajmniej nie bajkowy, lecz najprawdziwszy car, na którego morderca nawet nie zwrócił uwagi. Po czwarte, teatr był strzeżony do tego stopnia, że żaden Gwidon* nie dostałby się tam nawet pod postacią komara. Widzów wpuszczano wyłącznie na podstawie imiennych przepustek wydawanych przez Ochronę. Po piąte – i to było najbardziej niewiarygodne – terrorysta taką przepustkę posiadał, przy czym nie podrobioną, lecz autentyczną. Po szóste, mordercy nie tylko udało się wejść do teatru, ale też wnieść broń palną...» [Akunin, 2012, s. 11–12].

Переведенный фрагмент обеспечен сноской, объясняющей имена-цитаты, относящиеся к одному и тому же источнику, ср.:

* Gwidon Sałtanowicz – syn tytułowego cara z bajki Puszkina, której tytuł brzmi: Bajka o carze Sałtanie, o jego synu, sławnym i potężnym bohaterze, księciu Gwidonie Sałtanowiczu i o pięknej księżniczce Łabędzicy – (przyp. tłum.) [Akunin, 2012, s. 11–12].

Польский переводчик оценил, что знания об известной сказке в стихах А. С. Пушкина могут оказаться недостаточными, если не относительно самого заглавия, то возможно относительно имени героя, поскольку степень популярности произведения совсем другая в польской и русскоязычной аудиториях. Следует также отметить, что приведенный фрагмент локализован на историческом фоне, связанном с убийством в московском театре Петра Столыпина, о чем и упоминается в предшествующем абзаце, однако представителю другой культуры может быть трудно оценить, опирается ли текст на факты или это вымысел. Читатели, которым известны исторические факты, сюжет сказки, происхождение имен могут более глубоко погрузиться в многоуровневую постмодернистскую игру Акунина, но это не всегда зависит от культурной принадлежности, хотя она может увеличивать вероятность расшифровки.

В заключение следует отметить два важных момента, заметных в процессе передачи особого вида интертекста, т.е. цитат. Во-первых, решения переводчиков представляют собой доказательство тезиса Н. К. Гарбовского о том, что в процессе перевода происходит

преобразование (трансформация или деформация) некоего виртуального объекта, идеальной сущности, являющейся представлением переводчика о системе смыслов сообщения, закодированного в исходном тексте, в более или менее близкую, не тождественную систему, облеченную в материальную форму языка перевода [Гарбовский, 2007, 363]. Именно эту систему смыслов стараются передать переводчики, трансформируя, дополняя сносками или заменяя одни цитаты другими, в особенности в сложнейших случаях.

Во-вторых, независимо от намерений и интерпретации ситуации переводчиком не всегда возможно передать желательную систему смыслов из-за различий в литературно-культурном опыте и системе ценностей. Следует также помнить о том, что, переводя текст, автор иноязычного варианта думает о потенциальном реципиенте, а способности/возможности идентификации цитат из литературных источников могут отличаться друг от друга существенным образом даже в рамках одной культуры. Поэтому индивидуальный подход к интертекстуальным элементам в форме цитат в процессе перевода кажется ключевым для сохранения их функции в тексте и достижения коммуникативного эффекта.

Список литературы:

- Акунин Б.* Азазель, «Захаров», Москва, 2008.
Акунин Б. Турецкий гамбит, «Захаров», Москва, 2007.
Акунин Б. Любовница смерти, «Захаров», Москва, 2009.
Акунин Б. Весь мир театр, «Захаров», Москва, 2009а.
Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика // Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей, «Союз», С-Пб, 2001.
Гарбовский Н. К. Теория перевода, Изд-во Моск. ун-та, М., 2007.
Кравцова А. А. Виды цитирования и трансформация цитат (на материале лирики акмеизма) // Ученые записки Орловского государственного университета, Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2008, Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>.
Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка, Книжный дом «Либроком», М., 2017.
Akunin B. Azazel, пер. с рус. J. Czech, Świat Książki, Warszawa, 2003.
Akunin B. Gambit turecki, пер. с рус. J. Czech, Świat Książki, Warszawa, 2003а.
Akunin B. Kochanka śmierci, пер. с рус. E. Rojewska-Olejarczuk, Świat Książki, Warszawa, 2004.
Akunin B. Świat jest teatrem, пер. с рус. Olga Morańska, Świat Książki, Warszawa, 2012.
Jóźwiak J. Konteksty – Decyzje – Konsekwencje. Problemy przekładu, Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, Bydgoszcz, 2016.
Majkiewicz A. Intertekstualność – implikacje dla teorii przekładu, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2008.

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ («ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ» - К 220 ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА)

Анастасьева И.Л.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Anastasyeva Irina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ А.С. ПУШКИНА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

RELIGIOUS AND MYSTICAL IMAGE OF A.S. PUSHKIN IN THE VIEW OF THE POETS OF THE SILVER AGE

В статье анализируется подход писателей и философов Серебряного века к личности и творчеству А.С. Пушкина. Богоискатели рубежа XIX-XX веков видели в нем провозвестника нового искусства, поэта, наделенного мистическим опытом и трансцендентным видением, не сумевшего, однако же, воплотить свой этический и эстетический идеал в семейную жизнь. Начало бурной полемики о роли Пушкина в истории русской литературы положила статья Вл. Соловьева, начавшая актуальный для Серебряного века разговор о семейном идеале поэта. Статья была откликом на празднование столетней годовщины со дня рождения Пушкина и вызвала неоднозначную реакцию в литературной среде. Одним из наиболее чувствительно отреагировавших на слова Соловьева о Пушкине писателем был Д.С. Мережковский, находивший в творчестве выдающихся предшественников идеи, созвучные идеалам самого философа. В Пушкине он находит спасительный источник нравственной жизни.

The article analyzes the approach of the Silver Age writers and philosophers to the personality and creativity of A.S. Pushkin. At the turn of the 19th and 20th centuries "God seekers" perceived him as a harbinger of a new art, or as a poet endowed with both mystical experience and transcendental vision, who could not, however, add either his ethical nor his aesthetic ideals to his family life. The beginning of a stormy controversy about the role of Pushkin in the history of the Russian literature was laid by the article by Vl. Solovyov, who began the discussion relevant for the Silver Age on the poet's family ideal. The article was a response to the celebration of the centenary anniversary of the birth of Pushkin and caused an ambiguous reaction in the literary milieu. D.S. Merezhkovsky was the one of the most sensitively reacted writer to the words of Solovyov about Pushkin. Merezhkovsky always found the kindred ideas in the works of outstanding predecessors. He found a salutary source of moral life in Pushkin's works as well.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Д.С.Мережковский, Серебряный век, семейный идеал.

Keywords: A.S. Pushkin, D.S. Merezhkovsky, Silver Age, family ideal.

В 1899 году Россия отмечала столетие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. На праздновании этого события, по времени совпавшего со становлением символистского искусства, отразились идеи религиозного Ренессанса, переживаемого русской литературой того времени. В программной статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», выявлявшей специфические черты

модернистской эстетики (мистическое содержание, его символическое воплощение и поиск бессознательных сторон человеческой чувствительности), а также исследовавшей пути ее формирования, Д.С. Мережковский призывал к установлению литературной преемственности, которая виделась им не столько в попытке перенести в современное творчество художественные открытия, совершенные предшествовавшими писательскими поколениями, сколько в поиске и обнаружении в наследии поэтов прошлых эпох тех этических и эстетических идеалов, которые коррелировались бы с его собственными нравственными и художественными принципами. Поэтому, говоря об отношении Д.С. Мережковского к личности и поэтическому наследию А.С. Пушкина, нельзя не учитывать, во-первых, особенности его подхода к анализу творчества любого писателя и, во-вторых, ту общую полемику, которая велась вокруг имени Пушкина в конце XIX века.

Будучи провозвестником эпохи Третьего Завета, Мережковский не только в своих романах и статьях стремился показать эволюцию двух противоборствующих в истории человечества сил: христианства и язычества, — но и в чужом творчестве искал отражение того же противостояния, за что современники обвиняли его в субъективности и стремлении найти «свое в чужом». Впрочем, писатель не вступал ни с кем в полемику, провозгласив превосходство субъективной критики над «ограниченной научной и объективно-художественной критикой». Каждое новое время требует внесения корректив в анализ мировоззрения великих писателей «в своем свете, в своем духе, под своим углом зрения <...> Субъективной критик должен считать свою задачу исполненной, если ему удастся найти неожиданное в знакомом, свое в чужом, новое в старом», — писал Мережковский в книге «Вечные спутники» [Лундберг, 1914, с. 44].

Интерес писателя к творчеству Пушкина объясняется его склонностью обращаться к переломным эпохам или к судьбам великих людей, а также тем настроением, которое было характерно для русского общества, когда интеллигентское свободомыслие переживало духовный кризис и возникла потребность в реформации научных воззрений на природу и человека. Как реакция на утверждение гражданского взгляда на искусство, проповедовавшего поэзию «гражданской скорби» (С. Надсона, Н. Некрасова, раннего Н. Минского), возникла тяга к возрождению исконно русской, национальной традиции в осмыслении действительности — с привнесением православного элемента. Эти процессы нашли отражение даже в желании ряда современников реформировать речь, исключив из нее западные заимствования. В. Базаров с некоторой долей сарказма отмечал: «Наблюдается явная склонность восстановить тот испорченный церковно-славянский склад

речи, который в допушкинские времена именовался "высоким штилем"» [Базаров, 1909, с.332].

Выход из духовного кризиса, переживаемого обществом конца XIX века, Д. Мережковский видит в соединении — в художественном повествовании — разума, воли и чувства, и подобный синтез он ищет в творчестве таких поэтов, как А.С. Пушкин. С некоторой долей иронии С. Дягилев говорил об этом так: «Такой независимый талант, как Пушкин, в течение каких-нибудь тридцати лет должен был выдержать три совершенно разные оценки: материалистические обвинения Писарева, славянофильские превозношения Достоевского и субъективно-восторженный суд Мережковского» [Дягилев, 1899, с.5].

Одним из первых обращений Мережковского к Пушкину была его поэма «Вера», опубликованная в третьем и четвертом номерах журнала «Русская мысль» в 1890 году, в наше время забытая, но имевшая большой общественный резонанс в среде литературной интеллигенции в момент публикации. А. Карташев в связи со 100-летием со дня гибели Пушкина вспоминал о реакции современников на появление этой поэмы как на «манифест радостного освобождения (от предвзятости — И.А.) в культуре Пушкина» [Карташев, 1937, с.5].

Поэма начинается с разговора автора с рецензентом, взывающим к тому,

<...> Кто найдет для музы новый путь,

Кто сделает искусство не забавой,

А подвигом, кто даст нам отдохнуть

На красоте спокойной, величавой,

Кто в дряхлый мир сумеет жизнь вдохнуть,

Кто воскресит твои живые струны,

Наш царь, наш бог, учитель вечно юный,

Счастливый Пушкин <...>

[Мережковский, 1914, с.82].

В этом отрывке, провозглашавшем приоритет эстетики в творчестве, нашло отражение одно из важнейших новшеств русской художественной мысли, постепенно освобождавшейся от традиционного представления о поэте как о гражданине. Сюжет, композиция, образы главных героев поэмы отсылали читателя к роману Пушкина «Евгений Онегин». Мережковский изобразил героя нового времени в лице «обиженного, и гордого и печального» Сергея Забелина. Безусловно, у него должен быть приятель, которого, правда, нельзя считать полным подобием Ленского, но принцип антитезного сопоставления двух героев тот же:

Хотя едва не каждый разговор
Переходил у них в жестокий спор,
Они вполне сошлись, как два контраста,
Что в дружбе и любви бывает очень часто.
[Мережковский, 1914, с.95].

В поэме Мережковского романтик Ленский перевоплотился в народника Климова, призывавшего — в духе толстовской «Исповеди» — обратить взор на мужика; его словам Забелин, подобно Онегину, «внимал небрежно». Особый исследовательский интерес представляет финал поэмы, в котором Забелин порывает со своей возлюбленной, Верой, предпочтя ей «гордую свободу», но возвращается к ней, узнав о ее неизлечимой болезни. Их отношения противопоставлены любовной коллизии Татьяны — Онегина (который, в представлении Мережковского, любить был не способен). В поэме не идет речи о разочарованном герое, желавшем «поиграть любовью для забавы» [с. 107], но о борьбе между «добродетельным рассудком и буйным инстинктом», которая вписывалась в теорию эроса В. Соловьева, изложенную в книге «Смысл любви». Соловьев, как впоследствии и Мережковский, отрицал семейный, т.е. «прокреативный» идеал в пользу «андрогинного». Хотя книга Соловьева вышла уже после опубликования поэмы Мережковского и поэтому не могла быть прямым импульсом к ее созданию, эротико-аскетический взгляд Мережковского на семью сформировался во многом под впечатлением от идей В. Соловьева, а участие Мережковского в полемике вокруг мистической, с точки зрения его единомышленников, смерти Пушкина, развернутой в журнале «Мир искусства» в связи со 100-летием со дня рождения поэта, служило дополнительным подтверждением его позиции.

В журнале «мирискусстников» развернулась бурная полемика, спровоцированная статьей Владимира Соловьева «Судьба Пушкина», опубликованной, в свою очередь, в «Вестнике Европы». В ней философ произнес, по определению Мережковского, «над памятью поэта-язычника христианскую анафему» [Мережковский, 1899, с.13], смысл которой заключался в том, что Пушкин на дуэли убил себя *сам* (ибо это промысел божий) за свои безнравственные поступки и за то, что не простил врага, выстрелив в него, будучи уже смертельно раненным. В защиту Пушкина выступили, помимо Мережковского, В. Розанов и П. Перцов. Так, последний — вне контекста символистских идей — утверждал, что Пушкин виновен в своей смерти в связи с неудачным выбором жены. Не в том дело, что Наталья Николаевна должна быть лучше среднестатистической женщины своего века, а в том, что поэт, выбирая невесту, учитывал лишь свои чувства [Перцов, 1899, с. 156-168].

Мысль Перцова была подхвачена и углублена В.В. Розановым в статье «Еще о смерти Пушкина» [Розанов, 1900, с.133-143], не считавшим нужным посылать поэта «ехать на Афон» замаливать грехи, как того желал бы Владимир Соловьев. Участие в дуэли — это дань эпохе, настаивал философ. К тому же в этом поступке проявилась «метафизическая потребность» поэта, предчувствовавшего роковой конец. Вина Пушкина была заключена в «сфере своего дома», т.к. между ним и его женой не было ничего общего, ибо Пушкин родился «зрелым эросом», а затем «перегорел», поэтому не сделал из своего брака «святость супружества», не привил жене «святость материнства», и религиозно Наталья Гончарова умерла девушкой. Пушкину удалось счастливо воплотить свой религиозный идеал в творчестве, но не в своей семье, считал Розанов.

Рцы видел в смерти поэта реализацию мистической, трансцендентной воли. В своем понимании роковых причин, приведших к гибели Пушкина, он противостоял Розанову и Перцову, вступая с ними в жаркий спор и не допуская, чтобы в «устройении нашего семейного угла “свистун” Пушкин» [Рцы, 1900, с.19-22] был учителем. Вина Пушкина банальна, в представлении Рцы; поэт был обязан вовремя покинуть Петербург, увезя с собой жену. Розанов увидел в статье Рцы антифеминистский «испуг мужа», смиряющего жену. Но такая жена не постигнет святости супружества и не будет рожать, как и Татьяна Ларина: «Пушкин был виновен перед Гончаровой потому, что он не понял необходимости глубокого индивидуализма семьи, без чего она есть квартира, но не есть “дом” в лучах религии и поэзии» [Розанов, 1900, с.142]. Активный участник Религиозно-философских собраний, Розанов в духе поэтов-символистов подчеркивал, что поэт не понимал, что пол не функция, а «мистическое лицо»; душа семьи не создается путем формального соединения двух лиц. Настоящая семья создается тогда, когда есть «единство субъективного лица в кажущихся двоих».

Таким образом, религиозные философы конца XIX — начала XX века пытались говорить не только о творчестве писателей, но и об их жизни и смерти с позиции присущего им модернистского религиозно-семейного идеала. Однако духовные представления Мережковского при кажущемся сходстве были противопоставлены концепции Розанова. Розановское «два в одном» проповедует культ деторождения. Д. Мережковский и З. Гиппиус в русле соловьевского учения (правда, Гиппиус неоднократно подчеркивала, что идеи Мережковского родились одновременно с взглядами Вл. Соловьева и независимо от него) создают свою знаково-цифровую систему. О. Матич отмечала, что их «два» соотносится с «божественной по своей природе чувственной любовью (или «два в одном»), при которой тем не менее сохраняется неповторимость каждого» [Матич, 1999, с.111]. Речь

идет о духовном андрогинизме, о способности раствориться в другом, сохраняя собственную индивидуальность. А это возможно, по мнению Мережковского, лишь имея опыт любви и смерти, то есть трансцендентный опыт, которым обладал Христос.

В 1896 году Мережковский по просьбе П. Перцова пишет статью о Пушкине. В сборник «Вечные спутники» статья вошла в отредактированном виде. Позже Перцов вспоминал, что, работая над статьей, Мережковский «увлекся темой, приложив к ней свой, только что открытый им “безнадежный” дуализм христианства» [Перцов, 1933, с.193]. В своей работе Мережковский вновь включается в полемику с теми, кто «по-варварски» относился к Пушкину, основываясь на постулатах утилитарной критики. Позднее их «точка зрения заменилась более умеренной — либерально-народнической, с которой Пушкина, пожалуй, можно оправдать в недостатке политической выдержки и прямоты», — писал Мережковский [Мережковский, 1995, с.488]. Он, по-видимому, имел в виду публицистический цикл Н.К. Михайловского «Записки профана» и книгу А.М. Скабичевского «А.С. Пушкин, его жизнь и литературная деятельность». В своих оценках писателей Скабичевский, в частности, стремится «с одинаковым беспристрастием и почетом отнести и к поэту-гражданину в лице Некрасова, и к жрецу чистого искусства в лице Пушкина» [Скабичевский, 1890, с.11]. Скабичевский не принял символизма как прогрессивного направления в русской литературе, а его провозвестника Мережковского в «Заметках о текущей литературе» уличал в противоречиях.

В своей статье Мережковский одним из первых отмечает, что Пушкин в творчестве коснулся как вопросов общественных (мировой поэзии, российской действительности), так и философии, и религии. «Трудность обнаружить мирозерцание Пушкина заключается в том, что нет одного, главного произведения, в котором поэт сосредоточил бы свой гений, сказал миру все, что имел сказать, как Данте — в “Божественной комедии”, как Гете — в “Фаусте”», — отмечал критик [Мережковский, 1995, с.489]. Он обнаруживает в творчестве Пушкина эллинское начало, сопоставляя его Музу с гомеровской, не чуждавшейся красивого и некрасивого. Отсюда и мудрость Пушкина, избегавшего аскетического самоистязания и мученичества, его поэзия — «это заздравная песня Вакху во славу жизни, вечное солнце, золотая мера вещей — красота» [Мережковский, 1995, с.493]. Оптимизм Пушкина и его мудрое отношение к смерти (сам Мережковский всю жизнь пытался побороть страх смерти) также кроются в «дионисийском начале», присущем поэту. Однако Пушкин шире язычества; с точки зрения Мережковского, именно он стал бессознательным провозвестником будущего объединения двух начал — христианства и язычества, и их грядущего примирения. Если в жизни Пушкина проявляется дионисийское начало, то в

искусстве - аполлоновское, таким образом, две ипостаси — поэт и человек — сосуществуют гармонично. Мережковский писал: «Христианство Пушкина <...> чуждо всякой теологии, всяких внешних форм; оно естественно и бессознательно. Пушкин находит галилейскую, всепрощающую мудрость в душе дикарей, не знающих имени Христа» [Мережковский, 1995, с.504]. Подобное сочетание в душе языческого и христианского начал характерно многим пушкинским героям, убежден Мережковский. Проявление подобного дуализма он обнаруживает, в частности, в образе Земфиры («Цыганы»), т.к. ей присущи языческая чувственность и христианское стремление к свободе, проявившееся в свободной любви. Источник любви Земфиры, по Мережковскому, Бог, поэтому ее любовь противопоставлена похоти, как Афродита земная противопоставлена Афродите небесной. Возможность вхождения человечества в Царствие Небесное может быть обусловлено при сближении человека с Богом, то есть при слиянии двух потоков, идущих от Бога к человеку и от человека к Богу²⁹. Творчество Пушкина и представляет собой подобное гармоничное сочетание двух начал.

Критик находит в произведениях Пушкина и ницшеанское начало, т.к. в этот период творчества он сам находился под некоторым влиянием философии Ф. Ницше. Бернис Розенталь пишет: «Симпатии Мережковского к ницшеанству достигает своего пика в 1894-96 гг. <...> Ницшеанство, понятое им как асоциальный индивидуализм, помогло ему самоутвердиться и утвердить исключительную функцию искусства, отстраниться от толпы» [Розенталь, 1999, с.122]. Мережковский не раз подчеркивал отличительную черту гениального поэта: будучи очень общительным человеком в жизни, в творчестве он искал уединения. Закономерно поэтому, что эпитафией к стихотворению «Поэт и толпа» он взял строчки из Энеиды Вергилия “procul este profani” («прочь удалитесь, непосвященные!»), выражающие ницшеанский протест «поэта-первосвященника» против утилитаризма и пошлости толпы. Пушкинский тезис об «обаянии зла» также близок раннему Мережковскому, занятому мыслью о Христе и Антихристе. Не случайно В. Розанов в свое время подчеркнул двойственность человеческой личности: «В каждом из нас есть подражание Антихристу. Христос — День, Антихрист — ночь, как только наступает ночь, мы берем шляпу и идем гулять» [Розанов, 1900-2, с.192]. Именно эту способность

---

²⁹ По-своему эти мысли сформулировал Вл. Соловьев в своих статьях о Богочеловечестве. Философ был убежден в том, что миссия Христа на Земле была иной, нежели та, о которой говорит Церковь: не миссия искупления, а желание утвердить божественное начало человека, продемонстрировав ему, что он создан по образу и подобию Божьему. Поэтому только устремленность двух потоков навстречу друг другу: от Бога к человеку и от человека к Богу — восстановит утраченное равновесие в мироздании.

А.С. Пушкина увидеть в человеческих душах проявление демонического начала и отметил Мережковский.

Обе статьи Д.С. Мережковского об А.С. Пушкине («Пушкин» и «Праздник Пушкина») заканчиваются уверенностью философа в том, что «голодные духом и плотью» смогут обнаружить спасительный для себя источник в творчестве поэта.

Список литературы:

- Базаров В.* Богоискательство и богостроительство / Вершины. - СПб. 1909. -Кн.1.
Дягилев С. Сложные вопросы / Мир искусства. - СПб. 1899. -Т.1.
Карташев А. Мережковский о Пушкине / Меч. - Варшава, 1937. -21февраля (№7)
Лундберг Е. Мережковский и его новое христианство. - СПб. 1914.
Матич О. Христианство Третьего Завета и традиция русского утопизма. // Мережковский: Мысль и слово.- М.,- 1999.
Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники.- М., 1995.
Мережковский Д.С. П.С.С.- М.: Тип. Сытина, 1914. - Т. XXIII.
Мережковский Д.С. Праздник Пушкина. / Мир искусства. - СПб. 1899.-Т.2. (№ 13-24).
Перцов П. Литературные воспоминания. - М.-Л., 1933.
Перцов П. Смерть Пушкина. / Мир искусства. - СПб. 1899.-Т.2. (№ 13-24).
Розанов В. Еще о смерти Пушкина. / Мир искусства. -СПб.1900-1. - Т. 3. (№ 1-12). Розанов В. К лекции Вл. Соловьева. / Мир искусства. - СПб. 1900-2. - Т. 3. (№1-12)
Розенталь Б.Г. Мережковский и Ницше (к истории заимствований). / Д.С.Мережковский.: Мысль и слово.- М., 1999.
Рцы. Еще о судьбе Пушкина. / Мир искусства. - СПб. 1900.- Т. 3. (№ 1-12). - С.19-22.
Скабичевский А.М. Сочинения. - СПб. 1890. - Т. 1.

*Арутюнов Г.Г.
Латыева Е.В.
Назарова Н.Е.*
МГИМО МИД России,
г. Москва (Россия)

*Arutyunov George
Latyeva Elena
Nazarova Natalia*
Moscow State Institute of International Relations
Moscow (Russia)

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ОДНОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

THE MATTER OF POSSIBLE TRANSLATION OF AN IDIOM IN A.S. PUSHKIN'S NOVEL «EUGENE ONEGIN»

Статья посвящена англоязычным переводам известной русской идиомы «мух давить» в контексте пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» и представляет собой попытку подтвердить неоднозначность содержания романа «Евгений Онегин» на уровне отдельной строки в аспекте перевода. Проводится анализ точек зрения современных исследователей и любителей классической литературы в интернет-сообществах на трактовку смысла фразеологизма. Сопоставляются комментарии к идиоме «мух давить», сделанные разными учеными в разные годы (В.В. Виноградов, И.Г. Добродомов, К. Лапин). Отмечается актуальность романа «Евгений Онегин»: не только исследователи-филологи, но и рядовые читатели проявляют интерес к разным дискуссионным трактовкам отдельных строк.

Во второй части статьи рассматриваются в сопоставительном плане переводы данного словосочетания (фразеологизма), выполненные англоязычными переводчиками с конца XIX века до начала XX: Arndt W., Deutsch B., Falen J.E., Nabokov V. (USA); Hobson M., Spolding L.-C. (United Kingdom) и др. Обращается внимание на существенные различия в лексическом значении некоторых слов в русском и английском языках, которые могут мешать иноязычному читателю полноценно воспринимать пушкинский текст (ключница - Housekeeper).

The article is devoted to English versions of translation of the famous Russian idiom “flies to crush” in the context of the Pushkin novel in verses “Eugene Onegin” and is an attempt to confirm the ambiguity of the content of the novel “Eugene Onegin” at the level of a separate line in the aspect of translation. The analysis of points of view of modern researchers and lovers of classical literature on the interpretation of the meaning of idioms is carried out in Internet communities. Comments on the idiom of “flies to crush” made by different scientists in different years are compared (V. Vinogradov, I. Dobrodomov, K. Lapin). The relevance of the novel “Eugene Onegin” is noted, not only by philological researchers, but also ordinary readers are interested in different discussion interpretations of separate lines.

In the second part of the article, we compare the translations of this phrase (idiom), made by English-speaking translators from the end of the 19th century to the beginning of the 20th century: W. Arndt, B. Deutsch, J.E. Falen, V. Nabokov (USA); M. Hobson, L.-C. Spolding (United Kingdom). Attention is drawn to significant differences in the lexical meaning of some words in Russian and English, which may interfere with the foreign language reader to fully perceive the Pushkin text (Housekeeper).

Ключевые слова: фразеологизм, художественный перевод, роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», взаимодействие культур, В.В. Набоков.

Key words: idiom, literary translation, novel in verses by A.S. Pushkin "Eugene Onegin", the interaction of cultures, V.V. Nabokov.

В 2019 году отмечаются два юбилея: 220 лет со дня рождения А.С. Пушкина и 120 лет со дня рождения В.В. Набокова. Но есть еще одна важная дата, которая символически

связывает эти два имени: 70 лет назад, в 1949 году, В.В. Набоков приступил к переводу романа в стихах «Евгений Онегин» на английский язык и написанию обширного комментария к нему. Вокруг перевода развернулась дискуссия, которая продолжается до сих пор. В.В. Набоков, несмотря на неоднозначные оценки выполненного им перевода, познакомил западный мир с историей, культурой, бытом и языком русского народа, и в этом его огромная заслуга. Кроме «Евгения Онегина», писатель перевел на английский язык и другие шедевры русской словесности: «Слово о полку Игореве», роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», стихотворения Ф.И. Тютчева.

Набоков преподавал русскую литературу в разных колледжах и университетах Америки студентам на русском языке. В процессе изложения курса В.В. Набоков переводил для них многие произведения, в том числе отрывки из романа «Евгений Онегин» своего кумира – А.С. Пушкина.

Чтобы понять, о чем написал поэт, студентам необходимо было знать реалии русской жизни XIX века. Одна из студенток Набокова, Ханна Грин, вспоминает: «Он [Набоков] говорил нам, что произносит “Евгений Онегин” скрупулезно по правилам английского языка как “Юджин Уан Джин” (что означает “Юджин, один стакан джина”). Он медленно и тщательно анализировал перевод “Юджина Уан Джина”, помещенный в нашей хрестоматии, и поправлял переводчика, давая нам верный перевод некоторых строчек. <...> Он говорил, что из всех русских писателей Пушкин больше всего теряет в переводе» [Грин, 1997, с. 205]. Вера Набокова, жена писателя, предложила ему перевести роман самому.

На протяжении десяти лет, с 1948 по 1958 год, писатель занимался переводом и составлением комментария к роману. Первое издание этого труда вышло только в 1964 году, уже после того как появился перевод Арндта (1963). В статье «Пушкин, или Правда и правдоподобие» писатель раскрывает свой личный подход к изучению поэтического наследия Пушкина: «Единственный приемлемый способ его [поэтическое наследие] изучить – читать, размышлять над ним, говорить о нём с самим собой, но не с другими, поскольку самый лучший читатель – это эгоист, который наслаждается своими находками, укрывшись от соседей» [Набоков, 1996, с. 419].

Как никто другой В.В. Набоков понимал, насколько существенно отличается оригинал, написанный на русском языке, от английского перевода, особенно если речь идет о поэте такого масштаба, как Пушкин.

Покажем на примере одной известной пушкинской строки из романа, как амбивалентно содержание отдельных языковых единиц: от буквального свободного

словосочетания до метафоризации в устойчивом фразеологическом обороте и, наконец, до сосуществования и того, и другого в читательском восприятии.

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился
В окно смотрел и мух давил. (2, III, 4).

Отметим, что существует как минимум два варианта понимания последней строки как русскими читателями, так и теми, кто знакомится с пушкинским текстом через переводы, – буквальный (уничтожал мух – бездельничал) и переносный (идиома со значением «выпивал»).

Например, перевод В.В. Набокова³⁰ – буквальный:
He settled in that chamber where the rural
old-timer had for forty years or so
squabbled with his **housekeeper**,
looked through the window, **and squashed flies** [Nabokov, 1964, 1, с. 130].

В английском языке существует устойчивое словосочетание *to squash a fly*, которое обозначает «раздавить муху», оно буквально соответствует русскому словосочетанию, но совершенно не передает значения фразеологического оборота, которое, возможно, имел в виду А.С. Пушкин, описывая быт дяди Онегина.

В автобиографической книге «Другие берега» (глава 12, часть 3) В.В. Набоков рассказывает о том, как, бродя по рыночной площади в Кембридже, он нашел на книжном лотке «Толковый словарь» В.И. Даля, приобрел его, а затем каждый вечер читал по несколько страниц, отмечая «прелестные слова и выражения».

В переработанном варианте этой автобиографической книги, которая называется «Память, говори» (глава 13, часть 4), история выглядит немного иначе, но тем не менее В.В. Набоков еще раз подтверждает то, что он очень внимательно читал четырехтомный словарь В.И. Даля.

Возникает вопрос: почему Набоков, прекрасно зная русскую фразеологию, пользуясь словарем В. Даля, в котором есть выражение «убить муху» и пояснение к нему – «напиться допьяна» [Даль, 1998, т.2, с. 362], тем не менее оставляет плоский буквальный перевод? Ведь игра со словами «пьянствовать», «выпивать» сделала бы перевод ярче и выразительней.

---

³⁰ <http://nabokov-lit.ru>

Конечно, можно предположить, что он совершенно не знал особенностей быта помещиков. В.В. Набоков, воспитываясь в аристократической семье, вел здоровый образ жизни: катался на велосипеде, боксировал вместе с отцом и братом, играл в теннис. Слово «муха» ассоциировалось у него с миниатюрными вертолетами, которые дети делали в училище, занимаясь столярной работой. Брайн Бойд, описывая жизнь юного Набокова, приводит отрывок из его письма от 4 сентября 1937 года к Самуилу Розову, однокласснику по Тенишевскому училищу: «Маленькие вертолеты, которые почему-то назывались “мухами”, взлетающие к потолку, – я до сих пор чувствую между ладоней поворот стерженька – и потом – жик!» [Бойд, 2001, 110].

Пояснения к этой строке у Набокова тоже отсутствуют, хотя подробно комментируется «яблочная вода»: eau-de-pomme/ yablochnaya voda: «apple water», an apple decoction, ciderkin (яблочный отвар, яблочный напиток)³¹.

В исследовании выдающегося лингвиста и литературоведа В.В. Виноградова отмечается, что фразеологизмы со словом муха: «муху зашибить», «муху задавить», «муху раздавить», «муху убить», «с мухой», «под мухой»³² являются «идиоматическими синонимами» и обозначают «выпить вина». Виноградов ссылается на «Большой академический словарь» [БАС, т.6, с. 1394] и на «Словарь русского языка» под редакцией А.А. Шахматова [1900, т.2, вып. 4, с. 987]. Приведенные цитаты из таких произведений, как «Село Степанчиково и его обитатели», «Униженные и оскорбленные» Ф.М. Достоевского, «Происшествие» А.П. Чехова, а также из романа «Дикое счастье» Д.Н. Мамина-Сибиряка, подтверждают, что и во второй половине XIX века этот фразеологизм часто использовался в устной и письменной речи.

Нам представляется интересным следующее высказывание В.В. Виноградова: «*Задавить муху* в знач. «выпить вина» – ироническая метафоризация типичного бытового (особенно для поместно-дворянской жизни) термина» [Виноградов, 1968, с. 85]. По мнению автора, выражение «давить муху» точно описывало быт и особенности дворянского времяпрепровождения и развлечений, поэтому очевиден «иронический перенос его на выпивку по связи с фразеологизмом *убить муху*».

В.В. Виноградов, анализируя семантику и допустимые варианты этого фразеологизма, приходит к выводу, что его источником является терминология карточной

---

³¹ The French term, of which the Russian is a literal translation, occur constantly in medical prescription of the eighteenth century. Other readers understand this to mean yablochnaya voditsa or yablochnaya vodka, “applejack”, kept in corked or otherwise close jugs. Cf. the lingonberry decoction, brusnichnaya voda, mention in Three: 8 and IV: 13 [Nabokov, 1964, 2, 223].

³² <http://newforum.gramota.ru/viewtopic.php?p=131701> [дата последнего обращения 08.01.2019].

игры или картежный жаргон. «Итак, русские идиоматизмы, связанные с *мухой*, сложились и распространялись сначала в жаргонно-профессиональной среде картежников и военных, а затем влились в городское “просторечие”» [Виноградов, 1968, с. 85].

В более поздних работах данная строка рассматривается как пример поэтической неоднозначности (Б.В. Томашевский, И.Г. Добродомов и И.А. Пильщиков). В статье двух последних авторов «Из заметок о лексике и фразеологии «Евгения Онегина»³³ отмечается: «Выражение *мух давить* может трактоваться и как свободное глагольно-именное сочетание, в котором сохраняются самостоятельные лексические значения обоих компонентов (“мухи” + “давить”), и как фразеологическое сращение с неразложимым (идиоматическим) значением “пить хмельное”³⁴». Кроме того, исследователи приводят и другой пример авторского переосмысления мотива *мухи*: в первоначальной редакции четвертой главы «Евгения Онегина» «*нахальными мухами*» А.С. Пушкин называл журнальных критиков.

Примечателен тот факт, что в ноябре 2011 года на «Справочно-информационном портале “Грамота.ру” – русский язык для всех» развернулась дискуссия по поводу этой строки. Многие читатели, участники этого форума, признались, что строку (2, III, 4) романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» прочитывали буквально, точно так же, как и В.В. Набоков, т.е. «бездельничал». Тем интересней оказался спор о смыслах, таящихся в этом на первый взгляд совершенно очевидном словосочетании.

Некоторые читатели убедительно доказывали, что А.С. Пушкин использует один из вариантов фразеологизма со словом «муха». Чтобы выяснить точное значение этой строки, участники форума приводили мнения авторитетных лингвистов, давали ссылки на научные статьи, посвященные этой проблеме, высказывали свои мнения. «Гипотеза о пьянстве дяди допустима, но избыточна» (участник под ником карри), «У Пушкина могут быть варианты. Он мог и двоякий смысл вкладывать: пьянствовал и бездельничал» (участник под ником mirage).

Если русские литературоведы и лингвисты посвящают научные дискуссии этому фразеологизму, как можно точно перевести его (как и всю «воздушную громаду» романа) на иностранный язык с сохранением всех полновесных смыслов и нюансов, сквозящих за буквальным значением слов?

Сравним несколько переводов на английский язык интересующей нас строфы, которые были выполнены в разное время.

---

³³ <http://www.ruthenia.ru/document/532213.html#0> [последнее обращение 08.01.2019].

³⁴ <http://www.ruthenia.ru/document/532213.html#T9> [последнее обращение 08.01.2019].

Роман в стихах в 1881 году перевел Сполдинг (Spalding). Последняя строка переведена дословно: «смотрел в окно и *убивал мух*».

He took the room wherein the old
Man – forty years long in this wise –
His **housekeeper** was wont to scold,
Look through the window and **kill flies** [Spalding, 2017, с. 39].

В начале 1960-х годов появляются один за другим несколько новых переводов «Евгения Онегина». В 1964 году Бабетт Дойч (Babette Deutsch) издает переработанный ею перевод романа 1936 года. Заметок и комментариев к данной строке (2, III, 4) в нем нет. Бабетт Дойч дает, как и Сполдинг, буквальное значение «убивал мух».

The room where the old man berated
His **housekeeper** for forty years,
Killed flies, and snugly rusticated
Is now our hero's, it appears [Deutsch, 1964, с. 48].

Onegin searched the cupboards, finding
Liqueurs, a ledger, applejack [Deutsch, 1964, с. 48]

Особенность перевода Уолтера Арндта (1963), филолога, профессора университета штата Северная Каролина, за который он получил Болингеновскую премию, заключается в том, что он сохранил онегинскую строфу, подробно объяснив её структуру в предисловии к роману.

Онегин поселился в комнате, в которой дядя ругал своего *повара* (кухарку) и *прихлопывал мух*:

For his own use Eugene selected
The room where till his late demise
The laird had cursed his **cook**, inspected
The same old view, and **swatted flies**. <...>
The cupboards, opened to a chink,
Show batteries of homemade brandy
Some demijohns of applejack ... [Arndt, 1963, с. 38].

В 1977 году вышел перевод «Евгения Онегина», выполненный Чарлзом Хепбёрн-Джонстоном (Charles H. Johnston), британским дипломатом, поэтом и переводчиком. Этот перевод вызвал огромный интерес, так как был также выполнен с сохранением онегинской строфы. Интересно отметить, что Джонстон был женат на княжне Наталии Константиновне

Багратион-Мухранской, внучке Великого князя Константина Константиновича, который писал под поэтическим псевдонимом К.Р.

The rustic sage, in that apartment,
forty years long would criticise
his **housekeeper** and her department
look through the pane, and **squash the flies**.

В этом переводе читаем, что дядя *давил мух* и критиковал ту, которая названа *housekeeper*.

В 1995 году выходит перевод романа, выполненный Джеймсом Фаленом (James E. Falen), профессором Университета Теннесси, преподавателем русского языка и литературы. В его версии строфа выглядит так:

He settled where the former squire
For forty years had heaved his sighs,
Had cursed the **cook** in useless ire,
Stared out the window, and **squashed flies**. <...>
Onegin opened cupboard doors
And found in one a list of wages,
Some fruit liqueurs and applejack [Falen, 1995, с. 36]

Как и его предшественники, переводчик выбирает обороты *ругать повара* и *давить мух*.

Перевод Евгения Бонвера (Yevgeny Bonver) – 2004 – незначительно отличается от всех предыдущих. Вместо глагола «давить» он использует «ловить» (*catching flies*). Если переводить дословно – «ловить мух», то это словосочетание тоже является фразеологическим оборотом, но имеет иное лексическое значение – быть рассеянным, невнимательным, ничего не делать. Переводчик точно передал основной смысл занятий дяди Онегина: скучал, ничего не делал. Однако ключница превратилась в служанок, и совершенно непонятно, за что их бранили.

He settled in the chamber, quiet,
Where the old-timer of these lands
Was scolding *maids, catching flies*, tired,
And looking out – for forty years.

В 2011 году в издательстве «Русская школа» вышла в свет книга А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на русском и английском языках. Роман в стихах перевела Мэри Хобсон

(Mary Hobson), писательница и поэтесса из Великобритании. Эта строка (2, III, 1-4) переведена так:

He sat where that old country dweller
Took forty years to have his say
On **housekeeping** from roof to cellar,
Stare out and *drink the day away* [Hobson, 2011, с. 53].

В отличие от процитированных выше примеров, в переводе Хобсон обыгрывается фразеологизм, который она переводит в соответствии с русской идиомой.

Английская писательница, вероятно, знакома с комментариями к роману и русской фразеологией. Например, в книге К. Лапина «Кто? Что? Где? Когда? в “Евгении Онегине” А.С. Пушкина» дан такой комментарий: *мух давил* – возможно, выпивал от безделья: обиходное «быть под мухой» означает находиться в нетрезвом состоянии [Лапин, 2009, с. 54]. (Примечательно, что в книге Юрия Лотмана «Роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий» пояснение к этой строке отсутствует).

Обратим также внимание на слово «ключница» (в переводе это «housekeeper», то есть тот, кто ведет домашнее хозяйство). В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля лексическое значение этого слова разъясняется следующим образом: **ключник**³⁵ м. – ница ж. кто ходит в ключах, служитель, заведующий съестными припасами в доме, погребом, а иногда и питьями [Даль, 1998, II, с. 123].

В русском языке существуют два отдельных слова «ключница» и «экономка», которые различаются по семантике.

Ключник, а, м. В старину: тот, кто ведал продовольственными запасами семьи, дома. //ж. **ключница**, - ы. [Ожегов, 1987, с. 226]

В современных словарях русского языка слово «ключник» имеет пометку устаревшее. **Ключник**, -а, м. *Устар.* Слуга (в частном, обычно помещичьем доме), в ведении которого находились продовольственные запасы и ключи от мест их хранения. **Ключница**, -ы, ж. *Устар. Женск.* К ключник. [Евгеньева, 1999, т.2, с. 62].

Эконом, - а, м.(устар.) 1. Бережливый, хозяйственный человек. 2. Заведующий хозяйством. //ж. **экономка**, - и (ко 2 знач.) [Ожегов, 1987, с. 739].

Экономка, - и, *род. мн.* – мок, *дат.* – мкам, ж. *Устар.* Женщина, занимающаяся ведением хозяйства у кого-л., где-л. [Евгеньева, 1999, т.4, с. 750].

---

³⁵ Дается современное написание слов.

В английской словоформе «**housekeeper**» эти смыслы совпадают и дополняются другими значениями – это и экономка, и домоправительница, и ключница, и домашняя работница, и домашняя хозяйка, и глава семьи, и домовладелец, и домохозяин³⁶. Естественно, для английского читателя теряется важное для русского читателя буквальное значение – «та, которая хранит ключи».

Подведем некоторые итоги.

Каждая строфа (и строка!) романа содержит веер возможностей как для персонажей (реализация судеб в будущем, реконструкция прошлого), так и для читателя (разное прочтение). За конкретными словами мерцают другие, дополнительные смыслы. И история дяди Онегина не так проста. Он, томясь скукой (хотя и не по-онегински), одновременно и бездельничал, и буквально «давил» – убивал мух на стекле, и любил выпить.

Не исключено, хотя и не обязательно, что «бранился с ключницей» он как раз по поводу ее отказа открывать шкаф, на полках которого стоял «одних наливок целый строй». Заметим, дядя не «критиковал» и не «ругал» ключницу, а «бранился» с ней – процесс взаимный, двусторонний: он требовал – она отвечала отказом как «заведующий питьями» (по Далю) полновластная хозяйка. Она почти член семьи, свой человек в доме, почему-то имеющий право на равных бранить барина. Этих своеобразных, почти родственных отношений в русской провинциальной дворянской усадьбе не передают ни «cook» (повариха, стряпуха, кухарка) – всего лишь лицо, которое готовит пищу, ни «housekeeper» (экономка, домашняя хозяйка) – всего лишь помощница по хозяйству.

Не забудем при этом, что вся картина жизни дяди дается через восприятие скучающего молодого Онегина, его родного племянника, и одновременно через восприятие самого автора.

Тема статьи не дает возможности углубиться в анализ фразеологизма «мух давить» в отношении главного героя, предпочитавшего в деревне «вдовы Клико или Мозта благословенное вино», что может наметить некие дополнительные связи между персонажами (состояние дяди – это травестированное состояние Онегина).

Таким образом, мы приходим к выводу, что рассмотренные нами переводы при всей их добросовестности, тщательности, определенного изящества слога не передают всего многообразия заключенных в тексте (и подтексте) значений.

Перевод романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» – сложнейшая задача, так как словесная многозначность, лингвокультурологические особенности, удаленность

---

³⁶ МУЛЬТИТРАН: https://www.multitran.ru/c/m.exe?t=38700_1_2&s1=%EA%EB%FE%F7%ED%E8%F6%E0

исторической эпохи, существенные различия в языке не позволяют перевести оригинал так, чтобы сохранить всю уникальную многогранность этого произведения, передать все мерцающие скрытые смыслы.

Список литературы:

Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография/Пер. с англ. – М.: Издательство Независимая Газета; СПб.: Издательство «Симпозиум», 2001. – 695 с., ил. – (Серия «Биографии»).

Виноградов В.В. О серии выражений: муху зашибить, муху задавить, муху раздавить, муху убить, с мухой, под мухой// Русская речь. – 1968. – №1.

Грин Х. Мистер Набоков в кн.: В.В. Набоков: pro et contra/ Сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина; комментарии Е. Белодубровского, Г. Левинтона, М. М. Маликовой, В. Новикова; библиогр. М. Маликовой. СПб.: РХГИ, 1997. – 974 с. (Русский путь).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1-4./ В.И. Даль. М.: Рус. яз., 1998.

Добродомов И.Г., Пильщиков И.А. Из заметок о лексике и фразеологии «Евгения Онегина» [Электрон. ресурс]/ И.Г. Добродомов, И.А. Пильщиков – 2001. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/532213.html#0>

Лапин К. Кто? Что? Где? Когда? в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина/ К. Лапин. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2009. 504 с.

Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий/ Юрий Лотман. СПб. Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 512 с. (Азбука-классика. Non-Fiction).

Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – Перевод с английского. С-Пб. «Искусство – СПб»; «Набоковский фонд», 1998. 928 с.

Набоков В.В. Лекции по русской литературе: Пер. с англ. предисловие Ив. Толстого. М.: Независимая газета, 1996. 440 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов/ Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 19 изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.

Пушкин А.С. Евгений Онегин. На англ. и русск. яз./Перевод на англ. Мэри Хобсон, М.: Русская школа, 2011. 288 с.

Словарь русского языка: В 4-х т. /РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.

Переводы:

Pushkin A. Eugene Onegin: [роман в стихах] /Alexander Pushkin, [пер. с рус. Генри Сполдинг]. – СПб.: ООО «Издательство Пальмира», М.: ООО «книга по Требованию», 2017. – 224 с. – (Серия “Russian Classic”).

Pushkin A. Eugene Onegin. A Novel in Verse. Translated by Yevgeny Bonver [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.poetryloverspage.com/poets/pushkin/evgeny_onegin.html

Pushkin A. Eugene Onegin. A Novel in Verse. A new translation in the Onegin stanza with an introduction and notes by Walter Arndt. E.P. Dutton&Co., Inc., New York, 1963

Pushkin A. Eugene Onegin. A Novel in Verse. A new revised edition translated by Babette Deutsch. Edited with an introduction by Avrahm Yarmolinsky. Penguin books, 1964, 248.

Pushkin A. Eugene Onegin. A Novel in Verse. Translated with an Introduction and Notes by James E. Falen. Oxford, New York, Oxford university press, 1995.

Pushkin A. Eugene Onegin. Translation by Charles H. Johnston. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/LITRA/PUSHKIN/ENGLISH/onegin_j.txt

Pushkin A. Eugene Onegin: A Novel in Verse/ Transl. from the Russian, with a Commentary, by V. Nabokov. N.Y., 1964. Vol. 1-2.

Бобок Марта-Теодора
Бухарестский Университет
г. Бухарест (Румыния)

Boboc Marta-Teodora
University of Bucharest
Bucharest (Romania)

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ ПУШКИНА В ТРЁХ РУМЫНСКИХ ПЕРЕВОДАХ)**

**PSYCHOLINGUISTIC AND MENTAL PARAMETERS OF LITERARY TRANSLATION
(BASED ON PUSHKIN'S POETRY IN THREE ROMANIAN VARIANTS)**

Наша работа посвящена изучению проблематики интерпретации и перевода поэзии русского поэта А. С. Пушкина на румынский язык. Материал исследования составили три его стихотворения из поэтического кавказского цикла. В первой части работы даётся ряд определений существа и своеобразности поэтических переводов, а также две классификации понятия динамической и формальной эквивалентности. Далее рассматривается поэтика Пушкина, а затем на примере отдельных переводов выделяются языковые доминанты, достижения и неудачи румынских вариантов. Различия в передаче смысла определённых лексических единиц представленных переводов свидетельствует о несовпадении интерпретаций переводчиков оригинального текста, что можно рассматривать как проявление герменевтической сути перевода.

The given paper is devoted to the study of interpretation and translation issues of A. S. Pushkin's poetry into Romanian language. In the first part of the work, there are given some definitions of the essence and originality of poetic translation, as well as two classifications of the concept of equivalence. Further we examine Pushkin's poetics, then the language dominants. The 'achievements' and 'failures' of the Romanian variants are highlighted by the example of individual translations. Differences in conveying the meaning of certain lexical units testify the discrepancy in translators' interpretations of the original text, which can be considered a manifestation of the hermeneutical essence of translation.

Ключевые слова: переводческие стратегии, компенсация, лексические трансформации, тропы, адекватность.

Keywords: translation strategies, compensation, lexical transformations, figures of speech, adequacy.

Наша работа посвящена психологическому подходу к переводу, к более широкому спектру переводческих компетенций, который в отличие от сугубо лингвистической и литературоведческой концепций, выходит за рамки обычного сравнения и анализа языков и языковых средств, так как *«включает в себя и психологические, социологические, ментальные аспекты и др. и в совокупности с ними является основой для формирования культурологической теории перевода»*. [Оболенская, 2006, с. 94]. Разнообразные формы взаимодействия и общения представителей разных культур *«предполагают наличие у них необходимых теоретических знаний, психологических качеств и практических навыков для эффективного взаимопонимания»*. [Верещагин, 1990, с. 101].

В наибольшей степени это касается личности переводчика. Такое понимание переводческого мастерства ориентирует на исследование кроме самого процесса перевода и

на изучение «человеческого компонента» в переводе, на анализ психологии выбора переводчиком тех или иных решений в трудных ситуациях.

Для выяснения проблематики интерпретации и перевода поэтического текста как наиболее трудного и сопряжённого с огромной ответственностью, мы постараемся разъяснить, что именно может сделать перевод адекватным и эквивалентным или хотя бы тяготеющим к этим качествам и с этой целью будут рассмотрены три пушкинских стихотворения из «Кавказского цикла» и их переводы на румынский язык, выполненные разными румынскими поэтами.

К середине XX в. возрастают требования к адекватности перевода, которые, по мнению таких исследователей как Б.В. Беляев, Е.М. Верещагин, С.Ф. Гончаренко, а из румынских – Габриэла Лунгу-Бадеа, Коман Лупу, Михаэла Морару и др. обеспечивают передачу информации во всех деталях, вплоть до значений отдельных слов. Понимание того, что для осуществления успешной переводческой деятельности недостаточно иметь лишь знание двух языков (языка оригинала и языка перевода), привело к серьёзному изучению перевода в ракурсе самых различных дисциплин, как психологии, социологии, лингвопоэтики и др. Но необходимо подчеркнуть, что психологическая концепция перевода ещё мало разработана (особенно у нас) и находится только в начальной стадии своего зарождения.

Художественный перевод – это, с одной стороны наиболее «живое» и существенное средство коммуникации между людьми и народами, так как посредством художественных текстов возможно нагляднее и глубже познать другие культуры и миры. Но, с другой стороны он является высоконравственным актом культуры, так как литераторы, писатели и вообще люди, берущие на себя ответственность переводить творения великих мастеров, как бы становятся в один ряд с ними. В художественной литературе как в зеркале отражается действительность жизни определённого народа, язык которого даёт основу для воплощения образов. *«Сохранение национального колорита подлинника, подразумевающее функционально верное восприятие и передачу целого сочетания элементов, представляет собой чрезвычайно сложную задачу, её решение связано со степенью реально имеющих у переводчика и у читателей перевода знаний о действительности, описанной в переводе.»* [Висковатов, 1987, с. 54].

Одной из отличительных черт художественного перевода – это его эстетическая функция. т.е. функция художественного воздействия на читателя. В связи с этой проблемой необходимо заранее выявить, что утрачивается, что трансформируется, для каких лексических единиц употребляются дескриптивные элементы, какие синтаксические

конструкции редуцируются и т.д. В связи с этим необходимо понять – какова роль в возможности данных несовпадений, вплоть до грубых искажений самого переводчика? Разнообразные теории и наблюдения сходятся, по-нашему мнению, на идее парадоксальной роли переводчика в процессе толкования текста на другой язык. С одной стороны, от него всегда требуются чёткость, ясность, адекватность, идентичность воздействия на новый рецептор, а с другой – «*быть как можно незаметнее*», то есть выполнить парадоксальный идеал: обезличенный текст при ярком таланте переводчика. А ведь противоречие заключается именно в этом: чем профессиональнее «голос» переводчика, чем очевиднее его талант, тем становится он виднее в переводе, тем чаще встречаем в тексте перевода его личные стилистические и словесные пристрастия. А это для перевода литературного текста может обернуться большим «минусом».

Конечно в художественном переводе трудно сказать, что «*такое хорошо и что такое плохо*», ведь, как и в других областях искусства «*перевод — это дело вкуса*» [Ньюмарк, 2001, с. 81]. Слово в любом языке обладает множеством ассоциаций, которые чаще всего не совпадают в языке перевода. А помимо этого необходимо помнить, что художественное произведение, которое всегда уникально в своём воплощении, предполагает много разных интерпретаций, поэтому художественному переводу присущ феномен *множественности*. Трудно, конечно, но, как заметил Иосиф Бродский: «*Что может быть увлекательней, чем невозможное?*» [Илие, 2014, с. 54].

Индивидуальность переводчика проявляется ещё и в том, каких авторов и какие произведения он выбирает для воссоздания на родном языке. Румынский поэт и переводчик, Штефан Аугустин Дойнаш в своей теоретической работе «*Атлас фундаментальных звуков*» считает, что «*подлинный перевод поэзии должен возратить полисемантическое богатство изначального текста, что вполне возможно, при наличии у переводчика полного слияния с автором, не только на уровне таланта, а также на уровне **темперамента***». [Дойнаш, 1988, с. 59].

Пушкин же видит другой путь, который сам использовал в своих переводческих опытах, а именно: «*сочинить, сохраняя дух переводимого произведения, нечто своё*».

Среди теоретиков переводоведения также не существует единства мнений, но в общем, они тяготеют к двум основным подходам к переводу художественного текста: это концепция *адекватного перевода*, согласно которой переводчик должен стремиться к максимальному сохранению формы и содержания оригинала, и концепция *неадекватного (вольного) перевода*, которую можно проиллюстрировать высказываниями Дидро: «*Я всегда*

прочитывал стихотворение несколько раз, закрывал книжку и начинал переводить.» [Морару, 2000, с. 82].

Теория, которая в определённой мере представляет собой синтез вышеуказанных подходов, является теория *динамической эквивалентности*, которую впервые выделил американский лингвист Юджин Найда и которая сходна с понятием функциональной эквивалентности русского исследователя А.Д. Швейцера. Под динамической эквивалентностью понимается *«такой вид перевода, при котором смысловое содержание оригинала передаётся на языке рецептора таким образом, что реакция рецептора перевода в основном подобна реакции исходных рецепторов»*. [Найда, 1978, с. 112]. Под реакцией имеется в виду – общее восприятие сообщения, включающее понимание смыслового содержания, эмоциональных установок и др. Речь идёт о том, что когда переводчик ставит перед собой цель достичь *динамической эквивалентности* переводного текста тексту оригинала, он стремится *«не столько добиться совпадения сообщения на языке перевода с сообщением на языке оригинала, сколько создать динамическую связь между сообщением и получателем на языке перевода, которая была бы приблизительно такой же, как связь, существующая между сообщением и получателем на языке оригинала»*. [Там же, с. 115]. Найда отмечает, что существуют самые разные типы перевода – от сверхбуквального (подстрочника) до свободной парафразы. Различие в выборе того или иного типа перевода обусловлено, по мнению Найды, тремя факторами: *«характером сообщения, намерениями автора и переводчика как его доверенного лица и типом аудитории»*. [Там же, с. 117].

Но перевод – не просто интерпретация подлинника. Он даёт тексту оригинала новое измерение, вводит его в другую культурную систему, в которой существуют иные координаты: другое восприятие мира, разное понимание комического, свои культурологические реалии и т.д. *«Сам перевод живёт в этой новой системе координат вполне самостоятельной жизнью, не всегда похожей на жизнь оригинала.»* [Оболенская, 1998, с. 16].

Из всех многочисленных видов перевода, бесспорно, *поэтический* является наиболее творческим и труднодостижимым. Тут ни билингвизмом, ни особой компетенцией сочетать слова, ни умением отбирать из синонимического ряда самые выразительные эпитеты делу не поможешь. Нужен помимо других достижений и талант стихотворца.³⁷ Мы убеждены,

---

³⁷ Так, французский теоретик перевода Ж. Пари пишет: *«(...) переводы могут порой быть труднее самой поэзии. Переводчик должен вернуться к изначальному чувству поэта и определить истоки переводимого»*

что даже самый удачный перевод поэтического произведения является всё-таки лишь аппроксимацией к оригиналу, который тяготеет как можно ближе подойти к нему. В этом и причина того, что самые известные поэты мировой классики переводятся многократно на один и тот же язык, в поиске самого выразительного варианта, который сумел бы *«свести до минимума расстояние, разделяющее перевод и подлинник, то есть расстояние, обусловленное различиями языков, литературно-эстетических традиций и т.д.»* [Маулер, 1976, с. 13].

Поэзия ставит перед человеком такие вопросы, на которые порой невозможно ответить, можно лишь раздумывать, мечтать, стремиться... Но Пушкин своим могучим, неповторимым голосом ответил. Он раскрыл все тайны человеческих чувств и дерзаний, любви и верности, разума и слабости. Он является одним из тех великих поэтов мировой культуры, которых можно назвать светилом человеческой души, сила и тайна которых остаются на веки до конца неразгаданными [Морару, 2003, с. 80].

Всё мастерство словесной живописи у Пушкина подчинено единственной цели – дать читателю почувствовать красоту и животворящую силу природы. В его поэзии нас покоряет удивительная гармония чувства и слова, мысли и образа, единство внешнего рисунка стиха с внутренней эмоциональностью. А язык пушкинского стиха *«продолжает нас поражать своим величественным совершенством формы, изяществом фразы, неисчерпаемой глубиной и блеском мышления»*. [Там же, с. 81].

Мы выбрали для нашего исследовательского «эксперимента» описания пейзажа, так как одной из основных тем поэзии Пушкина была красота окружающего мира, картины природы.

Природа у Пушкина «очеловечена», т.е. широко используется приём персонификации природных объектов: цветы *«улыбаются»*, звёзды *«молятся»*, птицы *«щебечут»*, Терек *«играет и лижет утесы»*, бор *«ропщет»*, пруд *«грезит»*, небеса *«дремлют»*, *«Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя, / То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя...»* и др. В его строках всё живо, всё дышит, всё способно плакать, радоваться и грустить. Пушкин находит в окружающем его мире отзвук своим настроениям и чувствам, тонко ощущает прелесть русской природы, красоту «родного пейзажа».

Природа у Пушкина – это *«атмосфера, разлитая и внутри и вовне человеческой жизни, сливающая чувства и мысли со звуками и запахами, пронизывающая все вокруг тонкими вибрациями, которые отзываются и в биении сердца, и в дрожании звёзд»*.

произведения; он должен весь свой ум и своё восприятие направить на исследование того, что для поэта могло быть просто озарением, даром богов.» [Лунгу-Бадеа, 2005, с. 172].

[Бабаев, 1998, с. 32]. В каждом своём произведении поэт выражает целую гамму «изменчивых чувств», переживаний, настроений, вызванных в душе человека от соприкосновения с природой.

Перевод пушкинского творчества в Румынии ведёт отсчёт с 30-х годов XIX века, когда были осуществлены первые толкования его произведений, точнее с 1837-го года, когда известный румынский поэт К. Негруцци перевёл повесть *Кирджали* и стихотворение *Чёрная шаль*, а Ал. Донич осуществил перевод поэмы *Цыгане*. В последствии творчество Пушкина неоднократно переиздаётся в разных переводах известных румынских мастеров слова, таких как: К. Стамати, Ал. Филиппиде, Дж. Лесня, Мария Бануш, Т. Аргези, Михай Бенюк, Ион Буздуган и др.

Нами были проанализированы стихотворения *Кавказ*, *Обвал* и *Монастырь на Казбеке* (Кавказский цикл)³⁸, характеризующиеся, на наш взгляд, особо высокой экспрессией языковых элементов. Поставив в центр нашего внимания лексическую организацию пушкинского текста, а именно определённые структуры и выражения, включающие в свой состав с одной стороны эпитеты, метафоры и сравнения, выраженные разными морфологическими категориями, а с другой стороны стилистически окрашенные слова (архаизмы, книжные слова), мы пытаемся, путём сопоставления оригинала с целым рядом его переводов на румынский язык, проследить концентрацию данных форм, и по мере возможности, мотивировать предпочтение, отдаваемое переводчиком той или иной языковой форме.

Стихотворение *Кавказ* – одно из самых длинных всего цикла, демонстрирует тончайшее мастерство поэта в описании величия и скорби дикой южной природы. Пушкин чувствует очарование даже в таких мелочах, как парящий в облаках орёл, «*утесов нагие громады*» и «*рощи, зелёные сени, где птицы щебечут, где скачут олени*». Но это суровый край, где человеку приходится «гнездиться» в горах и сливаться с окружающей его стихией. Человек как-то обезличен, Пушкин не акцентирует внимания ни на его портрете, ни на роде его деятельности, но и таким незначительным штрихом человек заполняет виртуозно созданную картину природы, где каждая деталь наделена чертами живых людей. Так, Терек у поэта «*играет в свирепом веселье*» и «*воет, как зверь молодой*». И может быть, наблюдая

---

³⁸ Известный литературовед и пушкинист Дмитрий Благой из пушкинского цикла «*Стихи, сочинённые во время путешествия*» (1829), в серию которого вошли девять произведений, выделил триптих, включающий в себя *Кавказ*, *Обвал* и *Монастырь на Казбеке*. По его мнению, стихотворения объединены между собой посредством нескольких сквозных тем: заточения и свободы, ущелья и горных вершин, скованности и её преодоления. [Логиновски, 2000, с. 17].

за тем, как Терек «*лизжет утесы голодной волной*», Пушкин отождествляет себя с водным потоком, который закован в каменные берега.

Обратимся теперь к румынскому варианту этого стихотворения. С самого начала необходимо выявить, что перевод Джордже Лесни³⁹, имевшего богатую переводческую практику с русского языка, наиболее точно других переводов воссоздаёт торжественно-скованную тональность оригинала и эмоциональную сопричастность поэта со стихиями природы. Вникая в своеобразие каждой пушкинской лексической единицы, Лесня старается передать и смысловую глубину и сохранить стилистическую идентичность языковых элементов. Сравните:

<i>«Здесь тучи смиренно идут подо мной;</i>	<i>«Sub mine trec norii ce-alene străbat;</i>
<i>Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;</i>	<i>Prin ei se aude dând vuiet cascada</i>
<i>Под ними утесов нагие громады;</i>	<i>Și piscuri pleșuve țâșnesc cu grămada;</i>
<i>Там ниже мох тощий, кустарник сухой;</i>	<i>Mai jos crește mușchiul, tușișu-i uscat,</i>
<i>А там уже рощи, зелёные сени,</i>	<i>Iar dincolo-s codrii, verdeață înaltă,</i>
<i>Где птицы щебечут, где скачут олени.»</i>	<i>Și pasărea cântă, și ciutele saltă.»</i>

Эстетика образной картины в этой второй строфе реализуется использованием традиционных романтических символов: *тучи, водопады, громады, мох, рощи*. В переводе в целом воссоздаётся образность пушкинской картины, но некоторые лексические элементы, служащие передаче самобытных характерных черт природы в стихотворении Пушкина, компенсируются различными средствами. Так, например, существительное *рощи* передаётся словом *codrii*, означающее «леса», *птицы и олени* – посредством единственного числа. Цветовые и другие определения заменены существительными или просто опущены, зато восстановлены эллиптические глаголы: *мох тощий* – *crește mușchiul* (в румынском варианте есть глагол «растёт», но отсутствует определение). Интересное решение находит Лесня для передачи деепричастия *низвергаясь* («падать с шумом») – *dând vuiet*, передавая внутренний накал картины, хотя русская лексема содержит визуальную коннотацию, а румынский эквивалент слуховую, осознаются симметричные ощущения грандиозности и весомости.

Динамичность изображения, которая осуществляется через грамматическую структуру стихотворения: наличие глаголов, деепричастий, прилагательных и абстрактных существительных, достигается у Лесни либо прямыми соответствиями, либо

---

³⁹ Джордже Лесня (1902-1979) – известный переводчик русской поэзии. Перевёл Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Есенина, Маяковского и некоторых других. Написал два тома стихотворений, но его поэзия считается минорной, сентиментальной. Не переиздавалась, в антологии румынской литературы не указана.

синонимическими. Так, например, глаголу *гнездятся* нашёлся коррелят в румынском языке *cuibăriți*, который кроме того, что достоверно передаёт пространственное положение элементов пушкинского пейзажа, совпадает и стилистически: *гнездятся* производное от слова *гнездо*, а *cuibăriți* от *cuib* (гнездо). Слову – *громады*, которому присуща высокая выразительность и которое встречается в этом стихотворении два раза («Под ними утесов нагие громады»; «Теснят его грозно немые громады»), румынский переводчик нашёл два эквивалента: *grămadă* – неудачный межъязыковой омоним со значением «куча» и *giganți de piatră* – метафорическое словосочетание («каменные богатыри»), которое эстетически высвечивает идейно-смысловый образ оригинала.

Тропы перевода, которые придают пейзажу развёрнутое олицетворение природы, в переводе встречаются в малоизменённом виде:

- **эпитеты:** *грозные обвалы* – *avalanșa cumplită*; *весёлые долины* – *văi mult voioase*; *тенистые берега* – *țărniți umbriți* и др. В конструкции *тощій мох* переводчик прибегает к вербальному словосочетанию вместо адъективного *crește mușchiul*, но это не влияет на материальную весомость картины. В одном только месте Лесня не сумел правильно декодировать текст и его вариант расходится полностью с оригиналом: «И лижет утесы голодной водной...» – «*Și stâncile linge cu calu-i flămând...*». Смысловая адекватность грубо нарушена, так как исходная конструкция передаётся переводчиком другими словами, а именно – «И лижет утесы его голодный конь...».

- **метафоры:** «Терек играет в свирепом веселье» – «*Terecu-i vesel și zburdă-n vâltoare*»; «Я вижу потоков рожденье» – «*Zăresc cum șuvoiul se naște, sclipește*» и другие находят соответствия в румынском переводе, отметим, однако, что значение полностью сохранено только во втором примере.

Слова *нисходить*, *пастырь*, *вотще*, *отселе*, *злачный* в современном языке воспринимаются как высокие и архаичные. Лесня переводит их словами нейтральной лексики: *вотще* – *zadarnic*, когда есть стилистически окрашенное *în van*, а *нисходит* банально *coboară*, хотя и в румынском языке есть устаревший глагол *a scoborî*.

Стихотворение *Обвал* более метафорично и строго. Символическая ёмкость каждой строфы открывает возможности для многоаспектного толкования идейно-смыслового фона. Тематически – это история драматической борьбы двух природных стихий: обвала и Терека. Здесь очевидна гармония формы и содержания.

Метафорический контекст, конкретные эпитеты, изобилие архаичных лексем, короткие отрывистые фразы создают ощущение, что слова стихотворения падают, как тот самый обвал, как будто отстукивая определённый ритм. Используются приёмы ассонанса и

аллитерации. Подтекст этого стихотворения становится тем индикатором, который позволяет глубже проникнуть в задумку автора.

Румынский вариант в переводе Александра Филиппиде⁴⁰ можно считать менее «адекватным» и в смысловой интерпретации и по степени эквивалентности языковых средств, так как не отражает соответствующей пушкинской реальности экспрессивной окраски и совсем не находит стилистического отождествления. Отбор и группировка языкового строительного материала в румынском варианте не достигли неповторимого совершенства оригинала. Ритм и наглядность пушкинского пейзажа не находят отражения в картине Филиппиде, где румынский поэт, передавая Пушкина, заговорил «собственным голосом», что часто происходит, когда за перевод берутся выдающиеся поэты. Сопоставляя поэтические строки оригинала и соответствующие им строки перевода, первое, что нас поразило, это их очевидное переоформление за счёт применения метода сужения (или компрессии) в некоторых его разновидностях.

Одним из таких приёмов, часто встречающихся в переводе Филиппиде – это «прямое исключение», при котором единица оригинала отсутствует в переводе и ничем не восполняется. Сравните:

«Оттоль сорвался раз обвал, / И с тяжким грохотом упал» – «*Cândva se prăbuși din deal, / O avalanșă pe prăval*» – в румынском варианте отсутствует словосочетание «с тяжким грохотом» и глагол «сорвался», так, что осталось лишь – «Кода-то с гор упал на скалы обвал»; или другой пример: «О, Терек, ты прервал свой рев; / Но задних волн упорный гнев / Прошиб снега...» – «*O, Terek, tu ai amuțit! / Dar apele au sfredelit / Troianul gros*» – «прервал свой рев» – переведено глаголом «*ai amuțit!*» (т.е. замолк), а «задних волн упорный гнев» звучит в румынском варианте монотонно – «*a воды прошибли (глубокий снег)*»).

Второй метод - компрессия – это «косвенное исключение», то есть замена одного или нескольких компонентов исходного текста словами других грамматических категорий, что может привести к экспрессивному оскуднению. Например, деепричастия *истощась* и *присмирив* («Вдруг, *истощась* и *присмирив*»), переведены простыми прилагательными – *слабый* и *спокойный*, что слишком упрощает семантику подлинника. В другом месте – «И конь скакал, и влёкся вол» – сущ. + глаголы движения передаются сущ. + прилагательные – *sai iuți / voi înseși* («стремительные лошади», «медлительные волы»).

---

⁴⁰ Александру Филиппиде (1900-1979) – румынский поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Выразил в своей поэзии важное для румынской культуры понимание экспрессионизма как современного романтизма. Получил известность и как выдающийся переводчик. Среди переведённых им авторов: Бодлер, Шекспир, По, Шиллер, Новалис, Гельдерлин, Т. Манн, Рильке, Пушкин, Лермонтов, Маяковский.

Другой аспект, на который хотелось бы обратить внимание является вопрос устарелой и поэтической лексики, употреблённой Пушкиным в стихотворении *Обвал* и, которая, к сожалению, не нашла своего стилистического эквивалента. Все архаизмы переводятся на румынский язык стилистически немаркированными словами, чем снижается торжественная и строгая тональность стихотворения в целом: *оттоль* – *cândva* (как-то); *могущий вал* – *iute val*; *ныне* – *azi* (сегодня); *теснина* – *chei* (ущелье) и др.

Таким образом, становится очевидным, что при переводе этого стихотворения Филиппиде в большей мере, чем в других ситуациях, изменяет соотношение художественных элементов оригинала, пользуясь иными конструктивными средствами, чем Пушкин, что приводит к потере изысканности пушкинского слога, сохранив лишь смысловое тождество.

И последнее стихотворение данного цикла – *Монастырь на Казбеке*, самое короткое, но содержательное, воспевающее неземную красоту Казбека, который величество возвышается над другими горами. Стихотворение, вопреки его сжатой форме, очень эмоционально. Этому способствуют образность метафор и эпитетов, а также ёмкость сравнений, типа «*монастырь – как реющий ковчег*»; «*шатёр, сияющий вечными лучами*» и т.д.

Единственный существующий на румынском языке перевод, принадлежит поэтессе Марии Бануш⁴¹, которая из русской литературы перевела исключительно Пушкина и всегда в соавторстве, но не указывая нигде фамилию соавтора⁴². Сравнивая румынский вариант с подлинником, выявляются некоторые расхождения не только в плане выражения, но и в плане содержания, вытекающие из недопонимания пушкинского текста, его скрытой символистики и эмоциональной насыщенности.

С лексической точки зрения переводчица не сумела (или их не было в подстрочном переводе?) передать использованные в стихотворении старославянские слова, типа: *реющий, возделенный, брег, келья, ковчег* (библейского происхождения), придающие высокое торжественное звучание всему стихотворению. Они передаются самыми банальными словами нейтрального стиля, что вовсе не соответствует эмоциональной насыщенности исходных терминов, создающих образ воздушности, света и красоты, сравните: *брег* – побережье; *реющий* – которая поднимается к небу; *возделенный* – желаемый и др.

---

⁴¹ *Мария Бануш* (1914-1999) – румынская поэтесса, автор более десяти сборников стихотворений, писала в русле соцреализма; много переводила из мировой поэзии; последние годы жила во Франции.

⁴² Из личных воспоминаний сына поэтессы, который описывает творческие искания матери, можно предположить, что соавтором был известный румынский поэт и критик Александру Андрицойю.

На синтаксическом уровне можно заметить противопоставленный применяемому Филиппиде методу (компрессии) – приём *аддиции*, т.е. удлинения поэтической строки, либо за счёт замены простых конструкций – сложными: «Сказав прости ущелью» – «*Liându-mi rămas bun de la cheiul întunecat*» (вставлено прилагательное); «Подняться к вольной вышине» – «*Să mă înalț spre volnica-nălțime azi tânjesc*» (здесь вставлены целых три слова – *мне, сегодня, желаю*), либо заменой простых предложений – сложными (правда только в одном случае). Можно заметить, что в оригинале несколько раз использованы формы условного наклонения для выражения желания, стремления, но и сомнения: «*подняться б*», «*скрыться б*» – в румынском варианте им соответствуют личные глаголы – «*mă înalț*», «*mă ascund*».

Далее мы рассмотрим перевод слов-ключей оригинала, то есть таких слов, которые, по нашему мнению, наиболее наглядно раскрывают символическую ткань стихотворения: «над семью гор» – «*deasupra lanțului muntos*» (над горным хребтом); «царственный шатёр» – переведено без определения – *a ta cipolă*; эпитет *вольный* («*подняться к вольной вышине*») (подчеркнуто мной Б. Т.) – совсем отсутствует, что снижает накалённость чувства лирического героя.

В заключении необходимо сказать, что при сравнении такого рода словарного материала оригинала и переводных вариантов, в нашем случае пушкинских стихотворений, становится очевидным, что порой самобытность и экспрессивность элементов подлинника не находят полной адекватности в тексте перевода, и это связано с самим актом перевода и личностью переводчика. Вышеприведённые примеры иллюстрируют на конкретном материале следующее:

- самый адекватный и по содержанию, и по «духу» это перевод Лесни, владеющего в совершенстве русским языком и, который хотя видным поэтом не стал, но сочинением стихов занимался;

- Филиппиде даёт выразительный в своей экспрессии вариант, но в нём много трансформаций (уместных и неуместных) и много тропов своего собственного стиля. Стихи звучат внушительно, но голосом Филиппиде;

- самый отдалённый вариант — это перевод Бануш, которая работая в соавторстве и не зная русского языка, можно предполагать, что стилизовала готовый перевод, осуществлённый белым стихом или прозой.

Но все эти переводы являются несомненно актом культуры огромной важности. И основная идея нашей работы не заключается в предоставлении новых, собственных румынских вариантов, а в том, чтобы обратить внимание на трудности, подчеркнуть удачу,

но больше несоответствия, возникающие при осуществлении поэтического перевода. Это конечно не исключает идею, что дальнейшее усовершенствование румынского варианта поэзии Пушкина остаётся вопросом открытым.

Список литературы:

- Бабаев Э.Г.* Творчество А.С. Пушкина. / Э.Г. Бабаев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998
- Благой Д.* Мастерство Пушкина. / Д. Благой. М.: Сов. писатель, 1955
- Верещагин Е. М.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990
- Висковатов С.Е.* Перевод – средство взаимного сближения народов / С.Е. Висковатов. М.: Прогресс, 1987
- Гончаренко С.Ф.* Поэтический перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика вып. 24. М.: Международные отношения, 1999
- Григорьев В.П.* Поэтика слова / В.П. Григорьев. М.: Наука, 1979
- Гумилёв Н.* Девять заповедей переводчика (Принципы стихотворного художественного текста) / Н. Гумилёв. М.: АРТ-ФЛЕКС, 2000
- Маулер Ф.И.* Некоторые способы достижения эквилинеарности // Тетради переводчика вып. 13, М.: Международные отношения, 1976
- Морару М.* Эстетика перевода / М. Морару. Б.: Изд-во Бух. Ун-та, 2000
- Найда Ю.Я.* К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сборник статей, М.: Международные отношения, 1978
- Оболенская Ю.Л.* Диалог культур и диалектика перевода / Ю.Л. Оболенская. М: МГУ, 1988
- Оболенская Ю.Л.* Художественный перевод и межкультурные коммуникации / Ю.Л. Оболенская. М.: Высшая школа, 2006
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка, 4-е издание. М., 2002
- Солодуб Ю. П.* Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. М.: Академия, 2005
- Doinaş Ştefan Augustin.* Atlas de sunete fundamentale / Şt. A. Doinaş. Cluj-Napoca: Ed. Dacia, 1988
- Ilie Marina.* Iosif Brodski. Avataruri ale eului / M. Ilie. Bucureşti: EUB, 2014
- Loghinovschi Elena.* Puşkin şi problemele existenţei în memoria literaturii. Studii de intertextualitate / E. Loghinovschi. Chişinău: Ed. Litera, 2000
- Lungu Badea Gabriela.* Tendinţe în cercetarea traductologică / G. Lungu-Badea. Timişoara: Ed. Univ. de Vest, 2005
- Moraru Mihaela.* Traducerea diacronică între artă şi ştiinţă / M. Moraru. Bucureşti: EUB, 2003
- Newmark Peter.* A Translator's Approach to Literary Language // Across Languages and Cultures. 2001, Nr. 2

Борис Л.А.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Boris Ludmila
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

РЕАЛИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В СКАЗКАХ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

THE REALITIES OF RUSSIAN CULTURE IN THE FAIRY TALES OF ALEXANDER PUSHKIN

Сказки Александра Пушкина являются базовыми текстами русской культуры. Пять сказочных историй до сих пор актуальны и вызывают живой интерес у пользователей социальных сетей и видеоблогеров. Профессионалы и дилетанты занимаются интерпретацией этих текстов и поисками скрытого смысла. Межличностные отношения персонажей, их поступки, пороки (наказанные) и добродетели (вознагражденные) являются частью культурного кода русского менталитета. В статье проанализированы разнообразные современные трактовки образов из сказок Пушкина, их использование и развитие.

The tales of Alexander Pushkin are the basic texts of Russian culture. Five fabulous stories are still relevant and are of great interest to users of social networks and video bloggers. Professionals and amateurs are engaged in the interpretation of these texts and the search for hidden meaning. Interpersonal relations of characters, their actions, vices (punished) and virtues (rewarded) are part of the cultural code of the Russian mentality. The article analyzes a variety of modern interpretations of images from Pushkin's fairy tales, their use and development.

Ключевые слова: реалии русской культуры, сказки Пушкина, пародии, анекдоты, мемы, видеоблоги, интерпретации.

Key words: realities of Russian culture, Pushkin's fairy tales, parodies, jokes, memes, video blogs, interpretations.

Под реалиями культуры мы подразумеваем такие культурно-исторические феномены в различных областях искусства, которые не потеряли своей ценности и актуальности в настоящее время, они продолжают исследоваться, изучаться и способствовать созданию новых трактовок, концептов и ассоциаций. К таковым «стержневым» литературным шедеврам, безусловно, принадлежат сказки классика и основоположника русского литературного языка А.С. Пушкина. В данной статье мы покажем их актуальность и значимость для современников с несколько неожиданной стороны: привлекая не только материалы литературоведов и критиков, но также комментарии специалистов других гуманитарных наук, фольклорные жанры, возникшие на базе пяти известных с детства сюжетов, интерпретации смыслов, озвученные любителями в видеороликах на сайте «Ютуб», резонансные мистификации, базирующиеся на небольших, но смыслоёмких пушкинских текстах.

Начнем с формальной стороны вопроса. Пушкинская «невыносимая лёгкость» стиха, за которой стоит огромный труд, зафиксированный во множестве черновиков, часто вводит читателя в заблуждение относительно серьёзности высказанного. Так, драматическое вопрошание Раскольникова: «Тварь я дрожащая или право имею?» – воспринимается как серьёзная проблема Достоевского, его героя и окружающего их мира. Утверждение, написанное сорока годами ранее в авторских отступлениях «Евгения Онегина»: «Мы все глядим в Наполеоны; двуногих тварей миллионы для нас орудие одно; нам чувство дико и смешно.» (гл. II, ст. XIV) – проходит незамеченным среди «ума холодных наблюдений». Есть интеллектуалы, заучивающие строфы романа наизусть, и многие позже признаются, что именно в процессе запоминания невинный «лёгкий трёп» превращался для них в философские константы. В приведенных пушкинских строках, в отличие от Достоевского, это не вопрос, а утвердительное обобщение на ту же тему и если вдуматься, то оно звучит страшнее. Примерно таким же поэтическим очарованием обладают и сказки, которые поэт, не изменяя себе, написал разнообразными стихами, а не прозой. Идеально срифмованные (*по лбу – полбу*), часто юмористические, с метко подобранными лексемами, многие строки его сказок оседают у нас «на подкорке» с детства, а затем при чтении детям, внукам, ученикам и студентам, вспоминаются и переосмысляются. Приводим для примера по три широко известных цитаты из каждой сказки (из второй вдвое больше, так как она «двойная» и самая длинная⁴³):

<p>1...навстречу ему Балда / Идет, сам не зная куда...</p> <p>2. Щёлк щелку ведь рознь, Да понадеялся он на русский авось.</p> <p>3. А Балда приговаривал с укоризной: «Не гонялся бы ты поп за дешевизной».</p>	<p>Сказка о попе и о работнике его Балде [Пушкин; 1975, с.271-277]</p>
<p>1. Три девицы под окном / Пряли поздно вечерком. «Кабы я была царица, - / Говорит одна девица...</p> <p>2.«Родила царица в ночь / Не то сына, не то дочь; Не мышонка, не лягушку, / А неведому зверюшку».</p>	<p>Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне</p>

⁴³ См.: Медриш Д.Н. От двойной сказки – к антисказке (сказки Пушкина как цикл).

<p>3.«Здравствуй, князь ты мой прекрасный! Что ты тих, как день ненастный?»</p> <p>4.... царь Салтан сидит в палате, На престоле и в венце / С грустной думой на лице...</p> <p>5. Белка песенки поет / И орешки всё грызет, А орешки не простые, / Всё скорлупки золотые...</p> <p>6. А ткачиха с поварихой, / С сватьей бабой Бабарихой, Около царя сидят, / Четырьмя все три глядят.</p>	<p>и о прекрасной царевне Лебеди [Пушкин; 1975, с.280-303]</p>
<p>1.Жил старик со своею старухой У самого синего моря...</p> <p>2. - Чай, теперь твоя душенька довольна?</p> <p>3. - Чего тебе надобно, старче?</p>	<p>Сказка о рыбаке и рыбке [Пушкин; 1975, с..304-309]</p>
<p>1.«Свет мой, зеркальце! скажи, / Да всю правду доложи: Я ль на свете всех милее, / Всех румяней и белее?»</p> <p>2. Чёрт ли сладит с бабой гневной! Спорить нечего.</p> <p>3. «Ветер! Ветер! Ты могуч, / Ты гоняешь стаи туч, Ты волнуешь сине море...»</p>	<p>Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях [Пушкин; 1975, с.310 – 323]</p>
<p>1.«Волю первую твою / Я исполню, как мою»</p> <p>2.И кричит: «Кири-ку-ку, Царствуй, лёжа на боку!»</p> <p>3...подари ты мне девицу, Шамаханскую царицу...</p>	<p>Сказка о золотом петушке [Пушкин; 1975, с.324 – 330]</p>

Если воспринимать пять законченных сказок как цикл, то завершает его знаменитая цитата из последней: «Сказка ложь, да в ней намёк! Добрым молодцам урок». Проследим, какие «уроки» и в какой форме извлекаются из этих текстов.

Самый распространённый малый сказовый жанр – это анекдот, короткая насмешливая история с поучением. Как Пушкин далеко отошел от сюжетов-первоисточников [Бонди, 2013, с. 241], так и его почитатели, оценив идейное содержание, пошли далее и приписали сказочным персонажам новые юмористические слова и поступки. Анекдоты про Попа и Балду, как правило, эротического характера, как в «Русских заветных сказках» А. Н. Афанасьева, например, «Поповская семья и батрак» [Афанасьев, 1994, с. 172-174]. Приведем самый невинный: «Из школьного сочинения: «Если бы я был попом из сказки Пушкина, то меня бы напрягало не ожидание щелчков по лбу, а то, что попенок зовет балду «тятей»⁴⁴. Много неприличных пародий и на «Сказку о царе Салтане», свободно выложенных в сети: и о трёх сестрах с их желаниями, и о «белочке», и о богатырях: «Офис одной из фирм. Стук в дверь. – «Кто там?» Из-за двери: - «Это 33 богатыря, все равны как на подбор, с нами батька прокурор!». Некоторые даже имеют авторство: видеоролик «Нецензурная сказка о братке Салтане» Б. Верховцева, выполненный как озвучка к известному советскому мультфильму, с 2010-го года набрал пять с половиной миллионов просмотров. Однако слушатели и комментаторы вспоминают не фамилию пародиста, а «солнце русской поэзии»; равно как и авторство «мемов»⁴⁵, большинство из которых про Золотую рыбку, приписывается Пушкину. Анекдоты про старика, старуху и золотую рыбку более разнообразны по тематике. Три желания (заметим, в оригинале у Пушкина – четыре выполненных, в народных сказках – три) дают простор для воображения, кроме того, их можно разделить «на троих»: «Собрались как-то украинец, казах и латыш рыбу ловить. Поймали Золотую рыбку. Она им: «Отпустите меня». Украинец: «Я не розумію». Казах: «Тусінбеймін». Латыш: «Es nesaprotu». Рыбка: «Я выполню три любых ваших желания!». Украинец, казах и латыш в один голос: «Извините, что-что?»⁴⁶. Есть более или менее политкорректные анекдоты, в которых рыбка исполняет желания двух типичных представителей других национальностей, а затем русский просит ящик водки и вернуть собеседников обратно. Экономическая тематика также широко представлена в сюжетах, когда пенсионер или пенсионерка загадывают рыбке: чтоб министр образования сдал ЕГЭ, министр здравоохранения выстоял очередь в поликлинике, а премьер-министр прожил месяц на их пенсию. Много анекдотов, в которых рыбка сразу предлагает старику «другую бабу» или адрес Раскольникова, или просто хорошо подумать над желанием, чтоб не сидеть потом «у разбитого корыта». Есть и философские каламбуры:

---

⁴⁴ Анекдоты из России: № 728 646

⁴⁵ Мемы – популярные в Интернете шутки или смешные рисунки.

⁴⁶ Анекдоты из России, № 55 512

«Рыбка! Сделай, чтобы у меня все было! – Уже! Мужик, у тебя все бы-ыло!»). Безусловно, есть анекдоты и на эротические темы, так же, как и в аллюзиях на «Сказку о мертвой царевне», где основными персонажами становятся семь богатырей, заявленные в заглавии. Есть также шутки о царице с зеркальцем и комментарии как бы от косметических фирм, что быть румяней и белее одновременно – это нонсенс. Итак, мы видим, что основные идеи пушкинских сказок поняты правильно, развиты творчески и анекдотические иллюстрации призывают: не жадничать, не строить козней, правильно формулировать желания, не быть падким на «халяву».

Одна из самых двусмысленных сказок – «О золотом петушке», казалось бы, должна была породить множество политических ассоциаций, а эротическая составляющая давно проанализирована литературоведами [Погосян, 1992, с. 98-100], но на базе этого сюжета неожиданно появляется тема высоких технологий: «Сказка о Золотом петушке» Пушкина А.С. внесена в список экстремистской литературы, так как содержит описание успешного покушения на жизнь главы государства при помощи беспилотника»⁴⁷. История царя Дадона и звездочета-мудреца наполняется фигурами сисадмина и гендиректора, не придерживавшегося его инструкций; появляются литературные продолжения пушкинской сказочной традиции, например, Михаила Буканов «Царь Додон, он не долдон» в жанре фэнтезийного бульварного чтения. Имя главного героя было известно еще со времен «Повести о Бове Королевиче», оно хорошо рифмуется с «долдон» (болтун, оболтус) и стало практически именем нарицательным. Но в настоящее время оно совпало с фамилией президента Молдовы, что дало новый повод для фольклорного остроумия – и это по-прежнему русские культурные реалии, основанные на пушкинских текстах. По-видимому, Пушкину удалось выявить общие черты владыки, так как Ахматова, исследовавшая истоки сюжета и нашедшая их в новелле В. Ирвинга о Звездочете, отмечала, что царь Дадон одновременно похож на двух государей – Александра I и на Николая II [Ахматова, 1990, с. 111]. Эти повторения образов напоминают «докучную» (бесконечную) сказку: «Был себе царь Додон, застроил он костяной дом; набрали со всего царства костей, стали мочить – перемочили; стали сушить – пересохли; опять намочили, а когда намокнут, тогда доскажу», – где «доведено до абсурда само содержание сказки с её тяготением к чудесному и сверхъестественному». [Синявский, 2001, с. 93-94]

Имя и образ Шамаханской царицы, по-видимому, появившийся в связи с присоединением в 1820 году города Шемаха⁴⁸ [Ахматова, 1990, с. 113], также вышли за

---

⁴⁷ Анекдот от Балагура: № 884 244

⁴⁸ Важный пункт на Великом шелковом пути; ныне в составе Азербайджана.

пределы своего «функционального»⁴⁹ смыслового наполнения: в соцсетях есть множество таких «ников»; восточная искусительница появляется в советском фильме «Чародеи» (1982) в роли директора НИИ волшебства Шемаханской, а в мультфильме киностудии «Мельница» «Три богатыря и Шамаханская царица» (2010) – в образе злой колдуньи, пытающейся соблазнить князя Владимира и богатырей. Советские мультипликационные фильмы по сказкам Пушкина стали классикой, на которой воспитывается молодое поколение и впитывают вместе с русским языком основы русской ментальности иностранные студенты. Приведем несколько комментариев студентов-иностранцев нашего факультета: «Восточные женщины красивые и опасные»; «Рыбка рассердилась и конфисковала все имущество»; «Семь богатырей – это не семь гномов! Русский размер». Как видим, в небольшом количестве слов отражен целый спектр чувств и идей, связанных с пониманием русских реалий и пушкинского культурного наследия.

Блогеры с удовольствием разбирают сказочные сюжеты, дискутируют о статусе «сваты бабы Бабарихи», о происхождении ее имени, о том, что ни в одном языке петухи не кричат «кири-куку». Видеоблогеры идут дальше, они делают целые ролики – от пародийных стихов к слайдам из мультфильмов до полноценных литературоведческих разборов. Например, Игорь (Garclaw) Малишевский, известный не только стримами⁵⁰ стратегий, но и литературной деятельностью, в 2017 году записал полноценную видеолекцию о сказках Пушкина и подчеркнул, что эту тему ему не заказывали. Лектор очень толково объяснил, что наличие предательства и тревожных ожиданий были обусловлены обстоятельствами жизни поэта; привлекая структурный анализ и опираясь на статьи Ахматовой и Якобсона, выделил основные мотивы, роли, символы. Так, в анализе «Сказки о рыбаке и рыбке», море трактуется как «исходная женственность», «производящая субстанция» [Якобсон, 1987, с. 153], «свободная стихия», не терпящая принуждения; рыбка – это и *муза* и «высший судья, *большой другой*» одновременно, а старик – *демиург*, попавший под «политическое принуждение» старухи. Остров Буян, по словам комментатора, является центром мира, как в «Солярисе» С. Лема, и ме стом встречи с отцом. Царевна Лебедь также является музой, но ее никто не принуждает, поэтому такие разные концовки: в сказке, где творца не заставляют подчиняться чужой воле, на острове князя Гвидона – благоденствие, а у старика и старухи – нулевой результат. Лейтмотивом лекции был совет перечитывать сказки Пушкина, которые написаны совсем не для детей.

---

⁴⁹ Имеется в виду функция сказочного персонажа по В. Проппу, в данном случае *подвох*.

⁵⁰ Стрим (Stream) – это процесс потоковой передачи данных через интернет. Как правило, в качестве передаваемых данных используются видео или аудио развлекательного, обучающего или информационного характера.

Публичная лекция «Зачем взрослым сказки Пушкина?», которую прочитал литературовед и ведущий «Серебряного дождя» Леонид Клейн, также выложена в открытый доступ, ее автор начинает с того же утверждения, что и предыдущий выступающий: не стоит оставлять такие тексты в детских сказках, они значительно шире и глубже: «Основной корпус сказок – про то как устроена семья, это жесткие отношения, это взрослая литература (а детской и не было в то время), обернутая в сказку». У взрослых (старик со старухой) включается «механизм мгновенного исполнения желаний, при котором невозможно остановиться»: сначала берём кредит на бытовую технику, потом ипотеку на жилье, потом повышаем социальный статус, а затем не остается желаний, только жажда власти ради власти. И весьма подробный разбор при этом дан современным, живым языком (новая царица живет «в режиме перманентного селфи»), анализ текста не обращен ретроспективно на изучение пушкинской эпохи или прототипов, а дан с позиции опытного, думающего, осознающего жизненные реалии и привлекающего к этому процессу мысли классика внимательного читателя. Даже любительские трактовки «думающего взрослого» вызывают широкий резонанс и массу перепостов в Интернете. Когда музыкант и искусствовед Михаил Казинник заявил, что наконец объяснит смысл «Сказки о рыбаке и рыбке», то пять минут нашлось у многих, чтобы послушать: «Легко любить молодую красивую и щедрую! А вы попробуйте любить старую, сварливую и жадную! Эта сказка – о большой любви!». Это восклицание было вырвано из контекста выступления о ценности культуры и необходимости ее уважать и сделало М. Казинника звездой Ютуба.

На радио «Маяк» в передаче «Хочу все знать. Литературоведение» были разобраны с преподавателем Школы развития Алесей Рыбниковой две пушкинские сказки, которые послушали за рулем многие автолюбители: сказку о принятии подарков и о благодарности, сказку об отношениях. Легко догадаться, что первая – о старике, с христианским терпением отправляющемся ежедневно к морю, и о старухе, не постиравшей ничего в корыте, не пожившей в новой избе, не порадовавшейся своему положению и винам заморским, не поблагодарившем ни разу своего старика, который так и «не дерзнул поперек слово молвить». Вторая сказка – «О царе Салтане» – разобрана с неожиданной стороны: клевета родных, зависть сестер, которые не выдержали испытание чужим счастьем, являются предметом пристальных рассмотрений. При этом, отмечает взрослая женщина, читатели не видят, как ткачиха ткёт, а повариха варит обед, они не трудятся, они заняты только кознями и интригами. Проблема недостоверности информации, легкости ее подмены в обе стороны, является весьма актуальной и в век «высоких технологий». Даже бросив «царицу и приплод» в морские волны, злоумышленницы не успокаиваются, они занимаются в

дальнейшем «газлайтингом»⁵¹»: критикуют и обесценивают все чудеса, о которых рассказывают приезжие купцы, удерживают царя от воссоединения с семьей. Салтан, по общему мнению журналистов, оказывается «незрелым» и нерешительным, идущим на поводу у общественного мнения, вопреки своему сердцу. Напротив, княгиня и князь Гвидон молятся, трудятся, поддерживают друг друга и «терапевтический эффект» сказки выражается в том, что «бонусы» получают как раз они. Не удивительно, что в этой беседе наряду с терминами «дезинформация», «клаустрофобия», «газлайтинг» появляются объяснения архетипов: старуха, прядущая нить судьбы; забрасывание сети в море; дерево на голом острове и другие. Добавим, что кроме журналистов и блогеров, стараются также психологи, и мы можем найти ролики под названием «Психологические коды (тайны) сказок Пушкина».

Что касается «кодов», содержащихся в сказках и вообще в творчестве Пушкина, то их великое множество и фантазия интерпретаторов часто разыгрывается до предела, что получило название СПГС – Синдрома поиска глубинного смысла⁵². Во многих видеороликах и записях выступлений содержатся самые разнообразные смыслы, мы представим здесь самые популярные. Есть попытки дописать биографию Пушкина: якобы дуэль была постановочна, поэт выжил и уехал во Францию, где потом писал под именем Александра Дюма. Несколько роликов посвящены доказательствам того, что «Конька-горбунка» никто, кроме Пушкина не мог написать и что это лучшая из его сказок. Весьма познавательны сравнения поэмы «Руслан и Людмила» с индийским эпосом «Рамаяна» с позиции истории ариев⁵³. Если брать китайскую философию – а у Пушкина был знакомый известный китаист Н.Я. Бичурин – то поэт выразил дуализм инь и ян, а также цикличность времени простыми словами: «всё ходит по цепи кругом, идет направо – песнь заводит, налево – сказку говорит...». Михаил Задорнов многократно читал лекции «Тайный смысл наших сказок» в рамках концертов «Древние знания славяно-русов». Донское казачество нашло рукопись на острове около Таганрога с пророчествами Пушкина и расшифровало матрицу отечественной истории⁵⁴. Ректор Петербургского аграрного университета В. А. Ефимов также видит «тайные коды», на которые указывают ему имена: *Людмила* (люд милый) поработана *карлой* (европейскими ценностями), но *Руслан* (русская знать) уже крепко держит *Черномора* за бороду и скоро лишит его магического воздействия. Расшифровка энергетической структуры «Сказки о попе» объясняет, как Балда прочищал

⁵¹ Газлайтинг – психологические манипуляции, заставляющие человека сомневаться в своей адекватности.

⁵² Синдром поиска глубинного смысла. / Луркмор. <http://lurkmore.to/>

⁵³ Жарникова С.В. «О чем говорят русские сказки», «Русский код».

⁵⁴ Лобов В. М. «Пророчества в сказках Пушкина»

забитые чакры попу (ПОП – *память отцов предавший*) и автор ролика показывает все упражнения с кручением веревки, которой Балда пугал чертей. Полмиллиона просмотров набрал ролик сайта «Крамола», в котором расшифровывалась «Сказка о мертвой царевне» подобным образом: «Как и во многих произведениях Пушкина, мы полагаем, что царица — это символ докрещенской культуры и возможно правящей элиты, которая не смогла с момента предъявления ей ультиматума апостолом Андреем в течение 9 месяцев (столетий) «родить» концепцию управления обществом... Царь же — это благонамеренные управленческие структуры государственного уровня значимости — концептуально безвластен. Но свято место пусто не бывает...» [Крамола, 02.01.2018].

Много познавательного о реальных интересах русских людей можно узнать, набрав в строке поиска волшебное словосочетание «сказки Пушкина». Мы повторяем «Пушкин – наше все», уже забыв автора этой цитаты Аполлона Григорьева и ее полное содержание, продолжая традицию по-новому: *«Пушкин же – наше все, золотая лестница без перил и шоколадная скрепа, только о нем безопасно говорить на каждой кухне. Кстати, сразу после этого разговора случился абсурдистский «Пушкин-дрифт» – и «Шереметьево» теперь имени Пушкина, и наше все теперь именуется «наше SVO». Мало того: на шоу «Айфак» Богомолова – Пелевина в башне «Меркурий» работал бар «Онегин». Да и почему бы все станции метро не назвать «Пушкинскими» – 1, 2, 3, 4, 5... Тогда числовая апокалиптическая нумерация линий метро не так бы мучила пассажиров. Впрочем, о Пушкине-математике речь впереди⁵⁵». Статьи под названием «Пушкин – универсальный гений» становятся общим местом для социологов, психологов, идеологов различных направлений, напротив, филологи, говоря о Пушкине, часто подчеркивают, что они «не пушкинисты⁵⁶». Ю. Тынянов в статье «Мнимый Пушкин» описывал сходные явления столетие назад: «Мы привыкли к толкам о мудрости Пушкина, и если он сегодня объявлен апологетом анархической свободы, то завтра мы принимаем его с тою же готовностью в качестве апостола принуждения» [Тынянов, 2018, с. 66]. Критик приводит примеры стихотворений, приписанных поэту и даже внесенных в «слишком полное» собрание сочинений, объясняет, что «пушкиноведение» слишком специфично и восторженно, а «вождедеющие журналисты» создадут новую «псевдопушкиниану» [Там же, с. 69]. По-видимому, воспитанные на русской классике люди будут продолжать повторять и трактовать строки Пушкина, как британцы – Шекспира. Шкловский, разбирая феномен*

---

⁵⁵ Певец Леонид Федоров, поэт Сергей Соловьев и журналист Дмитрий Лисин обсуждают тайну Пушкина: https://www.colta.ru/articles/music_modern/20195-a-pushkin-cto

⁵⁶ Прекрасный разбор сказок у «не пушкиниста» Л.И.Седаковой

сказки и дискутируя с Проппом, отмечал: «Дело не в том, что сказка повторяет древние обряды, – дело в том, что сказка выражает те отношения, которые и сейчас понятны живым людям, которые сказку слушают... Сказка не столько пережиток, сколько выражение новых понятий по старой структуре. Время создания мифов, вероятно, дало меньше сюжетов, чем столкновение мифов. Сюжеты используют противоречия эпох, вкладывая в них потом новые противоречия, но используя старые структуры» [Шкловский, 1970, с. 201]. И критики, и восторженные фантазеры используют «матрицу» сказок русского сказочника, тем самым привлекая к нему интерес широкой публики, переместившись теперь в виртуальное пространство воздействия.

Большинство добросовестных исследователей пушкинских сказок отмечает, что они «добрее», нежели фольклорные и литературные источники сюжетов: злая царица просто умерла от тоски, старик и старуха не превращены в зверей за свою жадность, Бабариху со злыми сестрами на радостях простили. От «щелчков» пострадали священник и царь, хитрившие и не державшие своего слова. Но на острове с мудрым правителем существует идеальное государство, где «мужики все богаты»; как говорится в русской пословице, «по подвигу и награда». И чтобы в этом убедиться, не обязательно читать 340 страниц разбора, достаточно ста страниц первоисточника.

Список литературы:

- Афанасьев А.Н.* Русские заветные сказки. – СПб, Бланка, 1994. – 325 с.
Ахматова А.А. Последняя сказка Пушкина. / Сочинения в двух томах. – т.2, с.110-126.
Бонди С.М. К 120-летию со дня рождения. Избранное. – М., Издательство Московского университета, 2013 – 360 с.
Погосян Е. К проблеме значения символа «золотой петушок» в сказке Пушкина. / Сб. в честь 70-летия Ю.М.Лотмана. – Тарту, 1992, с.98-107
Пропп В. Морфология сказки. – Л., Академия, 1928. – 152 с.
Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. Т.4. Поэмы. Сказки. – М., ХЛ, 1975. – 488 с.
Седакова Л.И. Тайны сказок Пушкина. – М., 1998. – 340 с.
Тынянов Ю.Н. Мнимый Пушкин. / Тынянов Ю.Н. История литературы поэтика. – М., Юрайт, 2018. – с. 66-81.
Шкловский В.Б. Тетива: О несходстве сходного. – М., Советский писатель, 1970. – 376 с.
Якобсон Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина. / Якобсон Р. О. работы по поэтике. – М., Прогресс, 1987. – 256 с.

Ресурсы удаленного доступа (INTERNET):

- Анекдоты из России. [Электронный ресурс] Составитель Дима Вернер. Выходят с 8 ноября 1995 года. Режим доступа:
<https://www.anekdot.ru/tags/%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%8F%20%D1%80%D1%8B%D0%B1%D0%BA%D0%B0>
Анекдоты от балагура. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://balagur.info/>

Ефимов В.А. Тайные коды Пушкина и современность. Лекция для предпринимателей и студентов Москвы 20.10.2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=foZexVqI2iY>

Казинник Михаил. В чем смысл сказки о рыбаке и рыбке. 30.11.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=rJFt2sNBH20>

Канал утреннего шоу на радио «Маяк»: «Хочу все знать, Литературоведение.» [Электронный ресурс] А.С.Пушкин. «Сказка о рыбаке и рыбке». Сказка об отношениях «О царе Салтане». Опубликовано 23.04.2017. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=q9fUvvWxV0g>

Клейн Леонид. Публичная лекция «зачем взрослым сказки Пушкина?» [Электронный ресурс] опубликовано 06.06.2017. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7msZnSRUWng>

«Крамола» [Электронный ресурс]: Расшифровка сказки А.С. Пушкина о мертвой царевне и семи богатырях. Опубликовано 02.01.2018. Режим доступа: <https://www.kramola.info/vesti/letopisi-proshlogo/rasshifrovka-skazki-aspushkina-o-myortvoy-carevne-i-semi-bogatyryah>

Малишевский Игорь. [Электронный ресурс] Сказки А.С.Пушкина (Литературная лекция) Прямой эфир: 1 сентября 2017 года. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=F4XMT1HDfL8>

Медриш Д.Н. От двойной сказки – к антисказке: (Сказки Пушкина как цикл)// Московский пушкинист. – М.Наследие, 1995 – с. 93-121. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/mp1/mp1-093-.htm>

Шалюгин Геннадий. Пушкинский петушок. (Анекдот в пушкинской сказке о золотом петушке.) / Проза.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.proza.ru/2014/01/08/864>

Ван Мэнчжу
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Wang Mengzhu
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ЛЮБИМЫЕ ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОТ ДРЕВНЕГО ВРЕМЕНИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

NAME OF THE ARTICLE: FAVORITE FEMALE IMAGES OF RUSSIAN AND CHINESE LITERATURE FROM ANCIENT TIMES TO MODERN TIMES

Говорят, без преувеличения, что земля действительно не может быть без женщины. В русском языке, Русь, земля, родина, мать, жена, все они существительные женского рода. Прекрасные женские образы русской и китайской литературы, созданные поэтами и писателями, до сих пор волнуют сердца читателей. Ярославна и Меэ Цзяннуй в древнем времени, Анна Каренина и Линь Дайюй в 18-ом веке, Аксинья и Цююци в современном времени. Это мои любимые женские образы русской и китайской литературы разного века. В этих женских образах присутствует богатое культурное наследие, которое обогащает сущность литературного развития. Все они глубоко индивидуальны, каждая из них наделена только ей присущими чертами характера, но объединяет их одно - высокая духовность и нравственная чистота, они не способны на подлость и коварство, на низменные человеческие страсти. Они показывают разные женские черты характера в разных социальных ситуациях в разные эпохи. Иначе говоря, они являются символом каждой эпохи. Начиная с XII века, через всю нашу литературу проходит образ русской или китайской женщины-героини, с большим сердцем, пламенной душой и готовностью на великие незабываемые подвиги.

It is no exaggeration to say that the earth really can't live without a woman. In Russian, or Russia. Land, motherland, mother, wife, they are all negative terms. In literary works, the images of women with unique charms created by poets and writers of the two countries still remain in the hearts of readers. Yaroslavna and Meng Jiangnv in ancient times, Anna Karenina and Lin Daiyu in the 18th century, and Axonia and Xiuqin in modern literature. These are my favorite in Russian and Chinese literature of different eras. Among these female images, there is a rich cultural heritage that enriches the essence of literary development. Everyone is endowed with their inherent personality traits, but the most important point is that they all have a high degree of spirituality and moral purity. They are honest and brave. They showed the characteristics of different female in different social situations at different times. In other words, they are symbols of every era. From all those literary works since the twelfth centuries, the images of the female in Russian and Chinese literature will encourage us with the inner strength and special traits of them.

Ключевые слова: анализ общественной обстановки, любимые женские образы, древность, 18-ое и 19-ое век, современность, женщин, характер черты, китайская и русская литература.

Keywords: Analysis of the social situation, Favorite female images, antiquity, 18th and 19th century, modernity, women, character traits, Chinese and Russian literature.

Женщина — это начало начал. Её красота, обаяние, богатый, духовный мир во все времена вдохновляли поэтическую музу. Прекрасные женские образы русской и китайской литературы, созданные поэтами и писателями, до сих пор волнуют сердца читателей. Это и божественная красавица А.С.Пушкина и Ли Бай, и обаятельные образы Л.Н.Толстого и Цао Сюецинь, и героини М.А.Шолохова и Мо Янь. Поэты и писатели разного века, следуя

традициям своих предшественников, тоже создают удивительные женские образы, достойные преклонения. Поэтические гении В.Я.Брюсова, А.А.Ахматовой, Ду Фу создают незабываемую галерею сильных и нежных, ласковых и надменных, ранимых и дерзких героинь. Все они глубоко индивидуальны, каждая из них наделена только ей присущими чертами характера, но объединяет их одно - высокая духовность и нравственная чистота, они не способны на подлость и коварство, на низменные человеческие страсти. В литературных произведениях женщины, как объекты, изображенные многими писателями, составляют красивый пейзаж. В этих женских образах присутствует богатое культурное наследие, которое обогащает сущность литературного развития. Рождение, распространение и принятие этих женских образов отражают различные представления о женской красоте в разные эпохи. «Начиная с мифологической эпохи и заканчивая двадцатым веком, женский образ поднимается от объекта оценки к творческому субъекту, от уступки трагической судьбе до синхронизации со всей человеческой судьбой, формируя тем самым извилистый путь развития от богини к независимой женщине. Первоначально Обожествленный характер женских образов - это слияние чувственности и рациональности в иллюзии, и сегодня развитие их характеристик необожествления достигает слияния чувственности и рациональности в реальности. Это изменение происходит с небес на землю. Абстракция становится конкретной, от гармонии в фантазии до гармонии истинного духа и духа». Иначе говоря, они являются символом каждой эпохи.

С древних времен до 18-го века, 19-го века, и современной литературы 20-ого века, литература всегда развивается в связи с социальными изменениями. В этих литературных произведениях женские образы источают неповторимый шарм. Литературные произведения всех времен показывают галерею обаятельных женщин. Цель данной работы проанализировать любимые женские образы русской и китайской литературы.

Принято считать, что русская литература появилась в 10-11 веке. Русская литература и украинская и белорусская литература являются одним и тем же источником, и они родились в Киеве в 988 году. И тогда являются христианской литературой. Литература древних времен своим содержанием тесно связана с судьбой страны, так и в Китае, особенно с точки зрения документальности. В России появились первые биографические произведения с грандиозной монументальностью стиля: например, «Сказание о Борисе и Глебе» и «Житие Феодосия Печерского» 11-го века. Первое произведение хронологической истории летопись является «Повесть временных лет». В литературе 12-ого века появляются местные особенности и местные темы, в соответствии с тенденциями развития временных произведениях литературы появляются и политические комментарии. Среди произведений

того времени самым представительным является «Слово о полку Игореве» 12-го века. Читатели считают Ярославна как символ женской верности, он сочетает в себе мораль, мудрость, красоту и силу, обладает сильным духовным ядром и нежной женственностью и становится противоречивым сочетанием святости и светского, женского и мужского. Ярославна является первой личностью в русской классической литературе, сочетающая в себе народную литературу, поэтику и эстетику, а ее «плачущий муж» стал вечным певцом русских женщин. Типичная Ярославна привязана к разумным объектам и лежит глубоко в уме, образуя национальный сердечный комплекс и прообраз о женщинах. Она плакала на стене за захваченного мужа и солдата, стала первой в истории русской литературы красивый женский образ. В монологе Ярославны раскрывается богатство и сила ее внутреннего мира, подчеркиваются её мужество и бесстрашие: с могучими силами природы - ветром, солнцем - она держится на равных; она готова мужественно разделить с мужем все тяготы и невзгоды военного похода. Безгранично и ее милосердие: своим присутствием Ярославна хочет облегчить страдания раненого и плененного Игоря. Нежностью и любовью наполнено каждое слово ее монолога. она - мать земли, дом воинов, которые клянутся до смерти, она священна и могущественна, как будто природа подчиняется ее назначению, судьба героя полностью изменена, даже ее имя «Ярославна», также подразумевает «славную славу». Ярославна обращается к природе: к ветру, веющему под облаками, лелеющему корабли на синем море; к Днепру, который пробил каменные горы и лелеял на себе Святославовы насады; к солнцу, которое для всех прекрасно, а в степи безводной жаждою и истомою скрутило русских воинов. Во всех этих образах заключена характеристика великой и необъятной Руси. Эти обращения ярко отражают и неразрывную связь героини со всем русским народом. Именно у родной природы она ищет сочувствия и помощи. В русском языке, Русь, земля, родина, мать, жена, все онисуществительные женского рода. Женщина - идеальный тип национального самосознания России. Ярославна - сочетание элегантности, рациональности, нереальности, простодушия и чувственности.

Если говорить, что плач Ярославны - это вечная классика русской женщины, в древние времена в Китае тоже существует знаменитый образ женщина, которая известна своим плачем. В фольклоре Китая Мэн Цзяннуй стала прекрасной представительницей женского пола, которая преследовала любовь и сопротивлялась феодальному угнетению с помощью своего «Клича веков». Её зовут Меэ Цзяннуй. Легендао Меэ Цзяннуй является одной из четырех древних китайских легенд о любви в династии Хань, и эта легенда передавалась из поколения в поколение. В легенде Меэ Цзяннуй родилась из обыкновенной горлянки. Она умная и выглядит красивой, и она мастерица петь, рисовать, играть на цитре.

У неё хороший муж, которого зовут Вань Силян. Они очень любят друг друга. Но в то время император Цинь Шихуан забрал мужчин, чтобы строить Великую Китайскую Стену. И Вань Силян тоже. Меэ Цзяннунь ждала мужа дома, но он не вернулся, даже не написал ни одно письмо. Поэтому она решила сделать одежду для своего мужа и пошла к нему. Там очень далеко от дома, она в одиночку и пережила лишения и страдания в конце концов она нашла место, где был её муж. Но к несчастью, тогда она узнала, что её муж уже умер из-за утомления и голода, а его кости похоронены под Великой стеной. Но она не знала где точно её муж лежал, она села на краю Великой стены и стала плакать. Она убивалась в неутешном горе, плакала день и ночь. И наконец, Великая китайская стена рухнула, потому что было слишком много слез. И тогда труп Вань Силяна появился.

Несмотря на то, что это легенда, эта история нам интересна для исследования. На мой взгляд, Меэ Цзяннунь представляла типичную китайскую женщину того времени. Её история также отражает общественную жизнь, ей было трудно. Строительство Великой китайской стены является примером жестокости феодальных династий. С периода Чунь Цю до Мин, почти две тысячи лет. Великая китайская стена неоднократно ремонтировалась. И поэтому государство забирало много мужчин, в любой момент с любой семьей могла случиться трагедия, похожая на историю Меэ Цзяннунь. Меэ Цзяннунь - это типичный женский образ, создала в испепеляющих годах. Её история осуждала проклятое старое общество и воспела то, что люди не боятся ни тиранов, ни насильников. Меэ Цзяннунь - символ твердости в той эпохе. И Ярославна, и Меэ Цзяннунь, они сделали литературную классику не только из плача и тоже их удивительных характеров.

Для России 18-ый век был эпохой общественной и культурной мысли. С помощью единого национального государства, возникновения и роста культурного возрождения и классической литературы, социальные и культурные отношения становятся стабильными, появляется бесконечный поток новых произведений литературы и искусства, писатели проявляли свой талант. Они все больше были обеспокоены отражением особенностей человеческой личности. Им нравились светские сюжеты. Писатели 18-ого века выступали против религиозного сознания, создали литературу как социальную сферу. Тем самым они внесли свой большой вклад в развитие русской литературы.

С победы Отечественной войны 1812 года, в 19-ом веке беспрецедентный патриотизм охватил Россию. В 30-ые годы 19-го века русская литература завершила процесс развития с ростом, до полного формирования. В 18-ом и 19-ом веках в России было большое количество всемирно известных литературных мастеров: Ломоносов, Жуковский, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Белинский, Тургенев, Островский, Достоевский, Толстой, Чехов и тд. И женские

образы их произведений вечно источают свой собственный необычный свет.

18-ый век в Китае — период господства Цина, был расцвет феодального правления. Середина 18-го века—знаменитый период во власти царей Кан Си и Цянь Лун. В течение этого периода, различные стороны китайского общества быстро развились и достигли совершенства: много реформ, самый сильный рост могущества государства, стабильное общество, быстрое экономическое развитие, быстрый рост населения, обширные территории, быстрое экономическое развитие — внести позитивный вклад в развитие культуры. Но после «опиумной войны» 19-ого века, Китай превратился из феодальной страны в полуколониальную и полуфеодальную. Правительство подписало ряд неравноправных договоров. Люди жили в отчаянном положении, развитие культуры остановилось.

Однако в 18-ом и 19-ом веках многие китайские писатели создали ряд литературных произведений, имеющих особое место в китайской литературе. Произведения этого периода породили много прекрасных женских образов среди разнообразных стихов или романов.

Татьяна в романе «Евгений Онегин» Пушкина, Бэла и Мери в романе «Герой нашего времени» Лермонтова, Катерина в драме «Гроза» Островского, Анна Каренина в романе одноименном Толстого, каждый образ из них имеет свой шарм. Но один из любимых образов того времени— это Анна Каренина.

«Анна Каренина» была закончена в 1870-х годах. В произведениях много персонажей. Верховными правителями крепостного права являются цари, князья, буржуа, женщины и дети, железнодорожники, простые солдаты, офицеры и фермеры. Представители разных классов и классов, с разных сторон, изображающие подлинность, показывающие сложность характера и художественный шарм, оставили глубокое впечатление и великое откровение для читателя. Анна - очень трогательный и сложный образ женщины в Толстом, она - элегантная, достойная, умная и красивая аристократическая женщина, и новый тип женщины, которая смеет прорваться сквозь феодальную идеологию и смело преследует чистую любовь. Анна Каренина, какой ее знают миллионы читателей, мало похожа на ее предшественницу из первоначальных редакций. В этой работе автор Толстой в основном использует образ Анны, чтобы выразить свою неприязнь и ненависть к буржуазии. В русском обществе XIX века идея освобождения буржуазной личности постепенно распространялась. Капитализм не только зарождается в России, но и начинает расти. Тем не менее, в серии изменений в России в девятнадцатом веке наиболее далеко идущим следствием должно стать изменение идей и социальной атмосферы. В высшем классе

занятие внебрачными связями было почти модным. Почти каждая семья была хорошо информирована, и в одной постели, мечтах, парах. У каждого из них есть любовница, и у каждой жены есть «роман». Экономические ограничения уже давно исчерпаны, но все еще нужно распухшее лицо и жир, повсюду грязные и крепкие, окруженные роскошными плащами - тело вонючей души. Но пока они поддерживают тело семьи, высший класс позволяет и поощряет их, и они считают бесстыдство "интересным". Раскрывая завесу «морали» феодальной аристократии, она раскрывает внутреннюю историю разгрома. Толстой был глубоко возмущен роскошью, лицемерием, великолепием и высокомерием феодального общества, он создал оппозицию Анне и возложил всю свою любовь и надежду на Анну, хотя Анна в конечном итоге попала в трагедию. Автор считает, что даже если она мертва, это лучше, чем жить в лицемере, поэтому именно полноценная ода Толстого делает Анну воплощением любви, красоты и ангела. Однако, поскольку она находится в такой эпохе, ей суждено представить разнообразную личность в образе Анны как нового типа женщины. Отличная и необычная реакция Анны заключается в ее самосознании, стремлении к любви и индивидуальности. В этом отношении у Анны те же идеи, что и у капиталистов. Сначала Анна была более живой и энергичной, чем другие аристократические женщины, но она все еще была рабыней, которая жила под видом феодализма. И механически жесткий, неинтересный Каренин поддерживал брак без чувств, но все это исчезло с приходом Каренского. Анна начала понимать, что счастье в ее собственных руках. «Я человек, я хочу жить, я хочу любви». Это призыв Анны к идентификации в пробуждении. Пробуждение самосознания Анны отражает ход времени. Это вызов социальной концепции и патриархальной системе, которая связывает женские идеи. Анна - женщина, которая находится на переднем крае времени. Анна также выдающаяся храбрость и дух ее борьбы. Прежде всего, Анна - статусная аристократичная женщина, и сдержанность высшего класса в отношении женщин в то время была нелепой. Например: разрешить вам заниматься любовью, но не терпеть публичного признания любви. Однако отношение Анны к любви откровенное. Когда она понимает, что влюбилась в Каренского, она может честно признаться Каренину, что влюбилась в других и не может жить с ним. Стремление Анны к любви не только настойчиво, но и смело, и скрыто. К парадоксу высшего сословия Анна отнеслась безразлично. То, что она преследует, это любовь, которую она хочет, поэтому она в отчаянии. Открытое сожительство с Куренским, вход и выход из общественных мест. С одной стороны, отношение Анны к любви смелое и отчаянное. Когда она осознала свои чувства, она призналась мужу. И объявил, что жизнь ее мужа и жены закончилась здесь, открыто началась совместная жизнь с Каренским.

Стремление к энтузиазму, смелость любить и ненавидеть - это взгляд Анны на любовь. Поэтому Анна любит быть в отчаянии. Но, занимаясь любовью, весь разум Анны тоже виноват. В процессе бегства из дома Анна постоянно раскаивается. Когда она была в критическом состоянии, ее единственным желанием было не: «Велленский, я люблю тебя». Вместо этого он пожалел Каренина: «Прости меня, полностью прости меня, я плохой». В момент ее смерти Она все еще сожалеет: «Боже, пожалуйста, прости меня за все». Более того, всякий раз, когда она думает о своем сыне, Ксереоша, вина становится еще больше. Наслаждаясь сладостью любви, она также страдает от угрызений совести.

Она пожаловалась, она почувствовала боль, она отчаялась, и в конце концов, она выбрала закончину. Образ Анны не был индивидуумом в ту эпоху, она представляла статус России в целом, особенно в период социальных перемен. Толстой проявил двойную позицию при формировании этого образа: с одной стороны, Толстой как филантроп полагал, что Анна имеет право на личное счастье, и поэтому глубоко сочувствовал Анне, которая была глубоко опустошена высшим классом, и защищать ее, разоблачать смерть Анны - духовные женщины, женщины, бесстыдное и крайне лицемерное высшее общество. С другой стороны, он исходил из патриархальной концепции хорошей жены и хорошей матери, начиная с воздержания, и недоволен и отрицал, что Анна бросила своего мужа, оставила сына и ушла из дома. Считается, что Анна предала священную семью и будет наказана, поэтому писатель Толстой наказывает Анну Богом, безжалостно и твердо толкая Анну под поезд. Я думаю, что это неразумный выбор, потому что ничего в мире не может быть более ценным, чем жизнь. Человеческая жизнь даётся только один раз, а затем не будет повторяться. Хотя она окончательно решила свою судьбу и оставила своего сына в одиночестве, но она смелая и безбоязненная, она решила оставить благополучный дом и покинуть свой город и найти счастье. Я восхищаюсь этой женщиной от души.

Для китайской литературы особенно важно Шэнь Цюнчжи в романе «Жу Линь Вай Ши», Нэй Сяоцян в романе «Ляо Чжай Чжи И», Линь Дайюй и Сюе Баочай в романе «Хун Лоу Меэ» и т.д. Один из самых любимых образов безусловно, Линь Дайюй. «Хун Лоу Меэ» по-русски переведется «Сон в красном тереме» - наиболее популярный из четырёх классических романов китайской культуры. «Сон в красном тереме» — это многоплановое повествование об упадке двух ветвей семейства Цзя, на фоне которого — помимо трёх поколений семейства — проходит бесчисленное множество их сродников и домочадцев. В отличие от более ранних китайских романов, в этом романе используется чёткая сюжетная линия и стройная композиция, это первый роман, где писатель детально раскрывает переживания героев и смену их настроений. В романе свободно перемешаны элементы

автобиографического бытописательстваи выдумка, события повседневные чередуются со сверхъестественными происшествиями. Роман неоднократно запрещался в Китае за неблагопристойность.

Героиня Линь Дайюй - одна из «Двенадцати шпилек из Цзиньлина» - условное наименование 12 красавиц романа. Китайские шпильки для волос являются метафорой для красивой девушки. Она красива, но её красота необычна. У Дайюй серьёзное заболевание дыхательной системы. В самом начале романа Дайюй переезжает в дом Жунго после смерти своей матери. Дайюй эмоционально уязвима, предрасположена к ревности, однако является очень талантливой поэтессой и музыкантом. Она одинока и горда, её персонаж глубоко трагичен. Дайюй предназначена Баоюю: во сне Баоюй слышит песню: «Все говорят: // Связаны золото с нефритом судьбою. // Я ж вспоминаю: // камень и дерево клятву давали», но не сразу понимает смысла этих слов. Фамилия Дайюй — Линь — означает «лес». Дайюй — перевоплощение травы бессмертия; в магической реальности яшма заметила траву и поливала каждый день сладкой росой, а трава, превратившись в девушку, обещала яшме отблагодарить за росу слезами. В жизни Дайюй платит Баоюю по этому обещанию. Линь понимает Баоюя как никто, например, они вместе хоронят опавшие лепестки вишен, чтобы те не запачкались. Они очень любят друг друга, ноим нельзя быть вместе. Она умерла, когда женятсяСюэ Баочай и Цзя Баоюй, так как она очень горевала. Но она не знает чтоЦзя Баоюй обманывается. Он слишком не знает его невеста — это Сюэ Баочай. Бабушка сказала, что его невеста Дайюй, и поэтому он согласится на свадьбу. Но Дайюй ничего не знает, наконец она умерла с гореванию. Она болезненная девушка, но онаэрудированная и красноречивая, она никогда не была во власти феодальныхумозаключений, она имеет своеобразий романтический и прямодушный характер. Она смотрит с надеждой на свободу. Все говорят, что у неё тоная фигура, даже ветер может повалить её, но живот полон чернил. Она делает всё по-своему, обнажает уродливую реальность сатирическими словами, она сопротивляется обстановке высокомерным характером, выражаетсвои чувства иописывает свою судьбу с талантом поэта. Она заплатила своей жизнью, чтобы сохранить свое достоинство и чистую любовь. Линь Дайюй вызывает у читателей и жалость и любовь. Линь Дайюй, она является символом культурной элиты китайской нации.

100 лет с начала 1890-х годов до конца 1990-х- эпоха резкого изменения общества в России. Это важный исторический период и русской литературы. В течение этого времени, русская литература сложная, блестящая и разнообразная. Как и в 19-м веке, это период великих писателей и классических произведений. Серебряный век литературы включает символизм, акмеизм и футуризм. Советская литературная эпоха, литературная эпоха

постсоветской России, богатые и разнообразные современные российские литературные произведения создали многочисленные впечатляющие женские образы.

Многие китайские писатели с энтузиазмом приветствовали создание КНР в 1949 г. Со 2 по 19 июля того же года в Пекине прошел 1-й Всекитайский съезд работников литературы и искусства. Было признано необходимым воспринять все лучшее в национальном наследии и всемерно использовать опыт советской литературы. Проводниками культурной политики стали творческие союзы. Писатели получили государственное материальное обеспечение.

В связи с политикой открытости и экономических реформ изменился образ жизни, произошел сдвиг в общественном сознании. С одной стороны, широко раскрылись двери для восприятия зарубежной культуры и творческого экспериментирования без каких-либо запретов, за исключением явной порнографии. Небывало увеличилось количество переводной советской и западной литературы, которая иногда по объему превосходила собственно китайскую, включая и переиздания классиков. Но, с другой стороны, литература утратила прежнее место в массовом сознании. Аудиовизуальные средства массовой коммуникации охватили значительную часть населения, снизился престиж литературной деятельности. Книжный рынок, переполненный колоссальным количеством литературы — как классической, так и современной, как китайской, так и иностранной — стал оказывать определяющее влияние на судьбу китайского писателя. Писатели стали пробовать свои силы в разных жанрах, формах и направлениях, которые пришли в Китай. В «чистой литературе» социально-обличительная тематика в конце 80-х годов перестала быть выигрышной. В 90-х значительное место заняли произведения психологического плана с явным влиянием европейского модернизма, с акцентированным анализом эмоции и с неонатуралистическим бытописанием. Прежде весьма однородная, литература КНР переживала зарождение литературных школ и групп. Господствующим направлением на рубеже XX — XXI вв. оставалось реалистическое, но социальная критика в нем становилась все слабее.

Для китайцев дороги, Акулина Ивановна в романе Горького «Детство», Радда в романе «Макар Чудра», Аксинья в романе «Тихий Дон» Шолохова, две сестры в трилогии романов «Хождение по мукам» А. Толстого и др. Мне ближе образы «Тихого Дона». Если говорят о великом писателе и великом произведении, то первая реакция людей, на мой взгляд, должна быть — Шолохов и его роман «Тихий Дон».

«Тихий Дон» - шедевр советского писателя Шолохова, завоевавший Сталинскую премию и Нобелевскую премию по литературе. Эта книга тесно связана с жизнью

Шолохова. Родился в Казаке, он родился во время русской революции, испытал радость революционной провинции и переживал за страдания русского народа и всего человечества. Его жизнь неотделима от реки Дон. Из работ автора мы можем найти легендарный и экзотический стиль героизма. Этот роман описывает жизнь казаков по обе стороны реки Дон во время Первой мировой войны. Свитки изображают мужественную жизнь казаков в революции и войне, страдания их «перерождения» и их новый исторический процесс продвижения по новому пути и построения новой жизни. А Аксинья Астахова – самый яркий женский образ в романе Шолохова «Тихий Дон». Именно она, Аксинья, является воплощением святости и греха, омота отчаянной женской любви, которой она принесла себя в жертву всю без остатка. Шолохов использовал свои страстные мазки, чтобы придать форму Аксинья для нас. Из-за различий в семейном окружении, личностях, любовных взглядах и жизненных ценностях она выбрала трудный, но другой жизненный путь, борьбу за жизнь, жизнь за своих близких, изнурительное чувство любви и женщин, которые отражаются в ней. Мерцание сияет во всех уголках мира, они являются воплощением любви, хранителем любви, сочиняют песню любви своей короткой жизнью.

Детство Аксинии полно горечи и страданий, инцест ее отца изменил ее жизнь и стал источником ее несчастья. Горькое детство наделило ее страстным, смелым и неохотным характером. Несчастный опыт увеличил ее надежды и стремление к счастливой жизни. Она отчаянно пытается защитить свою любовь и стремиться к собственному счастью. Тем не менее, жизнь не была проигнорирована ее усилиями, и она испытывала горечь снова и снова. Несчастье детства лишало ее счастливого брака. Презрение и отравление мужа подрывали недолгую молодость и счастье, и о них еще сложнее говорить. Любовь прекрасна. По сравнению с Наталией Бог дал ей слишком много боли и страданий, хотя любовь и брак Наталии не идеальны, она является эмоциональной тенденцией писателя, а любовь писателя к ней очень тонка. Я боялся, что это не повредит имиджу. Он попросил Наталью иметь двух прекрасных детей, чтобы ее душевная душа могла немного успокоиться и придала яркий цвет своей трагической судьбе. Вы знаете, что для женщины ребенок - это цвет жизни. Без ее собственного ребенка это величайшая печаль за всю жизнь. Женщина, которая не может полюбить своего любовника, может, по крайней мере, получить некоторое утешение от прекрасного ребенка. Однако Аксинии нет ничего, нет любви и жалости к своему возлюбленному, и даже единственная дочь, которая бросает ее, поэтому она будет бороться за все, что сможет, и она не будет невежественной, если есть проблеск надежды. Она хорошо понимает тонкую психологию других, знает, когда что-то сказать, а когда ждать. Понимание Аксинии повсюду в романе. Наталия мертва. После того,

как Григорий провел похороны своей жены, он оставался в деревне в течение двух недель. За эти две недели он видел Аксонию только три раза. Другими словами, Акония позволила Грегори увидеть себя всего три раза. С инстинктивной настороженностью и сообразительностью она старалась избегать встречи с Грегори. Конечно, помимо умного, есть еще и вопрос моральной совести. Смерть Натальи, прямой виновник - Даля, но первопричина - Аксония. Она самая ясная в этом, и ее также обвиняет ее совесть. Она смелая, гордая, привлекательная, обаятельная. Она заслуживает того, чтобы быть героиней произведения, за которое автор получил нобелевскую премию по литературе.

В современной китайской литературе особое место занимают образы. Цуйцуй в романе «Биан Чэн», ШангуаньЛюйши в романе «Фэн жу фэй тунь», Фан Биюй в романе «Бай Мянхуа» и др. Мой любимый образ современной китайской литературы—это Цзюцзи из романа «Красный гаолян» Мо Яня. Действие романа развивается на рубеже 1920-х—1930-х годов на северо-востоке Китая. В романе рассказывается история девятнадцатилетней крестьянки Цзюцзи, которую родители насильно выдают замуж за больного проказой старика — владельца винокурни. Во время свадебной процессии между невестой и одним из носильщиков паланкина, молодым и отважным Юем, внезапно возникает чувство взаимной симпатии. Юй похищает девушку и увлекает её в заросли красного гаоляна, где они и предаются любви. После таинственного убийства больного проказой старика молодые герои становятся хозяевами винокурни, где производят гаоляновое вино. Мирную жизнь прерывает вторжение японцев. Вместе с односельчанами Юй и Цзюцзи встают на защиту родных гаоляновых полей. Земля орошается кровью и огненно-красным вином — крестьяне погибают, но не сдаются... Книга была окранизирована, и сразу же после выхода фильм немедленно привлек к себе внимание и успех как в Китае, так и по всему миру: для китайской аудитории он ознаменовал новый этап в развитии отечественного кинематографа, связанный с появлением так называемого «пятого поколения» китайских кинематографистов, в то время как для зарубежного зрителя лента стала одним из первых произведений, прорвавших изоляцию, в которой оказался Китай в ходе Культурной революции.

Цзюцзи - мятежная женщина, храбро стремящаяся к свободе. Она заплатила за любовь, выступила против традиционных понятий, и показала стремление к свободе всем сердцем. После того, как она родила близнецов. Она решила найти своё место в семье и включилась в трудную работу. Когда японцы вторглись в Китай, она смело выступила против врага. Перед лицом национализма, она является героем. Цзюцзи - идеальное изображение китайской героини.

Русская и китайская литература всегда отличались глубиной своего идейного содержания, неустанными стремлениями разрешить вопросы смысла жизни, гуманным отношением к человеку, правдивостями изображений. Русские и китайские писатели стремились выявить в женских образах лучшие черты, свойственные своему народу. Ни в одной литературе мира мы не встретим таких прекрасных и чистых женщин, отличающихся верным и любящим сердцем, а также своей неповторимой душевной красотой. Только в русской и китайской литературах обращаются так много внимания на изображение внутреннего мира и сложных переживаний женской души. Начиная с XII века, через всю нашу литературу проходит образ русской или китайской женщины-героини, с большим сердцем, пламенной душой и готовностью на великие незабываемые подвиги.

В этом мире никогда не будет существовать никакой возможности оставить женщин, чтобы закончить одну вещь. Говорят, без преувеличения, что земля действительно не может быть без женщины. Женщина— является неотъемлемой частью галереи литературных образов, их очарование, блеск в потоке литературы. Они красивы или некрасивы, толстые или тонкие, китайки или россиянки. Каждый женский образ сеть наиболее важных особенностей. Через эти образы мы можем сами почувствовать историю и вновь понимать общество. Китай и Россия, как две большие страны в мировой литературе, внесли большой вклад в развитие мировой цивилизации и духовной литературы.

Список литературы:

- Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: в 22 т. / комм. Э. Г. Бабаева. — М.: Художественная литература, 1981. — Т. 8: Анна Каренина. Части первая — четвёртая
- Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: в 22 т. / комм. Э. Г. Бабаева. — М.: Художественная литература, 1981. — Т. 8: Анна Каренина. Части первая — четвёртая
- Ужанков А.Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII в. теория литературных формаций // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 66-80.
- Слово о полку Игореве / Вступит. статья и подготовка древнерус. текста Д. Лихачева; Сост. и коммент. Л. Дмитриева. — М.: Худож. лит., 1985. — 222 с
- 曹俊峰 康德美学引论 天津教育出版社 1999
- 《红楼梦》（三家评本），王希廉、姚燮、张新之的汇评本，申孟、王维堤、张明华、甘林点校，以光绪十五年（1889）上海石印《增评补像全图金玉缘》作底本，上海古籍出版社 2014 年 12 月第 1 版
- 韩宇瑄. 莫言小说中对时代背景塑造的语言特点分析-以《红高粱家族》为例[J]. 剑南文学, 2014, (1): 76
- 《中国古代故事》2006 年北京大学出版社出版
- 张文波. 解析莫言《红高粱家族》的故事及其现实意义[J]. 山花, 2014, (14): 133-134

Ван Синьюань
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Wang Xinyuan
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE SOCIAL ROLE OF TRANSLATION

В рамках данной статьи представлен анализ социальной роли межкультурного взаимодействия и переводческой деятельности. Их помощь в распространении информации между различными культурами, а также самого развития человеческой цивилизации. Производится анализ роли переводческой деятельности в распространении различных культур. Рассмотрены причины и среды появления межкультурного общения, связи с социальной средой, такие как: пространственная среда (пространство, климат и температура), социальное отношение, психологическая причина и время (перемены в обществе, революции, смены режимов). В данной статье так же рассматривается роль переводческой деятельности в межкультурном взаимодействии. В статье рассмотрены три основные функции перевода: интеграция и балансировка культуры другого характера, способствование социальной коммуникации между людьми, продвижение прогресса цивилизации всего человечества.

This article presents an analysis of the social role of intercultural interaction and translation activities. Their assistance in the spread of information between different cultures, as well as the development of human civilization itself. Analyses the role of translation activities when spread various cultures. Find the reasons and environments of intercultural communication, also the relations with the social environment, such as: environment (space, climate and temperature), social attitudes, psychological reason and time (changes in society, revolutions, regime changes). The article considers three main functions of translation: integration and balance culture in different natures, promoting social communication between people, promoting the progress of civilization of all mankind.

Ключевые слова: межкультурное общение, переводческая деятельность, перевод, функция.

Key words: intercultural communication, translation, translation, function.

Я бы разделил развитие человеческой культуры или цивилизации на 5 этапов: рождение, рост, подъем, ослабление и исчезновение. Ни одна культура не может существовать всегда, все они в процессе развития. Почему древняя китайская культура до сих пор существует? Это именно благодаря переводу. Можно считать китайскую культуру длинной рекой, в реке иногда много воды, иногда мало, но всегда есть вода. Причина простая - всегда поступает новая вода, в том числе из Индии и Запада, вклад которых, считается самым огромным. И это получились все через перевод. Секрет вечной молодости китайской культуры заключается именно в переводе. Перевод играет очень важную роль!
[Линь Хуантянь, 1997, с. 1]

--Ци Сяньлинь

Процесс исторического развития общества доказывает, что перевод играет весомую роль в эволюции осознания действительности человечеством, тесно связано с творческими водами деятельности человека, и выполняет важную социальную функцию. Учёные рассматривают перевод с позиций культурного достояния, т.е. они сосредотачивают внимание на «социальных условиях международного обмена (оборота) культурными ценностями» [Bourdieu, 2002, с. 3]. Такой взгляд на перевод позволяет исследователям определить сущность социологического подхода к переводу [Гарбовский, Костикова, 2018, с. 28]. Перевод определяется как общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами. [Гарбовский, 2007, с. 214]

Перевод является не только межкультурной коммуникативной деятельностью, но и способом распространения разной культуры. С момента появления человеческой культуры уже началось общение, оно помогает развитию культуры, но распространение культуры разных языков осуществляется только средством перевода. Можно сказать, что без перевода нет никакого обмена, соединения и развития культуры разных языков. На протяжении развития китайской и иностранной истории и культуры, от Ренессанса в Европе, до распространения индийского буддизма на Востоке, потом до распространения западного влияния в Китае в эпоху поздней династии Мин и ранней Цин, все это доказывалось: «Перевод играет очень важную роль!». Если сравнить оригинальную китайскую культуру, до момента появления буддизма, с текущей, то изнутри это совсем новая культура, хотя они неразрывно связаны.

1. Причины и среды появления межкультурного общения

Некоторые ученые думают, что возникновение межкультурного общения является результатом глобализации. Межкультурное общение, во-первых, надо узнать, как распространяется информация в самой стране, и только потом с помощью глобализации можно её распространить в других странах [Чэнь, 2001, с. 11-14]. Во-вторых, из-за разницы в культурах появляется межкультурное общение, существуют различия в понимании и реагировании на одну и ту же информацию, поэтому возникает недопонимание и неверное толкование. В межкультурном общении необходимо объективно относиться к проводнику, нельзя оценивать другую культуру по стандарту своей культуры [Лю, 1995, с. 36-39].

Межкультурное общение всегда связано с определенной социальной средой, которая сильно влияет на результаты общения, отличающихся в разных средах. Мы думаем, что всего 4 основных среды в межкультурном общении: первая - это пространственная среда, например пространство, климат и температура, все это влияет на способ и содержание общения. Вторая - социальное отношение, как социальная организация, социальные нормы,

культурные традиции и отношение между людьми, которые тоже влияют на межкультурное общение. Третьей является психологическая причина, то есть при каком психологическом состоянии пройдет межкультурное общение. Психологическое состояние напрямую влияет на результат общения, это выразится в настроении людей, нравится ли им этот процесс. Эти изменения непосредственно определяют отношение проводников и соответственно, содержание общения. И последняя причина связана со временем, иногда люди недооценивают эту причину, удачно выбранный момент, может помочь в процессе межкультурного общения, например, во времена перемен в обществе, таких как революции или смены режимов, люди более благоприятно настроены к межкультурному общению.

Вышесказанные 4 основные среды в межкультурном общении связаны вместе, они всегда друг на друга воздействуют, вместе сосуществуют, каждая причина влияет на остальные, и одновременно подвержена влиянию других, в Китае есть такая пословица: только при подходящем времени, удобном расположении и сплочённости людей можно получить успех, поэтому успешное межкультурное общение должно иметь все 4 причины.

Всем известно, история развития человеческой культуры, есть история межкультурного общения. Межкультурное общение является распределением и совместным использованием человека чужими культурами, так же стало общественным требованием, процессом и явлением, оно не только глубоко влияет на разные области в обществе, но и имеет политическое, экономическое и образовательное значение для продвижения человеческой цивилизации, а также играет особую роль в развитии общества [Цзинь, 2009, с. 244-246]. Важнейшую роль в межкультурном взаимодействии играет переводческая деятельность, без неё невозможно развитие межкультурных связей. Оглядываясь в историю межкультурного общения, перевод в основном имеет следующие функции:

1. Интеграция и балансировка культуры другого характера

Переводческая деятельность усиливает уровень социализации в разных культурах, ведет перевоспитание в целях координации и унификации социального поведения, формулирования и определения необходимых социальных норм. В процессе распространения одной культуры, она сама тоже получает продолжение и развитие. Одновременно, переводческая деятельность является просвещением и распространением нравственной нормы и цивилизационного правила одной культуры. Оно несет влияние не только на социальную психологию и систему ценностей, а также на поведения людей, изменяет их социальное поведение для интегрирования социальной культуры.

Переводческая деятельность важна в интегрировании культуры, а также является частью в балансировке человеческой цивилизации, распространении социальных норм и контроле общественного порядка. Со стороны грандиозного исторического развития человечества, процесс развития цивилизации был не совсем «равномерным» и «конвергентным». Но именно через передачу информации и общение между людьми в разных культурах, человек может сравнить и отличить разницу между культурами, и учиться друг у друга, в конце концов продвигается развитие человеческой цивилизации к более равной, и поэтапно осуществляется «гомогенизация» между разными культурами.

2. Способствование социальной коммуникации между людьми

Переводческая деятельность способствует коммуникации между людьми, является своего рода мостом для реализации общественных желаний, инденфикации ценностей и интеграции культуры. Человек не может существовать в отрыве от общества. Человеческая культура создана для общения и коммуникации между членами социума. В этом смысле, общение между разными культурами практически есть процесс распространения своей культуры. Без перевода между языками разных культур невозможно межкультурное взаимодействие, это может привести к недоразумению и недопониманию. Поэтому в переводческой деятельности есть функция социальной коммуникации.

3. Продвижение прогресса цивилизации всего человечества

Переводческая деятельность является важным фактом в продвижении прогресса цивилизации. Без сомнения, история уже доказала, что прогресс цивилизации и развитие общества разной культуры всегда сопровождается с переводческой деятельностью. Человеческое общество развивается с первичного кочевого общества в аграрное общество, потом в индустриальное общество и вошло в информационное общество, уровень цивилизации непрерывно повышается. Переводческая деятельность передает огонь цивилизации во все уголки мира, соединяет людей из разных стран, разного народа и разных регионов, происходит заимствование лучших качеств той или иной культуры для восполнения недостатков, стремление к единению при сохранении различий, способствование прогрессу цивилизации всего человечества. Поэтому если нет переводческой деятельности, то не было бы сегодняшнего развития цивилизации.

Собственно говоря, ни одну область социальной, научной, культурной жизни мы не можем представить себе сегодня без перевода. Мало можно назвать профессий, которые имели бы такое большое будущее, как профессия переводчика [Топер, 2000, с. 4].

Мировая политика уже давно пользуется помощью устных и письменных переводчиков, они все больше становятся важнейшими помощниками при проведении

межрегиональных конгрессов в хозяйственной, промышленной и научной областях. Наконец, перевод художественных литературных произведений, в том числе и перевод чисто развлекательной литературы, становится важнейшим средством взаимного обмена между народами [Федоров, 1953, с. 15].

Список литературы:

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Издательство Московского университета, 2007. С.214.

Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Общая теория перевода// Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2018. № 1. С.28.

Линь Хуантянь. Китайский словарь перевода. - Хубэйское издательство образования, 1997. -с. 1. 林煌天:《中国翻译词典》,湖北教育出版社,1997,1。

Лю Яньнань. Причины и анализ разницы в межкультурном общении.// Современное распространение, 1995. -с. 36-39.刘燕楠,跨文化传播的差异分析与因应探讨,《现代传播》:1995,36-39。

Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2000, с. 4.

Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М., 1953, с. 15.

Цзинь Минцзюань. Человеческое распространение и общественное развитие. - Китайское издательство радио и телевидения, 2009. -с. 244-246. 金鸣娟,《人类传播与社会发展》,中国广播电视出版社:2009,244-246。

Чэнь Вэйсин. Глобализационный фон межкультурного общения. // Международные журналистские круги, 2001. -с. 11-14. 陈卫星,跨文化传播的全球化背景,《国际新闻界》:2001,11-14。

Bourdieu P. Les conditions sociales de la circulation internationale des idées // Actes de la recherche en sciences sociales, No. 145, décembre 2002, pp. 3-8.

Василиос М.

Отделение языков, литературы и культуры Причерноморских стран, Фракийский университет имени Демокрита
г. Комотины (Греция)

Vasileios Masmanidis

Department of Language, Literature and Culture of the Black Sea Countries, Democritus University of Thrace
Komotini (Greece)

ЗНАКОМСТВО С РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ ПОСРЕДСТВОМ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

CONTACT OR ACQUAINTANCE WITH RUSSIAN CULTURE THROUGH RUSSIAN FOLK FAIRYTALES IN RUSSIAN CULTURE COURSES

В статье на тему «Знакомство с русской культурой посредством русских народных сказок на занятиях по русской словесности» освещается вопрос об обучении русской культуре посредством русских народных сказок на занятиях по русской словесности. Введение в тему основано на культурно-антропологическом аспекте и на коммуникации. В этой статье делается попытка сравнения понятий и значений, которые имеют исключительное содержание для русской культуры и русской традиции, и преподаются на курсах по русской культуре. Кроме того, другими аспектами статьи являются исправление и анализ ошибок, которые встречаются в большинстве переводов русских народных сказок, путем комментирования примеров.

This article is entitled “Contact or acquaintance with Russian culture through Russian folk fairytales in Russian culture courses.” It is presenting the issue of proper tuition of with Russian culture through Russian folk fairytales in Russian culture courses. The introduction is classified in cultural-anthropological aspect through communication. In this assignment, it is attempted the comparison between words and meanings which have an exceptional content for Russian culture and Russian tradition and teach in Russian culture courses. In addition, other aspects of the essay are the correction and prove of mistakes that occur in most translations of Russian folk fairytales by giving tangible examples.

Ключевые слова: русская культура, русская народная сказка, волшебная сказка, традиция.

Keywords: Russian culture, Russian folk tale, fairy tale, tradition.

Данная работа посвящена русской культуре, а именно, знакомству с русской культурой студентов греческих вузов посредством русских народных сказок на занятиях по русской словесности. В работе предлагается исследование русской народной сказки «Царевна-лягушка» как источника русских народных символов.

На занятиях научной дисциплины «Русский язык и словесность», которая преподается на 3-ем курсе русского направления Отделения языков, литературы и культуры Причерноморских стран Фракийского университета им. Демокрита, студенты знакомятся с русской культурой посредством разнообразных литературных памятников разных эпох русской истории. Эти памятники читаются и анализируются в оригинале на русском языке, также во время занятия производится их перевод на греческий язык. Одним из интереснейших источников элементов русской культуры являются русские народные

сказки. В данной статье предлагается рассмотрение и многоуровневый анализ сказки «Царевна-лягушка» с целью исчерпания из нее элементов народной культуры.

Сказка «Царевна-лягушка» – волшебная сказка, в которой добро побеждает зло. Сказочное повествование всегда вращается вокруг явной борьбы добра со злом, которая может протекать в разных формах. Чаще побеждает добро и всегда присутствует основной морально-нравственный вывод: «Сказка ложь, да в ней намек, добру молодцу урок».⁵⁷

Сюжет сказки был знаком автору статьи еще с детства, поэтому автор захотел поделиться этим источником, насыщенным элементами русской традиции с учащимися, не владеющими русским языком.

На первом этапе работы был произведен анализ сказки на русском языке, а на втором этапе – сопоставительный анализ перевода на греческий язык с русским текстом.

Автор статьи ставил перед собой цель показать, как посредством сказки можно рассказать многое о культуре народа. В работе использовалась как русскоязычная, так и грекоязычная литература.

Элементы русской традиционной культуры.

Первое понятие, встречающееся часто в русских народных сказках это – баба-яга. *Баба-яга* или *яга-баба*, сказочное зрелище, большуха над ведьмами, подручница сатаны. Баба-яга костяная нога: в ступе едет, пестом погоняет (упирается), помелом след замечает. Она простоволоса и в одной рубахе, без опояски: то и другое – верх бесчиния.⁵⁸ Учащиеся открывают для себя новый образ сказочной героини, неизвестный им до сих пор, образ старой женщины, самой старшей ведьмы, помощницы сатаны, у которой распущены седые волосы, все лицо сморщено, торчат клыки. Создается образ ведьмы, незнакомый до сих пор. Баба-яга одета в большую рубаху, которая не опоясана, что неприлично и недостойно русской женщины до самой середины 20го столетия. Понимание отрицательного примера учащиеся узнают о правилах одевания русской женщины. Женщины в обязательном порядке должны были опоясать живот и поясицу.

Баба-яга сидит у себя в ступе и летает повсюду. Ступа – незнакомое грекам средство передвижения сказочного персонажа. Это не животное, используемое для передвижения, например, лошадь или осёл, не какое-нибудь живое сказочное существо, это неодушевленный предмет из кухонной утвари, в котором толкут, мельчат что-либо

---

⁵⁷ Попова Е. В. Культурология: учеб. пособие для студентов проф.-пед. вузов / Л. А. Кленов, Е. В. Попова. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. с. 58.

⁵⁸ Даль В. И., Толковый словарь живого великорусского языка: Современное изд.: В 4 т. Т. 1. А-З / В. И. Даль. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. – XXVI, с. 53, «баба».

пестом.⁵⁹ Само назначение предмета «толочь, измельчать» носит некий отрицательный характер, так как в нем что-либо разрушается, распадается. Ступа передвигается при помощи разгона, создаваемого движением деревянной метлы, так, метла выступает в роли ускорителя. Иной раз, баба-яга летит на самой метле без ступы, в этом случае метла выступает в роли средства-передвижения, что тоже незнакомо студентам-грекофонам.

Баба-яга живёт в избушке на курьих ножках. Понятие «изба» знакомо студентам уже с первого курса из занятий по русскому языку. На данном этапе открывается новая картина русской избы – избушки, маленькой избы, которая стоит не на земле, а на курьих ножках. Картина дома, стоящего на ногах животного, подчиняющегося указаниям, оборачивающего вокруг своей оси, новый элемент русского фольклора, о котором узнают учащиеся. Герой должен заставить ее повернуться, а для этого нужно знать и произнести слово: «По старому присловию, по мамкину сказанью: "Избушка, избушка, - молвил Иван, подув на нее, - стань к лесу задом, ко мне передом". И вот повернулась к Ивану избушка, глядит из окошка седая старушка» (Аф. 560). «Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, а ко мне воротами: мне не век вековать, а одна ночь ноцевать. Пусти прохожего» [Пропп, 2000, с.41-42].

Еще один элемент русской культуры, незнакомый учащимся, это терем. Терем – поднятое, высокое жилое здание или часть его; отдельный терем, теремок: замок боярский, одинокий домик, в виде башни или на подрубке [Пропп, 2000, с. 662]. Картина жилища, нарядного, богатого декором, являющегося частью традиционного зодчества, вызывает восхищение студентов и интерес для дальнейшего изучения. Анализируя понятие «терем», один из элементов русской народной сказки, студенты узнают о том, что терема строили до 17го века, и что в 19ом веке возобновилась мода на все русское, когда императорский дом устраивал тематические балы с «боярскими» декорациями и костюмами.⁶⁰

Другой элемент русской традиционной культуры, это – красное крыльцо, передний парадный вход с навесом в традиционном русском доме. Крыльцо в русской традиции принято называть «красным» или «черным». Красное, это красивое, прекрасное, а значит парадное крыльцо. Определение «красный» не только обогащает семантику русского языка, но и обогащает картину о русском быте, о том, что русский народ украшал и декорировал особым образом парадный вход в дом, что говорит о гостеприимстве очага. Черное, это заднее крыльцо с выходом на двор. Понятие «чёрный вход» до сих пор используется в современном русском языке с другим значением, со значением входа, через который можно выйти скрыто от других.

---

⁵⁹ Там же, Т. 4. Р-Я, с. 584 «ступать».

⁶⁰ <https://kelohouse.ru/terema.html>

Студентам дается задание найти информацию о бабе-яге и презентовать ее на занятии.

Медведь (бурый) – один из часто встречающихся животных персонажей русских народных сказок. В русской сказке медведь часто приходит на помощь, обычно в самый сложный момент, в безвыходной ситуации. Когда герою сказки не справится самому, тут на помощь приходит сильный и в то же время добрый медведь. Медведь ассоциируется с русским духом, одновременно сильным и добрым, это один из символов русского народа, доказывающий на деле истину, что сила в добре, а добро – есть сила. В сказке «Царевна-лягушка» медведь является тут как тут, выворачивает дерево с корнями, чтобы с дерева упал кованный ларец. Помощь главному герою приходит мгновенно, незамедлительно. В русском фольклоре медведь имеет многочисленные определения, такие как «косолапый», «мохнатый», «косматый» и тд.

Студентам предлагается прочитать еще несколько сказок с участием медведя и сравнить как его роль, так и его описание. Учащимся дается задание найти как можно больше определений медведя в русских сказках, с целью обогащения словарного запаса, также дается задание найти пословицы и поговорки, связанные с образом медведя.

Младшего сына царя звали Иван – Иван-царевич. Иван – самое распространенное мужское имя в русском народном творчестве. Имя Иван пришло в русский язык посредством христианской православной литературы из Византии, оно происходит от древнерусского и старославянского «Иоáннъ», от греческого «Ιωάννης» [Иоáннис]⁶¹. Герой сказок Иван – это молодой человек, обычно простой и добрый по нраву, он часто бывает младшим из всех братьев, как в сказке «Царевна-лягушка», часто его называют уменьшительным-ласкательным «Иванушка». Частое представление Ивана как глупого молодого человека, откуда и пошло «Иванушка-дурачок», имеет отношение и к исследуемой сказке, в которой старшим двум братьям в жены попались настоящие девушки – люди, а младшему Ивану в невесты попалось животное, лягушка – существо вызывающее отвращение. И здесь судьба обделила Ивана, но, как это обычно у него бывает, в конце она его вознаграждает. Иван – символ душевной простоты, а значит чистоты, в русской традиции, одной из характерных черт русского человека. Иван-царевич – добрый молодой человек, он отпустил на волю животных, которых хотел съесть от голода, также он смелый молодой человек, он не побоялся сражаться с Кощеем Бессмертным, чтобы найти свою возлюбленную.

---

⁶¹ Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е – муж) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. сс. 113-114.

После прочтения сказки студентам предлагается прочитать и другие сказки с героем, которого зовут Иван, и сравнить их роли. Также студентам предлагается поискать, в каких словосочетаниях используется это имя, например, Иван-купала, в выражении «Орать во всю Ивановскую», узнать почему растение Иван-да-Марья названо так и прочитать одноименную сказку Алексея Толстого «Иван-да-Марья».

Белый хлеб, о котором говорится в сказке, пекся в праздничные дни и торжества, белый хлеб символизирует радость и праздник, в отличие от черного хлеба, который пекли на Руси в обычные дни.

В сказке встречается выражение «буйная голова», голова, которой нет покоя. Часто в народных сказках и песнях герой со своеобразным, беспокойным нравом описывается как буйная голова – буйный ум, кичливый, возносящийся выше пределов своих.⁶²

Студентам предлагается поискать синонимичные выражения к сочетанию «буйная голова», составляющие также элементы русского фольклора, например, «горемычная голова», «бесприютная голова». Также студентам предлагается объяснить значение пословиц «*Расчесали буйну голову, заплели русу косу, о невесте*» и «*Честное слово и буйну голову смиряет*».

Перевод сказки «Царевна-лягушка» на греческий язык.

На занятиях по русской словесности, во время изучения литературных памятников, производится устный перевод текстов на греческий язык. Автор статьи предлагает сравнительно-сопоставительный анализ русского текста сказки с переводом на греческий язык Андреаса Бабалиса.⁶³

В русском тексте стрела старшего брата падает в боярский двор. Прилагательное «боярский» так и переводится на греческий «βογιάρου», несмотря на то, что в самых больших греческих словарях (Словарь общего новогреческого языка, Словарь новогреческого языка Г. Бабиниотиса, Частотный словарь новогреческого языка Академии наук Афин) нет слова «боярин». Грекофону, не изучающему русский язык, это может послужить причиной поиска значения.

В русском тексте стрела младшего брата попала в грязное болото, где её подхватила лягушка-квакуша. В русском тексте описывается картина грязного болота, чего нет в греческом переводе, в котором говорится об отдаленном, неведанном месте.

---

⁶² Даль В. И., Толковый словарь живого великорусского языка: Современное изд.: В 4 т. Т. 1. А-З / В. И. Даль. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. – XXVI, с. 239 «буйный».

⁶³ Ρωσικά λαϊκά παραμύθια, μτφρ.: Ανδρέας Μπάμπλης, Αθήνα, Γνώση, 2011.

Красное крыльцо, передается в прямом смысле красным «красного цвета», а крыльцо передается словом «балкон», в результате чего, читатель-грекофон видит перед собой дом с красным балконом, а не красивый парадный вход дома с навесом. Часто иностранцы, не зная значения «красивый» прилагательного «красный», совершают подобные ошибки, в итоге у читателя, не владеющего русским языком, создается неправильная картина, например, красного балкона.

Переводчик переводит селезня как чайку, что создает читателю не ту картину и не те ассоциации. Чайка не встречается в русских народных сказках, она не является каким-либо символом. Утка же в русской народной традиции, в народных сказках и в изобразительном искусстве встречается часто и символизирует плодородие, у древних славян утка была связана с культом предков и заклинанием плодородия грядущего земледельческого года)⁶⁴. Часто в народной традиции в утке спрятан предмет, который ищут. Утка составляет один из мотивов в народном творчестве.

Выражение, с которого начинаются русские народные сказки «В некотором царстве, в некотором государстве» переводится выражением «где-то на солнце», используемым в греческих сказках для обозначения отдаленного местонахождения.

В греческом тексте царь говорит своим сыновьям выйти «на открытую равнину» чтобы стрелять из лука, чего нет в русском тексте, так акцентируется внимание на существование степей в природе России.

В русском тексте говорится о том, в какой двор попадет стрела, откуда и будет невеста, в греческом же переводе речь не идет именно о дворе, в котором живут люди, а говорится о любом месте: «куда упадет стрела».

Имя героя Иван-царевич переводится просто как «Иван» без титула «царевич», так, как бы звали любого молодого человека даже из низших сословий.

В греческом тексте медведь просто ударяет спиной дерево и ларец падает, а в русском тексте показана сила медведя, он с корнями вырывает целое дерево, чтобы помочь Ивану-царевичу.

В греческом тексте Кощей Бессмертный описывается как «Не умерший», словом, используемым для неодушевленных предметов, несмотря на то, что в греческом языке есть слово «бессмертный» для одушевленных существительных.

Литературные памятники, литературные произведения могут служить богатым источником национальной культуры народа, поэтому русская народная сказка может стать

---

⁶⁴ <https://www.knt.org.ru/Jarnikova%20Obrazu%20Vodoplavayushih%20Ptici%201.htm>

источником ознакомления учащихся с культурой России. На примере сказки «Иван-царевич», в данной статье были показаны примеры элементов культурного наследия, были приведены примеры заданий для работы над темой, а также были показаны примеры переводов, передающих и не передающих картину и сюжет сказки.

Список литературы:

Попова Е.В. Культурология: учеб. пособие для студентов проф.-пед. вузов. Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009.

Пропл В. Я. Исторические корни волшебной сказки, М.: Лабиринт, 2000.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное изд.: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003.

Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е – муж) / М. Фасмер. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Сказка «Царевна-лягушка»:

Ρωσικά λαϊκά παραμύθια, μτφρ.: Ανδρέας Μπάμπλης, Αθήνα, Γνώση, 2011.

<https://azku.ru/russkie-narodnie-skazki/tsarevna-lyagushka.html>

Вэй Юйсюань
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Wei Yuxuan
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ЛЕКСЕМОЙ «РУКА» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

PHRASE UNITS WITH THE WORD «HAND» IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGE

Доклад посвящен изучению фразеологических единиц со значением «внешность человека», в частности, национально-культурной специфики фразеологических единиц с лексемой «рука» в русском и китайском языках. Компонент «рука» в составе фразеологических единиц является важным образом для русской и китайской культур. Он может иметь как положительное, так и отрицательное символическое значение.

В данной работе объединяются фразеологические единицы с компонентом «рука» в тематические группы: «Характеристика человека», «Эмоции человека», «Характеристика действия», «Действие». В каждой из тематических групп мы рассматриваем несколько семантических полей, представленных различным количеством фразеологизмов, анализируем, какие из фразеологизмов имеют аналогичные значения в русском и китайском языках, а какие нет, определяем их роль и функции.

The article is devoted to the study of phraseological units with the meaning of “person’s appearance”, in particular, the national-cultural specifics of phraseological units with the lexeme “hand” in the Russian and Chinese languages. The component “hand” in the composition of phraseological units, as an important image for the Russian and Chinese cultures. This image of “hand” can have both positive and negative symbolic meaning. In this paper, the phraseological units with the component “hand” are combined into thematic groups: “Characteristics of a person”, “Emotions of a person”, “Characteristics of an action”, and “Action”. In each of the thematic groups, we consider several semantic fields represented by different numbers of phraseological units, analyze their similar meanings in these exemplary phraseological units and define their role as a function.

Ключевые слова: фразеологизм с компонентом «рука», русский язык, китайский язык.

Keywords: phraseological unit with the component “hand”, Russian language, Chinese language.

Фразеологизмом называется лексически неделимое сочетание слов, обладающее целостным, обобщенным значением, как правило, экспрессивно окрашенное [Языкознание, 1998, с.559]. Фразеологические единицы, характеризующие внешность человека, частично становились предметом изучения и русских, и китайских лингвистов, однако нам не встретились исследования сопоставительного характера, в которых анализируется национально-культурная специфика указанных фразеологических единиц.

Каждый человек имеет в памяти определённый запас фразеологических единиц, лексические значения которых дают возможность заменить близкие по значению слова. Фразеологизмы свидетельствуют о богатстве языка, о его многообразии выражений той или

иной мысли и требуют от того, кто их употребляет, понимания их значений, и в русском и в китайском языках.

Существует множество фразеологизмов со словом *рука*. Этот образ является важным как и для русской, так и для китайской культур. Это связано с тем, что еще с древнейших времен рука была орудием труда человека, средством общения людей. Наши предки осознавали понятие «иметь», прежде всего, как то, что находится в руках. Образ *рука* может иметь и положительное и отрицательное символическое значение, что отражается в следующих фразеологических единицах: *руки опускаются, руки коротки, рука об руку, руки не доходят* и т.д.

С помощью слова *рука* характеризуют человека с точки зрения трудолюбия, умения, моральных качеств: *не покладая рук, сидит сложа руки, держать себя в руках* и др. «рука» является универсальным и самым часто употребляемым символом всей человеческой культуры, так как символическое значение данного слова различно: рука является и символом власти, и дружбы, и покровительства, и магии и пр. Во всех определениях фразеологизмов, в которых встречается данная лексика, часто присутствует компонент «воздействие», например: *связать руки*

Руки человека играют неопределимую роль в его повседневной деятельности. Именно развитие ручного труда когда-то позволило первобытному человеку превратиться в человека разумного. И в нашей современной жизни фразеологизмы со словом «рука» органично вплетены в усную речь людей. Они делают речь более емкой и краткой.

Фразеологические единицы с компонентом «рука» объединяются нами в тематические группы. Выявлены следующие тематические группы: «Характеристика человека», «Эмоции человека», «Характеристика действия», «Действие». В каждую из тематических групп входит несколько семантических полей, представленных различным количеством фразеологизмов. Рассмотрим выделенные тематические группы подробнее.

1. Тематическая группа «Характеристика лица». Данная тематическая группа образует две подгруппы: с отрицательной оценкой человека и положительной оценкой человека. И в русском, и в китайском языках фразеологические единицы с компонентом «рука» характеризуют человека по его способности создавать какой-либо продукт своими руками: рус. золотые руки «умелый»; кит. 眼明手快; с зоркими глазами и быстрый на руку «ловкий, искусный, умелый, рус. на все руки мастер «умелый», кит. 手疾眼快 проворные руки и быстрый глаз «быстрый, расторопный, проворный». Кроме того, в китайском языке

есть фразеологические единицы, оценивающие человека с профессиональной точки зрения: кит. 手到病除; исцеляющий одним прикосновением руки «искусный» (о враче);

2. Тематическая группа «Эмоциональное состояние человека». Фразеологизмы данной тематической группы в образной форме передают сильные эмоции человека: горе (рус. ломать руки «сильно горевать»), радость (кит. 手舞足蹈; руки пляшут, ноги притоптывают «испытывать сильную радость»), нетерпение (кит. 搓手顿足; потирать руки и притоптывать ногами «испытывать нетерпение или досаду»), восхищение (кит. 爱不释手; понравилось так, что из рук не выпустишь «быть очарованным чем-л., восхищаться»), восторг (кит. 拍手称快; хлопать в ладоши от радости «бурно выражать восторг»), сильное волнение (кит. 慌手慌脚; быть в полной растерянности, быть потрясённым (до предела взволнованным)).

3. Фразеологические единицы со значением «Характеристика действия»: а) качественная оценка действия. В данной тематической подгруппе рассматриваются фразеологические единицы, содержащие оценку действия по качеству (рус. на скорую руку «быстро, поспешно», кит. 七手八脚; 7 рук и 8 ног «быстро, в спешке») и с точки зрения приложения физических / умственных усилий (кит. 举手之劳; труда не больше, чем раз поднять руку «очень легко», кит. 一手一足; одной рукой да одной ногой «прилагая незначительные усилия»). Данные фразеологические единицы указывают на то, что человек добивается наступления желательной для себя ситуации, затрачивая усилия ниже нормы для таких ситуаций. б) характеристика действия по местоположению. То, что можно достать рукой, находится близко к человеку: рус. рукой подать «очень близко, совсем рядом»; рус. под рукой «близко настолько, чтобы было удобно использовать»; в) способ совершения совместного действия: рус. (ходить, переходить) из рук в руки «от одного человека к другому»; кит. 并肩携手; рука об руку; плечом к плечу (= рус. рука об руку (идти) «жить в согласии»).

4. Тематическая группа «Действие». Семантический анализ фразеологических единиц с компонентом «рука», обозначающих различные действия, показывает, что почти все они связаны с выражением социально значимых для отдельной личности понятий труд(work), (кит. 手足重茧; руки и ноги покрылись толстыми мозолями «тяжело трудиться, делать чёрную работу», кит. 白手起家; создать свой дом голыми руками «создать благополучие собственным трудом, начиная с нуля»; рус. приложить руки к кому- , чему-либо «тщательно заняться кем-, чем-либо; вложить труд во что-либо»), деятельность

(activity)(рус. накладывать – наложить руку на что-либо «присваивать что-либо, овладевать чем-либо», рус. обеими руками ухватиться за что-либо «с удовольствием воспользоваться тем, что предлагают»), бездействие(inaction) (рус. сидеть сложа руки «сидеть ничего не делая, без дела», 一手遮天; одной рукой закрывать небо «держат народ в неведении, закрывать всем глаза, обманывать общественное мнение»), сопротивление власти(power resisance) (рус. отбиться от рук «выходить из повиновения, послушания, становиться непослушным»), помощь (help)(рус. подавать, подать, дать, протягивать, протянуть руку (помощи) кому-либо «помогать кому-либо, оказывать содействие, поддержку»), создание помех(interference) (рус. по рукам и ногам связывать «лишать свободы действий, поступков»; рус. под руку говорить (смотреть) «мешать кому-либо, разговаривая с ним или разглядывая, что он делает», 碍手;碍脚; мешать рукам, затруднять ноги «мешать, сковывать действия других»), насилие (violence)(рус. давать – дать волю рукам «драться с кем-либо или бить кого-либо»), наказание(punishment) (рус. дать по рукам кому-либо), отсутствие наказания(lack of punishment) (рус. сойти с рук). Фразеологические единицы, принадлежащие к данной тематической группе, могут употребляться для выражения отношения к другому человеку: рус. махнуть рукой «перестать обращать внимание на кого-что-либо; бросить что-либо», рус. носить на руках «оказывать особое расположение, внимание, ценить, баловать», кит. 高抬贵手; поднять дорогие руки «сделать снисхождение». В китайском языке действие, как и человек, может быть оценено положительно или отрицательно. Критерием оценивания является соотношение затраченных усилий на какое-либо действие и полученного результата. Отрицательное отношение к действию наблюдается в том случае, если усилий потрачено много, а результата или нет, или он незначительный: кит. 手忙脚乱; руки заняты и ноги путаются «действовать бессистемно, суетиться, торопиться», кит. 七手八脚; 7 рук и 8 ног «суетиться». Положительно оценивается успешное действие: кит. 心手相应; сердце и руки перекликаются «делать умело и удачно, в соответствии с замыслом», кит. 大显身手; показывать открыто тело и руки «достойно проявить себя; не ударить в грязь лицом», кит. 得心应手; сделать так, как хотел «сделать (что-л.) в соответствии с замыслом; выполнить умело и удачно». Распределение фразеологизмов русского и китайского языков с компонентом «рука» по тематическим группам позволило сделать следующие выводы.:

1. В рамках одной тематической группы имеются случаи совпадения фразеологических единиц русского и китайского языков по семантике: рус. сидеть сложа

руки «сидеть ничего не делая, без дела» ≈ кит. 游手好闲; бездельничать, лодырничать; рус. золотые руки «умелый» ≈ кит. 眼明手快; с зоркими глазами и быстрый на руку «ловкий, искусный, умелый» и др. Это обуславливается общностью логических и образно-ассоциативных связей в сознании носителей разных языков.

2. В большинстве случаев в рамках одной тематической группы фразеологические единицы русского и китайского языков актуализируют разные смыслы. Кроме того, некоторые семантические поля формируют фразеологизмы или только русского, или только китайского языков. Эти различия обусловлены как языковыми, так и внеязыковыми причинами. Языковая причина заключается в том, что те смыслы, которые выражены при помощи фразеологических единиц в одном языке, в другом языке могут быть выражены другим способом. Внеязыковыми причинами различий являются особенности культуры и традиций разных народов.

Список литературы:

- Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. — Л., 1963.
Языкознание: большой энцикл. слов. / гл. ред. В.Н.Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая Рос. энциклоп., 1998.- 685 с.

Гоциридзе Д.З.

Качаравა В.В.

Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахишвили

г. Тбилиси (Грузия)

Арошидзе М.В.

Батумский государственный университет Шота Руставели

г. Батуми (Грузия)

Gotsiridze David

Kacharava Vasil

Ivane Javakhishvili Tbilisi State University

Tbilisi (Georgia)

Aroshidze Marine

Batumi Shota Rustaveli State University

Batumi (Georgia)

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Э. ХЕМИНГУЭЯ
«ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ»)**

**CROSSCULTURAL COMMUNICATION IN MULTICULTURAL SPACE OF THE
LITERARY TEXT (BASED ON E. XEMINGWAY'S NOVEL "FOREWELL TO ARM'S")**

В настоящее время особый интерес вызывают поликультурные тексты, дающие возможность проследить процессы взаимодействия представителей различных культур и собрать богатый эмпирический материал для дальнейших обобщений.

Классическим примером поликультурного текста является роман Э.Хемингуэя «Прощай оружие», который содержит не только информацию об артефактах различных культур, но и выступает как поликультурное пространство, в пределах которого происходит взаимодействие неоднородных этнических сознаний. Художественно-информационное пространство романа включает в себя различные коммуникативные этностили, отражающие национально-культурное своеобразие персонажей произведения.

В работе рассматриваются проблема детерминированности переводческих решений этноспецифическими факторами, отраженными в поликультурных текстах.

Nowadays, multicultural texts draw special interest, as the ones that enable us to follow the interaction between the representatives of different cultures and collect the rich empirical material for further generalization.

Classical example of the of the multicultural text is E. Hemingway's novel *Farewell to Arms* that includes not only the information on the artifacts of various cultures, but also serves as a multicultural space for the diverse ethnical minds to mingle. The fiction-based information space of the novel absorbs various communicative ethnical styles, reflecting the national and cultural peculiarity of the characters.

The article tackles the problem of the ethno-specific factors preconditioning the solutions found by the translators that are reflected in the multicultural texts.

Ключевые слова: поликультурный текст, этнокультурная палитра персонажей, языковой код, речеповеденческая тактика, межэтническое взаимодействие.

Key words: multicultural text, ethnocultural repertoire of characters, linguistic code, speech behavioral tactics, cross-ethnic interaction.

В эпоху геополитических перемен, повлекших за собой миграционные процессы небывалого масштаба, произошли существенные изменения в формах взаимодействия народов и в контактное поле были вовлечены культуры, не имевшие ранее опыта непосредственного соприкосновения. Научно-техническая революция, поддержанная технологическим прорывом в информационной сфере, породила проблему сохранения национальной идентичности в глобализирующемся мире. В этой связи особый интерес приобретают тексты, отражающие процессы межкультурных взаимоотношений представителей различных этносов. В отличие от научных текстов, отображающих данную проблему на основе логических категорий, поликультурные художественные тексты дают возможность увидеть ее в реальной коммуникативной ситуации и эмоционально осознать сущность указанного явления.

Классическим примером поликультурного текста является роман Э.Хемингуэя «Прощай, оружие», перевод которого представляет собой богатый эмпирический материал для осмысления специфики указанной разновидности дискурса.

Понятие «поликультурный текст» мы рассматриваем не с точки зрения содержащегося в нем информации об артефактах различных культур, а как поликультурное пространство, в пределах которого происходит взаимодействие неоднородных этнических сознаний. Этноспецифические факторы, отраженные в поликультурных текстах, могут по-разному трактоваться автором и переводчиком, восприятие которых детерминировано спецификой, соответствующей этноментальности.

Поликультурность романа «Прощай оружие» связана с особым поликультурным пространством, в пределах которого взаимодействуют представители различных этносов, наделенные Э.Хемингуэем различными этнолингвоперсоналогическими маркерами. Художественно-информационное пространство романа включает в себя различные коммуникативные этностили, отражающие национально-культурное своеобразие персонажей произведения. Этнокультурная палитра персонажей формируется из представителей различных культур: итальянцев, американцев, англичан, швейцарцев, вовлеченных по воле автора, и в силу сложившихся обстоятельств, в интеракционное поле.

В общении персонажей произведения языковой фактор играл важнейшую роль. Достаточно вспомнить эпизод, который едва не закончился расстрелом Фредерика Генри. «Итальянцы, боясь проникновения в их ряды переодетых немецких шпионов, обращают внимание на его акцент, полагая этот факт достаточным для выявления «немца в итальянском мундире»: «— Отведите его туда, где все остальные», — *сказал первый офицер. — Слышите, он говорит по-итальянски с акцентом*». Этот комментарий обидел

Фредерика настолько, что он возмущенно ответил: «– С таким же, как и ты, сволочь» [Все примеры цитируются по изданию, указанному в нижеприведенном списке литературы].

Когда Фредерика представили как англичанина из Северной Америки, «*сержанты вежливо выслушали, но не поверили*», ибо его итальянская речь показалась им убедительной.

В другом эпизоде его французский произвел такое впечатление, что его приняли за француза: «– *Ну вот, счастливый путь, и Vive la France!*

«– Он американец», – сказал другой врач.

– А мне показалось, вы сказали: француз. «Он говорит по-французски», – сказал врач. – Я его знал раньше. Я всегда думал, что он француз».

Наделяя своих персонажей этноспецифическими характеристиками, Э.Хемингуэй ориентировался на англоязычную целевую аудиторию, хотя принципиально подчеркивал ее неоднородность.

В этой связи можно вспомнить и диалог Фредерика Генри с графом Греффи:

«Мне теперь легче говорить по-итальянски, чем на другом языке. Я заставляю себя, но, когда я устаю, мне все-таки легче говорить по-итальянски. Так что, по-видимому, я старею.

– Будем говорить по-итальянски. Я тоже немного устал.

– О, но ведь если вы устали, вам должно быть легче говорить по-английски.

– По-американски.

– Да. По-американски. Пожалуйста, говорите по-американски. Это такой очаровательный язык».

Указанный комментарий Фредерика Генри показывает, что уже в начале прошлого столетия наметился некий лингвосепаратизм, в основе которого лежала идея признания автономного статуса американского и отказ от его трактовки как диалекта английского языка. Контактный язык выбирался коммуникантами в зависимости от конкретной ситуации общения, поэтому персонажам постоянно приходилось переключаться с одного языкового кода на другой. Так, например, обращает на себя внимание тактика английского офицера, пытающегося помочь Фредерику и положительно настроить итальянских санитаров. Он обращается к ним по-итальянски, называя Фредерика «американский *tenente*». К Фредерику офицер обращается по-английски, чтобы он перестал разыгрывать из себя героя. Затем офицер снова переходит на итальянский и, чтобы усилить впечатление, обращается к санитарам: «– *поднимайте осторожно, особенно ноги. Ему очень больно. Это законный сын президента Вильсона*».

Тактика англичанина возымела свое действие: «–*Давайте мне американского tenente, – сказал один из врачей*».

Фредерик Генри обладал тонким языковым чутьем и прекрасно владел английским, французским, итальянским, испанским языками, поэтому ему не составляло труда беспрепятственно переходить с одного языкового кода на другой. Достаточно вспомнить его «филологический» комментарий: «*He was only second porter, and his English was still literally translated*» («– Он был всего лишь младший портье, и его английский язык еще грешил буквализмами»).

Не менее интересен «психолингвистический» комментарий Фредерика Генри, тонко подметившего речеповеденческую тактику итальянского офицера:

«Капитан, специально для меня, говорил на ломаном итальянском языке, почему-то считая, что так я лучше пойму все и ничего не упущу.

«– Священник сегодня с девочка», – сказал капитан, поглядывая на священника и на меня. Священник улыбнулся и покраснел, и покачал головой. Капитан часто зубоскалил на его счет.

– Разве нет? – спросил капитан. – Я сегодня видеть священник у девочка».

Переводчики Евгения Калашникова и Вахтанг Челидзе при передаче намеренно искаженной речи выбрали различные тактики. Исходя из специфики русского языка, допускающего нулевую связку в настоящем времени, Е.Калашникова, чтобы подчеркнуть авторскую интенцию, акцентировала внимание на неправильном использовании падежных форм.

Вербоцентризм грузинского языка требует (как и английский) наличия в предложении глагола, опущение которого воспринимается как нарушение стилистической нормы, поэтому при переводе фраз: «*Priest today with girls*», «*Priest today not with girls*», «*Priest never with girls*», В.Челидзе оставалось лишь опустить глагольный элемент. Для усиления стилистического эффекта он вводит диалектное слово «мисдгемчи» (постоянно), уместность которого вызывает у нас некоторые сомнения.

В речи персонажей часто встречаются иноязычные (с точки зрения английского языка) фразы, имеющие различную функциональную нагрузку. Так, например, особый эмоциональный настрой создается в эпизоде, когда Фредерик Генри описывает мучения Пассини: «*Кто-то сказал: «Матта mia! О, матта mia! » и закусил свою руку и стонал: «О матта mia, матта mia! » – и потом: «Dio te salve? Maria. Dio te salve, Maria. О Иисус, дай мне умереть! Христос, дай мне умереть, матта mia, матта mia! Пречистая дева Мария, дай мне умереть. Не могу я. Не могу. Не могу. О Иисус, пречистая дева, не могу я. О-о-о-*

о!» Потом, задыхаясь: «Матта, татта тiа!» Потом он затих, кусая свою руку, а обрубок все дергался».

В русском и грузинском переводах (как и в оригинале) фразы на итальянском языке даются без перевода, ибо представляют собой эмоциональные маркеры ситуации. Действительно, было бы неправдоподобно, если бы человек в подобной экстремальной ситуации обратился к Богу на неродном языке.

Общение в поликультурной среде имеет свои особенности. Персонажи произведения, находясь в Италии, вынуждены изучать итальянский язык. Если Фредерик уже прекрасно говорил по-итальянски, то Кэтрин и Ферджи еще делали первые шаги в этом направлении.

«– О! – сказала она. – Я изучаю итальянский. Очень красивый язык.

– Говорят, можно выучиться ему в две недели.

– Ну нет, я не выучусь в две недели. Я уже занимаюсь несколько месяцев».

Языковой фактор играл значительную роль и в армейской карьере:

««– Вы не можете быть капитаном, потому что вы плохо знаете итальянский язык», – сказал Этторе. – Говорить вы умеете, но читаете и пишете плохо. Чтоб быть капитаном, нужно иметь образование ...

– Я умею командовать ротой по-итальянски. Мне ничего не стоит выучиться и по-английски».

В некоторых случаях плохое знание языка тоже имело свои «положительные» стороны: *«- Ваши письма просматривают?*

– Там так плохо знают английский язык, что это не имеет значения.

«– Я буду писать очень путано», – сказала Кэтрин.

– Но не слишком уж путано.

– Нет, только чуть-чуть путано».

Вынужденное иноязычное языковое окружение вызывает психологический дискомфорт:

«- Видите ли, я живу довольно нелепой жизнью. Мне даже не приходится говорить по-английски».

Своеобразной лингвоностальгией воспринимается фраза Фредерика:

«– Мне снился сон по-английски».

Особый интерес представляют различные эпизоды межэтнического взаимодействия. Несмотря на дружеские отношения, Фредерик и Ринальди не упускают случая подразнить друг друга и продемонстрировать свое национальное «превосходство».

«– Вы просто невежественный брехливый даго.

– Кто?

– Невежественный макаронник.

– Макаронник. Сами вы макаронник... с мороженой рожей».

«–Я знаю, вы хороший англосаксонский пай-мальчик. Я знаю. Вас совесть заела, я знаю. Я подожду, когда мой англосаксонский мальчик опять станет зубной щеткой счищать с себя публичный дом.

– Вот подпою вас, выну вашу печень, вставлю вам хорошую итальянскую печенку и сделаю вас опять человеком».

Подобную же итальяно - американскую «дуэль» мы наблюдаем в эпизоде, когда Этторе пытается поиздеваться над Сандерсом:

«– Вы слышали про то, как в него швыряли скамейками в Модене?

– Это враки.

«– В него швыряли скамейками», – сказал Этторе. – Я был при этом. Я сам швырнул шесть скамеек.

– Вы просто жалкий макаронник из Фриско.

. – Вы же не умеете петь по-итальянски. А потом вы возвращаетесь в Америку и рассказываете о своих триумфах в «Ла Скала». Да вас после первой же ноты выгнали бы из «Ла Скала».

В анализируемом произведении межэтническое взаимодействие приобретает различные оттенки. Несмотря на то, что врагами итальянцев являются как австрийцы, так и немцы, отношение к противникам у итальянцев разное. Так, например, итальянский врач, объявивший, что *«все инородное – безобразие, мерзость, гадость»*, считает, что австрийцы *«просто сукины дети»*. Итальянский парикмахер, полагая, что Фредерик является австрийцем, гордо заявляет, что он итальянец и не вступает в разговоры с неприятелем. Он отказывается от денег, заявляя: *«– Я не возьму. Я не на фронте. Но я итальянец»*.

Не зная историческую подоплеку итальяно-австрийских отношений, Фредерик не мог понять, что итальянцы имели против Австрии и почему их так интересовал вопрос - объявит ли президент Вильсон войну Австрии?

«В отличие от австрийцев, отношение к немцам было иное (ср. «– Это немцы», – сказал Пиани. – Это не австрийцы»). *«Немцы вызывали страх и уважение: «– Это немцы атакуют», – сказал один из врачей. Слово «немцы» внушало страх. Мы никак не хотели иметь дело с немцами».*

Сознавая опасность, исходящую от немцев, Фредерик считает, что итальянцы для них опаснее немцев, которые хоть знают, чего хотят: *«Итальянцы еще опаснее. Они напуганы и стреляют в первого встречного. Прошлой ночью в колонне мы слышали разговоры о том, что в отступающей армии на севере немало немцев в итальянских мундирах. Я этому не верил. Такие разговоры всегда слышишь во время войны. И всегда это проделывает неприятель. Вы никогда не услышите о том, что кто-то надел немецкий мундир, чтобы создавать сумятицу в германской армии. Может быть, это и бывает, но об этом не говорят. Я не верил, что немцы пускаются на такие штуки. Я считал, что им это не нужно».*

На фоне крайне негативного отношения к австрийцам и более сдержанного – к немцам, англичане и американцы воспринимаются персонажами произведения позитивно, но по-разному. Их восхищали как английские машины, так и сами англичане. Стереотипное восприятие англичан проявляется в речи Ринальди, который, с одной стороны осуждает холодность англичанки, а с другой – восхищается ее красотой: *«– Я ее пришло. Вашу прекрасную холодную богиню. Английскую богиню. Господи, да что еще делать с такой женщиной, если не поклоняться ей? На что еще может годиться англичанка?»*

Не отличается симметричностью взаимоотношения англичан и итальянцев. Это хорошо видно в следующих эпизодах: *«– Если хотите повидать ее, можете зайти после семи часов... Но не приводите с собой разных итальянцев».*

«Кэтрин раздражает хвастовство итальянцев: *«– У нас тоже есть герои», – говорила она, – но знаешь, милый, они обычно гораздо тише».* В этом же ключе воспринимается оценка Фредериком слов итальянцев: *«– Мы отнимем у французов Ниццу и Савойю. И Корсику отнимем, и Адриатическое побережье... К Италии возвратится величие Рима, сказал майор... Рим – мать народов».*

Несмотря на доброжелательное отношение к итальянцам, ставшее одной из причин участия Фредерика в войне, порой проявляется крайнее недовольство их действиями, заставившее его сказать: *«Лучше бы мне служить в английской армии».*

Как крайний сарказм следует оценить его слова: *«Офицеры вели доклад со всей деловитостью, холодностью и самообладанием итальянцев, которые стреляют, не опасаясь ответных выстрелов».*

На фоне тотального отступления цинично звучит фраза: *«– Итальянцы не должны отступать».* С другой стороны, и сами итальянцы критически оценивают действия своих

соотечественников – *«Итальянцы, – сказал Пиани таким тоном, точно это было ругательство. – Italiani».*

Если по отношению к англичанам у итальянцев уже имелись готовые стереотипы, то американцев они знали мало, что подтверждается вопросами, отличающимися иногда некоторой наивностью. По –детски звучит вопрос:

«– В Америке ездят на велосипедах? – спросил Аймо».

Надеясь на помощь Соединенных Штатов, итальянцы очень радовались приезду американцев: *«- А что ваши соотечественники? Увидим мы еще американцев, кроме вас? – спрашивали они».*

Несмотря на итальянский мундир и итальянскую речь, манеры и умение держаться отличало Фредерика от итальянцев, поэтому те, кто имел соприкосновение с американской культурой, легко определяли его национально-культурную принадлежность. Культурные различия англичан и американцев проявляются как в специфике референтно-аксиологической основы, так и во взаимооценках персонажей. Так, Ферджи, весьма критически относящаяся к итальянцам, еще хуже отзывается об американцах:

«- Американцы еще хуже итальянцев....

Я говорю о его итальянском коварстве...Вы настоящая змея. Змея в итальянском мундире и плаще. Вы гнусный коварный американский итальянец».

С другой стороны, несмотря на прекрасные отношения с англичанами, Фредерик Генри прямо заявляет: *«Все равно, этим гадам англичанам доверять нельзя».*

Различие английской и американской ментальности иногда требует некоторых уточнений. Так, например, в Англии не принято охотиться на жаворонков, поэтому, отдавая дань изобретательности итальянцев, использующих зеркало для привлечения жаворонков, Кэтрин с надеждой спрашивает Фредерика: *«– У вас, в Америке, жаворонков не стреляют, милый, правда?».*

Помимо ментальности различаются и законодательные системы. Кэтрин приводит в восторг пункт, вычитанный в нью-йоркском «Уорлд алманак»: *«Видишь ли, милый, если я выйду за тебя, я стану американкой, а по американским законам, когда б мы ни поженились, – ребенок считается законным».*

Поликультурный текст включает в себя фрагменты национально-культурной информации, восходящие к разным источникам, поэтому переводчикам приходится учитывать неоднозначность оценок, связанных с этноспецифическими реалиями.

Таковой является, например, итальянская манера отдавать честь, которая, по мнению автора, «не рассчитана на экспорт». Специфичной является манера итальянцев при отборе

берсальеров измерять им плечи. В итальянской армии существовала примета, согласно которой «нужно дотронуться до звездочек, когда кто-нибудь говорит о смерти на войне».

Интересен перевод реалии «safety pin», который Евгения Калашникова переводит как «английская булавка». Несмотря на то, что сами англичане не претендуют на приоритет, Вахтанг Челидзе тоже связывает название этой реалии с Англией. Восхищаясь Швейцарией как свободной страной, «где ничто не имеет значения», Кэтрин удивляется, увидев мужчину в золотых сережках. Суть этого явления объяснил Фредерик, имевший опыт общения со швейцарцами:

««– Это охотник на горных козлов», – сказал я. – Они носят серьги, потому что это будто бы обостряет слух».

Подчеркивая лингвоперсонологическую специфику персонажей, Э. Хемингуэй вводит иноязычные фразы без пояснения в тексте, что придает ситуации естественность и динамизм. Следуя этому примеру, и переводчики оставляют их в авторском варианте, поясняя фразы в примечаниях.

«A basso gli ufficiali! Viva la Pace! Andiamo a casa! Brigata di Pace! – Zona di Guerra, in Borghese».

«Vive la France, coup de main, Ca va L'heure du cocktail».

Таким образом, художественное пространство поликультурного текста Э. Хемингуэя содержит богатый эмпирический материал для этнокультурных обобщений. В условиях кровопролитной войны его герои демонстрирует высокий гуманизм и истинную толерантность даже по отношению к врагам: «Я желал им всяческой удачи. Среди них были и добрые, и храбрые, и выдержанные, и разумные, и они заслуживали удачи».

Э. Хемингуэй прекрасно понимал, что, в отличие от англичан, американцам были непонятны многие явления европейской жизни, поэтому он выступил в роли своеобразного переводчика, культурного медиатора, адаптировавшего европейские реалии с расчетом на американского читателя. В свою очередь, переводчики Е.Калашникова и В.Челидзе диссонанс англо-американского культурного пространства транскодировали с учетом ментальности принимающих культур.

Список литературы:

Хемингуэй Э. Прощай, оружие. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. IV. М., 1981.

Зиновьева Т.И.
Московский городской педагогический университет
г. Москва (Россия)

Zinoviev Tatiana
Moscow city pedagogical University
Moscow (Russia)

СТАНОВЛЕНИЕ ИНТОНАЦИОННОГО СТИЛЯ ПЕДАГОГА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

FORMATION OF THE INTONATIONAL STYLE OF THE TEACHER IN THE TRAINING OF SPECIALISTS IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

В статье представлен анализ проблемы профессиональной готовности педагога современной поликультурной школы мегаполиса к осуществлению процесса межкультурной коммуникации. Представлены результаты исследования состава поликультурной школы, охарактеризован уровень знаний и умений учителя в области межкультурной коммуникации, указаны наиболее проблемные аспекты в соответствующей деятельности учителя. Автор предлагает собственное решение проблемы формирования коммуникативно-методической компетентности будущих учителей в области интонации на основе взаимосвязанного внедрения в образовательный процесс двух взаимосвязанных учебных стратегий – классической образовательной стратегии и стратегии учебной автономии. Особое внимание уделяется вопросам овладения будущими учителями категорией «интонационные стили» и соответствующими умениями.

The article presents an analysis of the problem of professional readiness of a teacher of a modern multicultural school of the metropolis to implement the process of intercultural communication. The results of the study of the composition of a multicultural school, characterized by the level of knowledge and skills of teachers in the field of intercultural communication, the most problematic aspects in the relevant activities of the teacher. The author offers her own solution to the problem of formation of communicative and methodological competence of future teachers in the field of intonation on the basis of the interrelated implementation in the educational process of two interrelated learning strategies – the classical educational strategy and the strategy of educational autonomy. Special attention is paid to the issues of mastering by future teachers the category of "intonation styles" and relevant skills.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, поликультурная школа, профессиональная готовность педагога, коммуникативная компетентность, интонационная культура, интонационный стиль, классическая образовательная стратегия, стратегия учебной автономии.

Keywords: intercultural communication, multicultural school, teacher's professional readiness, communicative competence, intonation culture, intonation style, classical educational strategy, strategy of educational autonomy.

Сегодня в центре внимания представителей разных научных областей (социологии, политологии, психологии, социальной педагогики и др.) оказываются процессы глобализации – процессы трансформации мирового социума, характеризующейся тотальностью изменений в разных сферах существования человечества, процессы роста значимости взаимосвязи социальных событий, происходящих в самых разных странах мира.

Так, в странах, переживающих в настоящее время период ускоренного развития технологий и сопутствующих, меняющих социум, изменений, ученые (К.А. Баранников,

С.И. Богданов, А.М. Кондаков, И.М. Реморенко, И.Д. Фрумин и др.) констатируют глобальные, связанные между собой процессы; в их числе: цифровизация всех сфер жизни, автоматизация, нарастание интенсивности миграционных процессов, трансформация рынка труда, возникновение транснациональных корпораций, расширение сферы туризма, увеличение количества межэтнических браков, усыновление детей из других стран. В статусе метапроцесса предстает процесс ускорения темпа многообразных непредсказуемых изменений, что определяет неопределенность будущего [Зиновьева, 2019].

Совокупность названных изменений определяет весьма существенную активизацию процессов межкультурной коммуникации, которая трактуется (М.О. Гузиковой, В.Д. Попковым, А.П. Садохиным, П.Ю. Фофановой и др.) как обмен информацией, осуществляемый носителями разных языков, представителями различных культур, что значительным образом влияет на особенности протекания коммуникации [Садохин, 2005].

Межкультурная коммуникация представляет собой междисциплинарную область исследований, связанную с теорией коммуникации, лингвистикой, антропологией, педагогикой, лингводидактикой и др. Важнейшей проблемой исследований в названных научных областях является проблема терминологии, поскольку в научных источниках, в средствах массовой информации имеет место весьма значительное многообразие используемых терминов («поликультурность», «мультикультурность», «многокультурность», «плюрикультурность», «межкультурность», «интеркультурность», «кросскультурность» и др.). «Такое разнообразие неизбежно приводит к смешению терминов, их взаимозаменяемости, которая не всегда адекватна, поскольку, при явных сходствах данные понятия имеют различия в значениях, в ситуациях использования» [Богданова, 2019]. В рамках статьи мы избираем термины «межкультурность», «межкультурная коммуникация».

Процессы межкультурной коммуникации в современной России в большей степени свойственны столичному региону в целом, московской системе образования – в частности, имеющих поликультурный характер. Задача изучения поликультурного состава столичной школы решалась в процессе выполнения (Ж.В. Афанасьевой, Т.И. Зиновьевой) специального исследования, результаты которого нашли освещение в ряде публикаций [Зиновьева, 2015].

Выявлено, что почти во всех московских образовательных учреждениях учатся дети мигрантов (ученики-инофоны, для которых русский язык не является родным), их количество составляет около 15% от общего количества московских школьников. В третьей части столичных школ есть классы, где дети мигрантов составляют 25% от общего

количества учеников класса. Среди детей мигрантов – представители 29 различных родных языков, культур; наиболее частотные родные языки детей-инофонов (в порядке убывания): азербайджанский, киргизский, таджикский, армянский, узбекский, дагестанские языки, грузинский и др. Таким образом, «поликультурная среда современной московской начальной школы имеет «мозаичный» характер, «составлена» языками и культурами разных этносов, что создает значительные трудности и в преподавании русского языка учителем, и в усвоении его учащимися» [Зиновьева, 2015].

Изучение вопроса об имеющихся у детей-инофонов сложностях в овладении русским языком как основным средством межкультурной коммуникации, в социокультурной адаптации, в интеграции в социум позволило выявить наличие таких (при этом существенных) трудностей у 98% учащихся-инофонов. Совершенно очевидно, что решение проблемы преодоления этих трудностей невозможно без проведения специальной работы.

Углубленное изучение полученных данных показало концентрирование в одном классе детей-инофонов, имеющих трудности и в освоении языка, и в социокультурной адаптации, а также рассредоточенность по разным классам детей мигрантов, не имеющих трудностей в освоении языка и в социокультурной адаптации. Таким образом, проблемные ученики-инофоны составляют в классе группу, а успевающий ученик-инофон является в классе единичным представителем своей родной культуры, своего родного языка [Зиновьева, 2015]. Мы считаем, что такое положение усложняет для группы «слабых» учеников ситуацию с овладением русским языком, с освоением ими особенностей межкультурной коммуникации.

Выявилась тенденция значительного (в четыре раза!) сокращения количества детей мигрантов на основной ступени образования. Это объясняет тот факт, что в средней школе проблемы межкультурной коммуникации возникают значительно реже, они малочисленны; в начальной же школе проблемы межкультурной коммуникации стоят остро [Зиновьева, 2015].

Общение с педагогами поликультурных классов позволило выявить их «особое мнение» относительно продуктивности индивидуальной деятельности с детьми мигрантов. Учителя утверждают следующее: что большая часть учеников-инофонов, перейдя на среднюю ступень обучения, как правило, вслед за родителями уезжают на родину; ученический контингент подвижен, постоянно меняется, так как одни дети-инофоны (часто успешно адаптировавшиеся в русскоговорящей среде) уезжают, на их место приходят другие ученики-инофоны, требующие самого серьезного внимания по причине подчас

полного незнания русского языка, проблем в общении с незнакомыми людьми, в социальной адаптации. Нарастающая в обществе интенсивность миграционных процессов, в которые вовлечены и дети мигрантов, негативно сказывается на изменении коммуникативно-речевой среды класса, придает ей черту не только нестабильности, но и непредсказуемости. Это порождает барьеры межкультурной коммуникации участников образовательного процесса [Зиновьева, 2015].

Учителя поликультурных классов, опираясь на собственный опыт общения с родителями детей-инофонов, отмечают, что взрослые работающие мигранты стремятся выучить русский язык страны проживания, понимают его роль в возможности работать, обеспечивать жизнь семьи. Однако в адрес родителей школьников-инофонов педагогами высказывается и негативная оценка, поскольку те «не помогают своим детям в овладении русским языком» как средством межкультурной коммуникации, как языком страны проживания (в семьях детей мигрантов говорят исключительно на родном языке, в школе же эти дети должны говорить только на русском языке). Мы выяснили, что сами педагоги не стремятся вовлекать в учебно-воспитательный процесс родственников детей-инофонов, отмечая: «Нет ни времени, ни специальных пособий» [Зиновьева, 2015]. Дополнительной причиной является отсутствие компетентности в области межкультурной коммуникации.

Сказанное позволяет констатировать: уровень компетентности современных педагогов в области межкультурной коммуникации невысок, они не обнаруживают готовность стать лидерами-фасилитаторами в процессе межкультурной коммуникации с родителями детей-инофонов, не готовы обеспечивать в поликультурном классе гармоничную речевую среду.

Наблюдение процесса общения педагогов с родителями учеников-инофонов (а они практически ежедневно приходят за детьми после уроков) позволило выявить наиболее проблемные аспекты межкультурной коммуникации педагога. Во-первых, педагоги, как правило, избирают тактику «ухода от контактов», что объясняют таким образом: «Родители детей-инофонов не знают русский язык, поэтому они сами не вступают в общение, только здороваются». Во-вторых, педагогам свойственно недооценивание невербального компонента общения (мимики, жестов, позы и др.), интонационного оформления высказывания. Очевидна необходимость обеспечения подготовки педагогов к работе в области межкультурной коммуникации уже в процессе получения ими профессионального образования. Представим наше видение реализации этой идеи на примере овладения студентами интонационной культурой как компонентом коммуникативной компетентности.

В основе компетентности педагога в области межкультурной коммуникации лежит ценностный компонент, что предполагает формирование ценностного сознания личности педагога – носителя идеальных образцов и ориентиров профессиональной деятельности. Вслед за А.Д. Дейкиной, мы считаем, что научение ценностям и смыслам в современном образовании предстает как весьма значимая тенденция, перспектива обучения культуре русской речи, эффективному общению [Дейкина, 2018]. В нормативных документах школьного образования ценностный его (образования) компонент предстает в статусе ведущего принципа организации учебного процесса, проектирования программ развития личности – принципа ориентации на идеал как «высшую цель стремлений, деятельности воспитания и самовоспитания личности» [Примерная образовательная программа, 2010, с. 13].

Рассмотрение вопросов подготовки педагогов к осуществлению межкультурной коммуникации принцип ориентации на идеал целесообразно трактовать как принцип ориентации на риторический идеал, который в трудах А.К. Михальской предстает как общий образец речевого поведения, в основных своих чертах соответствующий сложившимся исторически в данной культуре представлениям о прекрасном [Михальская, 2002].

Предназначение учителя, состоящее в предъявлении школьникам поликультурного класса образцов коммуникации, идеала речевого поведения, будущий педагог должен осознать уже «на студенческой скамье». В основе готовности педагога к реализации этой миссии лежит его коммуникативная компетентность – «способность успешно решать средствами языка актуальные задачи педагогического общения» [Зиновьева, 2010, с. 50].

Вслед за Н.А. Ипполитовой, мы считаем, что овладение будущими учителями коммуникативной компетенцией предусматривает: осознание законов эффективной коммуникации, рекомендаций относительно поведения собеседников в различных условиях общения; овладение умениями, обеспечивающими речевую коммуникацию в учебном процессе; постижение своеобразия педагогической коммуникации, особенностей ситуаций общения, свойственных профессиональной деятельности педагога; получение опыта осмысления и продуцирования педагогических высказываний; развитие активной речевой позиции личности, способной реализовать избранные стратегии коммуникативно-речевого поведения; постижение сущности риторического идеала как модели педагогической коммуникации [Педагогическая риторика, 2001].

Обратимся к интонационному аспекту коммуникативной компетентности педагога.

Исследование показало: учителя осознают важность, значимость интонационной стороны речи, однако весьма поверхностно представляют себе сущность этого лингвистического явления; внимание обучающихся поликультурного класса к интонационной стороне звучащей речи привлекается редко, без определенной системы; интонационное оформление звучащей речи учителей, не имеющих опыта профессиональной деятельности, нередко не соответствует норме (сила звучания повышена, темп убыстрен, интонационное членение речи нарушено, ритм неровный и пр.), ситуации общения. Начинающие учителя не осознают интонационное оформление своей речи как средство реализации в учебном процессе, в межкультурной коммуникации принципа ориентации на риторический идеал.

Каковы же стратегии овладения будущими педагогами интонационной культурой как компонентом коммуникативной компетентности? Мы считаем, что уже в период получения профессионального образования необходимо реализовать идею овладения будущими педагогами интонационной культурой на основе двух равноценно значимых образовательных стратегий – классической образовательной стратегии и стратегии учебной автономии.

Реализация классической образовательной стратегии в отношении формирования интонационной культуры педагога возможна в рамках дисциплин коммуникативно-речевой направленности. Соответствующий образовательный ресурс есть в рамках дисциплин (и курсов по выбору) различных основных образовательных программ (ООП) бакалавриата и магистратуры направления «Педагогическое образование». В рамках подготовки педагога начального образования в числе таких дисциплин: «Педагогическая риторика», «Речевая деятельность педагога», «Речевая деятельность в системах управления», «Педагогические основы коммуникации», «Основы теории коммуникации», «Основы педагогического общения» и др. Учет того факта, что в учебных планах ООП представлены лишь одна – две дисциплины из перечня, позволяет констатировать недостаточность этого ресурса.

Осуществить профессиональную подготовку в области интонации помогает самостоятельный курс по выбору. Структура типового занятия в рамках этого курса предполагает наличие следующих компонентов: анализ студентами собственных представлений из области интонологии, собственных интонационных умений; приобретение необходимых сведений из теории интонации; выстраивание индивидуальной программы коррекции интонационных представлений и умений; рассмотрение методических проблем интонационной работы; «применение знаний и умений в ходе деловой игры, что позволяет преодолеть абстрактность изучаемого материала, дает

возможность приблизить обучение к жизни» [Зиновьева, 2000, с. 52]. В процессе изучения курса будущие педагоги осознают ценность интонационной культуры для решения задачи предъявления эталонов устной коммуникации, реализации в учебном процессе принципа ориентации на риторический идеал.

Студенты постигают значение интонационного оформления речи в межкультурной коммуникации. Социальное значение состоит в том, что интонационное оформление обеспечивает эффективность общения, способствует лучшей передаче мыслей и чувств. Эстетическая ценность интонационной стороны речи является показателем речевой культуры человека, его общего культурного уровня. Высокий уровень интонационных умений учителя и учеников положительно сказывается на овладении обучающимися синтаксисом, пунктуацией, навыком выразительного чтения, культурой коммуникации.

Особое внимание уделяется интонационным стилям, поскольку стоящие перед учителем задачи решаются им с помощью определенных жанров педагогической речи (объяснительной речи, оценочного высказывания, инструкции и др.), которые требуют конкретного интонационного оформления, выбора интонационного стиля.

Интонационные стили педагогической речи соответствуют функциональным вербальным стилям (информационному, научному, публицистическому, художественному, разговорному), их выбор зависит от ситуации общения, от коммуникативного намерения говорящего, его отношения к предмету речи, от эмоционального состояния говорящего.

Мы согласны с мнением О.В. Филипповой, по мнению которой, знание учителем специфики интонационных стилей обеспечивает их уместное использование. В качестве стилеобразующих единиц, различающих интонационные стили, выступают интономы. Так, в информационном интонационном стиле используются интеллектуальные стилеобразующие интономы; в научно-учебном интонационном стиле для побуждения к мысли, для разъяснения востребованы не только интеллектуальные, но и валюнтативные интономы; публицистическому интонационному стилю (для воздействовать) свойственны эмотивные интономы; художественному интонационному стилю свойственны изобразительные интономы; разговорному стилю характерен разговорный тон [Филиппова, 2017].

В рамках курса по интонации студенты практически овладевают интонационными стилями, учатся осознанно выбирать интонационный стиль произнесения собственных высказываний в разных ситуациях образовательного процесса. Ведущее место в этом ряду занимает учебно-научный интонационный стиль, адаптированный с учетом возраста детей, поликультурного состава обучающихся. Во время объяснения учителю начальных классов

приходится решать разные задачи: передавать информацию, привлекать и удерживать внимание учащихся к этой информации. Очевидно, что на интеллектуальные интоналы объяснительного текста накладываются валентативные интоналы, обеспечивающие воздействие на слушателя. Такая комбинация интоналом проявляется в произнесении фраз в диапазонной полосе выше средней, в повышающейся мелодике конечных синтагм предложений, в замедленном темпе речи, в послоговом проговаривании, в усилении звучания важных компонентов высказывания [Филиппова, 2017].

В речевой деятельности педагога используются и элементы информационного интонационного стиля, например, при сообщении о родительском собрании, и элементы публицистического интонационного стиля, например, в ходе организации уборки класса, и разговорный интонационный стиль, например, в неофициальной беседе с учеником и др.

Осознание будущим учителем собственного интонационного стиля как фактора совершенствования звуковой стороны речи обучающихся позволит существенно повысить развивающий потенциал речевой среды и, следовательно, обеспечит более эффективное развитие интонационных умений младших школьников.

Приобретенные студентами в рамках курса по интонации знания, умения, убеждения требуют развития, что возможно при условии внедрения стратегии автономной учебной деятельности студентов. Вслед за А.А. Коровникова, понятие «учебная автономия» мы трактуем с позиций сотрудничества преподавателя и обучающихся, в рамках которого преподаватель предстает в статусе тьютора, фасилитатора, заботливого наставника студента в его самостоятельной деятельности. Обучающийся сам инициирует собственную учебную деятельность, несет ответственность за ее проектирование и организацию, за выбор индивидуальной траектории достижения запланированных результатов. Автономную личность обучающегося характеризуют способность к самоконтролю, к независимости суждений, к критической оценке собственных учебных действий [Коровников, 2016]. В режиме такой автономной учебной деятельности осуществляется совершенствование интонационных умений будущих педагогов, достижение уровня интонационной культуры.

Таким образом, внедрение в процесс подготовки будущего учителя курса, ориентированного на становление и совершенствование интонационной культуры педагога, позволяет заметно повысить уровень его коммуникативной компетенции. Условием успешного овладения студентами-педагогами интонационной культурой в процессе профессиональной подготовки является построение образовательного процесса на основе двух стратегий – классической образовательной стратегии и стратегии учебной автономии.

Список литературы:

- Богданова А.В.* Проблемы формирования у обучающихся навыков и компетенций XXI века: мультикультурность и мультиязычность // Начальное филологическое образование и подготовка учителя в контексте проблемы формирования у обучающихся навыков и компетенций XXI века: Материалы Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, студентов (28 февраля 2019 года) / Сост. и отв. ред.: Т.И. Зиновьева. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. С. 270–275.
- Дейкина А.Д.* Формирование языковой личности с ценностным взглядом на русский язык: методологические проблемы преподавания русского языка. М. Оренбург: Агентство «Пресса», 2009. 308 с.
- Зиновьева Т.И.* Навыки и компетенции XXI века в научном описании // Известия ИППО. 2019. №1; URL: <http://izvestia-ippo.ru/zinoveva-t-i-navyki-i-kompetencii-khkhhi> (дата обращения: 30.01.2019).
- Зиновьева Т.И.* Работа над интонацией в период обучения грамоте: монография. М.: Экон-Информ, 2014. 143 с.
- Зиновьева Т.И.* Формирование профессиональной компетенции учителя начальных классов в области языкового образования // Начальная школа. 2010. №3. С. 48–52.
- Зиновьева Т.И.* Формирование профессиональных умений учителя начальных классов. Курс по интонации // Начальная школа. 2000. №3. С. 51–54.
- Зиновьева Т.И., Афанасьева, Ж.В.* Исследование поликультурного состава современной начальной школы города Москвы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. М.; МГПУ. 2015. №1. С. 65–70.
- Коровников А.А.* Сущность понятия «учебная автономия» и обучение стратегиям автономной учебной деятельности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 761–765.
- Михальская А.К.* Основы риторики: учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2002. 496 с.
- Педагогическая риторика / Под ред. Н.А. Ипполитовой. – М., 2001. – 386 с.
- Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа. М.: Просвещение, 2010. 124 с.
- Садыхин А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высш. шк., 2005. 310 с.
- Филиппова О.В.* Профессиональная речь учителя. Интонация: учебное пособие. М.: Флинта, 2017. 189 с.

Ковалевич Е.П.

Томашева И.В.

АГПУ (Армавирский государственный педагогический университет)
г. Армавир (Россия)

Kovalevich Elena

Tomasheva Irina

Armavir State Pedagogical University
Armavir (Russia)

РУССКИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ПЕРЕВОДАХ СКАЗОК А.С.ПУШКИНА НА АНГЛИЙСКИЙ И ИСПАНСКИЙ ЯЗЫКИ

RUSSIAN LINGVOCULTURAL CODES IN TRANSLATIONS OF FAIRY TALES BY A.S. PUSHKIN INTO ENGLISH AND SPANISH

В статье описывается понятие лингвокультурного кода с точки зрения смежных наук: семиотики, лингвокультурологии, когнитологии и лингвистики. Анализируются мифологический, нумерологический и морально-этический лингвокультурные коды в сказках А.С. Пушкина. Рассматриваются варианты перевода названного явления на английский и испанский языки.

In article, the concept of linguocultural code in terms of such interdisciplinary sciences as semiotics, linguistics, cultural linguistics and cognitive science is described. Mythological, numerological and moral and ethical linguocultural codes in the fairy tales by A.S. Pushkin are analyzed. Variants of translation of the phenomenon into English and Spanish languages are considered.

Ключевые слова: лингвокультурный код, мифологический код, нумерологическая символика, морально-этический лингвокультурный код, переводы сказок.

Keywords: linguocultural code, mythological code, numerological symbolics, moral and ethical linguocultural code, translations of fairy tales.

*Я бы хотел обратиться
ко всем носителям русского языка:
гордитесь вашим великолепным языком,
гордитесь самым важным практиком этого языка – Пушкиным.
Энтони Бриггс*

В рамках лингвистической науки тождественность личности с народом, нацией устанавливается посредством осознания личностью особенностей национальной языковой картины мира, а также посредством овладения личностью тем культурным наследием, которое заложено в структурах национального языка, отражающего и формирующего национальную культуру [Дормидонтова, 2009]. Интерес к скрытым национально и культурно обусловленным смыслам обусловил появление понятия кода культуры.

Существуют разные способы лингвистической репрезентации ценностей культуры через языковые коды, которые, наряду с концептами и культурными ценностями структурируют языковые картины мира, возникающие в процессе категоризации и концептуализации действительности.

В лингвистику понятие кода пришло из семиотики, в контексте которой оно может быть сведено к закону соответствия плана содержания плану выражения. Читатель расшифровывает информационное содержание знака, которое задаётся кодом, основываясь на правилах прочтения, формируемых культурным хронотопом и своей культурной компетенцией.

Любая система культурных кодов обусловлена способностью человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них общие признаки. По мнению специалистов, в сфере когнитологии, культура представляется как пространство культурных кодов, которое осознается людьми не через систему координат, а через отношения, существующие между объектами в пространстве. Если использовать концептуальную метафору «контейнер», предложенную в своё время Дж. Лакоффом и М. Джонсоном для иллюстрации структурирования человеческого опыта, код предстаёт как глубинное культурное пространство, «контейнер», в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код [цит. по Маслова, с. 80].

Коды культуры задают картину мира и занимают центральное место в национальном культурном пространстве, являясь его структурообразующими элементами, в связи с чем выделяют природный (стихийный и вещественный), растительный (вегетативный, фитоморфный), зооморфный (анимальный, териоморфный), перцептивный, соматический, антропоморфный, предметный, пищевой, метеорологический, химический, цветовой, пространственный, временной, духовный, теоморфный (божественный), галантерейный, игровой, математический, медицинский, музыкальный, этнографический, экологический, экономический. Растительный, зооморфный и антропоморфный коды иногда объединяют под общим названием биоморфного (натуралистического) кода [Колесов, Пименова 2011, с. 102]. В пространстве культуры коды кумулируют и транслируют устойчивые системы ценностей и поведения.

Если рассматривать культуру с точки зрения семиологии, она предстаёт как многокодовая знаковая система. Наряду с вербальным языком в неё входят невербальные коды, имеющие образный характер. Образный код – это система входящих в этнокультуру, тематически однородных, устоявшихся в коммуникативной практике образов символического характера. Роль образного кода способна исполнять любая чувственно воспринимаемая область реальности: ландшафт, небесные тела, природные явления, растения и животные, тело человека, хозяйственная утварь, орудия труда, пища, жилище, одежда и др. Однако, роль каждого кода в определённой культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обусловлены

конкретной культурой. Такowymi, например, в русской культуре являются символы моря /океана (синее море, Окиян), дерева (дуб зеленый), некоторых птиц (царевна-лебедь, золотой петушок), рыб (золотая рыбка), традиционного угощения на пиру (мед, пиво), мифологические персонажи (Баба Яга, Кашей, Черномор).

Язык предстает как специфический признак этноса, как один из элементов, организующих его. Эта организующая способность языка во многом проявляется в особой этноязыковой семантике. Она касается объёма национально-культурной информации, всех тех знаний о мире, которые этнос приобрел и зарегистрировал в значениях языковых единиц. Вербальный код служит средством словесного выражения этой национально-культурной информации. По мнению ряда учёных (В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, В.В. Воробьев, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.М. Шаклеин), культура как поликодовый феномен «пронизана» культурными кодами, которые обладают способностью перевоплощаться, принимая вербальное выражение в форме лингвокультурных кодов, транслирующих культурно значимую информацию [Ефименко 2012, с.189].

Каждый носитель лингвокультуры усваивает культурные коды наряду с родным языком, в частности, через произведения фольклора и поэзию. Лингвокультурные коды – это многочисленные, пересекающиеся, пронизывающие текст, порой трудноуловимые, но реально существующие, выраженные языковыми средствами темы, мотивы, которые обладают символическим инобытием и стремятся стать всеобщими языками, то есть отобразить универсум сквозь призму какой-нибудь одной темы [Савицкий, 2016].

В том числе и А.С. Пушкин указывал на традицию сказителей, хранимой его няней, Ариной Родионовной. Из села Михайловского он пишет брату: «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания» [Ганина].

Литературная традиция, созданная Александром Сергеевичем Пушкиным, имеет мировое значение. Велико количество переводов произведений А.С. Пушкина, велик интерес к нему во всем мире, и это делает его поэтом мирового уровня.

Первое упоминание имени А.С. Пушкина в британской периодической печати относится к 1824 г., когда в январском номере журнала *Westminster Review* появилась статья под названием *Politics and Literature of Russia*, в которой отмечались оригинальность и изящество поэм «Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник». В 1828 году в альманахе *The Foreign Review and Contemporary Miscellany* был опубликован перевод обзора редактора Санкт-Петербургского еженедельника «Сын Отечества» Н. Греча *A Sketch of Russian Literature*, а уже к началу следующего десятилетия А.С. Пушкин в Англии воспринимался как ведущий русский поэт.

В Америке первым переводчиком А.С. Пушкина стал Уильям Льюис, который прибыл в Санкт-Петербург в 1814 г. поддержать предприятие своего брата, основавшего в российской столице крупный торговый дом, а в 1817 г., после конфликта с американским консульским агентом, Льюис покинул Россию, и в 1849 г. опубликовал в Филадельфии сборник своих переводов русских поэтов *The Bakchesarian Fountain by Alexander Pooshkeen, and Other Poems, by Various Authors*, который он посвятил «...памяти друзей самой гостеприимной страны моей молодости» [Newsland].

А.С. Пушкина продолжают переводить в англоязычных странах. Так, 90-летняя жительница Лондона Мэри Хобсон – специалист по русской литературе XIX века, лауреат многочисленных переводческих премий, как в Британии, так и в России [BBC]. На её счету переводы «Евгения Онегина», «Повестей Белкина», «Руслана и Людмилы», причём автор намерена, несмотря на возраст, довести до конца перевод полного собрания сочинений Пушкина. М. Хобсон продолжает заниматься новыми проектами, в частности, она переводит на английский сказки А.С. Пушкина [Википедия].

Первый перевод произведений А.С. Пушкина на испанский язык относится к 1847 г. Именно тогда в Валенсии была опубликована повесть «Метель» – перевод с французского издания, вышедшего в 1843 г. С этого момента и до конца XIX века А.С. Пушкин оставался самым переводимым и публикуемым русским автором. В основном его произведения появлялись в периодической печати, например, в журналах *El Fenix, La Revista Hispanoamericana, El Museo Universal, El Diario de Barcelona, La Revista Europea, La Revista Contemporanea* и др. Во второй половине XIX века в Испании были опубликованы «Повести Белкина» и «Капитанская дочка», «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Русалка». Все переводы были сделаны с французского языка, причем поэтические произведения переданы прозой или просто пересказаны [Волховская].

Об испанском интересе к А.С. Пушкину свидетельствуют и другие факты. Русская поэзия заинтересовала Р. де Кампоамора, и он просил Х. Валеру рассказать ему о Пушкине и Лермонтове. Имя А.С. Пушкина фигурирует в программном стихотворении другого испанского поэта, М. Рейны, написанном в 1884 г., где М. Рейна приводит длинный список своих учителей, каждый из которых кратко охарактеризован. А.С. Пушкин занимает место по хронологии между Джакомо Леопарди и Генрихом Гейне.

Независимо от опытов стихотворного перевода А.С. Пушкина испанскими поэтами и писателями, советские поэты-переводчики со своей стороны также пытались донести до испанского читателя гармонию пушкинских стихов. В личном архиве академика М.П. Алексеева хранятся стихотворные переводы на испанский язык «Сказки о царе Салтане ...»

и «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях», переданные ему самой переводчицей, Л.И. Аверьяновой, на хранение за месяц до начала Великой Отечественной войны. С другой стороны, свой вклад в научное изучение наследия русского поэта вносят и испанские ученые: Элена Видаль и Франсиско Гомес Креспо, посвятившие свои работы разнообразным вопросам, связанным с испанской темой у А.С. Пушкина. Оба исследования, взаимодополняющих друг друга значительно расширяют наши представления не только об интересе А.С. Пушкина к Испании, но и о роли русского поэта в осмыслении вклада Испании в мировую культуру.

В нашей работе мы затрагиваем проблему, связанную с возможностями переводчиков сказок А.С.Пушкина на английский и испанский языки по преобразованию смыслов разного рода русских лингвокультурных кодов.

Учёным, философам, поэтам ещё в начале XIX в. пришло осознание того, что не только христианство и светская культура, но и древнейшее мифологическое сознание определяет быт и мировоззрение каждого человека. Нельзя уйти от своих корней, ибо разрыв с ними подобен отделению реки от ее истока. «Изучение старинных песен, сказок, – утверждает А.С. Пушкин, необходимо для совершенного знания свойств русского языка» [цит. по Ганина]. В сказках у поэта мы встречаем большое количество различных лингвокультурных кодов, в частности, мифологических. Так, в прологе к поэме «Руслан и Людмила» появляются Баба Яга и царь Кашей:

Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой,
Там царь Кашей над золотом чахнет ....

Имя «Кашей /Кощей» произошло от названия «кощуны», или древние священные книги в виде деревянных перевязанных табличек. Хранителя этого бессмертного наследства и называли «кощеем» ... Его книги передавались из поколения в поколение. Бессмертие сказочного персонажа, возможно, объясняется тем, что «кощун» передавался из поколения в поколение и, по идее, должен был стать вечным. А в страшного злодея, колдуна, жестокого и могущественного, Кощей превратился сравнительно недавно – с введением христианства, когда возникло и слово «кощунство», то есть следование древним, нехристианским обычаям.

Баба-Яга также представляется противоречивым персонажем: именно к ней приходят в трудную минуту все Иваны-царевичи и Иваны-дураки. А она их кормит-поит, баньку им топит и спать на печь отводит, чтобы поутру указать нужный путь, одним словом, помогает решить сложные проблемы с помощью волшебного клубка, что сам приводит к нужной

цели. Существует мнение, что когда-то у Бабы Яги было другое имя и другие функции, и выглядела она намного привлекательнее. Образ красивой молодой Богини подменили образом старой, злой и горбатой старухи со спутанными волосами, которая крадет детей, жарит их в печи в лесной избе, а потом поедает их.

Тем не менее, у некоторых авторов образы Кощея и Бабы Яги являются наиболее правдивыми, относительно свободными от искажений. Таковы знаменитые сказки няни А.С. Пушкина – Арины Родионовны, записанные поэтом почти дословно.

Переводчики сказок Пушкина на английский используют лексему *witch* для передачи культурных смыслов, заключённых в образе бабы Яги, хотя встречается и транскрибированный вариант: *in a mortar, ... The wicked Baba-Yaga / A mortar, with a witch in it / a mortar in a witch's form ...*

В словарях слово *witch* поясняется как: a woman in stories who has magic powers [MD];

one that is credited with usually malignant supernatural powers especially: a woman practicing usually black witchcraft often with the aid of a devil or familiar [MW];

a woman thought to have magic powers, especially evil ones, popularly depicted as wearing a black cloak and pointed hat and flying on a broomstick [Google Dictionary],

откуда становится ясно, что значение данного слова совершенно исключает такие смысловые составляющие русского лингвокультурного кода «Баба Яга», как старуха-волшебница русских народных сказок, которая, с одной стороны, поджидает детей, чтобы изжарить их в печи, с другой – помогает добрым молодцам и заплутавшим путникам. Более того, не все переводчики обращают внимание на способ передвижения героини: она не летает на метле, как ведьмы, а ездит: у А.С. Пушкина, например, ступа «идёт-бредёт» – *moves to and fro, Walks as if having somewhat feet*, что подтверждается, в частности, одним из значений слова «ступа» в русском языке: тихая, неторопливая походка, поступь [ТСЕ].

Что касается имени другого персонажа – Кощея /Кощея – оно, как правило, произвольно транскрибируется, а титул «царь» либо опускается, либо заменяется аналоговым (king), либо транскрибируется:

царь Кошей над златом **чахнет** – *pinos Koshchei and lusts for gold / There's King Kashchey, o'er his gold withered / frail Tsar Kashchéy wilts by his gold...*

Отрицательный персонаж русского фольклора представляется как очень худой человек или вовсе скелет, чародей, колдун, хозяин подземного царства или Кошеева царства, мира мёртвых [КапиЧе]. Семантика переводческого варианта «король», или его транскрипции *Koshchei / Kashchey*, который «тоскует и жаждет золота» одновременно,

«вянет над золотом», «слабеет у золота», не содержит той национально-культурной информации, указывающей на принадлежность Кошечки к «иному» миру, и на его главную особенность – существование его смерти (души, силы) отдельно от него самого. Тот факт, что она находится в яйце, спрятанном в определённом месте, которое в мифопоэтических представлениях осмысливается как потустороннее пространство, принадлежащее к «иным» мирам — верхнему или нижнему, оказывается совершенно недоступен иноязычному читателю. Значение устаревшего слова «чахнуть» включает такие семы, как: «сохнуть, вянуть, блекнуть; хилеть, хиреть, дряхлеть, худеть и слабеть» [ТСД].

В переводе на испанский язык Баба Яга – la bruja Yaga со словарным значением: en los cuentos infantiles o relatos folclóricos, mujer fea y malvada, que tiene poderes mágicos y que, generalmente, puede volar montada en una escoba [DLE], где сохраняется информация, связанная с существующим русским лингвокультурным кодом – «сказочный мифологический персонаж, некрасивая, злая, обладающая магическими силами», но при этом не старуха и летает на метле, в отличие от русской ступы. По аналогии Кощей – el Brujo-Inmortal это «hechicero supuestamente dotado de poderes mágicos en determinadas culturas» [DLE], колдун, обладающий магией в некоторых культурах. При этом переводчик использует фольклорную составляющую имени персонажа «Бессмертный», хотя в оригинале именной эпитет отсутствует:

Allí camina por sí sólo un mortero junto a la bruja Yaga.

Allí el zar de los brujos, el Brujo-Inmortal, tiembla por su oro... (*Traducción de Alexis Marcoff*).

Следует подчеркнуть важность магических чисел в произведениях народного творчества, которые в сказках А.С. Пушкина репрезентируют нумерологический лингвокультурный код в различных вариациях. Самым распространенным числительным в сказках Пушкина является число три, которое появляется в самом зачине:

Три девицы под окном пряли поздно вечерком («Сказка о царе Салтане ...»).

Three fair maidens, late one night, sat and spun by candlelight (The Tale of Tsar Saltan ...)

Подслушавший речь девиц, царь выбирает **третью** девицу, которая обещает родить «для батюшки-царя ... богатыря».

Исследователи выявили, что самым типичным для сказочных сюжетов является число три, а точнее, трехкратное повторение. По утверждению В.Я. Проппа, именно с третьего раза в сюжете достигается отличительный эффект, что приводит к желаемому

результату в отличие от первых двух [Пропп, 2001]. Так, очутившись по сюжету на острове, Гвидон спасает от коршуна лебедя, и слышит в ответ:

Не тужи, что за меня

Есть не будешь ты **три** дня.

Grieve not that because of me Your good shaft is in the sea;

That you'll have to fast **three** morrows – This is but the least of sorrows (*Anonymous*).

Дальнейшее утروение мотивов позволяет поэту углубить идею сказки. Чтобы царевич смог попасть в царство Салтана, **три** раза лебедь превращает его в насекомое. Сначала Гвидон становится комаром, затем мухой, потом шмелём, чтобы **трижды** посетить царство своего отца и узнать сначала о чудесной белке, затем о тридцати трех богатырях, а потом и о прекрасной царевне. Таким образом, лебедь **три** раза помогает царевичу.

Техническая сторона перевода чисел не представляется сложной, но та информация, которая формирует лингвокультурный код, специфична для нации.

И очутятся на бреге,

В чешуе, как жар горя,

Тридцать три богатыря («Руслан и Людмила»);

...thirty goodly knights escorted (*Anonymous*) / And thirty knights, in armors shone (*Yevgeny Bonver*) / ... a troop of thirty champions, fine men (*Roger Clarke*) (Ruslan and Ludmila);

Allí, al rayar el alba, cuando las olas empiezan a rodar por las riberas arenosas, surgen de las límpidas aguas **treinta y tres** hermosos héroes, capitaneados por el viejo Tío del Mar...(Ruslan y Liudmila).

По мнению Ю.М. Лотмана, культурные коды представляют собой системы образов, кодифицированных в культуре [Лотман, 1998]. Р. Барт понимает их как «сгустки культурного опыта коллектива, фрагменты памяти культуры, культурные тенденции или мотивы, культурные прецеденты, приобретшие сконцентрированный, парадигматический и иконический характер, и, как следствие, ставшие знаковыми системами...» [Барт 2004, с. 284].

Интересная с точки зрения нумерологического лингвокультурного кода информация представлена в «Сказке о золотом петушке»: Негде, в **тридевятом** царстве, в **тридесятом** государстве, жил-был славный царь Дадон...

Тридевятое царство – это три раза по девять. Мы опять видим здесь тройку – мистическое число, выделяемое во всех древних культурах, где мир представлялся как

некое триединое начало: триединство идеи, энергии и материи; миров – небесного, земного и подземного, загробного.

Тем не менее, в переводах «Сказки о золотом петушке» фраза «в тридевяти царстве, в тридесятом государстве», отражающая нумерологический лингвокультурный код, связанный с цифрой три, отсутствует, хотя общий хронотоп давности лет и возможно нереальности происходящего сохраняется:

In country far, and days long gone, there lived a famous Tsar – Dadon (*Anonymous*);

Mucho tiempo ha, antes de que viviera el abuelo de tu abuelo, el ilustre Zar Dadon gobernaba su reino, defendiendole de las invasiones de sus enemigos (*Traducido por M. Marshall de Power*).

В самом начале «Сказки о рыбаке и рыбке», после двух неудачных попыток, старик забрасывает невод в третий раз и лишь тогда ловит рыбку. Кроме того, А.С. Пушкин ещё больше подчеркивает значимость тройки, увеличив срок совместной жизни героев числительным «тридцать»:

Жил старик со своею старухой у самого синего моря. Они жили в ветхой землянке ровно **тридцать** лет и **три** года... («Сказка о рыбаке и рыбке»).

For **three and thirty years** they had lived (*R. Chandler*);

Durante **treinta y tres años** el anciano se dedicó a pescar con una red y su mujer hilaba y tejía (*Anonimo*).

«Сказка о рыбаке и рыбке» раскрывает также и морально-этический поведенческий лингвокультурный код. В патриархальных сообществах мужчина является хозяином дома, что, несомненно, находит отражение в народном творчестве. Однако в «Сказке о рыбаке и рыбке», мужской персонаж не имеет власти над женским, а старуха при этом наделена такими негативными качествами, как алчность, жажда мести, злость, что контрастирует с мягкими чертами характера старика. Таким образом, в произведении есть намёк на то, что в неблагоприятной ситуации виновата именно женщина, в то время как мужчина является жертвой её действий. Более того, в сказке на первое место выходят моральные установки, то, что собственно и составляет русский характер. В соответствии с русской традицией, важно жить в гармонии с природой, проявлять великодушие, выражать сострадание, находиться на стороне добра и правосудия.

Существует версия о том, что известный учёный и лексикограф В.И. Даль сообщил Пушкину сюжет сказки о золотой рыбке. Также известно, что наибольшее сходство сказка А.С. Пушкина имеет с произведением братьев Гримм под названием «Сказка о рыбаке и его жене», записанным на основе народного творчества. Следует, однако, заметить, что в тексте

братьев Гримм отсутствует мотив корыта, потому что первое требование старухи – новый дом. По-разному именуются и рыбки: у Пушкина – золотая рыбка, у братьев Гримм – камбала, причем у Пушкина нет указания, что рыбка – это заколдованный принц. Наконец, Пушкин значительно усиливает мотив покорности мужа.

В этом произведении А.С. Пушкина развитие сюжета обусловлено стереотипностью характеров персонажей. Так, старухе присущи алчность и эгоизм: её первые два желания (корыто и изба) должны были принести выгоду обоим супругам, однако в тот же день она совершенно забывает о старике и с того момента желает повышение жизненного уровня лишь для себя. При этом, чем большими богатствами и властью она овладевает, тем больше насилия и агрессии проявляет по отношению к мужу.

Старика, в свою очередь, характеризует бескорыстность (не требует откупа с рыбки), податливость (исполняет волю старухи) и почтительность (в обращении к рыбке). В данном случае внутренние качества героев отчётливо ставят их на сторону Добра (старика) и Зла (старуху).

Мораль «Сказки о рыбаке и рыбке» заключается в том, что жадность и алчность не приводят ни к чему хорошему, и чем больше незаслуженного требует человек, тем меньше он в итоге получает. Произведение А.С. Пушкина трагично: во-первых, концовка не подразумевает победу Добра – старику никак не возмещается моральный ущерб, который он пережил на протяжении всей сказки; во-вторых, рыбка не отвечает старику при их последней встрече, исчезая в разбушевавшемся море; и в-третьих, последние строки всё же вызывают у слушателя жалость к старухе, даже несмотря на то, что в сказке она является антагонистом – в конце концов, она тоже человек, а людям в силу своей природы свойственно допускать ошибки.

Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился –
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А перед нею разбитое корыто.

В словаре русского языка, кроме самого определения корыта как «большого продолговатого открытого сосуда для стирки и для других домашних надобностей, деревянного, оцинкованного и пр.», приводится поговорка «у разбитого корыта остаться»

(разг. ирон.), которая означает буквально следующее: будучи всем недовольным и требуя лучшего, остаться ни с чем; вообще потерять все, лишиться всего» [ТСД], репрезентируя русский морально-этический поведенческий лингвокультурный код.

В переводе на испанский язык:

El pez le salpicó con la cola y no dijo nada. De repente, el anciano se encontró en su barca pescando con su vieja red. En la orilla, su anciana y amargada mujer estaba sentada frente a la casucha en la que habían vivido siempre. A sus pies, estaba el balde roto

слово *balde* имеет значения:

1. m. En las embarcaciones especialmente, cubo que se emplea para sacar y transportar agua. 2. m. Recipiente de forma y tamaño parecidos a los del cubo [DLE], что скорее является аналогом ведра, ковша, ведерка, бадьи.

В англоязычном варианте переводчик выразился точнее, предложив вариант *washtub* (a tub for washing or soaking clothes [MW]), являющийся практически эквивалентом корыта:

Not a word did the fish reply. She just slapped her tail on the water and dived deep into the blue sea. The old man waited and waited but that was all the answer he got.

He went back – to a hut made of mud. His old woman was sitting outside it;

And before her lay a broken washtub.

Таким образом, языковая форма текста *A sus pies, estaba el balde roto / And before her lay a broken washtub* представлена в форме аналога /эквивалента с интенцией автора перевода сохранить ситуативную информацию. Соответственно этический и поведенческий коды русской культуры могут быть определены читателем перевода на основе полного содержания сказки, но не лингвокультурный код морального аспекта, закрепленный в идиоме «остаться у разбитого корыта».

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что тексты сказок А.С. Пушкина представляют собой поликодовый феномен, насыщенный русскими лингвокультурными кодами, транслирующими информацию не только о фольклорно-мифологической и цифровой символике, но и морально-этических стереотипах.

Растущее количество переводов пушкинских произведений – с эпохи самого поэта до настоящего времени – свидетельствует о стремлении переводчиков передать всю лёгкость, пылкость, музыкальность стихотворений поэта, который умел писать одновременно на разных уровнях языка, играл со стилями, включая стили поэтов прошлых времен. С каждым новым переводом появляется возможность дополнить представления о русском национальном характере, репрезентируемом лингвокультурными кодами. Более

того, наличие множества переводов А.С. Пушкина – это своеобразные попытки через неисчерпаемость его языка напомнить о неисчерпаемости собственного языка.

Список литературы:

Барт Р. Империя знаков. М., 2004. 144 с

Волховская А. А.С. Пушкин и Испания // СОБЫТИЕ. ГОД РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Номер журнала:#1 2016 (50) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.tg-m.ru/articles/1-2016-50/pushkin-i-ispaniya>.

Ганина М. Коды Сказок, что они в себе таят? // Проза.ру [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2014/05/19/37>.

Дормидонтова О.С. Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах / Гуманитарные науки. Филология.// Вестник ТГУ, вып.9- Тверь, 2009. С. 201-205. СС 201.

Ефименко Т.Н. Взаимодействие лингвокультурных кодов в процессе межкультурной коммуникации /Т.Н. Ефименко. Филология и лингвистика // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки» 3 (3) 188-191. Иваново, 2012. С. 188-191.

Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие; отв. ред. М.В. Пименова; 2-е изд., испр. и доп. Кемерово: КемГУКИ, 2011. 136 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 14).

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб., 1998. С. 14-285.

Маслова В.А. Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрального и светского /В.А. Маслова // Метафизика. Российский университет дружбы народов. Москва, 2016. № 4 (22). С. 78-97.

Пропт В.Я. Морфология волшебной сказки М.: Лабиринт, 2001. 144 с.

Савицкий В.М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия / В.М. Савицкий // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2016 / № 2. С. 55-62.

Пушкин А.С. У лукоморья дуб зелёный (Руслан и Людмила). Сказки // Deti-Online.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://deti-online.com/skazki>

A Tale about a Fisherman and a Fish: introduction, translation from Rissian (translated by R. Chandler) // Литературный проект «СтоСвет» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.stosvet.net/12/chandler/index9.html>.

The Golden Cockerel // Fairytalez.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fairytalez.com/the-golden-cockerel>

Lukomorye (Prologue to Ruslan and Lyudmila) (translated by R. Clarke) // Flameinthesnow <http://flameinthesnow.blogspot.com/2015/04/a-s-pushkin-lukomorye.html>.

The Tale of Tsar Saltan, of His Son the Renowned and Mighty Bogatyr Prince Gvidon Saltanovich, and of the Beautiful Princess-Swan // Fairytalez.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fairytalez.com>.

A.S. Puchkin “Ruslan y Liudmila”, traducción de Alexis Marcoff // Publicado por Editorial Lumen, S.A. Ramón Miquel y Planas, 10. Barcelona-34. Segunda edición. 1982.

A.S. Puchkin Cuento del rey Saltán, de su hijo, el príncipe Guidón, glorioso paladin, y de la bella princesa Cisne. (version al español de José Vento Molina). Moscú: Ráduga, 1953. 20 p.

Википедия, свободная энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>

КапиЧе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://web-kapiche.ru/424-koschey.html>.

BBC NEWS. Русская служба (BBC) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/av/media-38021102>.

Diccionario de la lengua española (DLE) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dle.rae.es/?id=6B6n5sS>.

Lingualeo blog [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://corp.lingualeo.com/ru/2016/06/06/angliyskoe-zvuchanie-pushkina-perevodima-li-genialnost>.

Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля (ТСД) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://slovardalja.net>.

Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой (ТСЕ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://slovoonline.ru/slovar_efremova/b-18/id-105356/stupa.html

Google Dictionary (GD) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.google.com/search?tbm=isch&q=google+dictionary>.

Macmillan Dictionary (MD) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com>.

Merriam Webster Dictionary (MW) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com>.

Newsland [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://newsland.com/community/5548/content/trudnosti-perevoda/6020531>.

Кольовски А.А.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kolovski Alexander
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

КАК НОСИТЬ СЮРТУК ПО-ЧЕШСКИ: К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

HOW TO WEAR A SJURTUK THE CZECH WAY: TO THE QUESTION OF HISTORICAL REALITIES TRANSLATION

В статье рассматривается проблема поиска адекватного переводческого решения при передаче названий исторических реалий. К таким реалиям относится и одежда, вышедшая из употребления либо пережившая определенные модификации и получившая иное именование. Подобными историзмами, зачастую непонятными и современным носителям русского языка, изобилуют произведения русской классической литературы, что создает дополнительные трудности при их переводе на другие языки. На материале выполненного Анной Новаковой перевода на чешский язык повести Н. В. Гоголя «Невский проспект» анализируются случаи вариативных способов передачи представления об одном и том же предмете верхней одежды, делается попытка объяснить и обосновать выбор переводчика.

The article deals with the problem of finding an equivalent translation of historical realities. These realities include clothing that has become obsolete or has survived certain modifications and has received a different name. Such historicisms are often incomprehensible even to modern speakers of the Russian language, but there are lots of such words in works of Russian classical literature. This fact creates additional difficulties in translating them into other languages. We analyze cases of different ways of translation for the same piece of outerwear, trying to explain and justify the choice of translator (on the material of Anna Novakova's translation of the novel by N. V. Gogol "Nevsky Prospekt" into the Czech language).

Ключевые слова: страноведческие реалии, исторические реалии, лексическая трансформация, Н. В. Гоголь, Анна Новакова.

Keywords: regional realities, historical realities, lexical transformation, N. V. Gogol, Anna Novakova.

Проблема адекватного перевода страноведческих понятий – одна из центральных в переводоведении, поэтому обращение к ней можно встретить во многих работах. Сложность перевода страноведческих реалий носит не столько языковой, сколько культурологический характер: можно подобрать эквивалент на языке перевода, но как дать представление носителю другой культуры о месте и значении реалии, включенной в культуру иную, в меньшей или большей степени знакомую или совсем незнакомую читателю перевода? Поэтому страноведческие реалии относят к тем лексическим единицам, которые «условно говоря, перевести нельзя» [Влахов, Флорин, 2006, с. 6]. Эти лексические единицы в теории перевода обозначаются по-разному [Манакин, 2004, с. 138]: безэквивалентная лексика, экзотическая лексика, экзотизмы, варваризмы,

этнографизмы, страноведческая лексика, алиенизмы, слова с культурным компонентом и т. д. Наиболее распространенным и признанным большинством исследователей является термин «реалия», причем им обозначаются и сами предметы, и их наименования [Влахов, Флорин, 2006, с. 6–7].

Реалии делятся на группы на нескольких основаниях [Влахов, Флорин, 2006]: это предметное, местное (в плоскости одного и пары языков) и временное деление. Остановимся на делении предметном, которое разные исследователи производят по-разному, однако принцип деления одинаков у всех. Так, например, И. С. Алексеева выделяет [Алексеева, 2004]:

1. Географические реалии:
  - 1) термины физической географии;
  - 2) эндемики.
2. Этнографические реалии:
  - 1) одежда и обувь;
  - 2) строения и предметы быта;
  - 3) национальные виды деятельности и названия деятелей;
  - 4) обычаи, ритуалы, игры;
  - 5) мифология и культы;
  - 6) реалии-меры и реалии-деньги.
3. Общественно-политические реалии.

Как особую группу страноведческих реалий можно выделить исторические реалии [Алексеева, 2004, с. 195]. И. С. Алексеева называет два основных типа использования таких слов: использование автором названий исторических реалий в качестве функционального выразительного средства и использование слов, которые во время создания произведения не были устаревшими, но являются таковыми на момент прочтения литературного произведения. При анализе переводов произведений, написанных в XIX веке, особую роль играют, конечно, реалии второго типа.

Вопрос о принципах перевода страноведческих и исторических реалий является одним из наиболее важных и интересных при анализе переводов такого писателя, как Гоголь, т. к., во-первых, в его произведениях художественная (в особенности предметно-бытовая) деталь несет особую смысловую нагрузку, во-вторых, временная дистанция, сложность повествовательной структуры делают затруднительным понимание его произведений и для современного русскоязычного читателя.

Первые переводы Н. В. Гоголя на чешский язык были сделаны еще в конце 30-х годов XIX века. Большая часть произведений Гоголя переведена в Чехии, причем существует по несколько вариантов переводов разных лет одних и тех же произведений писателя: интерес к его творчеству не ослабевал, и потому почти каждое поколение старалось внести что-то свое в «чешского» Гоголя. Также стоит отметить, что чешские специалисты в области перевода говорят о невероятной сложности перевода произведений Гоголя, подчеркивая, что этим следует заниматься, имея большой переводческий опыт. Такой опыт был у Анны Новаковой (Anna Nováková) – переводчица петербургских повестей Н. В. Гоголя. Диапазон ее переводов огромен: от Гоголя до Солженицына; в контексте «чешской русистики и вообще чешской культуры А. Новакова завоевала себе репутацию первоклассного переводчица русских трудоемких художественных текстов и выдающегося знатока русского быта и своеобразия русской общественной и культурной идентичности» [Рихтерек, 2010].

В данной статье для анализа привлекается выполненный А. Новаковой перевод повести Н. В. Гоголя «Невский проспект». Повесть была написана в 1833–1834 гг., впервые опубликована в сборнике «Арабески» в 1835 г. Она входит в цикл так называемых петербургских повестей: хотя сам Гоголь никогда не объединял их в особый цикл наподобие «Вечеров на хуторе близ Диканьки» или «Миргорода», такое их название утвердилось и в читательском сознании, и в критике.

Одним из тех случаев, которые аргументы представляют особые сложности при переводе с одного языка на другой, является передача страноведческих реалий, присутствовавших в одной культуре, но незнакомых другой и в силу этого не имеющих обозначений в языке перевода.

Исследование перевода, который в целом можно определить, как адекватный (эквивалентный), а именно такими признаны переводы А. Новаковой произведений русской классической литературы, представляет и особую сложность, и особый интерес, т. к. позволяет выявить особо трудные, проблемные для перевода зоны в текстах оригинальных произведений. И здесь мы следуем мысли А. В. Федорова, который утверждал, что «концепция переводимости достигла <...> такой степени зрелости, что актуальнейшей задачей сделался анализ явлений непереводимости и что от результатов этого анализа во многом зависит дальнейшее развитие теории и возможность получения положительных результатов» [Федоров, 2002, с. 176].

Перевод лексем, обозначающих исторические реалии, осложняется тем, что требует сопоставления двух языков не только в синхроническом, но и в диахроническом аспекте.

Многие из реалий, с которыми мы встречаемся в текстах Н. В. Гоголя, непонятны и современному русскоязычному читателю; лексемы, перешедшие в разряд историзмов и архаизмов, нуждаются в особом комментировании, как и упоминаемые в тексте имена исторических деятелей, исторические события. Еще более сложным восприятие этого пласта лексики является для носителей иной культуры и другого языка. Рассмотрим, какие решения находит переводчик, сталкиваясь с историзмами, относящимися, согласно классификации И. С. Алексеевой, к первой подгруппе этнографических реалий (названия предметов гардероба).

В тексте петербургских повестей, в том числе повести «Невский проспект», наличествует ряд историзмов, которые имеют вариативные переводы. Одна из таких исторических реалий – *сюртук*.

Согласно Р. М. Кирсановой, *сюртук* – «деталь мужского костюма, появившаяся в России в первые десятилетия XIX в. Собственно сюртук от французского *surtout* – поверх всего. Поначалу сюртук действительно был одеждой, предназначенной для улицы. <...> К концу 30-х – началу 40-х гг. XIX в., когда постепенно стало распространяться пальто и как вид мужской одежды и как термин, сюртук часто называли пальто. <...> Постепенно укорачиваясь, сюртук становился прообразом современного пиджака. Этот процесс активизировался уже в середине XIX в. По мере того, как фрак становился только бальной одеждой, сюртук сделался форменным костюмом. Ряд указов начиная с 1834 г. определяли тип ткани и использование отделки для мундирных сюртуков» [Кирсанова, 1989, с. 222].

Этот комментарий может отчасти объяснить разнообразные варианты перевода *сюртука*, встречающиеся в повести «Невский проспект» [Gogol, 2002]. Проанализируем эти варианты.

(1) *Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта. Не только кто имеет двадцать пять лет от роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук...* (здесь и далее цитаты из повести приводятся по изданию [Гоголь, 1994]).

Ja vím, že žádný z jeho pobeďlých úředníků a úředniček by Něvskou třídu nevyměnil za nic na světě. Do té je kdekdo celý pryč, at' je mu pětadvacet, ma krásný knír a prvotřídně ušitý svrchník...

«пальто, плащ, верхняя одежда»

Слово *svrchník* используется иногда в современном чешском языке для обозначения такой мужской одежды, как пальто или плащ, но, как и слово *сюртук*, имеет историческую коннотацию.

(2) *Всё, что вы ни встретите на Невском проспекте, всё исполнено приличия: мужчины в длинных сюртуках, с заложенными в карманы руками...*

Všechno, co potkáte na Něvské třídě, je vtělená elegance: pánové ve vycházkových redingotech, s rukama v kapsách...

«выходной, парадный редингот»

Используя словосочетание *vycházkový redingot*, переводчик, с одной стороны, воссоздает атмосферу гуляния в это время суток по Невскому проспекту, ситуацию, когда всё «исполнено приличия». С другой стороны, это единственный случай, когда для перевода слова *сюртук* в рассматриваемом тексте использован историзм *редингот* – видимо, основания для этого переводчику дало присутствующее в оригинале определение *длинный*. *Редингот* – верхняя одежда, застегивающаяся на пуговицы, с довольно высокой застежкой. Впервые появилась в Англии около 1725 г. как мужской костюм, предназначенный для верховой езды. Был очень популярен в России в 30-х годах XIX века уже не только как вид мужской одежды, но и женской и даже детской. Покрой редингота использовался также для пошива домашней одежды [Кирсанова, 1989, с. 194]. Интересно, что в повести Гоголя, и не далее, как в том же предложении, упоминается и редингот, но на этот раз переводчик выбирает другой вариант:

...дамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках.

...dámy v růžových, bílých a světle modrých atlasových pláštích a kloboučcích.

«плащ»

Чешское *plášť* не дает точного представления об этой исторической реалии: не раскрывает ни то, какого фасона была эта одежда, ни то, что она в современном гардеробе отсутствует, но, тем не менее, за счет точно переданного переводчиком контекста создается представление об элегантном женском одеянии. Следует отметить, что для современного как чешского, так и русского читателя редингот – абсолютный историзм; в комментариях к тексту повести «Невский проспект» в отечественных изданиях уже, можно сказать, традиционно присутствует и такой: «Редингот – длинное пальто широкого покроя» [Гоголь, 1994, с. 482].

(3) *В это благословенное время от двух до трех часов пополудни <...> происходит главная выставка всех лучших произведений человека. Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой – греческий прекрасный нос...*

V tuto blaženou hodinu mezi druhou a třetí odpoledne <...> koná se zde hlavní přehlídka těch nejlepších lidských výtvoru. Jeden předvádí elegantní vycházkový plášť s prvotřídním bobrovým límcem, druhý krásný řecký nos...

«выходной, парадный плащ»

В этом отрывке, как и в предыдущем, только еще более иронично, Гоголь рисует дефиле по Невскому проспекту «приличной» публики. Переводчик использует то же определение *vycházkový*, только на этот раз определяемое выражено не историзмом, а словом, абсолютно понятным читателю как в гоголевские времена, так и сегодня.

(4) *...русский человек в демикотоновом сюртуке с талией на спине, с узенькою бородою, живущий всю жизнь на живую нитку, в котором всё шевелится: спина, и руки, и ноги, и голова...*

Rus v bavlněném kabátě na zádech probraném, který žije celý život v poklusu a ted' si tu kráčí po chodníku a všechno je na něm v pohybu – uzounká bradka, ruce, nohy i hlava...

«пальто из хлопка»

Демикотон – это очень плотная хлопчатобумажная ткань, употреблявшаяся в XIX веке. Этот материал был распространен в среде мелких чиновников и бедных горожан, «это всегда знак незначительного общественного положения. В «Невском проспекте» Н. В. Гоголя о бедственном положении говорит не только ткань сюртука, но и его покроя – с талией на спине, т. к. ко времени публикации повести сильно приподнятая талия уже вышла из моды» [Кирсанова, 1989, с. 76]. Надо заметить, что такая имеющая социально-историческую коннотацию деталь, как название материала *демикотон*, ничего не говорит современному русскоязычному читателю без специального комментария, в переводе же сохраняется социальная характеристика, важная для автора, поскольку для современного читателя пальто из хлопка – вещь «несерьезная», дешевая. Поэтому выбранный переводчиком вариант *kabát* – название верхней одежды типа пальто, широко используемое в современном чешском языке, – представляется весьма удачным. Можно предположить, что в данном случае выбор переводчика определялся не только невозможностью подбора адекватного понятия, но и желанием сделать текст понятным читателю, избежав дополнительных комментариев.

(5) *Вы встретите очень много молодых людей, большею частью холостых, в теплых сюртуках и шинелях.*

Ted' zde potkáte mnoho mladých mužů, většinou svobodných, v teplých pláštích a pelerinách...

«теплый плащ»

В этом отрывке переводчик использует тот же вариант, что и в примере (3). Существенной, как и в оригинале, оказывается информация именно о теплоте данного одеяния, т. к. речь идет о позднем времени суток.

(6) ...сидельцам, артельщикам, купцам, всегда в немецких сюртуках гуляющим целою толпою и обыкновенно под руку.

...obchodním zřízencům, poslíčkům a kupcům, kteří se tu vždycky procházejí po evropsku oblečení všichni pohromadě a obyčejně zavěšeni.

«одетые по-европейски»

Переводчик использовал прием генерализации: он выбрал описательную конструкцию *po evropsku oblečení* – одеты по-европейски, по европейской моде.

(7) На них встретите вы иногда отличный фрак и запачканный плащ, дорогой бархатный жилет и сюртук весь в красках.

Jednou je uvidíte v prvotřídním fraku a upatlaném plášti, podruhé v drahé aksamitové vestě a s převlečником celým od barev.

převlečník

«легкая, демисезонная верхняя одежда»

Слово *převlečník* устаревшее и встречается в переводе только однажды. Возможно, в данном случае переводчик выбрал иное слово, поскольку речь идет о художниках. Все использовавшиеся ранее варианты перевода слова *сюртук* указывают на верхнюю одежду для улицы, а значение слова *převlečník* для современного чешского читателя несколько размыто, и получается, что в такой одежде художник может и работать в мастерской. Это предположение, как представляется, подтверждается следующим примером.

(8) Но вот он продрался-таки вперед и взглянул на свое платье, желая прилично оправиться. Творец небесный, что это! На нем был сюртук и весь запачканный красками: спеша ехать, он позабыл даже переодеться в пристойное платье.

Nakonec se přece jen prodral kupředu a podíval se na svůj oblek – chtěl se slušně upravit. Proboha svatého, co to? Měl na sobě pracovní plášť, a celý od barev! Jak pospíchal, docela se zapoměl převléct do lepších šatů.

«рабочий плащ, накидка»

Примером очень точного контекстного перевода является последний вариант – *pracovní plášť*. В восприятии читателя возникает образ художника, внезапно вырванного из своей мастерской и очутившегося «среди шумного бала», с великолепием которого резко контрастирует его неприглядный, «рабочий» внешний вид.

(9) Вы думаете, что этот господин, который гуляет в отлично сшитом сюртучке, очень богат? Ничуть не бывало: он весь состоит из своего сюртучка.

Myslíte si, že ten pán, co se tu prochází v báječně ušitém svrchníku, je moc bohatý? Co vás vede: ten nemá nic než ten svrchník.

В этом отрывке авторская ирония усиливается за счет особого стилистического приема: диминутив *сюртучок* вместе с определением *отлично сшитый* звучит как оксюморон. В переводе же эта стилистическая особенность пропадает, хотя чешский язык позволяет эту иронию передать, поскольку в нем также имеются аналогичные уменьшительные суффиксы. Носители чешского языка зачастую используют уменьшительно-ласкательные формы для передачи своего положительного отношения к какой-либо вещи, которую они считают близкой и дорогой для себя, поэтому, используя, например, вариант *svrchníček*, переводчик мог бы подчеркнуть внутреннюю пустоту «господина», для которого самое существенное, близкое его душе – модная одежда.

В последнем из встречающихся в повести примеров также употребляется слово *svrchník*.

(10) Далее, ради Бога, далеe от фонаря! <...> Это счастье еше, если отделаeтесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваи вонючим своим маслом.

Dál, probůh, jen dál od té lampy <...> A bud'te rád, když vás to nebude stat víc, než že vám pár kapek smrdutého oleje z lampy ukápne na váš elegantní svrchník.

Перевод Анны Новаковой «Невского проспекта», как и других произведений Н. В. Гоголя, свидетельствует о том, что она понимала особенности художественного стиля писателя, понимала, что сложная игра с семантикой и стилистической окраской слова есть неотъемлемая черта не только текста произведения, но и компонент художественного мира, способ раскрытия авторского замысла. И в переводе мы видим установку на сохранение этих особенностей повествовательной структуры, однако решению задачи препятствует, во-первых, различие культур и языков, а во-вторых, прагматическая установка на современного читателя.

Следует отметить, что в переводе отсутствуют сноски и практически нет исторических комментариев в конце сборника «Petrohradské povídky» («Петербургские повести»), из чего можно сделать вывод, что установка на более современный язык перевода (на современного носителя языка) является переводческим приемом, во многом обуславливающим выбор собственно лексики: переводчик не хотел отвлекать читателя необходимостью обращения к справочным материалам и дополнительной исторической и культурологической литературе.

В чешском языке отсутствует лексема, посредством которой можно было бы однозначно перевести слово *сюртук*. Но переводчик не ограничился подбором одного какого-то наименования для всех тех случаев, когда Гоголь одевает в сюртук персонажей повести «Невский проспект». Каждый раз переводчик искал средство, которое наилучшим

образом позволило бы решить эту задачу с учетом образности и исходя из условий контекста. И в основном А. Новаковой это удалось.

Список литературы:

- Алексеева И. С.* Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. СПб.: филологический факультет СПбГУ; М.: издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
- Влахов С. И., Флорин С. П.* Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. М.: Р. Валент, 2006. 448 с.
- Гоголь Н. В.* Невский проспект / Н. В. Гоголь. Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. Повести; Т. 4. Комедии. М.: Русская книга, 1994. 560 с. С. 7–37.
- Курсанова Р. М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. М.: Книга, 1989. 288 с.
- Манакин В. Н.* Сопоставительная лексикология. К.: Знание, 2004. 327 с.
- Рихтерек О.* К вопросу о чешских переводах «Петербургских повестей» Н. В. Гоголя [Электронный ресурс] / Олджих Рихтерек. – 2010. – Режим доступа: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/132746/LitterariaHumanitas_015-2010-1_42.pdf
- Федоров А. В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ИД «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
- Gogol N. V.* Něvská třída / N. V. Gogol. Petrohradské povídky. Z ruštiny přeložila Anna Nováková. Praha: Primus, 2002. 228 s. S. 5–46.

Лыткина О.И.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Lytkina Oksana
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**ОБРАЗ АМЕРИКИ В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КОНЦА XVIII
ВЕКА (А.Н. РАДИЩЕВ, Д.И. ФОНВИЗИН, И.А. КРЫЛОВ)**

**THE IMAGE AMERICA IN THE WORKS BY RUSSIAN WRITERS OF 18-TH
CENTURY (A.N. RADISCHEV, D.I. FONVISIN, I.A. KRYLOV)**

Статья посвящена изучению тенденций в изображении Америки (разговорный вариант США) в русской литературе конца XVIII века. В этот период наметились основные традиции в изображении Америки в русской литературе. Сентименталистская традиция восприятия Америки связана с идеей свободы, противопоставления естественного мира природы и искусственного мира цивилизации, ценностей европейской культуры и духовного мира благородного индейца. Другая традиция сложилась под влиянием учения великих просветителей США. Идеи свободы, равенства, независимости, провозглашенные в США, получили революционное содержание на страницах произведений русских писателей: А.Н. Радищева, Д.И. Фонвизина и др.

The article deals with image of America (colloquial name of the USA) in the Russian literature of 18-th century. The period is marked by major trends in depicting America in the Russian literature. Sentimental attitude (to America) is related to the idea of freedom, opposition between the natural world and the man-made world of civilization, values of the European country and the world of the noble Indian. The works of outstanding American scholars have influenced the other tradition. The ideas of freedom, equality, independence declared in the USA acquired revolutionary meaning on the pages of the books written by A.N. Radischev, D.I. Fonvisin and others.

Ключевые слова: Америка, русская литература XVIII века, А.Н. Радищев, Д.И. Фонвизин, И.А. Крылов.

Keywords: America, Russian literature of 18-th century, A.N. Radischev, D.I. Fonvisin, I.A. Krylov.

Первые сведения об Америке стали известны еще в XVI веке, однако точная дата «открытия Америки» русским обществом относится к XVIII веку – 1732 г., когда русская экспедиция, исследовавшая Берингов пролив, достигла берегов Америки. Уже к концу XVIII века были налажены регулярные торговые, культурные, научные контакты с США, а в 1799 г. была основана Российско-Американская компания. О жизни американцев русские люди узнают в основном из переводной литературы, представленной жанрами путешествий, этнографических очерков, исторических зарисовок, а также биографий знаменитых людей. В русской литературе эпохи Просвещения американские сюжеты редки. Америка для русского читателя представляется экзотической страной в одном ряду с Турцией, Индией, Китаем, а американцы – исключительно индейцами. Так возникает

противопоставление культурной Европы, с одной стороны, и дикого природного мира Нового Света, с другой [Подробнее см. Максимова, 2016]. Причем симпатии и писателя, и читателя отнюдь не на стороне цивилизованного мира Европы. Следует отметить, что в этот период отсутствует оппозиция «свой – чужой», характерная для произведений подобного рода: Россия и Америка не противопоставляются, это свидетельствует о сентименталистском принципе в изображении Америки.

Обратимся в качестве примера проявления сентименталистской тенденций в изображении Америки к произведениям 1759 г. А.П. Сумарокова - «О Америке» и «Прибежище Добродетели».

В стихотворение «О Америке» А.П. Сумароков сочувствует индейцам и обвиняет европейцев в жестокости. Поэт разоблачает желание «ближнимъ щастія» европейцев, у которых в одной руке «святыя правы», а в другой «остръ мечъ»; они «хотятъ очистить смертныхъ души, и поражаютъ ихъ тела» [Сумароков: URL].

Либретто балета «Прибежище Добродетели» начинается с восхваления добродетелей России, российских монархов Петра I и его дочери Елизаветы Петровны. Добродетелям России противопоставлены варварские обычаи других стран, которые представляют пары Европейцев, Азиатов, Африканцев и Американцев. Эпизод с Американцами является кульминационным. Американец и Американка, олицетворяющие колонизированный народ, с горечью говорят о постигших их напастях, приближающих их преждевременную смерть:

Ни въ чемъ не винень я, тирань, передь тобой!

Владетелемъ я былъ сего пространна града,

Градъ отнять, вся была она моя отрада:

Изъ дома царскаго въ пустыню выгнанъ жить:

И бесполезно въ векъ подь стражею служить.

Тирань узревъ ее, и распалився страстью,

Сугбой отягчилъ мя новою напастью:

Стремится, вымысливъ, что злато я таю,

Отъяти съ жизнию любезную мою [Там же].

Американец и Американка кончают жизнь самоубийством, проявляя твердость характера и мужество. Так подчеркивается их бессилие перед цивилизацией, с приходом которой «Миновался здесь покой, // Отошли златыя веки, // Пременились человеки, // Рвутся, мучатся тоской» [Там же], а причиной несчастий Американцев указывается жестокость европейской монархии:

Мучительница ты Европа всей природы.

Безчеловечныя въ тебе живутъ народы [Там же].

Продолжение американской темы находит продолжение в произведении «Американцы» И.А. Крылова, (1788 г.), на основе которого композитором Е.П. Фоминым была сочинена опера. Позже либретто было «поправлено» цензором А.И. Клушиным, который заменил все прозаические тексты, оставив только стихотворные тексты И.А. Крылова. Действие оперы происходит во времена колонизации «гишпанцами» Южной Америки. Испанский вельможа и военачальник дон Гусман и его слуга, «новопоселившийся гишпанец» Фолент отправляются на поиски сестра дон Гусмана доны Ельвиры, похищенной «начальником американцев» Ацемом. Ацем, несмотря на ненависть к европейцам, влюблен в Ельвиру, а дон Гусман и Фолет – в сестер Ацема, Цимару и Сорету. Ацем застигает их во время свидания и велит сжечь испанцев - принести в жертву солнцу. Однако Ельвира просит пощадить брата, и Ацем отменяет казнь. В это время появляется отряд испанцев и пленяет Ацема. Наступила очередь дон Гусмана проявить благородство: он приказывает освободить «начальника американцев». Опера заканчивается всеобщим примирением, а три влюбленные пары уезжают в Европу.

Таким образом, столкнувшиеся две цивилизации: культурная и естественная (природная) - приходят к компромиссу. Однако авторам это «не мешает» показать недостатки европейской культуры. Произведение И.А. Крылова построено на основе контраста ложных жизненных ценностей европейцев и настоящих человеческих ценностей, носителем которых являются американцы – «сердца», «добродетели», «души» («Если ты не найдешь во мне гибкости и лукавства европейца, то найдешь душу, сердце, желание тебе угодить» [Крылов, Клушин: URL]).

Европейцы, считают американцев «дикарями», «варварами», тем не менее, именно они проявляют такие качества, как лень, жадность, тщеславие, трусость, жестокость, отсутствие добродетели, ср. например, характеристику испанцев в репликах героев: «Я гишпанец и люблю сидеть, поджав руки, целый век»; «Охота, сражения со львами, поединки с барсами — все это не по зубам»; «*Наши женщины, как голландский сыр: чем более попорчены, тем более их любят*»; «*Жестокие гишпанцы! вы не довольны тем, что похищаете наше золото; вы хотите лишить нас первого сокровища: невинности и добродетели!*»; «Ты знаешь, что я тебя люблю столько же, как и ваше золото, и что эту любовь надобно побриллиантить, — то есть жениться»; «Гипшанец говорит о человечестве! — Не употребляй во зло того священного имени, которое вы покрыли ужасом. — Какое вы имеете право гнать нас, нашу невинность, нравы? — Право жестокости и бесчеловечия!» [Там же] (курсив мой – О.Л) и др. Основными ценностями

европейцев являются золото, модные лавки, чины, чепчики, тюрбаны («Послушай, Гусман! Если ты *любишь богатство*, здесь его много; если ты *без чинов жить не можешь*, пошли за ними Фолета в Мадрид»), и даже великие достижения философии кажутся ничтожными, ср «У вас *нет ни карет, ни модных лавок, ни чепчиков, ни тюрбанов*; а ты сам видишь, что это *великая потеря для философии*»; «Профессор мой был великий *философ!* «Друг мой», — говорил он мне сильным голосом: — «*будь мудрым! пусть лучше тебя бьют, нежели чтобы ты бил*», — и я всегда поступал по его правилам»; «Чорт тебя возьми! хорошо тебе, что я трус и что *философ Дон Цапато, Фердинандо, Педрилло велел мне сердиться издали*» (курсив мой – О.Л.) и др. [Там же].

Американцы, напротив, проявляют во всем такую степень благородства, что испанцы оказываются под его влиянием и сами совершают благородный поступок. Американцам присущи добродетель, храбрость, любовь, гуманность. Их правила жизнь выражены в следующих строчках: «Вставай, рано, ложись поздно, будь прилежен к охоте — вот и все»; «окажи свою храбрость на войне», «сразись с леопардом, львом». Следуя сердцу и добродетели, следуя которым американцы обретают счастье. Счастье американцев выглядит следующим образом:

Мы бы с тобою, не зная разлуки,
Жили б в забавах, не знали б скуки,
Были бы вместе всякий мы час.
Если бы стало на небе ясно,
Мы бы гуляли в лучших местах;
Если бы было небо ненастно,
Мы бы скрывались одни в кустах!
Мы бы, играя,
Забот не зная,
Рыбу ловили у наших вод.
Мы б не крушились,
Все бы резвились,
Нам бы неделей казался год [Там же].

Главной ценностью американцев является свобода: «Для американца лучше не быть, нежели жить для того, чтобы целовать ваши оковы и пресмыкаться» [Там же].

Следует отметить, что свобода становится ключевой характеристикой образа Америки в русской литературе, а само понятие *свобода* расширяет свои границы от свободы человека естественно (по Ж.-Ж. Руссо) до политической свободы народа. Связано

прежде всего это было с интересом русского общества к событиям войны за независимость США 1775-1783 гг. В этот период было опубликовано большое количество материалов о США, чтение которых наводило читателей на мысль о своей родине, позволяло критически осмыслить существующее положение дел, сравнить республиканскую Америку и крепостническую Россию. И если в условиях крепостнического самодержавия нельзя было говорить о праве русского народа на политическую свободу в своей стране, то говорить о праве американского народа на свободу и независимость и его успешной борьбе против Англии было можно. Так американская тема в России наполнилась революционным содержанием [Подробнее см. Болховитинов: URL].

Одним из первых писателей, откликнувшихся на революцию в США, был А.Н. Радищев. Американская тема находит отражение в оде «Вольность» (1783 г.) и повести «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.).

Вольность (в XVIII в. слово «вольность» выступало как абсолютный синоним свободы и независимости), по мнению А.Н. Радищева, «дар небес благословенный», «дар бесценный» является «источником всех великих дел» [Радищев, 1938, с. 1]. Отсутствие свободы приводит к запустению, разорению, оскудению плодородных нив, лености разума, отсутствию просвещения, несчастьям народа:

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где всё ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.
Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там несподручны,
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшалый,
Коварства сеть простерлась в дол [Там же, с. 5].

Поэт упоминает о счастливых народах, которые обрели свободу, среди которых американцы, завоевавшие ее под руководством Вашингтона – великого вождя свободы. Призыв блюсти «дар благой природы» звучит как призыв к революционным действиям:

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность поправа;

Ликуешь ты! а мы здесь страждем!..
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе непричастен –
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл [Там же, с. 14].

Однако в повести «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищев, говоря о несчастиях угнетенного народа, хотя именно народ является источником благоденствия любого государства, упоминает европейцев, истребивших индейцев в Америке и пользующихся трудом «несчастных жертв знойных берегов Нигера и Сенагала». И такую страну назвать «блаженною» он не может: «Заклав индейцев единовременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладкровное убийство порабощения приобретением невольников куплею. Сии-то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенагала, отринутые своих домов и семейств, преселенные в неведомые им страны, под тяжким жезлом благоустройства вздирают обильные нивы Америки, трудов их гнушающейся. И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ее не поросли тернием и нивы их обилуют произращениями разнovidными. Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова. О, дабы опустети паки обильным сим странам! Дабы терние и волчек, простирая корень свой глубоко, истребил все драгие Америки произведения!» [Там же, с. 251-252]. Или, например, в главе «Вышний Волочок» читаем: «Удовольствие мое пременилося в равное негодование с тем, какое ощущаю, ходя в летнее время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящие к нам избытки Америки и драгие ее произращения, как-то сахар, кофе, краски и другие, не осушившиеся еще от пота, слез и крови, их омывших при их возделании» [Там же, с. 223-224].

В то же время в главе «Торжок» Радищев говорит о необходимости свободы «помышления» и, обращаясь к истории цензуры, отмечает, что именно «Американские правительства» среди «первейших» законов приняли свободу печатания, поскольку: «Свобода печатания есть наивеличайшая защита свободы государственной» [Там же, с. 347]. По мысли писателя, свобода от цензуры возможна в тех государствах, которые претерпели революционные изменения [Мишина, 2010].

Демократические идеи американских просветителей нашли отражение и на страницах произведений Д.И. Фонвизина, этому способствовало и личное знакомство Дениса Ивановича с выдающимся ученым-энциклопедистом эпохи Просвещения, борцом за независимость США, человеком, скрепившим своей подписью три основополагающих документа США: Декларацию независимости США, Конституцию США, Версальский мирный договор 1783 года - Бенджамином Франклином, прожившим в Европе с 1776 по 1785 гг. Б. Франклин был очень популярен в России, а в 1789 г. по инициативе Екатерины Дашковой он был принят иностранным членом Петербургской Академии наук, став первым американцем в ее составе. Особенно популярна была «Автобиография» Б. Франклина, с которой российский читатель познакомился по французскому переводу, вышедшему в 1791 г. Книгу высоко оценили Н.М. Карамзин, А.Н. Радищев и др. Некоторые исследователи отмечают, что Стародум, герой комедии «Недоросль» (1781 г.) является выразителем идей Б. Франклина.

Устами Стародума Фонвизин объявляет разум, сердце и душу главными ценностями человека, без которых «просвещеннейшая умница – жалкая тварь» [Фонвизин, 1959, с. 130]. Назначение дворянина, по мнению Д.И. Фонвизина, служить отечеству, а уйти в отставку он может только в случае «когда он внутренно удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит» [Там же, с.131]. Степень знатности человека должна рассчитываться по его делам, а богатым является тот, кто, отсчитав лишнее, помогает нуждающимся: «...любочестивый человек ревнует к делам, а не к чинам; что чины нередко выпрашиваются, а истинное почтение необходимо заслуживается; что гораздо честнее быть без вины обойдену, нежели без заслуг пожаловану» [Там же, с. 131]; «Степени знатности рассчитаю я по числу дел, которые большой господин сделал для отечества, а не по числу дел, которые нахватал на себя из высокомерия; не по числу людей, которые шатаются в его передней, а по числу людей, довольных его поведением и делами. Мой знатный человек, конечно, счастлив. Богач мой тоже. По моему расчету, не тот богат, который отсчитывает деньги, чтоб прятать их в сундук, а тот, который отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного» [Там же, с. 151-152].

Настоящее счастье предполагает счастье для других: «А разве тот счастлив, кто счастлив один? Знай, что, как бы он знатен ни был, душа его прямого удовольствия не вкушает. Вообрази себе человека, который бы всю свою знатность устремил на то только, чтоб ему одному было хорошо, который бы и достиг уже до того, чтоб самому ему ничего желать не оставалось. Ведь тогда вся душа его занялась бы одним чувством, одною

боязнию: рано или поздно сверзиться. Скажи ж, мой друг, счастлив ли тот, кому нечего желать, а лишь есть чего бояться?» [Там же, с.152].

Каждый человек должен исполнять не только долг гражданина, но и разумного мужа или благодетельной жены: «Только, пожалуй, не имей ты к мужу своему любви, которая на дружбу походила б. Имей к нему дружбу, которая на любовь бы походила. Это будет гораздо прочнее. Тогда после двадцати лет женитьбы найдете в сердцах ваших прежнюю друг к другу привязанность. Муж благоразумный! Жена добродетельная! Что почтеннее быть может! Надобно, мой друг, чтоб муж твой повиновался рассудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны» [Там же, с. 155].

Но превыше всего, по мнению Фонвизина, благонравие: «Прямую цену уму дает благонравие. Без него умный человек – чудовище. Оно неизмеримо выше всей беглости ума» [Там же, с. 152]; «Как скоро все видят, что без благонравия никто не может вытти в люди; что ни подлой услугой и ни за какие деньги нельзя купить того, чем награждается заслуга; что люди выбираются для мест, а не места похищаются людьми, – тогда всякий находит свою выгоду быть благонравным и всякий хорош становится» [Там же, с. 168]; «Я отошел от двора без деревень, без ленты, без чинов, да мое принес домой неповрежденно, мою душу, мою честь, мои правила» [Там же, с.133].

Фонвизин указывает и на обязанности государя: «Великий государь есть государь премудрый. Его дело показать людям прямое их благо. Слава премудрости его та, чтоб править людьми, потому что управляться с истуканами нет премудрости. Крестьянин, который плоше всех в деревне, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своих подданных» [Там же, с. 167].

Нетрудно в учении Стародума найти список добродетелей, которые указал Франклин в своей «Автобиографии»: воздержание, молчание, порядок, решительность, бережливость, трудолюбие, искренность, справедливость, умеренность, чистота, спокойствие, целомудрие, скромность. Соблюдение добродетелей предполагает пользу не только для их обладателя, но и для других людей [Франклин, 2015].

Итак, в XVIII веке русские поэты и писатели впервые обращаются к американской теме и закладываются те тенденции в ее изображении, которые можно проследить в литературе не только XIX, но и в XXI века.

Список литературы:

- Болховитинов Н.Н.* Россия открывает Америку. 1732-1799 [Электронный ресурс] / Н.Н. Болховитинов Режим доступа: [https://www.e-reading.by/bookreader.php/7270/Bolhovitinov -
_Rossiya_otkryvaet_Ameriku.html](https://www.e-reading.by/bookreader.php/7270/Bolhovitinov_-_Rossiya_otkryvaet_Ameriku.html) (дата обращения 03.03.2019)
- Крылов И.А., Клушин А.И.* Американцы [Электронный ресурс] / И.А. Крылов, И.А. Клушин: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения 18.03.2019)
- Макимова А.Е.* «Американцы» в России: опера Е. Фомина и балет К. Каноббио // Проблемы музыкальной науки, № 4, 2016. С. 135-141.
- Мишина Л.А.* Жанр автобиографии в истории американской литературы / Л.А. Мишина. Чебоксары, 2010.
- Радищев А.Н.* Полное собрание сочинение / А.Н. Радищев. Т.1. М.-Л.: Наука, 1938.
- Сумароков А.П.* О Америке [Электронный ресурс] / А.П. Сумароков. [http://sumarokov.lit-
info.ru/sumarokov/stihi/raznye-old-orfo/raznye-old-orfo-11.htm](http://sumarokov.lit-info.ru/sumarokov/stihi/raznye-old-orfo/raznye-old-orfo-11.htm) (дата обращения 10.03.2019)
- Сумароков А.П.* Прибежище Добродетели [Электронный ресурс] / А.П. Сумароков. URL: <http://sumarokov.lit-info.ru/sumarokov/dramaturgiya/pribezhishe-dobrodeteli.htm> (дата обращения 18.03.2019)
- Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений / Д.И. Фонвизин. Т.1. М.-Л.: Издательство художественной литературы, 1959.
- Франклин Б.* Путь к богатству; Автобиография / Бенджамин Франклин; [пер. с англ. Ю. Кулишенко]. М. Эксмо, 2015.

Мешкова Е.М.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Meshkova Yelena
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

АНГЛИЦИЗМЫ В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»: ОРИГИНАЛ И АНГЛИЙСКИЙ ПЕРЕВОД

ANGLICISMS IN «EUGENE ONEGIN» BY A.S. PUSHKIN: THE ORIGINAL AND ENGLISH TRANSLATION

В статье рассматриваются англицизмы, использованные А.С. Пушкиным в романе «Евгений Онегин», как семиотически нагруженные элементы художественного текста, обладающие различной значимостью в плане передачи идейно-художественного содержания. Сопоставительный анализ оригинального текста романа и одного из его переводов на английский язык показал, что важные с точки зрения идейного замысла англицизмы выделяются графически и в оригинале, и в переводе, что обращает внимание читателя на контраст между «внешней» и «внутренней» «английскостью» главных героев романа: первая характерна для Онегина, вторая – для Татьяны в последней главе романа. Менее значимые в идейно-художественном плане англицизмы выделены курсивом в романе как иноязычные элементы текста, но не выделены в переводе. Имена популярных английских писателей того времени и персонажей их произведений, как правило, не выделяются ни в оригинале, ни в переводе, за исключением *Childe Harold* при первом упоминании в пушкинском тексте и *Poor Yorick* там же. В переводе заметна тенденция к доместикации, по крайней мере, в плане передачи рассматриваемых элементов текста.

The paper views anglicisms used in “Eugene Onegin” by A.S. Pushkin as semiotically loaded elements of the text possessing different values in terms of rendering the author’s artistic design. A contrastive study of the original and one of its English translations has revealed that conceptually significant anglicisms are marked off by italics in both the original and the translation, thus attracting the reader’s attention to the contrast between ‘outer Englishness’, peculiar to Onegin, and ‘inner Englishness’, characteristic of Tatyana in chapter 8. Anglicisms that do not convey much artistic meaning are printed in italics in the original but are not marked off in the translation. Names of English writers popular at that time are typically not marked off in the original, nor in the translation, except *Childe Harold* when mentioned for the first time in the original and *Poor Yorick* in the original. The translation displays a clear tendency towards domestication, at least in terms of rendering the elements under study.

Ключевые слова: иноязычная лексика, англицизмы, английская культура, «английскость», содержательная значимость, перевод.

Keywords: another language words, anglicisms, English culture, ‘Englishness’, artistic value, translation.

Вопрос о заимствованной лексике и, в частности, англицизмах в романе А.С. Пушкина уже рассматривался в отечественной лингвистике [Кузнецова, 2013; Белая; Макеева, 2009; Кашковская, 1995 и др.]. Также затрагивались проблемы, связанные с переводом романа на другие языки [см., в частности, Коптева, 2009; Клушина, 2013]. В настоящей публикации предпринимается попытка сопоставить относительную значимость англицизмов в тексте пушкинского романа и ее передачу в переводе. В качестве вторичного

текста был выбран перевод Чарльза Джонстона, считающийся вполне приемлемым с точки зрения англоговорящей аудитории [Переводы...].

К числу англицизмов в романе мы относим не только отдельные лексемы, как имена нарицательные, так и собственные, но и полилексемные фигуры речи, метонимические обороты, связанные с именем Дж. Байрона и героев его произведений («Певец Гяура и Жуана», «Певцу Гюльнары подражая...», «Москвич в Гарольдовом плаще» и др.).

М.А. Белая пишет, что, по мнению исследователей, Пушкин использовал варваризмы вообще, и в частности англицизмы, «с целью поглумиться над чрезмерными ревнителями чистоты языка». Это верно, и тем не менее, на наш взгляд, англицизмы в романе семиотически нагружены: они отсылают читателя к тем или иным специфическим явлениям и чертам английской культуры (в самом широком смысле этого слова, то есть включая и бытовую культуру) и литературы, актуальным для русского общества пушкинской эпохи. Кстати, Белая также отмечает семантическую и стилистическую нагруженность варваризмов в романе [Белая].

В первой главе англицизмы даны преимущественно в английском написании и обозначают реалии английской культуры, заимствованные в русскую культуру XIX века: *dandy*, *roast-beef*, *beaf-steak*, *сплин* (исключение), *Childe Harold*. Большая часть англицизмов, использованных в последующих главах, представляют собой имена собственные – имена английских писателей и персонажей их произведений, популярные в России в эпоху Пушкина. Упоминаются также названия карточных игр – вист и бостон.

С нашей точки зрения, представляется возможным говорить о следующей семиотике элементов английской культуры в русской культуре первой половины XIX века (или об их культурных ассоциациях): данные элементы ассоциировались с явлениями моды (иронизируются Пушкиным), с гордостью («байронизм») и с такими чертами английского характера как холодность и невозмутимость, владение собой, необходимые в высшем обществе. Последнее наиболее ярко выражено не только отдельным англицизмом («vulgar» с отрицанием этого качества), но и в общем описании Татьяны при встрече с Онегиным на светском «рауте»:

«Так ты женат! не знал я ране!

Давно ли?» — Около двух лет. —

«На ком?» — На Лариной. — «Татьяне!»

— Ты ей знаком? — «Я им сосед».

— О, так пойдем же. — Князь подходит

К своей жене и ей подводит

Родно и друга своего.
Княгиня смотрит на него...
И что ей душу ни смутило,
Как сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не изменило:
В ней сохранился тот же тон,
Был так же тих ее поклон.
Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губ она.
Хоть он глядел нельзя прилежней,
Но и следов Татьяны прежней
Не мог Онегин обрести.
С ней речь хотел он завести
И — и не мог. Она спросила,
Давно ль он здесь, откуда он
И не из их ли уж сторон?
Потом к супругу обратила
Усталый взгляд; скользнула вон...
И недвижим остался он.
(глава 8, XVIII, XIX)

Не случайно эпиграфом к главе 8 служат строки из Байрона: «*Fare thee well, and if for ever / Still for ever fare thee well. Byron*» («*Прощай, и если навсегда, То навсегда прощай. Байрон*»). В этой главе Татьяна и Онегин встречаются и расстаются навсегда, поскольку Татьяна не может ответить на чувства Онегина. Татьяна изменилась и обрела как раз английские черты характера, точнее, освоила английскую манеру поведения. Если в начале романа элементы английской культуры относятся к внешнему миру, ассоциируются с модой и в целом иронизируются в тексте Пушкина, в середине романа (начиная с конца первой главы) встречаются преимущественно ссылки и аллюзии на Байрона и английскую литературу (Вальтера Скотта, Шекспира, героев модных английских романов), также данные в шутовском ключе, за исключением аллюзий на Байрона в лирических отступлениях, то в конце романа англицизмы ассоциируются с внутренним миром человека

и его внешними проявлениями. «Английскость» как умение скрывать свои чувства, точнее владеть собой в совершенстве, отразилась в новом облике Татьяны. У Онегина «английскость» преимущественно внешняя, у Татьяны – внутренняя.

Мы полностью согласны с Макеевой в том, что «иноязычное слово органично вписывается в пушкинский текст, равно как и слово исконное, подчиняясь процессу рождения новых смыслов, индивидуальных, авторских словоупотреблений; не только является номинацией какого-то явления, понятия, предмета, но зачастую содержит в себе и культурологический компонент, который создает подтекстовое пространство романа» [Макеева, 2009, с. 16].

При переводе художественных текстов с одного языка на другой встает вопрос о передаче семиотической нагруженности элементов, иноязычных и эстетически значимых в оригинале, но «родных» в языке и культуре перевода. В переводе У. Джонстона «иноязычность» английских элементов для оригинала либо выделяется графически, либо не выделяется никак. Сам же содержательный контраст между внешней и внутренней «английскостью» передается семантически и подчеркивается графически и в переводе. У Пушкина выделяются курсивом следующие англицизмы: «сплин» при первом упоминании (вместе с «русской хандрой»), «Roog Yorick» – очевидно, как цитата из «Гамлета», и «vulgar» при описании Татьяны в восьмой главе. У Джонстона: «spleen» в том же месте, «vulgar» и «rout» («раут»). Слово «раут» употребляется у Пушкина дважды и дополнительно не выделяется. У Джонстона оно употреблено только первый раз, выделено курсивом и получает синонимическое «толкование» («the social whirlabout» которое в данном контексте мы бы истолковали как «общественный круговорот», «светская ‘карусель’»), отсутствующее у Пушкина:

И ныне музу я впервые
На светский раут привожу;
На прелести ее степные
С ревнивой робостью гляжу.

(глава 8, VI)

Now for the first time she's escorted
into the social whirlabout;
jealously, shyly, I've imported
her steppeland charms into a rout.

Второй же раз «раут тесный» переводится как «the packed reception» («тесный прием», «тесное собрание»), то есть подчеркивается не национально-культурный колорит (не «английское происхождение»), а отрицательная характеристика светского «раута»:

Он оставляет раут тесный,
Домой задумчив едет он;
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревожен поздний сон.

(глава 8, XXI)

Eugene forsakes the packed reception,
and home he drives, deep-sunk in thought.
By dreams now sad in their conception,
now sweet, his slumbers are distraught.

Английское слово «раут» («rout») вошло в литературную русскую речь пушкинского времени вместе с самим обозначаемым им явлением, было достаточно распространено и не требовало дополнительного выделения в пушкинском тексте. С точки зрения когнитивной лингвистики, наверное, можно было бы рассматривать фрейм «светский раут», подразумевавший определенного рода светские собрания высшей аристократии на модный английский манер. В контексте «Евгения Онегина» такое собрание приобретает отрицательную характеристику, что и подчеркивает Джонстон в своем переводе.

«Poor Yorick!» (восклицание Гамлета из одноименной трагедии У. Шекспира) не выделяется у Джонстона, наверное, потому что любому образованному англичанину известен источник этого прецедентного имени. Пушкин же хотел, вероятно, подчеркнуть образованность и начитанность Ленского, а отчасти и поиронизировать над ней.

Англицизм «vulgar» («вульгарный», «простонародный», «плебейский», «пошлый», «мещанский», «бестактный» [Словарь Мультигран]) со смысловым отрицанием, как уже было упомянуто, выделяется курсивом и в оригинале, и в переводе Джонстона и используется для емкого описания характеристики Татьяны в последней главе романа.

Никто б не мог ее прекрасной
Назвать; но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar*. (Не могу...

(глава 8, XV)

You'd never class her as a beauty;
and yet in her you'd not detect –
rigorously though you'd inspect –
what London calls, with humble duty
to fashion's absolute dictate,
a *vulgar* touch. I can't translate.

И далее в тексте перевода идет лексический повтор глаголов «detect» («находить, замечать, обнаруживать») и «inspect» («внимательно рассматривать»), отсутствующий в оригинале:

Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губ она.
Хоть он глядел нельзя прилежней,
Но и следов Татьяны прежней
Не мог Онегин обрести.
С ней речь хотел он завести
И — и не мог.

(глава 8, XIX)

I don't mean that she never shivered,
paled, flushed, or lost composure's grip --
no, even her eyebrow never quivered,
she never even bit her lip.
However closely he inspected,
there was no trace to be detected
of the old Tatyana. Eugene tried
to talk to her, but language died.

Кстати, в переводе имеются «скромные опущения и добавления». Так, отсутствует эквивалент эпитета «высокий» при отсылке к Лондону, отсутствует, очевидно, из соображений политической корректности, слово «квакер» (глава 8, VIII), обозначающее приверженца одного из течений в протестантизме и использованное, скажем так, в не слишком почтительном контексте у Пушкина, однако добавляется «with humble duty» («со скромным почтением») при упоминании о моде:

Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar*.

(глава 8, XV)

and yet in her you'd not detect –
rigorously though you'd inspect –
what London calls, with humble duty
to fashion's absolute dictate,
a *vulgar* touch.

Скажите: чем он возвратился?

Что нам представит он пока?

Чем ныне явится? Мельмотом,

Космополитом, патриотом,

Гарольдом, квакером, ханжой,

Иль маской щегольнет иной,

Иль просто будет добрый мальй,

Как вы да я, как целый свет?

(глава 8, VIII)

Now he's returned, what role's he dancing?

what play will he present this week?

For what charade is he apparelled?

Is he a Melmoth, a Childe Harold,

a patriot, a cosmopolite,

bigot or prude? or has he quite

a different mask? is he becoming

someone like you and me, just nice?

Вообще же в переводе Джонстона имеются многочисленные сложные в лексико-семантическом плане трансформации, в ряде случаев довольно удачные, хотя порой и изменяющие смысл оригинала. Тем не менее, перевод считается одним из лучших английских переводов, с чем нельзя не согласиться. Говоря о переводческих стратегиях, следует отметить явную тенденцию к доместикации, по крайней мере, в плане передачи англицизмов.

Названия блюд (*roast beef, beef steaks*) печатаются у Пушкина по-английски и курсивом как безэквивалентная иноязычная лексика, в переводе же они не выделяются никак, возможно, в силу незначительности их идейно-художественного наполнения. Все имена собственные англоязычного происхождения даны в русской транскрипции или транслитерации (за исключением *Childe Harold* при первом упоминании известного байроновского персонажа и *Poor Yorick*). В переводе они также не выделяются.

Таким образом, особо значимые в идейно-художественном плане англицизмы выделяются графически и у Пушкина, и в переводе Джонстона, менее содержательно нагруженные элементы английской культуры могут выделяться курсивом как иноязычные слова в романе, но не выделяются в переводе.

Вообще, вопрос о роли англицизмов в романе «Евгений Онегин» и культуре того времени требует более детального освещения. В данной работе мы постарались лишь в общих чертах обозначить его решение, а также выявить особенности передачи данных единиц текста в одном из переводов пушкинского романа в стихах на английский язык, затронув таким образом проблему выбора переводческой стратегии при передаче элементов текста, иноязычных для оригинала, но «родных» для языка перевода.

Список литературы:

- Белая М.А.* Иноязычные вкрапления в художественном тексте первой половины XIX века (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин») [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://scipress.ru/philology/articles/inoyazychnye-vkrapleniya-v-khudozhestvennom-tekste-pervoj-poloviny-khikh-veka-na-materiale-romana-as-pushkina-evgenij-onegin.html>
- Кашковская М.В.* Художественное назначение французской лексики в романе А.С. Пушкина "Евгений Онегин" и вопросы ее перевода на английский язык: автореферат дис. ... кандидата филологич. наук: 10.02.04 / М.В. Кашковская; МГУ. Филологич. факультет. Москва, 1995. 27 с.
- Клушина Ю.И.* Лакуны в переводах поэтического текста: на материале английских версий "Евгения Онегина" А.С. Пушкина: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Клушина Ю.И. Тверь, 2013. 213 с.
- Коптева О.В.* Лакунарность в английском языке на фоне русских соответствий: на материале английского перевода романа А.С. Пушкина "Евгений Онегин": дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Коптева О. В. Казань, 2009. 193 с.
- Кузнецова И.Н.* Англицизмы в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Вестник Кокшетауского государственного университета. Т.3. Серия Филологическая. Кокшетау: КГУ имени Ш. Валиханова, 2013.
- Макеева Е.В.* Заимствованная лексика западноевропейского происхождения в языке А.С. Пушкина: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Е.В. Макеева; Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2009. 25 с.
- Переводы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на английский язык [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://wordlabs.ru/onegin/>
- Пушкин А.С. Евгений Онегин [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html>
- Puskin A.S. Evgeny Onegin. Transl. by Ch. Johnston [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://lib.ru/LITRA/PUSHKIN/ENGLISH/onegin_j.txt

Морару Михаэла
Бухарестский Университет
г. Бухарест (Румыния)

Moraru Mihaela
University of Bucharest
Bucharest (Romania)

ФУНКЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ПЬЕСАХ ЕВГЕНИЯ ГРИШКОВЦА И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В РУМЫНСКИХ ВАРИАНТАХ

THE FUNCTION OF NATIONAL-CULTURAL ELEMENTS IN EVGENY GRISHKOVETS' PLAYS AND THEIR CORRESPONDENTS IN ROMANIAN TRANSLATIONS

Настоящая работа вводит своего рецептора в два «мира». Первая часть касается сложных теоретических вопросов, связанных со своеобразием приёмов и переводческих стратегий драматического произведения. Ещё не утихли споры о том, возможен ли художественный перевод вообще, как начинают появляться разнообразные теоретические труды, предписывающие ряд правил и методов переводчику, в зависимости от характера текста. Вторая часть, более интересная, на наш взгляд, знакомит читателя с конкретными достижениями (или, наоборот, возникшими в процессе перевода, проблемами) и существующими уже вариантами переводов из текстов Гришковца.

The given paper introduces the receptor in two „worlds”. The first part deals with complex theoretical issues related to the peculiarities of the techniques and translation strategies of a dramatic work. The debate on whether literary translation is possible at all has not yet subsided, as various theoretical works emerge, prescribing a number of rules and methods for the translator, depending on the nature of the text. The second part, which, in our opinion, is much more interesting, introduces the reader to concrete achievements (or, on the contrary, problems encountered in the translation process) and their variants of translations from Grishkovets texts.

Ключевые слова: переводоведение, переводчик, культурема, адекватность, стратегии, лексические трансформации.

Keywords: cultural translation, linguistic, cultural equivalence, rewriting, translator, polysystem.

Объектом нашей работы выступает мало исследованная до сих пор в Румынии (да не только) проблема перевода драматического текста вообще, как и описания многочисленных аспектов, связанных с передачей национального своеобразия оригинального текста, его особой окраски, вызванной уникальностью создавшей его этнической среды, а также воздействия этих культурно-детерминированных факторов на переводческий процесс и его результат.

Имеются в виду два особо спорных вопроса, с одной стороны - понимание того, что «общение есть взаимодействие индивидов, в котором коммуниканты выступают как субъекты культуры, представители определенной лингвосоциокультурной общности, а перевод как вид посредничества является средством не только межъязыковой, но и межкультурной коммуникации» [Верещагин, 1990, с. 175], а с другой – расхождения при толковании сути и функции драматического текста, в котором посредством особых

специфических компонентов, как изобилие лаконичных двусмысленных высказываний, броских реплик, жаргонных слов, народных пословиц, поговорок и т.п., всегда явно выступают и культурные параметры данного народа, и поэтому при переводе необходимо исходить из той конкретной цели, которую переводчик ставит перед собой, будучи известным, что сценический дискурс можно рассматривать «как в смысле спектакля, так и в смысле текста пьесы, ожидающего акта высказывания на сцене» [Пави, 1991, с. 115].

Для иллюстрации разнообразия применяемых методов и приёмов мы избрали переводы пьес Евгения Гришковца на румынский язык. Всего существуют четыре румынских перевода этого незаурядного русского драматурга, которые соответствуют их одноимённым постановкам, идущим без особого успеха в разных театрах.

В чём же секрет «непопулярности» пьес Гришковца в Румынии? Сразу же исключаем часто цитируемую нетолерантность румынской публики ко всему русскому, так как это не касается культуры: на всех русских мероприятиях – от цирка до театральных постановок – людей всегда вдвое больше, чем мест. На пьесы братьев Пресняковых, например, билеты проданы все до последнего.

Так в чём же дело с неприятием драматургии Гришковца? Может быть в ёмкости его бесшабашности, которая не поддаётся румынскому вкусу? Или же в качестве переводов? В ходе нашей работы мы постараемся продемонстрировать конкретными примерами, что при переводе стилистически сниженной лексики (а у Гришковца это не исключение, а норма) и национально-специфических реалий переводчики чаще всего прибегают к глубоким переводческим трансформациям, употребляя то описательный способ, то нейтральную лексику, что явно снижает экспрессию и вовсе не соответствует тексту Гришковца, который поражает именно своей необычностью и свежестью.

На современном этапе развития межкультурной коммуникации центральным элементом является свободное сосуществование различных культурных миров. Исходя из такой явной тенденции расширения культурных связей между странами и народами становится ясно, что «эффективность коммуникации зависит, в первую очередь, от общего фонда знаний коммуникантов, который включает в себя совокупность концептуальных структур различных уровней: лингвистического, ментального, культурного и т.д.» [Савушкина, 2013, с.119]. Ядром такого фонда знаний всегда является национальный язык, а перевод как вид посредничества, таким образом, выступает средством не только межъязыковой, но и межкультурной коммуникации: постигая чужой язык, человек усваивает новый мир и его культуру. Следовательно, любой человек, участвующий в межкультурных контактах (в том числе и переводчик), должен понимать, что для

полноценного владения нормами межкультурного взаимопонимания, помимо знания языков даже на уровне билингвизма, необходима ещё информированность о нормах, правилах, традициях, обычаях другой культурной среды, т.к. данный процесс представляет собой «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, цит. раб., с. 181]. Так как большинство исследователей придерживаются мнения, согласно которому в процессе перевода взаимодействуют не только два языка, но две культуры, «задача переводчика – не только донести смысл иноязычного текста до адресата, который владеет лишь родным языком, но и информировать его о концептах иной культуры, найдя для этого оптимальный способ перевода» [Там же, с. 172].

Основная роль в диалоге культур отводится не самим культурам, а творческим личностям, работающим с инокультурным текстом и которые благодаря собственным лингвокультурным компетенциям (владение в совершенстве лингвистическими кодами, высокий уровень культуры, хороший вкус, высокоразвитое чувство слуха, виртуозное владение искусством слова и др.) способны выйти за пределы ограничений, налагаемых исходной культурой и перебросить смысловой мост к другой культуре [Попович, 1980, с. 22]. Для достижения оптимального соответствия каждой языковой единице оригинала, переводчик должен быть знаком с национальной спецификой иностранного языка, с особенностями национального характера, под которыми понимается устойчивая совокупность специфических для данной культуры ценностей, установок и поведенческих норм.

«Национальная окраска, – отмечает А.Ф. Фёдоров, – всегда затрагивает целую совокупность черт, целое сочетание особенностей в литературном произведении и, конечно, не может быть назван какой-либо общий приём перевода, который специально служил бы для её воспроизведения» [Фёдоров, 1959, с. 98].

Бесспорно, что отдельные элементы подлинника могут не иметь точного соответствия в языке перевода, однако это не должно служить препятствием для поиска средств передачи стилистического своеобразия подлинника. Пробел этот восполним, если широко использовать возможности других элементов языка, что позволяет сохранить общую стилистическую направленность оригинала, определяя, что должно входить в задачу перевода. Фёдоров подчёркивает, что данная задача перевода «состоит в таком отборе лексики и грамматических возможностей, который определяется, с одной стороны, общей целенаправленностью подлинника и его жанровой принадлежностью и, с другой стороны,

соблюдением тех норм, какие существуют для данного жанра в языке перевода» [Там же, с. 112].

Для чтения или для сцены?

Перевод драматургических произведений представляет собой один из наиболее спорных и менее изученных видов перевода. В чисто теоретическом плане данный вопрос стал обсуждаться где-то во второй половине прошлого века. Основной проблемой, которую выдвигали многие исследователи, является типология переводимого текста, а точнее двойственной природы драматического текста, предназначенного как для чтения, так и для постановки. Ставился вопрос о том, как переводить текст драматического произведения – с ориентацией на читателя или на зрителя, так как «в соответствии с целенаправленной коммуникативной задачей переводчика на театральную постановку пьесы к переводу предъявляются требования, обусловленные различиями в читательском и зрительском восприятии драматургического текста» [Пастернак, 1966].

Другими словами, есть некоторые расхождения в применении тех или иных переводческих стратегий, имея в виду, что если пьеса предназначена для чтения, то переводчик может использовать комментарии и примечания для объяснения различных культурологических лакун и прибегнуть к раскрытию некоторых аллюзий через сноски, объяснить игру слов, ассоциации и т.п. В этом случае перевод рассчитан на неоднократное, обдуманное восприятие текста читателем. В случае же театрального перевода необходимо учитывать определённые сценические требования, а именно одноразовое, некомментируемое восприятие пьесы зрителем. «Поэтому при трансляции иноязычных пьес на чуждую им театральную почву чаще, чем в литературе для чтения, прибегают к разного рода прагматическим адаптациям. Культурные адаптации и культурологические компенсации, ориентированные на достижение сходного коммуникативного эффекта, на установление контакта с новым зрителем не только допустимы, но и закономерны» [Лукинова, 1989, с. 14].

Существуют два различных, но не всецело противоположных подхода к переводческим стратегиям, необходимым для трансляции драматического текста. Одни исследователи предлагают различать две переводческие стратегии: театральную (перевод для сцены) и читательскую (перевод для чтения). У таких исследователей понятия драматический «текст» и театральное «представление» приобретают принципиальные различия, и они выдвигают мысль, что перевод драматических произведений является отдельным видом перевода, отличным от перевода прозаических и поэтических произведений. Другие же учёные утверждают, что текст перевода драматического

произведения должен быть так же предназначен и для чтения, и для постановки на сцене, как и текст оригинала, так как «текст перевода драматического произведения должен сохранять существенные характеристики текста оригинала как произведения литературного рода – драма» [Басснетт, 1991, с. 31].

Одним из первых, у которого встречаем отдельно выделенную группу текстов сценических произведений, а также требования к их переводу, является французский учёный Ж. Мунен. По его словам, «важнее верности лексике, грамматике, синтаксису и даже стилю отдельно взятого предложения текста является верность тому, что обеспечивает произведению сценический успех» [Мунен, 1963, с. 97]. Он подчёркивает, что переводить следует «сценическую действительность, а уже потом обращаться к воспроизведению литературных и поэтических свойств, и, если при этом возникнут конфликты, предпочтение следует отдать сценической действительности» [Там же, с. 98].

Этого же мнения придерживается и Сьюзен Басснетт, правда лишь в своих ранних работах, в которых она категорически отстаивает своеобразие драматического текста, наделённого особым свойством – «performability» (способность текста быть поставленным на сцене), подчёркивая каждый раз, что центральной проблемой перевода драматических произведений является необходимость переводить текст в соответствии с его функцией как систему, состоящую из целого комплекса элементов. Так, в своей книге «Translation Studies» (1980, 2014) Басснетт утверждала следующее: «Прежде всего, текст драматического произведения читается по-другому. Он читается как нечто незаконченное, а не как полноценное произведение, так как в полной мере потенциал текста реализуется только в спектакле. Отсюда перед переводчиком встает проблема: переводить ли текст как исключительно литературное явление или как элемент другой, более сложной системы» [Басснетт, 2014, с. 124].

В свою очередь, русский лингвист Сорокин отмечает, что театральный текст подразумевает наличие не только лингвистической, но и экстралингвистической ситуации и поэтому особенностью драматургического текста является то, что «он воспринимается не в 'чистом' виде, а в совокупности с экстралингвистическими средствами. Поэтому процесс перевода национального драматургического текста с языка одной лингвокультурной общности на язык другой заканчивается только в момент постановки пьесы» [Сорокин, 1989, с. 153].

Нельзя также не согласиться и с мнением Богатырева, автора концепции театрального дискурса, который полагает, что театральный дискурс должен знаменовать собой ситуацию, жесты актёров, костюмы и что «переводчик драматического текста должен

‘слышать’ голос персонажа и принимать во внимание ‘языковые жесты’.» [Богатырев, 1975, с. 11].

У американской переводчицы Филлис Затлин, которая придерживается этого же мнения, встречаем довольно категоричные утверждения: «Я убеждена, что перевод пьес должен выполняться для сцены. Если перевод не предназначен для сцены, он не имеет отношения к театру и не является театральным текстом.» [Затлин, 2005, с.7]. Такое резкое разграничение между двумя разновидностями перевода драматического текста Затлин обосновала наличием явных прагматических целей:

- фонетические цели: т.е. легкость восприятия на слух, удобство произнесения, расположение важнейших для реплики слов на сильных стиховых позициях;

- характерологические цели: усиление эмоциональной выразительности, уточнение оценочного компонента в характеристике персонажей и более полное раскрытие подтекста исходного текста [Там же, с. 13-14].

Но есть и другой подход к переводу драматических произведений, согласно которому, основываясь на переводческой практике древнегреческой и римской классики, \ текст драматического произведения трактуется как «священный» поэтический текст, как воплощение художественного мастерства художника слова, как шедевр, уникальный в своём проявлении. Сторонники этого второго подхода возмущаются вольным обращением с драматическим текстом, его адаптациию согласно коммерческим интересам постановщика.

По мнению немецкого исследователя Маркуса Вебера, при переводе драматического произведения в первую очередь следует обращать внимание на «стиль драматического текста, его метафорику, ритмический рисунок, дейктические элементы и апеллятивную функцию» [Вебер, 1990, с. 111], т. е. на характеристики, внутренне присущие любому тексту драматического произведения. Передача перечисленных элементов текста оригинала в тексте перевода, по мнению Вебера, позволит уйти от дихотомии перевода для сцены и перевода для чтения: «...элементы, обеспечивающие перформативность текста, заключены в самом тексте пьесы, отсылая к особой природе драматического дискурса» [Там же, с. 112].

Ещё радикальнее взгляды знаменитого румынского режиссёра, первого переводчика драматургии А.П. Чехова, Мони Гелентерера. Свой особо пиететный, характерный для своей эпохи подход к переводу Гелентерер объясняет тем, что для него основной задачей переводческой точности является служение тексту, стремление к ясности и воспроизведению чеховского стиля [Бану, 2004, с. 123].

В своих теоретических трудах (а Гелентерер много проработал в Театральной Академии, то деканом, то ректором, а в конце «рядовым» профессором), знаменитый режиссёр неоднократно отстаивал мнение, согласно которому «при переводе драматургического произведения актуальность приобретает прагматический аспект, в связи с воспроизведением драматургического подтекста, исторических реминисценций, аллюзий, ассоциаций, имеющих национально-культурный характер, а также имплицитно представленного в репликах персонажей юмора и иронии» [Гытзэ, 1975, с. 35].

Но на самом деле Гелентерер в поисках языковых средств часто прибегал к словотворчеству, но его авторские «неологизмы» не прижились, звучат странно и от них веет какой-то устарелостью и скованностью. А его стремление к активному использованию в переводческой речи чрезвычайно многослойного румынского языка XIX века (со всеми стилистическими разновидностями и французскими заимствованиями) привело к крайней пестроте и неупорядоченности литературного стиля. И поэтому, когда Юрий Кордонский взялся за новую постановку чеховской пьесы «Дядя Ваня» на сцене бухарестского театра «Буландра», пришлось вместе с ведущими актёрами сильно потрудиться, менять, исправлять, сокращать, т.е. подгонять под актуальность нормальной речи.

Другой видный румынский режиссёр и критик Амза Сэчану считал, что «успешно перевести пьесу – значит учесть, как перевод зазвучит со сцены», поскольку драматический перевод – это, прежде всего, перевод для театра, рассчитанный на восприятие речи героев со сцены [Сэчану, 1985, с. 86].

В 80-е годы мы переводили новейших для того времени пьесы Семёна Злотникова, Виктора Славкина, Эдварда Радзинского и других, многие из которых с успехом ставились в румынских театрах по всей стране.

Нам кажется, что при переводе драматического текста имеем дело с двумя вариантами одного и того же оригинала. С одной стороны – это так называемый нормативный (литературный вариант), где допустимы разные переводческие примечания, сложный синтаксис и длинные громоздкие словосочетания, так как именно в этой «книжно-письменной» форме текста, исходной – выявляются его важнейшие жанровые характеристики, происходит его адаптация к культурному коду принимающей публики. И адаптированный (сценический вариант), который в силу своей коммуникативно-прагматической специфики, требует от переводчика компромиссных решений – необходимость прибегать к различного рода адаптациям, субституциям и т.п. в целях максимально адекватного восприятия инокультурным зрителем переводного текста. Новые авторские синонимы и эмоционально-смысловые ассоциации рождаются, как правило, в

лоне вторичного перевода, непосредственно связанного с постановкой спектакля и режиссёрским замыслом. При таком переводе, который предполагает конкретное воплощение текста на сцене, где все смыслы всегда неожиданны, одноразны и неповторимы, переводчик становится «незримым» субъективным интерпретатором контекстного восприятия самого режиссёра, его «прочтения» и интерпретации исходного текста. Но это будут всегда закономерно связанные между собой тексты, так как «в литературной редакции текста перевода любой драмы уже потенциально заложены основные составляющие компоненты будущей сценической постановки» [Анохина, 2011, с. 17].

От теории к практике.

Различные «переделки» культурно-исторических и жанрово-стилистических особенностей пьес Евгения Гришковца в румынских вариантах

Театр Евгения Гришковца – это чаще всего one man show, то есть театр на одного говорящего актёра, при том не заученными репликами, а самыми обиходными словами, без «пафоса и дидактики». Человек разговаривает с человеком, с юмором, но без развязанной хохмы. У Гришковца выработалась особенная манера, близкая к сказу, диалогировать самим с собой. Притом чувствуется его постоянная потребность «не играть, а оставаться до конца самим собой, но выступая и от лица собственного Я и от лица Я – другой, что местами приближает его драматургию к эстетике документального театра» [Морару, 2018, с. 22]. Его пьесы открывают значимость простейших человеческих эмоций, ощущений, иногда детских воспоминаний. Гришковец напоминает зрителю о том, что «любой человек это – целый мир, уникальный, сложный, захватывающе интересный» [Громова, 2005, с. 335].

В целом можно говорить о том, что Е.В. Гришковец творит в рамках «какого-то смежного жанра: драма-эссе с элементами мемуарной литературы. Смесь анекдотической зарисовки и торжественной притчи» [Заславский, 2004, с. 80]. В своём театральном творчестве Е. Гришковец сумел совместить элитарность и изысканность с непосредственностью и общедоступностью.

Его пьесам присущи реальные конфликты действительности, определённая локализованность в пространстве и времени, разработка индивидуально-обобщённых характеров и употребление непринуждённого разговорного языка. Важными элементами в драмах Гришковца выступают подтекст, в котором обычно кроется само мировоззрение автора, что жизнь является основной причиной утраты совести, и мимика, достоверно поддерживающая высказывание.

Нелегко точно определить, какие именно впечатления от пьес Гришковца. В его творчестве есть и «‘обаяние’ современного мира, но есть оборотная (тёмная) сторона луны, изображение той ‘вселенной’, которая надменно продержалась почти столетие, чтобы рухнуть в один миг, разметавшись на какие-то осколки» [Морару, 2017, с. 62].

А это всё вместе и составляет «полный кайф фантазии» любого переводчика: целый мир, который он берётся донести до нового зрителя.

В репертуарах румынских театров Гришковец числится уже более десяти лет, хотя о нём «заговорили» лишь после премьеры пьесы «Зима» в Ясском национальном театре (2014 год). До этого уже были поставлены три из его произведений: «Город» в бухарестской студии «Акт» (2009); «Дом» в театре Филотти в Браилэ (2013) и «Как я съел собаку», первоначально в Браилэ (2010), а в прошлом году уже в знаменитом театре Крайовы (2018).

Переводили тексты исключительно для сцены и, что особо занимательно – все три автора – известные у нас режиссёры, двое из которых не владеют русским языком.

Кто они?

Пьесы «Дом» и «Как я съел собаку» перевёл Богдан Будеш, большой любитель русской культуры, ученик знаменитого режиссёра и педагога Петра Фоменко, хорошо владеющий русским языком, но вовсе не имеющий переводческой практики и по его признанию ни прочитавший ни одной теоретической работы по переводоведению.

«Город» – идёт в переводе режиссёра спектакля, Влада Масача, который осуществил его вместе с Кристи Жунку, раньше работавшего в Кишинёве.

А вот Ласло Береш, который перевёл трудный текст пьесы «Зима» с немецкого варианта (единственного иностранного, которым он владеет, так как венгерский и румынский он считает своими родными языками), сумел дать, наиболее «сценический» вариант, ярко демонстрирующий прагматическую установку переводчика, т.е. «установку на принимающую культуру», дополнительную цель перевода – обеспечение «мгновенности», синхронности восприятия пьесы румынским зрителем.

Из основных компонентов национально-культурного содержания творчества Гришковца и возможностей их перевода на румынский язык мы остановились только на трёх:

- передача слов-реалий или «культурем», т.е. определённых явлений и символов, встречавшихся только у русского народа;
- передача фразеологии;
- передача жаргонных слов.

Анализируя разные стратегии перевода, мы постарались по мере возможности найти и другие варианты, которые, по нашему мнению, более адекватны.

1. Слова-реалии:

Тексты Гришковца содержат в своём словарном составе огромное количество лексических единиц общественно-бытового плана, нередко хранящих в себе имплицитные смыслы и представляющие, с переводческой точки зрения, особые трудности в переложении на другой язык. «Перевод слов-реалий является одним из средств выражения коммуникативной стратегии переводчика как соавтора текста.» [Петрашук, 2017, с. 190].

Следовательно, при передаче слов-реалий переводчики, следуя требованиям сценичности, либо редуцируют в отдельных случаях компоненты национально-культурного содержания исходных текстов, либо производят культурные адаптации и функциональные замены по отношению к данным реалиям.

Например, слово «хрущёвка» – «стандартный панельный или блочный дом упрощённой планировки и с малогабаритными квартирами, связанного с именем руководителя страны того времени Н. С. Хрущёва» [Ефремова, 2000] в румынском варианте Будеша («Как я съел собаку») передаётся дескриптивным соответствием – «квартира времён Хрущёва», хотя за этой лексемой явно кроется глубокий подтекст и тонкая ирония, указывающие на некоторую двусмысленность. Будеш, переводчик драмы-монолог не сумел правильно декодировать аллюзию и даёт лишь отражение пространственно-временной картины советской действительности без её символично-идеологической коннотации (мало ли, что строили в те времена?). Думаем, что более близкий вариант для русского «моя хрущёвка» будет – *apartamentul meu confort trei* или *amăratul meu de apartament*, что-то вроде «моя убогая квартира, моя некомфортная квартира».

И в передаче слова «баня» (в контексте: «ругаешься с женой, а сам в это время думаешь о бане» – пьеса «Город») наблюдается определённая смысловая потеря, так как в русском языке слово имеет некое символическое значение – момент духовного уединения, праздник души (как у Шукшина), а перевод Влада Масача не отражает этих смысловых оттенков оригинала. Его румынский вариант – *baie* только ванная, а переносное значение «ритуальная баня как обряд очищения» остаётся за рамками переводческого контекста. На наш взгляд лучше перевести словом *sauna* (хотя частных саун у нас в Румынии почти не бывает).

Использованный румынским переводчиком Будешом в пьесе «Как я съел собаку» приём транслитерации вместо более подходящих перифрастического и уподобляющего

переводов по отношению к реалиям «октябрю» и «НЭП», значения которых в сценическом варианте невозможно дать с подстрочным комментарием, вовсе не передают семантику оригинала, поскольку транскрибированные румынские слова «octombriști» и «în perioada NEP-ului», остающиеся для румынского рецептора абстрактными и иноязычными, ведут к утрате культурного элемента и ничем не компенсируются. Наверное, переводчик исходил из стремления сохранить культурный контекст исходного текста, но в данном случае надо было употребить румынский аналог реалии – «șoimii patriei» и лексикализованный вариант русской аббревиатуры «perioada colectivizării». Теряется колорит, зато понятно.

Ласло Береш при переводе довольно трудного текста драмы в стиле «абсурд» «Зима» также использует некоторые грамматические трансформации, как: членение предложений (в переводе три предложения заменяют одно предложение оригинала), грамматические замены частей речи, членов предложения и т.д. Например в отношении реалии Масленица, названия традиционного русского праздника, в котором переплелись две культурные модели – язычество и христианство, в зависимости от контекста, переводчик обозначает данный культурный элемент либо приёмом генерализации (называемый ещё и гипонимический, или обобщенно-приблизительный) – sărbătoarea primăverii (празднование весны), либо контекстуально – despărțirea de iarnă (прощание с зимой).

2. Фразеология.

Во всех переведённых на румынский язык пьесах Гришковца культурологическая информация, заложенная во фразеологии и являющаяся важной характеристикой речи персонажей или активным фактором развития событий в драме, передаётся румынским переводчиком с ориентацией на точность и правдоподобие культурологических деталей. Но во фразеологии русского и румынского языков, к сожалению, наблюдается мало идентичных явлений и межъязыковых параллелей, хотя фразеологии обоих языков отражают особенности народной практической философии, социально-культурный тип данного народа, но каждая сохраняет свою национальную специфику.

При передаче фразеологизмов переводчики в основном прибегают к лексическим соответствиям или описательному переводу.

Так, например, название самой известной пьесы Гришковца «Как я съел собаку», в котором разыгрывается двусмысленность свободного сочетания слов, заключающего в себе насмешку над персонажем драмы, съевшего в армии собачатиину и зафиксированного в русском фразеологизме метафорического значения «высшая степень,

предел какого-либо положительного качества, способности, мастерства»,⁶⁵ передаётся путём калькирования (дословного перевода), сохраняя живую и яркую внутреннюю форму русского фразеологизма, но в ущерб каламбурной экспрессивности.

Некоторые пословицы и поговорки, бытующие в сопоставляемых культурах и включенные в структуру анализируемых пьес Гришковца, имеют схожие формы, основываясь на известной общности концептуальных сфер фразеологии, например, жить на широкую ногу – a trăi pe picioar mare; время лечит все раны – timpul vindecă toate rănilile; брать быка за рога – a lua taurul de coarne; нет дыма без огня – nu iese fum fără foc; рука руку моет - - o mână spală pe alta.

Другие восходят к общему (библейскому или мифологическому) источнику, как, например: пуп земли – buricul pământului; блудный сын – fiul răcăitor; козёл отпущения – țap ispășitor.

В силу культурных различий или просто неадекватного восприятия румынскими переводчиками отдельные фразеологизмы претерпели в анализируемых пьесах лексические трансформации, например: сказать (что-то) в сердцах, т.е. «в порыве раздражения, гнева» [Ефремова, цит. раб.] в пьесе «Дом» Будеш перевёл неверно – от всего сердца (am spus-o din toată inima) вместо am spus-o la nervi / la draci.

В частности, русский фразеологизм «мне до лампочки» (румынское верное соответствие – mă doare-n cot) передаётся в пьесе «Город» (переводчик Влад Масачь) почему-то свободным словосочетанием – nu mă interesează (т.е. меня это не интересует).

3. Жаргонные слова.

В последнее время наблюдается довольно хаотичная либерализация общественных нравов и вкусов, обусловленная взрывом гражданских и языковых свобод, что привело к качественным изменениям в стилистике как устной, так и письменной речи [Морару, 2017, с. 102].

Стало допустимым, считаясь если не образцовым, то во всяком случае элитарным, свободное употребление табуированной раньше лексики, так называемых арготизмов, т.е. слов и оборотов, входящих в состав относительно замкнутой социальной группы или сообщества: наркоманов, картёжников и разных криминальных структур [Береговская, 1996, с. 27]. И если никого уже не шокируют сегодня инвективы в речи литературных героев или за семейным столом, то проникновение словесного «что покрепче» в

---

⁶⁵ Выражение появилось в результате сокращения поговорки *собаку съел, а хвостом подавился*. Эта поговорка употребляется по отношению к человеку, который сделал что-то очень трудное и споткнулся на пустяке.

официальные выступления и страницы газет и журналов, продолжает тревожить представителей языкового пуризма, да и не только их [Быков, 2005, с. 102].

Гришковец всегда «подаёт» свои нелепые откровения и тёплые воспоминания непосредственно, не теряя при этом искренности и точности «кухонных деклараций». И понятно, что его стиль – это то, что всем близко и понятно и на сердечном, и на словесном уровнях. Автор акцентирует косноязычие своих героев и своего собственного дискурса разговорными оборотами, просторечиями, жаргонизмами и др. Так говорят о службе в армии, о школе, о жизненных неурядицах.

Сравним несколько примеров жаргонных слов из его пьес с их румынскими вариантами. В большинстве случаев при передаче данных лексем переводчики используют прямые и синонимические соответствия, например: «парень классный, хоть и чурка» – *mișto băiat, dar cam greu de cap*; «...а мы ехали, ехали... мимо Байкала, потом ещё ехали, круто смотрелось» – *și noi mergeam și tot mergeam, am trecut și de lacul Baikal, priveliște de poveste*; «а вот кореец достал нас своими рассказами» – *dar coreeanul ne-a făcut capul calendar cu poveștile lui*; «а классе в 7-8-м у нас появилась прикольная училка, как из другого мира» – *cam prin clasa a 7 sau a 8 a apărut o profesoară beton, ziceai că e din altă lume*; «Бегом, бегом падла! Ещё бегоме! Суши палубу... сука... ты что, Родину не любишь?» – *fuguța, fuguța, nenorocitul! Mai fuguța! Șterge puntea... fii de cățea... ce nu-ți iubești patria?* («Как я съел собаку», перевод Богдана Будеша).

Между тем, в переводах нередко просто ошибки, которые значительно искажают формальную и семантическую близость к оригиналу. Местами переводчики создают новый контекст, который, с точки зрения смысла, абсолютно не совпадает с оригиналом. Рассмотрим следующие примеры:

- «...нечего выпендриваться, мебель ты купил липовую» («Город», переводчик Влад Масачь) – *nu te mai da mare, mobila e de tei* (не важничай, мебель же из липы!!!);

- «закройсь (в смысле замолчи) – *învelește-te!!!* (укройся, накройся) – вот к чему ведёт незнание префиксальных глаголов!

- слово «балчик» – рынок, базар, толкучка, с вариантом балчук [Аникин, 2008, с. 155] в контексте «я только что с балчика, не морочь мне голову», но написанное не прописной буквой, переводится названием города на Чёрном море, к северу от Варны (Болгария) – *lasă-mă, abia am venit de la Balcic*;

- «эта мэдоновщина нас заела» – интересная каламбурная конструкция, построенная на двухплановом употреблении слова есть и нововведённого заимствования с продуктивным суф. – щина нашла своего семантического перевода, хотя Будеш создает

свой вариант каламбура с помощью лексических трансформаций: вводит слово американцы, а вместо конструкции «эта мэкдоновщина» употребляет более широкий термин фаст-фуд – *ne-au mâncat americanii cu fast-foodul lor*.

Краткий сопоставительный анализ пьес Евгения Гришковца и их переводов на румынский язык, проведённый в настоящем исследовании на культурно-историческом и лингвокультурологическом фоне, свидетельствует о том, что театр Гришковца является богатым источником для выявления культурологической и лингво-поэтической информации. В итоге можно утверждать, что в ходе перевода реализуется лингвокультурная адаптация за счёт выбранных переводчиком стратегий и методов перевода, находящих выражение в конкретных переводческих решениях. В выборе определённой стратегии перевода проявляется творческое кредо переводчика, уровень его понимания исходного текста и его переводческая компетенция.

Список литературы:

- Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин. М., 2008
- Береговская, Э.М.* Молодёжный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. М., 1996. № 3.
- Богатырев П.Г.* Знаки в театральном искусстве // Труды по знаковым системам. т. VII. Гарту, 1975
- Быков Д.* Грамотность в России становится личным делом каждого // Огонёк, 2005. № 48
- Верещагин Е.М.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного // Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп., М.: Русский язык, 1990
- Громова М.И.* Евгений Гришковец – человек-театр // Русская драматургия конца XX начала XXI века, М., 2005, с. 335.
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2000
- Заславский Г.* На полпути между жизнью и сценой // Октябрь, 2004. № 7. с. 30.
- Лукинова М.Ю.* Жанровая специфика перевода классической драматургии: на материале русских переводов драм В. Шекспира «Буря» и «Ричард III»: Автореф. дис. ... канд. филол. Наук / М.Ю. Лукинова; Одесса, 1989
- Морару М.* Русский язык и культура (проблемы, феномены, перспективы) / М. Морару. Бухарест: Изд-во Бух. Ун-та, 2017
- Пави Патрис.* Словарь театра / П. Пави. М.: Прогресс, 1991
- Пастернак Б.* Заметки о переводе // Мастерство перевода. М.: Советский писатель, 1966
- Попович А.* Проблемы художественного перевода, М., 1980
- Савушкина Л.В.* Инновации в переводческой деятельности // Интеграция образования, 2013. № 4. с. 119.
- Сорокин Ю.А.* Сохранение и элиминирование национальной специфики оригинала при переводе драматических текстов: постановка проблемы / Ю. А. Сорокин. М.: Наука, 1989
- Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода / А.В. Фёдоров. М.: Высшая школа, 1959
- Banu G.* Arta teatrului / George Banu. B.: Ed. Nemira, 2004
- Bassnett S.* Translation Studies. 4th ed. / Susan Bassnett. London, New York: Routledge Publ., 2014
- Bassnett, S.* Translating for the Theatre: The Case against Performability TTR // Traduction, Terminologie, Redaction, 1991. Vol. 4 (1). pp. 99-111.
- Gâtză, L.* Evoluția artei regizorale în teatrul românesc contemporan / Letiția Gâtză. B.: Ed. Meridiane, 1975

- Moraru M.* Rusia în oglindă (Reflectarea realității rusești în literatură și artă). Studii. Mihaela Moraru. Suceava: Ed. Lidana, 2016
- Moraru M.* Театральный вкус современной эпохи (театр андерграунд в России и Румынии) // Romanoslavica, 2018. Vol. LIV, № 1. pp. 17-32
- Mounin G.* Les problemes theoretiques de la traduction / G. Mounin. Paris, 1963
- Petrașuc R.* Universul ucrainean în opera de tinerețe a lui N.V.Gogol / Roman Petrașuc. B.: Ed. ARS DOCENDI, 2017
- Săceanu A.* Teatrul ca Lume / Amza Săceanu. B.: Ed. Meridiane, 1985
- Weber M.* Dramatic Communication and the Translation of Drama / M. Weber, 1991
- Zatlin Ph.* Theatrical Translation and Film Adaptation: A Practitioner's View / Ph. Zatlin. Clevedon: Multilingual Matters, 2005

Пушкарёва Н.В.
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург (Россия)

Pushkareva Natalia
Saint-Petersburg State University
Saint Petersburg (Russia)

НЕХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА И ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО СТИЛЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА

A. PUSHKIN'S NON-FICTIONAL TEXTS AND FORMATION OF SCIENTIFIC PROSE STYLE IN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE OF THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

Статья посвящена истории формирования научного стиля русского литературного языка в XIX в. и вкладу А.С. Пушкина в этот процесс. В XVIII в. язык русской науки создавался учеными и переводчиками научной литературы, которые уделяли основное внимание созданию адекватной терминологической базы. В XIX в. серьезной проблемой являлось отсутствие стандартов изложения научных концепций на русском языке. Это обстоятельство было отмечено А.С. Пушкиным как серьезное препятствие для развития русского литературного языка в целом. Вклад А.С. Пушкина в создание научного стиля выразился в воплощении его представлений о языке науки в критических статьях и в нехудожественных текстах работ по истории России. Исторический труд «История Пугачева» представляет собой образец научной прозы, построенной на принципах точности и краткости, насыщенной фактической информацией и свободной от выражения авторских оценок. Эти свойства текста сформированы путем использования определенного набора грамматических конструкций, в которых ведущую роль играют глагольные формы, а также за счет употребления односоставных предложений. Синтаксические особенности организации текста создают в данном нехудожественном тексте эффект авторской отстраненности. Перечисленные языковые особенности «Истории Пугачева» соответствуют требованиям современного научного стиля и позволяют проследить пути складывания языка русской науки.

The article focuses on the history of the scientific prose style formation in Russian literary language of the XIX century and describes A. Pushkin's input in this process. In the XVIII century scientists and translators of scientific literature worked over creation of Russian scientific language focusing their attention mostly on the providing the adequate terminological base. In the XIX century, the absence of standards for elaboration of scientific concepts was a serious problem. This fact had been marked by A. Pushkin as a serious obstacle for the development of Russian literary language in general. A. Pushkin's input into creation of the scientific prose style involved implementation of his vision of the scientific prose style into his critical articles and non-fictional works on Russian history. Historical work "The History of Pugachev" is an example of scientific prose built on the principles of accuracy and brevity full of factual information and free from exposing of author's evaluation. These qualities of the text were formed with the usage of a certain set of grammatical constructions in which verbal forms play the leading part and with the help of one-component sentences. Syntactic peculiarities of text organization create in this non-fictional text the effect of a detached author. Enumerated language specifications of "The History of Pugachev" comply with the requirements of the modern style of scientific prose and make it possible to follow the path of Russian science language formation.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, русский литературный язык XIX века, историческая стилистика, нехудожественная проза, научный стиль.

Keywords: A. Pushkin, Russian literary language of the XIX century, historical stylistic, non-fictional prose, scientific prose style.

Вопрос о развитии языка науки в России заслуживает внимания как с языковой точки зрения, в связи с формированием канонов научного описания, так и в

социолингвистическом аспекте, связанном с составом адресатов научных описаний в указанную эпоху. Рассмотрение этого вопроса в рамках исторической стилистики русского языка позволяет заострить внимание на процессе выработки требований к способам передачи информации в научной прозе, а также на роли отдельных авторов, чей вклад в создание канонов научного описания послужил основой современного функционального научного стиля.

В исследованиях по истории русского языка о языке науки упоминается в связи с XVIII в., когда в результате реформ Петра I началось выстраивание системы среднего и высшего образования, в результате чего возникла необходимость создания учебной и научной литературы на русском языке и перевода соответствующей иностранной литературы. Деятельность русских просветителей XVIII в. отмечена поисками путей построения системы научной терминологии и толкования научных понятий. Например, А.Д. Кантемир, переведивший трактат Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», использовал для толкования термина *астрономия* единицу *звездозаконие*, предположительно созданную им самим [Кутина, 1964, с.91]). Создание системной научной терминологии на основе русского языка в научных трудах М.В. Ломоносова заложило основы современного языка русской науки [Кутина, 1964, с.4]. В XIX в. на первый план вышла необходимость выстраивания и упорядочения системы функциональных стилей литературного языка в соответствии с различными видами деятельности. Литературный язык эпохи не вполне отвечал веяниям времени, поскольку «его *функциональная парадигма* (здесь и далее курсив автора — Н.П.) еще только складывалась и была далека от соответствия *парадигме назревших потребностей общества*» [Тарланов, 2013, с.69]. В силу этого система функциональных стилей, и научный стиль в том числе, находилась в нестабильном состоянии; развитие науки, в том числе и гуманитарных исследований, требовало научного лексикона, однако литературный язык не успевал отвечать на этот вызов.

Однако для формирования научного стиля одной терминологии недостаточно: для построения научного описания терминологию необходимо встраивать в языковые конструкции, которые будут способствовать наиболее полному прояснению излагаемой идеи.

Набор подобных конструкций определяется прагматикой научного текста, нацеленного на аргументированное представление авторской точки зрения. Рациональность и логика приветствуются, а эмоциональность остается за рамками научного текста. Названные требования очерчивают круг грамматических явлений русского языка, которые

отвечают поставленной задаче: это пассивные конструкции, безличные предложения, неопределенно-личные предложения, привлекающие внимание к действиям или их результатам, причастия и причастные обороты. В результате возникает такое свойство научного текста, как «обобщенно-отвлеченность», проявляющееся на всех уровнях языка. На уровне синтаксиса это свойство «выражается в исключении из структуры предложения личного субъекта действия (агенса), так как познание мира в Н.с. представляется в обобщенной форме — как процесс коллективного творчества» [ЭССРЯ].

Язык науки не может возникать и развиваться в изоляции — ему необходим круг пользователей, языковая и научная подготовка которых будет достаточной для восприятия, осмысления и интерпретации научного описания. Иными словами, необходимо сообщество людей, занятых научной деятельностью или прошедших курс обучения, в рамках которого у них была бы сформирована база научных знаний — то есть читателей научного текста. В российском обществе XIX в. наука еще не стала отдельной профессией, но оставалась занятием, которому предавались образованные дворяне, часто совмещавшие в своей служебной деятельности роли профессионала и ученого. Например, мореплаватели XIX в. Ф.Ф. Беллинсгаузен, М.П. Лазарев, И.Ф. Крузенштерн, Ю.Ф. Лиснянский, И.П. Литке, В.М. Головнин, Ф. фон Врангель и др., занимавшиеся географическими исследованиями, были прежде всего моряками, однако в перечень их обязанностей во время плаваний входило описание и картографирование наблюдаемых морей и земель. Энциклопедическое образование позволяло морским офицерам справляться с исследованиями и описанием их результатов, однако социальная группа ученых еще не представляла собой коллектива профессионалов, объединенных навыками научной работы, которая являлась их единственной профессиональной деятельностью. Отчеты, путевые дневники и записки путешественников XIX в. поступали в государственные учреждения, а затем издавались и приобретали большую популярность у широкой публики как занимательные и познавательные произведения.

Проблема адресата научного текста имела и другую сторону: научное произведение не содержит языковых изысков, оно выстраивается в соответствии с задачей представления какой-либо концепции, но не решает задачи привлечения читателя-непрофессионала яркостью описаний или занимательностью сюжета. Это основное свойство языка науки, поскольку «требования содержания в нем слишком преобладают над формой; он гораздо меньше нуждается в приспособлении к широкой массе потребителей, каких у него, особенно в первую половину XIX в., было исключительно мало» [Булаховский, 1957,

с.200]. Тем не менее, в дворянском обществе были образованные люди, интересующиеся новыми идеями и достижениями науки.

В начале XIX в. русское общество охотно знакомилось с научными достижениями. Как пишет М.П. Алексеев, «Все русские журналы 20–30-х годов уделяли место на своих страницах научно-популярным статьям и ученым известиям» [Алексеев, 1956, с.53]. По словам В.В. Виноградова, 20-30 гг. XIX в. представляли собой «период брожения и смешения разных социально-языковых стилей» [Виноградов, 1982, с.371]. Именно в этот период наблюдается параллельное формирование языка науки и возникновение круга читателей научных текстов. Не последнюю роль в этих процессах играли выдающиеся личности, авторы и читатели научных произведений. К этому кругу относился А.С. Пушкин. Его интерес к новейшим научным открытиям подтвержден свидетельствами современников и исследователей [Алексеев, 1956], а вклад в формирование языка науки (в частности, гуманитарных исследований) выразился в создании нехудожественных исторических произведений (опубликованной в 1833 г. «Истории Пугачева» и незаконченной «Истории Петра I»), а также статьей, незаконченных набросков и писем, затрагивающих эту тему. Необходимость выработки научного стиля осознавалась А.С. Пушкиным как серьезная задача. По его словам, «ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать *обороты* (курсив автора — Н.П.) слов для изъяснения понятий самых обыкновенных» [Пушкин, 1978в, с.14].

Создавая нехудожественные тексты, А.С. Пушкин следовал тем же принципам, которые считал ведущими для прозы вообще: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат» [Пушкин, 1978б, с.12–13.]. «История Пугачева» наглядно демонстрирует применение этого правила.

Точность и краткость достигается в произведении использованием глагольных форм, не только финитных, но и причастных. Прежде всего, в глаза бросается обилие пассивных причастных конструкций, способных передавать состояние как результат действия: *Все офицеры были повешены. Несколько солдат и башкирцев выведены в поле и расстреляны картечью. Прочие острижены по-казацки и присоединены к мятежникам* (с.123)⁶⁶; *Зачинщики бунта наказаны были кнутом; около ста сорока человек сослано в Сибирь;*

---

⁶⁶ Здесь и далее примеры приводятся по изданию: Пушкин А.С. История Пугачева // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 8. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние. С.107-246.

другие **отданы в солдаты** (*NB* все бежали); остальные **прощены и приведены** ко вторичной присяге (с.115). Крепость **была спасена** от пожара и грабежа. Но комендант, бригадир Фейервар, **был убит** накануне, во время приступа, а офицеры его **повешены** (с.165); Крепость **была разорена и выжжена**, церковь **разграблена**, иконы **ободраны и разломаны** в щепы (с.164). Статальное значение пассивной формы, совпадающее с современным употреблением, типично для пушкинских текстов: «у Пушкина пассивные причастия употребляются только статально, т.е. в соответствии с действующими сегодня правилами» [Добровольский]. Процессуальное значение пассивной формы встречается редко: *Симонов и Крылов хотели зажечь ближайшие дома. Но бомбы падали в снег и угасали или тотчас были заливаемы* (С.142).

Причастия и деепричастия указывают одновременно и на результаты деятельности, и на совместность или последовательность протекания нескольких действий, придавая описанию многоплановость: *Казаки, отряжаемые* Симоновым из города для содержания караулов или для поимки возмутителей, *подсылаемых* из Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновение, освободить **схваченных** бунтовщиков <...> (с.142); *Гарнизонам же малых крепостей, еще не взятых Пугачевым, велено было идти в Оренбург, зарывая или потопляя тяжести и порох* (с.124). А.С. Пушкин в полной мере использует так высоко ценимую им «выразительную краткость причастия» [Пушкин, 1978г, с.230] для придания тексту исторической работы динамизма и смысловой насыщенности.

Пристальное внимание к действиям отражается в использовании неопределенно-личных предложений: *Начали очищать ров, окружающий город, а вал обносить рогатками* (с.128). *Схватили* в городе несколько злодеев, подсланных от самозванца: у них *находили* порох и фитили (с.129); *Однако же, как под нею* (колокольной — Н.П.) *в подвале сохранялся* весь пороховой запас (что могли знать и мятежники), *то и поспешили* онный убрать, *разобрали* кирпичный пол и *начали вести* контрмину. Гарнизон *приготовился; ожидали* взрыва и приступа (с.152); *Положение Оренбурга становилось ужасным. У жителей отобрали* муку и крупу и *стали* им *производить* ежедневную **раздачу**. Лошадей давно уже *кормили* хворостом (с.143). Неопределенно-личные предложения сегодня относятся к тем языковым средствам, использование которых рекомендовано при создании научных работ [ЭССРЯ]. Эти конструкции обозначают действия или их последовательность, отвлекая внимание от деятелей, которых читатель в состоянии идентифицировать самостоятельно.

Синтаксические особенности текста в большинстве случаев отвечают современным требованиям, предъявляемым к научной письменной речи. Как отмечает Л.А. Булаховский,

в «Истории Пугачева», «фраза синтаксически ограничена и в основном тяготеет к краткому, почти отрывистому типу» [Булаховский, 1957, с.210]. При этом в нехудожественном тексте описания Пугачевского бунта, выдержанном в строгом неэмоциональном ключе, иногда звучит авторский голос, однако его присутствие не выражается лексически — он выявляется на синтаксическом уровне. Излагая исторические факты, А.С. Пушкин воздействует на читателя с помощью особой организации текста и таким образом обнаруживает свое отношение к излагаемым событиям.

Так, описание положения гарнизона в осажденном пугачевцами Яицком городке напоминает актуализирующую прозу XX–XXI вв.: *Наступила страстная неделя. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотел умереть голодною смертью. Решились все до одного (кроме совершенно изнеможенных) идти на последнюю вылазку. Не надеялись победить (бунтовщики так укрепились, что уже ни с какой стороны к ним из крепости приступить не было), хотели только умереть честною смертью воинов* (с.160). Читатель сам домысливает связи между короткими предложениями. Остановка после каждой точки оказывается не последней — следующее дальше сообщение уточняет сведения о бедах осажденных. Без лишнего пафоса в отрывке создается представление об эмоциональном состоянии персонажей и (что немаловажно) об отношении к ним автора. Примечательно, что на лексическом уровне возникает только два традиционных оборота с оценочной семантикой: *умереть голодною смертью* и *умереть честною смертью воинов*.

А.С. Пушкин занимает объективную позицию, избегая категорических суждений при изложении событий. Он использует несколько оценочных слов, традиционных для той эпохи и приобретающих в тексте характер постоянных номинаций, например, *бунтовщики* (сторонники Пугачева), *страдальцы* (жертвы пугачевцев). Прилагательное *храбрый*, присоединяемое к фамилиям не изменивших присяге военных, становится постоянным эпитетом (*храбрый Бошняк, храбрый Елагин*), как и слово *несчастный*, которое возникает при именах людей, погибших от рук бунтовщиков (*несчастный Чернышев*). При этом в тексте присутствует экспрессивность, которая выявляется на уровне организации текста, она прямо связана с ритмом абзаца и доступна восприятию внимательного читателя. В тексте актуализируется синтаксическая экспрессия, понимаемая в узком смысле как явление, связанное «с авторским повествованием и конструктивным принципом — различными видами синтаксической расчлененности, или ослабления синтагматических связей» [Акимова, 1990, с.101]. Однако такие примеры в тексте «Истории Пугачева»

единичны, они не оказывают существенного влияния на общую информативно-отстраненную тональность изложения.

В соответствии с требованиями объективности в тексте используются безличные предложения, часто с модальными словами, например: *В его* (подполковника Симонова — П.Н) *канцелярии повелено присутствовать войсковому старшине Мартемьяну Бородину и старшине (простому) Мостовицикову* (с.126); *Гарнизонам же малых крепостей, еще не взятых Пугачевым, велено было идти в Оренбург, зарывая или потопляя тяжести и порох* (с.125); Державин <...> *потребовал саратовского коменданта Бошняка для совещания о мерах, кои должно было предпринять в настоящих обстоятельствах* (с.182); *В конце 1775 года обнародовано было общее прощение и повелено всё дело предать вечному забвению* (с.192). Также к элементам, необходимым в научном описании, относятся указания места, даты, времени совершения какого-либо события. Эти сведения последовательно включаются в каждую главу работы, например: *11 ноября Чернышев выступил из Переволоцкой и 13-го в ночь прибыл в Чернореченскую* (с.135). Во всей «Истории Пугачева» выдерживается требование научного стиля избегать личного местоимения *я*, заменяя его формой *мы*; для привлечения внимания читателя используется традиционное для языка науки употребление 1 л. мн.ч. глагола: *В эпоху, нами описываемую, находился он в Петербурге* (с.137); *Обратимся к Оренбургу* (с.127); *Мы оставили Михельсона неумолимо преследующим опрометчивое стремление Пугачева* (с.173). Комментарии и примечания автора к каждой из восьми глав составляют отдельную часть текста, демонстрирующую документальную и научную базу проведенного А.С. Пушкиным исторического исследования, и эта часть не менее информативна, чем основной текст работы.

Подводя итог обзору языковых особенностей «Истории Пугачева», подчеркнем, что основные компоненты, составляющие в тексте набор языковых средств научного стиля, выявляются на уровне грамматики, при построении предложения и организации всего текста. Именно отбор грамматических форм и типов предложений с определенными семантическими свойствами позволяет достичь эффекта передачи информации минимальным количеством единиц. Синтаксическая организация текста служит той же цели — выполнению информативной функции при максимальной отстраненности автора от оценки событий. Конструкции, способствующие точной передаче фактов, встроены в описание в соответствии с реальным ходом вещей, эмоциональные компоненты практически не выявляются. В «Истории Пугачева» «...сдержанность его (Пушкина — Н.П.) прозаического слога, возведенного им в принцип, достигла почти предела возможного»

[Булаховский 1957, с.210]. Во всем произведении соблюдены композиционные и конструктивные требования научного стиля, и все эти элементы оформления научного текста активно используются в современной научной речи. Перечисленные свойства произведения свидетельствуют о его несомненной принадлежности к нехудожественным текстам. «История Пугачева» нацелена на выполнение информативной, а не эстетической функции; в ней не прослеживается «особая семантическая организация», сопровождаемая «сигналами», привлекающими внимание читателя к семантической структуре текста [Лотман, 1992, с.206].

Нехудожественный текст А.С. Пушкина 30-х годов XIX в. по своим параметрам входит в корпус первых образцов научного гуманитарного описания на русском языке. Принципы построения такого текста в указанную эпоху находились еще в процессе формирования, однако текст «Истории Пугачева» практически полностью соответствует грамматическим нормам современной научной речи. Использование семантического потенциала глагольных форм и возможностей синтаксиса предложения позволило автору добиться в нехудожественном тексте необходимого баланса формы и содержания, а также максимально насытить научную прозу фактической информацией. Свойственное А.С. Пушкину безупречное чувство языка и способность «угадывать тенденции развития языка» [Падучева, 2001, с.97] актуализировались в тексте, соответствующем прагматике научного описания. Исследование роли А.С. Пушкина в становлении нехудожественных жанров русского литературного языка в аспекте исторической стилистики представляется интересной задачей, поскольку позволяет выявить не только языковые факты, но и особенности развития русского мировосприятия, поскольку «стиль — всегда следствие состоявшихся изменений по линии «язык – мышление» [Колесов, 1990, с.22].

Список литературы:

- Акимова Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 168 с.
- Алексеев М.П.* Пушкин и наука его времени (Разыскания и этюды) // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т.1. С.9–125.
- Булаховский Л.А.* Русский язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Киев: Издательство Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. 1957. 492 с.
- Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Наука, 1982. 529 с.
- Добровольский Д.О.* К динамике узуса (Язык Пушкина и современное словоупотребление) // Русский язык в научном освещении. №1. 2001. С.161–178. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/dobrovolsky-01/html>
- Колесов В.В.* Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка. Межвузовский сборник научных трудов. Петрозаводск, 1990. С. 16-36.

- Кутина Л.Л.* Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М., Л.: Наука, 1964. 218 с.
- Лотман Ю.М.* О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Ю.М. Лотман // Избранные статьи. В 3 т. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С.204–216.
- Падучева Е.В.* Русский литературный язык до и после Пушкина // Gerhard Ressel (ed.) A.S.Pushkin und die kulturelle identit ät Russlands. Frankfurt/Main, Peter Lang, 2001, 97-108.
- Пушкин А.С.* История Пугачева // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 8. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 1978а. С.107–246.
- Пушкин А.С.* О прозе // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 1978б. С.12–13.
- Пушкин А.С.* О причинах, замедливших ход нашей словесности // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 1978в. С.14–15.
- Пушкин А.С.* Письмо к издателю // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 1978г. С.326–331.
- Тарланов З.К.* Заметки о русском литературном языке Пушкинской поры // Русская речь. №5. 2013. С.68-73.
- Энциклопедический стилистический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука — 2003. — Режим доступа: <https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/89-Научный%20стиль> (ЭССРЯ)

Саникидзе И.Т.
ТГУ имени Иванэ Джавахишвили
г. Тбилиси (Грузия)

Sanikidze Inga
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
Tbilisi (Georgia)

СИСТЕМА БИНАРНОГО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВИДА В СЛАВЯНСКИХ И КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

SYSTEM OF BINARY EXPRESSION CATEGORY OF ASPECT IN SLAVIC AND CARTVELIAN LANGUAGES

В статье говорится о передаче категории вида в славянских и картвельских языках. Вообще, сущность морфологической категории лучше всего проявляется в языках с богатой морфологией, где сравнительно полнее могут быть реализованы потенциальные семантические возможности категории. Вид, со своими многозначными семантическими группами, характерен для многих языков. Языки разного происхождения своим бинаризмом выявляют удивительное сходство. Отмечается, что категория вида в славянских языках и системы ее выражения типологически, своей бинарностью, очень похожа на категорию вида картвельских языков. Абсолютное сходство наблюдается и с семантической точки зрения. Они следуют единой модели языкового мышления, префиксальными маркерами выполняют процессы, выраженные глаголом, конкретизируют действие и некогда лексическими единицами (подразумеваем приставки славянских языков и превербы грузинских глаголов) становятся причиной морфологического противопоставления.

The article deals with the transfer the category of aspect in the Slavic and Kartvelian languages. In general, the essence of the morphological category is best manifested in languages with a rich morphology, where the potential semantic possibilities of the category can be realized more completely. The aspect, with its many-valued semantic groups, is characteristic of many languages. Languages of different origin reveal a surprising similarity with their binarism. It is noted that the category of aspect in the Slavic languages and the system of its expression are typologically, its binary, very similar to the category of of aspect in Kartvelian languages. Absolute similarity is observed from the semantic point of view. They follow a single model of linguistic thinking, perform the processes expressed by the verb with prefix markers, specify the action, and once the lexical units (we mean prefixes of Slavic languages and preverbs of Georgian verbs) cause a morphological opposition.

Ключевые слова: морфология, бинаризм, категория вида в славянских языках, грузинский язык.

Keywords: morphology, binarism, category of the species in the Slavic languages, Georgian language.

Вообще, в современном языкознании морфологическая категория рассматривается как единство схожих по содержанию противопоставленных форм внутри одной конкретной части речи. На синхронном уровне сложно отдать приоритет форме или содержанию морфологической категории, какой-то одной ее стороне, т.к. языковое содержание является таким же основным объектом языковедческого исследования, как и языковая форма. Вместе с тем, нужно отметить и то, что сущность морфологической категории лучше всего проявляется в языках с богатой морфологией, где сравнительно полнее могут быть реализованы потенциальные семантические возможности категории. Обычно, характер действия/состояния оценивается по условиям их протекания. Исходя из этого, в глагольных

процессах имеют место такие содержания, как: диуративное-моментальное, результативное-нерезультативное, однократное-многократное, совершенное-несовершенное. Передать на морфологическом уровне весь спектр содержаний не под силу ни одному языку. Поэтому только некоторые из них могут стать объектом морфологического описания. В лингвистической литературе известным фактом является то, что *вид* в славянских языках – это особо ярко выраженная морфологическая категория.

Дело в том, что семантико-морфологическое сопоставление видовых форм славянских языков, которое сегодня выражено в морфологическом оформлении совершенных и несовершенных содержаний и создает бинарную оппозицию, в значительной степени схоже с системой, характерной для типологически отличного языка – грузинского; а сходство, в первую очередь, выражается в наличии парной формы. На синхронном уровне грузинский язык также является бинарным с точки зрения морфологического выражения вида, в нем сопоставление также состоит в морфологическом маркировании несовершенных и совершенных содержаний.

Не лишен научного интереса также тот факт, что парная система кратной-многократной категории славянских языков со своими семантическими знаками тоже проявляет сходство с кратной-многократной категорией грузинского языка.

Язык, как форма индивидуального поведения, находится в прямой связи с формой общечеловеческой культуры, поэтому существование типологически изоморфных лексических или грамматических категорий проявляется в однотипности психолингвистических факторов. Исследования отдельных морфологических категорий конкретного языка дают основание для установления универсальных свойств языковых категорий, а «языковые универсалии по своей природе являются обобщенными высказываниями о тех свойствах и тенденциях, которые присущи любому языку и разделяются всеми говорящими на этом языке» [Гринберг, Осгурд, Дженкинс, 1970, с. 31].

Исходя из того, что быт всегда оказывает влияние на образ жизни социальных групп людей и определяет развитие языка, внимание заслуживают все слои, проступающие в диахронии, в нашем случае – в славянском и грузинском мирах. Мы думаем, что это – часть языкового мировосприятия, которую можно назвать парной, т.е. дуальной социальной организацией. Видна изначальная, базисная концептуальная модель, построенная на двух взаимно противоположных основах. Например, создание бинарной оппозиции морфологической категории числа (единственное-множественное) в большинстве языков опирается на двучленную систему осмысления вселенной и, в большинстве случаев, оформляется на морфологическом уровне. Подобное положение наблюдается и на

лексическом уровне, когда дело касается селекции слов на антонимические пары (черное и белое, или: небо и земля и т.д.). Фактом остается то, что бинарность сохраняет гегемонию и в большей части языков на лексико-грамматическом уровне до настоящего времени не сдает позиций. Если исходить из тезиса-аксиомы, что часть – это составная целого, тогда становится понятным и то, что, как замечают Т. Гамкрелидзе и В. Иванов, языковое мышление древнейших картвельских племен опиралось на парную модель также, как и в типологически отличных индоевропейских языках. В труде «Индоевропейский язык и индоевропейцы» читаем: «Дуальная социальная организация древнего индоевропейского общества, основанная на дуалистическом характере брачно-родственных отношений, при которых происходит обмен женами между объединяемыми кровным родством двумя половинами социальной структуры, накладывает глубокий отпечаток на характер духовной жизни древних индоевропейцев и определяет бинаризм» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 776]. Как уже отмечалось выше, такого рода бинаризм с древних времен должен был быть ведущим в архитектуре морфологических категорий и представлять собой фундаментальный протоконцепт морфосемантических оппозиций. Существующие в языках несколько универсальных подходов к парному противопоставлению проявляют себя и в такой древней морфологической категории, каким является вид.

Начиная с V века (т.е. после того, когда положение языка подтверждается письменными памятниками), система бинарной видовой оппозиции неизменна и ее члены носят функцию совершенности-несовершенности; однако, значительная часть грузинских языковедов, исследуя вопросы, касающиеся грамматического вида, приходят к заключению, что «категория времени создана намного позднее на почве категории вида. Спряжение заключалось в изменении вида... язык тогда старался передать не столько время, сколько продолжительность действия» [Чикобава, 1943, с. 92-93]. И действительно, дюративность, которая подразумевает процессуальное течение, продолжительность выраженного глаголом действия, логически могла совмещать и другие видовые значения и, что самое главное, значение настоящего времени. Такое же положение должно было быть и в случае моментального, прерванного действия. Очевидно, вместе с прерывистостью действия, древнегрузинский язык выражал и то, каково действие.

На протяжении длительного исторического периода переосмысления дюративного содержания в несовершенный вид и моментального – в морфосемантическую модель совершенного вида, в сфере выражения морфологической формы вида грузинский язык прошел через разные этапы и в конце (XII век) пришел к префиксальному противопоставлению оппозиционных единиц (აჯობა – გააჯობა (ak'eta – ga-ak'eta) / делал –

с-делал). Из этих единиц беспревербная оппозиционная единица передает несовершенное значение, а превербная – совершенное.

Противопоставление совершенного и несовершенного вида является основным и в современном грузинском, другие видовые значения (однократность-многократность, результативность, семелфактивность и т.д.) объединяются под общим понятием вида и морфологически не оформлены. Их передача осуществляется на лексическом уровне (напр.: ვაკეთებ ხოლმე (vak'eteb kholme) (многократное) – то же самое, что и: ვაკეთებ არაერთხელ (vak'eteb araertkhel) / делаю не раз), поэтому подобные содержания – это семантические нюансы, сопровождающие несовершенное и совершенное действия. Они являются членами лексико-семантической категории, а не грамматической. Таким образом, в современном грузинском языке для семантических признаков основная линия дифференциации проходит там, где заканчиваются несовершенные процессы и начинается значение совершенности, которые вместе с категорией времени передают и то, каково действие.

Вид, со своими многозначными семантическими группами, характерен для многих языков. Один из грузинских ученых пишет: «Обычно, классическим образцом вида называют, с одной стороны, древнегреческий, где друг другу противостоят презенс, аорист и имперфект, а с другой стороны, славянские языки, в которых различаются совершенный (перфектный) и несовершенный (имперфектный) вид» [Чумбуридзе, 1986, с. 8].

В данном случае нас интересует категория вида в славянских языках и системы ее выражения, которая типологически, своей бинарностью, очень похожа на категорию вида картвельских языков. Абсолютное сходство наблюдается и с семантической точки зрения.

Стоит отметить, что русский ученый Г. Ульянов категорию вида считает вытекающей из индоевропейского [Ульянов, 1985, с. 8]. Такого же мнения придерживается Ант. Мейе. По мнению ученого, вид – это общеславянская категория, несмотря на то, что в славянских языках вид не сохранил древнейшие видовые отличия, имеющие место в протоиндоевропейском языке. По своему значению система славянского глагола не отличается от греческого, различие наблюдается только в форме [Мейе, 1951, с. 228-230].

В современной аспектологии более популярна теория, считающая вид в славянских языках – новообразованием. Основоположником данной теории является А.А. Потебня. По его замечанию, «вида вовсе не было в языке славянском, как, например, нет его в настоящее время в немецком» [Потебня, 1941, с. 47]. В польском языке, который входит в западную группу славянских языков, ситуация несколько отлична. Можно сказать, что логическая

категория вида здесь передается лексическими средствами, теряющими свою содержательную функцию и приобретающими функцию выражения вида. Вместе с тем, не существует ни одного внутреннего критерия, который помог бы не знающему польский человеку, уяснить, конкретный глагол является совершенным или несовершенным [Кошмидер, 1962, с. 113-114].

В научной литературе подмечено, что в древнерусском глаголе морфологическая категория вида до конца не сформирована, поэтому несколько оппозиций, к примеру, во времени: ограниченность – неограниченность, которую сегодня выражает категория вида, раньше передавались формами времени. Именно поэтому в древнерусском языке система времени отличалась сложностью и множеством форм. Из глубокого прошлого древнерусский язык сохранил такие виды аспектных (видовых) противопоставлений, которые выражались изменением корня глагола (к прим. решати-решити, ити-пойти...). Уже в письменных памятниках фиксируется следующее развитие категории вида – это есть ограничение действия во времени, т.е. появился семантический показатель совершенного и несовершенного, которому прибавилось формальное выражение, маркером же оказалась приставка (нести – **при**-нести). Думают, что подобное развитие категории вида в русском вызвало изменение системы категории времени [Голубева, 1964, с. 3-4].

Как мы уже отметили, синхронное положение русского языка – образовывать совершенный вид с приставкой, своей системой, фактически, схоже с положением в грузинском языке. Ядро, передающее глагольные процессы между оппозиционными единицами – общее. В нем скрыт тот семантический знак, к которому может быть добавлено завершение т.н. общего действия. Язык, который является сознательным продуктом логического мышления социальных групп людей, обычно, не довольствуется, не ограничивается только обобщенными, лишенными конкретики содержаниями, в том числе и в аспектологическом отношении. Если учесть то обстоятельство, что синхронное положение любого языка – это результат диахронных и, к тому же, эволюционных процессов, намного большую ценность приобретает совокупность тех явлений, которые всегда говорят о тенденциях развития языков. Отметим и то, что когда семантический настрой языков устойчив, обозначаемому (в широком смысле слова, напр., значению множественности) придается содержание обозначающего; и в этом случае строится грамматический уровень. По нашим соображениям, сходство между славянскими и картвельскими языками с точки зрения морфологического выражения вида, их общий механизм, т.е. маркированность (префиксальное словообразование), отображает общий, несколько универсальный подход в языковом мышлении. Как приставка, так и преверб

могут передавать конкретное глагольное действие. Исходя из этого, можно представить полную форму того же действия, без которой глагольный процесс носит общий характер, т.е. не завершен (напр.: груз. **გადა-** (gada-) = рус. **пере-** ; поэтому: груз. **გადა-დგა** (gada-dga) = рус. **пере-**ставил). Мы думаем, что с типологической точки зрения именно эта часть представляет интерес, в частности то обстоятельство, что языки разного происхождения своим бинаризмом выявляют удивительное сходство. Они следуют единой модели языкового мышления, префиксальными маркерами выполняют процессы, выраженные глаголом, конкретизируют действие и некогда лексическими единицами (подразумеваем приставки славянских языков и превербы грузинских глаголов) становятся причиной морфологического противопоставления.

Список литературы:

- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы, т.2. Тб., изд-во Тбилисского государственного университета, 1984.
- Голубева Е., Коневский А., Судовичене Л.* Глагол. Вильнюс, 1964.
- Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж.* Меморандум о языковых универсалиях в сборнике // «Новое в лингвистике», т.5. М., 1970.
- Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола, опыт синтеза // «Вопросы глагольного вида». М., изд-во «Иностранная литература», 1962.
- Мейе А.* Общеславянский язык. М., изд-во «Иностранная литература», 1951.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике, т. 4. М-Л, изд-во «Учпедгиз», 1941.
- Ульянов Г.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, разд. II. Варшава, 1985.
- Чикобава Арн.* К вопросу об историческом месте пермансива в системе спряжения грузинского глагола. СМАН, 4, №1. Тб., изд-во АН Грузии, 1943 (на груз. яз.).
- Чумбуридзе З.* Будущее время в картвельских языках. Тб., изд-во ТГУ, 1986 (на груз. яз.).

Су Муюань
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Su Muiuan
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

О СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

ABOUT MODERN CHINESE PHRASEOLOGICAL DICTIONARIES

В статье рассматривается структура двух современных китайских словарей фразеологизмов — «成语大词典» («Большой словарь чэньюй») и «新华成语词典» («Словарь чэньюй Синьхуа»). В китайском языке есть несколько разрядов фразеологических единиц, и чэньюй являются одним из самых интересных разрядов для лингвистов. Чэньюй часто используются и в устной, и в письменной речи, и китайцы постоянно прибегают к этим освящённым временем оборотам, которые придают убедительность речи. Чэньюй – это языковое национальное достояние китайцев. В данной статье сравниваются макроструктура и микроструктура двух китайских словарей, выявляются их черты сходства и различия. Каждый чэньюй снабжён одним или двумя примерами из разговорной речи или художественной литературы (как современной, так и древней китайской). Словарная статья содержит подробное толкование его значения, синонимы, антонимы, а также богатый иллюстративный материал.

The article discusses the structure of two Chinese Idioms Dictionary — A dictionary of idioms and Xinhua Idiom Dictionary. Chinese idioms (Chengyu) are very important both in oral and in written speech. Chinese usually like to use these kinds of phrases in the speech of lofty style to give credibility to speech. The macrostructure and microstructure of the dictionary are analyzed. The macrostructure of the Chinese idioms dictionary is different from the Russian one. The microstructure of the Chinese dictionary is different from the microstructure of Russian idioms dictionaries in a number of parameters. Each chengyu provides with one or two examples from the speaking language or artistic literature (both modern and ancient Chinese literatures). The dictionary articles contain a detailed interpretation/explanation, synonyms, antonyms, as well as rich illustrative material.

Ключевые слова: словарь фразеологизмов, чэньюй, макроструктура, микроструктура, словарная статья.

Keywords: dictionary of idioms, idioms, macrostructure, microstructure, dictionary entry.

В современном Китае издаётся много словарей чэньюй, и одни из самых известных — «成语大词典» («Большой словарь чэньюй») и «新华成语词典» («Словарь чэньюй Синьхуа»). Чэньюй – «букв, “готовое выражение”, представляет собой явление в китайской фразеологии, обладающее целым рядом типологических особенностей и признаков, обусловленных структурно-семантическими характеристиками и принципами фонетического строя, историей развития китайского языка, эти фразеологические словосочетания построены по нормам древнекитайского языка, экспрессивны» [Войцехович, 2007, с.18]; «成语是相沿用已久、约定俗成的固定词组。运用得当，有助于言

简意赅地说明道理, 形象生动地表情达意, 讲起话来妙语连珠, 写出文章行云流水» [中华成语大词典, 2003, с. 1] «Чэньюй в китайском языке — это устойчивые выражения с глубоким образным значением, которые используются в повседневном языке. И в устной, и в письменной речи китайцы постоянно прибегают к освящённым временем оборотам, которые придают убедительность речи». Основными особенностями этих китайских фразеологизмов является их четырёхчленная структура, «устойчивость и непроницаемость этой структуры» [Войцехович, 2007, с. 42] и то, что чэньюй существуют уже в течение многих столетий, являясь языковым национальным достоянием китайцев. До сих пор образуются всё новые, современные, чэньюй, которые используются в речи китайцев и включаются в современные китайские фразеологические словари [陈晓红, 2012, с. 79-80].

Считается, что первый в Китае словарь чэньюй «满汉六部成语» («Маньчжурско–китайские чэньюй о шести ведомствах») появился в 1842 году. Он содержит 2572 словарных статей, заголовочными словами которых служат не только собственно чэньюй, но и различные виды китайских словосочетаний, причём каждая словарная статья представлена сначала на маньчжурском языке (в этот период в Китае правила маньчжурская династия), а затем на вэньянь⁶⁷. Потом появились, например, такие словари чэньюй, как «多功能成语词典» («Многофункциональный словарь чэньюй»), «汉语成语辞海» («Море слов чэньюй китайского языка»), «小学生成语词典» («Школьный словарь чэньюй»), «汉语成语词典» («Словарь чэньюй китайского языка»), «学生成语词典» («Студенческий словарь чэньюй»), «小成语词典» («Маленький словарь чэньюй»), «万条成语词典» («Словарь чэньюй десяти тысяч словарных статей»), «简明汉语成语词典» («Краткий словарь чэньюй китайского языка»).

Анализируемый в статье «成语大词典» («Большой словарь чэньюй») (1542 стр.), вышедший в 2012 году, является дополненным изданием по сравнению с первым, опубликованным в 2004 году, и содержит в общей сложности более 18 000 фразеологизмов

---

⁶⁷ «Вэньянь, *вэньяньвэнь* («письменный», или «литературный язык»). Термин употребляется применительно к кит. письм. языку, воспроизводящему грамматич. и лексич. особенности раннеклассич. (эпоха Чжань-го, V-III вв. до н.э.) и отчасти позднеклассич. (эпоха Хань, 206 до н.э. — 220 н.э) др.-кит. Текстов» [Завьялова, 2008, с. 693].

и 2600 тысяч иероглифов. Вторым исследуемый словарь «新华成语词典» («Словарь чэньюй Синьхуа») (1185 стр.) вышел вторым изданием в 2015 году (первое издание было опубликовано в 2002 году), содержит 10481 словарную статью.

Оба словаря имеют сходную макроструктуру, основное место в которой занимает корпус словарных статей. В обоих словарях заголовочными словами являются как пришедшие с глубины веков, так и созданные в современном Китае чэньюй. Среди них есть такие, которые в настоящее время употребляются мало (например, в обоих словарях: «【精兵简政】 [成语大词典, 2012, с. 578], [新华成语词典, 2015, с. 411] «сокращение военного и административного управленческого аппарата»), и те, которые оказались актуальными в современном Китае («【一模一样】 [成语大辞典, 2012, с. 1289], [新华成语词典, 2015, с. 973] «(похожий) как две капли воды; одно и то же»). В оба словаря вошли словарные статьи о тех чэньюй, которых не было в первом издании каждого словаря.

В обоих словарях есть дополнительная информация о словаре в виде следующих разделов: «修订说明 / 第二版修订说明» (Объяснение исправлений / Объяснение исправлений второго издания); «前言 / 第一版前言» (Предисловие / Предисловие первого издания); «凡例 / 凡例» (Пояснение к словарю / Пояснение к словарю). В том и другом словарях есть одинаковые разделы “词目首字音序表” (Упорядоченный перечень чэньюй по пиньинь первого иероглифа) и (после корпуса) раздел «词目笔画索引» (Указатель количества черт иероглифа). В «Объяснении исправлений» обоих словарей говорится о том, что частично словарные статьи дополнены, что сокращены статьи, посвящённые малоупотребительным чэньюй, а также о том, что добавлены новые иллюстрации, повышена точность толкований, увеличено количество использованных источников. В «Предисловии» обоих словарей указывается то, как именно изменены (дополнены и уточнены) словарные статьи.

В «Пояснениях к словарю» обоих словарей отмечается, что словарные статьи расположены упорядочено по алфавитному порядку записи на ханьюй пиньинь⁶⁸ первого из четырёх иероглифов чэньюй. Если первые иероглифы по звучанию одинаковы, то чэньюй упорядочиваются по второму или третьему иероглифу. Если первый иероглиф у нескольких

---

⁶⁸ “Пиньинь (устовно «кит. фонетический алфавит») Принятая в КНР и получившая междунар. распространение система записи слов кит. яз. буквами лат. алфавита” [Концевич, 2008, с. 708].

чэньюй читается одинаково, но тоны, с которыми этот иероглиф произносится, разные, то порядок следования этих чэньюй следующий: сначала чэньюй, имеющий ровный тон (первый тон Инь Пин в путунхуа⁶⁹, обозначается таким диакритическим знаком, как макрон «греч. μακρόν «длинный, долгий», «̄»)), затем чэньюй с восходящим тоном (второй тон Ян Пин в путунхуа, обозначается острым ударением «´»), потом с нисходяще–восходящим тоном (третий тон Шан Шэн в путунхуа, обозначается гачеком «ˇ»), в конце – чэньюй, обладающий нисходящим тоном (четвёртый тон Цюй Шэн в путунхуа, отмечается на письме тупым ударением «`»). Так, например, в обоих словарях чэньюй «哀兵必胜» [āi bīng bì shèng] «войско, униженное поражением, одержит победу» начинается с первого иероглифа «哀 āi» с первым тоном, а в «爱财如命» [ài cái rú mìng] «любить деньги больше жизни» произношение первого иероглифа тоже «爱 ài», однако это четвёртый тон. Поэтому чэньюй «哀兵必胜» [āi bīng bì shèng] расположен перед чэньюй «爱财如命» [ài cái rú mìng]. Если первые иероглифы по звучанию одинаковы, то чэньюй располагаются по второму или третьему иероглифу. Например, в чэньюй «爱不释手» [ài bù shì shǒu] «слишком много любить, чтобы с ним расстаться» и «爱憎分明» [ài zēng fēn míng] «иметь чёткую позицию относительно того, что любить и что ненавидеть» первые иероглифы одинаковы и, поскольку [bù] предшествует [zēng], чэньюй «爱不释手» [ài bù shì shǒu] расположен перед чэньюй «爱憎分明» [ài zēng fēn míng].

Также в «Пояснениях к словарю» обоих словарей говорится о том, что если разные первые иероглифы чэньюй звучат одинаково, то порядок следования чэньюй в словаре обусловлен количеством черт в иероглифе: иероглиф с меньшим количеством черт предшествует иероглифу с большим количеством черт. Например, в чэньюй «匪夷所思» [fěi yí suǒ sī] «никто об этом и подумать не может» и «斐然成章» [fěi rán chéng zhāng] «проявить яркий литературный талант» у первых иероглифов – одинаковое звучание, но черт у первого иероглифа «匪» (12 черт) меньше, чем у второго «斐» (13 черт), поэтому чэньюй «匪夷所思» [fěi yí suǒ sī] расположен перед чэньюй «斐然成章» [fěi rán chéng zhāng].

---

⁶⁹ «Путунхуа – официальный китайский язык, основан на пекинском произношении и вобрал не только пекинские, но также многие лексические и некоторые грамматические составляющие северных диалектов в целом. В КНР этот язык называется “общеупотребительным”» [Завьялова, 2014, с.37].

Также в «Пояснениях к словарю» обоих словарей указывается, что в случае, если количество черт в иероглифах чэньюй, расположенных на странице, совпадает, то будет применяться порядок «старшинства» черт в системе иероглифов: при написании иероглифа сначала следует черта «一» (хэн, héng, горизонтальная черта); «丨» (шу, shù, вертикальная черта); «丿» (пе, piě, откидная влево); «丶» (дянь, diǎn, точка); «㇇» (чжэ, zhé, крюк). Это правило расположения чэньюй позволило создать для словарей систему поиска по чертам – в рассматриваемых словарях эта система изложена в приложении «词目笔画索引» (Указатель количества черт иероглифа), в котором чэньюй расположены в том порядке, в котором пишутся черты первого иероглифа этого чэньюй. Этот указатель находится в самом конце словарей после корпуса словарных статей.

В обоих словарях перед корпусом словарных статей расположен «词目首字音序表» (Упорядоченный перечень чэньюй по пиньинь первого иероглифа), созданный, как и «Указатель количества черт иероглифа», для того, чтобы найти нужный чэньюй. В этом указателе чэньюй приведены по алфавитному порядку, принятому в пиньинь: сначала идёт полужирная прописная буква латинского алфавита, ниже фонетическая транскрипция первого иероглифа чэньюй, затем сам первый иероглиф чэньюй, справа от которого приводится номер страницы, на которой находится этот чэньюй:

A	B	C	D	E
āi	bā	cā	dá	ē
哀 1	八 20	擦 151	达 237	阿 311
挨 2	Bá	Cái	答 237	婀 311
唉 3	拔 22	才 151	dǎ	é
ǎi	跋 25	材 153	打 237	讹 312
矮 3		财 153		峨 312

Так, все перечисленные далее в скобках чэньюй, начинающиеся с одного и того же иероглифа («哀兵必胜» [āi bīng bì shèng] «войско, униженное поражением, одержит победу», «哀而不伤» [āi ér bù shāng] «печальный, но не разрывающий сердце», «哀感顽艳» [āi gǎn wán yàn] «песня доходит до сердца, как тупых, так и умных (о силе воздействия на всех литературно-художественного произведения), «哀鸿遍野» [āi hóng biàn yě] «земля

кишит жертвами стихийных бедствий», «哀毀骨立» [āi huǐ gǔ lì] «быть истощённым от горя», «哀莫大于心死» [āi mò dà yú xīn sǐ] «ничто не может быть хуже духовной смерти», «哀丝豪竹» [āi sī háo zhú] («печальные аккорды струн, призывные звуки труб») расположены на странице 1 обоих словарей.

В рассматриваемых словарях одинаково оформлены страницы: в верхней части страницы находятся постраничные указатели тех чэньюй, которые напечатаны на данной странице словаря, причём каждый указатель включает по одному первому иероглифу от всех чэньюй, которые приводятся на данной странице, а также транскрипцию пиньинь первого иероглифа каждого чэньюй. Например, указатель (屈趋曲 qū – qū 869) на странице 869 словаря «成语大词典» («Большой словарь чэньюй») говорит о том, что на этой странице приведены чэньюй, начинающиеся с иероглифов 屈 (【屈指可数】 qū zhǐ kě shǔ «можно на пальцах сосчитать (о чём-л. малочисленном)»), 趋 (【趋吉避凶】 qū jí bì xiōng «стремиться к удаче и избегать бед»; 【趋利避害】 qū lì bì hài «стремиться к выгоде (прибыли) и избегать потерь (ущерба, убытка)»; 【趋炎附势】 qū yán fù shì «заискивать перед сильными мира, лстить власть имущим»; 【趋之若鹜】 qū zhī ruò wù «приняться стаями, как утки (бросаться в аферу)»; 曲 (【曲高和寡】 qū gāo hè guǎ «мелодия настолько изысканна (высока), что подтянут немногие (быть малодоступным, трудно понимаемым; предназначается для избранных)»).

В макроструктуре «成语大词典» («Большой словарь чэньюй») и «新华成语词典» («Словарь чэньюй Синьхуа») есть не только сходство, но и различия. Во-первых, в «成语大词典» («Большой словарь чэньюй») почти в два раза больше словарных статей, чем в «新华成语词典» («Словарь чэньюй Синьхуа»). Во-вторых, в отличие от «新华成语词典» («Словарь чэньюй Синьхуа»), в «成语大词典» («Большой словарь чэньюй») есть довольно подробная «Инструкция по использованию словаря» (使用说明).

Словарные статьи обоих словарей имеют черты сходства – есть транскрипция на пиньинь с указанием тона, толкование, указание на происхождение чэньюй, цитаты (одна

или две) из текстов на вэньяне, где встречается этот чэньюй, например: « **【沧海一粟】** cāng hǎi yī sù [释义]大海中的一粒谷子。比喻非常渺小的东西。[出处] 宋·苏轼《前赤壁赋》：「寄蜉蝣于天地；渺沧海之一粟。[例句] 丁玲《牛棚小品》：“我们不是孤独的，多少有功之臣，有才之士都在遭难受罪，我们只是沧海一粟，不值得哀怨。”[近义] 九牛一毛 [反义] 硕大无朋» [成语大辞典, 2012, с. 161] «Маленькая частичка в безбрежном море, капля в море <...>. [Толкование] Зерно кукурузы в море. Описывается очень малая вещь. [Происхождение] Династия Сун, Су Ши «Первая Ода о Красной скале»: «Мы, как бабочки, наслаждаемся мерцанием жизни в этом мире и столь же бесконечно малы, как зерно в огромном море». [Пример во фразе] Дин Лин, «Фельетон в коровнике»: «Мы не одиноки, сколько достойных служителей, талантливых людей страдают от греха, мы всего лишь капля в море, не достойная обид». [Синоним] Один волосок с девяти быков. [Антоним] Не имеющий себе равных; « **【沧海一粟】** cāng hǎi yī sù 沧海：大海。粟：谷子。大海中的一粒谷子。比喻非常渺小的东西 宋·苏轼《前赤壁赋》：「寄蜉蝣于天地；渺沧海之一粟» [新华成语词典, 2015, с. 97] <...> Зерно кукурузы в море. Описывается маленькая частичка в безбрежном море, ничтожная величина. Династия Сун, Су Ши «Первая Ода о Красной скале»: «Мы, как бабочки, наслаждаемся мерцанием жизни в этом мире и столь же бесконечно малы, как зерно в огромном море».

В микроструктурах обоих словарей есть различия. Во-первых, словарные статьи в «成语大词典» («Большой словарь чэньюй») имеют больший объём, чем словарные статьи в «新华成语词典» («Словарь чэньюй Синьхуа»). Это обусловлено как тем, что несмотря на то, что в обоих словарях приведены примеры использования чэньюй в современных текстах, таких примеров в «成语大词典» («Большой словарь чэньюй») гораздо больше, чем в «新华成语词典» («Словарь чэньюй Синьхуа») (второе различие), так и тем, что, в отличие от «新华成语词典» («Словарь чэньюй Синьхуа»), в «成语大词典» («Большой словарь чэньюй») даны синонимы и антонимы к чэньюй-заголовочному слову (третье различие), например: “ **【才高八斗】** cái gāo bā dòu [释义]形容文才非常高。[出处] 五代·李翰《蒙求》：「谢灵运

尝云：‘天下才共有一石，曹子建自己独得八斗，我得一斗，自古及今同用一斗’。» [例句] 陈国凯《代价》：«可是对那些和他一样，对美术一窍不通的客人，他则大谈古往今来的诗画名稿了，往往使人肃然起敬，觉得邱建中确实是才高八斗，学富五车。[近义] 才华横溢 [反义] 才疏学浅» [成语大辞典, 2012, с. 151] «Есть восемь мер выдающихся способностей и эрудицией <...>. [Толкование] Описываются высокие и блестящие способности. [Происхождение] Эпоха пяти династий, Ли Хан «Мэн Цю»: «Се Линюнь говорил: Во всем мире талант разделен на десять частей, а один человек, Цао Цзыцзянь, получил восемь частей. Хотя я получил одну, и люди, от древности до наших дней, получили тоже одну». [Пример во фразе] Чэнь Гокай «Цена»: «Но для тех, кто, как и он, который ничего не знает об искусстве, а рассказывает о стихах и картинах прошлого и настоящего, часто впечатляя людей, думает, что Цю Цзяньчжун отличается выдающимися способностями и эрудицией, у него семь пядей во лбу». [Синоним] Наукою богат на целых пять возов. [Антоним] Способности скромны и знания поверхностны; «【才高八斗】 cái gāo bā dòu 南朝宋·谢灵运 曾说：“天下才有一石，曹子建独占八斗，我得一斗，天下共分一斗。后用“才高八斗”形容文采极高»。刘绍棠《草莽》：«十载寒窗，才高八斗，学富五车，也只落得三家村里教私塾» [新华成语词典, 2015, с. 91] «Есть восемь мер выдающихся способностей и эрудицией <...>. Южная династия Сун: «Се Линюнь говорил, что во всем мире талант разделен на десять частей, а один человек, Цао Цзыцзянь, получил восемь частей. Хотя я получил одну, и люди, от древности до наших дней, получили тоже одну». Потом описываются высокие и блестящие литературные способности. Лю Шаотан «Глушь»: «Он десять лет упорно учился, невзирая на лишения, отличался выдающимися способностями и эрудицией, в конце работал учителем в маленькой деревне».

Четвёртое различие: в словарных статьях «成语大词典» («Большой словарь чэньюй») для чэньюй с отчётливой положительной или отрицательной окраской есть указания на такую окраску, а в «新华成语词典» («Словарь чэньюй Синьхуа») таких помет нет, например: «【守株待兔】 shǒu zhū dài tù [释义] 比喻死守狭隘的经验，不知变通。也比喻妄想不通过主观努力而侥幸得到以外的收获。[出处] 《韩非子·五蠹》：«宋人有耕者，田

中有株，兔走触株，折颈而死，因事起耒而守株，冀复得兔，兔不可复得，而身为宋国笑。»[例句]《蔡廷锴自传》：«二弟曾习缝衣，虽未熟练，已能粗成，若仍守株待兔，诚恐养成怠惰，却亦坐食山崩。» [近义] 刻舟求剑 [反义] 见机行事 [用法] 贬义» [成语大辞典, 2012, с. 993] <...>. Сторожить пень в ожидании зайца <...>. [Толкование] Стоять на пеньке, ожидая, когда появятся новые зайцы и столкнутся с пнём – вера в случай. Дождаться того, чтобы счастье само привалило. [Происхождение] «Хань Фэй-цзы • Уду»: «В династии Сун был крестьянин и ничего не делал, стоял под деревом, ожидая зайца, который бросился на него, ждал каждый день под деревом в надежде, что заяц убьёт самого себя, врезавшись в ствол дерева. Другие люди в царстве Сун насмеялись над ним». [Пример во фразе] «Автобиография Цай Тинкэй»: «Младший брат учился шить одежду, и, хотя его навыки не были профессиональными, он мог начать работать. Если человек сторожит пень в ожидании зайца, боюсь, что он будет ленивым, промотает всё состояние.» [Синоним] Сделать на борту лодки зарубку, чтобы потом найти оброненный в воду с этого места меч. [Антоним] Действовать так, как требуют обстоятельства. [Речевая окраска] Отрицательная; «【守株待兔】 shǒu zhū dài tù 株: 树桩子。《韩非子·五蠹》: «宋人有耕者，田中有株，兔走触株，折颈而死，因事起耒而守株，冀复得兔，兔不可复得，而身为宋国笑。»后用“守株待兔”比喻心存侥幸，希望得到意外的收获。也比喻死守狭隘的经验，不知变通» [新华成语词典, 2015, с. 737] <...>. «Хань Фэй-цзы • Уду»: «В династии Сун был крестьянин и ничего не делал, стоял под деревом, ожидая зайца, который бросился на него, ждал каждый день под деревом в надежде, что заяц убьёт самого себя, врезавшись в ствол дерева. Другие люди в царстве Сун насмеялись над ним». Затем этот чэньюй используют в значении “надеяться на авось, получение неожиданной выгоды. Цепляться за узкий опыт».

Пятое различие: лишь в «成语大词典» («Большой словарь чэньюй») для того, чтобы помочь понять смысл некоторых чэньюй, приводятся одноцветные графические иллюстрации. Шестое различие – в оформлении словарных статей, Так, как видно из приведённых выше цитат, только в «成语大词典» («Большой словарь чэньюй») перед каждым разделом словарной статьи есть указание в квадратных скобках на то, что именно этот раздел содержит (например, [出处] «происхождение», [例句] «пример во фразе», [近义] «синоним», [反义] «антоним», [用法] «речевая окраска»).

В целом можно говорить о том, что «Большой словарь чэньюй» представляет чэньюй более разносторонне, чем «Словарь чэньюй Синьхуа».

Список литературы:

Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка. Учебник / И.В. Войцехович. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 509 [3] с.

Завьялова О.И. Вэньянь // Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Том 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др.; РАН. Ин-т Дальнего Востока. М.: Издательство «Восточная письменность. Гл. ред. М.Л. Титаренко; РАН. Институт Дальнего Востока. М.: Издательство «Восточная литература», 2008. С.693-696.

Завьялова О.И. Большой мир китайского языка / О. И. Завьялова. – 2-е изд. – М.: Восточная книга, 2014. 320 с.

Концевич Л.Р. Пиньинь // Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Том 3. Литература. Язык и письменность. Гл. ред. М.Л. Титаренко; РАН. Институт Дальнего Востока. М.: Издательство «Восточная литература», 2008. С.708-710.

陈晓红《汉语成语来源类型问题综述》，《丝绸之路·甘肃兰州》，西北师范大学·知行学院·2012年第14期，79-80页 (Чэнь Сяохун. Краткое изложение происхождения китайских чэньюй // Великий шёлковый путь. Провинция Ганьсу, г. Ланьчжоу: Северо-западный педагогический университет, Институт Чжи Син, 2012 (14). С. 79-80).

成语大词典.出版社：北京商务印书馆. 1541 页 / 2012 年 (Большой словарь чэньюй. Пекин: Коммерческое издательство, 2012. 1541 с.).

新华成语词典.出版社：北京商务印书馆. 1185 页/ 2015 年 (Словарь чэньюй Синьхуа. Пекин: Коммерческое издательство, 2015. 1185 с.).

中华成语大词典.出版社：中国大百科全书出版社. 1086 页 / 2003 年 (Китайский фразеологический словарь. Пекин: Издательство большой китайской энциклопедии, 2003. 1086 с.).

Тарасенко Т. В.

Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева
г. Красноярск (Россия)

Разумовская В.А.

Сибирский федеральный университет
г. Красноярск (Россия)

Tarasenko Tatiana

Reshetnev Siberian State University
of Science and Technology
Krasnoyarsk (Russia)

Razumovskaya Veronica

Siberian Federal University
Krasnoyarsk (Russia)

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ТРАНСЛЯТОР КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

ADVETIZING TEXT AS THE TRANSLATOR OF CULTURAL VALUES

В статье рассматривается рекламный текст и отражение в нем основных ценностей национальной культуры. Материалом послужили китайские рекламные тексты различной фактуры (печать, радио, телевидение). Культурные ценности являются фундаментом успешного рекламного сообщения, а сам рекламный текст выступает в качестве транслятора и популяризатора этих ценностей. Были выделены культурных ценностей Китая, на которые опираются создатели успешного и эффективного рекламного послания, это гармония с природой, традиции, экономия и бережливость, учтивость и вежливость, авторитет старшего поколения, коллективизм и появление относительно новой, формирующейся в китайском обществе социальной практики – культ ребенка. Анализ показал консервативность рекламы в отношении традиционных ценностей и норм в китайском обществе.

The advertizing text and its reflection of the core values of national culture are considered in the article. The Chinese advertizing texts of various nature (press, radio, television) have served as the research material. Cultural values are the base of a successful advertizing message, and an advertizing text acts as translator and popularizer of these values. The cultural values of China on which creators of a successful and effective advertizing message rely were allocated: it is harmony with the nature, traditions, economy and thrift, courtesy and politeness, authority of the senior generation, collectivism and the emergence of rather new social practice which is forming in the Chinese society– the child's cult. The analysis showed conservatism of advertizing concerning traditional values and norms in the Chinese society.

Ключевые слова: рекламный текст, культурные ценности, Китай, транслятор культуры, Dolce & Gabbana.

Keywords: Advertising message, cultural values, China, culture translator, Dolce & Gabbana.

В данной работе мы хотели рассмотреть рекламный текст и отражение в нем основных ценностей национальной культуры. Материалом наблюдений является корпус рекламных сообщений (печатные тексты, телевизионные и радиотексты), который собирался в течение двух лет.

Культурная картина мира является результатом того, что люди воспринимают, чувствуют и переживают мир по-своему и тем самым создают свой неповторимый образ мира, представление о мире, получившее название «картины мира» [Грушевицкая, 2002].

Кроме этого культурная картина мира представляет собой совокупность рациональных знаний и представлений о ценностях, нормах, нравах, менталитете собственной культуры и культур других народов. Эти знания и представления придают культуре каждого народа самобытность, благодаря чему становится возможным отличить одну культуру от другой.

По словам социологов, психологов и философов, культура в частности и общество в целом покоятся на системе ценностей. А.И. Кравченко в своей работе отмечает, что ценности представляют собой разделяемые многими людьми убеждения относительно целей, к которым следует стремиться [Кравченко, 2001]. Словарь «Культура и культурология» дает следующее определение: «Ценности – социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, справедливость, патриотизм, любовь, дружба и т.п. Ценности выражают то, как должен быть устроен мир и каким должен быть человек. Они не подвергаются сомнению, служат эталоном и идеалом для всех людей. Если верность является ценностью, то отступление от нее осуждается как предательство. Ценности представляют собой разделяемые многими людьми убеждения относительно целей, к которым следует стремиться. Культурные нормы и ценности тесно взаимосвязаны, различие между нормой и ценностью выражается так: нормы – правила поведения, ценности – абстрактные понятия о том, что такое добро и зло, правильное и неправильное, должное и не должное. Ценности имеют общее основание с нормами и всегда переводятся обществом на язык предписаний. Они – это то, что оправдывает и придает смысл нормам. Жизнь человека – ценность, а ее охрана – норма. Ребенок – социальная ценность, обязанность родителей всячески заботиться о нем – социальная норма. Одни нормы очевидны на уровне здравого смысла, мы исполняем их не задумываясь. Другие требуют от нас напряжения и серьезного нравственного выбора. В обществе одни ценности могут вступать в конфликт с другими, хотя те и другие одинаково признаются в качестве неотъемлемых норм. В христианской морали десять заповедей предусматривают сохранение человеческой жизни («не убий»), супружескую верность («не прелюбодействуй») и уважение к родителям («чти отца своего и мать свою»). Каждое общество само вправе устанавливать, что является ценностью, а что – нет» [Культура, 2003, с.882].

Роль ценностей в жизни как отдельного индивида, так и общества в целом чрезвычайно велика. В соответствии с ними происходит отбор информации в процессе общения, устанавливаются социальные отношения, формируются эмоции и чувства, навыки взаимодействия и т.д. Таким образом, ценность не есть вещь, а есть отношение к вещи, явлению, событию, процессу.

Ценности существуют как целостная система. Каждая система ценностей опирается на такие нравственные ценности, в которых представлены желательные, предпочтительные варианты взаимоотношений людей, их связей друг с другом, с обществом, как благо, добро и зло, долг и ответственность, честь и счастье.

Немалыми различиями характеризуются системы ценностей социальных слоев, классов, групп общества, поколений и половой принадлежности. Стоит отметить, что возможные конфликты ценностей, идеалов, а потом и социальные конфликты между социальными группами людей могут и должны регулироваться на базе общечеловеческих ценностей, признающих безусловную ценность мира для людей, человеческой жизни, а также общественных (общенациональных, общенародных) ценностей и свобод.

В человеческом сознании существует одновременно множество ценностей, поэтому вполне оправданно говорить о системе ценностей, поскольку ценности существуют не хаотично, они определенным образом упорядочены по отношению друг к другу. Осваивая ценности окружающего мира, человек опирается на устоявшиеся в его культуре традиции, нормы, обычаи и постепенно формирует систему основополагающих и общепринятых ценностей, служащих ему руководством в жизни. На этой основе в каждой культуре складывается своя система ценностей, отражающая ее специфическое положение в мире.

Существуют ценности личного характера, ценности, присущие определенному полу или возрасту, ценности каких-либо больших и малых групп людей, различных эпох и государств и так далее, вплоть до общечеловеческих. По этой причине в науке принято все культурные ценности систематизировать на две основные группы. Во-первых, это совокупность выдающихся произведений интеллектуального, художественного и религиозного творчества. В эту группу включаются также выдающиеся архитектурные сооружения, уникальные произведения ремесла, археологические и этнографические раритеты. Во-вторых, к числу культурных ценностей были отнесены оправдавшие себя и доказавшие на практике свою эффективность принципы совместного сосуществования людей: нравы, обычаи, стереотипы поведения и сознания, оценки, мнения, интерпретации и пр.

Ценностный подход к миру требует рассмотрения объективной реальности как результата человеческого самоутверждения; мир при таком подходе - прежде всего реальность, освоенная человеком, превращенная в содержание его деятельности, сознания, личностной культуры.

Среди ценностей личности устанавливается определенная иерархия, о которой уже упоминалось ранее. Исследователи приводят наиболее понятный каждому человеку пример

с честностью. Честность входит в набор ценностей огромного количества людей, однако место, которое она занимает в общем списке, может быть разным. Для многих честность является одной из важнейших ценностей, они ставят её на вершину пирамиды ценностей и считают недопустимым отклонения от абсолютной честности, допустив это отклонение, они считают, что нарушили некий свой жизненный принцип. Другие, у которых приоритетными являются другие ценности, например, высокий уровень заработной платы или личностный и профессиональный успех, при определенных обстоятельствах могут поступиться своими принципами и честностью, то есть пренебречь ценностью.

По мнению М.А. Кулинич, ключевые компоненты любой культуры – это нормы (т.е. выработанные в обществе правила, определяющие подобающее или неподобающее поведение в определенных ситуациях), ценности (общие представления о том, что большинство членов общества считает правильным, хорошим, желательным для себя) и символы, важнейшим из которых является язык [Кулинич, 1999, с. 32]. При всем различии и многообразии культур существуют и многочисленные культурные универсалии, например, «детство», «собственность», «семья», «путешествия и транспорт» и др. Однако эти общие категории в каждой культуре наполняются конкретным содержанием и конкретными особенностями в соответствии с нормами и ценностями общества [Vander Zanden, 1990].

На необходимость ориентироваться на культурные ценности адресата при производстве рекламы обращали внимание многие исследователи [Огилви, 2018; Хоффман, 2013; Belk, 1986]. Культурные ценности являются фундаментом успешного рекламного сообщения, а сам рекламный текст выступает в качестве транслятора и популяризатора этих ценностей [Pollay, 1990]. А «факты неполной оценочной эквивалентности культурных понятий и лексических единиц порождают ошибки, а иногда и «коммуникативные провалы», связанные с противоположной оценкой того или иного явления в другом коммуникативном сообществе» [Богданова, 2017, с.72].

Среди культурных ценностей Китая, на которые опираются создатели успешного и эффективного рекламного послания, можно выделить основные.

ГАРМОНИЯ С ПРИРОДОЙ. Природа, ее изображение, красота и величественность пейзажей, уникальность природных ландшафтов, водоемы с чистой водой и т.п. вызывают у китайского потребителя положительные эмоции. Гармония отношений человека и природы, разумное использование природных ресурсов, охрана окружающей среды – все это транслируется в подобных рекламных сообщениях. Например, реклама продуктов питания (овощи, фрукты, молочные товары) под маркой Lu se shi ping (Lu se – зеленый, shi ping – продукт) сообщает покупателю об отсутствии в них каких-либо ненатуральных добавок в

данных продуктов; акцентируя внимание на единстве и гармонии с природой при их выращивании или производстве. Так в видеоряде рекламы молока марки Lu se shi ping зрителю транслируется идиллический пейзаж: голубое небо, белоснежные облака, поле с изумрудно-зеленой травой, корова, пасущаяся на нем; рекламный слоган гласит: *Облака белые, трава зеленая, молоко «И ли» – натуральное.* Другим примером, в котором обыгрывается тема гармонии с природой, является реклама шампуня китайской компании Hazeline, одним из основных компонентов которого является черный рис, знакомый китайцу с детства. Поэтому и потребителю сообщают, что шампунь содержит все витамины и питательные вещества черного риса, а эта чудодейственная смесь природного происхождения питает и укрепляет волосы.

ТРАДИЦИИ. Все, что связано с историей, традициями, что имеет отсылки к старинным обычаям, многолетнему опыту, китайской мудрости, у большинства китайцев вызывает положительные ассоциации. В рекламном тексте часто используются выражения: *столетняя история, многолетний опыт, вековые традиции, опыт прошлых поколений, следование тысячелетним традициям* и т.д. Особенно широко используют тактику обращения к истории и традициям производители спиртных напитков, в рекламе которых можно встретить изображения дворцов, Великой китайской стены, императоров, традиционных глиняных сосудов для вина и т.п.; сочетаний с иероглифическими знаками, в семантике которых есть значение *старый, древний, традиционный*, например, один из рекламных слоганов: *Только старое (зрелое) вино может считаться хорошим вином.*

ЭКОНОМИЯ. БЕРЕЖЛИВОСТЬ. Эталоном бережливости и экономии в Китае считается Лей Фен, народный герой, тративший деньги только на самое необходимое, отказывая себе во всем. Одно из преданий гласит, что Лей Фен девять лет не покупал себе новые носки, а сэкономленные средства тратил на бездомных детей, друзей, попавших в трудную ситуацию. Рассказы о Лей Фене включены в обязательную школьную программу, детям с детства прививают навыки экономии и бережливости. Поэтому рекламный текст сообщает покупателю о том, что позволяет сэкономить, стоит «дешевле, чем раньше», «прослужит дольше», «стоит меньше – работает дольше». В нем содержатся выражения типа *Заплати меньше – получи больше; Каждый месяц экономия 30 юаней; Скидка 20%. Сбереги 50 юаней.*

УЧТИВОСТЬ. ВЕЖЛИВОСТЬ. Исследователи рекламы не раз отмечали специфику китайского рынка рекламы и его потребителей, которые ценят вежливость, учтивость и честность в рекламе, поэтому они советуют производителям избегать сленговых

выражений, фамильярных обращений, неучтivity отношения к адресату [Moon, 2005; Zhang, 1996].

СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ И ЕГО АВТОРИТЕТ. Китай – страна, где существует культ старшего поколения, которое ассоциируется со зрелостью, мудростью, богатым жизненным опытом. «Почитание старших – основа традиционного образа жизни в Китае, незыблемая на протяжении тысячелетий. Если уйдет неоспариваемое и никогда не становившееся под сомнение уважение к старшим, родителям и начальникам, Китай утратит свои корни. Почтительность к родителям и забота о них считалась началом всех добродетелей» [Плескачевская, 2018].

Поэтому в рекламе часто тот или иной продукт «продвигает» пожилой человек, например, витаминный комплекс для беременных женщин пожилая мама предлагает своей дочери покупать витамины именно в голубой бутылочке.

С другой стороны, пожилые люди выступают адресатами рекламируемого продукта, чаще всего витаминов или пищевых добавок. В одном из рекламных роликов показан бодрый старичок, ежедневно употребляющий пищевую добавку *Naobaijin*, одним из элементов которой является кальций, что позволяет ему без особых усилий подниматься на пятый этаж. В другом ролике, рекламирующем подобный продукт, группа пожилых людей занимается традиционной гимнастикой тайцзичуань, танцами и играет в китайские шахматы. Такая реклама еще раз «напоминает» китайскому потребителю о его священной обязанности – заботиться о родителях, бабушках и дедушках.

КОЛЛЕКТИВИЗМ. Для китайцев коллективизм – ощущение принадлежности как ко всему народу в целом, так к семье в частности. Поэтому часто в рекламном сообщении транслируются такие социальные маркеры этой общности: дружба, взаимозависимость, солидарность, согласие, забота о детях и пожилых и т.д. Рекламный слоган прохладительного напитка местного производства гласит: *Фейчан-кола – наша собственная, китайская кола*. В тексте подчеркивается, что напиток создан китайцами для китайцев, способен вызвать чувство единения со всем китайским народом, что сопровождается информацией об участии компании-производителя Фейчан-кола в спонсорской помощи национальной сборной Китая.

ДЕТИ. В силу проводимой ранее в Китае демографической политики «Одна семья – один ребенок», по нашему мнению, сформировался культ ребенка. Ребенок – центр внимания, обожания, воспитания не только родителей, но и многочисленной родни. Игру на родительских чувствах в качестве аргумента часто используют производители рекламы. В тексте радиорекламы автомобилей китайского бренда Chery слушателю напоминают, что

скоро зима, погода становится холоднее и холоднее, вследствие чего ребенок по дороге в школу будет мерзнуть и болеть, поэтому всем, у кого дети ходят в школу, пора приобрести автомобиль Cherry и лишить свое чадо таких страданий.

Другим примером рекламы, демонстрирующий одновременно такие ценности как авторитет старших и дети, является реклама таблеток от похмелья. В видеоролике папа мучается с похмелья, он успешный бизнесмен, из-за этого посещающий официальные мероприятия и банкеты, задает вопрос: *Разве бизнесмен может не пить?* Любящая жена отвечает: *Дорогой, лучше не пей много, а если уж выпил, тебе помогут таблетки Sanjingzhiyao*, ей вторит заботливая дочь: *Папа, таблетки Sanjingzhiyao помогут сразу* и предлагают отцу семейства коробку рекламируемого средства и отправляют его на работу: *Таблетки Sanjingzhiyao – с утра гораздо легче.*

Для иллюстрации можно привести конфликт, причиной которого является разное понимание культурных ценностей рекламодателем (представитель европейской культуры) и потребителем (представитель китайской культуры) являются два примера, главным героем которых стал итальянский модный дом Dolce & Gabbana и его реклама в Китае.

Весной 2017 года итальянский модный дом выпустил рекламу «DGLovesChina», снятую на улицах Пекина, которая была частью мировой серии: фотосессии прошли на улицах Токио, Гонконга и Бразилии. На фотографиях из Пекина (Великая китайская стена, площадь Тяньаньмэнь) вместе с моделями в нарядах Dolce & Gabbana были обычные жители города, одетые скромно. Пользователи крупнейшего сервиса микроблогов Китая Weibo заявили, что модный дом показал Пекин бедным и плохо развитым городом, вследствие чего Dolce & Gabbana удалили снимки с Weibo (http://www.timeoutbeijing.com/features/Blogs-Beijing_News/158172/DG-delete-controversial-pictures-after-internet-furore.html).

В ноябре 2018 года модный дом разместил в соцсетях три видеоролика на китайском языке, в которых модель азиатской внешности ест традиционные итальянские блюда (пиццу, пасту и канолли) китайскими палочками, закадровый голос дает ей советы – например, не пытаться «использовать палочки как ножи». «Dolce & Gabbana – расисты, которые даже не потрудились выучить базовые вещи о китайских клиентах. Эта реклама оскорбляет мою культуру», – писали пользователи Weibo в комментариях». (<https://lenta.ru/news/2018/11/20/dgad/>). Среди тех, кто раскритиковал модный дом, была актриса Чжан Цзыи, сыгравшая в фильме «Мемуары гейши». Ряд актеров, музыкантов и моделей, приглашенных на показ Dolce & Gabbana в Шанхае 21 ноября, отказались на него идти. Бренд удалил ролики с Weibo, хотя оставил их в своем официальном инстаграм-

аккаунте. Показ в Шанхае был отменен (<https://meduza.io/feature/2018/11/21/dolce-gabbana-otmenil-pokaz-v-shanhae-iz-za-obvineniy-v-rasizme-prichinoy-stala-reklama-v-kotoroy-model-est-palochkami-pitstsu-i-pastu>).

«Культурные ценности помогают людям разделить события и явления окружающего мира на положительные и отрицательные, хорошие и плохие и т.д. Культурные ценности принимаются людьми, и это порождает согласие между ними. Система ценностей каждой культуры складывается на протяжении длительного времени и остаётся неизменной в жизни многих поколений» [Садохин, 2005, с.291]. Поэтому изучение рекламных текстов как трансляторов национальных культурных ценностей представляется перспективным. Это позволяет лучше понять и свою культуру, поскольку, как известно, «свое» всегда осознается и понимается лучше в сопоставлении с «чужим».

Список литературы:

- Богданова Л.И.* Русские культурные ценности: код культуры // Русский язык и культура в зеркале перевода: VII Международная научная конференция; 28.04 – 03.05. 2017, г. Афины, Греция: Материалы конференции: электронное издание. М.: ООО Издательский дом «Неолит». 2017. 622 с. С.69–77.
- Грушевицкая Т.Г.* Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. /Под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.
- Кравченко А. И.* Культурология: Учебное пособие для вузов. 3-е изд. М.: Академический проект, 2001.159с.
- Кулинич М.А.* Лингвокультурология юмора. С.: Изд-во СамГПУ, 1999. 180 с.
- Культура и культурология: Словарь* / Сост. и ред. А.И. Кравченко. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 928 с.
- Огилви Д.* О рекламе/ пер. с англ. А. Гостева и Т. Новиковой. 5-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 304 с.
- Плескачевская И.Н.* Поднебесная страна: очерки о современном и традиционном Китае. М.: Шанс, 2018. 311 с. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.pleska.info/podnebesnaya-strana/podnebesnaya-strana-38>.
- Хоффман Э.* Реклама в лабиринте ценностей // Еда по-русски в зеркале языка / Н.Н. Розанова, М.В. Китайгородская, У. Долешаль Д. Вайс и др. М.: РГГУ, РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. 2013. С.177-266.
- Садохин А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высшая школа, 2005. 310 с.
- Belk R., Bryce W.* Materialism and Individualism in U.S. and Japanese Print and Television Advertising Advances in Consumer Research // Richard J. Lutz (ed.) Ann Arbor. Advances in Consumer Research. Association for Consumer Research, Provo, UT, 1986. № 13. P. 568-572.
- Moon, Y. S. and K. Chan.* Advertising Appeals and Cultural Values in Television Commercials // International Marketing Review, 2005. 22 (1). P. 48–66.
- Pollay R., Gallagher K.* Advertising and cultural values: Reflections in the distorted and mirror // International Journal of Advertising, 1990. № 4. P. 359-372.
- Van der Zanden, James W.* Sociology: The core. McGraw-Hill Publishing Company, 1990. 420 p.
- Zhang Y., Gelb B. D.* Matching Advertising appeals to culture: The influence of products use conditions // Journal of Advertising. 1996. № 25. P. 29-46.

Харшиладзе Н. В.
Публичная школа №2 имени И. Оцхели
г. Кутаиси (Грузия)

Kharshiladze Nadezhda
I Ockheli # 2 Public school
Kutaisi (Georgia)

ПРИЧИНЫ СНИЖЕНИЯ И СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО У ГРУЗИНСКИХ СТУДЕНТОВ

THE REASONS OF DECREASE AND WAYS OF INCREASE OF MOTIVATION OF GEORGIAN STUDENTS OF STUDYING RUSSIAN AS FOREIGN

В данной работе выявлены и изучены проблемы снижения мотивации изучения русского языка в грузинских школах, намечены пути и средства ее повышения, описан и проанализирован опыт образовательного эксперимента, который был выполнен для определения важности использования лингвокультурологического аспекта для увеличения мотивации при изучении русского языка.

In this article are revealed and studied, problems of decrease motivation of learning the Russian Language at the Georgian schools, are planned the ways and means of its increase, is described and analyzed the experience of the educational experiment which carried out for determination the importance of using the lingvoculturological aspect, for increase the motivation in studying Russian language, which appeared necessary.

Ключевые слова: Грузинские учащиеся, мотивация, обучение, русский язык как иностранный.

Keywords: Georgian students, motivation, teaching, Russian as foreign language.

Знание иностранного языка, всегда было и остается показателем образованности. В различные периоды развития общества, в зависимости от статуса страны, популярность приобретал, то один, то другой язык, например, в XIX века, в высшем обществе Грузии популярным считалось знать французский, позднее немецкий, хотя параллельно, начиная с XVIII века, знание русского языка всегда являлось неотъемлемым атрибутом представителей знати. Сегодня же, самым популярным является изучение английского языка. В эпоху глобализации всех сфер общественной жизни, проблема мотивации в изучении иностранных языков становится чрезвычайно актуальной. Глобализация означает, что все более возрастает роль личных контактов людей, а, следовательно, – вербальной коммуникации, в том числе межнациональной, которая требует знания иностранного языка [Готлиб, 2009, с.122]. Иностранные языки становятся одним из главных факторов как социально–экономического, так и общекультурного прогресса общества, они выполняют огромную роль в формировании личности и повышении образования, ведь с помощью них можно получить непосредственный доступ к духовному богатству другой страны, а также получить возможность непосредственной коммуникации с представителями других народов.

Несмотря, на многовековую популярность русского языка и то, что на протяжении 70 лет, он на территории бывших советских республик, в том числе и в Грузии имел статус второго родного языка, на сегодняшний день интерес к нему угас, т.е. снизилась мотивация изучения русского языка.

Существуют три группы причин снижения мотивации. Первая группа — причины, зависящие от преподавателя, вторая группа - причины, зависящие от студентов и третья группа – внешние причины, не зависящие не от преподавателя, не от студентов. Открывая первую группу причин нужно обязательно отметить, что после распада Советского Союза, в корне изменились и требования, предъявляемые к обучению русского языка. Как мы уже отметили, в советской Грузии русский имел статус второго родного языка, соответствующими были учебники и программы его преподавания, сегодня же, русский язык приобрел статус иностранного. Учебники и программы старого образца, оказались не пригодными для удовлетворения современных требований изучения русского языка, а новых учебников и программ, адаптированных специально для грузинских учащихся, к сожалению, пока очень мало. Следовательно, причинами, зависящими от преподавателя, являются низкий уровень владения современными методами обучения, не существование соответствующих программ и учебников, неправильный отбор учебного материала, вызывающий перегрузку или недогрузку учащихся, а также особенности личности преподавателя, неумение строить отношения с учащимися и организовывать их взаимоотношения друг с другом.

Причины снижения мотивации, зависящие от студентов можно обобщить следующим образом: грузинские студенты в большинстве своем, не рассматривают русский язык как необходимый к изучению предмет, отдавая предпочтение английскому, аргументируя это, во-первых, сложными отношениями России и Грузии, во-вторых, тем, что он не понадобится им в профессиональной деятельности, и в-третьих, сложностью русского языка. В итоге происходит снижение мотивации.

Общеизвестно, что уровень популярности, масштабы изучения и преподавания любого иностранного языка во многом зависят от репутации страны, в которой данный язык является главенствующим, следовательно, не простые отношения наших стран и являются внешней причиной снижения мотивации изучения русского языка в Грузии. Но именно сегодня, когда отношения между Грузией и Россией, с политической точки зрения, переживают такой сложный период, поднятие мотивации, изучения русского языка приобретает еще более важное значение. Тем более что, русский язык наряду с английским, французским и некоторыми другими языками был и еще остается международным языком.

Как пишут В.Г. Костомаров и О.Д. Митрофанова «в современном обществе взаимосвязь между различными науками - необходимое условие дальнейшего развития каждой из них. Решение любой комплексной задачи (а обучение языку именно такая задача) требует профессиональной ориентации не только в собственной науке - методике, но и в ряде наук, смежных с нею. Для методики обучения языку существенны связи с лингвистикой, психологией, психолингвистикой, дидактикой и другими науками» [Костомаров, Митрофанова, 1984, с. 7].

Для активизации всех психологических процессов — мышления, восприятия, понимания и усвоения иноязычного материала огромное значение имеет мотивация.

Успех изучения любого предмета, особенно иностранных языков, во многом зависит от того, какие мотивы преследуют студенты в процессе обучения.

Согласно определению И.А. Зимней, «мотив — это то, что определяет, стимулирует, побуждает человека к совершению какого-нибудь действия, включенного в определенную этим мотивом деятельность» [Зимняя, 2000, с. 130]. Следовательно, «понятие деятельности необходимо связывать с понятием мотива. Деятельность без мотива не бывает» [Рубинштейн, 1989, с. 111]. С.Л. Рубинштейн считает: «Всякое действие исходит из мотива, т. е. побуждающего к действию переживания чего-то значимого, что придает данному действию смысл для индивида» [Рубинштейн, 1989, с. 112]. Таким образом, деятельность и мотив взаимосвязаны. Практический опыт, дает нам право утверждать, что, человек сможет выучить русский язык, если только сам почувствует необходимость в этом. Психологи справедливо утверждают, что передача знаний от преподавателя к учащемуся минуя собственную деятельность учащегося по овладению знаниями, не представляется возможной. Однако важно не смешивать понятие мотивации и мотива. По словам И. А. Зимней, «мотив – это то, что объясняет характер данного речевого действия, тогда как коммуникативное намерение выражает то, какую коммуникативную цель преследует, говорящий планируя ту или иную форму воздействия на слушающего» [Зимняя, 2000, с. 134]. А мотивация – это система побуждающих импульсов, направляющих учебную деятельность, в случае положительной установки преподавателя, на более глубокие изучения иностранного языка, его совершенствование и стремление развивать потребности познания иноязычной речевой деятельности.

Выделяют два вида мотивации изучения иностранного языка. Внешняя мотивация – это мотивация, определяемая потребностями общества. Она появляется ещё до начала изучения иностранного языка и определяет выбор студента изучать, тот или иной язык. Внешняя мотивация не связана непосредственно с содержанием предмета, она может быть

общественная (широко социальная) и личностная: мотивация оценки, успеха (когда учащиеся выполняют работу ради отметки, похвалы), самоутверждения, благополучия (когда деятельность выполняется в силу давления родных, учителей, чтобы не иметь неприятностей).

Внешняя мотивация может быть положительной, к примеру, «если, я буду учить русский язык, то получу на экзамене отлично» и отрицательной, «если я не буду учить русский, то я не сдам экзамен и меня отчислят».

Внутренняя же мотивация, в отличие от внешней связана не с внешними обстоятельствами, а непосредственно с самим предметом, она никогда не существует до и вне самой деятельности, а возникает в процессе, каждый раз являясь непосредственным результатом взаимодействия, в данном случае, преподавателя и учащегося. Внутренняя мотивация обеспечивает успешную учебную деятельность, вызывает удовлетворение самим процессом обучения, результатами своего труда и приобретенными навыками. Учебный процесс должен быть выстроен таким образом, чтобы студенты на каждом занятии испытывали радость от удовлетворения потребностей, специфичных для предмета иностранный язык. Каковы же эти потребности и соответствующие им разновидности внутренней мотивации.

Основной разновидностью внутренней мотивации является, коммуникативная. Коммуникативность – это первая и естественная потребность, изучающих иностранный язык. Неформальные беседы с учащимися и специальные социологические опросы показали, что независимо от возраста и социального статуса все они осознанно и единодушно формулируют свои потребности как чисто коммуникативные, а именно: говорить или писать иностранному другу или коллеге на русском языке, читать для расширения кругозора, с профессиональной целью и для удовольствия. Этот вид мотивации труднее всего сохранить т.к. при овладении русским языком в атмосфере родного языка, русский является искусственным средством общения. Для достижения желаемых результатов, преподаватель должен постоянно совершенствовать знания предмета и повышать свой профессиональный уровень. Цель преподавателя сделать урок привлекательным и своеобразным. Этого можно достигнуть, используя факты и события, привлекая как можно больше познавательного материала, но нельзя забывать соблюдать равновесие между новой и известной информацией. Интерес к процессу обучения любого иностранного языка держится на внутренних мотивах, которые исходят из самой иноязычной деятельности. На каждом занятии должно отводиться место речевым задачам. Обязательно использование разговорных тем и коллективных форм работы (работа в парах,

группе, ролевые игры). Коллективные формы вполне приемлемы в учебных заведениях, так как они, с одной стороны, соответствуют условиям обучения русскому языку в классе, группе, коллективе, а с другой стороны, отвечают самой сути языка как средства общения, предполагающего наличие партнёров. Важно только точно сочетать их с конкретными задачами учения, общения.

Следующей разновидностью внутренней мотивации является лингвопознавательная, которая заключается в положительном отношении студентов к самой языковой материи, к изучению основных свойств языковых знаков.

Преподавателю нужно суметь выделить богатые общеобразовательные возможности русского языка, а это значит – сконцентрировать внимание учащихся на самом языке, на его способности давать имена вещам, идеям, процессам, на лингвострановедческом слове, разумеется, если эти явления могут быть объяснены на материале изучаемого минимума. С этой целью следует придать работе над языком поисковый характер, исследовательской деятельности, в результате которой у студентов разовьётся филологическая зоркость, умение видеть за простым языковым знаком значение и смысл. Важно также побудить их к накоплению языкового материала. Для этого рекомендуется принять языковые игры, органично включая их в занятия. Атмосфера азарта, дух соревнования, радость победы активизируют восприятие и запоминание. Игры – соревнования, связанные с группировкой языковых явлений на основе какого – либо признака, способствуют перебору слов, грамматических форм и в момент наиболее напряжённой работы мозга гарантируют запоминание. Из всего выше изложенного следует, что различают опосредованную лингвопознавательную мотивацию т.е. через коммуникативную мотивацию и не опосредованную лингвопознавательную мотивацию т.е. путём стимулирования поисковой деятельности студентов в языковом материале.

Многочисленными исследованиями доказано, что наличие познавательного интереса стимулирует волю и внимание, помогает более лёгкому и прочному запоминанию.

Важным видом внутренней мотивации является также инструментальная мотивация, вытекающая из положительного отношения студентов к определённым видам работы, одной из которых является самостоятельная работа.

Самостоятельная работа эффективна тогда, когда она добровольна. Преподаватель, создавая ситуацию дефицита усвоенного материала и тут же, для восполнения этого дефицита, указывая на конкретный источник информации (словари, грамматические и лингвистические справочники), стимулирует потребности самостоятельной работы студентов, поиск языковых фактов, способствуют концентрации их внимания на

существенные признаки языкового материала, тем самым мобилизуя все резервы интеллектуального, эмоционального и волевого характера. При чтении текста важно научить студентов: видеть информационную опору в заголовках, рисунках, таблицах, схемах, сопровождающих его, также умению охватить целое, которое поможет уяснить детали, уменьшит степень неопределённости, подскажет обобщённый смысл текста. Опыт работы показывает, что студенты не всегда в состоянии построить монологическое высказывание, поэтому чтобы достичь желаемого результата часто приходится включать в работу дополнительные упражнения, такие как: а) выберите из текста ключевое предложение и перефразируйте его; б) восстановите последовательность событий; в) составьте предложение из данных слов; г) составьте план к тексту; д) перескажите текст.

Рассмотрев общепринятые виды и разновидности мотивации, нас заинтересовало, какие же мотивы, движут грузинскими студентами при изучении русского языка, для этого был проведён опрос учащихся школы, полученные результаты выглядят следующим образом: большинство студентов изучают русский язык для общения - 35%, преодоление языкового барьера является для них самой важной причиной изучения языка, затем, следуют студенты изучающие русский язык для понимания языка русских фильмов, телепрограмм, текстов песен, развлекательных шоу и т.д. - 25%, часть студентов, уверены в том, что для любого высокообразованного человека поиск престижной, хорошо оплачиваемой работы в крупных городах, в том числе за границей, во многом зависит от знания одного и более иностранных языков - 15%, следующий мотив, движущий студентами, это мотив понимания научно-учебных и других текстов - 10 %, некоторые студенты, изучают русский язык, потому что иностранный язык является обязательным предметом в колледже, объясняя его выбор из ряда других иностранных языков знанием русского языка их родителями или близкими людьми, они составляют - 9%, есть студенты, которым нравится сам русский язык, процесс обучения и преподаватель - 5%, 1% студентов воодушевляет желание продолжить учебу в России.

Как видно из результатов опроса, лидирующий мотив (коммуникативный), движущий студентами при изучении русского языка, совпадает с главной целью обучения русского языка, с формированием коммуникативной компетенции студентов. Для достижения этой цели, используются различные методы и учебные материалы, но личный опыт преподавателя дает мне право утверждать, что осуществление этой цели невозможно без использования социокультурных и страноведческих материалов. Культура содействует формированию личности человека. Лингвострановедческий аспект служит для фиксации страноведческих сведений в единицах языка, способствует обогащению предметно –

содержательного плана. Поскольку основным объектом является не страна, а фоновое знание носителей языка, их невербальное поведение в актах коммуникации, в обобщённом виде их культура. При использовании социокультурного компонента обучения русского языка, студенты формируют знания о традициях страны, включаются в диалог культур, знакомятся с достижениями национальной культуры и с ее вкладом, внесенным в развитие общечеловеческой культуры.

Для подтверждения наших суждений и получения конкретных результатов, в течении прошлого учебного года, в двух группах нашей школы, был проведен эксперимент.

На начальном этапе уровень мотивации, в обеих группах, был ниже среднего. В первой группе, мы начали преподавание по традиционной системе, а во второй, экспериментальной группе, с активным использованием текстов и других материалов страноведческого характера. Содержание страноведческих текстов, должно быть значимым для студентов, иметь определённую новизну, будь то общие сведения об образовательных учреждениях, о государственном устройстве, о детских и юношеских организациях страны или об особенностях речевого поведения и этикета. Также, в работе мы активно использовали художественные и документальные фильмы, сказки, различные телепередачи, исторические материалы и т.д. одним словом все, что помогало ближе познакомить студентов с Россией.

Советский Союз создал отдельную нацию людей, со своими традициями и культурой, которые сохранились в социокультурной среде каждой отдельной советской республики. Следовательно, при использовании социокультурного компонента при обучении русскому языку, грузинские студенты находят множество сходств, а также открывают для себя много нового, что однозначно поднимает их мотивацию.

В конце обучения, было проведено тестирование, которое показало, что уровень усвоения материала во второй группе, был больше чем в первой, а также был проведен повторный опрос, по результату которого в экспериментальной группе т.е. во второй, количество учащихся, имеющих высокий уровень положительной мотивации в изучении русского языка, увеличилось до 10%, в то время как в первой до 2,5%.

Итак, мы с уверенностью можем сказать, что данный эксперимент показал, что использование лингвострановедческого аспекта при преподавании русского языка действительно служит стимулом повышения мотивации изучения русского языка, средством обучения иноязычной культуре, и как следствие увеличению знаний студентов, так как включает в себя два аспекта:

- 1) Обучение языку.

2) Предоставление сведений о стране.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что мотивация, несомненно, является неотъемлемой частью успешного преподавания русского языка. Одним из главных средств, поднятия мотивации студентов, является правильно организованный учебный процесс, который почти полностью зависит от преподавателя. Рассмотрим по-отдельности, какие же педагогические условия нужны для положительного воздействия на формирование внешней мотивации студентов, при изучении русского языка, это:

- создание ситуации успеха,
- вознаграждение за успешно выполненное задание,
- формирование у учащихся уверенности в своих силах;
- осознание студентами своих неудач и их истоков;
- обязательный контроль знаний; соревнование на занятиях (как межличностное, так и между группами).

Усилия учителя при обучении иностранному языку должны быть направлены на развитие внутренней мотивации учения студентов, которая исходит из самой деятельности и обладает наибольшей побудительной силой. Для достижения этой цели важно:

- внушить студентам важность и целесообразность изучения русского языка.
- объем введения нового материала должен быть строго определен, так как введение большого количества новой информации, может вызвать утомленность и неспособность ее восприятия, а недостаточное количество, информационную неудовлетворенность.
- связать новый материал с уже известным. Учебный процесс должен строиться так, чтобы все новое дополняло старое.
- обучение должно быть трудным, но посильным.
- углубить лингвострановедческие знания студентов. Лингвострановедческий материал является сильным рычагом для создания и поддержания интереса к изучению русского языка.
- эмоциональность преподавателя. Образность материала в умелом и доброжелательном изложении преподавателя передается студентам, как бы заряжая их. Искренняя увлеченность педагога своим предметом, должна проявляться в мимике, жестах, голосе. Маловероятно, что учащийся сможет получить полноценные знания у преподавателя, который прекрасно знает свой предмет, но тяготится своей работой. И напротив, энтузиазм преподавателя способен вызвать

истинный познавательный интерес у студентов, что является значимым условием эффективного учебного процесса.

Перечисленные условия способствуют созданию повышенного интеллектуального и эмоционального тонуса, мобилизуют возможности человека для успешного выполнения деятельности. Возникающие при этом эмоции активизируют человека, порождают и повышают мотивацию деятельности.

Подводя итоги, нужно отметить, что в современной Грузии статус русского языка в корне отличается от его статуса в советской Грузии и сегодня к нему предъявляются совершенно другие требования. Именно поэтому, среди необходимых мер, способствующих повышению мотивации грузинских учащихся, во-первых, необходимо, повысить уровень осведомленности и использования преподавателями современных методов преподавания русского языка, во-вторых, важное место занимает вопрос о создании новых программ и учебников по русскому языку для грузинских учеников, студентов и других заинтересованных лиц, поскольку, существующие учебники, не только не отражают сегодняшние реалии постсоветской России, но и ставят абсолютно другие цели и задачи преподавания. Рассмотрев все виды и разновидности мотивации, мы обнаружили, что мотивация обучения русского языка может определяться внешними и внутренними мотивами. Внешняя мотивация существует в двух разновидностях: широко социальная мотивация и узколичная. А внутренняя мотивация имеет следующие подвиды мотиваций: коммуникативную, лингвопознавательную и инструментальную. Названные виды и подвиды мотивации, представляют собой, как бы, скрытые силы, эффективность которых, зависит от профессионального такта учителя. Педагог должен замечать все сколько-нибудь интересные и полезные мысли студентов, уметь поддерживать их не только словом, но и взглядом, мимикой, жестом. В свете современных требований, формирования коммуникативной компетенции, обучения русского языка, меняется статус и роль лингвострановедческого аспекта, который включает в себя реалии страны изучаемого языка, лексические единицы с национально-культурной семантикой. Опираясь на результаты проведенного нами эксперимента, мы с уверенностью можем сказать, что при обучении русскому языку в иноязычной среде, использование лингвострановедческого аспекта способствует повышению и созданию устойчивой мотивации. И так, активное использование лингвострановедческого аспекта, правильная организация учебного процесса, учет и исправление всех причин снижения мотивации, несомненно, повысят мотивацию и возродят интерес к изучению русского языка в Грузии.

Список литературы:

- Готлиб Р.А.* Социальная востребованность знания иностранного языка / Р.А.Готлиб. Социологические исследования, № 2. М.: Наука, 2009, 122–127 с.
- Зимняя И.А.* Педагогическая психология / И.А. Зимняя. М.: Логос, 2000, 130–134 с.
- Костомаров В.Г.* Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам / В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова. М.: Русский язык, 1984, 7 с.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии, том 2 / С.Л. Рубинштейн. М.: 1989, 111–112 с.

Цай Ванифань
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Cai Wangyifan
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

КОНЦЕПТ ЧАЯ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ

CONCEPT OF TEA IN CHINESE AND RUSSIAN LITERATURES

Чай — один из самых древних напитков в мире. Он появился в Китае, а в России известен с 17 века. Хотя он занимает важное место в обеих культурах, у двух стран держаться различное понимание. В данной статье рассматривается схожесть и различия в понимании концепта “чая” в китайской и русской литературах.

Tea is one of the most ancient drinks in the world, which first appeared in China and was presented in Russia in the 17th century. Although it occupies an important place in both cultures, there is a different understanding of the spirit of the countries. This article discusses the similarities and differences in the definition of the concept of "tea" in Chinese and Russian language and literature.

Ключевые слова: чай, концепт, литература, языковая картина мира.

Keywords: tea, concept, literature, language picture of the world.

В когнитивной лингвистике актуальными стали сопоставительные исследования концепта. Активный интерес к проблемам позволяет определить симметрии и асимметрии в концептах разных языков, понимать языковую картину мира разных культур.

Термин «концепт» используется во многих науках как в философии, культурологии, коммуникации, лингвистике и некоторых других. Он иногда трактуется как эквивалент термину «понятие». Оба термина является продуктом мыслительной деятельности человека и представляет собой одну из познавательных форм, некую идею, мысль, отражающую в обобщенной форме предметы и явления действительности и связи между ними [Кольцова, 2001, с. 51]. По мнению Ю. С. Степанов, термин «понятие» употребляется в логике и философии, а «концепт» является термином в одной отрасли логики — в математической логике, а в последнее время закрепился также в науке о культуре - культурологии [Степанов, 1997, с. 40]. Ю. Н. Кольцова отмечает в рамках когнитивной лингвистики, что в концепте соединяются результаты чувственного и рационального отражения действительности. Согласно мнению Н. К. Гарбовский, понятие отличается от концепта своей универсальностью. Он пишет: «Говоря о понятии, его объеме и содержании, о логических операциях, совершаемых над понятием, мы оперировали категорией понятия как универсальной, не принимая в расчет того, что в сознании каждого конкретного

человека большинство понятий имеют и собственный объем, и собственное содержание. Такие индивидуализированные понятия, которыми оперирует в своей познавательной деятельности каждый индивид, в теории, построенной средствами русского языка, удобно назвать заимствованным термином концепт». Он уверен, что «объем и содержание концепта зависит от индивидуального когнитивного опыта индивида и во многом определяются условиями жизни, культурой и т.п.» [Гарбовский, 2001, с. 273]. В. В. Колесова предлагает 4 свойства концепта: 1) объективность, 2) национальный характер его проявления, 3) долговременность сохранения как признака народной культуры, 4) возможность гибкого воспроизведения логических операций сознания в понятии, которое предстает каждый раз как новое явление исходной сущности [Колесова, 2004, с. 23]. Н. В. Крючева указывает, что концепт не существует «в невесомости», он всегда принадлежит конкретному человеку или группе людей [Крючева, 2009, с. 15].

Концепт как синоним и аналог «понятия» сузил свой объем и расширил свое содержание. Чай — один из самых древних напитков, играет важную роль в китайской культуре. Китайцы начали пить чай с династии Цинь.

Для анализа концепта чая мы начнем с определения. В словаре «Сяньдай ханьюй цыдянь» («Словарь современного китайского языка», опубликован в 2005 году), понятие чая? записывается 8 значения иероглифа «茶»: 1) Вечнозеленое деревянное растение; 2) Напиток из чайных листьев; 3) Подарок невесте при помолвке; 4) Коричневый цвет чая; 5) Название напитка; 6) Чайное масло; 7) Камелия; 8) Фамилия «Ча». Под «茶» записывается 43 слова, начинается с этого иероглифа. В результате классификации материалы распределены по 9 группам.

В первой группе представлены слова, в основе которых лежат понятия «собираение чая» и «место собирания чая»: *茶吧 чайный бар, 茶馆 чайная лавка\чайная, 茶话会 вечеринка с чаем, 茶会 см. 茶话会, 茶楼 (многоуровневая) чайная, 茶社 чайная (в районах около реки Янцзы), 茶座 место, где продаться чай, или чайная, 茶资 плата за чай, 茶钱 плата за чай или чаевые (на чай).*

Вторая группа содержит в себе компонент «чайная утварь»: *茶匙 десертная (чайная) ложка, 茶炊 самовар, 茶缸子 чайная чашка, 茶几 чайный столик или маленький столик, 茶具 чайная утварь, 茶炉 заварник, 茶盘 чайный поднос, 茶汤壶 чайник, 茶托 подставка под чайную чашку.*

Третья группа включает в себя понятия «пищи и напитки»: 茶点 чай и пирожное или легкий завтрак, 茶鸡蛋 яйца, сваренные с чаем, солью и пряностями, 茶卤儿 крепкий чай, 茶饭 еда и питье, 茶品 чайный продукт, 茶食 десерт, пирожное и печенье, 茶水 чай (напиток), 茶汤 болтушка, каша, 茶叶 чайные листья (готовый чайный продукт), 茶叶蛋 см. 茶鸡蛋, 茶油 чайное масло, 茶砖 плиточный чай, 茶艺 чайная церемония.

Четвертая группа — работа: 茶房 официант или половой, 茶农 крестьянин-чаевод.

Пятая группа включает цвета: 茶褐色 темно-коричневый цвет, 茶色 чайный цвет (обычно темно-бурный цвет), 茶镜 темные очки, 茶青 оливковый цвет.

Шестая группа представляет собой понятие «место, где растет чайное дерево»: 茶场 чайная плантация, 茶园 чайный сад или чайная плантация.

Седьмая группа содержит химические вещества: 茶晶 цитрин, 茶锈 чайный осадок.

Восьмая группа — фразеологизм 茶余饭后 после чая и обеда или свободное время.

Последняя группа показывает род камелии: 山茶花 камелия (цветы).

В русском языке концепт «茶» выражается словом «чай». А. Преображенский [Преображенский, 2010, с. 469] считает, что слово «чай» заимствовано из китайского языка «ча», по Бернекеру, через тюркский. В «Современном словаре этимологического русского языка» [Евсеев, 2009, с. 279] говорится, что в первые русские люди познакомились с чаем в 1640 г., когда из монгольского ханства вернулось русское посольство. Среди прочих привезенных подарков был и чай. К началу 18 в. напиток был уже настолько обычным в русском быту, что стал восприниматься как исконно национальный (ср. пельмени).

Концепт «чай» в русском языке по данным толковых словарей разных авторов имеет разные значения.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» [Даль, 2000, с. 1280] представлены три значения этого концепта. В первом значении «чай» представляет дерево *Thea Bohea* и *Thea viridis* или чайное-дерево. Второе значение — подсушенные листья этого растения. Третье — это напиток, сам настой этих листьев.

Согласно мнению С. И. Ожегова «Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений» [Ожегова, 2016, с. 1313], «чай» имеет три значения.

1) Высушенные или особо обработанные листья некоторых культивируемых вечнозеленых растений, на которых настаивается горячий напиток. *Зеленый чай. Заварить чай.*

2) Напиток, настоящий на таких листьях. *Пить чай. Пригласить на чашку чая (в гости).*

3) То же, что чаепитие. *Вечерний чай. Позвать к чаю.*

Концепт чая в литературе представляется не только напитком, его культурный образ выходит далеко за рамки пищи. В китайской литературе чаепитие часто проводится в спокойной и уединенной природе. Писатели выражают свои мнения о жизни через чай. Например, известный поэт династии Тан Бай Цзюйи пишет в стихотворение «После обеда»: 食罢一觉醒，起来两瓯茶。无忧无乐者，长短任天涯 (посплю после обеда, встаю и выпью две чашки чая. Я человек без радости и гнева, время не имеет никакого значения). Автор описывает повседневную жизнь, указывает на свое комфортное и непринужденное настроение. Монах Линь И в стихе «Чаепитие с отшельником Кань у зелено-горного пруда» рисует такую картину: 野泉烟火白云间，坐饮香茶爱此山 (чистый родник, дым из кухни и белое облако, сижу и пью чай). Великий поэт Ду Фу тоже пишет: 落日平台上，春风嘒茗时 (когда солнце притаится за платформой и весенний ветер дует, это время чаепития в весенний ветер). Еще поэт Дай Бинь династии Сун в стихе «чаепитие» рисует такую картину: 自汲香泉带落花，漫烧石鼎试新茶。绿阴天气闲庭院，卧听黄蜂报晚衙 (я беру воду с цветов из источника, выливаю в чайник и нагреваю новый чай. Во дворе погода была очень приятная, я легла и слушала жужжание осы). Все эти стихи излагают спокойную и комфортную ситуацию с чаепитием.

Писатели выражают горечь от непонимания их творчества миром, сравнивая чай с алкоголем. Поэт династии Тан Цзяо Ран пишет в «Пить чай с Чуши Лу девятого числа»: 俗人多泛酒，谁解助茶香 (обычные люди пьют алкоголь, но кто понимает запах чая)? Еще в стихе «Песня чаепития»: 此物清高世莫知，世人饮酒徒自欺 (чай - это высоконравственный предмет в мире, но люди редко это знают. Они пьют вино, чтобы обманывать себя). Лу Юй, китайский поэт и писатель во времен династии Тан, создатель первого письменного трактата о чае «Чайный Канон», пишет: 饭囊酒瓮纷纷是，谁赏蒙山紫笋香 (пакет риса и бутылка вина повсюду, но кто наслаждается запахом чая, которых растет на горах Мэньшань)? Он считает, что теперь только посредственные люди, как «пакет риса и бутылка вина», становятся известным, а настоящие таланты как «чай на горах Мэньшань» не получают никакого признания.

Третий образ чая в китайской литературе является символом встреч. Друзья собрались вместе и чай попить, чтобы подарить его друг другу. Бай Цзюйи описывает каждую деталь в чаепитии с другом, а в конце стихотворении пишет: 不见杨巢牧，谁人只

此味 (без моего друга Ян Цаому, кто узнает этот вкус), чтобы выразить свою тоску по другу. Монах Ци Цзи пишет: 且招庭院客，试煮落花泉。地远劳相寄，无来又隔年 (пригласил соседей в дом, заварили чай водой из источника. Мой друг, спасибо, что прислал мне чай. Мы уже целый год не виделись). Автор описывает сцену, в которой приглашает своего соседа на чай, еще указывает тот факт, что чай является популярным подарком в то время.

С династии Тан и династии Сун традиция чаепития распространилась по всей стране, особенно среди аристократов. Они всегда просят срочно получить высококачественный чай. Писатели много говорят о трудностях жизни крестьян-чаеводов, работающих над приготовлением нового чая, чтобы выразить своё недовольствие императору. Поэт Ли Инь династии Тан в стихотворении «песня о чае для подношений императору» описывает картину, как крестьяне-чаеводы борются за каждую секунду, чтобы вовремя послать императору новый чай. Автор отмечает тот факт, что выращивание чая - не простое дело. В династии Цин писатель Чэн Джань в «Песне собирания чая» тоже рассказывает о процессе приготовления чая для императора: 催贡文移下官府，那知山寒芽未吐。焙成粒粒比莲心，谁知依比莲心苦 (документ с просьбой о чае уже отправлен в местное управление, но на горе слишком холодно, дерево даже не выросло. Приготовленный чай выглядит как лotosовые орешки, но вкус его гораздо более горький). Хотя аромат нового чая очень сладкий, но в глазах крестьян-чаеводов он горше лotosовых орешков.

Через изучения концепта чая наметились 4 основных образа: 1) Чаепитие часто проводится в дикой и уединенной природе, поэтому сам чай рассматривается как символ спокойствия. 2) Чай представляет писателей, которых не могут понять обычные люди. 3) Чай, как подарок используется для дружбы. 4) Описывая процесс посадки чая, автор выражает недовольство правящим классом.

В России традиция чаепития появилась гораздо позже. Хотя чай в России происходит из Китая, его художественный образ отличается из-за различий климатов и образов жизни народов. В отличие от китайцев, которые пьют чай в спокойных и прохладных горах, россияне предпочитают пить чай в теплой комнате. В очерках «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончаров рассуждает: «Надо знать, что значит чашка чаю, когда войдешь в трескучий тридцатиградусный мороз в теплую комнату и сядешь около самовара, чтобы оценить достоинство чая». Наиболее ярким примером служат работы великого Александра Сергеевича Пушкина. В поэме «Евгений Онегин» он пишет:

Чай - неперенный атрибут вечерних посиделок с соседями, приёма, бала:

Прикажут Ольге чай готовить,
Там ужин, там и спать пора,
И гости едут со двора.

Чай также появился в работах русских писателей как символ встреч. В отличие от выражения дружеских отношений в китайской литературе, он более употребляется для описания семейных. Марина Цветаева в стихи «в субботу» рисует типичную картину семейного вечера: темнеет, но дома уютно и скоро вечернее чаепитие, и Марина читает книгу сестренке:

Темнеет... Готовятся к чаю...
Дремлет Ася под маминой шубой.
Я страшную сказку читаю
О старой колдунье беззубой.

Толстой тоже предлагает в романе «Анна Каренина»: В половине десятого особенно радостная и приятная вечерняя семейная беседа за чайным столом у Облонских была нарушена самым, по-видимому, простым событием.

С помощью чая люди избавляются от забот и трудностей в русской литературе. А. И. Вьюркова представляет в «Друг семьи»: Иной раз на сердце так закрепнет, места себе не находились, жизни не рад, а сядешь за самовар, пота при спустишь, глядь и отошло.

А. А. Блок тоже в стихи «На улице — дождик и слякоть...» пишет:

Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка, наколем лучины,
Раздуем себе самовар!

Посредством сравнения мы узнаем, что концепт «чай» имеет тихий и спокойный образ в китайской литературе, однако в русской литературе он оказывается тёплым. Чай в китайской литературе употребляется для описания встреч друзей, а в русской – это воссоединение семьи. Надо заметить, что китайцы собираются за чаем, а русские пьют чай, потому что собрались вместе. Чай в русской литературе также влияет на устранение неурядиц. Эти образы в двух литературах повлияли не только на носителей их языков, но и получили отражение в их языковой картине мира.

Таким образом, мы видим, что концепт чая является значимым фрагментом как в китайской, так и русской языковой картине мира. В российской культуре чай проник позже, чем он закрепился в Китае. Тем не менее, чай создал свой специфический образ в двух странах. Сопоставительный анализ образа чая в художественной литературе обеих

стран имеет важное значение в изучении межкультурной коммуникации, а также в сравнительной культурологии.

Список литературы:

- Басманова Э.Б.* Пейте чай, мой друг старинный...: чай, обычаи чайпития и чайный этикет в русской бытовой культуре XVII — начала XX века/ Э. Б. Басманова- М.: Новый фронтиграф, 2016. 536с.
- Ван С.* История чая и человек/ Ван Сюйфэн, пер. С кит. Т. К. Карповой — М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2017. 207с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: учебник. — 2-е изд. — М: Изд-во Моск. Ун-та, 2007. — 544с.
- Колесов В.В.* Язык и ментальность/ В. В. Колесов. = СПб. Петербург. Востоковедение, 2004. -240с.
- Кольцова Ю.Н.* Концепт пути в мировоззрении Н. С. Лоскова: дис. ...канд. культурол, наук /Ю. Н. Кольцова. -М., 2001.-196с.
- Крючева Н. В.* Концепт — Референция — Коммуникация. —Саратов: “ИП Баженов”, 2009. -391с.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 1997
- 陈文华 中国茶文化基础知识第二版 —北京: 中国农业出版社, 2008, 192 页
- 屠幼英 乔德京 茶学入门—杭州: 浙江大学出版社, 2014, 217 页

Чжан Чуньяо
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Zhang Chunmiao
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ВЫСОКОСКОРОСТНОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

FORMATION CHARACTERISTICS OF THE HIGH-SPEED RAILWAY TERMINOLOGY AND PROBLEMS TRANSLATION IN CHINESE AND RUSSIAN

Настоящая статья посвящена изучению особенности формирования технических терминов в области высокоскоростной железнодорожной магистрали (далее - ВСМ) и проблемы перевода в китайском и русском языках. По мере усиления сотрудничества между Россией и Китаем в области ВСМ, и развития и осуществления проекта ВСМ Москва-Казань, повышается спрос на высококвалифицированные переводчики по ВСМ. В данной статье через особенности формирования терминологии ВСМ и сбор информации о культурных и экстралингвистических факторах, анализируются проблемы, возникающие в переводе технических терминов по ВСМ. Актуальность этой статьи заключается в том, что на сегодняшний день изучению особенности формирования терминологии ВСМ в китайском и русском языках, а также анализу ее перевода ещё не уделялось достаточно внимания. Полученные результаты будут полезны для дальнейшего исследования вопроса технического перевода в будущем сотрудничестве между Россией и Китаем в области железной дороги.

This article is devoted to the study of the peculiarities of the formation of technical terminology in the field of high-speed railway (hereinafter HSR) and problems translation in Chinese and Russian. As cooperation between Russia and China in the area of the HSR intensifies, and the research of the Moscow-Kazan High-Speed Railway project boosts, the demand for highly-qualified translation is increasing. In this article, through researching the peculiarities of the formation of the terminology of the HSR and the collecting of information on cultural and extra-linguistic factors, problems arising in the translation of technical terminology on the HSR are analyzed. However, the peculiarities of the formation of the terminology of the HSR in Chinese and Russian, as well as the analysis of its translation has not been given sufficient attention, so the results in this article will be useful for further research on the issue of technical translation in future cooperation between China and Russia in the field of HSR.

Ключевые слова: ВСМ, термин, перевод, Россия, Китай.

Keywords: HSR, Term, Translation, Russia, China.

Технический перевод – один из самых сложных видов перевода. От других видов перевода он отличается специфической терминологией и стилем изложения. Техническому переводчику вместе со знанием языка требуется отраслевые знания в области темы перевода и терминов [Иса, 2014, с. 21]. Перевод играет важную роль в мировой глобализации. Без перевода невозможно устанавливать международные контакты на высоком уровне, развивать деятельность международных организаций, проводить международные конференции, симпозиумы, разрабатывать совместные проекты с разными странами [Наталия, 2014, с. 70].

По мере того, как развитие мирового сообщества приобретает циклический характер, высокоскоростные железнодорожные технологии влияют на производство и образ жизни всей планеты, оказывают существенное влияние на развитие каждой страны. Россия и Китай – это две мировые державы, для которых долгосрочное развитие высокоскоростного сообщения является стратегически важным пунктом. В совместном заявлении В.В. Путина и Си Цзиньпина были сформулированы положения о сотрудничестве России и КНР в стратегических транспортных проектах. Меморандум о развитии высокоскоростного железнодорожного сообщения между Россией и Китаем подписан в 2014 году. Руководители стран подтвердили планы по строительству ВСМ «Москва-Казань» в 2015 году. ВСМ «Москва-Казань» является модельным проектом для российско-китайского взаимодействия в области транспорта и инфраструктуры, в перспективе может стать частью железнодорожного коридора до Пекина и проекта «Шелковый путь», который свяжет Китай с рынками Европы и Ближнего Востока. Как сообщало ИА REGNUM, к концу 2024 года будут выполнены работы по строительству первого этапа магистрали. Будут построены железнодорожные пути протяженностью 301 километр для поездов со скоростью до 400 км/ч.

Высокоскоростные железнодорожные магистрали, представляют собой сложный технический комплекс с новой технологией и теорией в области железной дороги, которые люди редко встречают в обыкновенной жизни и работе. В переводе технической документации и устном переводе по ВСМ, мы наиболее часто сталкиваемся со сложными синтаксическими конструкциями, специальными сокращениями, различными аббревиатурами и терминами. Сложность и многогранность проектов требует высококвалифицированных переводчиков, чья работа нуждается в точности и качестве перевода, от которого зависит успешность конечного результата этих проектов [Наталья, 2014, с. 70].

Тем более, русский и китайский язык, как древние языки с долгосрочной историей, считаются двумя из самых трудных языков во всем мире, повышают трудность во взаимном понимании друг друга между китайскими и российскими специалистами в случае, когда встречаются технические термины. Техническим специалистам и переводчикам постоянно приходится изучать и перенимать мировые передовые технологии, зачастую технические термины становятся камнем преткновения на их пути. Именно поэтому, перевод технических терминов в области ВСМ имеет большую значимость и важность. Однако сфера ВСМ в переводческой специализации поднимает множество вопросов, которые необходимо изучить, и на которые переводчикам стоит уделить особое внимание.

Исходя из вышесказанного, предметом этой статьи стало исследование железнодорожной терминологии в китайском и русском языках. В этой статье будут рассматриваться два основных вопроса: 1) Особенности формирования железнодорожной терминологии; 2) Проблемы, возникающие в переводе технических терминов по ВСМ в китайском и русском языках.

Особенности формирования в русской железнодорожной терминологии.

Для железнодорожной отрасли основные составляющие формирующейся терминологии, в значительной мере определяющие смысл системы железнодорожного транспорта, — это понятия, появившиеся на заре её существования: «железная дорога», «железнодорожный путь», «рельсы», «поезд», «вагон», «паровоз», «станция», «вокзал» [Чернышова, 2011, с. 79].

Термин, обозначающий данный вид транспорта, - железная дорога, впервые зафиксированный в словарях в 1847 году [Черных, 2007, т. 1, с. 263], по-видимому, является калькой с французского *chemin defer* (известного с 1832 года), поскольку именно на этом языке в России в XIX веке говорила не только знать, но и интеллигенция, в том числе и техническая. В просторечии же для обозначения нового вида транспорта бытовали такие названия, как железка и чугунка. Очевидно, что все перечисленные названия нового вида транспорта акцентируют внимание на материале, используемом при строительстве рельсовых дорог, а не на их основном конструктивном элементе — рельсе [Чернышова, 2011, с. 90].

Сам же термин рельс был заимствован в русский язык из английского на этапе начала железнодорожного строительства в России в 30-х годах XIX века, причем, как нетрудно заметить, он восходит к форме множественного числа английского термина *rail*. Следовательно, при заимствовании данной лексической единицы и при освоении ее русским языком произошло переосмысление грамматической формы заимствования: в русском языке форма *rails* утратила морфемное членение и методом опрощения основы превратилась в грамматическую форму единственного числа непроизводной словесной единицы рельс, у которой по законам грамматики русского языка форма множественного числа создается присоединением морфемы (рельсы). Как уже отмечалось, отличительной особенностью рельсового пути является наличие конструкции, представляющей собой сочетание рельсов, шпал и балласта и предназначенной для восприятия нагрузок от колес подвижного состава [Чернышова, 2011, с. 91].

В русской железнодорожной терминологии для обозначения понятия был создан новый термин с прозрачной семантической структурой. В отличие от англоязычных

железнодорожников, обозначивших основные гиперсемы данной области человеческой деятельности путем специализации значений слов, уже существующих в национальном языке, русские путейцы в процессе терминотворчества использовали для вербализации основных понятий весьма широкий арсенал способов номинации:

- калькирование (железная дорога),
- заимствование (рельс, вагон, локомотив),
- переосмысление единиц общеупотребительной лексики (станция, поезд),
- создание нового термина (паровоз) [Чернышова, 2011, с. 95].

Мышление русских железнодорожников вовлекало в процесс создания новой специальной лексической единицы не только ресурсы собственного языка, но и материал чужих языков. Следует подчеркнуть, что на этапе зарождения профессионального знания и последующего затем дальнейшего его оформления в виде научнопрофессиональной отрасли знания происходит и формирование самостоятельной терминологии. При этом наблюдается процесс отбора лексических единиц, которые способны функционировать в качестве термина [Чернышова, 2011, с. 95].

Сложный путь развития в русской терминологии прошло заимствование — вагон (от англ. wag(g)ori). В начале железнодорожного строительства в России вагоны в составе поезда назывались по-разному: повозка, телега, экипаж, карета и др. [Черных, 2007, т. 1, с. 130].

Согласно историческим сведениям, существовали разные наименования для пассажирских вагонов в зависимости от конструкции и удобств для пассажиров. Самыми комфортабельными и дорогими были кареты, которые подразделялись на берлины и дилиэ/сансы: они имели закрытые кузова с мягкими сидениями, разделенными на отделения с самостоятельными входами. Вагоны более низкого класса — повозки или линейки — были двух типов и назывались шарабанами и вагонами. Стенки у них доходили только до середины высоты кузова. Шарабаны имели крышу, у вагонов она отсутствовала [Железнодорожный транспорт, 1994, с. 13]. Вагонами назывались и открытые грузовые вагоны [История железнодорожного, 1994, т. 1, с. 23].

Железнодорожная лексика характеризуется в своем большинстве терминологией узкоотраслевого и межотраслевого характера.

Пути создания железнодорожной терминологии разнообразны: словообразование, синтаксический способ образования, морфологосинтаксический способ, заимствования из других языков. Наиболее продуктивным способом образования железнодорожной терминологии можно считать вторичную номинацию, когда термины образуются на основе

метонимических и метафорических переносов. По своей структуре железнодорожные термины делятся на простые, сложные и составные термины-словосочетания. Специфика перевода железнодорожной терминологии заключается в том, что термины могут быть формальными, смысловыми и ситуативными [Наталия, 2014, с. 70].

Проблемы, возникающие в переводе технических терминов по ВСМ в китайском и русском языках.

Как отмечает СВ. Гринев-Гриневиц, исследование истории развития терминологий и терминообразовательных средств позволяет вскрыть объективные тенденции развития терминологий, без учета которых невозможно создание полезных и жизнеспособных терминологических материалов. При этом диахронические исследования терминологии «дают возможность не только повысить надежность рекомендаций по упорядочению терминологий и образованию новых терминосистем, но и установить пути и особенности развития научной мысли в различных странах, приобретая таким образом большое культурное, социальное и научное значение» [Гринев-Гриневиц, 2008, с. 179].

Через сбор информации о культурных и экстралингвистических факторах, анализируются следующие проблемы, возникающие в переводе технических терминов по ВСМ:

1. Отличие системой и стандартами ВСМ.

Работа переводчика предполагает не просто перевод слов и фраз с двух разных языков, а взаимообмен основ культуры и системы двух государств.

Современные стандарты и система функционирования ВСМ в Китае и России кардинально отличаются друг от друга, что в свою очередь приносит огромные трудности в работу переводчиков с китайского и русского языков.

Несмотря на то, что в России существует высокоразвитая железнодорожная сеть, системы проектирования, строительства и эксплуатации железных дорог актуальны по сей день, а их общая протяженность составляет 85,5 тыс. км, к настоящему моменту скоростные магистрали в России отсутствуют, а принципы проектирования, строительства и эксплуатации ВСМ кардинально отличаются от принципов, принятых в обычном железнодорожном сообщении. В Китае же, наоборот, наблюдается долгосрочная перспектива развития в сфере высокоскоростных железнодорожных технологий. Китай за прошедшее 20 лет добился огромного прогресса в развитии ВСМ с учетом преимущества ВСМ всех стран во всем мире, обладающих ВСМ, реконструировал и оснастил обычные железные дороги новой техникой, построил с нуля крупнейшую в мире систему ВСМ и накопил колоссальный опыт эксплуатации высокоскоростных экспрессов. К концу 2016 г.,

в Китае построено ВСМ общей протяженностью примерно 20,000км, что составляет 65% от общей протяженности ВСМ в мире. В Китае также действует высокоскоростная магистраль на магнитной подушке протяженностью 30 км от г.Шанхай до аэропорта Пудун, эксплуатационная скорость движения составляет 430 км/ч.

Кардинальные различия между системами функционирования ВСМ в Китае и России приносят огромные трудности в сферу ВСМ как таковую. В особенности это относится к огромным трудностям, возникающим во время перевода железнодорожной терминологии, например:

1) Различия в процессе проведения экспертизы проектной документации:

Процесс экспертизы проектной документации в Китае предполагает собой сдачу документации в Ведомственную комплексную экспертизу «Китайские Железные Дороги». В то время как в России, на примере предварительного проектирования участка «Москва-Казань», можно с уверенностью сказать, что документация в России должна пройти множество инстанций:

а) Экспертиза Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ) и Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС);

б) Экспертиза технологического и ценового аудита (ТЦА);

в) Экспертиза ЦУЭП («Управление экспертизы проектов и смет»), основные принципы которой схожи с положениями Ведомственной комплексной экспертизой «Китайские Железные Дороги»,

А также:

д) Экспертиза ФАУ «Главгосэкспертиза России».

Такие экспертные инстанции, как Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ), Петербургский государственный университет путей сообщения (ПГУПС), Национальное объединение ценового аудита (ТЦА) и ФАУ «Главгосэкспертиза России» не существуют в системе проверки проектной документации в Китае. Даже самое полное и точное объяснение переводчика действий вышеперечисленных инстанций не дает стопроцентного понимания настоящего процесса.

2. Понятия и принципы разработки проекта, строительных работ, эксплуатации различны.

Разработка проекта высокоскоростной железнодорожной магистрали, строительные работы, эксплуатационные расходы во всех отношениях довольно дорогостоящи. В Китае за последние 20 лет проектирования высокоскоростной железной дороги, строительных работ, опыта эксплуатации, соотношение мостов и туннелей высокоскоростной железной

дороги достигает 60%. Несмотря на то, что проектирование, стоимость строительных работ довольно дорогостоящи, но удобны в техобслуживании при эксплуатации, износ путей мал, низкие расходы; в общем, несмотря на то что расходы на проектирование и строительные работы относительно высоки, но стоимость эксплуатационных работ относительно низка, в следствии этого суммарные затраты на проектирование, строительные работы относительно низкие.

А в России, к настоящему времени, еще нет проектов высокоскоростной железнодорожной магистрали, нет представления о стоимости эксплуатационных работ, принципы проектирования максимально снизят стоимость мостов и туннелей, этим весьма снизив расходы по разработке проекта и стоимость строительных работ. По итогам, не смотря на то что, расходы на проектирование и строительные работы относительно низки, но стоимость эксплуатационного обслуживания высока, что приведет к повышению суммарных затрат на эксплуатацию и проектирование.

Во всем проектировании высокоскоростной железной дороги, в строительных работах, в эксплуатации существует большое количество технических терминов. Но так как понятия и принципы осуществления проекта обеих стран отличаются, иногда они очень сложны для понимания, вне зависимости от того на сколько точен перевод переводчика. В большинстве случаев все сомневаются в правильности перевода, особенно в точности перевода технического термина, что приводит к существованию больших неточностей во взаимопонимании.

3. Отсутствие русско-китайских словарей в области ВСМ.

Перевод технического текста невозможно выполнить без использования технических и лингвистических источников, с которыми нужно уметь правильно работать. Для хорошего перевода необходимы словари (словари общей лексики, толковые словари, словари сокращений и т.д.), справочники и специальная литература. В некоторых случаях для обеспечения точности перевода заданного материала требуется более углублённое изучение литературы по конкретной тематике.

Китайские и российские стандарты и системы железных дорог в основном следуют железнодорожным стандартам и нормам СССР. В начале освобождения китайские железнодорожники, особенно старшие поколения железнодорожников провели углубленное изучение для нормы, системы и стандарты СССР строительства, проектирования и эксплуатации железных дорог, чтобы энергично развивать китайскую железную дорогу. В то же время большое количество железнодорожных университетов, научно-исследовательских организаций, проектных институтов, строительных компаний

вкладывают много трудовых ресурсов и ресурсов в подготовку китайско-российской железнодорожной промышленности. Поэтому в Китае существует большое количество китайско-российских железнодорожных словарей

На основе развития общей железной дороги Китая Китай приложил большие усилия для развития скоростных железных дорог за последние 20 лет и планирует продвигать его в качестве национальной визитной карточки для всех стран мира, включая Россию и другие страны СНГ. Поэтому почти 20 лет в Китае были опубликованы ряд важных высокоскоростных железных дорог для китайско-российского железнодорожного словаря.

Соответственно, после распада Советского Союза Россия не запускала крупномасштабные проекты железных дорог в сочетании с прошедшими десятилетиями и Китаем в железнодорожной отрасли, масштабное сотрудничество меньше, в результате чего китайско-российские железнодорожные научно-исследовательские и педагогические сотрудники относительно невелики, поэтому в настоящее время в России Публикация китайско-российского железнодорожного словаря редко. К китайско-российскому железнодорожному переводу российских переводчиков возникли большие трудности.

4. Появление новых терминов ВСМ.

Вследствие быстрого развития техники в научном языке постоянно появляются новые термины (неологизмы), которые не успевают зафиксировать даже самый последний словарь. Неологизмы часто представляют большие трудности при переводе. ВСМ является одним из элементов, которые быстро развивается во всем мире в данный момент, соответственно технические термины в области ВСМ являются одними из наиболее подвижных слоев лексики. Словарный состав языка постоянно пополняется за счет создания новых слов для выражения понятий, появляющихся в результате научно-технического прогресса. При переводе таких слов техническому переводчику зачастую приходится самостоятельно создавать эквивалентные технические термины на языке перевода.

1). Анализ: приемо-отправочный путь 到发线

А. На русском языке приемо-отправочный путь: станционный путь, на котором выполняются технологические операции, связанные с приёмом и отправлением поездов, посадкой и высадкой пассажиров, скрещением поездов на однопутных линиях и ожиданием обгона более срочными поездами. **Субъект – путь.**

В. На китайском языке 到发线 (Dao Fa Xian) дословно переводят на русский «путь, по котором поезда заходят и уходят». **Субъект - поезда**

2). Анализ: Раздельный пункт 站场

А. На русском языке «Раздельный пункт»: пункт, делящий железнодорожную линию на блок-участки или перегоны;

В. На китайском языке 站场 (Zhan Chang): нет выражения «Раздельный пункт», приблизительно китайском выражению «站场 (Станции и узлы)».

5. Отсутствие эквивалентного соответствия слову по ВСМ.

Иногда в китайском языке отсутствует эквивалентное или вариантное соответствие русскому слову, переводчику часто приходится прибегать к описательному или объяснительному переводу, который заключается в более или менее пространным истолковании значения русского слова, т.е. является его развернутым объяснением

6. Неожиданный перевод без готовности.

По причине малого количества китайско-российских проектов железных дорог за последние нескольких десятилетий, профессиональных технических переводчиков железнодорожной отрасли очень мало, больше переводчиков понимающих язык. Технический персонал обеих стран обычно относительно редко контактируют с переводчиками, понимания по отношению к работе с переводом недостаточно. Хочется считать, что зная язык, переводчику не требуется какая-либо подготовка, для того чтобы можно было быстро и точно сформулировать сложную техническую документацию любой специальности, включая техническую терминологию.

Техническим переводом в той или иной форме приходится, по плану или случайно. Рано или поздно переводчикам попадает в руки техническая документация по ВСМ, которую переводчику надо будет прочесть и перевести. Возможно, у переводчика возникнет необходимость побеседовать с китайскими (российскими) специалистами на интересующую российских (китайских) специалистов тему или перевести такую беседу. Во всех этих случаях переводчик столкнётся с особенностями и трудностями технического перевода, без знания которых можно сделать много ошибок, даже хорошо владея иностранным языком.

Список литературы:

Берсиров Б.М. Формирование лингвистической культуры у студентов в процессе обучения языку // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: педагогика и психология. 2010. № 2
Гринев С.В. Актуальность проблем когнитивного терминоведения//научно-техническая терминология, М., 2002.

Ефимов Д.К. Термины в профессиональной коммуникации//Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы теории и практики филологических

исследований». Пенза – Москва – Рязань, 2011.

Иса Г.И. Актуальные проблемы технического перевода в области строительства и архитектуры //Вестник Московского университета. Серия 22: теория перевода. 2014.№ 2

Наталья И. П. Особенности образования и перевода железнодорожной терминологии в особенном французском языке // ДНУ.2014

Толикина Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина//Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М.: Наука, 1970

Телегин Л.А. Морфонологическое использование английского словесного ударения // Самарканд: Изд-во СамГУ, 1976

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово/Slovo, 2000.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. - М.: Русский язык: Медиа, 2007.

Чернышева А.А. Антропологические аспекты современной отраслевой терминологии (на материале терминологии железнодорожного транспорта)

Большая энциклопедия транспорта в 8 т. Железнодорожный транспорт — М.: Большая Рос. энциклопедия, 2003.

История железнодорожного транспорта России. - М.: Изд-во Иван Федоров; - СПб. Изд-во Иван Федоров, 1994. - Т.

Чович Л.И.
Панъевропейский университет
г. Баня-Лука (Босния и Герцеговина)

Chovich Larisa
Pan-European University
Banja Luka (Bosnia and Herzegovina)

КОНЦЕПТ *СКУКА* И ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В РОМАНЕ В СТИХАХ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» А.С.ПУШКИНА И В ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК

THE CONCEPT OF BOREDOM AND ITS LINGUISTIC SUBMISSION IN THE VERSE NOVEL «EVGENIY ONEGIN» by A.S. PUSHKIN AND IN ITS TRANSLATION INTO THE SERBIAN LANGUAGE

В настоящей работе применяется комплексная методика исследования, способствующая изучению языковой репрезентации концепта *скука* на основе сочетания различных методов и способов анализа. Делается попытка построить концепт *скука*, с использованием языкового материала романа «Евгений Онегин» и его перевода на сербский язык. Устанавливается связь между лингвистическими средствами, эксплицирующими концепт *скука*, в системе сюжетных событий романа в стихах и в его переводе на сербский язык. Представлена языковая личность скучающего героя с учетом лингвистических и экстралингвистических параметров, участвующих в создании концепта *скука*.

In this paper, we use an integrated research methodology that facilitates the study of language representation of the concept of boredom based on a combination of various methods and manners of analysis. An attempt is made to build the concept of boredom using the language material of the verse novel “Eugene Onegin” and its translation into Serbian. A connection is established between the linguistic means, which explicate the concept of boredom, in the system of the novel's plot events in verses and in its translation into Serbian. The linguistic personality of the bored hero is presented, taking into account the linguistic and extralinguistic parameters involved in creating the concept of boredom.

Ключевые слова: концептуальные лексемы, ядерные лексемы, периферийные лексемы, ассоциативные смыслы, эквивалент.

Keywords: conceptual lexemes, nuclear lexemes, peripheral lexemes, associative meanings, equivalent.

Как известно, в России в девятнадцатом веке *скука* - это мода, поза, культурный слой образа поведения дворян, философия их жизни, уклад быта, имеющие воплощение в языке и статус культурного концепта.

Вполне естественно, что в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин», являющемся, по определению В.Г. Белинского «энциклопедией русской жизни», не могли не найти отражения процессы, происходившие в современном поэту обществе, в частности, навеянные байронизмом, дендизмом и искусственной разочарованностью, молодежные, пессимистические и даже скептические настроения, проявляющиеся в виде всеобщей модной *скуки-хандры*. Поэтому место концепта *скука* в поэтике А.С.Пушкина нельзя обойти вниманием, особенно в романе в стихах «Евгений Онегин», где *скука* проявляется и в рефлексии автора, и героев как концепт на фоне многообразных происходящих событий.

Цель настоящей работы состоит именно в описании специфики концепта *скука*, особенностей его отражения в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин» [Пушкин, 1986, с. 186 – 353] и в его переводе на сербский язык, осуществленный Милорадом Павичем [Пушкин, 2017, с. 3-247].

Основными задачами данного исследования можно назвать следующие: структурирование концепта *скука*, то есть разработка модели, реализующей концепт *сук*, в оригинале и его переводе на сербский язык; выявление значений, понятий, связанных с концептом *скука*, нашедших отражение в рефлексии А.С.Пушкина и его героев; выявление лингвистических средств экспликации концепта *скука* в системе сюжетных событий романа и в его переводе на сербский язык; а также характеристика языковой личности героев произведения, испытывающих скуку, где особое внимание уделяется скучающему главному герою.

Теоретической основой исследования служит теория концепта, разрабатываемая в трудах А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996], Д.С. Лихачева [Лихачев, 1993. - Т. 52, №1. с. 3-9], Е.В. Сергеевой [Сергеева, 2001, с. 41 - 46], Ю.С. Степанова [Степанов, 1997], В.А. Масловой [Маслова, 1997] и др.

Материалом исследования послужили текст романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и его перевод на сербский язык, осуществленный, как мы уже указали выше, Милорадом Павичем. Объем выборки составил 34 единицы речевой актуализации концепта *скука* в прямом и косвенном выражении в русском языке и 30 – в сербском.

В данном романе *скука* включается в эпистему, связную структуру идей, подтверждающую единством и частотой употребления лексемы *скука* (12) и ее дериватов «скучный» (7), «скучно» (4), «скучать» (3), «скучны» (1), «скучен» (1), «скучая» (1), «наскучить» (1), «докучать» (2), «наскуча» (1).

Предметом анализа избираются *концептуальные лексемы* (ядерные и периферийные, околядерные), *номинации*, входящие в когнитивные структуры, формирующие смысловое пространство, связанное с концептом *скука*; а также часто встречающиеся *авторские комментарии* к речи героев о скуке в общем метатексте романа в стихах.

Рассмотрим, какие черты имеет концепт *скука* в творчестве и рефлексии А.С. Пушкина, а точнее в романе в стихах «Евгений Онегин» и его переводе на сербский язык; как он (концепт) понимается и с какими концептами коррелирует.

В современном русском языке слово *скука* встречается часто, однако его употребление ограничивается сферой повседневного языка, то есть это понятие обозначает обыденное явление повседневной жизни.

Рассмотрим структуру концепта *скука*.

Концепт *скука* актуально существует для всех, пользующихся языком русской культуры как средством общения. В современной русской жизни *скука* осознается, прежде всего, как «томление от отсутствия дела или интереса к окружающему» либо как «отсутствие веселья, занимательности» (разг.). Однако по сравнению с XIX веком частота использования данного концепта меньше, это связано с занятостью современного человека, с большим количеством деловых контактов, не допускающих пустоты и промедления.

Итак, являясь концептом культуры, *скука* выражается в языке средствами, выбор которых зависит от того смысла, который вкладывается в него носителями языка. Данные эпистемологического контекста позволяют говорить о разнообразных смыслах, вкладываемых носителями языка в содержание концепта *скука*, поэтому, переходя к исследованию лингвистических средств экспликации данного концепта у Пушкина необходимо определить, какой смысл будет рассматриваться в качестве инвариантного.

Итак, *скука* - это сложное психическое состояние, базирующееся на совмещении рационального и эмоционального компонентов, которое может влиять и на физическое состояние человека (бледность, истощение и т.д.). Слово *скука* употребляется для отражения этого психического состояния в языке.

Инвариантное содержание концепта можно представить, рассмотрев словарную дефиницию в толковом словаре, где слово *скука* определяется через лексемы «чувство», «состояние»:

Так, в *Толковом словаре русского языка* С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [1995. с. 716] лексема *скука* имеет следующие значения:

1. «Томление от отсутствия дела или интереса к окружающему».
2. «Отсутствие веселья, занимательности» (разг.)

Именно поэтому ядерными лексемами концепта *скука* являются:

Скука, скучать, скучный (*досада, досадни, досађивати – серб.*), обозначающие «состояние человека» (интеллектуальное и эмоциональное, которое может влиять и на физическое состояние человека), то есть обыденное явление повседневной жизни как человека, так и определенного слоя общества: отсутствие дела, интереса к окружающему.

Лингвистические средства экспликации, представляющие концепт *скука*, используются Пушкиным не только в его собственных комментариях, но и:

- для представления светского общества, дворянского быта, для создания колорита эпохи;
- для описания картин природы;

- для характеристики состояния скучающего главного героя Онегина.

Следует заметить, что вербальное выражение ядерной лексемы *состояние* представлено лексемами: *скука, хандра, сплин, томление, (досада, досадни, досађивати – серб.),* а также и производными глаголами *скучать, наскучить, надоесть,* и прилагательным *скучный*:

1. Так, например, А.С. Пушкин называет *скукой* праздничные затеи высшего света [Пушкин, с. 254], сам высший свет - «однообразной семьей», а его развлечения «сыновьями жадной скуки», что в данном случае представляет окказиональную метафору, показывающую отношение Пушкина к этим развлечениям, не переведённую Милорадом Павичем:

Подсели дамы к камельку; Девицы шепчут в уголку; Столы зеленые раскрыты: Зовут задорных игроков Бостон и ломбер стариков, И вист, донныне знаменитый, Однообразная семья, Все жадной скуки сыновья. [Пушкин, 2, с.273]	Девојке нешто шаћу саме, Уз камин селе њине маме, И столови су спремни давно. Играче страсне, старе, нове, Старачки ламбер, бостон зове, И вист - још увек име славно, Све рођаци што исто раде, Све пород чаме и досаде. [Пушкин, с.128]
--	---

Кроме того, представление о скуке светского общества писатель создает посредством синонимического ряда с нарастающей градацией, представляющей намеренное преувеличение, с целью усилить подчеркивание действий, приведших к скуке, определенного душевного состояния, в высшем свете: *наскучить, утомить, надоесть, разлюбить*; и контекстуальных синонимов (дамы: *непорочны, величавы, умны и благочестия полны, осмотрительны, точны, неприступны* и несущие *несносный, невинный вздор*), обозначающих неестественную манеру поведения дам высшего света и их разговоры, вызывающие у Онегина «сплин» (хандру):

<i>Оригинал:</i> Нет: рано чувства в нем остыли; Ему наскучил света шум;(…) Измены <i>утомить</i> успели; Друзья и дружба <i>надоели</i> , Затем, что не всегда же мог <i>Beef-steaks</i> и страсбургский пирог Шампанской обливать бутылкой И сыпать острые слова, Когда болела голова, И хоть он был повеса пылкой, Но <i>разлюбил</i> он наконец И брань, и саблю, и свинец(…) И правда то, что в наши лета Довольно <i>скучен</i> высший тон(…) Но вообще их разговор	<i>Перевод:</i> Не: жар из срца оде рано. <i>Досадио</i> му светски шум,(…) Неверства му је било доста, А <i>досадно</i> другарство поста, Јер није био таквог кова Да пије шампањ због другова И онда кад му то не прија, Нити да буде добре воље Када га муче главобоље. И најзад (мада кавгаџија) Напустио је кавге своје, Куршуме, сабљу и двобоје(…) И збиља, данас код вас цвета <i>Досадан</i> , празан, висок тон;(…)
--	--

<p>Несносный, хоть невинный вздор; К тому ж они так непорочны, Так <i>величавы</i>, так умны, Так благочестия полны, Так <i>осмотрительны</i>, так точны, Так <i>неприступны</i> для мужчин, Что вид их уж рождает <i>сплин</i> [Пушкин, 2, с.200-201].</p>	<p>Њин разговор је - мада чедна Несносна бесмислица једна. А уз то су толико нежне, Свечане, умне, тачне, вредне, <i>Опрезне</i> тако, тако <i>чедне</i>, И мушком свету <i>недосежне</i>, Да може и сам изглед њин У човеку да створи <i>сплин</i>. [Пушкин, с.27-28].</p>
--	---

В переводе Милорада Павича отсутствует синонимический ряд с нарастающей градацией, обозначающих действия, ставшие скучными, неинтересными, из-за однообразия или постоянного повторения: «Друзья и дружба *надоели*, Затем, что не всегда же мог *Beef-steaks* и страсбургский пирог Шампанской обливать бутылкой И сыпать острые слова, Когда болела голова». (Перевод: А *досадно* другарство поста, Јер није био таквог кова Да пије шампањ због другова И онда кад му то не прија, Нити да буде добре воље Када га муче главобоље). Перевод желает лучшего: пропущен стих, описывающий праздничный стол с модной европейской едой (*Beef-steaks* и страсбургский пирог), и разливающимся на все стороны шампанским, обливающим еду. Кроме того, перевод стиха «И правда то, что в наши лета Довольно *скучен* высший тон» не соответствует тексту романа: «И збиља, данас код вас цвета *Досадан*, празан, висок тон», так как в оригинале речь идет не о музыкальном тоне: (*висок тон*), а о светских беседах в высшем свете, поэтому должно быть: *модни тон или nobles тон*. У сербов не было высшего общества в пушкинском понимании, и поэтому и не было высшего тона, поэтому эквивалентом может быть заимствованное из французского языка слово *nobles тон*.

2. Скучными Пушкину кажутся и весна, и осень, и зима; то есть концепт *скука* имеет свое лингвистическое пушкинское представление в описаниях картин природы:

<p>Как <i>грустно</i> мне твое явленье, Весна, весна! пора любви! Какое <i>томное</i> волнение В моей душе, в моей крови! С каким тяжелым умилением Я наслаждаюсь дуновением В лицо мне веющей весны На лоне сельской тишины! Или мне чуждо наслаждение, И всё, что радует, живит, Всё, что ликует и блесит, <i>Наводит скуку и томленье</i> На душу мертвую давно, И всё ей кажется темно? [Пушкин, 2, с.294]</p>	<p><i>Болно</i> је твоје долажење, Љубави доба, премалеће! Какво се <i>тужно</i> узбудење Кроз крв и душу моју креће! Како ме слатко, болно греје Пролеће што на мене веје И дахом лице моје дира С олтара дивљег пољског мира. Или су мени сласти стране? Па све што буја, све што живи, Што се весели, блиста, диви, <i>Досаду ствара, бол и ране</i> У мојој души мртвој давно. И све је за њу пусто, тавно. [Пушкин, с.160]</p>
--	---

В данном отрывке А.С. Пушкин трансформирует фразеологизм *наводит скуку*, в котором он, не меняя смыслового ядра фразеологизма, расширяет его структуру еще одним компонентом, устаревшей лексемой *томленье*, усиливающую экспрессию высказываемого: ликующее и блестящее и всё, что «радует, живет», *наводит не только скуку*, но и причиняет автору *страдание, муку, печаль*. Милорад Павич передает это с помощью лексического значения данного фразеологизма, в виду его отсутствия в сербском языке. Кроме того, в переводе Милорада Павича «*Приближалась довольно скучная пора; Стоял ноябрь у двора*» изменен смысл этого отрывка «*Ближило се Време кад чама свет освоји; Већ новембар на прагу стоји*» индивидуально-авторской метафорой переводчика «Време кад чама свет освоји»:

Но наше северное лето, Карикатура южных зим,(...) Уж небо осенью дышало, Уж реже солнышко блистало,(...) Гусей крикливых караван Тянулся к югу:приближалась <i>Довольно скучная пора;</i> Стоял ноябрь уж у двора. [Пушкин,2, с.255]	Ал' северно је лето само Карикатура јужне зиме; (...) Већ је и сунце ређе сјало, Небо на јесен одисало (...) Караван крештавих гусана На југ је хито. Ближило се <i>Време кад чама свет освоји;</i> Већ новембар на прагу стоји. [Пушкин, с.103]
--	--

В деревне зимой скучно: «*докучает взору*» однообразная нагота. Употребленная Пушкиным лексема *взор* относится к высокому стилю. В современном русском языке *взор* обычно *устремляют*. Думается, что синтагма «*докучать взору*» и в пушкинское время была индивидуально-авторской метафорой:

В глуши что делать в эту пору? Гулять? Деревня той порой <i>Невольню докучает взору</i> Однообразной наготой. [Пушкин, 2, с.256]	Шта бисмо могли у то време? У шетњу? Сада пуге паше И суморне пољане неме <i>Досадном муче очи наше.</i> [Пушкин, с.104]
--	--

В переводе использованы слова современного сербского языка и поэтому утрачен оттенок архаичности пушкинского текста.

3. Концепт скука представлен в описании душевного состояния героя, его переживаний, и в первую очередь, скуки-хандры главного героя, оказавшейся его вечным спутником:

И снова, преданный <i>безделью</i> , <i>Томясь душевной пустотой</i> , Уселся он – с похвальной целью Себе присвоить ум чужой; Отрядом книг уставил полку, Читал, читал, а всё без толку: Там скука , там обман иль бред; В том совести, в том смысла нет;. [Пушкин, 2, с.202]	И <i>беспослицы</i> опет одан, И душевном празнином <i>мучен</i> , Циљ изабро је благородан Да присвоји ум туђ и учен; Гомилу књига, ено, спрема И чита, чита - сврхе нема; Та досаду , та лажи крије, Ту совести, ту смисла није; [Пушкин, с.29]
---	--

В тексте оригинала лексемы *безделье, томиться, душевная пустота*, являющиеся сопровождающими, перефирийными концепта *скука*, ассоциативно связанных с концептом и предвещающие онегинскую хандру, представляющую не только дань моды, но и разочарование, пресыщение главного героя суетой жизни.

В переводе данной онегинской строфы постигнута почти полная эквивалентность не только основных, но и сопровождающих элементов, усиливающих предвещающий недуг, который Пушкин назвал «русской хандрой», которая граничит *с недугом, с болезнью*, охватившую главного героя, неудовлетворенного действительностью, скучающего, ведущего праздную, пустую жизнь:

<p><i>Недуг</i>, которого причину Давно бы отыскать пора, Подобный английскому <i>сплину</i>. Короче: <i>русская хандра</i> Им овладела понемногу... Как Child-Harold, <i>угрюмый, томный</i> В гостиных появлялся он... [Пушкин, т.2, с.200]</p>	<p><i>И болест</i>, чије су порекло Морали наћи већ лекари, <i>Сплин</i>, како би се негде рекло, Наша <i>чамотиња</i> у ствари, Овладала је њим помало... Ко Child-Harold је <i>недосежан</i> Ишо у салон из салона... [Пушкин, с.27]</p>
---	--

В переводе, к сожалению, не сохранилась характеристика Онегина - *угрюмый, томный*, являющаяся последствием того недуга, который Пушкин назвал *русскою хандрой*.

Таким образом, языковая личность скучающего главного героя романа имеет вербальное выражение с помощью синонимов: «скука», «хандра», «сплин», «уныние», «недуг», «разочарование», используемых Пушкиным для характеристики состояния Онегина со значением: мрачное, тоскливое настроение, передающееся с помощью описания внешнего вида Онегина: «в гостиных появлялся он» «угрюмый», то есть мрачный, неприветливый, безотрадный, и «томный», исполненным истомы.

Онегин едет в деревню. Но и там им овладела скука:

<p>На третий роща, холм и поле Его не занимали боле; Потом уж наводили сон; Потом увидел ясно он, <i>Что и в деревне скука та же</i>, Хоть нет ни улиц, ни дворцов, Ни карт, ни балов, ни стихов. <i>Хандра</i> ждала его на страже, И бегала за ним она, Как тень иль верная жена. [Пушкин, 2, с.206]</p>	<p>Ал' трећег, поље и луг мали Нису га више забављали; Затим га од њих дремеж свлада И он већ јасно виде тада: Иако дворци булевара, Балови, карте не постоје, Да и у селу <i>досадно је</i>; Стражари и ту <i>чама стара</i> И прогони га сваког трена Ко сенка или верна жена [Пушкин, с.34]</p>
--	--

В романе в стихах происходит дополнение, обогащение выделенного концепта *скука* расширением национальных, лингвогеографических и пространственно-временных параметров. *Скука* выступает в рефлексии автора и героев, первую очередь - Онегина, как фигура в многообразных проявлениях событий, происходивших в романе. В переводе

ключевой глагол *скучать* заменен глаголом *самовати*, что не является эквивалентом, так как значение сербского глагола *самовати* – «*быть одиноким*»:

Деревня, где <i>скучал</i> Евгений, Была прелестный уголок; [Пушкин, 2, с.208]	Дивно је место било село Где Оњегин је самовао; [Пушкин, с.39]
--	--

Таким образом, помимо ядерных лексем сферу концепта *скука* формируются околядерные лексемы, *праздность, безделье, томление, пресыщение, равнодушие, лень, уныние, зевать, сон*, равно как и фразеологизм *от нечего делать*:

Стихи и проза, лед и пламень Не столь различны меж собой. Сперва взаимной разнотой <i>Они друг другу были скучны;</i> Потом понравились; потом Съезжались каждый день верхом И скоро стали неразлучны. Так люди [Первый каюсь я) <i>От делать нечего</i> друзья. [Пушкин, 2, с.213]	Стихови, проза, лед и пламен Нису баш тако много страни; <i>Досадни беху први дани</i> Јер нису били истих ђуди, Ал' затим су се снашли боље, Јахали сваки дан у поље И постали баш блиски људи. Тако се (то и мене пече) <i>Из досаде</i> другарство стече. [Пушкин, с.45]
--	--

Этот отрывок переведен весьма некорректно: во-первых, отсутствует антитеза *Стихи и проза, лед и пламень*, которая заменена обычным перечислением, не отражающим суть оригинала: «Стихови, проза, лед и пламен», во-вторых, следовало бы добавить слова *им* в фразу «*Досадни беху први дани*» - «*Досадни им беху први дани*», в-третьих, русский разговорный фразеологизм *От делать нечего* - заменен свободными словосочетаниями, формирующими простое предложение – «*Из досаде другарство стече*».

Как справедливо отмечает Ю.М. Лотмана, разочарованность героев литературных произведений чаще всего носила разоблачительный пафос и не выходила за рамки «светской причуды». Так задумывался и образ Онегина, но различные исторические события привели к тому, что тема скуки получила иное обоснование. В 1825 году Рылееву Пушкин написал: «*Скука* есть одна из принадлежностей мыслящего существа» (цит. по: Лотман 1999, с. 408):

– Я тут еще беды не вижу. «Да скука, вот беда, мой друг». [Пушкин, 2, с.224]	"Па не видим ја зла у томе." "Досада зло за тебе није?" [Пушкин, 2. с.62]
--	---

Следует добавить, что в результате проведенного контекстуального анализа выявлена периферийная окказиональная лексема в концепте *скука* - это лексема *беда*, на сербском языке – это *невоља* (в переводе почему-то лексема *зло*).

Подводя итоги исследования, следует перечислить также и периферийные, околядерные лексемы, входящие в сферу концепта *скука*. Это лексемы: *праздность, безделье, отвращение, томление, тоскливое настроение, утомить, зевать, пресыщение,*

равнодушие, лень, уныние, сон, недуг; ФЕ: *наводит тоску, от нечего делать* - в оригинале и *досадни, чама, чамотиња, досада, самовати* – в переводе. И окказиональные лексемы, входящие в концепт *скука*: *беда, болезнь*.

Как мы уже отметили, выявление лингвистических средств экспликации концепта *скука* является одной из задач данной работы, которые проявляются не только в системе сюжетных событий романа, но и в комментариях автора, а его постоянном диалоге с героями и читателем. Интересна в тексте романа в стихах идентификация автора (А.С. Пушкина) с героем (Евгением Онегиным). Поэт неоднократно подчеркивает их сходство в испытываемых чувствах, в восприятии действительности. В качестве примера можно привести воспоминания Пушкина о том времени, когда он, как и Онегин, "условий света свергнув бремя", разочаровался в жизни, когда «в обоих сердцах жар угас», что вполне адекватно переведено Милорадом Павичем:

Я был озлоблен, он <i>угрюм</i> ; Страстей игру мы знали оба; <i>Томила жизнь</i> обоих нас; В обоих сердца <i>жар угас</i> ; Обоих <i>ожидала злоба</i> ... [Пушкин, 2. с.202]	Ја огорчен, он <i>сетом свладан</i> . Обојица смо у то доба Познали игру страсти јасно; У оба срца <i>жар је згасно</i> , Обојицу је <i>срела злоба</i> ... [Пушкин, 2. с.30]
--	--

Пушкинская *скука* - лишь отчасти дань моде, отражение дендизма, отголосок байронического влияния, а в большей степени - отражение особенностей русской действительности того времени, следовательно, и особенностей русской скуки, не только как позы и слепого подражания, но и как принадлежности мыслящего существа. У Пушкина *скука* связана с душевным состоянием героя, с особым способом мышления, с процессом познания мира. Как верно отметил Лотман, поэтому по-иному осмысливается *скука* Онегина: образ «светского льва» вырастает в «серьезную фигуру, достойную встать рядом с автором» [Лотман 1999, с.408].

Далее онегинские «сплин», «хандра», «скука» превращаются в «тоску»: Тоска Онегина неоднократно появляется в «Отрывках...». Тоска поселяется в душе героя, когда он находится в поисках чего-то вечного, стремясь испытать чувство внутренней свободы, но так и не находит его в странствиях.

Таким образом, произведение, созданное художником, воплощает объективную универсальную картину мира. Поэтому Пушкин - автор «Евгения Онегина» и творческая личность - предстает перед нами как феномен русского мира с присущими ему национальными и нравственными особенностями и как субъект русского мира, который этот мир осмысливает и формирует. Подводя итоги данному исследованию, следует отметить, что

в тексте анализируемого романа *скука* коррелирует с такими понятиями, как «разочарование», «меланхолия», «хандра» («сплин»), «мода», «поза» и имеет специфические черты, обусловленные особенностями русского менталитета, а также зависит от авторского замысла. Кроме того, концепт *скука*, помимо собственных смыслов «чувство, состояние» и «объект или обстановка», приобретает *окказиональные смыслы* «тоска», «пустота», «мечтания», «разочарование». *Скука* главных героев романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» - это сложное состояние, представляющее собой объединение таких начал, как философия жизни (у Онегина), состояние (психическое и физическое – Ольга, Ленский, Татьяна), социальная роль (дендизм). Вербализация художественного концепта *скука*, отражая творческое видение автора, тесно связана со всей его речестилевой системой, с образно-ассоциативным мышлением художника слова-Пушкина.

Следует добавить, что иногда лексические единицы осложнены авторскими коннотациями, так что в пределах контекста общеязыковые значения выявленных лексем и фразеологизмов претерпевают смысловую трансформацию, в результате которой возникают индивидуально-авторские значения, трудно переводимые на сербский язык. Кроме того, при сравнительном анализе лексико-фразеологической вербализации концептов *скука* (рус.) и *досада* (серб.) было констатировано, что имеются значительные расхождения: в русском языке богаче палитра лексико-фразеологических единиц, имеются *окказиональные смыслы*, которые не были замечены переводчиком. Исследование концепта *скука* помогает установить связь героев А.С.Пушкина с языковым сознанием людей XIX века, которое находит выражение в используемых ими речевых жанрах: монологах, и личных беседах, а также в авторских комментариях.

Список литературы:

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. / А. Вежбицкая. М.: Русские словари, 1996. 416с.
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка. // Известия АН. Серия литературы и языка / Д.С. Лихачев. 1993.- Т. 52, №1. С. 3-9.
- Лотман Ю.М.* Пушкин. / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство, 1999.
- Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию: Учеб. Пособие. / В.А Маслова. М.: Наследие, 1997. 208с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю.Шведова. Российская АН; Российский фонд культуры; 3-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. 928с.
- Пушкин А.С.* Сочинения. В 3-х т./ А.С. Пушкин. М.: Художественная литература, 1986; Т.2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. С.186 – 353.
- Пушкин А.С.* Евгеније Оњегин. Роман у стиховима. Предео с руског Милорад Павић / А.С. Пушкин. 2.изд., LOM: Београд, ММХVII, 2017. 245с.

Рубцов Б.Б. Мировые фондовые рынки: современное состояние и закономерности развития / Б.Б. Рубцов. М.: Дело, 2001. 311 с.

Сергеева Е.В. Принципы и методы исследования в лингвистике конца XX века: воспоминания о будущем // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века. Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». - Вып. 61 Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. - СПб. - Ставрополь, 2001. С.41 - 46.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824с.

Чэнь Хао
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Chen Hao
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

О СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ СЛОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ЧЕРТЫ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

ON THE WAYS OF FORMATION OF NEW WORDS IN RUSSIAN AND CHINESE: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

В статье дается краткий обзор современных подходов к классификации способов словообразования в русском и китайском языках и проводится сравнительный анализ основных способов словообразования, наиболее характерных для каждого языка. Словообразование в русском и китайском языках является эффективным и значимым процессом пополнения словарного состава. Сопоставление способов образования новых слов в русском и китайском языках показывает, что в русском и китайском языках способы словообразования имеют черты как сходства, так и различия.

The article gives a brief overview of modern approaches to the classification of word formation methods in the Russian and Chinese languages and provides a comparative analysis of the main ways of word formation, which are the most characteristic of each language. Word formation in the Russian and Chinese languages is both an effective and significant process of vocabulary replenishment. Comparison of methods of formation of new words in the Russian and Chinese languages shows that in the Russian and Chinese languages the methods of word formation have similar and different features.

Ключевые слова: словообразование, способы словообразования, русское словообразование, китайское словообразование.

Keywords: word formation, word formation methods, Russian word formation, Chinese word formation.

Как раздел лингвистики словообразование изучает систему производных слов, способы и средства их образования, а в качестве составной части языковой системы словообразование является основным средством обогащения языка, реализации его номинативных возможностей и поэтому продолжает оставаться важной частью грамматического строя любого языка.

Как известно, основы классификации способов русского словообразования были заложены в работах В.В. Виноградова, который выделяет два класса используемых способов: способы морфологические (фонетико-морфологический, бессуффиксный; суффиксальный; префиксальный; смешанный, суффиксально-префиксальный способы) и способы синтаксические (морфолого-синтаксический; лексико-синтаксический; лексико-

семантический способ) [Виноградов, 1975, с. 155–165]. В «Русской грамматике» 1980 г., представлена следующая классификация: 1) способы образования слов, имеющих одну мотивирующую основу (суффиксация, префиксация, постфиксация, префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный способы и субстантивация прилагательных и причастий); 2) способы образования слов, имеющих больше одной мотивирующей основы (сложение (чистое сложение), смешанный способ, сращение и аббревиация) [Русская, 1980, с. 136–138].

В работе [Розенталь, Голуб, Теленкова, 1991, с. 205–208] способы словообразования делятся на морфологические и неморфологические. Среди первых – аффиксация (способы префиксальный, суффиксальный и префиксально-суффиксальный), безаффиксный, словосложение, аббревиация, а среди морфологических – морфологосинтаксический, лексико-семантический и лексико-синтаксический. Также предлагалась следующая систематизация способов словообразования: 1) аффиксальное (морфематическое) словообразование; 2) флексийное (морфологическое) словообразование; 3) словосложение (основосложение), или композиция; 4) лексико-семантическое словообразование; 5) фонетическое словообразование [Немченко, 1984, с. 117–118].

В «Современном русском языке» 1989 г. способы словообразования классифицируются по средствам, используемым для выражения деривационного значения производного слова (аффиксальные и неаффиксальные), а в зависимости от того, сколько производящих основ участвует в словообразовании, выделяют способы словообразования простых и сложных слов [Современный, 1989, с. 308–309].

И.С. Улуханов разделяет способы словообразования на чистые (1) суффиксация; 2) префиксация; 3) постфиксация; 4) субстантивация; 5) сложение; 6) сращение; 7) неморфемное усечение) и смешанные (12 парных – это способы префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-сложный и некоторые другие, а также 5 тройных способов – это, например, префиксация + суффиксация + субстантивация, префиксация + суффиксация + сложение и другие) [Улуханов, 2008, с. 29–59]. Е.А. Земская в монографии «Современный русский язык. Словообразование» пишет о четырех способах словообразования и определяет их следующим образом:

лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический и морфологический [Земская, 2011, с. 176].

Такое количество подходов и вариативность классификаций по разным признакам связаны с многоаспектностью анализируемого явления. Тем не менее можно говорить, что четыре следующих способа образования новых слов в русском языке являются наиболее используемыми:

1) морфологический способ – основной способ обогащения словарного состава русского языка, новые слова образуются путём сочетания морфем на базе имеющихся в языке основ и словообразовательных аффиксов (гитара > гитарист, лететь > прилететь);

2) морфолого-синтаксический способ – это переход слов или словоформ из одной части речи в другую (адвербиализация, адъективация, вербализация, прономинализация, субстантивация, переход слов других частей речи в служебные) (посмотреть вокруг – вокруг озера, благодаря друга – благодаря другу);

3) лексико-синтаксический способ – образование новых слов в результате сращения в одну лексическую единицу целого сочетания слов (объединения двух или более слов, сращения элементов словосочетания или сложение производящих слов) (сегодня <сего дня, сумасшедший <с ума сшедший);

4) лексико-семантический способ – образование новых слов в результате распада слова на омонимы, т.е. приобретение одной и той же лексической единицей разных значений. Под лексико-семантическим способом понимается образование слова в результате изменения значения уже существующего слова. В результате разрыва семантических связей между значениями многозначного слова образуются омонимы (брак «некачественная работа» и брак «супружество»).

Вопрос о способах словообразования занимает значительное место также при словообразовательном анализе лексики китайского языка, в том числе в работах российских лингвистов.

И.Д. Кленин и В.Ф. Шичко рассматривают морфологическое, семантическое, фонетическое, аффиксальное словообразование, подробно описывая типы морфемной контракции [Кленин, Шичко, 1978, с. 72–110]. Рассматривая вопросы словообразования в терминологической лексике современного китайского языка, О.П. Фролова выделяет морфологический, синтаксический, фонетический способы и конверсию [Фролова, 1981,

с. 22]. В.И. Горелов видит в китайском языке такие способы словообразования, как лексико-синтаксический (словосложение), лексико-морфологический (полуаффиксация), морфологический (аффиксация), морфолого-синтаксический (транспозиция), морфолого-фонетический (фонетическое обособление), лексико-семантический (семантическое обособление), редупликацию и контракцию [Горелов, 1984, с. 19–20]. В работе [Семенас, 2005, с. 38] рассматриваются четыре основных способа образования новых слов: сложение, аффиксация, аббревиация, заимствования из других языков. В предисловии к книге «Учим китайский язык: от иероглифа к слову» [Воропаев, 2017, с. 9–11] говорится о таких способах, как словосложение, морфемная контракция, аффиксация, подробно анализируются типы связей между компонентами (иероглифами / слогоморфемами) сложных китайских слов.

Изучение проблемы классификации способов словообразования имеет богатую традицию и давнюю историю в национальной китайской лингвистике. Ещё в 1956 г. Сунь Чаншуй подразделял способы словообразования в китайском языке на: 1) 语音造词方法 «фонетический»; 2) 语义造词方法 «семантический»; 3) 结构造词方法 «структурный», подразделяющийся на 词汇结构造词方法 «лексико-структурный» и 形态机构造词方法 «морфолого-структурный» [孙常叙, 1956, с. 78–79]. Ли Цзиньси и Лю Шижун в «Учебных материалах по грамматике китайского языка» различают три основных способа словообразования: 1) 成分结构 (句法构词法) «синтаксический»; 2) 形态结构 (形态构词法) «морфологический»; 3) 语音结构 (语音构词法) «фонетический» [黎锦熙, 刘世儒, 1959, с. 518–519]. Жэнь Сюэлян выделяет пять основных способов образования новых слов: 1) 词法学造词法 «морфологический»; 2) 句法学造词法 «синтаксический»; 3) 修辞学造词法 «стилистический»; 4) 语音学造词法 «фонетический»; 5) 综合式造词法 «синтетический» [任学良, 1981, с. 2]. Лю Шусинь выделяет 3 способа: 1) 词汇材料式 «морфологический»; 2) 语音材料式 «фонетический»; 3) 混合材料式 «смешанный» [刘叔新, 2005, с. 128].

Анализ лексического материала и различных точек зрения русских и китайских лингвистов позволяет предложить следующую классификацию словообразования в китайском языке:

1) морфологический способ (аффиксация). В китайском языке количество аффиксов невелико, и сфера употребления аффиксальных слов тяготеет к разговорному языку. Например, префикс 阿 образует существительные-термины родства, иногда с ласкательным оттенком (阿父 «батюшка», 阿婆 «матушка»). Суффикс 儿 образует слова с уменьшительным оттенком (棍儿 «палочка», 兔儿 «зайчишка»), а также слова с ласкательным оттенком (孩儿 «деточка», 宝贝儿 «ребеночек»);

2) морфолого-синтаксический способ (конверсия, или транспозиция). В китайском языке функциональная транспозиция является частым явлением: распространен переход существительного в прилагательное (科学和艺术 «наука и искусство» > 科学工作 «научная работа»), прилагательное в существительное (寂寞的生活 «скудная жизнь» > 难以忍受的寂寞 «невыносимая скука»). В зависимости от позиции также довольно часто существительное становится глаголом (这把锯 «эта пила» > 锯树 «пилить дерево»), а глагол – существительным (生活下去 «продолжать жить» > 我的生活 «моя жизнь»). Кроме того, следует особо отметить переход прилагательного в наречие (晚春 «поздняя весна» > 睡得晚 «ложиться спать поздно»);

3) лексико-синтаксический способ (словосложение). По мнению В.И. Горелова, словосложение является доминирующим в словообразовательной системе китайского языка [Горелов, 1984, с. 19–20]. Основным словообразовательным средством при словосложении является соединение слов или основ, причем обычно словосложение осуществляется простым примыканием одного компонента к другому (远大 «далекий + большой» > великий»; 呼吸 «выдыхать + вдыхать» > дыхание, дышать»; 春秋 «весна + осень» > годы»; 黑板 «черный + доска» > классная доска»; 多嘴 «много + рот» > словоохотливый, болтливый»);

4) лексико-семантический способ (семантическое обособление). В китайском языке часто можно наблюдать то, как одно и то же слово приобретает несколько самостоятельных значений (红领巾 «красный галстук» и 红领巾 «пионер»), или то, как за существующим в языке словом закрепляется значение, которое не связано непосредственно с более ранним значением (大夫 «сановник, чиновник, гражданский чин» и 大夫 «врач»);

5) лексико-морфологический способ (полуаффиксация). Образование новых слов путем присоединения к имеющимся в языке словам или основам полуаффиксов (полупрефикс 微 «микро-»: 微生物 «микро + живое существо > микроб, микроорганизм»; 微观世界 «микро + мир > микромир, микрокосм»; полусуффикс 员 «человек»: 邮递员 «почтовая доставка + человек > почтальон»; 海员 «море + человек > моряк»; 党员 «партия + человек > член партии»);

б) морфемная контракция – образование новых слов в результате выпадения из многосложных слов или терминологических словосочетаний тех или иных значимых компонентов. В книге [Кленин, Шичко, 1978, с. 112] подробно описан этот способ словообразования: «Сложносокращенные слова, образованные в результате морфемной контракции, внешне не отличаются от сложных слов, образованных в результате словосложения, но сложные и сложносокращенные слова возникают в результате различных процессов: наращивания количественного состава слова и уменьшения количества морфем, входящих в состав многосложного слова или терминологического словосочетания» (外国语 «вне + государство + язык» > 外语 «иностранный язык»; 飞机场 «летать + машина + площадка» > 机场 «аэропорт»; 北京大学 «север + столица + большой + знание» > 北大 «Пекинский университет»; 政治委员 «политика + управлять + комитет + член» > 政委 «комиссар»).

Итак, в рассмотренных способах словообразования русского и китайских языков есть много общего. В обоих языках используются способы морфологический, морфолого-синтаксический, лексико-синтаксический и лексико-семантический, а в китайском языке еще и лексико-морфологический способ, и морфемная контракция.

Самым распространённым способом словообразования в русском языке является морфологический, а в китайском языке – лексико-синтаксический. Это связано с общим грамматическим строем языка: русский язык входит в индоевропейскую семью и относится к флективным языкам, а китайский входит в сино-тибетскую семью и относится к изолирующим языкам, поэтому в китайском языке аффиксация относительно малоприменима. В целом, обе системы продуктивны, обеспечивают большое языковое разнообразие и передачу различных оттенков смысла, но там, где в русском языке используются аффиксы, в китайском используется сложение значимых морфем.

Список литературы:

- Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике: избр. тр. / В.В. Виноградов. М.: Наука, 1975. 559 с.
- Воропаев Н.Н. Учим китайский язык: от иероглифа к слову = 学习汉语: 从字到词 / Н.Н. Воропаев. М.: Издательство АСТ, 2017. 224 с.
- Горелов В.И. Лексикология китайского языка: учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / В.И. Горелов. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
- Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е.А. Земская. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
- Кленин И.Д. Лексикология и фразеология китайского языка / И.Д. Кленин, В.Ф. Шичко. М.: ВИИЯ, 1978. 191 с.
- Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование / В.Н. Немченко. М.: Высшая школа, 1984. 255 с.
- Розенталь Д.Э. Современный русский язык: учеб. пособие для студентов-филологов заочного обучения / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. М.: Высш. шк., 1991. 559 с.
- Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 789 с.
- Семенас А.Л. Лексика китайского языка / А.Л. Семенас. М.: Восток-Запад, 2005. 310 с.
- Современный русский язык. Издание второе, испр. и доп. / отв. ред. В.А. Белашапкина. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
- Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И.С. Улуханов. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 232 с.
- Фролова О.П. Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка / О.П. Фролова. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1981. 132 с.
- 任学良. 汉语造词法. 北京: 中国社会科学出版社, 1981, 289 页 (Жэнь Сюэлян. Словообразование китайского языка. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1981. 289 с.).
- 刘叔新, 汉语描写词汇学. 北京: 商务印书馆, 2005, 415 页 (Лю Шусинь. Описательная лексикология китайского языка. Пекин: Шаньфу иньшугуань, 2005. 415 с.).
- 孙常叙. 汉语词汇. 长春: 吉林人民出版社, 1956, 493 页 (Сунь Чансюй. Лексика китайского языка. Чанчунь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 1956. 493 с.).
- 黎锦熙, 刘世儒. 汉语语法教材. 北京: 商务印书馆, 1959, 597 页 (Ли Цзиньси, Лю Шижу. Учебные материалы по грамматике китайского языка. Пекин: Шаньфу иньшугуань, 1959. 597 с.).

Эргуван Ф.И.
Международный Черноморский Университет
г. Тбилиси (Грузия)

Erguvan Feruza
International Black Sea University
Tbilisi (Georgia)

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА С РУССКОГО НА ТУРЕЦКИЙ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА БОРИСА ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

PROBLEMS OF LITERARY TRANSLATION FROM RUSSIAN TO TURKISH IN THE SAMPLE OF BORIS PASTERNAK'S «DR. ZHIVAGO»

В 2014 году в Турции в издательском доме “Yapı Kredi Yayınları” впервые вышел в свет турецкий перевод романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» выполненный с языка оригинала. Перевод получил множество положительных отзывов как в Турции, так и в России. Он был назван уникальным и отражающим оригинальные краски произведения. В данном исследовании⁷⁰ будут освещены проблемы художественного перевода прозаической части произведения, в содержательно-смысловом и стилистическом аспекте, а именно степень понимания исходного текста переводчиком и трансформации им исходного текста в текст перевода, с соблюдением стилистических и лингвистических особенностей.

In 2014, the Turkish translation of Boris Pasternak's novel “Doctor Zhivago” from the original version was first published in Turkey by “Yapı Kredi Yayınları”. The translation received a lot of positive reviews both in Turkey and Russia. It was considered to be a unique work reflecting the true colors of the original. This study attempts to identify some of the semantic and stylistic problems of the translation. Furthermore, it studies the degree of the translator's understanding or interpretation of the source text, and tries to depict how the stylistic and linguistic features of the source text has been transferred to the target language.

Ключевые слова: проблемы художественного перевода, художественный перевод с русского на турецкий, Доктор Живаго.

Keywords: problems of literary translation, literary translation from Russian into Turkish, Doctor Zhivago.

Исследуемый перевод романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» вышел в 2014 году в издательском доме «Yapı Kredi Yayınları». Это первый и в настоящее время единственный перевод данного произведения с языка оригинала на турецкий язык. Сразу после выхода в свет перевод получил много положительных отзывов в Турции, он был назван уникальным и отражающим оригинальные краски романа, а также в отличии от предыдущих переводов включал в себя и поэтическую часть произведения в виде 25 стихов.

---

⁷⁰ В данной статье частично используются примеры и данные из неопубликованной докторской диссертации на тему «Критика художественного перевода романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» в переводе с русского на турецкий язык» [Erguvan, 2018, с.166]

Возможно, в столь громкой огласке перевода сыграла свою роль личность переводчика. Хюлья Арслан, является ведущим специалистом русского языка в Турции, работает на кафедре Русского Переводоведения одного из стамбульских вузов активно участвует в международных конференциях, имеет ряд статей, посвященных проблемам перевода с русского на турецкий язык, а также является автором и редактором нескольких художественных переводов произведений русской литературы.

В турецком литературном пространстве Пастернак считается одним из трех труднопереводимых поэтов [Аукит, 2006, с. 23], а в литературных кругах России Пастернак еще в 1914 году был назван трудным поэтом, «о котором больше говорят, чем читают» [Гаев, 1962, с. 20], заслуга в этом отношении переводчика, который возложил на себя эту нелегкую миссию и донес до турецкого читателя, заслуживает внимания и уважения. Перевод получил широкую огласку и в России, помимо того, что о нем писали в прессе и в виртуальном пространстве, он был выдвинут в качестве соискателя премии «Читай Россию» в списке которых были представлены 28 переводчиков из 18 стран за лучший перевод прозаического или поэтического произведения с русского на иностранный язык.

При анализе художественного перевода важно знать какую цель ставил перед собой переводчик данного художественного произведения. В одном из своих интервью, Х. Арслан подчеркнула, что главной целью, поставленной перед собой, было сохранение «оригинального цвета» произведения, избежание потерь перевода, а также невидимость переводчика [Arslan, 2014].

В переводоведении особое место уделяется исследованиям художественного перевода. Это прежде всего связано с тем, что художественная литература является всеобщим достоянием, содержание которой несет в себе образное отражение жизни общества, которому она принадлежит, поэтому очень важно максимально правильно передать все ее особенности, как с точки зрения исходной так и целевой культуры.

Необходимо помнить, что текст перевода может служить объектом исследования литературоведов и других исследований, в частности сравнительного литературоведения. С этой точки зрения перевод художественного произведения должен быть максимально близок с текстом подлинника в лингвистическом, семантическом и стилистическом аспекте.

В современном переводоведении большое разнообразие теоретических концепций. В художественном переводе большинство из которых фокусируется на двух понятиях: «эквивалентность» и «адекватность», предпочтительным из которых является первый [Göktürk, 2006, с.55]. Под «эквивалентностью» стоит понимать сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации подлинника [Виноградов, 2001, с. 18]. Учитывая многогранность данного понятия, успешность литературного перевода будет зависеть от достижения каждого из этих уровней.

Затронуть все проблемы перевода в рамках этой статьи не является возможным, поэтому в данном исследовании будут освещены некоторые проблемы художественного перевода прозаической части произведения, в содержательно-смысловом и стилистическом аспекте, а именно степень понимания исходного текста переводчиком и трансформации им исходного текста в текст перевода, с соблюдением стилистических и лингвистических особенностей.

Процесс перевода делится на два этапа, *декодирование* исходного текста и *кодирование* его в текст перевода. На первом этапе осуществляется анализ, направленный на понимание текста (декодирование), а на втором этапе происходит синтез и анализ, порождение текста на язык перевода [Огнева, 2012, с. 13]. Для переводчика, который не является носителем исходного языка, первый этап важен в плане правильного понимания и осмысления подлинника. Второй этап примечателен в плане сохранения стилистических и художественных особенностей исходного текста при трансформации его в текст перевода, именно на этом этапе проявляется профессионализм переводчика. Разумеется, для успешного перевода оба этапа являются одинаково важными.

Следует отметить также сложность исходного произведения, роман богат многообразием лексико-семантических и лексико-стилистических пластов, который охватывает целое сорокалетие (1903-1943), содержит свыше сотни говорящих лиц, весьма разнородной социальной принадлежности, обилён элементами церковнославянской лексики, книжно-архаических и литературно-книжных речений и форм [Ржевский, 1919, с. 119]. Учитывая дальность и неродственное происхождение исходного и целевого языка, разные лингвистические особенности, отличие культур и религиозной принадлежности,

не трудно представить масштаб сложностей, с которыми столкнулся переводчик и которые должен был преодолеть.

При сопоставительном анализе текста подлинника и перевода, были выявлены искажения содержания романа на разных уровнях, связанные с неправильным осмыслением, точнее непониманием переводчиком некоторых фрагментов произведения. Одной из проблем содержательно-смыслового характера с которой столкнулся переводчик данного романа являются слова схожие по звучанию или написанию, иногда омонимы. В переводоведении есть такой термин «ложные друзья переводчика» как правило здесь подразумеваются похожие по написанию или по звучанию слова исходного языка и языка перевода, употребляемые в разных семантических значениях, однако в данном случае проблема неправильно понятых схожих слов в исходном языке. Эта проблема подробно была описана в одной из моих работ, где в ходе исследования было выявлено неверное истолкование переводчиком схожих по написанию или по звучанию слов [Erguvan, 2018]. Приведем несколько примеров:

сознать - создавать, помнить (2) – понимать, жалко- жарко, благородность - благодарность, председатель-представитель, дровяной- дворовой, принято-приятно, посоветиться-посоветоваться, разорение-разочарование, страм-странно, страшная- странная, умерявшая-умирающая

В вышеуказанных примерах даны пары слов, где первое слово из подлинника текста, а второе слово, в значении которого оно было переведено на целевой (турецкий) язык. Как видно из примеров, слова целевого текста далеки от эквивалентности, не являются однокоренными или родственными, единственное сходство, схожий набор букв, если смотреть невооруженным взглядом. Возможно, переводчик допустил ошибки в результате усталости или невнимательности. Цифра (2), указанная в скобках, показывает, что ошибка была допущена не раз и не является случайной, в различных отрывках подлинника и переведена в обоих случаях одинаково, не зная личности переводчика можно было бы предположить незнание данного слова, однако учитывая профессиональную сторону конкретного переводчика и его ранг, останавливаемся на первой версии, невнимательности. Ниже приведены примеры некоторых неправильно переведённых однокоренных и родственных слов, образованных различными приставками:

презрение – подозрение, расстегнуть -застегнуть, развернуть (2) – завернуть, отменять -поменять, заговаривать (завораживать, заколдовывать) (2) -разговаривать, нечестно -бесчестье, пережить (2) – пережить

Весьма интересно, что в одном из своих докладов Арслан, говоря о трудностях перевода с русского на турецкий, затронула тему многофункциональности приставок в русском языке в образовании новых смысловых значений. Тем самым предостерегая переводчиков, о возможных искажениях и неправильном понимании значений слов. [Arslan, 2005, с. 495]. Однако именно здесь и сама допустила ряд ошибок, в результате чего в таких словах как *расстегнуть -застегнуть, развернуть (2) – завернуть*, в переводе был передан смысл полностью противоположный подлиннику. Глагол *заговаривать*, в тексте подлинника был употреблен два раза, в значении *завораживать, заколдовывать*, но в переводе в обоих случаях был переведен в значении *разговаривать, вести речь*:

«Солдатка Кубариха заговаривала больную корову Палихи, Памфиловой жены Агафьи Фотиевны, в просторечии Фатевны». (Пастернак, 2016, с. 424) – «Palih'in karısı, Agafi Fotievna- kısaca ona Fatyeva diyorlardı-, hasta inekleri için Kubariha'yla konuşuyordu». [Pasternak, 2017, с. 41]

«Черт знает что, — думал он, — я становлюсь каким-то шарлатаном. Заговариваю, лечу наложением рук». [Пастернак, 2016, с. 88] – *«Tanrının belası bir şarlatana dönüşüyorum galiba" diye düşündü. «Yakında nutuk atıp elimi başlarına koyarak hastaları iyileştirmeye başlayacağım».* [Pasternak, 2017, с. 82]

Скорей всего, переводчик не знаком с данным значением этого слова. К сожалению, не всегда неправильно понятое слово ограничивается искажением смысла только одного предложения. Иногда это напрямую затрагивает замысел автора, ведет к утрате кульминационных моментов в тексте. Роман богат чрезвычайно острыми положениями, неожиданными совпадениями, которые даны, чтобы показать скрещение людских судеб, переплетение человеческих путей в самых неожиданных ситуациях [Гаев, 1962, с. 24] Одним из таких моментов является последний путь Юрия Живаго в трамвае незадолго до смерти и его размышления на тему относительности:

«Он подумал о нескольких развивающихся рядом существованиях, движущихся с разной скоростью одно возле другого, и о том, когда чья-нибудь судьба обгоняет в жизни судьбу другого, и кто кого переживает». [Пастернак, 2016, с. 626]

«Birlikte gelişen canlıların, farklı hızlarla birbirlerinin peşi sıra hareket etmeleri durumunda, hangisinin kaderinin diğerinkinden daha iyi olacağı ve sonunda kimin kime **üzüleceğinin** hesabını yapmak için bir yol var mıdır acaba diye düşündü». [Pasternak, 2017, с. 556].

В приведенном фрагменте текста оригинала употреблен глагол *переживать*, в значении жить дольше кого-то. Следует отметить, что это не стандартное употребление глагола автором, так как глагол *пережить* совершенного вида. А глаголы совершенного вида употребляются только в будущем и прошедшем времени, не имея при этом употребления в настоящем времени. Возможно, именно этот момент повлиял на неправильное понимание переводчика, который спутал его с глаголом *переживать* (волноваться). Хотя, если внимательно посмотреть на употребление слова в предложении, с грамматической точки зрения, можно понять, что если бы как подумал переводчик, это глагол *переживать*, то он бы был употреблен с предлогом «за» (*переживает за кого-то*), а не как в подлиннике «кто кого *переживает*». Однако являясь не носителем исходного языка, переводчик упустил этот момент, тем самым упустив важный момент замысла романа. В продолжении текста через пару страниц, автор в силу замысла снова возвращается к этому моменту и в ответ на размышления Живаго, которого уже не было на тот момент в живых, ставит точку и таким образом решает задачу, поставленную им в начале главы, «кто кого переживет?»: «И она пошла вперед, в десятый раз обогнав трамвай и, ничуть того не ведая, обогнала Живаго и **пережила** его». [Пастернак, 2016, с. 628]- «Onunci kez tramvayın önüne geçmiş, olan bitenin farkında olmasa da Jivago'ya yetişmiş ve tek **acıyan** o olmuştu». [Pasternak, 2017, с. 558]. Как видно в данном отрывке, переводчик снова ошибся, спутав глагол с глаголом *переживать* (волноваться, расстраиваться за кого-то). Трудно объяснить сколько тонкостей всей этой главы были потеряны, в результате этой ошибки. Более того, если оценить предложение только с точки зрения текста перевода, будет четко видна нелепость смысла в нем. Так как перевод данного предложения с турецкого звучит так: «Она в десятый раз обогнала трамвай и ничего сама не ведая, достигла Живаго и была единственная которая **пожалела** его».

Также присутствует проблема неправильного понимания омонимов, омографов и омоформ исходного языка. Ниже приведены некоторые из них:

завод (заводить часы) – завод (предприятие), носка (процесс ношения) – носки (предмет одежды), ранее – ранний, совершенный – совершеннолетний, по голове – поголовно

Проанализировав неэквивалентность примеров нетрудно представить, насколько может быть искажен смысл подлинника. Ведь иногда неправильно понятое слово может исказить смысл всего предложения подлинника, а иногда нести в себе информацию напрямую противоположную оригиналу, тем самым нарушив логическую цепь событий, а иногда и весь замысел автора.

Приведем фрагмент с конструкцией «не раз», переведенной на турецкий в значении «ни разу»:

«Они перелистывали составленную Евграфом тетрадь Юрьевых писаний, не раз ими читанную, половину которой они знали наизусть». – «Kitabın içeriğini daha önce hiç okumamışlardı ama neredeyse hemen hepsini ezbere biliyorlardı». [Pasternak, 2017, с.589]

Как видно на примерах значение переведенного предложения несет в себе противоположный смысл подлиннику. На турецкий язык это предложение переведено таким образом: «Они раньше ни разу не читали эту книгу, но тем не менее знали ее наизусть». В данном случае ошибка скорее всего была допущена по невнимательности переводчика, которую можно было избежать пару раз перечитав перевод заново, ведь если даже исходить только из текста перевода, видно его противоречивый смысл.

Весьма интересен не точный перевод числительных исходного текста. В таблице № 1 даны несколько примеров:

Таблица 1

Оригинал	Перевод
Когда она чихнула в десятый или двенадцатый раз, Юрий Андреевич догадался, что это свояченица Микулицына, одна из Тунцовых, о которых рассказывал Самдевятков. [Пастернак, 2016, с. 370]	Onuncu ya da on birinci hapşırığında Yuri Andreeviç, onun, Samdevyatov'un anlattığı, Mikulitsin'in baldızı olan Tuntseva Kardeşler 'den biri olduğunu tahmin etti. [Pasternak, 2017, с. 337]
Это был тот же девяностый псалом, но в печатном виде и во всей	Bu da doksan birinci mezmundu. Tek fark bu kitap harfleriyle. [Pasternak,

---

своей славянской подлинности. 2017, с. 388]

[Пастернак, 2016, с. 426]

Знакомые без шляп и пиджаков
перебегали через **две-три** улицы друг к
другу в гости. [Пастернак, 2016, с. 613]

Республика опиралась на
дезертиров из **двести двенадцатого**
пехотного полка, с оружием в руках,
покинувших позиции и через Бирючи
пришедших в Зыбушино к моменту
переворота. [Пастернак, 2016, с. 168]

— **Двадцать пять** лет тому назад

Микулицын студентом
Технологического института приехал из
Петербурга. [Пастернак, 2016, с. 334]

Bir iki sokak ötedeki tanıdıklarımı
ziyarete giderken kimse ceket giymiyor,
şapka takmıyordu. [Pasternak, 2017, с. 545]

Haziran ayında Zıbuşino'da iki hafta
süren bir "cumhuriyet" ilan edildi. Hareketin
lideri oralı olan değirmenci olan
Blajejko'ydu. Cumhuriyet gücünü
Biryuça'daki **122**. Tümen 'den silahlarıyla
kaçıp tam da devrim günleri sırasında
Zıbuşino'dan geçen askerlerden almıştı.
[Pasternak, 2017, с. 156]

Mikulitsin **yirmi yıl önce**
Petersburg'da Teknoloji Enstitüsü
öğrencisiyken geldi buraya. [Pasternak,
2017, с. 305]

В таблице видно, как число двенадцать переведено как одиннадцать, девяносто как девяносто первый, две-три как одну-две, двести двенадцать как 122 и двадцать пять как двадцать.

Наблюдается ряд примеров искажения на уровне предложения: «Супруги укатили» [Пастернак, 2016, с 25]. – «*Hanımım geldi*» [Pasternak, 2017, с 36]. В указанном отрывке первое слово подлинника во множественном числе, а в переводе в единственном числе женского рода, а глагол в переводе передан противоположным по смыслу с подлинником. На турецком языке предложение передано в значении «Супруга приехала / прибыла». Трудно предположить причину, но недоумение вызывает именно предложения, переданные в переводе со смыслом противоположным подлиннику: «*Никогда еще они не ехали так далеко и долго, как в эту ночь. Это было рукой подать — Смоленский,*

Новинский и половина Садовой» [Пастернак, 2016, с. 74]. – «*O geceki kadar uzağa ve bu kadar uzun araba yolculuğu daha önce hiç yapmamışlardı. Şehrin en uzağında diye bildikleri Smolenskiy, Novinskiy'den de uzakta Sadovaya'nın ortasında bir yerdeydi*». [Pasternak, 2017, с.67]. В данном отрывке выражение «*рукой подать*», на турецкий переведено в значении «*в самой дальней точки города*». В другом примере: «**Я знаю, о чем ты говоришь. Пожалуй. Я не обращал внимания**» [Пастернак, 2016, с. 649]. – «*Neden söz ettiğini anlamadım. Hiç dikkat etmedim*» [Pasternak, 2017, с. 579]. Выделенное предложение «**Я знаю, о чем ты говоришь**» переведено как «**Я не понимаю, о чем ты говоришь**». В другом отрывке, выражение «*не доставлял ему удовольствия*» переведено как «*развеселил / доставил удовольствие*», в противоположном подлиннику смысле: «*Hanımok ne доставлял ему удовольствия*». [Пастернак, 2016, с. 411] – «*Ev yapımı votka keyiflendirdi onu*». [Pasternak, 2017, с 373]. В следующем отрывке: «Юрия Андреевича передернуло. Он ничего не ответил и только пожал плечами, **нисколько не пытаюсь скрыть**, что наивность Ливерия переполняет меру его терпения и он насилу сдерживается». [Пастернак, 2016, с.432]- «*Yuri Andreeviç kasılmıştı. Cevap vermedi, yalnızca omuz silkti. Ne kadar saklamaya çalışsa da Liberi'nin saflığı sabrını taşırmıştı, kendini güçlkle tutuyordu*». [Pasternak, 2017, с.391] выражение «*нисколько не пытаюсь скрыть*» переведено как «*сколько бы не старался скрыть*». Таких примеров множество, здесь приведены только некоторые, но исходя из этих примеров можно прийти к заключению, что у переводчика есть серьезные проблемы с пониманием исходного языка.

Чуковский, не считает наличие ошибок содержания текста решающим моментом в оценке перевода, объясняя это тем, что часто переводчику приходится работать наспех, не имея при этом достаточно времени, чтобы пересмотреть или исправить свой труд. Однако считает необходимым создание компетентных структур в виде института редакторов, которые могли бы тщательно сверять перевод с подлинником, что было бы гарантией точного правильного перевода и тем самым повышало уровень его качества [Чуковский, 1919, с. 22]. Анализ содержания данного перевода лишний раз подтверждает актуальность данной проблемы, возможно нужно пересмотреть требования в выборе редактора произведения, в первую очередь включающее обязательное владение исходного и целевого языка.

Проблема перевода фразеологизмов данного произведения была освещена в одном из моих докладов [Erguvan, 2017, с. 403]. Переводчик старался использовать стратегии перевода фразеологизмов с помощью передачи функционального эквивалента или описательным методом, в случае его отсутствия. Однако наблюдалась проблема обнаружения устойчивого выражения, когда переводчик, не заметив фразеологизм, переводил его буквализмом, тем самым искажая смысл подлинника. Так в отрывке: «Скоро ли они там, мамзель? — спросил он даму у зеркала. — **С вашим братом** свяжешься, только лошадь студить». [Пастернак, 2016, с. 75] – «Artık çıkıyorlar mı, matmazel?» diye sordu. «**Sizin erkek kardeşinizle** ne zaman bir iş tutsam, atım donuyor» [Pasternak, 2017, с. 68]. Выражение «с вашим братом» где имелись ввиду женщины, было переведено дословно тем самым искажая смысл подлинника не существующим в тексте «братом». В другом отрывке: «Смерть не **по нашей части**». [Пастернак, 2016, с.81] – «Ölüm **bizim bir parçamız** olamaz». [Pasternak, 2017, с. 88] выражение «не по нашей части» было переведено дословно как: «Смерть не является нашей частью» тем самым утратив подразумеваемый в подлиннике смысл. Также были проблемы при подборе эквивалента фразеологизмов со схожей формой, но отличающихся от исходного текста смыслом.

Серьезные несоответствия наблюдаются в переводе собственных имен. Тут можно отметить отсутствие стандарта при переводе патронимов. Также в целевом тексте частично утеряна информация, отражающая отношение автора к определенному персонажу выраженная уменьшительно- ласкательными суффиксами, обращением по отчеству, сокращением имен. Проблема перевода имен собственных и говорящих имен данного перевода будет темой другого исследования.

Перевод художественного произведения не ограничивается правильной передачей смыслового содержания произведения. Целью литературного произведения является не только донести до читателя определенную информацию, но и разбудить в нем некоторые чувства и мысли, что достигается силой слова автора, оригинальностью творческого языка. [Aksoy, 2002 с. 57]. Именно свойственная автору оригинальность и его творческая сторона, и делает задачу художественного перевода настолько сложной, а иногда и не постижимой. Чуковский, считает безнадежным перевод, в котором не переданы ритм и

стиль оригинала: «...исправить его нельзя, нужно переводить заново» [Чуковский, 1919, с. 19], заключает он.

Для сохранения целостности стиля автора, важно правильно определить вид изложения исходного текста. В большинстве своем литературные произведения обретают функциональную силу в скрытом изложении смысла. Если писатель задумал, воспроизведение своего произведения в скрытой или символической форме, на это есть эстетические причины. Ни одно хорошее художественное произведение не будет излагать свой истинный смысл и красоту в обнаженном виде [Göktürk, 2006, с.79]. Автор часто использует своеобразные эстетические приемы, не говоря всего в тексте тем самым предоставляя возможность заполнять некоторые пробелы самому читателю [Tosun, 2013, с.141]. В задачу опытного переводчика входит сохранить эти особенности оригинала, не пытаясь сделать это за читателя. Зачастую именно это желание переводчика пояснить, ведет к искажению стиля автора нанося вред эмоциональной нагрузки произведения.

В литературном переводе также очень важна форма изложения произведения. Она в свою очередь является отражением и очень важной частью стиля автора. Художественное произведение состоит из таких составных единиц как глава, абзац, предложение, словосочетание и наконец слово. Все это является одной из важных частей замысла автора. Поэтому сохранить синтаксические особенности в переводе насколько позволяет это язык перевода, пожалуй, является одной из важных задач переводчика.

Эстетическая (художественная) функция языка литературного произведения свойственна не отдельным частям произведения, а всему произведению в целом, присуща любому слову, предложению, абзацу художественного текста и подключена авторскому идейно-художественному замыслу [Виноградов, 2001, с.63]. Недаром Виктор Шкловский сказал: «У Пастернака никто ничего не может украсть. У него строка держится за строку» [Гаев, 2006, с.24]

В процессе исследования перевода в глаза бросается несовпадение формы абзацев в целевом тексте с оригиналом. Многие абзацы были объединены или напротив раздроблены. Встречаются случаи изменения очередности предложений в абзацах, а иногда и смены их мест, например, когда первый и третий абзац подлинника следуют в переводе друг за другом, а второй после них.

Таблица №2

Исходный текст	Текст перевода
<p>«Господи, какое счастье! Говорят, ты жив и нашелся. Тебя видели в окрестностях, прибежали и сказали мне. Предполагая, что первым делом ты поспешишь в Варыкино, отправляюсь к тебе сама туда с Катенькой. На всякий случай ключ в обычном месте. Дождидайся моего возвращения, никуда не уходи. Да, ты этого не знаешь, я теперь в передней части квартиры, в комнатах, выходящих на улицу. Впрочем, сам догадаешься. В доме простор, запустение, пришлось продать часть хозяйской мебели. Оставляю немного еды, главным образом вареной картошки. Придавливай крышку кастрюли утюгом или чем-нибудь тяжелым, как я сделала, в предохранение от крыс. Без ума от радости» [с.484]</p>	<p>"Tanrım, ne büyük bir mutluluk! Senin bulunduğunu, sağ olduğunu söylediler. Yakınlarda bir yerlerde seni görünce haber vermek için koşmuşlar bana. İlk önce Varıkino'ya gideceğini düşünerek ben de Katya'yla oraya gidiyorum. Her ihtimale karşı anahtarını bildiğin deliğe bırakıyorum. Ev bomboş, ev sahibinin bazı eşyalarını satmak zorunda kaldım. Sana biraz yiyecek, yani başlanmış patates, bıraktım. Tencerenin kapağının üstüne, benim yaptığım gibi, ütü ya da başka ağır bir şey koy ki fareler gelmesin. Mutluluktan uçuyorum.</p> <p>Hiçbir yere gitme ve dönüşümü bekle. Haberin olsun ben artık evin sokağa bakan ön kısmındaki odalarda yaşıyorum. Kendin de göreceksin zaten." [с.439]</p>

В примере, приведенном в таблице № 2 видно, как три предложения находящиеся в середине повествования в подлиннике, в переводе переместились на последнее место. А четыре последних предложения перемещены в середину повествования, что соответственно исказило подлинное изложение автора.

Подобные методы перевода не допустимы и противоречат принципам художественного перевода, так как нарушают естественную цепь событий, предусмотренную автором. Например, в тексте подлинника **4901** абзац, в то время как в тексте перевода **4294** абзаца. разница между оригиналом и подлинником составляет **607** абзацев. Такая большая разница говорит о формальной не эквивалентности перевода, что в свою очередь является большим минусом для литературного перевода.

Трудно объяснить или предположить, чем руководствовался переводчик в данной ситуации. Так как известно, что абзац является микроформой текста, своего рода микроединицей литературного произведения, включающий в себя композиционное, сюжетно тематическое содержание, напрямую связанное со стилем автора. Соответственно несоблюдение и искажение этой формы будет представлять из себя уже не перевод, а пересказ произведения.

Таблица №3

Исходный текст	Текст перевода
<p>В течение ее вам будет казаться, как нам на войне, что жизнь прекратилась, все личное кончилось, что ничего на свете больше не происходит, а только убивают и умирают, а если мы доживем до записок и мемуаров об этом времени и прочтем эти воспоминания, мы убедимся, что за эти пять или десять лет пережили больше, чем иные за целое столетие. [Пастернак, 2016, с. 230]</p>	<p>Biz savaştaiken yaşamın, kişisel olan her şeyin bittiği izlenimine kapılmıştık. Devrim süreci yaşanırken siz de böyle düşüleceksiniz. Yeryüzünde ölmek ve öldürmek dışında, bir daha başka hiçbir şey olmayacakmış gibi gelecek. Bu yaşadıklarımızın tarihinin yazılacağı günleri görebilsek geçen yüzyılda yaşanan acılardan daha fazlasının bu son beş ya da on yılda yaşanmış olduğunu anlayacağız. [Pasternak, 2017, с. 212]</p>

Как правило предложения подлинника в целевом тексте упрощены и поделены на 3, 4, а иногда и 5 предложений. Изменение строения и видов предложений, допустимо только в тех случаях, когда средства целевого языка не достаточны, чтобы передать особенности исходного языка. Случаи дробления предложений на более простые можно назвать закономерностью данного перевода и сознательным выбором переводчика. В приведенном примере в таблице № 3 видно, как одно предложение подлинника в переводе передано в виде четырех. А характер повествования изменен. Примечательно, что не только длинные и сложные предложения заменены на более простые, наблюдаются случаи, когда совсем простые предложения тоже поделены в тексте перевода.

Таблица № 4

Исходный текст	Текст перевода
<p>Последнюю часть пути, ближе к</p>	<p>Yolculuğunun başında Yuri hep</p>

Москве, Юрий Андреевич проехал по yürümüştü. **Oldukça uzun bir mesafeydi** железной дороге, а первую, гораздо **bu**. Moskova'ya yakın son kısmını ise большую, прошел пешком. [Пастернак, *trende geçirmiştü*. [Pasternak, 2016, с. 532] 2016, с. 596]

В примере, данном в таблице № 4 отчетливо видно, как совершенно простое предложение в подлиннике поделено переводчиком на три. Выделенное предложение в таблице текста перевода отсутствует в оригинале и добавлено переводчиком. Более того очередность событий подлинника в переводе передана в обратном порядке. Такой вариант вообще трудно назвать переводом, это больше напоминает пересказ содержания.

Очень часто простые предложения в подлиннике объединены в одно более сложное. Таким образом манера изложения автора в большинстве своем искажена и передана в характерном для переводчика стиле. В тексте оригинала **11897** предложений, а в переводе **13905**. Разницу между подлинником и оригиналом составляет **2008** предложений. Конечно, эта цифра не отражает реальную картину как в случае с абзацами, где переводчик просто обязан сохранить и передать каркас произведения, но тем не менее она достаточно значительная. Проблема упрощения исходного текста предложений практически характерна для всего перевода, что в свою очередь позволяет сделать вывод о вольном стиле переводчика в передаче формы произведения. Принцип “невидимости” как цель, поставленная перед собой переводчиком, не была осуществлена в выбранных стратегиях перевода. В рамках данной статьи не удалось затронуть такие проблемы как потеря художественных единиц замысла, несоответствия речевой характеристики персонажей, потеря символических единиц произведения, неэквивалентность предлогов, союзов и частиц. Все вышеперечисленные факторы являются неотъемлемой частью успешного перевода и нуждаются в тщательных исследованиях.

Список литературы:

- Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). / В.С.Виноградов – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, - 224с.
- Гаев А. Б. Л.* Пастернак и его роман «Доктор Живаго»: Сборник статей посвященных творчеству Б.Л. Пастернака. /А. Гаев (Серия 1 выпуск 62), 1962. 240 с.
- Огнева Е.А.* Художественный перевод: Проблемы передачи компонентов переводческого кода: Монография. / Е.А. Огнева. 2-е изд., доп.- М. Эдитус, 2012. – 234с
- Пастернак Б.Л.* Doktor Jivago. Санкт Петербург: Azbuka. 2016, 699 с.

- Ржевский Л.* Язык и стиль романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: Сборник статей, посвященных творчеству Б.Л. Пастернака (серия 1 выпуск 62) Мюнхен, с.240
- Чуковский К.* Принципы художественного перевода: Статьи К.Чуковского и Н.Гумилева. Петербург: Всемирная литература, 1919, 30 с.
- Arslan H.* Rusçadan Türkçeye çeviri zorlukları. *Uluslararası V. Dil, Yazın, Değişibilim Sempozyumu* (. İstanbul: Marmara Üniversitesi Atatürk Eğitim Fakültesi.2005, 495-499 с.
- Arslan H.* Doktor Jivago ilk kez Rusça aslından Türkçede. (S. Demir, Röportaj Yapan) (2014, август, 26). <https://tr.sputniknews.com/rsfmradio>
- Aykut, A.* Türkiye’de Rus dili ve edebiyatı çalışmaları Rus edebiyatından çevirileri (1884-1940) ve Rusça öğrenimi (1883-2006). Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya *Fakültesi Dergisi*, 2006. 46, 1-27.
- Göktürk, A.* Çeviri: dillerin dili. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları. 2006, 112 с.
- Erguvan F.* Boris Pasternak'ın "Doktor Jivago" romanının Rusçadan Türkçeye çevirisinde deyimlerin aktarılması. *HALC- 2nd International Conference on History, Art, Literature & Culture in South Caucasus and Black Sea Region* International Black Sea University. 2017, 397-404 с.
- Erguvan F.* Equivalence at word level in the translation of Boris Pasternak’s novel “Doctor Zhivago” from Russian to Turkish language. *Journal in Humanities* (7/2), 2018, 24-34 с.
- Erguvan F.* Boris Pasternak’ın “Doktor Jivago” adlı romanının Türkçe çevirisi örneğinde Rusçadan Türkçeye edebi çeviri eleştirisi: doktora tezi / F. Erguvan: 2018, Tiflis: 166 с.
- Pasternak B.* *Doktor Jivago*. (H. Arslan, Перевод.) İstanbul: Yapı Kredi Yayınları. 2017, 639 с.
- Tosun M.* Çeviri eleştirisi kuramı. / M. Tosun, İstanbul: Aylak Adam. 2013, с.243

РУССКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Антипина И.В.

Ивановский государственный
химико-технологический университет
г. Иваново (Россия)

Antipina Irina

Ivanovo State University
of Chemistry and Technology
Ivanovo (Russia)

ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБУЧЕНИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И ИХ ДЕТЕЙ

PROBLEMS, TASKS AND PERSPECTIVES OF TEACHING OF WORKING MIGRANTS AND THEIR CHILDREN

В статье излагается опыт проектной деятельности по созданию системы обучения мигрантов и их детей на базе Центра подготовки и тестирования граждан зарубежных стран вуза и средней школы. Создан оригинальный алгоритм обучения трудовых мигрантов и их детей на разных учебных площадках. Правильное планирование учебного процесса во взрослых и детских группах и осуществление его одним преподавателем РКИ, системный и жесткий контроль за результатами обучения взрослых и детей в учебной аудитории и домашних условиях, профессионально подготовленное методическое сопровождение учебных занятий обеспечивает: повышение мотивации обучения, реальное и значительное увеличение времени подготовки к занятиям по русскому языку членов семей мигрантов в домашних условиях; увеличение ответственности взрослых за успехи в обучении своих детей; общение мигрантов дома на русском языке, а, значит, улучшение результатов обучения и ускорение сложных процессов адаптации и интеграции мигрантов в жизнь региона.

The article describes the experience of projective activity of creating the system of teaching of migrants and their children on the basis of the Centre of preparation and testing of citizens of foreign countries of higher education and secondary school. An original algorithm of teaching of migrants and their children on different grounds is created. The right planning of teaching in adult and children groups by one teacher, systematic checking of the results of teaching and children in the classroom and at home, professionally prepared accompaniment of lessons provides: heightening of motivation of teaching, real and considerable increase of time for preparing to Russian classes of migrants' families at home; increase of responsibility of adults for their children's achievements; communication of migrants at home in Russian and as a result improvement of the results of teaching and accelerating of complex processes of adaptation and integration of migrants into the region's life.

Ключевые слова: проектная деятельность, адаптация и интеграция мигрантов, алгоритм обучения, системный контроль, методическое сопровождение, повышение мотивации обучения.

Keywords: projective activity, adaptation and integration of migrants, algorithm of teaching, systematic checking, teaching accompaniment, accelerating of motivation of teaching.

Известно, что естественная убыль населения в России превышает естественный прирост населения. В последние годы за счет мигрантов из других стран население РФ сокращается не так стремительно. Но можно ли считать это достойным выходом из положения? Какие проблемы, связанные с мигрантами, вышли на первый план к 2019 году?

1. Отсутствие образования. Сегодня Россия находится в первой пятерке стран, привлекающих мигрантов, наряду с такими странами, как США и Канада. Но если в западных странах нуждаются в квалифицированной рабочей силе, и претенденты проходят суровый отбор, то в Россию едут на заработки зачастую люди без образования, без знания русского языка и вообще без какой-либо квалификации. Такая тенденция притока дешевых рабочих рук из стран Средней Азии и Закавказья существует с начала 2000-х годов и постоянно усиливается.

2. Отсутствие налоговых отчислений в бюджет РФ. С одной стороны, приток не требующих высоких зарплат иностранцев позволяет выдерживать конкуренцию на рынке, удешевляя процесс производства, но, с другой стороны, все заработанные мигрантами рубли вывозятся из России на содержание семей на родине. Большая часть приехавших работников – нелегалы. Работодатели наживаются на их труде и не делают отчислений в бюджет нашей страны.

3. Отсутствие необходимости в развитии производства. Понятно, что наличие дешевой рабочей силы, не стимулирует ни внедрение новых технологий, ни развитие производства.

4. Проблемы взаимодействия с местным населением. Выходцы из бывших союзных республик, например, создают проблемы с устройством на работу местным жителям. Труд иностранцев оплачивается так низко, что ни один россиянин просто не сможет выжить на такую зарплату, не говоря уж о содержании семьи. Выгодно это только работодателям.

5. Проблемы в области культуры. В ряде регионов, в том числе в Ивановской области, мигранты создают целые поселения, что затрудняет их ассимиляцию в российском обществе. Россия не должна решать проблему демографического кризиса за счет заселения своих территорий людьми, не являющимися носителями русской культуры, не знающими языка. Не понимать этой простой истины - значит подвергать угрозе целостность страны.

6. Криминальная обстановка. Гости, приехавшие на заработки, как правило живут компактно, концентрируясь в микрорайонах по землячествам, разделяя между собой сферы обитания и сферы труда по своим собственным законам, часто игнорируют законы нашей страны. Известны случаи, когда нелегальные мигранты уходят в криминал, занимаются продажей и распространением наркотиков. На этом фоне среди российской молодежи находят поддержку идеи националистического характера, которые далеки от здорового национального самосознания.

Все указанные проблемы отражаются в жизни Ивановской области. В России насчитывается сегодня около 4 миллионов легальных мигрантов. Из них около половины приходится на Московский регион, Санкт-Петербург и Ленинградскую область [Деминцева, Мкртчян, Флоринская, 2018]. Близость Ивановской области к столичному региону создает дополнительные трудности в работе с мигрантами, т.к. приходится решать и многочисленные сопутствующие проблемы той категории мигрантов, которая, получив здесь регистрацию, постоянно перемещается в столицу и обратно для решения многочисленных материальных задач.

Серьезную проблему создают дети мигрантов, приступившие к обучению в школах города Иваново без соответствующей языковой и социально-психологической подготовки. Отсутствие знания русского языка приводит к невозможности получения ими образования на русском языке в наших школах, а других, в том числе национально-ориентированных школ, нет. Страдает дисциплина в классах, создаются условия для этнических конфликтов; русскоговорящие дети оказываются в условиях, препятствующих получению в школах полноценного образования.

Актуальность изучения русского языка осознается самими мигрантами, дети которых выросли в условиях русскоговорящей языковой среды и обучаются на русском языке. Родители оказываются менее адаптированными к условиям жизни в России как в языковом, так и в социальном плане. Кроме того, родители оказываются бессильными помочь детям в освоении школьной программы и вынуждены нанимать для детей дорогостоящих репетиторов.

На исправление существующего положения направлено Постановление Правительства Ивановской области от 13 ноября 2015 года № 518-п «Об утверждении стратегии государственной национальной политики в Ивановской области на период с

2015 года». Во исполнение пп. 4.2.5, 4.2.7 «Стратегии» о приоритетных направлениях и задачах государственной национальной политики в Ивановской области в сфере образования, патриотического и гражданского воспитания подрастающего поколения в части совершенствования системы обучения в общеобразовательных учреждениях в сферах сохранения и развития культур и языков народов, воспитания уважения к российской истории и русской культуре, мировым культурным ценностям; в части введения в программы организаций среднего и высшего образования курсов, включающих сведения о культурных ценностях и национальных традициях русского народа и других народов, проживающих в Ивановской области; в части поддержки общественных инициатив, направленных на формирование единства российской нации в Иванове реализуется проект «Забота о мигрантах – забота о своей семье». Инициаторами проекта являются Ивановская областная спортивная общественная организация «Клуб восточных единоборств «Дракон», Центр подготовки и тестирования граждан зарубежных стран ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет» (далее – ЦТИГ ИГХТУ), МБОУ «Средняя школа №18». Проекты осуществляются при инициативной поддержке: Департамента внутренней политики Ивановской области, Департамента образования Ивановской области, Управления образования Администрации Ивановской области, УВМ УМВД России по Ивановской области, Ивановского Дома национальностей.

Проект «Забота о мигрантах – забота о своей семье» направлен на решение задач, связанных с обучением русскому языку трудовых мигрантов и их детей [Антипина, 2018, с. 85]. Обучение мигрантов русскому языку как иностранному в рамках программ дополнительного образования проводится в центрах тестирования РФ в основном с целью подготовки иностранных граждан к сдаче с экзамена по РКИ при наличии лицензии на образовательную деятельность. Сроки, отведенные на обучение, крайне сжаты. Сам процесс обучения технически и методически очень сложен. Не хватает профессионально подготовленных кадров – преподавателей РКИ.

Значительные трудности порождаются отсутствием регионально ориентированных учебных пособий, что замедляет процессы социальной и языковой адаптации иностранных граждан, приехавших в Иваново и Ивановскую область вместе с детьми не с

целью временного (год-два) устройства на работу, а с дальнейшей перспективой оформления вида на жительство и получения гражданства Российской Федерации.

Цели проекта: повышение уровня образования, культуры и правовой грамотности мигрантов; ускорение процессов адаптации и интеграции в российское общество; профилактика правонарушений посредством изучения русского языка, истории России, основ законодательства, культуры, этики и этикета, норм социального поведения. Работа по языковой адаптации проводится на базе ЦТИГ ИГХТУ, имеющего многолетний опыт образовательной деятельности, располагающего квалифицированными преподавателями РКИ- специалистами краткосрочных и долгосрочных форм обучения иностранных граждан, обладающими опытом преподавания в России и за рубежом, а также опытом работы с мигрантами. ИГХТУ предоставляет средней школе № 18 квалифицированного преподавателя РКИ для проведения занятий в группах детей мигрантов по расписанию школы. Этот же преподаватель привлекается к работе по обучению трудовых мигрантов-родителей школьников.

К участию в проекте волонтерами общества «Дракон» привлекаются родители из 30 семей мигрантов и их дети, обучающиеся в различных школах г. Иваново. Обучение детей проводится преподавателем РКИ на территории школы N18 по выходным дням по 2 академических часа в день с дальнейшим выполнением домашнего задания и заданий для индивидуальной самостоятельной работы совместно с родителями в домашних условиях. Подготовка родителей к работе в качестве тьюторов осуществляется преподавателем РКИ. Обучение взрослых членов семей мигрантов проводится в ИГХТУ из расчета 120 академических часов по 6 часов в неделю в вечернее время. Правильное планирование учебного процесса во взрослых и детских группах и осуществление его одним преподавателем РКИ, системный и жесткий контроль за результатами обучения взрослых и детей в учебной аудитории и в домашних условиях, профессионально подготовленное методическое обеспечение учебных занятий предполагает: повышение мотивации обучения, реальное и значительное увеличение времени подготовки к занятиям по русскому языку членов семей мигрантов в домашних условиях; увеличение ответственности взрослых за успехи в обучении своих детей; помощь родителей детям дома при подготовке домашних заданий при условии опережающего обучения и специальной подготовки взрослых; общение мигрантов дома на русском языке, а значит,

реальное увеличение времени общения на русском языке и, соответственно, улучшение результатов обучения.

В ходе реализации проекта решаются многочисленные задачи, связанные с обучением мигрантов:

- вовлечение мигрантов и их детей в процесс обучения русскому языку и культуре;
- содействие языковой и социальной адаптации взрослых мигрантов;
- создание научно обоснованной методической программы обучения русскому языку всех членов семей мигрантов (взрослых и детей), обеспечивающей единство целей, задач, принципов и механизмов обучения, учебных материалов, материалов циклового и итогового контроля;
- подготовка преподавателей-специалистов по РКИ к работе в проекте;
- построение графика учебного процесса в группах взрослых и детей с учетом опережающего обучения взрослых членов семьи с целью совместного закрепления языковых знаний и умений в домашних условиях;
- подготовка рабочих тетрадей учащихся для совместного выполнения домашних заданий;
- создание комфортных условий обучения и микроклимата в группах мигрантов для развития интереса к изучению русского языка, истории и культуры России;
- содействие языковой и социальной адаптации школьников к обучению в школах города;
- создание современных авторских методик ускоренного и системного обучения мигрантов и формирования мышления на русском языке, направленного на включение детей в учебный процесс в школе.

Целевые группы участников проекта проживают на территории городского округа г. Иваново и Ивановского муниципального района. Важной особенностью проекта является создание в ходе его реализации уникального интеллектуального продукта: регионально ориентированного учебно-методического пособия «Учим русский всей семьей» (для взрослых мигрантов) и «Рабочей тетради», предназначенной для домашней самостоятельной работы. Материал учебно-методического пособия «Учим русский всей семьей» отобран в соответствии с «Требованиями» [Клобукова и др., 2015],

разработанными на основе Приказа Министерства Образования и науки РФ от 29.08.2014 г. № 1156.

В рамках обучающей программы оно является первым в одноименном учебном комплексе, состоящем из Пособия и Рабочей тетради для взрослых мигрантов и Пособия и Рабочей тетради для детей мигрантов. Учебно-методическое пособие включает 10 уроков, организованных на основе тематического принципа: «Знакомство», «Я и моя семья», «Я и мои друзья», «Работа», «Город и городской транспорт», «Отдых», «Здоровье», «Погода, природа, климат», «Россия, условия проживания в г. Иваново», «Образование, обучение», и приложения, помогающие усвоить и обобщить лексико-грамматический материал уроков. Урок рассматривается как определенная последовательность учебных занятий, призванная решать задачи коммуникативного содержания и задачи изучения и закрепления базовых понятий грамматики русского языка.

Каждый урок построен строго по алгоритму: предъявление интенционального материала (интенций) с переводом на родной язык учащегося; отработка интенций в упражнениях; лексико-грамматический материал, необходимый для реализации интенций; отработка интенций в речевых заданиях; использование отработанных моделей в продуктивной диалогической и монологической речи на базе предъявляемого аутентичного текста; продуцирование собственного устного или письменного высказывания в заданной ситуации речевого общения.

Система графических символов помогает структурировать материал уроков и создает комфортные условия для его изучения и усвоения. Эффективность работы по данному пособию достигается благодаря соблюдению ведущих методических принципов: тематический и целевой отбор лексико-грамматического материала, движение от малого к большому, от простого к сложному, повторение интенционального материала на разной текстовой основе. Благоприятные условия для быстрого обучения создает перевод установок на родной язык учащегося, а также повторяющийся из урока в урок алгоритм предъявления материала, готовящий учащегося к восприятию каждого последующего задания, занятия, урока.

Грамматические правила предназначены не только для учащихся, они являются руководством для преподавателя в его профессиональном речевом поведении при формировании элементарной речевой компетенции учащегося.

Тексты учебного пособия ориентированы на ивановскую тематику и помогают мигрантам быстрее адаптироваться к жизни в регионе, что повышает интерес к самому процессу обучения. Иллюстративный материал дает представление о реальных объектах и достопримечательностях города Иваново, что способствует осмыслению учащимися нового иноязычного пространства. Освоение языкового и речевого материала каждого из 10 уроков учебного пособия рассчитано на 10-15 академических часов. В подготовке текстового материала учебника принимали участие представители различных учреждений г. Иваново, в частности, сотрудники Поликлиники №10 ОБУЗ «Ивановская клиническая больница им. Куваевых» и Управления образования Администрации г. Иваново.

В создании материалов пособия принимают участие сами обучающиеся мигранты, занимаясь в аудиториях во внеурочное время переводами словарей и заданий на родной язык, пополняя электронную лексическую базу данного пособия. Подобная сознательная деятельность развивает навыки самообразования, что так же приводит к успешному освоению русского языка, развивая внутреннюю потребность к расширению знаний и гордость за свое участие в подобной творческой созидательной работе. Пособие, созданное в таком формате, вызывает интерес и у последующих групп учащихся, воспринимающих себя как потенциальных соавторов.

Курс, состоящий из 10 уроков, рассчитан на 120 академических часов аудиторных занятий в вузовских условиях обучения. Предложенные материалы уроков прежде всего развивают разговорные навыки учащихся и закрепляют базовые основы грамматики и письма.

Еще одной особенностью учебно-методического пособия является его универсальность, доступность и экономичность. В электронном виде в Центре подготовки и тестирования граждан зарубежных стран хранится матрица пособия, которая позволяет формировать языковой материал, ориентируясь на различные языковые группы учащихся.

Под матрицей (лат. Matrix – «первопричина») - понимается образец, модель, штамп, шаблон (Википедия), по которому создаются аналогичные по структуре заданий учебные материалы на установленные темы. Собранные в определенной последовательности они образуют систему уроков, отвечающих основным правилам методики РКИ: от простого к сложному от малого к большому.

Матрица определяет алгоритм введения языкового и речевого материала, это конструкция, в которой определены разделы учебного пособия (в данном пособии – это уроки, реализующие одну из 10 тем), места для перевода на родные языки учащихся. Объем пособия может изменяться в зависимости от объема перевода с русского языка на родные языки учащихся.

В этом смысле матрица данного пособия выступает как универсальная, удобная и экономически обоснованная форма учебника, не требующая никаких тиражей. По данной матрице пособие распечатывается каждому учащемуся с переводом на его родной язык, обеспечивая индивидуальный подход к обучению и мизерную стоимость. Таким образом, в полиязычной аудитории мигрантов значительно увеличивается темп урока, качество понимания и усвоения языкового материала. Русский язык становится объективно единственным языком общения при сохранении национальной основы подачи лексики, грамматического материала и текстов заданий. Все учащиеся при таком подходе находятся в равных методических условиях.

Каждый урок имеет свою тематику, набор грамматических заданий, лексического наполнения, речевых ситуаций и моделей, текстов, аудио и видео материалов, но алгоритм подачи речевого и языкового уроков сохраняется.

Таким образом решаются задачи быстрого, интенсивного обучения русскому языку в полиязычной аудитории и задачи обучения на родном языке учащегося.

Сбор и апробация материалов пособия для взрослых мигрантов проводятся на базе курсов русского языка Центра подготовки и тестирования граждан зарубежных стран ИГХТУ с февраля 2015 года. Обобщенный материал стал основой для создания Учебника и Рабочей тетради для взрослых мигрантов и основой для второй части пособия – Учебника и Рабочей тетради для детей.

Реализация семейного подхода к обучению мигрантов и их детей осуществляется в рамках проекта «В Россию – с надеждой». Проект должен стать частью региональной программы по снятию социальной напряженности, вызванной ежегодно увеличивающимся количеством проживающих в регионе мигрантов, он также способствует объединению усилий региональных административных структур при организации мероприятий по сохранению межнационального согласия в Ивановском регионе.

Список литературы:

Деминцева Е.Б. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения [Электронный ресурс] / Исполнители: Е.Б. Деминцева (НИУ ВШЭ), Н.В. Мкртчян (НИУ ВШЭ), Ю.Ф. Флоринская (ИНСАП РАНХИГС), Изд. НИУ ВШЭ, 2018. — Режим доступа: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/01/20180126_Report-Migration-Web.pdf.

Антипина И.В. Проектная деятельность в области обучения трудовых мигрантов и их детей // Международное сотрудничество российских университетов в императивах регионального развития: коллективная монография. Под ред. А.Р. Грошева, С.О. Крамарова, Н.В. Пелихова. — М.: РИОР, 2018. С. 83-88.

Клобукова Л.П. Требования к содержанию комплексного экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации. Для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент // Л.П. Клобукова [и др.]. — М – СПб.: Изд-во РУДН, Златоуст, 2015. 48 с.

Вьюнов Ю.А.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Vyunov Yury
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

СТРАНОВЕДЕНИЕ РОССИИ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОНЦЕПТЕ

RUSSIAN STUDIES IN TEACHING STUDENTS OF TRANSLATION: CONTEMPLATING THE CONCEPT

В статье анализируется содержание концепта «страноведение», как специфической области знания и учебной дисциплины, сложившейся в отечественной системе обучения русскому языку иностранцев и дается его определение. Рассмотрены основные принципы, характерные черты и особенности этого учебного предмета интегрированного типа. Показывается его роль и значение при подготовке русистов, в том числе, будущих переводчиков. При этом, отмечается особая важность создания современных, страноведческих учебных пособий и курсов, прежде всего, по актуальному страноведению России.

The paper defines and analyses the concept of country studies ('stranovedeniye') as a specific domain of knowledge and a scholarly discipline evolved in the home-grown system of teaching Russian to overseas students. It also expounds the basic principles, main characteristics and specific features of this integrated discipline and demonstrates its role and significance to training specialists in Russian philology, including future translators and interpreters, with special emphasis being laid on compiling up-to-date manuals and courses of country studies, specifically of contemporary Russian studies.

Ключевые слова: страноведение, концепт, дидактическая и комплексная (область знания), системный подход, диалог культур, межкультурная компетенция и межкультурная коммуникация, толерантность, этнический образ, коммуникативное средство, динамичность, историзм, безэквивалентная лексика, семантизация, актуальное страноведение.

Keywords: country studies, concept, didactic and complex (area of knowledge), system approach, culture dialog, intercultural competence and intercultural communication, tolerance, ethnic image, communication means, dynamic, historicism, non-equivalent vocabulary, semantization, current country studies.

Динамика и сложность процессов общественного развития современной России, глобальные социокультурные трансформации, а также актуальность решения вопросов межкультурной коммуникации в современных условиях, обусловили и новую парадигму обучения русскому языку иностранцев. Здесь нельзя не подчеркнуть и такой новый фактор, как возникновение глобальной информационной сети интернет, что также оказывает влияние на положение и роль русского языка. «Современное информационное общество всегда будет конкурентным, а мы сможем выдержать конкуренцию, если массив

информации на русском языке не будет ни по качеству, ни по актуальности уступать той информации, которая передается на других языках», - подчеркивалось, например, на У1 Ассамблее Русского мира.⁷¹

Эти и другие факторы, в свою очередь, определяют необходимость особого внимания, к такой дисциплине, в рамках обучения русскому языку иностранных студентов (в том числе, переводчиков), как страноведение России. Прежде всего, к содержанию и теоретическому осмыслению самого этого понятия.

Общество, как известно, изучают разные науки, причем каждая из них имеет свой определенный объект, свои цели, задачи и особенности, свою методику. С этих позиций мы и рассмотрим концепт «страноведение». Прежде всего заметим, что этот термин, в рамках преподавания русского языка как иностранного, используют для обозначения двух взаимосвязанных и дополняющих друг друга вида учебной работы. Однако они представляют собой совершенно самостоятельные учебные дисциплины, имеющие разный объект изучения, задачи и методику преподавания. Речь идет о *страноведении* и *лингвострановедении*.

Лингвострановедение, в наиболее общем виде, представляет собой аспект методики преподавания русского языка как иностранного. И в этом качестве оно предполагает использование страноведческого материала непосредственно в языковом учебном процессе. Однако, данная ситуация не позволяет обеспечить *системное, достаточно глубокое и всестороннее познание* студентами истории, культуры и традиций народа-носителя изучаемого языка. Эту задачу призваны решать специальные занятия, за рамками собственно языкового учебного процесса, то есть, курс страноведения (или общего страноведения).

В учебных заведениях многих стран существует, среди прочих, и предмет, включающий комплексное изучение географии, истории, культуры и традиций соответствующего государства, его актуальных общественно-политических и социально-экономических проблем. При этом понятие «страноведение» трактуется, главным образом, как *научная дисциплина в системе географических наук*, занимающаяся комплексным изучением конкретных стран (территорий) или как организационная форма

---

⁷¹ Русский мир. ru. У1 Ассамблея Русского мира. Будущее цивилизации. 2012. С 7

объединения информации (знаний) о той или иной стране (территории). Мы же ведем речь о термине «*страноведение*», зафиксированном в качестве названия учебной дисциплины и обозначающем прикладную область знания в рамках преподавания русского языка иностранцам. То есть, о страноведении в его специфическом значении, его месте и роли в системе обучения русскому языку иностранцев.

Как область знания и учебная дисциплина страноведение, в данном контексте, возникло на стыке разных, главным образом, гуманитарных наук (истории, этнографии, истории культуры, политологии, социологии, этнопсихологии, педагогики и др.). Вобрав в себя их достижения и соединившись с языком, оно стало не только эффективным средством изучения иностранцами истории и культуры России, традиций и обычаев русского народа, но и важным инструментом пополнения и совершенствования учащимися языковых знаний и умений, расширения их коммуникативной компетенции. Таким образом, по сравнению с лингвострановедением, акцент здесь переносится на содержательную, страноведческую (культуроведческую) работу, а собственно языковой материал изучается в процессе этой работы.

Что же, на наш взгляд, представляет собой курс страноведения России в системе преподавания русского языка как иностранного? Каковы его цели, задачи и особенности? Прежде всего подчеркнем, что страноведение, по своей сути, природе и назначению, является знанием *дидактическим* (ибо, главные вопросы здесь: «чему учить» и «как учить»). Цель страноведения - не выработка нового знания, в той или иной сфере человеческой деятельности, а формирование знаний и умений изучающих русский язык, на основе использования достижений других социальных наук. Вместе с тем, страноведение как область знания, не является (или не должно являться) неким синтезом разных научных дисциплин. Своей основной задачей оно имеет анализ и освещение не отдельных сторон общественного развития: исторических, политических, экономических, социальных или национальных (хотя это и не исключается), а главным образом, достаточно широкой (для данного контингента) и научно-достоверной картины жизни народа – носителя языка, его истории и культуры. Иными словами, речь идет об обеспечении как «образовательных и интеллектуальных задач обучения», так и «коммуникативных потребностей учащихся, реализуемых на русском языке».⁷²

---

⁷² Прохоров Ю.Е. «Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение. 1995. С. 68

Таким образом, страноведение представляет собой, на наш взгляд, достаточно сложное и многогранное явление. В самом общем виде это и система знаний и практическая деятельность (в том числе языковая и коммуникативная) на их основе. Причем реализация основной задачи страноведения, как уже отмечалось ранее, осуществляется благодаря использованию достижений других областей знания. Это в полной мере отвечает задачам развития междисциплинарных подходов в образовательных и научных программах, в учебно-методической работе на современном этапе.⁷³

Продемонстрируем это на некоторых примерах. Так, уже упоминавшаяся нами, география, занимая важное место в курсе страноведения России, не выступает здесь как отдельный, самостоятельный предмет. Данные этой науки используются главным образом для характеристики окружающей среды, природных условий и ресурсов, освещения социально-экономических и экологических аспектов взаимодействия человека и природы, влияния географических факторов на историю и культуру народа (даже его характер и ментальность), наконец, на геополитическую ситуацию, в которой находится страна. Одним словом, речь идет о том, чтобы помочь иностранцам, изучающим русский язык, лучше представить и осознать одно из важнейших условий существования любого народа, а именно, той географической и природной среды в которой осуществляется его историческая деятельность. Или, возьмем другой пример, связанный с историей культуры. Тема развития русской культуры относится к числу ключевых в курсе страноведения России. Однако здесь не ставится задача ее глубокого культурологического или искусствоведческого анализа. Это предмет других наук и других областей знания. Тем не менее, генезис отечественной культуры, ознакомление учащихся с важнейшими ее явлениями и наиболее яркими представителями – одна из основных задач курса.

В зависимости от целей, задач и сроков обучения, страноведение может включать, как самостоятельные разделы, и курс истории России, и эволюцию историко-культурного процесса, и актуальные проблемы современного развития страны (т.н. актуальное страноведение). Именно такой принцип был положен в основу учебной программы по страноведению России для студентов, стажеров и преподавателей из зарубежных стран,

---

⁷³ Образование. Ноев ковчег МГУ. Аргументы и факты. №9, 2019, с .8

созданной и реализуемой в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина.⁷⁴ Она состоит из трех разделов-блоков: «Россия на рубеже XX-XXI вв. (актуальное страноведение)», «История России (основные этапы, процессы и события)», «Культура России (основные вехи, факты, явления)», каждый из которых, являясь составной частью общего страноведения, обладает, тем не менее, определенной самостоятельностью.

Особое значение и сложность имеет при этом, в силу целого ряда причин, курс *актуального страноведения*. Важнейшими из них являются масштаб, сложность, цели и методы общественных преобразований в России на рубеже XX-XXI вв., а также наличие разных (порой полярных) точек зрения на эти процессы в российском обществе, на проблемы и перспективы дальнейшего развития страны. Разумеется, большое значение при этом, имеет и обращение к истории страны, ее культуре. Это обусловлено не только необходимостью осознания истоков современных общественных процессов и событий, но и появлением значительного пласта, ранее недоступной или неизвестной новой информации, пересмотром многих старых концепций и стереотипов. Нельзя не сказать здесь и о внешнем факторе современной политической истории: желании в ряде государств переписать историю, росте русофобии и агрессивного национализма, борьбе с русским языком (особенно на Украине), разрушении памятников Второй мировой войны («война с памятниками»).

Таким образом, страноведение, в анализируемом контексте - *это комплексная область знания и учебная дисциплина, интегрированного типа*, предметом которой является совокупность научных (объективных и достоверных) знаний о наиболее важных, типичных, процессах, явлениях и событиях общественной жизни народа – носителя изучаемого языка, его традициях и обычаях, рассматриваемых в тесной взаимосвязи и взаимовлиянии, и призванных способствовать овладению иностранным языком (в нашем случае русским) как коммуникативным средством.⁷⁵

Общество - объект анализа многих социальных наук и каждая из них, обеспечивает системность в его изучении. В страноведении также должен обеспечиваться *системный подход*, с учетом специфики, которая определяется природой этого предмета и его целями.

---

⁷⁴ См. Страноведение России. Программа для студентов, стажеров и преподавателей из зарубежных стран. Гос ИРЯ им. А.С.Пушкина. М., 2001

⁷⁵ См. Вьюнов Ю.А. Концептуальные основы современного страноведения. Филология и культуроведение: наука – практика – преподавание. 2006. С. 30

Прежде всего, с точки зрения выявления основных проблем (культура, политика, экономика и др.), социальных институтов (система образования, наука, здравоохранение и т.п.) и общностей (социальная стратификация), а также в смысле их конкретного изучения, раскрытия соответствующих отношений между ними. Все это, обеспечивает свойства целостности, дает возможность проследить различные, порой сложные взаимосвязи между отдельными частями единого социального организма или явления. При этом важно изучение прежде всего явлений и событий наиболее характерных и социально-значимых для жизни общества, социальной группы или отдельного человека. Ибо, изучение страноведческого материала, построенного на внесистемной (фрагментарной), эмпирической основе (как это нередко бывает на практике), обуславливает неизбежную мозаичность страноведческих сведений и поверхностные знания предмета. Более того, может привести к неадекватному пониманию социальной ситуации, будь то вербальная или невербальная коммуникация.

И еще одно важное замечание. Помимо достижения основной цели – формирования необходимого (в зависимости от формы, сроков и задач обучения) минимума страноведческих знаний и соответствующего словарного запаса, результатом занятий по страноведению является совершенствование процесса мышления на изучаемом (в данном случае, русском) языке. Необходимо помнить, что слабое владение языком, автоматическое заучивание языковых знаний и умений порождает отрицательные явления в мыслительной деятельности вообще. Профессор Костомаров В.Г., один из основателей теории лингвострановедения, пишет: «Обучение другому языку – это, в некотором смысле, покушение на мыслительно-языковую способность данного человека. Поэтому я думаю, что главной задачей педагога является не только обучение словарю, грамматике второго языка, но и влюбить в него, но так влюбить, чтобы при этом не потерялась любовь к первому, родному языку».⁷⁶

Отличительной чертой страноведения России, как мы уже отмечали, является изучение таких *комплексных проблем*, которые проходят через весь курс страноведения,

---

⁷⁶ Костомаров В.Г. «Поддержка и продвижение национальных языков и культур в эпоху глобализации». 2015. С. 61

постоянно присутствуют в учебном процессе (например, историко-культурный процесс). Особое значение при этом имеет изучение этнокультурных особенностей, духовных ориентаций и традиций русского народа, имеющих не только большую познавательную, но и языковую ценность, ибо позволяют овладеть значительным количеством лексики, отражающей сущность и особенность народного образа жизни, его обычаев, традиций, идеалов и устремлений. Это обусловлено тем, что русский народ является государственно-образующей нацией многонациональной России, ее культурной и языковой доминантой на всем протяжении исторического пути России. Особое значение имеет при этом советский и российский опыт использования русского языка как языка межнационального общения в СССР и государственного языка в современной Российской Федерации.

Одна из основных особенностей страноведения состоит в том, что при его изучении происходит *диалог двух культур, двух социумов*. Этот процесс сопровождается соотнесением иностранцами исторических и современных реалий жизни России с общественной практикой в их собственных странах, то есть с учетом различий в социокультурном восприятии окружающего мира. Поэтому обучение страноведению России должно осуществляться в связи с актуальными вопросами в жизни и культурном развитии других стран, то есть на родине учащихся, а также в связи с развитием мировой цивилизации и значительной активизацией экономических, политических и культурных контактов между государствами и народами. Это, в свою очередь, определяет возникновение полемики и дискуссий, которые помогают решению главной задачи – эффективному и осознанному восприятию страноведческого материала, активному использованию соответствующей лексики. Речь, таким образом, идет о формировании *межкультурной компетенции в процессе межкультурной коммуникации*.

Отсюда проистекает и проблема *толерантности*, как важный принцип страноведческой работы. В этой связи уточним само данное понятие. Прежде всего подчеркнем, что толерантность, в социологическом смысле, это духовно-нравственная категория. Она предполагает не только терпимость, но и уважение к чужому образу жизни, чужим традициям и обычаям, идеям и верованиям. Вместе с тем, толерантность, имеет свои пределы: там, где речь идет об оскорблении национальных или религиозных чувств и ценностей, там толерантность становится неуместной. «Терпимость – это

неуступка, снисхождение или потворство», говорится в Декларации Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.⁷⁷

Принцип толерантности в современном коммуникационном пространстве, и, разумеется, в современном учебном (особенно страноведческом) процессе – это не очередная новация, не конъюнктурное явление, а *императив*. Принцип толерантности в курсе страноведения должен осуществляться при освещении всех тем и всех этапов культурно-исторического процесса. Заметим при этом, что некоторые из них носят деликатный, а порой и очень острый характер в контексте диалога культур.

Говоря о специфике страноведения, нельзя не обратить также внимание на следующее очень важное обстоятельство: в процессе его изучения происходит не просто диалог культур, но и *социально-нравственное приобщение* иностранных учащихся к новой, ранее незнакомой (или мало знакомой) для них культуре. Причем в ходе этого процесса особенно активизируется их самостоятельная духовная деятельность, мобилизуется, в полной мере, их личный опыт, что обуславливает конкретное личное восприятие страноведческого материала, той или иной информации (в том числе, почерпнутой из разных СМИ и в разной интерпретации).

Обратим внимание и на такой важный аспект данной проблемы – в диалоге культур существенное значение имеет *этнический образ*, знание (понимание) которого помогает при межкультурной коммуникации определить человеку свое поведение, ориентироваться в той или иной ситуации. При диалоге культур его участники неизбежно сопоставляют черты и свойства своей этнической общности с чужой. Причем даже при наличии самокритичных оценок своего этноса, своего народа, преобладающими здесь, как правило, являются все же положительные самооценки. И здесь особое значение приобретает необходимость развенчания многочисленных стереотипов, сложившихся в массовом сознании. Диалог культур, в том числе, в рамках страноведческого курса, должен помочь межэтническому взаимодействию, культурным, экономическим и социальным контактам, укреплению взаимопонимания «в процессе взаимообогащающей коммуникации».

---

⁷⁷ Conventions.ru Декларация Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. ст. 1

Характерной чертой страноведения является кроме того *динамичность* данного предмета. Она связана с динамикой развития самого общества. На рубеже XX-XXI вв. в России произошли тектонические, поистине революционные, сдвиги в общественной жизни огромной страны. Между тем, «...всякий поворот общественной жизни моментально создает свою фразеологию, отличную от фразеологии предыдущей эпохи, прежде всего в социально-политической сфере».⁷⁸

В последнее время новые слова, термины и понятия так быстро и широко входят в повседневную жизнь россиян, что никакие словари не могут успеть за этим, беспрецедентным для новейшего времени, процессом. Причем современный русский язык засоряется большим количеством жаргонизмов и вульгаризмов, ненормативной лексики и искаженных иностранных слов. Свой «вклад» в эти негативные процессы вносит и интернет. «Все естественные “имманентные” законы развития русского языка сейчас напряжены до предела, темп обновления “зашкален”, явно превышает допустимый предел. Границы литературного языка оказываются размытыми или, как модно сейчас выражаться, транспарентными... Русский язык со всей очевидностью стоит на пороге своего нового исторического состояния», - отмечал, например, В.Г. Костомаров на Международной конференции «Теория и практика русистики в мировом контексте».⁷⁹

Конечно, дело не только в количественной стороне новых слов и понятий, а в причинах их появления, их распространенности в различной литературе, средствах массовой информации и особенно в разговорной речи, в знании их смыслового наполнения. Отсюда и важность постоянной актуализации страноведческого материала, адекватного объяснения новых слов и понятий, ибо благодаря этому создаются необходимые условия для удовлетворения профессиональных потребностей и личных интересов изучающих русский язык. Причем не только в плане коммуникативной компетенции, но и в обогащении новейшими понятиями лексического запаса, расширении фоновых знаний обществоведческого и культурологического характера.

Страноведение в обучении иностранцев русскому языку (особенно переводчиков) включает, как необходимый компонент, наряду с актуализацией и использование *принципа историзма*. Во-первых, потому, что всякое знание, как известно, начинается с

---

⁷⁸ Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи.1994. С.21

⁷⁹ Костомаров В.Г. Русский язык в современном мире. 2/1998. С 10

истории того или иного вопроса. Во-вторых, потому, что историзм обеспечивает научно-достоверное представление о том или ином общественном процессе, явлении, событии или факте. В этом важном научном принципе заложена гарантия от произвольных и неточных толкований, конъюнктурных подходов и беспочвенных домыслов. Его последовательная реализация позволяет избежать также эклектики и поверхностного освещения тех или иных проблем. Вместе с тем, в курсе страноведения, применение этого основополагающего принципа обществоведения имеет свои особенности. С одной стороны, он должен быть ориентирован на сравнительно-сопоставительный анализ страноведческого материала, в целях учета социокультурных особенностей того или иного национального контингента учащихся (или, напротив, общих свойств и процессов), а с другой, на раскрытие исторических основ современных реалий. Это последнее облегчает понимание новых сложных общественных явлений, позволяет проследить, как с изменением конкретно-исторических условий менялось то или иное явление (понятие), какие этапы прошло в своем развитии и что представляет собой сегодня. Причем речь идет не только о содержательной стороне страноведения, как области обществоведческих знаний, но и о лексике, так как происходит изменение значения слов и выражений в зависимости от их исторически обусловленной семантизации.

Таким образом, с полной уверенностью можно утверждать, что взаимосвязь языка и культуры, страноведческих сведений и языковых знаний и умений слушателей (учащихся) выступает как закономерность и, одновременно, как одна из основных особенностей рассматриваемой дисциплины. Естественно, это определяется непосредственными задачами обучения русскому языку и, прежде всего, конечно, в системе подготовки русистов (будущих преподавателей, переводчиков, журналистов и др.). Предметом страноведения, пишет, например, Прохоров Ю.Е, является «определенным образом отобранная и организованная совокупность экономических, социально-политических, исторических, географических и других знаний, связанных с содержанием и формой речевого общения носителей данного языка».⁸⁰

Каковы же конкретные и наиболее важные задачи, которые может и должно решать страноведение, с точки зрения собственно языка? На наш взгляд они состоят в том, что

---

⁸⁰ Прохоров Ю.Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение. М., 1995 с. 68.

страноведение: во-первых, способствует формированию у студентов фоновых знаний, характерных для современной русской лексики; во-вторых, обеспечивает системное и широкое изучение безэквивалентной лексики, которая в языковой форме отражает не только национально-культурную специфику, но часто и наиболее существенное в процессах и явлениях общественной жизни; в-третьих, позволяет учащимся достичь более высокой степени владения языком как коммуникативным средством, расширяет и обогащает их коммуникативную компетенцию; в-четвертых, способствует формированию бикультурной языковой личности, которая является «вторичной» по своей культуроведческой сути, но которая адекватно воспринимает и использует языковые единицы с национально-культурным компонентом и, следовательно, облегчает межкультурную коммуникацию в условиях значительного расширения политических, экономических и культурных контактов, глобализации мировых общественных процессов; в-пятых, позволяет лучше овладеть навыками и умениями в переводоведении, в частности, умением определять в русской языковой картине мира национально-культурные компоненты и семантизировать их применительно к родной для студентов культуре.

Анализ содержания концепта «страноведение», в системе обучения русскому языку иностранных студентов, в том числе, переводчиков, позволяет сделать следующий вывод. Это понятие представляет собой сложную, многогранную систему, которая удовлетворяет следующим основным признакам: комплексность, интегративный и дидактический характер, внутренняя целостность, иерархичность строения, динамичность и функциональность, органичная связь с изучаемым (русским) языком. Целью страноведения как специфической социальной и учебной дисциплины, является формирование широкой страноведческой компетенции иностранных студентов (в тесной взаимосвязи с реалиями их собственной страны), оказание им эффективной помощи в изучении русского языка и на этой основе развитие и укрепление межкультурной коммуникации.

Все это определяет, в свою очередь, особую важность создания специальных и разнообразных страноведческих учебных пособий и курсов (базовых и элективных, прежде всего, по актуальному страноведению России), которые бы, с одной стороны, давали в доступной форме адекватное, ясное и достаточно емкое представление

иностранным учащимся об основных этапах развития истории и культуры России, современной жизни страны, как составной части общемирового культурно-исторического процесса, а с другой всемерно способствовали овладению современным русским языком как коммуникативным средством. Ибо «современную молодежь могут увлечь лишь конкурентноспособные вариативные индивидуализированные учебные материалы с использованием информационно-технических систем, будь то CD-Rom или иные средства слуховой и зрительной наглядности, а также реалистически, объективно отражающие жизнь российской молодежи».⁸¹

Список литературы:

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. Раздел 1. Аспект статики: язык как носитель и источник национально-культурной информации. Direct Media. 2014
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1990
- Воробьев В.В.* Лингвокультурология. М., РУДН.2008.
- Вьюнов Ю.А.* Русский культурный архетип. Изд. Флинта. Наука. М., 2005
- Вьюнов Ю.А.* Концептуальные основы современного страноведения. Научные филологические и культуроведческие чтения (памяти Ю.В. Рождественского) Сборник докладов «Современная культура: наука-практика-преподавание». Изд. Флинта.Наука. М., 2005
- Вьюнов Ю.А.* О некоторых актуальных проблемах преподавания современного страноведения России. XI конгресс МАПРЯЛ. Мир русского слова и русское слово в мире. HERON PRESS. SOFIA.2007.т.6 (2).
- Вьюнов Ю.А.* Современные российские идеологемы в межкультурной коммуникации. Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы Международной научно-практической конференции (Греция) МГУ. М., 2008.
- Вьюнов Ю.А.* О концепции и содержании учебного пособия по страноведению. Русский язык за рубежом. №3/2012
- Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1994
- Костомаров В.Г.* Русский язык нужен этому миру. Международная конференция «Теория и практика русистики в мировом контексте». Русская речь. Русский язык в современном мире. 2/1998.
- Костомаров В.Г.* выступление на Московском международном салоне образования в рамках круглого стола «Поддержка и продвижение национальных языков и культур в эпоху глобализации» 7 октября 2014 г. Гос. ИРЯ им. А.С.Пушкина. 2015
- Мироненко Н.С.* «Страноведение: теория и методы». Аспект-Пресс, М., 2001
- Прохоров Ю.Е.* Страноведение, лингвострановедение, культуроведение. М., 1996
- Будущее цивилизации. У1 Ассамблея Русского мира. Русский мир.ru, 2012. С 7
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. 2-е изд., дораб. М., Изд. МГУ, 2004

---

⁸¹ Костомаров В.Г. Русский язык в современном мире». 2/1998. С. 12

Гальчева Е.Е.
Центр иностранных языков «Хатзистефану»
г. Ксанти (Греция)

Galcheva Elena
Foreign language center «Hatzistefanou»
Xanthi (Greece)

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ПУНКТУАЦИИ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С СЕМАНТИКОЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

SPECIFIC PRINCIPLES OF THE PUNCTUATION LEARNING METHOD AND THEIR INTERACTION WITH THE SEMANTIC MEANING OF SENTENCES.

В статье рассматриваются актуальные вопросы и специфические принципы методики обучения пунктуации, которые способствуют выработке и формированию языковой компетенции студентов. В связи с тем, что пунктуация русского языка строится на синтаксической основе и почти все пунктуационные правила формулируются, основываясь на структуре предложения, приводится анализ примеров употребления знаков препинания и изменения смысловой направленности предложения в зависимости от их постановки.

This article deals with current issues and specific principles of the punctuation learning method, which contribute to the development and formation of the linguistic ability of the students.

Due to the fact that the punctuation of the Russian language is based on the syntactic basis and almost all punctuation rules are formulated based on the structure of the sentence, the analysis of examples of punctuation marks and changes in the semantic orientation of the sentence, depending on their formulation.

Ключевые слова: пунктуация, метод, смысловая направленность, синтаксис.

Keywords: punctuation, method, semantic orientation, syntax.

Понимание назначения и основ русской пунктуации, причин пунктуационных ошибок, дает возможность определить и выделить специфические принципы методики обучения пунктуации.

1. Принцип анализа строения, состава и типов предложения, а также смысловых и синтаксических отношений между членами предложения, предложениями и частями предложения.

Именно с этим принципом связано то обстоятельство, что систематические занятия по пунктуации проводятся в связи с изучением синтаксиса.

Сознательное и прочное усвоение студентами полного курса пунктуации возможно лишь в том случае, если они свободно разбираются в синтаксической конструкции как простого, так и сложного предложения. А для этого необходимо основательное изучение

синтаксиса, которое должно сопровождаться и закрепляться системой разнообразных упражнений и постоянным синтаксическим разбором.

Для развития логического мышления студентов и лучшего усвоения синтаксиса и пунктуации необходимо как можно чаще пользоваться приемом сравнения тех синтаксических явлений, которые часто смешиваются студентами. При этом целесообразно осуществлять систематизацию и обобщение изучаемого материала и широко применять наглядность.

Особое внимание следует уделять тем упражнениям, которые вырабатывают у студентов умение точно устанавливать смысловые и синтаксические отношения между отдельными членами предложения, словосочетаниями и между целыми предложениями (отношения причины, следствия, времени, цели, места, условия и т.д.).

Такие предложения необходимы, во-первых, для усвоения правил пунктуации и выработки пунктуационных навыков, так как при наличии одной и той же синтаксической структуры и одного и того же словарного состава конкретное предложение может иметь различный смысл, который в устной речи может быть определен посредством контекста и очень часто (почти всегда) посредством интонации, а в письменной речи - посредством пунктуации в отдельном предложении и иногда посредством пунктуации и контекста в связной речи.

От умения пишущего правильно представить в собственной речи те или иные смысловые и синтаксические отношения зависит точность их выражения с помощью знаков препинания, а от степени знаний пунктуации читающим зависит степень точности восприятия им мыслей и чувств, заключенных в том или ином тексте.

Во-вторых, такие упражнения необходимы для повышения общего уровня культуры речи, ибо они способствуют более осмысленному использованию придаточных предложений, обособленных оборотов и отдельных второстепенных членов предложения в устной и письменной речи.

2. Принцип развития речевого слуха студентов.

В процессе обучения языку необходимо уделять большое внимание развитию речевого слуха студентов.

Под развитием речевого слуха следует понимать развитие умений и навыков слушающего с помощью таких элементов интонации, как ударения (словесные и

логические), паузы (различной длительности и характера), мелодика тона (повышение и понижение голоса), темп речи и тембр голоса, точно воспринимать мысли и чувства говорящего и читающего, наоборот, развитие умений и навыков говорящего и читающего с помощью этих же элементов речевой интонации точно, полно и ярко передавать мысли и чувства слушающему.

Речевой слух необходим, прежде всего, для понимания и выражения мысли, а в связи с этим и для лучшего осмысления синтаксической конструкции и пунктуационного (иногда и орфографического) правила, для усвоения звуковой стороны языка.

Таким образом, человек, улавливающий ударения, паузы, мелодику тона, тембр голоса и темп речи с их смыслоразличительными функциями в процессе общения, будет уметь гибко пользоваться ими в своей собственной устной речи, делая ее тем самым более точной, выразительной и, следовательно, действенной.

Чтобы показать, какое значение имеет речевой слух для изучения синтаксиса и пунктуации, а также развития навыков русской речи и выразительного чтения, обратимся к примерам.

а) При записи под диктовку примера: *Дети спрашивают: «Где будет концерт школьного оркестра?»*», студенты могут поставить знаки препинания по-разному. Одни - так, как это показано выше. Другие - следующим образом: *Дети спрашивают, где будет концерт школьного оркестра.*

От чего зависит в данном случае различная постановка знаков препинания, если преподаватель правильно и отчетливо в интонационном отношении прочитал пример и если все пишущие знают соответствующие пунктуационные правила и могут их применять? Только от одного: одни имеют более развитый речевой слух и поэтому уловили то значение предложения с прямой речью, которое передается с помощью интонации (в данном случае — предупреждения), и правильно его написали; другие имеют недостаточно развитый речевой слух, поэтому не уловили значения этого предложения и неправильно его написали (они уловили не интонацию предупреждения, а интонацию подчинения).

б) Предложение *Ученик, верно, решил задачу* может иметь два смысловых оттенка, которые в произношении определяются только интонацией. Если слово *верно* будет произнесено с интонацией вводности и логическое ударение будет сделано на слове

верно (в смысле «вероятно») и, зная правило, выделит его запятыми. Если же в этом предложении слово **верно** будет произнесено без интонации вводности и логическое ударение будет сделано на слове **решил**, то это предложение будет иметь значение: **Ученик правильно решил задачу**. В этом случае пишущий не выделит слово **верно** запятыми, так как оно не имеет значения вводного слова.

В подобных примерах интонация как важнейшее синтаксическое средство выражения смысловых отношений играет большую роль. Поэтому без наблюдения над интонацией, без учета ее (а для этого требуется наличие развитого речевого слуха) нельзя правильно обучать пунктуации.

в) Часто говорящий и читающий, слабо владеющие речевым слухом, не могут правильно произнести тот или иной отрезок речи или предложение, хотя и понимают семантико-грамматические отношения в нем.

г) Наконец, ученик со слабо развитым речевым слухом при диалоге может не точно понять значение вопроса и, следовательно, не точно ответить на него.

Так, например, на вопрос **Ты была вчера в театре?** одна студентка ответила: **Я была вчера в театре**. Преподаватель заметил, что она неправильно - отвечает на вопрос. Тогда другая студентка, «поправила» подругу: **Я была вчера в театре**.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что некоторые студенты плохо «слышат» речь, часто неправильно понимают говорящих и причиной этого является слабо развитый речевой слух.

Познавательная работа таких студентов значительно затруднена на занятиях по всем учебным дисциплинам, особенно — на уроках русского языка и литературы. Сказанное свидетельствует о том, что речевой слух имеет большое значение для общей культуры речи, которая является основой всей многогранной деятельности человека.

С чем же связать работу по развитию речевого слуха и как ее проводить?

Эту работу можно и нужно проводить в плане развития выразительной устной речи и выразительного чтения учащихся, как на уроках русского языка, так и на уроках литературного чтения. Правильная постановка обучения выразительному чтению и выразительной устной речи является хорошим методическим средством к достижению этой цели.

Здесь уже уместно отметить, что на уроках русского языка и литературного чтения выразительное чтение и как средство эстетического воспитания будет тем более эффективным, чем более развитым речевым слухом будут обладать учащиеся.

3. Принцип выразительного «чтения» знаков препинания.

Выразительно «читать» знаки препинания - это значит с помощью знаков препинания правильно понять текст (в соответствии с замыслом автора) и на этой основе читать его четко, выразительно, с соблюдением необходимых интонаций.

Ввиду того, что под пунктуационной грамотностью следует понимать не только умение правильно понимать, точно употреблять знаки препинания при письме, но и умение выразительно «читать» их, на уроках, наряду с многочисленными письменными упражнениями, необходимо систематически тренировать учащихся в выразительном «чтении» знаков препинания, используя для этого специальные упражнения.

В связи с осуществлением этого принципа методики обучения пунктуации на уроках по развитию речи полезно, например, предложить студентам задание: подготовить для выразительного чтения уже изученный ранее текст (указать, какой именно).

Естественно, что обязательным условием выразительного чтения является осмысление отрывка в целом и каждой фразы, и слова в отдельности. А сделать это невозможно, если не разобраться в назначении знаков препинания, употребленных в тексте. Процесс осмысливания знаков препинания непосредственно связан с практическим повторением соответствующих правил пунктуации и выработкой необходимых пунктуационных навыков. Если при обучении орфографии большое значение имеет зрительная память, опирающаяся на образцы конкретных сочетаний букв и слов, то при обучении пунктуации решающим моментом является осмысливание примененных в тексте пунктуационных правил.

Возникает вопрос: а не помешает ли интересам литературного чтения задание, связанное с пунктуацией?

Оказывается, не только не помешает, но, и понижает, так как подготовка к выразительному чтению, которая проводится на уроках литературного чтения, с учетом пунктуации будет способствовать, во-первых, более правильной постановке занятий по выразительному чтению; во-вторых, более осмысленному изучению самого литературного материала.

4. Принцип развития навыков постановки знаков препинания в процессе письма.

Как показывают наблюдения, значительное количество пунктуационных ошибок допускается студентами потому, что они ставят знаки препинания не в процессе письма, а после того, как напишут все предложение или всю самостоятельную работу - контрольный диктант, изложение, сочинение и т.д.

Таким образом, способ пунктуационного оформления при письме довольно сложен: он опирается одновременно на прочное знание пунктуационного правила и на умение быстро и безошибочно анализировать предложение с точки зрения смысловых и синтаксических отношений в нем.

Следовательно, постановка знаков препинания при письме связана с сознательным быстрым применением пунктуационных правил.

Поэтому успешное развитие пунктуационных навыков возможно лишь при условии систематического применения пунктуационных правил в процессе письма, т.е. в естественных условиях письма.

Следует при этом учитывать, что учащиеся, которые ставят знаки препинания после того, как напишут, довольно часто забывают вернуться к тем местам, где они не поставили необходимого знака. Кроме того, если такие учащиеся пишут под диктовку большой текст, то они не могут запомнить той интонации, с которой читает текст диктующий. А в некоторых предложениях от этого зависит расстановка знаков препинания.

Вот примеры такого характера:

а) ***Я остановился в недоумении, оглянулся (И. С. Тургенев). – Я остановился, в недоумении оглянулся.***

б) ***И вспомнил он свою Полтаву, обычный круг семьи, друзей, минувших дней богатство, славу и песни дочери своей (А. С. Пушкин). - И вспомнил он свою Полтаву, обычный круг семьи, друзей минувших дней, богатство, славу и песни дочери своей.***

Таким образом, важно с самого начала обучения пунктуации приучать студентов расставлять знаки препинания в процессе письма, для чего целесообразно проводить и специальные упражнения.

5. Принцип регулярной, проводимой в определенной системе работы над пунктуационным правилом по его осмыслению, запоминанию и применению в процессе выполнения разнообразных письменных и устных упражнений.

Осмысление, запоминание и применение пунктуационного правила взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Действительно, знание, запоминание и применение пунктуационного правила взаимосвязаны и взаимообусловлены. Но применять то или иное правило пишущий сможет только в том случае, если он осмыслил его и запомнил. Поэтому работа по усвоению пунктуационного правила обязательно должна проходить три ступени: первая ступень связана с осмыслением правила, вторая - с запоминанием, третья - с выработкой навыка его применения.

Осмысление пунктуационного правила.

Прежде всего, необходимо обеспечить полное осмысление правила в целом и каждого его компонента в отдельности. До этого до изучения конкретного пунктуационного правила, студенты должны, во-первых, сознательно и прочно усвоить все соответствующие синтаксические (а в некоторых случаях и морфологические) понятия, на которые правило опирается, и, во-вторых, свободно анализировать ту синтаксическую конструкцию, с которой оно связано.

Что значит полное и точное осмысление пунктуационного правила? Обратимся к примерам. Есть правила:

1. Распространенные определения, выраженные причастием или прилагательным с зависимыми словами, всегда обособляются и выделяются на письме запятыми, если стоят позади определяемого существительного.

2. Два или несколько нераспространенных определений, выраженных причастием или прилагательным, обособляются и выделяются на письме запятыми, если стоят позади определяемого существительного.

3. Обособляются и выделяются на письме запятыми нераспространенные и распространенные определения, если они относятся к личному местоимению, независимо от их места в предложении.

4. Если определение стоит впереди определяемого слова, выраженного именем существительным, то оно обособляется и выделяется на письме запятыми в том случае, когда говорящий или пишущий придает ему причинное или уступительное значение.

Таким образом, на первой ступени усвоения пунктуационного правила необходимо обеспечить полное осмысление правила в целом и каждого его компонента в отдельности. А для этого нужно своевременно (до формулирования правила) обеспечить усвоение учащимися всех грамматических понятий, которые входят в состав правила, подлежащего изучению.

Запоминание пунктуационного правила.

Восприятие и особенно осмысление правила - уже начало его запоминания. Сущность запоминания заключается в закреплении, упрочении временных связей, которые образуются в процессе восприятия нового материала в коре больших полушарий головного мозга.

Временные связи являются физиологической основой запоминания.

Данные современных экспериментальных психологических исследований, а также педагогические наблюдения свидетельствуют о том, что основным и обязательным условием запоминания изучаемого материала является его понимание. Без осмысления запоминание носит характер «механического» заучивания, «зубрёжки».

При изучении пунктуационных правил целесообразно учитывать следующие положения психологии запоминания:

1. Полное запоминание и прочное сохранение в памяти изучаемого материала, кроме осмысливания, понимания, предполагает и специальную работу, связанную с систематическим повторением.

Пользуясь воспроизведением при запоминании, следует иметь в виду, что больший эффект достигается при заучивании, когда одна часть времени (примерно половина) затрачивается на повторение в виде чтения заучиваемого материала, а другая - на воспроизведение его, сознательное и активное. При этом некоторые психологи на основании данных соответствующих экспериментов рекомендуют прием попеременного чередования чтения текста и воспроизведения его.

2. Использование приема сопоставления при изучении материала содействует осмыслению его и, следовательно, запоминанию и прочному сохранению в памяти.

3. В целях формирования памяти целесообразно во всех возможных случаях поддерживать попытки учащихся припомнить изученный материал.

К.Д. Ушинский писал, что, упорное припоминание есть труд, и труд иногда нелегкий, к которому должно приучать дитя понемногу, так как причиной забывчивости часто бывает лень вспомнить забытое, а от этого укореняется дурная привычка небрежного обращения со следами наших воспоминаний.

4. Учащиеся глубже осмысливают и лучше запоминают конкретное орфографическое или пунктуационное правило в том случае, если они применяют его при выполнении разнообразных упражнений.

5. Прочнее и легче запоминается учебный материал, каким-нибудь образом упорядоченный, систематизированный. Для этого целесообразно проводить обобщенное повторение пунктуационных правил (по знакам препинания), например, повторение в определенном порядке всех правил постановки двоеточия.

6. В специальных психологических исследованиях обнаружилась закономерность: если учащиеся при решении задач и выполнении упражнений по правописанию вспоминают (по указанию преподавателя или _ самостоятельно) соответствующие правила, то они более успешно справляются с заданиями и допускают меньше ошибок.

7. Нельзя начинать изучение нового материала, если учащиеся недостаточно осмыслили и слабо запомнили изученный материал, дальнейшая учебная работа может отрицательно сказаться на его запоминании.

8. Более легкому, быстрому и прочному запоминанию учебного материала способствует правильная его дозировка. Это положение особенно следует учитывать при организации повторения пунктуационных правил.

Применение пунктуационного правила.

После того как изучаемое правило воспринято, осмыслено и предварительно закреплено, для полного его усвоения необходимо провести большую, разнообразную и продолжительную во времени работу по развитию умений и навыков его применения. Для развития навыков пунктуации большое значение имеет организация мыслительной деятельности студентов, т.е. выработка у них соответствующих приемов умственной работы в процессе применения конкретного правила.

Список литературы:

Абакумов С.И. Об основах методики пунктуации // РСФСР. 1947. С. 5-54.

Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. В 3 частях. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. – М.: Просвещение, 1987. – 265с.

Блинов Г.И. Методика изучения пунктуационных правил. М.: Просвещение, 1972. - 208 с.

Розенталь Д.З. Справочник по пунктуации. М.: Книга, 1984. - 272 с.

Текучев А.В. Методика русского языка в средней школе. - М.: Просвещение, 1980. - С. 29.

Гоголашвили Г.Б.

ТГУ имени Иванэ Джавахишвили
г. Тбилиси (Грузия)

Ломтадзе Т.Р.

КГУ имени Акакия Церетели
г. Кутаиси (Грузия)

Gogolashvili Giorgi

Iv. Javakhishvili State University
Tbilisi (Georgia)

Lomtadze Tamar

Akaki Tsereteli State University
Kutaisi (Georgia)

К СООТВЕТСТВИЮ ГРУЗИНСКИХ И РУССКИХ ТЕРМИНОВ ПРИ СТАНДАРТИЗАЦИИ ГРУЗИНСКОЙ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

STANDARDIZING GEORGIAN LINGUISTIC TERMINOLOGY: GEORGIAN EQUIVALENTS OF THE RUSSIAN LINGUISTIC TERMS

Работа выполнена при финансовой поддержке Национального научного фонда имени Шота Руставели (SRNSF). Номер гранта: FR_17-158, «Грамматика грузинского языка между нормой и вариациями».

Развитие языковедческой терминологии в Грузии имеет довольно длительную историю. С XVIII столетия на грузинскую языковедческую терминологию оказывает влияние русская, хотя в XX веке она принимает другие масштабы. Это период Советской Грузии, в котором функции русского языка приравнены к грузинскому. Естественно, что в это время весьма распространен был факт переноса терминов из русского языка. Ввод и узаконивание терминов из иностранных языков происходило, в основном, посредством русского языка. Поэтому мы и рассматриваем вопрос о соответствии грузинских и русских терминов, из которых самыми распространенными случаями являются:

- 1) используемые в русском языке термины вводятся в грузинский язык и в иноязычной форме, и в виде грузинского перевода: артикуляция - არტიკულაცია, ბგერათწარმოება;
- 2) захотели заменить иноязычный термин грузинским, однако он не внедрился: კაუზატივი - მიზეზობროვი (причинный);
- 3) перенос иноязычного термина происходит в двух вариантах, оба иноязычные, хотя один более приспособлен к грузинской морфологической природе: атрибутивный - ატრიბუტული, საატრიბუტო;
- 4) у иноязычного термина имеется русский синонимичный термин, однако в грузинском внедряется иноязычный: аспирация, придыхание - ასპირაცია;
- 5) в русском языке имеем параллельные варианты – иноязычный и русский, в грузинском наблюдается аналогическое положение: манускрипт, рукопись - მანუსკრიპტი, ხელნაწერი.

Подтверждаются и другие случаи, о которых у нас речь пойдет в статье.

The development of linguistic terminology has a long-standing tradition in Georgia. Since the 18th century Georgian linguistic terminology has been under the Russian influence. This influence became particularly strong during the Soviet Union. In the Soviet Georgia the Russian language acquired equal status to the

Georgian and adoption of the Russian terminology became a common practice. Foreign linguistic terminology was mainly adopted and canonized through the Russian language. Here are some examples:

1) The terms used in the Russian language are either transliterated or translated into Georgian: артикуляция - არტიკულაცია, ბგერათწარმოება.

2) In some cases we have failed attempts to replace foreign terms with their Georgian equivalents: კაუზატვი - მიზეზობრივი.

3) There are cases when a Foreign term has two variant representations in Georgian, both in their original foreign forms but one of them is more appropriate to the Georgian morphological pattern: атрибутивный - ატრიბუტული, საატრიბუტო.

4) In some cases a foreign term has a Russian equivalent but it penetrates the Georgian language in its original form: аспирация, придыхание - ასპირაცია.

5) Parallel variants are used in the Russian language – a foreign term and its Russian equivalent; similarly, two variant can be found in Georgian: Манускрипт, рукопись - მანუსკრიპტი, ხელნაწერი. Other cases will also be discussed in the paper.

Ключевые слова: языковедческая терминология, грузинская терминология, стандартизация, нормализация, интернациональные термины.

Keywords: linguistic terminology, standardization, normalization, equivalent.

Образование и формирование грузинской научной терминологии имеет достаточно длительную историю. Следует отметить, что в Академиях Икалто и Гелати (Гелатская академия была основана Давидом Агмашенебели при Гелатском монастыре в 1106 году, Икалтойская академия – в XI - XII вв.) грамматика изучалась как отдельный предмет [Груз. сов. энц., III, с. 36]. Как обычно указывают, многие термины, используемые в языкознании, берут свое начало еще в той эпохе [Гамбашидзе, 1986, с. 91].

Трудов по грамматике, дошедших до нас от древнейших времен, сохранилось немного. Среди них весьма важен грамматический трактат второй половины XI века «Слово об артиклях», который в 1990 году издала М.Шанидзе. По ее мысли, «Слово об артиклях» не может являться единственным для того времени трудом грамматического характера. Это неоспоримый документ, подтверждающий, что у грузин в XI-XII веках действительно имелась грамматическая литература; это свидетельствует и о том, что в более позднюю эпоху писатели XVI – XVII веков выявили давние традиции языковедческих исследований. Как выясняется, «формированию данных традиций способствовала среда греческой культуры» [Шанидзе, 1990, с. 7]. Итак, в первый период существования стандартного грузинского языка (V - XII вв.) в грузинской языковедческой терминологии наблюдается в основном греческое влияние.

Влияние русской терминологии на грузинскую языковедческую терминологию начинается с XVIII столетия. Именно с этим периодом совпадает борьба за

стандартизацию грузинского языка. Начиная с З.Шаншовани («Краткая грамматика грузинского языка, созданная Зурабом Шаншовани в 1737 году»), была написана не одна практическая грамматика. Огромное значение придается грамматике Антона I. Следует отметить, что грамматика Шаншовани была создана в Москве. Это написанная на грузинском языке первая грузинская грамматика (первая редакция 1753 г. и вторая редакция 1767 г.), которая, по существу, является первой нормативной грамматикой грузинского языка. Как видно, Антон хорошо знает грамматики других языков и так создает свою грамматику. Антон пишет: «Во время пребывания в России я читал труды греческих, латинских, французских, итальянских, немецких и русских языковедов. Я изучал, как в этих языках было представлено употребление слов и форм» [Антон, 1997, с. 9].

В языковедческой терминологической деятельности XIX века с точки зрения взаимоотношения грузино-русских лингвистических терминов особенно важной является лексикографическая деятельность Давида и Иоанэ Багратионов. Они не только продолжают традиции предшественников, но и создают двуязычные и многоязычные словари нового типа; огромное количество терминологического материала охватывает шеститомный Русско-грузинский словарь Иоанэ Багратиона (включающий 40 000 слов), составленный в 1807 году. Отметим и то, что для Иоанэ Багратиона доступно было несколько языков: русский, турецкий, арабский, персидский, армянский, французский, латинский. Это придает определенную ценность его труду.

Терминологическая деятельность шестидесятников XIX века особенно важна как с терминологической, так и общетеоретической точек зрения. Это эпоха пропаганды создания национальной терминологии, хотя в этот период нельзя обойти вниманием русско-грузинские терминологические отношения.

Особенно широкий размах терминологическая работа принимает в XX веке. Этому способствует несколько следующих условий: а) создается стандартный грузинский язык; б) развивается несколько отраслей науки; в) создается система национального образования; г) основываются высшие и специальные учебные заведения различного типа.

Как отмечают, с начала XX века в учебных заведениях всех типов основные предметы читались на грузинском языке. Поскольку терминологическая система на

грузинском языке сформирована в меньшей степени, терминологическая комиссия принимает к руководству три основных принципа:

1. В случае наличия двух терминов, одного международного и второго, переведенного на грузинский, но непригодного с точки зрения законов языка или смысла, остается международный термин, грузинский же отвергается.

2. Когда же вторые, грузинские, термины переведены правильно и соответствуют понятию, остаются оба термина.

3. Если имеется несколько грузинских терминов, предпочтение отдается тому, который с точки зрения законов языка образован правильно [см. Джорбенадзе, 1981, с. 352-353].

Это были принципы, согласно которым в 1928 году была создана терминология языкознания.

В создании грузинской языковедческой терминологии XX века неизмерима роль и значение Акакия Шанидзе [Шанидзе, 1930, 1941, 1943, 1953, 1973], Арнольда Чикобава [Чикобава, 1948, 1962, 1965] и других.

Сравнение грузиноязычных и русскоязычных трудов первого периода творчества А.Шанидзе дает нам возможность увидеть его отношение к научной терминологии.

Представители грузинского языковедческого общества того времени (в том числе и А.Шанидзе) получили образование в основном в высших учебных заведениях России; базовым научным языком для них оставался русский язык. Поэтому перенос терминов происходил из русского языка, хотя этот момент более или менее условен: иностранные языки (и среди них латинский и древнегреческий) для них также доступны. Но поскольку и эти иноязычные термины в данный период распространяются посредством русского языка, мы рассмотрим соответствие грузинских и русских терминов.

а) Используемые в русском языке иноязычные термины переходят в грузинский язык двояким образом: и в иноязычном облике, и в грузинском переводе, например: артикуляция - არტიკულაცია, беглая согласная - ბეგრატწარმოება, ассимиляция - ასიმილაცია, დამსგავსება.

В этой группе можно выделить несколько подгрупп: 1) есть случаи, когда грузинский вариант не уживается: аналогия - ანალოგია, თანავარობა, дифтонг - დიფთონგი, ორხმოვანა. 2) есть случаи, когда термин остается иноязычным с грузинским

оформлением, хотя такое образование носит искусственный нюанс и не закрепляется: жестикуляция - ჟესტიკულაცია, ჟესტიკულობა (утвердилось «жестикуляция»). 3) есть случаи, когда захотели перевести иноязычный термин, точнее, заменить его старым термином: геминант - გემინანტი, მრჩობელი თანხმოვანი (сдвоенные согласные); каузатив - კაუზატივი (причинный)...

ბ) Перенос иноязычного термина происходит в двух вариантах. Как видно, терминологическая комиссия в таком случае ставит пользователя перед выбором и надеется на течение времени: атрибутивный - ატრიბუტული, საატრიბუტო. Здесь также можно выделить несколько случаев: 1) есть случаи, когда у иноязычного термина имеется русский синонимичный вариант и в грузинский язык переносят иноязычный вариант: аспирация, придыхание - ასპირაცია; 2) иноязычные термины (подразумеваются термины греко-латинского происхождения) переносят в основном в той же иноязычной форме, хотя в большинстве случаев приписывают и грузинское соответствие, причем в основном закрепляется именно грузинский вариант: адвербиальный, отглагольный - ადვერბალი, ზმნისმიერი, ნაზმნარი, адноминальный, отыменный - ადნომინალი, სახელისმიერი, ნასახელარი. 3) есть случаи, когда в качестве единственного варианта предлагают иноязычный термин: ჰიპოტაქსი, პარატაქსი, გრაფემა, ფონემა, ფონეტიკა, ფორმანტი.

ვ) Когда в русском языке имеем параллельные варианты - иноязычный и русский, в грузинском языке также наблюдается аналогичное положение: манускрипт, рукопись - მანუსკრიპტი, ხელნაწერი, орфография, правописание - ორთოგრაფია, მართლწერა, алфавит, азбука - ალფაბეტი, ანბანი.

გ) Есть и такие случаи, когда иноязычному термину соответствуют два русских варианта, в грузинском имеем два - иноязычный и грузинский (русский вариант теряется): лингвистика, языковедение, языкознание - ლინგვისტიკა, ენათმეცნიერება.

დ) Есть случаи двоякого перевода русских терминов: придаточное предложение - თანაწინადადება, დამოკიდებული წინადადება, произношение - წარმოთქმა, გამოთქმა.

Известно, что синонимичные варианты в терминологии приемлемы в меньшей степени, однако терминологическая комиссия, как видно, принимает во внимание тот

факт, что эти термины внедряются именно сейчас, и, когда не имеется прочных аргументов в пользу одного из вариантов, предлагает оба варианта. Это тоже весьма интересный принципиальный подход.

е) С русского языка перенос происходит обычно в виде одного грузинского варианта: безличный глагол - უპირთ ზმნა, словообразование - სიტყვათწარმოება, ударение - მახვილი.

ж) Есть случаи, когда в качестве соответствия одного и того же русского слова в грузинском языке используются различные слова: косвенный вопрос - არაპირდაპირი კითხვა, косвенный вопрос - არასწორი ბრუნვა, хотя позднее для обоих случаев было подобрано совсем другое слово - ობობი.

Как видим, в 20-х годах XX века при стандартизации грузинского языка терминологическая работа в языковедческой сфере стояла на прочной научной основе. **Национальная наука должна была быть неотъемлемой частью международной науки**, поэтому очень осторожно подходили как к внедрению международных терминов (что в советский период происходило в основном посредством русского языка), так и к выработке собственно грузинских терминов.

С 50-х годов XX века у нас возникает структурное языкознание, которое, бесспорно, предложило и множество новаций. Как свидетельствуют труды представителей данной отрасли науки Т.Гамкрелидзе [Гамкрелидзе Т.; 1959] и Г.Мачавариани [Мачавариани, 1965], новая научная терминология была достойным продолжением существующей традиции.

В качестве удачного наглядного примера терминологической работы, связанной с новыми отраслями языкознания, можем представить труд Б.Кобалава «Материалы для словаря глоссематических терминов» [Кобалава, 1974]. Справедливым является замечание автора: «Существованием различных лингвистических направлений и школ обусловлено большое многообразие специфических понятий и соответствующих терминов. Поэтому постепенно все более и более остро ощущается необходимость словарей лингвистических терминов» [Кобалава, 1974, с. 104]. В данном словаре нам представляется интересным и то, что рядом с каждым термином дается его датское (известно, что глоссематика

считается теорией копенгагенской лингвистической школы), французское, английское, немецкое и русское соответствие.

Вызывает интерес принцип, которым автор руководствовался при выборе грузинских соответствий глоссематических терминов (фактически, это традиционный подход к терминологии):

1. В неизменном виде были оставлены терминологические термины, созданные на основе древнегреческого языка (напр., глоссема, плерема и т.п.). Также в неизменной форме было оставлено множество иноязычных терминов, которые были использованы в языковедческой или вообще в грузинской научной литературе (катализ, селекция и т.п.).

2. Для тех случаев, когда в грузинском языке подходящий иноязычный термин не внедрился, в словаре представлен или просто его перевод (датск. პლან, франц. პლან, англ. პლან, нем. პლან, рус. план - груз. სობრტყე) или же соответствующие термины, созданные на основе грузинского языка (франц. ჰეტეროპლანე - нем. ჰეტეროპლანე, груз. ხაირობრტყივი; датск. კონსტელლატიონ, франц. კონსტელლატიონ, англ. კონსტელლატიონ, рус. констелляция - груз. თავსებადობა) [Кобалава Б.; 1974, с. 107].

Повторяем, это есть наилучший пример того, как должно происходить продолжение традиций в терминологической деятельности [Гоголашвили, 2013, с. 165].

Таким образом, при стандартизации грузинского языка в различный период во время формирования языковедческой терминологии использовались разные языки. С точки зрения взаимоотношения с русским языком весьма важны: а) XVIII век, когда не существует стандартного грузинского языка и начинается попытка создания грамматик с целью урегулирования означенной проблемы; б) XIX век, когда предпочтение отдается созданию национальной терминологии и в) XX век, когда в Советской Грузии дело научной терминологии возведено в масштабы государственного уровня. Влияние русского языка с точки зрения нормирования грузинской языковедческой терминологии различно в зависимости от указанных периодов.

Список литературы:

Антон Первый (Багратион). Грузинская грамматика. Тбилиси, изд-во Тбилисского государственного университета, 1997. (на груз. яз.)

- Гамбашидзе Р.* Грузинская научная терминология и основные принципы ее составления. «Мецниереба», Тбилиси, 1986. (на груз. яз.)
- Гамкрелидзе Т.* Соответствия сибилантов и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. «Мецниереба», Тбилиси, 1959. (на груз. яз.)
- Гамкрелидзе Т., Мачавариани Г.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках. «Мецниереба», Тбилиси, 1965. (на груз. яз.)
- Гоголашвили Б.* Грузинский литературный язык (Очерки). Тбилиси, изд-во Тбилисского государственного университета, 2013. (на груз. яз.)
- Грузинская советская энциклопедия*, т. III, Тбилиси, изд-во КСЕ, 1978. (на груз. яз.)
- Джорбенадзе С.* Жизнь и заслуги Иванэ Джавахишвили. Тбилиси, изд-во Тбилисского государственного университета, 1981. (на груз. яз.)
- Кобалава И.* Материалы для словаря глоссематических терминов // «Вопросы общего и математического языкознания». «Мецниереба», Тбилиси, 1974. (на груз. яз.)
- Мачавариани Г.* Общегрузинская консонантная система. Тбилиси, изд-во Тбилисского государственного университета, 1965. (на груз. яз.)
- Чикобава Арн.* Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, I. «Мецниереба», Тбилиси, 1948. (на груз. яз.)
- Чикобава Арн.* К принципу группирования рядов грузинского глагола // «Ике», XIII. «Мецниереба», Тбилиси, 1962. (на груз. яз.)
- Чикобава Арн.* История изучения иберийско-кавказских языков. «Ганатлеба», Тбилиси, 1965. (на груз. яз.)
- Шанидзе А.* Грузинская грамматика. Тбилиси, изд-во Тбилисского государственного университета, 1930. (на груз. яз.)
- Шанидзе А.* Категория ряда в глаголах // «Эминкис Моамбе», X, Тбилиси, 1941.
- Шанидзе А.* Основы грузинской грамматики. Часть I. Тбилиси, изд-во Тбилисского государственного университета, 1942. (на груз. яз.)
- Шанидзе А.* Основы грузинской грамматики. Часть II. Тбилиси, изд-во Тбилисского государственного университета, 1943. (на груз. яз.)
- Шанидзе А.* Основы грузинской грамматики. Тбилиси, изд-во Тбилисского государственного университета, 1953. (на груз. яз.)
- Шанидзе А.* Основы грузинской грамматики. Тбилиси, изд-во Тбилисского государственного университета, 1973. (на груз. яз.)
- Шанидзе А.* Субъективный префикс второго лица и объективный префикс третьего лица в грузинском глаголе. Тбилиси, изд-во Тбилисского государственного университета, 1920. (на груз. яз.)
- Шанидзе М.* «Слово об артиклях» - древний грузинский грамматический трактат. Тбилиси, изд-во Тбилисского государственного университета, 1990. (на груз. яз.)

Громова Л. Г.
Тверской государственной университет
г. Тверь (Россия)

Gromova L
Tver State University
Tver (Russia)

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ
ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ
(ВКЛЮЧЁННЫЙ ЭТАП)**

**IMPROVING COMMUNICATIVE COMPETENCE WHILE TEACHING WRITTEN
TRANSLATION TO FOREIGN STUDENTS IN RUSSIA (STUDENT EXCHANGE
PROGRAM)**

В статье рассматривается проблема повышения эффективности учебного процесса при формировании речевой компетенции финских студентов в курсе письменного перевода с финского языка на русский. Автор обосновывает методические подходы, базируясь на современных психологических и психолингвистических теориях, которые уделяют большое внимание изучению процесса усвоения/овладения языком конкретного индивида с позиций признания важности его индивидуальной стратегии. Процесс перевода рассматривается как языковой контакт и взаимодействие языковых систем, ведущее к становлению билингвизма и совершенствованию речевых умений. В статье даётся характеристика возможностей студента в зависимости от принадлежности его к тому или иному типу усвоения/овладения, а также выявлены факторы, которые необходимо учитывать при анализе продвижения студента.

This paper examines the problem of increasing efficiency of the learning process in the formation of communicative competence of Finnish students in the written translation course from Finnish language into Russian. The author justifies the methodological approach based on modern psychological and psycholinguistic theories that focus on studying how a particular individual acquires language from the perspective of recognition of the importance of his or her individual strategy. The translation process is regarded as language contact and interaction of language systems that leads to bilingualism and improvement of communicative skills. The article provides characteristics of student's possibilities depending on his or her type of acquisition, as well as identifies factors to be taken into account when analyzing student advancement.

Ключевые слова: письменный перевод, речевая компетенция, стратегии усвоения, факторы успешности.

Keywords: written translation, communicative competence, acquisition strategies, success factors.

Обучение студентов из университетов Финляндии письменному переводу с финского на русский язык входит в программу включённого обучения иностранных студентов в вузах России и ведётся на кафедре РКИ в Тверском государственном университете более десяти лет. Письменные и устные переводчики являются востребованными на рынке труда. Иностранные студенты в будущем планируют работать не только в своей стране, а и в различных международных организациях, поэтому они

рассчитывают на качественную лингвистическую подготовку в России для успешной профессиональной деятельности.

Формирование речевой компетенции при обучении письменному переводу является одной из важнейших задач, стоящих перед преподавателем, т.к. письменный текст, особенно официальный, должен соответствовать критериям правильности как в плане грамматического оформления, так и речевого выражения. Большое внимание исследователей вызывает также проблема формирования умений межкультурной коммуникации, необходимых для будущего переводчика и связанных с лингвокультурологическим анализом текста [Jänis, 2010, 120–126; Громова, 2015а, с. 86–90]. Однако в данной статье мы сосредоточимся на анализе факторов, влияющих на продвижение студентов в плане совершенствования их языковой и речевой компетенции, рассматривая процесс становления билингвизма и овладение новым языком как языковой контакт, порождающий различные взаимодействия языковых систем [Громова, 2015б, с. 221–225]. Нашей главной задачей является поиск современных методических подходов, способствующих решению проблемы повышения качества учебного процесса и формирование прочных и гибких навыков и умений грамматического оформления письменного перевода с финского языка на русский в русле современных психологических и психолингвистических теорий усвоения/овладения.

На кафедре РКИ занимаются студенты 2-ого года обучения из университетов Восточной Финляндии (Йоэнсуу), Тампере, Турку, Або-Академи (Турку). Характеризуя контингент студентов, в качестве одной из важнейших особенностей современной языковой личности исследователи отмечают билингвизм и полилингвизм [Алиев, Каже, 2005, с. 5–6; Мустайоки, Протасова, 2010, с. 4–12; Пуссинен, Громова и др., 2018, с. 22–23; и др.].

Воспользуемся классификацией, характеризующей билингвов в зависимости от соотношения взаимодействующих языков, которая после Вайнрайха нашла своих последователей среди российских лингвистов и методистов: координативный билингвизм, в случае независимого существования языковых систем, и субординативный билингвизм, когда в процессе освоения нового языка его система соотносится с доминантным и формируется некая смешанная форма промежуточного языка [Рогозная, 2003, с. 53–56]. Для представителей субординативного билингвизма употребляются различные

определения, мы будем пользоваться термином «билингвы по образованию», а для представителей координативного билингвизма достаточно распространённый термин «естественные билингвы» [Алиев, Каже, 2005, с. 11].

Нужно отметить, что среди студентов включённой формы обучения представлены как естественные билингвы с родным русским или каким-либо другим родным языком, так и билингвы по образованию. Студенты из Финляндии, как правило, кроме родного владеют шведским, английским языками, изучали как третий или четвёртый язык немецкий/испанский/французский или какой-либо другой, а в качестве четвёртого/пятого – русский язык. Довольно большую группу представляют студенты, для которых свойственен естественный билингвизм при усвоении сразу двух языков в билингвальной семье или усвоение какого-либо языка в качестве родного (унаследованного) в семье родителей-эмигрантов и второго (финского) языка в социуме новой страны. Из Або-Академи, где обучение, в основном, ведётся на шведском языке, представлены студенты-билингвы с родным шведским и финским языками. Однако бывают и такие случаи, когда студент владеет финским недостаточно, т.е. не является естественным билингвом, а относится к представителям билингвов по образованию. Для таких студентов, перевод с финского языка является трудной задачей, с которой помогает справиться преподаватель с хорошим знанием финского языка и культуры.

Особую группу представляют студенты из Финляндии, родителями которых являются русскоязычные/русские по происхождению эмигранты из России или Эстонии. Часть из них в семье и близком круге общения активно пользуется русским языком, считает его родным и хорошо владеет финским языком, т.е. является носителем естественного билингвизма и симметрично владеет двумя языками (с оговоркой, что в различных условиях, сферах и ситуациях общения один из языков становится доминантным).

Для другой же подгруппы характерен асимметричный билингвизм, т.е. лучшее владение финским, тогда как русский язык является эритажным, угасающим [Виймаранта, Громова и др., 2018, с. 24–25]. У них финские учёные отмечают более слабое знание лексики, владение, в основном, разговорным стилем речи, пробелы в знании грамматики и синтаксиса и недостаточное развитие умений письменной речи, указывают также на резкий разрыв между функциональной загруженностью двух языков, использование их в

разных регистрах общения [Пуссинен, 2014, с. 183–185]. При общении в диаспоре русский язык чаще всего используется в устной форме в качестве домашнего, поэтому навыки и умения письменной речи остаются не востребованными и менее сформированными, что затрудняет освоение письменного перевода.

Таким образом, при обучении в смешанной группе преподавателю следует особенно тщательно учитывать особенности билингвизма каждого студента. Кроме того, нужно обращать внимание на индивидуальный темп продвижения и отличия в уровне сформированности коммуникативной компетенции.

Важным показателем также является степень мотивированности студента, желание овладеть умениями письменного перевода. Уровень мотивации хотя и варьируется, но, в основном, является достаточно высоким, о чём свидетельствует учебное поведение студентов. Мотивированные студенты после комментирования преподавателем результата выполненного перевода стараются выяснить, в чём состоит их ошибка, почему нужно было употребить тот или иной эквивалент. Они готовы выполнять дополнительные задания по коррекции и упрочению навыков и умений. Однако слишком слабое владение русским языком у отдельных студентов является естественным препятствием в успешном освоении курса перевода и ведёт к потере мотивации. Порой работы пестрят исправлениями преподавателя, и от текста к тексту их количество не всегда уменьшается. Почему? В этом преподаватель должен разобраться и найти адекватные приёмы коррекции ошибок с учётом индивидуального стиля студента.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что характеристика контингента, главной особенностью которого является гетерогенность по признаку билингвизма, требует поиска лингвометодических подходов, способствующих совершенствованию языковой и речевой компетенции всех участников курса с учётом индивидуальных особенностей билингвизма.

Современные психологические, психолингвистические, и лингвометодические теории большое внимание уделяют исследованию когнитивных процессов усвоения/овладения при обучении иностранным языкам. А.А. Залевская, базируясь на достижениях мировой науки, обосновала необходимость трактовки процесса овладения новым языком с позиций признания активности обучаемого, теории «живого знания», т.е. признания важности индивидуальной стратегии усвоения/овладения студента с учётом

специфики функционирования языков у субъекта овладения и пользования языком как достоянием личности при взаимодействии широкого круга внешних и внутренних факторов [Залевская, 2009, с. 70].

Из данной теоретической предпосылки, которую мы считаем основополагающей при разработке лингводидактических подходов, вытекает, что наиболее современным и плодотворным является интегративный подход, который позволяет проследить в процессе усвоения/овладения русского языка как иностранного индивидуальную динамику формирования системы «промежуточного языка» – *interlanguage* (далее ПЯ). Такой подход базируется на психолингвистической теории ПЯ, который позволяет концентрировать внимание на анализе ошибок, определении успешности продвижения ПЯ к языку носителей.

Новая область теории о стратегиях изучения иностранного языка сформировалась в западной педагогике – в 60-е годы, а в России к концу 20 века. Прежде всего, отметим, что вслед за Беляевым (1965) в настоящее время российские учёные выделяют два основных психологических стиля или стратегии овладения иностранным языком – коммуникативно-речевой и когнитивно-лингвистический, которые базируются на интуитивно-чувственном или рационально-логическом восприятии языка. Кроме того описывается и смешанный стиль, сочетающий компоненты и того, и другого, так как процессу овладения иностранным языком свойственен и сознательный, и интуитивный характер [Кабардов, Арцышевская 1996, с.35; Кабардов, 1997, 72–86]. Установлено, что решающим фактором овладения иностранным языком является работа сознания, но при этом нельзя признаётся роль интуитивного фактора.

К психологическим особенностям *коммуникативно-речевого* (курсив мой – Л.Г.) стиля относятся следующие: преимущественно практическое овладение языком, быстрота овладения в речевой среде, отсутствие потребности в грамматическом анализе текста и его переводе, сосредоточение на смысловом содержании речи. Характерно быстрое переключение и отсутствие рефлексии при переходе с одного языка на другой, владение языком рецептивно и продуктивно. Студенты данного типа имеют предпосылки стать успешными устными синхронными переводчиками. Они пользуются разговорными конструкциями и в письменном речи, испытывая затруднения в поиске нужных эквивалентов при переводе текстов, например, официально-делового стиля. В работах

некоторых из них встречаются повторяющиеся грамматические ошибки, так как для студентов коммуникативно-речевого стиля характерна стратегия избегания трудностей.

Когнитивно-лингвистический (курсив мой – Л.Г.) стиль усвоения/овладения иностранным языком предполагает, что субъект, владеющий данной стратегией, испытывает потребность в приобретении теоретических языковых знаний, медленно овладевает языком как средством коммуникации, опираясь на грамматический анализ и перевод текстов. Однако сосредоточенность при пользовании иностранным языком как на смысловой стороне речи, так и ее языковых особенностях даёт определённые преимущества: более качественное решение лингвистических аспектов, связанных с переводом.

В современной методике преподавания иностранных языков и РКИ формируется направление, предполагающее активную роль субъекта в учебном процессе, важность осознания индивидуальных личностных стратегий самим субъектом при усвоении/овладении иностранного языка, расширение их репертуара и применение с целью улучшения овладения новым языком. Стратегии понимаются как приёмы, способы, совокупность действий индивида по улучшению процесса усвоения/овладения языком [Oxford, 2003, p. 1]. Однако уровень осознанности процесса усвоения/овладения неодинаков у представителей коммуникативного и лингвистического типа. По мнению М.К. Кабардова деятельность обучаемых с коммуникативным типом овладения иностранными языками можно охарактеризовать понятием «активность», а деятельность лиц с лингвистическим типом более соответствует понятию «сознательная саморегуляция». Кроме того, он считает, что, в основном, стратегии формируются под влиянием природных факторов и индивидуально психологических характеристик личности [Кабардов, 1997, с. 72–86]. Тем не менее преподаватель посредством сотрудничества с субъектом деятельности (студентом) может расширить репертуар личных стратегий индивида.

Далее мы рассмотрим более подробную классификацию стратегий усвоения/овладения, представленную в работах Оксфорд Р.Л. (Oxford R.L.). Она подразделяет учебные стратегии на две группы: прямые (direct) и непрямые (indirect). К первой группе относятся когнитивные, компенсаторные и стратегии запоминания, а ко второй – метакогнитивные, аффективные и социальные стратегии [Oxford, 2003 p. 3–7].

Стратегии запоминания основаны на узнавании и извлечении из памяти необходимого материала. Когнитивные стратегии позволяют индивиду напрямую управлять языковым материалом посредством рассуждения, анализа, синтезирования, преобразования информации и др. Компенсаторные стратегии призваны компенсировать недостаток знаний в процессе использования и изучения языка. Метакогнитивные стратегии применяются для управления учебным процессом в целом, например, планирование выполнения задания, контроль за ошибками, оценивание выполненного задания и пр. Аффективные стратегии важны при недостаточном уровне владения иностранным языком, направлены на управление эмоциональным состоянием студентов, как, например, определение настроения и уровня тревожности, вознаграждение себя за успешную работу, применение дыхательных техник и др. Социальные стратегии обеспечивают совместную работу с другими обучающимися, проникновение в культуру и усвоение социальных норм (Oxford, 2003, p. 12–15).

Стратегии взаимосвязаны и индивидуальны. Для студента когнитивно-лингвистического стиля характерны стратегии запоминания, когнитивные, а также стратегии управления своей учебной деятельностью, т.е. метакогнитивные. Социальные стратегии более предпочтительны для представителей коммуникативно-речевого стиля.

Таким образом, задачей преподавателя является наблюдение за учебной деятельностью студентов с тем, чтобы определить, какими стратегиями владеет студент. Это знание позволит планировать процесс обучения, определяя свою стратегию педагогического общения.

Основным методическим подходом, который позволяет принимать во внимание особенности функционирования языков у субъекта овладения и пользования языком, а также определять индивидуальную стратегию усвоения/овладения билингва с учётом специфики функционирования языков является личностно ориентированный подход. Преподаватель максимально индивидуализирует педагогическое воздействие, выстраивая стратегию анализа и комментирования работы студента при выполнении письменных переводов. Важным этапом является определение роли ошибки.

В рамках интегративного подхода в методике преподавания РКИ ошибки, возникающие в результате речемыслительного процесса, рассматриваются как естественный компонент ПЯ, свидетельствующий о динамике его развития.

В методике обучения иностранным языкам, в том числе и русскому как иностранному, существует традиция рассмотрения речевой ошибки в качестве инструмента исследования для выявления специфики процессов овладения родным или вторым языком. Анализ ошибок в работах студентов даёт возможность изучать феномен ПЯ и позволяет определить продвижение студента по направлению к более совершенному владению новым языком. Педагогическое наблюдение преподавателя в рамках лично-ориентированного подхода является одним из основных методических приёмов, который позволит определить стиль усвоения/овладения студента, тем самым создавая базу для прогнозирования трудностей при выполнении письменного перевода, выбора стратегии комментирования результата, интерпретации оценки результата, а также планирования действий студента по самокоррекции.

Перечислим факторы, которые, на наш взгляд, необходимо учитывать при анализе успешности продвижения студента: 1) уровень владения русским и финским языком, который определяется при выполнении входного теста в начале курса; 2) характеристика билингвизма/полилингвизма – устанавливается в ходе личной беседы со студентом в начале курса; 3) личностные стратегии усвоения/овладения – определяются посредством педагогического наблюдения; 4) степень владения метакогнитивными стратегиями: способность к самоуправлению, самооценке, самокоррекции и планированию познавательной деятельности (устанавливается посредством педагогического наблюдения); 5) уровень мотивации студента к совершенствованию умений грамматического оформления письменного текста перевода – устанавливается в индивидуальной работе, а также посредством педагогического наблюдения.

Далее приведём пример наблюдения за работой преподавателя по анализу ошибок студентов и формированию необходимых стратегий. Студенты участвовали в курсе письменного перевода во II семестре 2017–18 учебного года. Выполнялся перевод статьи «Kirjailija ei venäjällä valtaa kumartele» – «В России писатель не преклоняется перед властью» (перевод мой – Л.Г.), Helsingin sanomat от 23.10.15.

Пример 1. Представитель координативного естественного билингвизма (уровень B2), владеет русским и финским языком; относится к когнитивно-лингвистическому стилю; допускает мало грамматических ошибок, в основном, испытывает трудности в

выборе нужного синонима для точного выражения мысли; мотивирован, заинтересован в исправлении ошибок:

1) «kirjailija ei valtaa kumartele»

писатель не поклоняется / не кланяется власти; не клонится перед властью;

верно: *писатель не преклоняется / не выслуживается перед властью;*

2) «hänen tuotantonsa»

- *его производство*; верно: *его произведения*;

3) «...ei kerro tuotantomääriään»

- *данных по производству не возглашает*; верно: *не оглашает*

Характер ошибок: глубинные на уровне поиска эквивалента для выражения общего смысла будущего высказывания. Рекомендации преподавателя: формирование когнитивных стратегий по преобразованию информации, упражнение на выбор и использование синонимичных эквивалентов при переводе; анализ происхождения лексических ошибок в речевом произведении; развитие метакогнитивных стратегий.

Пример 2. Билингв по образованию, представитель субординативного билингвизма (уровень B2); уровень развития навыков и умений оформления речи недостаточный; относится к представителям коммуникативно-речевого стиля; считает, что хорошо владеет языком, довольно свободно общаясь устно; кроме лексических ошибок допускает повторяющиеся ошибки в грамматическом оформлении; не нацелен на осознание результата:

1) – Kritisoin Helsingin kirjamesuja...

критиковал книжногo выставка в Хельсинки...; верно: ...книжную выставку..

2) – Ja vielä yksi harhaluulo...

Есть ещё один заблуждение...; верно: ещё одно заблуждение...

Характер ошибок: из-за интерференции и недостаточно прочных навыков (застарелые и окаменевшие), возникают на уровне планирования, наблюдается явление интерференции и стратегия избегания трудностей, например, при определении рода существительных «выставка» и «заблуждение». Рекомендации преподавателя: формирование когнитивных стратегий: анализ ошибок в грамматическом оформлении речевого произведения и рассуждение об их происхождении, выполнение упражнений;

развитие метакогнитивных стратегий: планирование работы по исправлению ошибок в письменной речи; мотивирование студента посредством словесного оценивания.

Таким образом, работа преподавателя над ошибками студента, допущенными при выполнении письменного перевода, включая анализ, классификацию, комментариев с целью определения успешности и формирования новых стратегий, является взаимосвязанным комплексом приёмов по совершенствованию речевых умений студента.

Методической основой для реализацией данных приёмов являются стратегические аспекты личностно ориентированного подхода при обучении/изучении русского языка как иностранного в российском университете.

Список литературы:

- Алиев Р., Каже Н.* Билингвальное образование // Теория и практика, Рига: "RETORIKA A", 2005.
- Беляев Б.В.* Очерки психологии обучения иностранным языкам, М.: Просвещение, Изд. 2-е, 1965.
- Громова Л.Г.* Определение лакун и выбор стратегии перевода в контексте межкультурной коммуникации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры / Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ в 15 т., Т.1, 2015(а).
- Громова Л.Г.* Формирование билингвизма при обучении переводу финских студентов в русле теории языковых контактов // Язык. Культура. Коммуникация, / Сб. н. трудов под ред В.З. Демьянкова, М.: МГУ, 2015(б).
- Залевская А.А.* Вопросы теории двуязычия, Тверь: Тверск. гос.универ-т. 2009.
- Кабардов М.К., Арцышевская Е.В.* Языковые способности, технологии обучения и стратегии усвоения // Материалы 1-ой Всероссийской психологической конференции, М. 1996.
- Кабардов М.К.* Коммуникативный и лингвистический типы овладения иностранным языком в разных условиях обучения // Школа здоровья, №1, 1997.
- Методика включённого обучения русскому языку как иностранному: коллективная монография // *Виймаранта Й., Громова Л.Г., Гасконь Е.А.* и др., Тверь: Тверск.гос.университет, 2018.
- Мустайоки А., Протасова Е.* О русском языке в Финляндии // Изучение и преподавание русского языка в Финляндии /Под.ред. А. Мустайоки и др. Хельсинкский ун-т, С-Пб: Златоуст, 2010.
- Пуссинен О.* «Домашний язык». Стратегии функционирования русского языка в качестве второго родного // Актуальные проблемы изучения и преподавания РКИ в вузе в условиях интернационализации образования, / Сб.материалов II Межд. семинара под ред. А. Никунласси, Громовой Л.Г., Гурина А.Б. Тверь: Тверск.гос.универ-т, 2014.
- Рогозная Н.Н.* «Моя твоя не понимай» или INTERLANGUAGE», РЯЗР №1, 2003.
- Jänis M.* Venäjästä suomeksi ja suomesta venäjäksi, Aleksanteri Series, № 4, 2010.
- Oxford R.L.* Language Learning Styles and Strategies: An Overview, GALA, 2003.
- Vehmas-Lehto I., Titova E.* Diskurssimaailmasta toiseen: suomalainen kielenoppija ja venäläiset puhuttelukonventiot // Idäntutkimus, № 4, 2003.

*Есакова М.Н.
Кольцова Ю.Н.*
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М. В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

*Esakova Maria
Koltsova Yulia*
Higher School of translation and interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

THEATRE PEDAGOGY IN INTERPRETER TRAINING

Формирование личности переводчика предполагает решение самых различных задач и выходит далеко за пределы обучения только иностранным языкам. Переводчик — это специалист, чья двуязычная речевая деятельность разворачивается в условиях крайнего нервного и интеллектуального напряжения. Поэтому цель профессиональной подготовки переводчиков состоит, прежде всего, в том, чтобы сформировать у будущего специалиста не только устойчивый навык уверенного выбора различных языковых средств в зависимости от ситуации, но и приучить его контролировать свою речь, запоминать большой объем информации, уверенно держаться на публике и т.д.

Для решения этих задач можно предложить использовать методы и приемы театральной педагогики, способствующие развитию творческих и коммуникативно-речевых способностей студента, для формирования его коммуникативной культуры.

Постижение азов актёрского мастерства может помочь студентам, на наш взгляд, в преодолении психологических барьеров, в повышении мотивации в познании мира, а также в восприятии художественных образов и развитии коммуникативных способностей.

Developing an interpreter's personality presupposes carrying out various possible tasks and goes far beyond language training. The interpreter is a professional whose bilingual behavior is under extreme psychological and intellectual pressure. Therefore, interpreter training aims at developing not only strong skills of choosing different linguistic means depending on the communicative situation but also an ability to control one's speech behavior, to memorize a great amount of information, to keep composure in front of the audience, etc.

The methodology and techniques of theatre pedagogy (or stage didactics) may contribute to the development of creative and communicative abilities and competences of students, to shaping his or her communicative culture.

Mastering the fundamentals of stagecraft may in our opinion prove helpful to the students in overcoming psychological barriers, increasing motivation to world cognition, as well as understanding artistic images and developing communicative skills.

Ключевые слова: театральная педагогика, творческие способности, коммуникативно речевые способности, подготовка будущих переводчиков.

Keywords: theatre pedagogy, creative abilities, communicative abilities, interpreter training.

Формирование личности переводчика предполагает решение самых различных задач и выходит далеко за пределы обучения только иностранным языкам. «К наиболее

общим задачам дидактики переводческой деятельности можно отнести такие, как формирование особых психических качеств личности переводчика, познавательной активности и поисковой самостоятельности, а также формирование интерпретативных компетенций, коммуникативных и специальных компетенций, необходимых в различных видах переводческой деятельности, осуществляющейся в самых различных социальных условиях» [Гарбовский, 2012, с. 47].

Для современной образовательной системы характерен «компетентностный подход», который подразумевает, что главным результатом образования являются не отдельные знания, навыки и умения, а способность их реализовать в определённой ситуации.

Переводческая компетенция, по мнению В.Н. Комиссарова, включает в себя языковую, текстообразующую, коммуникативную, техническую и личностную компетенции [Комиссаров, 2002, с. 326—330]. Языковая компетенция переводчика предполагает знание лексических и грамматических особенностей языка, правил использования языковых единиц для построения высказываний, а также выбор языковых единиц, необходимых в той или иной обстановке общения. Эти знания важны как для понимания текста оригинала, так и для создания текста на языке перевода. Текстообразующая компетенция предполагает умение создать правильную структуру текста в соответствии с поставленной целью, обеспечить адекватную передачу коммуникативной заданности исходного текста. В основе коммуникативной компетенции — умение делать правильные выводы из речевых высказываний на основе фоновых знаний и таким образом соотносить языковые средства с задачами и условиями общения. Техническая компетенция подразумевает владение необходимыми переводческими приемами и трансформациями, а также знание стратегий перевода. И, наконец, одной из важнейших компетенций переводчика является, на наш взгляд, личностная. Она включает в себя такие качества, как способность быстро переключать внимание, умение концентрироваться в стрессовых ситуациях, эрудированность, начитанность, творческое мышление и др. Помимо этого, переводчик должен быстро запоминать большой объем информации, иметь хорошую дикцию, то есть его речь должна быть четкой и разборчивой, уверенно держаться на публике, следить за своей жестикуляцией и эмоциями, а для синхронистов важна также физическая выносливость и устойчивость к

любым внешним воздействиям.

Для формирования личностной компетенции будущего переводчика можно, на наш взгляд, предложить использовать методы и приемы так называемой театральной педагогики, способствующие развитию творческих и коммуникативно-речевых способностей студента.

«Театральная педагогика - это целостная система образования, организованная по законам импровизационной игры и подлинного продуктивного действия, протекающих в увлекательных для участников предлагаемых обстоятельствах, в совместном коллективном творчестве учителей и учеников, способствующая постижению явлений окружающего мира через погружение и проживание в образах, и дающая совокупность цельных представлений о человеке, его роли в жизни общества, его отношениях с окружающим миром, его деятельности, о его мыслях и чувствах, нравственных и эстетических идеалах» [Климова, Косинец, Никитина, 2013].

Принципы и методы театральной педагогики в России начали разрабатываться еще в XIX веке. В театральной науке этот термин связывают с творчеством известных актеров М. Щепкина, В. Давыдова, К. Варламова, режиссера Малого театра А. Ленского, с деятельностью основателей Московского художественного театра К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Цель театральной педагогики - профессиональная подготовка будущего актера и режиссера.

Во второй половине XX века театральная педагогика стала постепенно внедряться в систему школьного образования, а впоследствии и в программы подготовки будущих учителей. Однако сам школьный театр появился в России еще в 70 - 80-е годы XVII века. Сложился школьный театр при Славяно-греко-латинской академии, в духовных семинариях и училищах Львова, Тифлиса, Киева. Пьесы писали преподаватели, а учащиеся становились актерами исторических трагедий, аллегорических драм, сатирических бытовых сценок. У истоков школьного театра стоял известный политический деятель, драматург Симеон Полоцкий. Помимо этого, школьный театр был в учебном плане Кадетского корпуса, Смольного института и других учебных заведений. Педагогическая польза театральных занятий с детьми была бесспорна, поэтому возникло множество методик (например, художественно-педагогическая драматургия урока, метод

оргдеятельностных игр и т.д.), направленных на введение театральных методов и приемов в структуру образовательной деятельности школы.

Являясь частью театральной педагогики и существуя по ее законам, школьная театральная педагогика, по мнению С.В. Никитина и Е.В. Кузнецова, «преследует иные цели и задачи, среди которых ведущей не является профессиональная подготовка актеров и режиссеров. Школьная театральная педагогика воспитывает личность ученика средствами театрального искусства. Школьный театр предстает как форма художественно-эстетической деятельности, воссоздающей жизненный мир, познаваемый формирующейся личностью» [Никитин, Кузнецов, 2011, с. 20-22].

Помимо этого, по мнению исследователей, школьная театральная педагогика призвана «раскрыть и сформировать развитую гармоничную личность ученика <...> способность к общению, овладение своим телом, голосом, пластической выразительностью движений». При помощи методов и приемов театральной педагогики «воспитывается чувство меры и вкус, которые необходимы человеку для перспективного успеха в любой сфере деятельности» [Никитин, Кузнецов, 2011, с. 20-22]. Таким образом, задачей школьной театральной педагогики становится вовлечение детей в активное речевое общение, создание мира, где раскрепощается интеллект ребенка.

Как отмечают исследователи, театральная педагогика может быть полезной и в подготовке будущих учителей, то есть постепенно принципы театрально педагогике входят в сферу высшего профессионального образования.

По мнению В.В. Вартановой, в современном высшем образовании интерес к театральной педагогике обусловлен определенными социокультурными факторами. «Во-первых, - это потребность личности в культуротворческой деятельности. В вузе у студентов формируется культура чувств, воспитывается чувство меры и вкус, происходит развитие самосознания, формируется владение собственным телом, голосом, пластической выразительностью движений, необходимые для успеха в будущей профессиональной деятельности» [Вартанова, 2017, с. 72]. Во-вторых, «доминирующим оказывается принцип личностно-ориентированного обучения, способствующий становлению и профессиональному росту личности в меняющихся условиях», и, наконец, третий фактор – это «педагогический артистизм», то есть «способность педагога

красноречиво излагать учебный материал; высокое мастерство, эмоциональная выразительность и вдохновение» [Вартанова, 2017, с. 72].

Методы и приемы театральной педагогики, на наш взгляд, могут успешно применяться и при подготовки будущих переводчиков, ведь перевод — один из сложнейших видов когнитивной деятельности, осуществляемый в настоящее время человеком с использованием новейших информационных технологий. Но никакие технологии не способны помочь недостаточно образованному неумелому переводчику выполнить перевод на высоком уровне, если он не владеет в должной степени всеми секретами речевого мастерства.

Будущий переводчик, постигая азы актёрского мастерства, получает множество навыков, которые участвуют в формировании его личностной компетенции.

Выходя на сцену, артист (особенно начинающий) часто испытывает неуверенность, страх и даже определенный стресс. То же самое мы можем наблюдать и в профессиональной деятельности переводчика. Поэтому преодоление психологического барьера, связанного с необходимостью публичного выступления, очень важно как в профессии актера, так и в деятельности переводчика. Умение преодолевать страх, справляться со своими эмоциями ведет к раскрепощению и учит правильному публичному выступлению.

Любая театральная постановка предполагает запоминание актерами объемных фрагментов текста, причем как поэтического, так и прозаического. Переводчик также должен воспроизводить по памяти услышанную информацию в достаточно большом объеме. Поэтому тренировка памяти, причем как кратковременной, так и долговременной, — важная задача в системе подготовки будущего специалиста в области перевода, с которой прекрасно справляется театральная педагогика.

Любой спектакль — это коллективная деятельность. Важно слышать партнера по действию, следить за его репликами и интонациями. Данные действия способствуют развитию таких важных для переводчика качеств, как концентрация внимания, умение слушать и воспринимать услышанную информацию в максимально полном объеме. Ведь психологами давно доказано, что во время обычного занятия (как лекционного, так и семинарского) студентами усваивается далеко не 100% информации. А участие в сценическом действии учит максимально концентрироваться.

Хорошая дикция, то есть членораздельная речь с правильной русской интонацией, – залог профессионального успеха переводчика. В современном мире, учитывая сильное воздействие английского языка, студенты часто калькируют интонации, характерные для этого языка (например, вместо понижения тона к концу предложения происходит его повышение). Также для современной речи характерен крайне быстрый темп с нечетким произношением (иногда не только «проглатываются» окончания, но и от слова произносится всего несколько звуков, словосочетания сливаются в единый звуковой поток). Для сценической речи это недопустимо. Речь переводчика, как и артиста, должна быть максимально внятной, четкой, среднего темпа и с правильными интонациями. К тому же часто артисты используют микрофоны, которые заставляют звучать голос несколько по-иному. Те, кто не привык к работе с микрофоном, пугаются своего голоса, и это тоже может вызвать определенный дискомфорт в профессиональной деятельности. Поэтому научиться говорить в микрофон – важная задача не только для актера, но и для переводчика.

Помимо этого, работая над выбором определенного материала для театральной постановки, анализируя и перерабатывая его, студенты повышают свой образовательный уровень, повышается и мотивация в познании мира. Учащиеся становятся более эрудированными. Очень важно для работы переводчика (особенно в области художественного перевода) учиться воспринимать художественные образы, пропуская их через свое мировосприятие.

Один из основных принципов, на которых основывается театральная педагогика, – это «принцип событийности», призванный помочь актеру погрузиться в другой мир, мир вымышленный, наполненный различными переживаниями и эмоциями. Это погружение, на наш взгляд, очень важно и в обучении переводчиков, так как именно перевоплощение позволяет студенту научиться владеть своими эмоциями, способствует его раскрепощению, учит правильно вести себя в той или иной ситуации, формирует навык так называемого «переключения».

Еще один важный принцип, выделяемый в актерском мастерстве, – «принцип проживания». Он тесно связан с «принципом событийности». Перевоплощаясь, актер как бы проживает часть чужой жизни, делая для себя тем самым определенные открытия в

различных сферах: от самых простых до глубоких нравственно-философских. Данный принцип также очень важен и для подготовки переводчика.

И, наконец, «принцип импровизации» — отличительная черта театральной педагогики, который, на наш взгляд, необходим профессиональному переводчику. Переводчик, как и хорошему актеру, нужно уметь очень быстро обдумывать предложенную ситуацию и незамедлительно действовать. При необходимости он должен не бояться импровизировать, быть непосредственным, конечно, не искажая смысла переводимого им текста.

Принципы театральной педагогики, конечно, должны применяться не хаотично, от раза к разу, а последовательно внедряясь в учебный процесс.

В Высшей школе перевода (факультете) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, начиная с 2014 года в процессе подготовки будущих переводчиков успешно используются методы и принципы театральной педагогики. Причем, отметим, такая практика применяется как при подготовки студентов, для которых русский язык является родным, так и для тех, для кого русский язык - иностранный. В связи с этим на факультете была открыта театральная студия под названием «Метаморфозы», в которую входят студенты, аспиранты и начинающие преподаватели факультета.

В рамках программы внеаудиторной деятельности с 2014 по настоящее время были проведены следующие театрализованные постановки: спектакль, посвященный 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова, литературно-музыкальные композиции, посвященные году кино и истории русской литературы, военно-патриотические спектакли под названием «У войны не женское лицо», «Детство и юность в огне», спектакль, посвященный 125-летию М.А. Булгакова, театральные постановки «Тургенев сквозь века и континенты» (к 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева) и «Волшебный мир А.С. Пушкина» (к 220-летию со дня рождения поэта). В основе деятельности театральной студии лежат принципы театральной педагогики, которые успешно работают. В связи с этим можно вспомнить слова Н.В. Гоголя: «Театр ничуть не безделица и вовсе не пустая вещь... Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра» [Гоголь, 1847].

Таким образом, постижение студентами – будущими переводчиками - азов актёрского мастерства формирует многогранную личность современной эпохи. Театр дает

человеку весь арсенал средств, которые необходимы в современном профессиональном мире – это уверенность в себе и своих силах, отсутствие психологических барьеров и излишних страхов, четкая, правильная речь без заикания и неправильных интонаций, развитие коммуникативных способностей, а также повышение мотивация в познании окружающего мира. Именно такая гармоничная личность всегда будет востребована в профессиональном переводческом сообществе.

Список литературы:

- Вартанова В.В.* Потенциал театральной педагогики в становлении личности будущего учителя. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки, № 8. - М., 2017. - с. 72.
- Гарбовский Н.К.* Семь вопросов дидактики перевода или scopos-дидактика переводческой деятельности. // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. - М., - 2012. – с. 47
- Гоголь Н.В.* «Выбранные места из переписки с друзьями». - СПб, 1847.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС. - 2002.
- Никитин С.В., Кузнецов Е.В.* Роль театральной педагогики в становлении и развитие личности учащегося. // Педагогика: традиции и инновации: материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2011 г.).Т. I. - Челябинск: Два комсомольца, 2011. - с. 20-22. - URL <https://moluch.ru/conf/ped/archive/19/1058/>
- Климова Т.А., Косинец Е.И., Никитина А.Б.* Возможности театральной педагогики в контексте новых образовательных стандартов // Вестник Московского образования, № 11. 2013.

Зеленская А.А.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Zelenskaya Anna
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

РОЛЬ АУТЕНТИЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

THE IMPORTANCE OF AUTHANTIC LITARARY TEXTS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Данная статья посвящена раскрытию роли использования художественных текстов на уроках русского как иностранного. Рассматривается работа над художественным текстом на уроках РКИ и ее значение в формировании коммуникативной компетенции иностранцев. Важной задачей в преподавании русского языка иностранным студентам является передача учащимся знаний о культурных ценностях, традициях.

This article uncovers the role of the use of literary texts in the practice of teaching Russian as foreign language. It deals with the work on literary texts and its importance in the formation of the communicative competence of foreigners. An important task in teaching Russian to foreign students is to provide students with knowledge of the cultural values and traditions.

Ключевые слова: лингвокультурология, русский язык как иностранный, художественный текст, коммуникативная компетенция, видеосредства обучения.

Keywords: linguoculturology, Russian as a foreign language, literary text, communicative competence, video learning tools.

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, язык – это «мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова, 2000, с. 14]. Знания о мире закрепляются в языке и отражают национально-культурный опыт конкретной языковой общности.

Важнейшая цель лингвокультурологии - «исследовать и описать русское культурное пространство сквозь призму языка и дискурса и культурный фон коммуникативного пространства. Главную цель ЛК можно определить следующим образом: ЛК призвана выявить с помощью и на основе языковых данных базовые оппозиции культуры, закрепленные в языке и проявляющиеся в дискурсе» [Красных, 2002, с. 13]. Поэтому, когда речь идет о преподавании русского языка как

иностранный, лингвокультурологическая составляющая данного процесса является неотъемлемой частью. Студенты знакомятся с культурным смыслом, который закреплен за определенным языковым знаком.

Именно лингвокультурологический подход в преподавании русского языка как иностранного является актуальным, так как основная цель обучения языку – это формирование лингвокультурологической компетенции, что подразумевает передачу учащимся знаний о культурных ценностях, традициях, повседневном поведении, специфики восприятия окружающего мира. Дигина определяет данный подход, как «один из наиболее эффективных подходов, нацеленных на формирование навыков и умений осуществления межкультурного общения путем изучения иностранного языка как феномена культуры» [Дигина, 2009, с. 101].

Данный подход позволяет в полной мере учащимся «усвоить язык, получить огромное духовное богатство, хранимое языком и проникнуть в новую национальную культуру» [Верещагин, 1973, с.5].

В особенности наглядно взаимосвязь истории и культуры с языком выражается на лексическом уровне. В учебном процессе сведения о национально-культурной специфике иностранцы могут получить из художественной литературы. Именно из нее человек черпает большой процент информации о жизни, о природе, об истории, об обычаях и традициях. Писатель присматривается к жизни множества людей, отмечает у них отдельные, наиболее характерные черты. Поэтому можно прийти к выводу, что преподавание языка нельзя представить без изучения художественных текстов. Учащиеся, которые умеют читать и понимают аутентичные тексты, по-настоящему владеют языком. Но следует отметить, что при работе над текстом с иностранцем, не стоит ожидать от него той же реакции, что мы видим у русских учащихся.

Так как чтение носит познавательный характер, тексты должны подбираться с учетом интереса студентов, чтобы они захотели прочитать и понять. Нужно привлечь внимание студента к личности писателя и сделать так, чтобы студент захотел сам прочитать текст.

Очевидно, что самостоятельно осмыслить художественные понятия учащиеся не могут. Цель преподавателя научить понимать скрытый смысл, уметь извлекать его и видеть, что хотел сказать писатель. Поэтому преподавателю необходимо применять такие

методы обучения, которые приведут к формированию лингвокультурологической компетенции иностранных студентов. Важную роль играют дополнительные беседы, лекции, конкурсы, вечера и учебные экскурсии.

Очень важно, чтобы работа над текстом не превращалась в лексико-грамматический анализ. Акишина отмечает, что «работая над художественным произведением, не заниматься грамматической формой (спряжением, склонением), не вульгаризировать его содержание, а показывать его художественные достоинства, учить «видеть» художественный образ, психологические моменты и т.д.» [Акишина, Каган, с.56].

Работу на уроке следует строить по принципу взаимосвязанного обучения всем видам речевой деятельности: чтения, аудирования, говорения, письма. Обучение языку, направленное на одновременное формирование этих навыков, позволяет учащимся формировать необходимые умения для владения иностранным языком. Все виды речевой деятельности имеют общие звенья речевого механизма, что облегчает овладение одним на базе другого. Поэтому решение проблемы – последовательно включать в работу все виды РД, используя один языковой материал. Начинаем работу с чтения (выделяем лексические единицы), далее слушаем похожий текст (обращаем внимание на аналогичные модели и знакомые слова), обсуждаем проблему (фронтально или в минигруппах) пишем сочинение, реферат.

Работа над текстом делится на несколько этапов: предтекстовая, притекстовая и послетекстовая.

В данной статье мы проиллюстрируем возможную работу над произведением И.А. Гончарова «Обломов».

Гончаров использует средства живого и разговорно-бытового народного языка, включает большое количество просторечий, вошедших в общий оборот, что является очень ценно для понимания русской действительности. Для эмоционального воздействия на читателя в романе «Обломов» используются стилистические средства, среди которых выделяются метонимия, метафора и гипербола, более редки случаи литоты, перифразы и эвфемизма. Писатель создавал свое произведение в выразительных красках, что делает возможным читателю ярко представлять картину.

Для раскрытия характеров героев необходимо понимать язык Гончарова, который играет важную роль в создании образа. Гончаров был мастером создания типичных характеров, противопоставляя в «Обломове» образы, чувства, портретные характеристики и черты характера героев и его художественные приемы очень разнообразны. Поэтому работать нужно не только в рамках большого отрывка, но и привлекать внимание к отдельным единицам текста, языковым средствам, которые выражают основные характеристики ситуации.

Перед чтением необходимо построить беседу на тему произведения или отрывка такого текста, чтобы у преподавателя сложилось представление о фоновых знаниях студентов. Задача преподавателя, выстроить предтекстовые упражнения так, чтобы студенты были заинтересованы в дальнейшем чтении.

Например, работая с произведением И.А. Гончарова «Обломов» можно начать с вопросов: Что вы помните о России конца 19 века? Знаете ли вы фамилию «Гончаров»? Знакомы вы с понятием «обломовщина»? Почему Обломова считают национальным представителем русского народа? Следует обсудить со студентами главную идею романа: отображение представителя, вырождающегося в условиях крепостного права дворянина. Знакомить студентов с реалиями этого периода можно посредством визуализации, пояснения и через постановку проблемных вопросов. Начать давать информацию о герое можно используя образ, а именно показать студентам фотографию и попросить учащихся спрогнозировать, какой может быть характер у этого человека. Существенными факторами усвоения является интерес и мотивация, поэтому преподаватель может организовывать работу в группах, что обеспечивает необходимую интерактивность для повышения мотивации и обучения. Студенты обсуждают материал, задают друг другу вопросы и отвечают и т. д.

Задание. Посмотрите на картинку и скажите, о ком или о чем пойдет речь в тексте.

Задание. Посмотрите на картинку главного персонажа. Как вы думаете, какой характер у него?

Преподаватель может привлечь дополнительные материалы, чтобы у студентов развились и углубились знания об авторе и произведении. Можно предложить студентам высказывания автора о произведении.

Задание. Прочитайте отрывок, взятый из писем автора и скажите, какое его собственное мнение о произведении.

Перед тем как начинать притекстовую работу, необходимо сформулировать правильно задания. Следует избегать таких формулировок как: «Прочитайте текст», «Прочитайте текст и передайте его содержание». Учащийся должен понимать, зачем он читает, какой перед ним стоит план действий, на какой вопрос, ему необходимо ответить. Вопросы могут быть эффективными, поскольку они дают студентам цель для чтения, они обращают внимание на то, чему они должны научиться, помогают активно мыслить, когда они читают.

Задание. Выделите в тексте смысловые части, озаглавьте каждую из них.

Задание. Выделите слова, которые передают характер и состояние главного героя.

Задание. Объясните значение новых для вас слов. На какие известные вам единицы языка вы можете их заменить?

Послетекстовый этап работы с текстом предполагает выход в речь. Студенты познакомились с текстом, и преподаватель должен сосредоточить работу так, чтобы студенты более углубленно поняли смысл.

Задание. Вы прочитали текст. Выразите свое отношение к прочитанному.

Задание. Вы прочитали текст. Назовите его признаки: сравнения, эпитеты, метафоры, восклицательные и вопросительные предложения.

Задание. Прочитайте словосочетания и определите в каком значении они здесь использованы: *начиналась игра сомнений, печали и испуга, тревога застывала в форме идеи и замирала в апатии.*

Задание. Знакомо ли вам выражение *взгляд туманился*? Какие синонимы вы можете подобрать, чтобы объяснить значение?

Задание. Скажите, что в тексте или какие его части понравились вам больше всего.

Задание. Вы прочитали отрывок из писем, в котором автор дает оценку своему произведению. Скажите совпадает ли ваша точка зрения с авторской?

После разбора текста художественного произведения, помочь освоить широкий круг культурологических знаний могут аутентичные видеосредства обучения. Здесь хорошо подойдут экранные адаптации для наглядного представления. Предварительное знакомство не только не снижает интереса к фильму, но, напротив, избавляет иностранцев

от естественной боязни непонимания. Экранизации, в которых информация подается в виде образов, а не посредством печатного материала, действуют на человека больше, оптимизируют обучение, помогают совершенствовать навыки восприятия устной речи носителей языка и благодаря эмоциональному воздействию поддерживают мотивацию. Просмотр фильма «позволяет поднять изучение литературного произведения на более высокий уровень: по-новому осмыслить идею и образы, точнее расшифровать внешние проявления процессов, происходящих в душах героев, попробовать поставить себя на место того или иного персонажа, вступить в сотворчество с автором» [Васильева, Лысакова, 2016, с. 248].

В 1979 году была выпущена экранизация под названием «Несколько дней из жизни И.И. Обломова» в главной роли с Олегов Табаковым, которую можно представить вниманию студентов. Несмотря на все плюсы использования аутентичных материалов возникают определенные трудности. Художественные фильмы воспринимаются более или менее полноценно только на среднем этапе обучения. Поэтому существуют общие требования к презентации таких материалов.

Просмотр видео отрывка не должно превышать 30 минут и занимать более половины занятия. «Обязательные условия – логическая завершенность для каждого занятия». [6, с.249] Успешность воздействия видеоматериала зависит от допросмотровой работой, поэтому работа с ним осуществляется после разбора текста соответствующего художественного произведения и устного комментария преподавателя, вводящий студентов в тему сюжета.

В конце можно попросить студентов поделиться их впечатлениями от прочитанного отрывка и сравнить их с теми, что остались после просмотра фильма. Для отработки всех видов речевой деятельности необходимо в письменной форме (сочинение, рецензия и др.) закрепить весь предложенный материал. Например, задание написать, какие чувства у вас вызывает Обломов.

Преподаватель должен убедить иностранных студентов, чтобы они поверили, что они способны понять художественный текст, что образующиеся проблемы неизбежны и их не стоит бояться. У каждого человека есть умения чтения и адекватного понимания текста, нужно только активизировать эти умения и направить в нужном направлении.

Список литературы:

- Акишина А.А., Каган О.Е.* Учимся учить для преподавателя русского языка как иностранного Изд. 2-е, испр., доп.
- Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1973
- Дигина О. Л.* Влияние лингвокультурологического подхода на формирование межкультурной коммуникации в обучении иностранному языку // *Lingua mobilis*. 2009. №4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-lingvokulturologicheskogo-podhoda-na-formirovanie-mezhkulturnoy-kommunikatsii-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 09.09.2018).
- Красных В.В.* Этнолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. - М.: Гнозис, 2002. — 284 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация - М., 2000 г.
- Методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие для вузов / Г.М. Васильева, И.П. Лысакова, Л.В. Московкин [и др.]; под ред. проф. И.П. Лысаковой. М.: Русский язык. Курсы, 2016. — 319 с.

Константинова О.В.

Муравьева А.А.

Российский государственный университет (НИУ) нефти и газа имени И. М. Губкина
г. Москва (Россия)

Konstantinova Olga

Muravyeva Alla

Russian state University of oil and gas Gubkin
Moscow (Russia)

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ МАГИСТРАНТОВ

THE SCIENTIFIC TEXT AS THE BASIS OF FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE PROCESS OF LEARNING A FOREIGN UNDERGRADUATES

В статье говорится об особенностях формирования иноязычной коммуникативной компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному магистрантов и о важнейшей роли текста в этом процессе. В ней рассмотрены содержание таких понятий, как иноязычная коммуникативная компетенция, индивидуальная коммуникативная компетенция, а также основные задачи, пути и трудности формирования коммуникативной языковой компетенции иностранных магистрантов. Уделено внимание разным аспектам изучения научного текста и связанным с ними проблемам обучения научной речи иностранных обучающихся. Важно, что при создании научного текста обучение речевым технологиям становится одной из приоритетных методических задач процесса обучения иностранных учащихся в магистратуре.

The article deals with the peculiarities of the formation of foreign language communicative competence in the process of teaching Russian as a foreign language undergraduates and the most important role of the text in this process. It considers the content of such concepts as foreign language communicative competence, individual communicative competence, as well as the main tasks, ways and difficulties of formation of communicative language competence of foreign undergraduates. Attention is paid to various aspects of the study of the scientific text and related problems of teaching scientific speech of foreign students. It is important that the creation of a scientific text teaching speech technology becomes one of the priorities of the process of teaching foreign students in the magistracy.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетенция, индивидуальная коммуникативная компетенция, субкомпетенции, научный дискурс, научный текст, коммуникация в науке, ситуация «языкового неравенства».

Keywords: foreign language communicative competence, individual communicative competence, sub-competence, scientific discourse, scientific text, communication in science, the situation of "language inequality".

Хорошо известно, что современное образование в любом российском университете состоит из нескольких этапов, одним из которых является магистратура как вторая ступень высшего образования. Предполагается, что на этом этапе обучающийся должен

максимально погрузиться в научную и практическую деятельность под руководством преподавателя, причём квалификации не ниже кандидата наук, выбрать направление научных исследований и защитить магистерскую диссертацию, которая по предъявляемым требованиям близка к кандидатской.

Ключевым в данном контексте является понятие «научное исследование». Не стоит акцентировать внимание на том, что любое научное исследование опирается на результаты уже проделанной работы в конкретной области науки, а практическая направленность исследований будущих магистров часто базируется на личном опыте уже состоявшихся специалистов, что подтверждается многолетней работой в системе подготовки иностранных обучающихся в высшей школе.

Во многих Российских вузах обучение иностранных магистрантов начинается с подготовительного этапа овладения русским языком и заканчивается защитой диссертации на русском языке, т.е. обучение идет «от алфавита к научной дискуссии». Подчеркнём, что русский язык для магистрантов – это, прежде всего, инструмент, помогающий решать коммуникативные задачи в процессе овладения профессиональными компетенциями и развития общенаучных и общепрофессиональных компетенций. В результате освоения обучающиеся демонстрируют владение следующими компетенциями: умением обосновать актуальность исследования, теоретическую и практическую значимость методов и результатов исследования, правильно оформить структурные фрагменты диссертации и грамотно представить в виде связного текста (текста диссертации), а также презентации к защите диссертации. Формирование таких компетенций призвано обеспечить подготовку профессионала для работы в иностранных компаниях, включая аналитическую, консультационную, научно-исследовательскую и, конечно, практическую деятельность.

Сегодня нет ни одного преподавателя-практика и ни одного учёного-теоретика в области обучения иностранным языкам, которые не оперируют понятием «коммуникативная компетенция»: это базисная категория современной теории и практики преподавания иностранных языков, в нашем случае русского как иностранного. Определение данного феномена сформулировано во многих научных источниках, в том числе определены и его составляющие. Известным учёным в области отечественной лингводидактики М.Н. Вятютневым термин «коммуникативная компетенция» был введен

в научный обиход практически в то же время, что и в исследованиях зарубежных учёных-лингвистов. По мнению М.Н. Вятютнева, чтобы пользоваться языком как средством общения, необходимо знание социальных, ситуативных и контекстуальных правил, которых придерживаются носители языка. Почему, что, где, когда, как говорят люди, какое значение они придают отдельным словам и выражениям в зависимости от различных обстоятельств и т.д. регулируется коммуникативной компетенцией, определяемой нами как выбор и реализация программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения; умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у учеников до беседы, а также во время беседы в процессе взаимной адаптации. Нельзя научить коммуникации, общению в целом, но можно сформировать коммуникативную компетенцию, учтя индивидуальные особенности и потребности каждого ученика во владении изучаемым языком.

М.Н. Вятютнев выделяет два вида компетенций: языковую и коммуникативную. Под языковой компетенцией он понимает приобретенное интуитивное знание небольшого количества правил, которые лежат в основе построения глубинных структур языка, преобразуемых в процессе общения в разнообразные высказывания. Но при этом подчеркивает, что языковая компетенция – это лишь одно звено в процессе овладения языком. Коммуникативную компетенцию М.Н. Вятютнев предложил понимать, как выбор и реализацию программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения; умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у учеников до беседы, а также во время беседы в процессе взаимной адаптации и специально организованного обучения [Баженова, 2017, с. 55]. В настоящее время существует ещё одно определение – иноязычная коммуникативная компетенция, которая манифестируется как одна из важнейших составляющих профессиональной компетентности современного специалиста [Красильникова, 2009, с. 182]. С этим положением трудно не согласиться, так как в нашем случае именно русский язык для будущих специалистов из разных стран и разных направлений развития экономики, в том числе и отраслевых, является частью профессиональной компетентности не только во время учёбы, но и, возможно, в

дальнейшей профессиональной деятельности, учитывая интеграционные процессы современного мира.

Согласно документу «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка» коммуникативная языковая компетенция состоит из лингвистического, социолингвистического и прагматического компонентов, каждый из которых, в свою очередь, включает в себя знания, умения и навыки. Лингвистическая компетенция включает знание лексики, фонетики и грамматики и соответствующие навыки и умения, а также другие характеристики языка как системы, что постоянно подтверждается практикой обучения иностранных учащихся. Примечательно, что в документе выделяется понятие «индивидуальная коммуникативная компетенция» (ИКК). Этот компонент предполагает не только объем и качество знаний (например, знание смыслообразительной функции звуков, объем и точность словаря), но и их когнитивную организацию и способ хранения (например, ассоциативная сеть, в которую говорящий помещает определенную лексическую единицу). Так, в процессе обучения русскому языку учащихся из Китая это приобретает большое значение, учитывая, что китайский язык как язык аналитического строя и русский язык как язык синтетического строя отличаются друг от друга формально-структурными характеристиками, которые предопределяют типологически значимые различия в лексике, представляющие собой одну из главных причин отсутствия полной эквивалентности в лексической системе двух языков [Ли Сяндун, 2003, с. 30-34]. Именно поэтому когнитивная организация словаря, его хранение и доступность могут варьироваться и зависят от индивидуальных особенностей учащихся, а также от культурной среды, в которой человек вырос и обучался. У преподавателей-практиков найдется большое количество примеров, показывающих, эту зависимость у обучающихся, когда речь идет о выборе слова в научном тексте. Нередки случаи неверного выбора, обусловленные трудностями различения паронимов («эксплуатационный – эксплуатируемый», «согласно – согласованно» и т.п.), непониманием стилевой принадлежности или стилистической окрашенности слова («И задача геолог *заглянуть в будущее, найти правильную дорогу, движение по которой превратит неизведанные земли в реальные активы*» - цитата из магистерской диссертации), синонимии (замена слова «проблема» словом «вопрос» в таком

высказывании: «При фонтанном способе добычи возникает *вопрос* понижения пластового давления и уменьшения притока нефти к скважине») и т.п.

Выделенная в указанном выше документе прагматическая компетенция предполагает правильное использование языковых средств в определенных функциональных целях (реализация коммуникативных функций, порождение речевых актов) в соответствии со схемами взаимодействия. Именно в этот компонент и включается овладение дискурсом, а в образовательном процессе высшей школы научный дискурс занимает особое место.

Анализируя исследования последних лет, Е.В. Красильникова делает вывод, что несмотря на различные точки зрения по поводу структурных компонентов и их взаимодействия, многокомпонентность ИКК подтверждается. Все ученые сходятся во мнении о наличии в структуре ИКК таких ключевых составляющих, как языковая (лингвистическая), социокультурная, социолингвистическая, прагматическая, дискурсивная и стратегическая субкомпетенции [Красильникова, 2009, с. 182]. Меняются технологии, благодаря которым совершенствуются методы обучения, расширяются возможности сделать процесс обучения интереснее и эффективнее. Но остаётся несовпадение «картин мира», его отражение в языке, что проявляется и в лексике, и в грамматике, и в принципах категоризации. Известно, что сознание, мышление человека неразрывно связано с его родным языком. При овладении вторым языком тоже неизбежен процесс постижения объективной действительности, но иначе категоризованной, «отлитой в иные общественно осознанные национальные формы». Данные несовпадения – это то, с чем сталкивается преподаватель русского языка с самого начала обучения иностранных учащихся, которым в дальнейшем, учитывая цели изучения русского языка в вузах, начиная с подготовительного отделения и заканчивая магистратурой, а иногда и аспирантурой, предстоит «углубиться» в природу функционирования такого трудного для иностранцев языка. Эту непростую задачу преподаватели русского языка как иностранного решают в течение не одного десятилетия, решают успешно, так как постоянно ищут новые эффективные способы реализации целей обучения.

Понятия «научный дискурс», «научный текст», «научный стиль речи» давно и хорошо изучены (М.М. Бахтин, М.Н. Кожина, И.Р. Гальперин, В.Е. Чернявская, В.И. Карасик, Н.Д. Арутюнова, Г.В. Колшанский и др). Но изучение этих феноменов

продолжается в современной концептуальной действительности, что непосредственно касается процесса обучения в высшей школе в рамках компетентностного подхода ко всем этапам формирования «навыков и умений», манифестируемых в программах обучения.

Так, появилось понятие «эпистемическая ситуация» в качестве важнейшего экстралингвистического фактора научной речи, а следствием введения данного понятия в стилистику научной речи стало то, что традиционный функционально-стилистический подход к изучению научного текста вышел далеко за рамки собственно стилистики и по существу стал трансдисциплинарным [Баженова, 2017, с. 55]. Понятие «эпистема» у разных интерпретаторов обрела различные толкования, однако сохранился основной ее смысл, так захвативший воображение современников: «эпистема» соответствует константному характеру некоего специфического языкового мышления, всюду проникающей дискурсивности, которая, — и это самое важное, — неосознаваемым для человека образом существенно предопределяет нормы его деятельности, сам факт специфического понимания феноменов окружающего мира, оптику его зрения и восприятия действительности. В философии науки понятие «эпистема» иногда сближается с понятием парадигмы. Общий для обеих концепций акцент на непрерывность познания не должен затушевывать различий в их философских опорах и научных традициях. В любом случае, эпистема гораздо вместительнее парадигмы.

Е.А. Баженова отмечает новый, весьма важный в социальном отношении «разворот» трансдисциплинарного подхода к научному тексту, который представлен в монографии В.Е. Чернявской [Баженова, 2017, с. 55]. В.Е. Чернявская говорит о том, что, «если экстралингвистические факторы научной коммуникации (импакт-фактор журнала, индексируемость в ведущих базах данных, индексы цитирования и т.д.) носят социальный характер и неподвластны субъекту познавательной деятельности, то отбор языковых средств для представления научного результата, приёмы структурирования информации в тексте могут как способствовать, так и препятствовать вхождению нового в науку», а в нашем случае – в процессе языковой подготовки к написанию и защите диссертации – адекватному восприятию результатов проделанной работы, представляющих теоретическую и практическую ценность для национальной отрасли экономики страны, откуда прибыли иностранные обучающиеся. По мнению автора, лингвостилистические стратегии и средства имеют статус ключевых при выражении и продвижении научного

результата. Выдвижение научного результата рассматривается автором в широком контексте, как обусловленное действием разнородных факторов, с одной стороны, идущих от социальных характеристик науки, с другой, являющихся следствием не владения или владения правилами и стратегиями речевого оформления итогов работы. Нельзя не согласиться с В.Е. Чернявской в том, что коммуникация в науке XXI века стала в большей степени ориентированной на технику и технологию, а не на текст как генератор смыслов в герменевтическом гуманитарном понимании [Баженова, 2017, с. 145]. Следовательно, при создании научного текста, в нашем случае текста диссертации и на её основе презентации как формы представления результатов работы, обучение речевым технологиям, которые понимаются как совокупность специальных научно обоснованных и практически проверенных языковых и – шире – коммуникативных приемов, обеспечивающих адекватное и оптимальное языковое выражение процесса и результатов исследования, становится одной из приоритетных методических задач процесса обучения иностранных учащихся в магистратуре.

Важным фактором является и типовая целевая установка научного текста, поскольку именно характер коммуникативно-познавательной цели определяет структурно-смысловую основу произведения, общую форму построения речевого целого. В процессе создания научного текста закономерны модификации его формы, чаще всего компрессия. Известно, что компрессия текста – сложная речемыслительная деятельность, нацеленная на краткое изложение в устной или письменной форме прочитанного или прослушанного текста. В процессе сокращения происходит глубокое проникновение в смысл текста, отбор наиболее существенных фактов и идей, а затем их краткое изложение в перифразированном виде. В результате компрессии получается вторичный текст. Обучение компрессии текста предоставляет преподавателю возможности взаимосвязанного развития рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности [Константинова, Муравьева, 2017, с. 89]. К примеру, целевая установка предопределяет существенные различия в тексте диссертационного исследования и в тексте презентации на тему диссертации.

Важно в процессе обучения выделить конкретные языковые особенности текста диссертации и текста презентации, например, наличие / отсутствие элементов связности текста (вводных слов, союзов и т.п.), которые обязательны в тексте диссертации и при

устном комментарии к презентации, но «перегружают» текстовую часть презентации. На этапе развития репродуктивной речевой деятельности важно проводить анализ ошибок (лексических, грамматических, логических и др.), допущенных учащимися в процессе создания презентации и ее представления в аудитории, сопоставление фрагмента диссертации и представления информации, содержащейся в нем, в презентации. К примеру, нередки случаи, когда в слайд презентации включается целый абзац научного текста без какой-либо трансформации. В таком случае перед преподавателем стоит задача так построить вопросы / задания, чтобы «подвести» обучающегося к трансформации текста в соответствии с целевой установкой. И наоборот, задание, которое предлагает развернуть тезис из презентации и включить в него средства создания связности текста, способствует более глубокому пониманию языковых особенностей текстов разных типов.

Подчеркнем, что, работая с научным текстом в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции, мы ставим цель научить понимать, воспроизводить и создавать тексты. Известно, что в условиях реального общения рецептивные и продуктивные виды речевой деятельности выступают в тесном взаимодействии (например, говорение предполагает слушание и т.п.), в связи с чем на занятиях по русскому языку осуществляется взаимосвязанное обучение различным видам речевой деятельности с использованием системы заданий, направленных на формирование навыков вышеуказанных видов речевой деятельности. В основе заданий, направленных на развитие продуктивной речевой деятельности, лежит: а) использование изучаемого речевого образца в иной заданной ситуации, б) осуществление коммуникации при реализации внутренней интенции, в) составление собственной программы речевого поведения. Одним из видов заданий, направленных на эффективное развитие навыков продуктивной речевой деятельности, является создание презентаций (наряду с традиционными заданиями, обучающими тезированию, конспектированию, реферированию и т.п.).

Практика обучения иностранных магистрантов выявила ещё одну особенность современной научной коммуникации – ситуацию «языкового неравенства», как назвала данное явление В.Е. Чернявская: доминирование английского языка как средства международного научного общения приводит к тому, что сегодня необходимо владеть англо-саксонскими стандартами стиля, которые в значительной степени отличаются от

норм научного изложения на русском языке. [Баженова, 2011, с. 273]. Например, испаноговорящим магистрантам в качестве источника информации по специальности предлагаются статьи на английском языке, несмотря на то, что процесс обучения осуществляется на русском языке и изученный материал должен быть представлен в виде презентации также на русском языке (на сегодняшний день это представляется данностью). Принимая во внимание национальную специфичность научного изложения, понимаем, что перед обучающимися встает сложнейшая задача: воспринять текст на неродном (английском языке) с его спецификой научного изложения – осмыслить его, зачастую переведя на родной (испанский), произведя соответствующие трансформации при создании своего текста – создать текст на русском языке в соответствии со спецификой научного изложения на русском языке.

В понятие «коммуникация в науке» В.Е. Чернявская включает широкий спектр различных видов профессионального общения, воплощение знания в языковую форму и его представление научному сообществу. Для преподавателя РКИ в техническом вузе важно «очертить собственно лингвистическое проблемное поле, в рамках которого научно-познавательная деятельность предстанет как коммуникативно-речевая» [Баженова, 2011, с. 272].

Говоря о процессе обучения русскому языку в магистратуре, подчеркнем, что задача преподавателя усложняется: «каждый текст предполагает наличие у реципиента определённой текстуальной компетенции и общности контекста коммуникации», только тогда текст обретает реальность» [Халина, 2018, с. 130]. В данном контексте преподаватель-филолог становится «чуть-чуть специалистом» узкого технического профиля (в нашем случае буровиком, геологом, механиком и т.д.). В зависимости от «дискурсивной компетенции потребителя научного текста, его познавательной потребности меняется содержание представления о научном тексте: он может быть лёгким и трудным. Но любая характеристика текста соотносится с представлением у читателя о понятии «научный текст». Поэтому, по мнению Н.В. Халиной, общий подход к научному тексту базируется на синтезе трёх аспектов рассмотрения текста: когнитивного, дискурсивного и прагматического. Такой подход важен для преподавателя при отборе научных текстов в качестве учебного материала: они должны содержать не только полезную для обучающихся информацию, но и уже упомянутое «лингвистическое

проблемное поле», давать возможность правильно использовать средства языка в определенных функциональных целях, строить собственное высказывание как в форме связного текста, так и в форме презентации. Отсюда вытекают и виды учебных заданий, направленных на формирование ИКК, в частности, на овладение приемами компрессии текста, его структурирования, формулирования заголовка / подзаголовка и т.п. Именно синтез этих трех аспектов важен и для обучающегося в процессе его продуктивной речевой деятельности – в нашем случае, при создании текста научной статьи, диссертации и презентации к ней – и позволит избежать ошибок такого типа: заголовок «Проблемы в процессе эксплуатации», подзаголовок: «Пластовое давление продолжает уменьшаться». Реализация такого подхода к научному тексту, безусловно, может стать основой для совершенствования методики работы с научным текстом в процессе обучения РКИ.

Как показывает опыт, восприятие текста и создание текста как «собственного информационного продукта» разных жанров – диссертации и презентации к ней – реализует и когнитивный потенциал, и языковые навыки, и навыки публичного выступления, поэтому роль научного текста в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции иностранных магистрантов трудно переоценить.

Список литературы:

- Баженова Е.А.* Нормативное и девиантное в научной коммуникации. [Электронный ресурс] / Вестник Пермского университета, Российская и зарубежная филология. Вып. 4(16), 2011. – С. 272-274. Режим доступа: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33699184>
- Баженова Е.А., Котюрова М.П.* Научный текст в глобальном дискурсе XXI века [Электронный ресурс] / Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Т.9, вып.4, 2017. – С.143-147. Режим доступа: [doi.10.17072/2037-6681-2017-4-143-147](https://doi.org/10.17072/2037-6681-2017-4-143-147)
- Баженова Е.А.* Современные подходы к изучению научного текста [Электронный ресурс] / Вестник ТПУ (TSPU Bulletin). 2018. 2 (191). – С. 54-60. Режим доступа: DOI: 10/23951/1609-624X-2018-2-54-60.
- Вятютнев М.Н.* Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://journal.pushkin.institute/archive/archive/1977/77-06/>. 219 с.
- Константинова О.В., Муравьева А.А.* Теоретические аспекты обучения научному дискурсу иностранных магистрантов технических университетов. / III Международный научно-практический форум «Языки. Культуры. Перевод». 19–25 июня 2015 г. материалы: электронное издание. - М.: Издательство Московского университета, 2015. – С. 156-166.
- Константинова О.В., Муравьева А.А.* «От алфавита к научной дискуссии: обучение мигрантов языку специальности» Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры.» т. 10, направление 9 «Методика преподавания русского языка как иностранного, родного и неродного». Гранада. Испания, 13-20 сентября 2015г. – С. 538-543.

Константинова О.В., Муравьева А.А. Жанровые особенности учебно-образовательной презентации и ее роль в учебном процессе / VIII Международный крымский лингвистический конгресс "Язык и мир" Сборник научных докладов. Ответственные редакторы А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев. Симферополь, 2017. – С. 87-90.

Константинова О.В., Муравьева А.А. Дискурсивная составляющая иноязычной коммуникативной компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному. Материалы III Международной научной конференции. Гуманитарные Губкинские чтения. Ч. 2 М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2018. – С. 217-223.

Красильникова Е.В. Иноязычная коммуникативная компетенция в исследованиях отечественных и зарубежных учёных [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vestnik.yspu.org/releases/20091g/41.pd>.

Ли Сяндун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков. Вопросы филологии. - М., 2003 - № 2 (14). - С. 30-34.

«Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://dereksiz.org/obsheevropejskie-kompetencii-vladeniya-inostrannimyazikomtizu.html>, 11, 12.

Халина Н.В. Modern Scientific Text: научный текст как презентация научного поиска в современном обществе знания [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология 2018.Т.10 вып.2. с.127-132. Режим доступа: [doi.10.17072/2037-6681-2018-2-127-132](https://doi.org/10.17072/2037-6681-2018-2-127-132).

Конюхова Е.С.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Konyukhova Elena
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ «СЛОВАРЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕРМИНОВ» С ПЕРЕВОДОМ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

ON THE ISSUE OF CREATING A «DICTIONARY OF LITERARY TERMS» WITH TRANSLATION INTO CHINESE LANGUAGE

В статье говорится о необходимости создания словарей, позволяющих изучать терминологию осваиваемых предметов на китайском языке, чтобы помочь иностранным учащимся облегчить процесс адаптации к изучению новой лексики с целью совершенствования их профессиональных компетенций. При использовании словарей перед иностранными учащимися ставится задача не только изучить основные литературные термины и понятия, но и активизировать навыки самостоятельной работы, чтобы в дальнейшем применять изученные термины и понятия в практической деятельности.

The article talks about the necessary of the creation dictionaries, which allows to investigate the terminology using in the Chinese language to help foreign students to facilitate the process of adaptation to the study of new vocabulary with the aim of improving their professional competencies. When using dictionaries, foreign students are given the task not only to study the basic literary terms and concepts, but also to activate the skills of independent work in order to further apply the studied terms and concepts in practice.

Ключевые слова: словарь, русская литература, термины и понятия с переводом на китайский язык, межкультурная коммуникация.

Keywords: dictionary, Russian literature, terms and concepts with translation into Chinese, intercultural communication.

В современных реалиях изучение китайского языка приобретает первостепенную значимость в рамках межкультурной коммуникации, в контексте реализации тесных экономических и международных связей. Китайский язык является официальным языком КНР, Тайваня и Сингапура. Во всём мире на нём говорят более 1,3 млрд человек. Это один из самых распространенных языков мира, который входит в шестёрку официальных языков ООН. Интересен тот факт, что иероглифический словарь «Синьхуа цзыдянь» установил два рекорда в Книге рекордов Гиннесса - стал самым популярным словарем и самой продаваемой книгой в мире. Словарь выходит в издательстве «The Commercial Press» с 1953 года. На данный момент продано 567 миллионов экземпляров. «То, что эта

книга вошла в Книгу рекордов Гиннеса ... показывает растущий потенциал влияния китайского языка», – считает президент Китайской издательской группы «The Commercial Press».

Китайский язык изучается в российских школах, институтах, университетах. В КНР, в свою очередь, учащиеся стремятся освоить русский язык. Словари, безусловно, помогают облегчить процесс перевода как с русского языка на китайский язык, так и обратно. В настоящее время существует огромное количество Интернет-ресурсов, способных помочь в этом нелёгком труде. Например, китайские онлайн словари BRKS.info, Zhonga.ru, имеющие большую базу слов, быстрый поиск, озвучивание иероглифов, или китайские толковые онлайн-словари, которые используют принцип интерпретации китайских слов на китайском, что очень полезно при усиленном изучении языка. Существуют также словари идиом, пословиц, устоявшихся выражений, которые пополняются пользователями - например, Байду.Словарь или Китайская Википедия.

В настоящее время назрела необходимость в появлении словарей, имеющих профильную направленность, позволяющих изучать терминологию осваиваемых предметов. Так, в Хабаровске в Тихоокеанском государственном университете в 2010 году был разработан «Русско-китайский словарь общенаучной лексики» [Нестерова, Донских, Юсупова, Лю Янь, 2010, с. 2], являющийся приложением к основным учебным пособиям по экономике, географии, истории России, математике, информатике для китайских студентов подготовительного отделения экономических и гуманитарных специальностей. Издание содержит около 2 500 слов и словосочетаний, отражающих основные понятия изучаемых курсов, с переводом на китайский язык. Словарь имеет следующие тематические разделы: «География», «Экономика», «История России», «Математика», «Информатика». Авторы словаря не случайно выбрали именно данные дисциплины. Их выбор определён учебными программами и учебными пособиями, на которые нацелено формирование необходимых компетенций учащихся. Лексический материал представлен в традиционном алфавитном порядке. Раздел «История России», например, включает в себя такие наиболее важные понятия, как Древняя Русь, Древнерусское государство, восточные славяне в древности, богослужение и т.д. К большому сожалению в словаре отсутствует раздел, связанный с понятиями русская литература, культура, литературные термины и словосочетания.

Общеизвестно, что китайская литература насчитывает около трёх тысячелетий. Популярная литература (лирическая поэзия, драма и проза), призванная скорее развлекать, чем поучать, вплоть до 20 в. не имела статуса «серьезного» искусства. Когда в 1772 император Цзянь Лун постановил составить списки всех литературных произведений, представляющих художественную ценность (в них были включены 10 254 произведения, 3461 из которых было воспроизведено), последние были поделены на четыре категории: 1) классические тексты (цин) и комментарии к ним; 2) исторические предания; 3) философские трактаты; 4) беллетристика. Эта систематизация нашла свое отражение в концепции, обоснованной в первом основополагающем труде по литературной критике, Вэньсинь Цзяолун, написанном Лю Сэ в 5 в. до н.э. В данном трактате литература рассматривается как основной элемент конфуцианства, а ценность произведения определяется по его близости современной эпохе и приверженности мудрости древних.

Поэзия всегда играла важную роль в китайской культуре. В Китае во все времена процветала народная песня, а китайская драма по сути является поэтическим видом искусства. Начиная с 7 в. н.э. сочинение поэтического текста включается в программу государственных экзаменов. С незапамятных времен цитирование поэзии имеет важное значение в дипломатии и официальной жизни; сочинение и декламация стихов являются излюбленным видом досуга. Китайская поэзия по преимуществу остается лирической. Когда ее целью не является формальное мастерство, она предназначена для какого-либо специального случая - расставания, подарка, либо увековечивает какой-либо драгоценный момент бытия. Подобно китайской живописи, она создается «легкими прикосновениями». Наиболее почитаемой является форма стихотворной миниатюры «цюэцзю» - «усеченного» стихотворения из четырех строк. В Книге песен есть песни, посвященные любви и войне, сельскому труду и праздникам. [Энциклопедия Кольера [Электронный ресурс] / USA, 1952. – Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/colier.html>].

Русская поэзия и проза очень интересуют китайских учащихся, однако процесс восприятия новых литературных терминов и понятий является сложным, поэтому необходимы словари, которые позволят облегчить знакомство с этой дисциплиной. «Словарь литературных терминов» [Конюхова, Юй Сяо Словарь литературных терминов [Электронный ресурс] / сост. Е.С. Конюхова. - 2018. — Режим доступа: https://e.lanbook.com/book/110562#book_name] возник в результате сотрудничества с

китайскими студентами, изучающими предмет «Русская литература X-XX вв.». Книга отражает назревшую необходимость в появлении учебных материалов, позволяющих облегчить адаптацию иностранных учащихся к изучению литературоведческих дисциплин. Данный словарь предназначен иностранным учащимся образовательных вузов гуманитарного профиля, осваивающим уровень владения русским языком (B1-B2), но также может быть использован и в полиэтнических классах средних и средне-специальных учебных заведений. «Уровень компетентности будущего специалиста зависит от заложенной языковой и культурологической базы» [Есакова, Литвинова, 2011, с. 279]. В данном словаре особое внимание уделено этому аспекту в том числе. Словарь предоставляет возможность учащимся не только изучить основные литературоведческие термины и их толкование, но и познакомиться с основными литературными направлениями, течениями, школами в русской литературе. В данном учебном словаре, в качестве примеров, используются отрывки из произведений русских поэтов и писателей, что позволяет проиллюстрировать употребление литературоведческих терминов в определённом контексте, а также предоставляет возможность иностранным учащимся оценить достижения русской культуры. Основные литературоведческие понятия переведены на китайский язык носителями языка. Одной из основных целей и задач, поставленных при написании книги, была лексическая доступность содержания словарных статей. В словаре имеется чёткая методическая структура, отражающая его практическую направленность. Учебный словарь имеет два раздела: основной (термины и их толкование) и приложение, в котором предлагаются наиболее устойчивые и часто используемые словосочетания с переводом на китайский язык, что помогает иностранным слушателям в работе над дисциплиной. Основным критерием включения слова в словарь являлась его употребительность в учебниках, учебных пособиях по дисциплине, практическая необходимость того или иного слова и термина. Все слова и словосочетания расположены в алфавитном порядке, что позволяет быстро найти нужный термин или понятие. Во всех русских словах проставлено ударение. Объём словаря не превышает 50 страниц. Издание содержит около 300 слов и словосочетаний. В качестве примера приведём несколько статей из данного словаря на букву «Л»:

Л

Легенда 传说(от лат. *Legenda* — то, что должно быть прочитанным)

Легенда, -ы, *женский род*

Художественное произведение, фантастическая сказка, в основе которой лежит историческое событие.

Лéтопись 编年史 (описание важных исторических событий в течение каждого года)

Летопись, -и, *женский род*

Жанр древнерусской литературы. В произведении автор-летописец описывает не только исторические события, в которых он принимал участие, но и рассказывает о людях, с которыми он встречался, слушал их и записал народные сказания и рассказы.

прилагательное летописный, -ая, -ое.

ЛЕФ 左翼文艺阵线 (Лéвый фрóнт искúств)

Литературная группа в России (1922-1929 гг.), ЛЕФ – это новый этап в развитии футуризма в России. Главные представители группы (лефовцы) – В. Маяковский, Н. Асеев, В. Каменский, О. Брик, Б. Пастернак и др. Лефовцы создавали новое искусство – «искусство-жизнестроение». Они считали, что сама жизнь должна стать искусством. Лефовцы использовали следующие слова: не «творить», а «делать» (*Как делать стихи* – название известной статьи Маяковского), не «создавать», а «обрабатывать слова», не «поэт» или «художник», а «мастер». Их искусству был неинтересен психологизм. «Человек для нас ценен не тем, что он переживает, а тем, что он делает», – писал Брик. Героями литературного произведения должны были стать реальные люди, а не созданные автором образы. Леф считал, что такие жанры, как роман, повесть, рассказ, устарели и не могут быть использованы при строительстве новой социалистической культуры. Их должны заменить очерк, газетный фельетон, «человеческий документ».

Лíрика 抒情类作品 (от греч. *Lyra* — древнегреческий музыкальный инструмент, под звуки которого исполнялись песни-стихотворения)

Лирика, -и, *женский род*

Один из трёх основных родов литературы: эпос, лирика, драма. Лирика отражает внутренний мир - переживания человека, его мысли и чувства. Описания внутреннего мира человека помогают нам представить себе человека и обстоятельства его жизни.

прилагательное лирический, -ая, -ое.

Лири́ческая прóза 抒情散文

Прозаические произведения, на которые большое влияние оказала лирика. Большую роль в этих произведениях играет автор, рассказчик, его эмоции, чувства, мысли и переживания. Например: «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева, «Антоновские яблоки» И.А. Бунина.

Лирический герой, лирическое «я» 抒情主人公

Двойник автора-поэта, «не только субъект, но и объект произведения».

Прототипом лирического героя является сам поэт. Образ поэта (его лирическое «Я»), его переживания, мысли и чувства отражены в лирическом произведении. Лирический герой – это не автобиографический образ, хотя и передаёт духовный мир автора.

Лирическое отступление 抒情插叙

Отступление автора от сюжетного повествования; авторское рассуждение, размышление, высказывание. Например: лирические отступления в романе «Евгений Онегин» А.С.Пушкина и «Мёртвые души» Н.В.Гоголя.

Лирико-эпический жанр 抒情叙事性体裁

Разновидность художественного произведения, в котором соединяются вместе лирика и эпос; повествование о событиях, поступках и переживаниях героев, которое написано стихами. К лирико-эпическому жанру относятся роман в стихах, поэма, баллада.

Литература 文学 (лат. Lit(t)eratura, — написанное, от Lit(t)era — буква)

Литература, -ы, женский род

Литература – это чаще всего художественная литература, то есть литература как вид искусства. Но в широком смысле литература – это произведения письменности, которые имеют общественное значение. Основные виды литератур: публицистическая, научная (историческая, географическая и др.), критическая, техническая и т.д.

прилагательное литературный, -ая, -ое.

Литература художественная 艺术文学

Один из основных видов искусства, искусство слова. Это произведения художественной письменности. В отличие от не имеющих автора произведений фольклора, художественные произведения всегда имеют автора.

Литературный герой 文学主人公

Это персонаж, действующее лицо литературного произведения. Герой может иметь положительные и отрицательные черты характера.

Литературный процесс 文学过程

Развитие, движение литературы в разные эпохи, в течение большого исторического времени.

Литературоведение 文艺学

Наука, которая изучает художественную литературу. Литературоведение состоит из нескольких частей: теория литературы, история литературы, некоторые учёные считают фольклористику также частью литературоведения.

Литота 贬小词, 极言其小(греч. Litotes – простота)

Художественный приём, используется для преуменьшения признака предмета. Например: мужичок с ноготок, мальчик-с-пальчик;

Тише воды, ниже травы (фразеологизм, имеет значение: скромный, робкий).

Некоторые словарные статьи – «Легенда», «Летопись» не вызывают у иностранных учащихся сложностей, они знакомы с китайскими легендами и историческими хрониками, другие – «ЛЕФ», «Литота» и т.д. преподаватель может использовать при объяснении учебного материала, презентации текстов. Они помогут в работе над определённой темой учебного пособия, которая может вызвать затруднения.

В тематическом словаре на популярном интернет-сайте можно найти ограниченный список слов, посвящённый разделу «Литература». Например: книга, литература, писатель, подпись, страница, оглавление, беллетристика, повесть, рассказ, роман, стихотворение, произведение, басня, притча, поэт, главное действующее лицо, герой, новелла, поэзия, баллада, эпос. [Китайский язык онлайн [Электронный ресурс] / 2007. – Режим доступа: <http://studychinese.ru/>]. В «Словаре литературных терминов» предлагается толкование каждого литературоведческого термина или понятия с переводом на китайский язык, пояснения даны в краткой, лаконичной форме, что позволяет учащимся самостоятельно ознакомиться со словарной статьёй, проанализировать примеры, овладеть новыми словарными единицами изучаемой темы. Особое внимание уделено фразеологизмам в русском языке. Например: Тише воды, ниже травы (фразеологизм, имеет значение: скромный, робкий) и т.д. Имена существительные обычно даются в единственном числе и с указанием рода. Ещё одной особенностью

словаря является наличие приложения. В приложении предлагаются наиболее частотные фразы, используемые в текстах:

Действовать 实现行为

Совершать поступки (о человеке). Персонаж может совершать какие-либо поступки в произведении, действовать.

Характер героя 主人公的性格

Оказáть – оказывать влияние, влиять *на кого? на что?* 对谁 / 什么发生影响; 影响 на поэта

Произвести впечатлѐние *на кого?* 给谁留下印象 на писателя

Интересовáться *чем?* 对什么感兴趣 фольклором, историей

Критиковáть *кого?* 评论谁 автора; критиковать *что?* 批评什么 пороки

Изображáть *кого?* 扮演; 描写, 描述谁 героя *что?* 描绘什么 события

Быть знакомым *с кем?* 与谁相熟 с известными писателями, *с чем?* 了解什么 с творчеством писателя и т.д.

Такое приложение, на наш взгляд, может помочь учащемуся при написании сочинений, эссе, рефератов и др. творческих работ. При использовании данного учебного словаря перед иностранными учащимися ставится задача изучить основные литературные термины и понятия, чтобы в дальнейшем применять их на практике. Словарь поможет им в работе над изучаемой дисциплиной, совершенствуя их профессиональные компетенции.

Список литературы:

- Есакова М.Н., Литвинова Г.М. Особенности преподавания русского языка в русскоязычной аудитории (к проблеме подготовки переводчиков) // «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка и в переводе», М., изд-во МГУ, 2011.
- Китайский язык онлайн [Электронный ресурс] / 2007. – Режим доступа: <http://studychinese.ru/>].
- Русско-китайский словарь общенаучной лексики / сост. С. С. Нестерова, Н. В. Донских, А. Х. Юсупова, Лю Янь. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2010.
- Словарь литературных терминов [Электронный ресурс] / сост. Е.С. Конюхова, Юй Сяо. - 2018. — Режим доступа: https://e.lanbook.com/book/110562#book_name].
- Энциклопедия Кольера [Электронный ресурс] / USA, 1952. – Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/colier.html>].

Кульгавчук М.В.
Высшая школа перевода
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kulgavchuk Marina
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

МОСКОВСКОЕ МЕТРО НА УРОКАХ РКИ

MOSCOW METRO AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

В статье представлен взгляд на обучение русскому языку как иностранному, основанный на использовании привычных реалий жизни, которые не всегда воспринимаются как возможная часть процесса обучения. В качестве таких реалий предлагается использовать станции московского метрополитена, связанные с именами русских писателей, приводятся примеры текстов, рассказывающих об истории создания и архитектуре станций «Пушкинская», «Маяковская», «Достоевская». Данные тексты содержат разнообразный лексико-грамматический и историко-культурный материал, что даёт возможность сделать урок русского как иностранного интересным, реализовать творческий потенциал студентов. В статье даются примеры упражнений, способствующих развитию различных навыков речевой деятельности: аудирования, чтения, говорения. Особое внимание уделяется заданиям, которые могут способствовать развитию навыков ведения дискуссии. Использование подобных материалов расширяет представления студентов о русской культуре и способствуют их адаптации к жизни в мегаполисе.

The article deals with the approach to teaching Russian as a foreign language, based on habitual realities that are not always considered as a possible part of learning process. We propose to use Moscow metro stations, named after Russian writers as such realities. Examples of texts, dealing with history and architecture of the stations Dostoyevskaya, Pushkinskaya, Mayakovskaya are given.

These texts contain variable grammar, vocabulary, cultural and historical material, and allow to make classes interesting, to realize creative potential of students.

The article gives examples aimed to improve skills of speaking, listening, reading. We pay special attention to improving skills of discussion. Use of such materials enlarges knowledge of Russian culture among students and contributes to their adaptation to the life in the city.

Ключевые слова: московское метро на уроке РКИ, русский язык как иностранный, обучение аудированию, ведение дискуссии

Keywords: Moscow Metro at the lessons of Russian as a foreign language, Russian as a foreign language, training listening skills, discussion skills

Обучение русскому языку как иностранному сегодня предполагает множество подходов, как базирующихся на достижениях методики прошлых лет, так и предполагающих совершенно новый взгляд на то, каким может быть урок РКИ. Сторонники традиционного подхода к обучению, при котором главенствующая роль принадлежит преподавателю, отнюдь не возражают против использования современных технологий, создания концептуально новых учебников и учебных пособий. При этом

новизна подхода может совсем необязательно проявляться в создании новых учебников, кардинальном изменении методических принципов. Порой новый взгляд на преподавание может быть основан на использовании привычных реалий жизни, которые не всегда воспринимаются как возможная часть процесса обучения.

В данной статье такими реалиями, позволяющими по-новому взглянуть на процесс преподавания русского языка как иностранного, становятся станции московского метрополитена, названия которых дают возможность объединить их по принципу «тематической близости», так как они связаны с именами русских писателей. Тексты, в которых рассказывается об истории создания этих станций, их архитектуре, задания, как традиционные, так и построенные в форме квестов, разнообразный лексико-грамматический и историко-культурный материал – всё это даёт возможность сделать урок РКИ интересным, реализовать творческий потенциал студентов. Далее будут представлены возможные варианты работы с данным материалом, предполагающие различный уровень владения обучаемых русским языком и направленные на углубление их представлений о русской культуре.

Собственно «литературных» станций в Москве не так уж мало, среди них есть те, которые появились довольно давно, в первые десятилетия создания метро, и построенные в последние годы: «Маяковская», «Пушкинская», «Тверская» (до 1990 года – «Горьковская»), «Тургеневская», «Красные ворота» (до 1992 года – «Лермонтовская»), «Чеховская», «Достоевская», «Фонвизинская», «Бунинская аллея», «Лермонтовский проспект». Разумеется, иностранные студенты, не так давно проживающие в Москве, могут не знать названия большинства этих станций и не связывать их с миром русской литературы. Для преподавателя же само их существование на карте Москвы дает возможность использовать данную информацию при подготовке текстовых материалов, которые могут быть полезны при обучении разным видам речевой деятельности. Цели использования данных материалов могут быть сформулированы следующим образом:

- расширение представлений о русской культуре (истории русской литературы);
- адаптация студентов, недавно приехавших в Москву, к непростым условиям жизни в мегаполисе, к московскому подземному транспорту;
- развитие навыков аудирования, говорения, чтения, при необходимости преподаватель может использовать текстовые материалы для обучения письму;

- отработка грамматических тем, которые, как правило, вызывают трудности в процессе изучения русского языка иностранцами: выражение пространственных отношений, употребление глаголов движения, числительных;

- расширение лексического запаса: тексты, связанные с метро, дают возможность познакомить студентов со специальной лексикой из самых разных областей (строительство, транспорт), что особенно важно при обучении будущих переводчиков;

- развитие навыков ведения дискуссии (это становится возможным, в ходе обсуждения «проблемных» вопросов, связанных с историей московского метро). Обратимся к конкретным примерам того, как можно реализовать цели, о которых сказано выше.

Прежде всего, студентам может быть предложено самостоятельно выполнить ряд заданий, ответить на вопросы, используя интернет и схему московского метро:

Какие станции метро в Москве имеют «литературное» происхождение? В каких частях Москвы они находятся? (Здесь появляется возможность использовать такие слова, как центр, север, юго-восток и т.д.). Для студентов-филологов будут полезны вопросы, связанные с периодами развития русской литературы: Какие станции метро заставляют нас вспомнить о русской литературе XIX века? Есть ли на схеме станции, названия которых напоминают нам о русской литературе XX века? Найдите на схеме название станции, которая напоминает нам о литературе XVIII века? На каком участке московского метро встретились два писателя (и стоит памятник третьему)? Были ли вы на этих станциях метро? Что еще, кроме названий, говорит нам о том, что эти станции связаны с русской литературой?

Полезным видом работы с данным материалом является аудирование. В данном случае разумно использовать тексты, которые будут невелики по размеру и направлены на усвоение небольшого объема материала. Например, студентам предлагается прослушать следующий текст и записать всю информацию, которая выражена в цифрах, разумно предъявлять этот текст дважды.

Станция метро «Пушкинская»

Эта станция метро получила своё название не случайно: если подняться и выйти в город, вы увидите площадь, на которой находится памятник Александру Сергеевичу Пушкину. Да и сама станция украшена картинами (чеканкой) с изображением мест,

которые связаны с именем поэта. Всего их восемь. На этих картинах изображены Москва, Санкт-Петербург, Михайловское, Царскосельский лицей, в котором учился Пушкин, а также его могила в Святогорском монастыре. На каждой из восьми картин есть строки из произведений поэта.

«Пушкинская» – одна из самых глубоких станций метро, её глубина – 51 метр. Первые поезда отправляются отсюда в 5 часов 35 минут, а последние – в час ночи. «Пушкинская» является одной из наиболее сильно загруженных станций метро: каждый день через нее проходит около 400 000 человек. С этой станции можно сделать пересадку ещё на две («Чеховскую» и «Тверскую»). Кстати, последняя до 1991 года тоже была «литературной» - она называлась «Горьковской» в честь русского писателя Максима Горького.

После второго прочтения студентам можно предложить не только вопросы, связанные с прозвучавшими цифрами, но и вопросы, которые помогут оценить степень понимания информации. Приведём примеры:

Какой памятник находится рядом с метро «Пушкинская»?

О каких местах, связанных с именем поэта, рассказывают картины, которые украшают станцию? Сколько всего этих картин?

Какова глубина станции «Пушкинская»?

Когда от станции отходит первый поезд? А последний?

Сколько пассажиров проходит через станцию «Пушкинская» каждый день?

На какие станции можно сделать пересадку с «Пушкинской»?

Разумеется, работу с данным материалом можно продолжить, разнообразив её фактами биографии А.С. Пушкина и полезной информацией о тех местах, которые можно посетить, выйдя из данной станции метро. При использовании подобных материалов с целью развития навыков чтения разумно предлагать студентам тексты, в которых будет большее количество фактического материала, более сложные по своему лексическому наполнению. Меняется и характер заданий, которые проверяют уровень владения студентами навыками поискового и изучающего чтения.

Станция метро Маяковская

Эту станцию не случайно называют одной из самых красивых и необычных в московском метро. Создавая её, архитектор Алексей Душкин слушал музыку Прокофьева

и читал стихи Маяковского. Отношение к эпохе 30-х годов и к советскому искусству отразилось в том, как оформлена эта станция. Здесь всё необычно: колонны, украшенные нержавеющей сталью, стены из красного, серого и чёрного мрамора и других камней, мозаичные панно на потолке. Эти удивительные панно создал знаменитый советский художник Александр Дейнека. Они очень точно отражают самые яркие черты советской истории. Основная тема панно – «Утро страны Советов». Парашютисты и самолёты показывают военную мощь государства, которое через несколько лет победило в войне против фашистской Германии. Ещё одна тема панно – спорт. На картинах изображены красивые, сильные люди – лыжники, волейболисты, пловцы. И на многих панно мы видим яркое голубое небо, которое заставляет забыть, что мы находимся под землёй. Уже через год после открытия станции в 1838 году проект станции получил Гран-при на всемирной выставке в Нью-Йорке.

В годы Великой Отечественной войны станция служила бомбоубежищем, а 6 сентября 1941 г. здесь на заседании Московского съезда депутатов, которое передавали по радио, выступил Сталин. Это было важным событием, именно в это время немецкая армия приблизилась к Москве, и ситуация была опасной.

Несмотря на то что станция «Маяковская» получила своё название в 1938 году, только после войны, в конце 50-х годов на ней появился бюст Маяковского. И, конечно, связь этого места с великим поэтом XX века подчёркивает памятник Владимиру Маяковскому, который был установлен в 1958 году на Триумфальной площади. Если вы оказались рядом с памятником, посмотрите на него внимательно. Маяковский изображён в элегантном костюме, он стоит в позе человека, который готов прочитать стихи. В руке у него блокнот для записей. После открытия памятника на площади стали собираться поэты и любители поэзии. Они читали здесь свои стихи и стихи Маяковского.

Вначале студентам предлагается быстро прочитать текст и найти в ответ на вопрос: *Какие детали на станции метро «Маяковская» указывают на связь этого места с личностью великого поэта?* Далее студентам предлагается прочитать текст ещё раз и ответить на следующие вопросы:

Как архитектор Душкин работал над проектом станции метро Маяковская? Что он делал для того, чтобы передать характер эпохи?

Как оформлена эта станция?

Что показывают панно, которые украшают станцию? Какова основная тема панно? Кто был их автором?

Как оценили работу создателей проекта станции метро «Маяковская»? Как использовали станцию во время Великой Отечественной войны?

Какое событие произошло на станции в сентябре 1941 года? Можно ли назвать его важным?

В каком году на станции появился бюст Маяковского?

Как выглядит памятник Маяковскому? Какую роль сыграло это место в культурной жизни Москвы?

Еще одним вариантом работы с текстом, тематика которого связана со станциями московского метро, может быть чтение текста и обсуждение проблем, которые затронуты в нем, что способствует развитию навыков не только чтения, но и говорения. Достаточно интересна в этом смысле история создания станции метро «Достоевская», открытие которой повлекло за собой весьма противоречивые оценки. Станция была открыта в 2010 году, ещё до её официального открытия в интернете появились фотографии, которые стали причиной скандала. Разместивший снимки блогер показал, каким должно стать оформление станции, в результате московская общественность разделилась на две группы. Одни отстаивали право художника на свободу самовыражения и трактовки образов, другие же утверждали, что подобное оформление станции может стать причиной нервного потрясения пассажиров и приведёт к увеличению числа самоубийств. Нам представляется, что адаптированный (в зависимости от уровня подготовленности студентов) текст может стать интересным материалом, который может быть полезен в процессе обучения русскому языку как иностранному. Статья «Раскольников в метро убил старушку» (опубликованная в газете «Известия»), несмотря на явное стремление автора привлечь внимание читателей к зарождавшемуся в тот момент конфликту, дает возможность осмыслить проблемы, которые явно выходят за пределы традиционно обсуждаемых со студентами и потому могут быть интересны. Текст содержит в себе информацию о начале скандала в интернете и фрагмент интервью с художником Иваном

Николаевым, автором мозаичных панно. До начала работы над текстом разумно задать студентам вопросы, которые помогут оценить степень их знакомства с русской литературой, в частности с творчеством Ф.М. Достоевского: *Знаете ли вы этого писателя? Можете ли вы назвать его произведения? Какие проблемы волновали писателя? Что вы можете сказать о сюжете произведения «Преступление и наказание»? Помните ли вы фамилию героя? Почему Раскольников совершил убийство?*

Перед началом работы студентам полезно показать фотографии панно, украшающих станцию «Достоевская». Статья предьявляется студентам без названия, после прочтения они должны предложить свой вариант названия.

До начала работы с текстом предлагается выполнить предтекстовые упражнения.

1. *Дайте объяснение словам и выражениям, которые встретятся в тексте:*

монументальная (живопись)

избегать острых вопросов

ключевые произведения

подтолкнуть

центральный

украшательство

угнетать – угнетающий

зрелый

2. *Объясните, как вы понимаете сложные слова (какие корни в них можно выделить):*

нравоучительный (момент)

второстепенная (фигура)

разновременные (события)

мировоззрение

прямолинейно

самоубийство

3. *Знакомы ли вам эти интернациональные слова? Объясните их значение:*

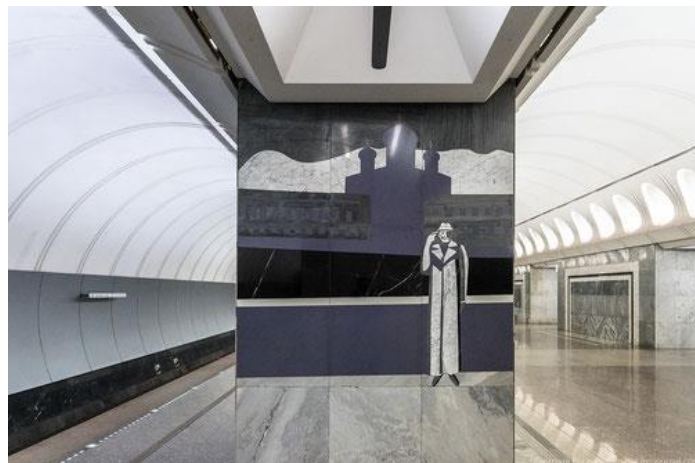
Мозаика, криминал, композиция, панно, детективный, демонтаж, фигура, трагический

Далее студентам предлагается прочитать текст, созданный по материалам газеты «Известия», ответить на вопросы и выполнить задания.

Корреспондент газеты "Известия" встретился с автором скандальных мозаик художником Иваном Николаевым.

Корреспондент: Как вы относитесь к заявлениям о мрачности станции "Достоевская"?

Иван Николаев: Станция сдержанная, строгая, серьезная, но мрачности в ней нет. Я не считаю, что монументальная живопись является лишь способом украшения. В ней неизбежно должен существовать нравоучительный момент.

Я не собирался делать из Федора Михайловича писателя, который избегал острых вопросов. И не вижу криминала в том, что в общественном помещении, каким является метро, я честно и ясно попытался изложить ключевые и самые зрелые его произведения - "Бесы", "Идиот", "Преступление и наказание", "Братья Карамазовы".

Корреспондент: Может, стоило изобразить их не так прямолинейно?

Николаев: У меня не было цели изобразить смертельные случаи. Каждое панно состоит из нескольких композиций. Как и в иконах, одновременные события располагаются на одной площади. Есть центральные фигуры, есть второстепенные.

Я пытался передать Достоевского как человека, писателя, философа. В этом нет ничего угнетающего.

Корреспондент: Но сцены смерти тем не менее есть.

Николаев: А что вы хотели? Чтобы там пляски изображались? У Достоевского их нет. Искусство - это не увеселение, а художники - не клоуны на арене цирка. Если братья за тему Достоевского, то нужно хотя бы приблизительно соответствовать

глубине его мировоззрения и его творчества. В противном случае будет ложь. Я не знаю, многие ли из тех, кто предъявляет претензии по поводу мрачности, читали Достоевского. И что поняли, кроме детективных историй?! Я не понимаю, почему сюжеты писателя могут подтолкнуть кого-то к самоубийству. Это просто бред.

Корреспондент: Как вы относитесь к слухам о возможном демонтаже панно?

Николаев: Уничтожение художественного произведения - это преступление и невежество. Люди, до которых я хотел донести трагическое и серьезное содержание Достоевского, рассматривают мою работу исключительно с точки зрения украшения. На мой взгляд, вещей, напоминающих воздушные шары, вокруг нас и так достаточно. Для душевного состояния пассажиров серьезное переживание будет полезно. Я хотел рассказать о наших внутренних проблемах. Если не изображать их, то я вообще не понимаю, зачем нужно искусство. Прикажете рисовать цветочки? Или вообще ничего не рисовать?!

Корреспондент: А если вас попросят поправить панно?

Николаев: Это все равно что попросить Репина пририсовать улыбки на картину "Иван Грозный убивает своего сына".

Корреспондент: Возможно ли было обойти тему убийств при оформлении станции?

Николаев: Это надо спросить у Достоевского, а не у меня.

Вопросы и задания к тексту.

1. Что говорил художник Иван Николаев о своей работе?
2. Какова была цель художника?
3. Согласен ли художник с тем, что сюжеты произведений Достоевского могут подтолкнуть людей к самоубийству?
4. Что думает художник Иван Николаев о возможном уничтожении его панно?
5. Возможно ли было обойти тему убийств при оформлении станции метро «Достоевская»?
6. А что думаете об этом вы? Должны ли картины, украшающие станции метро, заставлять людей думать о серьёзных философских проблемах? Докажите свою точку зрения. Есть ли темы, которых стоит избегать при оформлении общественных зданий?

7. *«На мой взгляд, вещей, напоминающих воздушные шарик, вокруг нас и так достаточно. Для душевного состояния пассажиров серьезное переживание будет полезно». Согласны ли вы с этими словами художника? Нужны ли нам сегодня переживания, полезно это или вредно?*

После прочтения текста студентам предлагается ответить на данные вопросы. Предполагается, что некоторые из них (в частности, 6 и 7) дают возможность преподавателю инициировать дискуссию, в ходе которой обсуждаются морально-этические проблемы, вопросы, связанные со свободой самовыражения художника, отношением общества к поискам творческой личности.

Разумеется, представленные в данной статье варианты работы с текстами о станциях метро исчерпывают далеко не все возможности. Много зависит от уровня группы, профессиональной направленности студентов, широты их представлений об истории и культуре России и, конечно, от желания преподавателя сделать урок интересным.

Список литературы:

Зверев В. Метро московское. М.: Алгоритм, 2008. 272 с.

Морозов Н. Раскольников в метро убил старушку//Известия, 13.05.2010

Наумов М. С., Кусый И. А. Московское метро. Путеводитель. М.: Вокруг света, 2006. 360 с.

Κουμουρτζι Ο.Β.
Гимназия №5 г.Катерини, Гимназия н.п. Кондариотисса
языковая школа «Κундура»
г. Катерини (Греция)

Koumourzi Olga
Gymnasium №5 Katerini, Gymnasium n.p. Condariotissa
language school "Kundur"
Katerini (Greece)

ФОРМИРОВАНИЕ У ГРЕКОЯЗЫЧНЫХ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ ОСНОВ КУЛЬТУРЫ ПРОИЗНОШЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

RUSSIAN ORTHOEPY BASES ACQUISITION BY GREEK-SPEAKING PUPILS AND STUDENTS

Актуальность темы настоящего доклада обусловлена потребностью грекоязычных учащихся в изучении русского языка как средства общения в их будущей профессиональной деятельности. Условием для реализации вышеуказанной потребности, является формирование обучения с целью реализации знаний, основанных на решении коммуникативных задач, с которыми обучающиеся столкнутся в будущем. Правильное произношение слов и готовность к общению позволяют осуществить успешное речевое взаимодействие с носителями языка. В докладе рассматриваются основные проблемы обучения произношению в греческой аудитории и подготовленность иностранных учащихся воспринимать русский язык и фонетический материал. Предлагаются способы решения данных проблем на основе национально-ориентированного подхода, как средства, повышающего мотивацию в обучении, улучшающего формирование фонетических навыков и умений на занятиях по РКИ.

The current importance of the present paper is accounted for by Greek-speaking students' need to learn Russian as a means of communication in their future careers. A prerequisite for the realization of this need is working out a course of study aiming at performing communicative tasks which the learners will be faced with in future. Proper pronunciation of words and willingness to communicate enable students to carry out a successful interaction with native speakers. The paper focuses on the main problems concerning teaching Russian pronunciation to Greek students and the students' readiness to master the Russian language and particularly to adopt Russian pronunciation. An ethnically oriented approach is suggested as a basis for solution of the given problems, as a means to increase students' motivation and facilitate the development of phonetic skills in RFL (Russian as a foreign language) classes.

Ключевые слова: русский язык, коммуникативный аспект, произношение, греческая аудитория.

Keywords: Russian language, communication aspect, Russian pronunciation to Greek students.

Актуальность темы настоящего доклада обусловлена потребностью грекоязычных учащихся в изучении русского языка как средства общения в их будущей профессиональной деятельности. Сегодня русский язык – это язык бизнеса, который открывает новые возможности для сотрудничества России и Греции в различных отраслях, таких как культура, образование, туризм, торговля и экономическое развитие,

наука и технологии, сельское хозяйство. Условием для удовлетворения потребности в изучении русского языка как средства общения, является формирование обучения с целью реализации знаний, основанных на решении коммуникативных задач, с которыми обучающиеся столкнутся в будущем. Речевая коммуникация или общение, представляет собой особый вид взаимодействия людей, который связан с передачей разнообразной информации, а также с восприятием и пониманием говорящими друг друга. Правильное произношение слов и готовность к общению позволяют осуществить успешное речевое взаимодействие с носителями языка.

Одна из главных проблем в изучении русского языка как иностранного в Греции – это произношение. Очень важно на уроках русского языка проводить обучение фонетике, с целью формирования звуковой культуры речи. Согласно нашему опыту, учащиеся, не прошедшие обучение по фонетике, бессознательно переносят систему действующих правил, программу речевого поведения, закреплённого в родном языке, на изучаемый. Впоследствии они путают звуки, не могут правильно писать слова, потому что не могут отличить один звук от другого и, соответственно, не воспринимают в полном объёме устную речь носителя русского языка. Их мозг не имеет опыта восприятия и правильного воспроизведения произношения звуков русского языка. В большинстве случаев учащиеся неосознанно подменяют звук русского языка близким по звучанию звуком греческого языка, что значительно затрудняет усвоение звуковой системы русского языка. В таблице приведены наиболее распространённые фонетические ошибки греческих учащихся.

Неразличение на слух звуков, несуществующих в новогреческом языке

Русский язык	новогреческий язык	русский язык
с [з]- система	σ, ς [s] σύστημα	ш [ш], щ [ш':] шарф, щи
з [з] зоологический	ζ [z] ζωολογικός, ζώη, γκαράζ	ж [ж] жизнь, гараж
ц [ц] ученица	τσ [ts] τσάντα	ч [ч'] ученик
л [л]	λ [l] λουλούδι	л [л']

Затруднение в произношении некоторых твёрдых и мягких гласных

Твёрдость и мягкость гласных [и] - [ы]

[и] бить	[ы] – не существует в новогреческом языке быть
--------------------	--

сила число щит	язык цикл ошибка
----------------------	------------------------

Затруднение в произношении некоторых твёрдых и мягких согласных

[б] – [б’], [в] – [в’], [г] – [г’], [д] – [д’], [з] – [з’], [к] – [к’], [л] – [л’], [м] – [м’], [н] – [н’], [п] – [п’], [р] – [р’], [с] – [с’], [т] – [т’], [ф] – [ф’], [х] – [х’].	
[б] бал быть дама	[б’] себя бить дядя
[г] ОГЭ могу	[г’] герб гимн
[л] Балалайка лыжи лэп луг	[л’] ляля лист лес люди
[м] мы мэр мода крем зима	[м’] мир место мёд семь мясо мюзикл
[р] Россия хор рыба рэп	[р’] Греция словарь турист перемена
[с] сон сын сам	[с’] всё система овсяный
[т] ты тысяча мост	[т’] тигр грамматика тема, текст новость

Затруднение в произношении согласного [й]

[й]

Новый, хороший, лёгкий

Для того, чтобы создать правильную лексико-грамматическую «базу», необходимо с первого занятия формировать слухо-произносительные навыки на изучаемом лексико-грамматическом материале, а затем их отрабатывать. Показателем сформированности фонетических навыков является автоматическое, безошибочное восприятие и воспроизведение звукового образа.

Введение фонетической системы русского языка, проводится на основе сопоставления фонетической системы родного языка. Следует обращать внимание на подготовленность учащихся воспринимать русский язык и фонетический материал. Используя национально-ориентированный подход при подготовке учащихся к восприятию фонетического материала, предлагается представить исторические, географические и природно-климатические особенности изучаемого и родного языков, их генетическую связь, общий индоевропейский фонетический строй и заимствования греческого происхождения в русском языке. При формировании фонетических навыков, работа должна проводиться по 2-м направлениям: развитие восприятия речи и речевого двигательного аппарата.

Введение звуков русского языка должно происходить постепенно. Звуки должны отрабатываться на каждом уроке, до тех пор, пока не будут усвоены фонетические навыки, а затем выработаны умения отличать правильное звукопроизношение. Фонетические навыки отрабатываются и закрепляются в специальных упражнениях различного характера. Постановка звуков происходит путём их повторения после произнесения преподавателем и произнесения с опорой на текст. После постановки каждого звука необходимо провести специальные упражнения сначала изолированно, затем в слогах, далее в словах, располагая их по позициям изучаемого звука: в начале, в середине и в конце слова. При отработке произношения звуков очередность приводимых позиций определяется степенью трудности их произношения учащимися.

Учитывая характер соотношения звуков обоих языков, в случаях сходства звуков, необходимо опираться на языковой опыт учащихся, указывая на имеющееся сходство в их

произношении. В случаях различия в произношении звуков, необходимо объяснять их артикуляцию, с указанием на похожий звук греческого языка и с обсуждением звукового и артикуляционного различия. Это позволяет осуществить наиболее оптимальный способ введения и отработки звуков, основанный на соотношении звуков русского и новогреческого языков.

Проблематика формирования культуры русского произношения заключается в том, что в большинстве случаев не уделяется внимание данному аспекту по разным причинам. На уроках русского языка как иностранного, культура речевого общения должна рассматриваться как часть этикета и как один из важнейших интеллектуальных показателей человека и его культуры. Соответственно, звуковая культура является важной частью общей культуры речевого общения и занятия по звукопроизношению являются фундаментом для формирования красивой и правильной речи. Поэтому наряду с учетом других аспектов обучения русскому языку, необходимо проводить систематическую и целенаправленную работу по преодолению трудностей собственно фонетики, с целью формировать культуру русского произношения у иностранцев.

Список литературы:

- Бархударова Е.Л., Панков Ф.И.* По-русски с хорошим произношением: Практический курс звучащей речи /2-е изд. перераб.и доп.- М.: Русский язык. Курсы, 2015- 192с.
- Порожняк Н.Ф.* Развитие фонетических навыков у студентов неязыковых вузов // Молодой ученый. — 2014. — №9. — С. 556-559.
- Литвинова Г.М., Есакова М.Н., Харацидис Э.К.* Русская фонетика и интонация (учебное пособие для говорящих на греческом языке). - Ерикентро Салоники, 2010. -246 с.
- Шустикова Т.В.* Русская фонетическая культура инофона: лингводидактический аспект. — М.: Изд-во РУДН, 2010. - 316 с.
- Введение в Фонетику*, Афанасиос Хр. Протопапас. - Афины, 2003. - 54 с.

*Литвинова Г.М.
Лю Цзинпэн*
Высшая школа перевода
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

*Litvinova Galina,
Liu Jingpeng*
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

«Я РУССКИЙ БЫ ВЫУЧИЛ...»: РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

«I WOULD MASTER RUSSIAN...»: RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO CHINESE AUDIENCE

В статье поднимаются некоторые вопросы, связанные с обучением китайцев русскому языку на современном этапе. Углубление сотрудничества между Россией и Китаем в самых разных областях деятельности способствует увеличению количества учащихся из Китая в российских вузах, что, в свою очередь, ставит перед преподавателем задачу повышения эффективности обучения русскому языку как иностранному в китайской аудитории. Но вот парадокс: увеличение количества учащихся не всегда свидетельствует о повышении интереса к изучению русского языка и русской культуры у приезжающих в Россию китайцев. Кроме того, на занятиях по РКИ преподаватели сталкиваются с различиями в методиках обучения языку в Китае и России, падением грамотности, «отсутствием» багажа интернациональной лексики и другими проблемами.

The article raises a few questions concerning the current teaching of Russian to Chinese students. Constantly deepening collaboration between Russia and China in various spheres of human activity brings about an increase in the number of Chinese students studying at Russian educational institutions, which, in its turn, places the teacher before a challenge of improving the efficiency of teaching Russian as a foreign language to Chinese audience. Paradoxically, the increase in the number of students coming from China does not necessarily signify a growing interest in learning the Russian language and culture. Besides, RFL teachers (teachers of Russian as a foreign language) are faced with diverse methodologies of teaching Russian in China and Russia, a drop in literacy, 'lack' of international vocabulary and other obstacles.

Ключевые слова: интерес к изучению русского языка, мотивация, грамматика и функционально-коммуникативный подход, интернациональная лексика.

Keywords: interest in learning Russian, motivation, grammar and functional-communicative approach, international vocabulary.

В настоящее время между Китаем и Россией стремительно развиваются дружественные отношения. Стратегия «Один пояс – один путь» способствует углублению сотрудничества в самых разных областях деятельности: в области экономики, политики, культуры, образования. В связи с этим особую важность приобрел вопрос повышения качества обучения русскому языку как иностранному китайских студентов. На

сегодняшний день китайские учащиеся становятся самым массовым иностранным контингентом российских вузов.

Про трудности обучения китайской аудитории русскому языку, про необходимость использования в работе с китайцами комплексного методического подхода, отличного от работы с учащимися из других, например европейских, стран, про проблемы этнокультурной адаптации к условиям жизни и обучения в России сказано уже немало. История обучения русскому языку в Китае насчитывает, по подсчетам ученых, уже 300 лет: «Первым учебным заведением в Китае, где русский язык как иностранный был включен в программу обучения, был «Дом русского языка» («俄罗斯文馆»), открытый в 1708 г. (во времена династии Цин) в Пекине по указу императора Канси (康熙皇帝) [Ло Сяоя, 2015, с. 18]. В 2008 г. в Шанхайском университете иностранных языков прошла международная конференция «Триста лет русскому языку в Китае», посвященная проблемам преподавания русского языка китайскому контингенту учащихся. На многих конференциях, симпозиумах, практических семинарах, проводимых в России и за рубежом, говорилось и говорится об особенностях работы в китайской группе. Однако проблемы, связанные с обучением китайцев, по-прежнему требуют своего решения. И связано это не только с тем, что Китай – это особый мир, в котором живут свои многовековые традиции и устои, со своим, ни на кого не похожим взглядом на все вокруг, но и с тем, что Китай сам открылся для внешнего мира. И не все, что было сказано ранее о Китае и особенностях работы в китайской аудитории, оказывается верным в современных условиях глобализации и расширения контактов.

В этой статье нам хотелось бы обсудить некоторые проблемы, с которыми сталкивается преподаватель на практических занятиях, и наметить пути решения этих проблем. Все замечания, высказанные в работе, основаны на личном опыте преподавания и носят рекомендательный характер.

Развитие экономических, культурных и прочих связей России и Китая за последние десятилетия привело к необходимости подготовки высококвалифицированных переводчиков и русистов, которые бы, в свою очередь, могли впоследствии готовить специалистов русского языка. Русский язык решают изучать не только те, кто в дальнейшем хочет работать переводчиком, лингвистом или преподавателем, но и будущие предприниматели, планирующие развивать бизнес с русскоговорящими партнерами.

Выбирая специальность «Русский язык», многие из них не задумываются, что владеть языком, уметь осуществлять коммуникацию без особых затруднений подразумевает и хорошее знание системы языка. Так, далеко не все студенты согласны овладевать основами теории языка, полагая, что говорить можно научиться и без глубоких грамматических знаний. Еще Л.В. Щерба в своих трудах развивал мысль о необходимости учитывать системные связи родного и изучаемого языков. Однако преподаватель сталкивается на занятиях с тем, что учащиеся не знают теоретических основ собственного, родного языка, что затрудняет объяснение теоретических сведений о системе русского языка. Кроме того, коммуникативная методика, ставшая приоритетной в последние годы, нередко понимается несколько упрощенно: «коммуникация достигнута». Нельзя забывать о том, что коммуникативный подход иначе называют функционально-коммуникативным подходом. «Функциональной методика называется потому, что основывается на функциональной грамматике: говорение начинается с функции, со смысла, со значения, которое затем с использованием языкового средства (формы) выражается в конкретном высказывании. В этом же направлении, «от функций к средствам», проводится и описание языкового материала, «функциональный подход к отбору и подаче языкового материала», или ... «функциональный отбор и организация речевых средств» [Федосов, 2011, стр. 25]. Это означает, что коммуникация должна быть достигнута максимально эффективным способом.

Сложность обучения грамматике русского языка китайским учащимся заключается в целом ряде весомых отличий в грамматических системах, как-то: номинативный строй и грамматически значимый порядок слов, отсутствием предлогов, категорий рода, лица, падежа, числа, оформляемых флексиями и др. В настоящий момент назрела необходимость в создании национально-ориентированных пособий по грамматике, созданных на базе сопоставления языков и использования российских и китайских методик обучения.

Для этого уже на первых занятиях по русскому языку в иностранной аудитории необходимо заложить основы терминологической, понятийной базы и параллельно с этим работать над запоминанием слов и выражений, которые войдут в активный лексический запас, необходимый для успешного общения.

Безусловно, у студентов, обучающихся на территории РФ, есть дополнительный стимулирующий фактор – погружение в языковую среду. Однако, как показывает практика, этот фактор работает слабо вследствие того, что китайцы вне аудитории общаются только между собой, живут вместе в общежитиях, мало кто из них по собственной воле готов знакомиться с российской культурой и историей, с культурными достопримечательностями России или вступать в языковые контакты с носителями языка. Увы, далеко не все приезжающие учиться в российских вузах делают это по собственному желанию или из любви к России и русскому языку. Проработав несколько лет в приемной комиссии и познакомившись с различными абитуриентами, поступающими в бакалавриат, авторы этой статьи пришли к выводу, что многие из китайских учащихся, выбравших обучение в российском вузе, сдали выпускные экзамены в китайских школах не на высокие баллы и поэтому не могут учиться в престижных китайских вузах, или же они приезжают в Россию потому, что здесь работают их родственники. В любом случае очень часто выбор за них делают их родители, а это, в свою очередь, ведет к отсутствию у них мотивации к изучению языка и культуры. И все попытки преподавателя «разговорить» учащегося разбиваются о незаинтересованность и отсутствие общения вне аудитории. Кроме того, с развитием технологий некоторые ситуации в современном общении отмирают за ненадобностью. Так, задумав перенести учебную ситуацию на улицу, вывести ее в реальность, один из авторов этой статьи по дороге в театр предложила иностранным студентам сыграть в игру «Я в незнакомом городе». Студенты по очереди спрашивали у прохожих, как пройти в театр, как добраться до метро и прочее. Однако потом они признались, что в реальной жизни они никогда так не делают, потому что у всех давно есть навигаторы. Поэтому надо тщательно подходить к конструированию ситуаций на занятиях, помня о стремительно изменяющихся условиях современной жизни. 兴趣是最好的老师 – («Интерес – лучший учитель»), - гласит китайская пословица. Задача заинтересовать учащегося, постараться влюбить его в русский язык, в Россию, на наш взгляд, является одной из первоочередных на занятиях по РКИ.

Опыт работы в иностранной аудитории наряду с преимуществами имеет и свою отрицательную сторону: преподаватель способен понять студента даже тогда, когда никто другой не может этого сделать. Вспоминается случай, когда китайский учащийся был остановлен полицейским с целью проверки документов. В результате переговоров,

которые велись при помощи телефона (студент позвонил преподавателю и объяснил ситуацию на, казалось бы, русском языке, потом передал трубку полицейскому, преподаватель объяснил все полицейскому, тот, в свою очередь, объяснил суть проблемы, которую преподаватель так же, по телефону, передал студенту и т.д.), студент был отпущен. Но заключительный вопрос полицейского заставил задуматься преподавателя: «Я отпущу вашего студента, скажите мне только, пожалуйста, как вы его понимаете?!» То есть при моделировании той или иной ситуации на уроках стремление преподавателя во что бы то ни стало понять учащегося может оказать медвежью услугу последнему в реальной жизни. Поэтому, чтобы учащийся заговорил так, чтобы его поняли не только на занятиях по практическому русскому языку, но и в той или иной реальной ситуации общения, необходимы прочные знания в области произношения, лексики и грамматики.

Есть и обратная сторона медали: студент может знать грамматику на достаточно высоком уровне, но не может свободно общаться с носителями языка. Ему сложно правильно построить высказывание на русском языке, логично оформить свою мысль в стройное синтаксическое целое, использовать правильные обороты речи. Влияние родного языка приводит к тому, что студент строит фразу на родном языке и переносит структуру предложения своего языка на русский. Например:

1.我来莫斯科两年了

Ошибочный вариант: Я приехал в Москву 2 года.

Правильный вариант: Я в Москве уже 2 года.

2.安东说他今天不来了。

Ошибочный вариант: Антон сказал, он сегодня не подойдет.

Правильный вариант: Антон сказал, что он сегодня не подойдет.

3.我来请伊万诺夫教授做报告。

Ошибочный вариант: Я приехал попросить профессора Иванова делать нам доклад.

Правильный вариант: Я приехал попросить профессора Иванова, чтобы он сделал нам доклад.

К сожалению, на занятиях РКИ в китайской аудитории нередко работает старая модель: преподаватель объясняет, студент слушает. Именно к такой модели привыкли учащиеся в китайских школах, и отучить их от этого довольно сложно. Не менее сложно оторвать студента от текста. При ответе на вопрос по тексту китаец обязательно должен

найти его в тексте и прочитать, пересказы нередко зазубриваются наизусть, а при чтении текста буквально каждое незнакомое слово должно быть найдено в словаре. В основе российской методики преподавания лежит стремление развить у учащегося языковую догадку, умение понять новое слово по контексту, из ситуации. Приходится признать, что китаец к такому подходу привыкает с трудом: даже если он понял слово из контекста или объяснения преподавателя, он все равно должен посмотреть его в словаре. В результате темп работы на занятии замедляется. Необходимо давать на занятии больше заданий на развитие языковой догадки, на выработку речевых умений. Например, наиболее полезен будет не просто пересказ прочитанного текста, а пересказ с различными коммуникативными заданиями.

Нужно отметить также, что у китайских учащихся нет того общего багажа интернациональных слов, который есть, например, у русских и европейцев. Речь идет, прежде всего, о звуковой форме таких слов, которая существенно отличается в китайском языке.

русский	английский	итальянский	испанский	китайский
компьютер	computer	computer	computadora	电脑 diànnǎo
Австралия	Australia	Australia	Australia	澳大利亚 àodàliyà
Шекспир	Shakespeare	Shakespeare	Shakespeare	莎士比亚 shāshìbǐyà
президент	president	presidente	presidente	总统 zǒng tǒng

Этот факт необходимо учитывать при построении урока, особенно при работе в смешанных группах. Подбирая тексты для изучения, преподаватель не должен рассчитывать на то, что интернациональная лексика облегчит их восприятие.

О специфике изучения грамматики русского языка в китайской аудитории писали многие исследователи. Важно помнить о том, что восточная методика изучения языков отдает предпочтение письменному аспекту, поэтому китайцы испытывают трудности в

устном общении. Делая практически без ошибок грамматические задания письменно, китайский учащийся может начать запинаться и ошибаться, если эти же задания предложить выполнить устно. Нужно добиваться автоматизации грамматических навыков и умений как в письменной, так и устной форме, предлагая студентам задания на слух.

И тут возникает новая проблема. Боязнь сказать неправильно приводит к тому, что студент говорит тихо, нечетко произнося окончания, надеясь, что преподаватель не услышит ошибки. Поэтому важную роль в обучении и преодолении языкового барьера играет работа над произношением. Студент боится сказать слово вслух, потому что не уверен в том, что он правильно его произнесет. Неразличение парных глухих и звонких согласных, отсутствие в китайском языке некоторых русских звуков ([p], [ж], [ы]), отсутствие противопоставления по твердости/мягкости и пр. не только становятся причиной возникновения акцента в речи учащихся, но и приводят к непониманию.

Так, припев из знаменитой песни «Калинка» в исполнении одного из учащихся прозвучал так:

Калинка, галинка, каринка моя,

В саду ягода-малинка, маринка моя...

Недостаточное внимание, которое уделяется сейчас на занятиях фонетическому аспекту речи, ставшая популярной в последнее время идея аппроксимации произношения приводит не только к тому, что учащегося сложно понять, но и к тому, что у студента появляется страх говорить. Важной задачей становится помочь учащимся преодолеть этот психологический барьер на первых же занятиях: скороговорки, песни, выразительное чтение стихов, шутки, непринужденная обстановка – все это способствует раскрепощению студента, снятию комплексов и внутренних запретов.

Нельзя забывать и о том, что китайскому учащемуся на первых порах трудно привыкнуть к более демократическому общению между преподавателями и студентами в российских вузах. «Учитель/преподаватель всегда прав. Уважительное отношение к педагогу и его мнению берет начало в конфуцианстве и сохраняется до наших дней. Учитель обладает абсолютным авторитетом и является субъектом образовательного процесса, тогда как студенту чаще всего отводится роль безмолвного объекта» [Антонова, 2016, с.14]. Кроме того, в китайских школах и вузах в группах очень большое количество учащихся, что затрудняет диалог учителя и ученика. Китайцы не привыкли к беседе на

уроке. Традиционный вопрос преподавателя: «Вам понятно?» - нередко словно повисает в воздухе без ответа: максимум один-два человека готовы кивнуть в ответ. Добиться отрицательного ответа практически невозможно, особенно на первых порах работы с группой: студент лучше промолчит, чем скажет, что он не понял объяснения преподавателя.

Ни для кого не секрет, что в устном общении, при контактном разговоре, достичь понимания можно также при помощи жестов и мимики. Однако китайцы традиционно очень сдержанны в проявлении эмоций: их мимика и жесты не столь выразительны, как у русских. И это создает дополнительные сложности при работе в аудитории.

Важным фактором развития интереса к языку, возникновения желания изучать язык и знакомиться с культурой является создание комфортной обстановки на занятиях. Нельзя забывать о необходимости этнокультурной адаптации иностранных учащихся к условиям жизни и обучения в России. При столкновении с иными взглядами на жизнь, с иными условиями жизни у участников общения нередко возникает ощущение культурного шока, «под которым понимается осознание резкого расхождения материальных или духовных культур двух народов, проявляющееся в условиях личностного непосредственного контакта с представителями другой культуры и сопровождающееся непониманием, неадекватной интерпретацией или прямым неприятием чужой культуры с позиций собственной культуры» [Прохоров, 2006, с. 11].

Иногда причиной этого культурного шока становится сам преподаватель. Так, всем известно, что красный цвет занимает особое место и в русской, и в китайской культурах. Однако с красным цветом в Китае связаны также некоторые табу. Китайцы не напишут красной ручкой письмо или записку, так как считается, что это может привести к разрыву отношений и дружбы между людьми. Тот же запрет распространяется и на написание имени человека красными чернилами, перечеркивания, подчеркивания. Это объясняется тем, что раньше имена преступников, приговорённых к смертной казни, писали красными чернилами. А в России, как известно, красной ручкой проверяются контрольные работы и домашнее задание. Преподаватель, не задумываясь, может написать имя студента на полях или в конце работы.

Поведение учащихся, в свою очередь, также может стать причиной дискомфорта на занятиях. Многие преподаватели-предметники выказывают недовольство тем, что

китайцы сидят на уроках в верхней одежде, видя в этом признак невоспитанности. Тем, кто работал в Китае известно, что это обычная практика в китайских учебных заведениях, помещения которых не отапливаются, и учащиеся вынуждены сидеть не раздеваясь. Термосы, постоянные перекусы, туалетная бумага на столе в аудитории и многое другое – это то, что непонятно русским преподавателям. Поэтому, чтобы избежать конфликтных ситуаций, необходимо на первых же занятиях объяснять студентам правила поведения в России, обсуждать различия в культуре и жизни двух народов. Это не значит, на наш взгляд, что русский преподаватель должен вести себя подобно китайскому преподавателю. Мы не согласны с теми специалистами, которые предлагают изменить правила поведения в китайской аудитории. Студенты, приезжающие из других стран, должны адаптироваться к условиям обучения в российских вузах. Однако выстроить стратегию поведения в группе будет гораздо проще, если преподаватель знает расхождения в условиях обучения.

Вопросов, связанных с работой в китайской аудитории, очень много. И они требуют своего решения. «Я русский бы выучил!..» - чтобы условное наклонение стало изъявительным, необходимо не только желание и интерес обучаемого, но и четкое представление преподавателя, кому он преподает и с какими трудностями ему придется столкнуться.

Список литературы:

- Антонова Ю.А.* О некоторых тонкостях преподавания РКИ китайским студентам // Педагогическое образование в России. 2016. № 12, с.13-16
- Ло Сяоя* Методика обучения русскому языку в Китае (история и перспективы) // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2015. 2 (8), с. 18-22
- Прохоров Ю.Е.* Русские: коммуникативное поведение // Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. - М.: Флинта; Наука, 2006. – 328 с.
- Федосов В.А.* О коммуникативной методике преподавания РКИ. // Русский язык за рубежом № 1/2011, с. 25-29.

Пак А.Л.
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Pak Alexandr
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

РОЛЬ МУЗЫКИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

ROLE OF MUSIC IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

В статье говорится о пользе пения в процессе постановки произношения и интонации у студентов, изучающих русский язык. Песни достаточно часто используются в преподавании языков, в том числе и русского. Однако данный метод обучения считается побочным и часто воспринимается как развлечение. Но, изучив историю развития вокального искусства России, мы увидим тесную связь нашего языка и его интонации с музыкальной мелодией, фразой и ритмом. Любое вокальное произведение стремится наиболее точно передать интонацию, поэтому динамическое, ритмическое и даже звуковысотное строение мелодии зачастую зависят от текста песни. Многообразие песенного творчества в России охватывает огромное количество тем: любовь, родина, семья, учёба, работа, война, мир и др. Изучение этих песен на русском языке позволит учащимся запомнить распространенные ритмические и интонационные конструкции русской речи на ассоциативном уровне восприятия, пополнить лексический запас, а также познакомиться с многогранной музыкальной культурой России.

The article talks about the benefits of singing in the process of staging pronunciation and intonation of students learning the Russian language. The songs are often used in the teaching of languages, including Russian. However, this teaching method is considered to be a side method and is often perceived as entertainment. But having studied the history of the development of Russian vocal art, we will see a close connection between our language and its intonation with musical melody, phrase and rhythm. Any vocal song seeks to convey the intonation most accurately, therefore the dynamic, rhythmic and even pitch structure of a melody often depends on the lyrics of the song. The variety of songwriting in Russia covers a huge number of topics: love, homeland, family, study, work, war, peace, etc. Studying these songs in Russian will allow students to memorize common rhythmic and intonational constructions of Russian speech at an associative level of perception, to replenish vocabulary and also to get acquainted with the multifaceted musical culture of Russia.

Ключевые слова: роль музыки в преподавании РКИ, мелодия и интонации, песенное творчество в процессе изучения языка, постановка произношения через пение, ассоциативная память.

Keywords: the role of music in the teaching of Russian as a foreign language, melody and intonation, songs in the process of learning a language, production of pronunciation through singing, associative memory.

Музыка - один из самых древних и любимых человечеством видов искусства. В древности ее невозможно было отделить от повседневной жизни. Женщины напевали колыбельные, убаюкивая своих сыновей и дочерей; мужчины ритмично кричали, помогая себе тащить тяжелую добычу; похоронные и религиозные обряды, празднование победы

всегда сопровождалась музыкой. Такое тесное взаимодействие с жизнью человека неизбежно привело к проникновению речевых интонаций и ритма в ее мелодический склад.

В истории музыки мы знаем огромное количество национальных композиторских школ, народных музыкальных традиций, каждая из которых имеет свои особенности мелодии, музыкальной фразы, метра и ритма. Все эти особенности берут свое начало в языке. Мы можем услышать польские мотивы и фразы в произведениях Шопена, венгерские в рапсодиях Бартока и, конечно же, русские в творчестве Чайковского, Мусоргского, Бородина и Глинки.

Сегодня музыка тоже является неотъемлемой частью жизни современного человека. Особенную же роль в XX- XXI веках играет песенное творчество. Именно песня, синтез музыки и слова, является самой популярной формой музыкального творчества в наши дни. Благодаря тесному взаимодействию с поэтическим текстом, песня становится хрестоматией речевых интонаций и ритма.

Песни достаточно часто используются в преподавании языков, в том числе и русского. Однако данный метод обучения считается побочным и часто воспринимается как развлечение. Тем не менее песня может стать не просто замечательным способом мотивации к изучению языка, но и источником пополнения новой лексики, а также упражнением для оттачивания навыков произношения и аудирования. Эмоциональное воздействие музыки на слушателя оставляет ассоциативные связи в памяти. Подобный способ запоминания является наиболее продуктивным. Именно так мы запоминали информацию с самого детства. Педагоги, работающие с детьми дошкольного возраста, отмечают целесообразность использования песен, ведь у детей «недостатки речи объясняются возрастным несовершенством артикуляционного аппарата, а также недостаточным уровнем развития фонематического восприятия»: пропуск, перестановка звуков. [Хамраева, 2014, с. 44]. «Вместе с тем характерным для этого периода является достаточно уверенное воспроизведение детьми интонационно-ритмических, мелодических контуров слов. Именно поэтому большое обучающее значение в этом возрасте приобретает песня, поскольку с ее помощью можно отрететировать верную артикуляцию или научить правильно интонировать предложение» [Хамраева, 2014, с. 44].

Примерно та же ситуация возникает в работе с иностранными студентами, артикуляционная база родного языка которых может кардинально отличаться от артикуляционной базы русского языка. Ярким примером являются носители китайского языка. Данный язык является максимально далеким от русского во многих аспектах. С точки зрения фонетики, мы наблюдаем различия в произношении и восприятии многих звуков. Так, даже похожие, на первый взгляд, звуки могут стать причиной возникновения акцента: «В русском языке звук [а] произносится несколько иначе, чем в китайском. Отличие состоит в том, что в китайском языке данный звук более задней артикуляции». [Есакова, Литвинова, Галич, 2010, с. 7]. Кроме того, учащиеся могут не слышать разницы между теми или иными звуками: «Китайские учащиеся смешивают произношение шипящих звуков [ш] и [ж] с произношением свистящих [с] и [з] соответственно» [Есакова, Литвинова, Галич, 2010, с. 113].

Преподаватели также часто сталкиваются с отсутствием навыков фонематического восприятия русского текста у студентов из Китая. Это связано в том числе и с особенностями китайской письменности и словообразования: «Иероглифы значительно отличаются от знаков привычных для нас букв алфавита. Главным отличием иероглифов от знаков буквенного или слогового фонетического письма является то, что каждый знак китайской письменности передает лексическое значение и поэтому сопоставим со словом или знаменательным корнем слова в других языках. Иероглифу всегда соответствует слог, поэтому в китайском языке слог равен морфеме» [Кондрашевский, 2000, с. 3]. Работа над акустическим, артикуляционным и графическим образом и лексическим значением слова должна вестись одновременно.

Как известно, фонематический слух к родному языку формируется детей с рождения при восприятии устной речи окружающих и при собственном проговаривании слов. На наш взгляд, китайские учащиеся сталкиваются в процессе постановки произношения и интонации со многими проблемами, что и дети дошкольного возраста.

Как помочь учащемуся? Одним из способов решения этой проблемы является пение на занятиях по русскому языку. С чего же начать? Как правильно выбрать репертуар?

Мы считаем, что целесообразно выбирать песни, в которых исполнители четко произносят слова, в которых повторяются грамматические и интонационные конструкции,

лексика. Важно, чтобы в этих песнях отражалась русская культура во всех ее проявлениях. С музыкальной точки зрения стоит выбирать песни удобные для исполнения (эстрадные песни, бардовские песни, рок, рэп). Следует избегать оперного репертуара и любого другого проявления академического вокала, так как специфика звукоизвлечения в этом стиле пения стремится к унификации гласных звуков через расширение для удобства исполнения, что приводит к искажению в произношении некоторых слов: «Пение в оперно-концертной манере, которая требуется от профессионального певца в наше время, нельзя рассматривать как растянутую на определенных звуках речь. Перед голосовым аппаратом в профессиональном пении ставятся иные задачи, чем в речи, и потому приспособления для певческой функции будут совершенно иными по сравнению с речевыми. Верно тембрально оформленный профессиональный певческий звук требует особого положения и приспособления гортани, определенной, типичной для каждого типа голоса длины ротоглоточного канала, более широкого открытия рта и такой формы ротоглоточных полостей, которая способствовала бы наилучшему выведению звуковой энергии в наружное пространство» [Дмитриев, 2004, с. 249].

Не стоит также недооценивать жанр легкой музыки, которая получила название «поп-музыки». Очень часто мы боимся использовать подобный репертуар и выбираем проверенные временем шедевры: «Подмосковные вечера», «Катюша» и др. Однако, с точки зрения изучения языка, правильно подобранная поп-музыка поможет учащимся быстрее запомнить новый лексический материал, так как в такой музыке доминирует принцип частого повторения одной мелодической конструкции. Каждый из нас знаком с ситуацией, когда в голове словно «застривала» какая-нибудь популярная песня, от которой вы не могли избавиться. Запоминаемость - основная цель любой поп-песни. Так почему бы не использовать этот фактор в преподавательской практике?

Приведем несколько примеров песен разных стилей и эпох. Каждая из этих песен будет выполнять собственную задачу.

Первая песня - знаменитый шлягер группы «Браво» - «Черный кот». Незамысловатая песня с запоминающимся припевом:

Жил да был черный кот за углом.

И кота ненавидел весь дом.

Только песня совсем не о том,

Как не ладили люди с котом.

Припев:

Говорят, не повезет,
Если черный кот дорогу перейдет,
А пока наоборот -
Только черному коту и не везет.

В песне очень часто используется слово «кот» в разных падежах: «Жил да был черный кот за углом», «как не ладили люди с котом», «прогоняют с дороги кота», «приходилось встречаться коту», что, безусловно, поможет студенту в запоминании падежных окончаний существительных второго склонения в единственном числе, а также в запоминании управления различных глаголов: прогонять, встречаться, жить и т.д. Рефреном данной песни становится грамматическая конструкция «...о том, как...», важная для изучающих русский язык.

Следующая выбранная нами песня – это незамысловатая «Зайка моя» Филиппа Киркорова, которая станет хорошим упражнением при изучении уменьшительно-ласкательных суффиксов:

Зайка моя, я твой зайчик.
Ручка моя, я твой пальчик.
Рыбка моя, я твой глазик.
Банька моя, я твой тазик.
Солнце мое, я твой лучик.
Дверца моя, я твой ключик.
Ты стебелек, я твой пестик.
Мы навсегда с тобой вместе.

Зайка моя.

Я ночами плохо сплю,

Потому что я тебя люблю.

Потому что я давно, давно тебя люблю.

Замечательный тренинг родительного падежа дает нам песня «Если у вас нету тети...»:

Если у вас нету дома, пожары ему не страшны

И жена не уйдет к другому

Если у вас, если у вас

Если у вас нет жены

Нету жены

Если у вас нет собаки, её не отравит сосед

И с другом не будет драки

Если у вас, если у вас

Если у вас друга нет

Друга нет

Помимо этого, в песне повторяется конструкция сложноподчиненного предложения с придаточным условия «Если у вас нет...». Через многократное повторение студенты смогут автоматизировать навык использования данной конструкции.

Нужно отметить разнообразие тем и лексики русских песен. Благодаря культурной политике СССР, у нас есть песни не только о любви. В советское время была воспета почти каждая профессия и сфера деятельности. Существуют замечательные примеры профессиональных песен:

Не кочегары мы не плотники,

Но сожалений горьких нет как нет.

А мы монтажники-высотники, да!

И с высоты вам шлем привет.

Огромное количество песен о родине, семье, школе, труде, здоровье.

Знаменитая песня Владимира Высоцкого «Утренняя гимнастика» поможет отработать и довести до автоматизма интонацию в глаголах повелительного наклонения.

Вдох глубокий. Руки шире.

Не спешите, три-четыре!

Бодрость духа, грация и пластика.

Общеукрепляющая,

Утром отрезвляющая,

Если жив пока еще -

гимнастика!

Мелодия данной песни абсолютно точно копирует движение речевой интонации, что делает эту песню идеальной для постановки интонации побудительного предложения. Таким же эффектом обладает песня «Мне нравится, что вы больны не мной...» в исполнении Аллы Пугачевой, но уже в постановке сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным:

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной -
Распущенной - и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Несмотря на широкий диапазон голоса, Пугачева сознательно выбирает более мягкий тип звукоизвлечения для того, чтобы максимально приблизить вокальную мелодию к так называемой мелодекламации и речи. Подобных песен было много в музыкальных фильмах СССР. Данный стиль исполнения даже называли «Актерским пением».

В эпоху 90х - 00х такой стиль исполнения переместился в сферу русского рока, яркими представителями которого являются Виктор Цой, Вячеслав Бутусов, Земфира, «Машина времени» и многие другие. Песни этих исполнителей максимально точно передают речевую интонацию. Например, песня Вячеслава Бутусова «Девушка по городу» копирует интонацию повествования в устной речи:

Девушка по городу шагает босиком,
Девушке дорогу уступает светофор.
Сверху улыбается воздушный полевой,
Девушка в ответ ему кивает головой.
А где-нибудь за городом идет весенний лёд,
Девушке навстречу расступается народ.
Девушка по Пушкинской на Лиговский в обход,
Следом по каналу проплывает пароход.

Возникает вопрос: как работать с песнями, чтобы достичь максимального эффекта?

Для начала можно раздать текст песни с пропусками и попросить студентов заполнить их в процессе прослушивания. Это заставит их внимательно прислушаться к исполнению. Затем следует разобрать непонятный лексический материал, грамматические конструкции и проговорить весь текст вслух. Позже можно приступить непосредственно к пению. На начальных этапах пение может смутить студентов, особенно из Китая, но это нормальная реакция. В современном мире, особенно в городской среде, люди не любят громко говорить, а не только петь, особенно на иностранном языке, поэтому следует начать с группового исполнения и потом плавно перейти к дуэтам, трио или квартетам.

После исполнения можно обсудить текст песни, задать вопросы, поговорить о том, что хотел сказать автор песни, какой смысл видит в тексте учащийся. Можно предложить студентам подумать над тем, какие слова из песни он сможет использовать в жизни, или предложить составить собственный текст, использовав грамматические конструкции из песни.

Таким образом изучение песни плавно перейдет в практику языка.

Однако у многих может возникнуть справедливый вопрос: что делать, если у студентов или преподавателя нет музыкального слуха? Музыкальный слух весьма относительное понятие. В широком смысле этого словосочетания музыкальный слух есть у каждого, ведь во время общения мы мастерски варьируем высотой звука, сами того не понимая. И самое главное, что мы слышим все изменения интонации. Мы знаем, где утверждение, а где вопрос, слышим, когда человек радуется и когда злится. Эта способность определять относительную высоту звука заложена в нас с самого рождения. Поэтому каждый преподаватель может выступить в роли дирижера хора и жестами показывать движение мелодии и интонации. Необязательно делать из студентов профессиональных певцов, важно заставить их сознательно управлять высотой звука.

В процессе работы над песней затрагиваются все виды речевой деятельности: аудирование, чтение, говорение (обсуждение содержания песни, ее сюжета, чувств, которые она вызвала у слушателей) и письмо (коротко записать, о чем эта песня, высказать мнение о содержании).

Таким образом, изучение песен на русском языке позволит учащимся запомнить распространенные ритмические и интонационные конструкции русской речи на

ассоциативном уровне восприятия, пополнить лексический запас, а также познакомиться с многогранной музыкальной культурой России.

Список литературы:

Дмитриев Л.Б. Основы вокальной методики // М.: Музыка - 2004.

Есакова М.Н., Литвинова Г.М., Галич Н.М. Русская фонетика и интонация: Учебное пособие для говорящих на китайском языке, 2010.

Кондрашевский А.Ф. Практический курс китайского языка. Пособие по иероглифике. Часть 1//, 2000.

Хамраева Е.А. Детский модуль РКИ. Особенности организации русской школы за рубежом и методики преподавания русского языка //Русский язык за рубежом. – 2014. – №. 5. – С. 44-54.

Трегубова Л.С.
Московский городской педагогический университет
г. Москва (Россия)

Tregubova Lidiia
Moscow City Pedagogical University
Moscow (Russia)

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТНОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ МНОГОЗЫЧИЯ

REALIZATION OF KONTSEPTNY APPROACH IN TRAINING TO RUSSIAN IN THE CONDITIONS OF MNOGOZYCHIYA

В статье рассматривается проблема языкового образования учащихся в условиях многоязычия. Автором определяются задачи повышения эффективности образовательного процесса в условиях полиэтничного пространства, современные направления в определении содержания понятия «концепт» (логическое, культурологическое, лингвокультурологическое, семантико-когнитивное). В статье отмечается важность использования концептов для формирования в сознании учащихся-инофонов целостной картины мира, их представлений о системе культурных ценностей, интереса к семантике слова как единице языка. В настоящей статье содержатся рекомендации по организации работы над концептом «дружба» в процессе языкового образования учащихся-инофонов; представлены примеры заданий, направленных на формирование у обучающихся личностных знаний о концепте, представлений о системе нравственных ценностей, о нормах поведения, а также на совершенствование их речевой деятельности.

In article the problem of language education of pupils multilingualism conditions is considered. Problems of increase in efficiency of educational process in the conditions of multiethnic space, the modern directions in determination of content of the concept "concept" are defined by the author (logical, culturological, linguoculturological, semantiko-cognitive). In article importance of use of concepts for formation in consciousness of pupils-inofonov of a complete picture of the world, their ideas of the system of cultural values, interest in semantics of a word as to language unit is noted. The present article contains recommendations about the organization of work on a concept "friendship" in the course of language education of pupils-inofonov; examples of the tasks directed to formation at the studying personal knowledge of a concept, ideas of the system of moral values, of standards of behavior and also for improvement of their speech activity are presented.

Ключевые слова: полиэтничная среда, концепт, языковое образование, смыслы концепта, культурные ценности, нормы поведения, речевая деятельность.

Keywords: multiethnic environment, concept, language education, meanings of a concept, cultural values, standards of behavior, speech activity.

На современном этапе развития общества происходит расширение границ межкультурного взаимодействия стран и народов. В условиях мультилингвальности населения мегаполисов и крупных регионов Российской Федерации особую значимость приобретает проблема изучения языка в национально-культурном контексте. Главной задачей многонациональной российской школы является сохранение и развитие русского

и родного языков, формирование российского самосознания и самоидентичности [Модернизация комплексной системы обучения русскому языку детей мигрантов на начальной ступени образования: коллективная монография, 2016, с. 7]. Эффективность образовательного процесса в условиях полиэтнического пространства обусловлена решением следующих задач:

- воспитание культуры межнационального общения, формирование толерантного отношения обучающихся к представителям разных народов;

- формирование готовности учащихся к позитивному взаимодействию в многонациональной среде;

- формирование представлений учащихся о культуре народов России, об особенностях культуры представленных в данном сообществе этнических групп;

- развитие личности обучающихся на основе диалога культур, направленного на взаимообогащение культур в современном мире [Трегубова, 2017, с. 30].

В связи с этим в Концепции национальной образовательной политики большое внимание уделяется вопросам формирования языковой личности, способной воспринимать язык как национальную и общечеловеческую ценность. Язык является важным средством познания окружающего мира. Представленные в языковой форме знания об окружающей действительности находят отражение в системе концептов, для которых характерна определенная система смыслов и ценностей, позволяющая интегрировать в сознании учащихся особенности разных национальных культур. В современных научных исследованиях высказывается мысль о том, что в процессе мыслительной деятельности человека происходит комбинация известных концептов или создание новых. То есть в основе мировоззрения каждого человека лежит определенная система концептов. В концептах могут найти отражение такие явления действительности, которые зафиксированы значительным количеством языковых единиц и представляют ценность для данной культуры. Кроме того, они могут служить темой для фольклора и произведений художественной литературы.

В лингвистике представлены разные направления в определении содержания понятия «концепт»: логическое, культурологическое, лингвокультурологическое, семантико-когнитивное. Странники логического направления (Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павиленис) рассматривают концепт как результат взаимодействия

национальных традиций народа, его жизненного опыта, фольклора, религии, идеологии, образов искусства, ощущений и системы ценностей. Ученые считают, что концепты образуют своего рода культурный слой, который выступает посредником между человеком и миром [Арутюнова, 1999, с. 3]. По мнению представителей культурологического направления, (Ю.С. Степанов, В.Н. Телия), культура любого народа представляет собой совокупность концептов и отношений между ними. В связи с этим Ю.С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека и посредством чего человек сам входит в культуру...» [Степанов, 2004, с. 40]. С позиций лингвокультурологического направления (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин, Г.В. Токарев) данное понятие рассматривается как культурно-ментально-языковое образование, в котором доминирует ценностный элемент. В.И. Карасик указывает на наличие у концептов смысла, в связи с чем они транслируются в различных сферах жизни человека [Карасик, 2002].

В работах С.Г. Воркачева выделяются следующие компоненты лингвокультурологического концепта:

- а) понятийный компонент, отражающий его признаковую и дефиниционную структуру;
- б) образный компонент, фиксирующий когнитивные метафоры и поддерживающий концепт в языковом сознании;
- в) значимостный компонент, определяемый местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка; данный компонент включает также этимологические и ассоциативные характеристики этого имени [Воркачев, 2004, с. 6].

В рамках семантико-когнитивного направления (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин) концепт определяется как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, которая находит отражение в человеческой психике» [Кубрякова, Демьянков, 1997, с. 90]. Учеными (З.Д. Попова, И.А. Стернин) следующим образом характеризуются особенности концепта: а) концепт представляет собой результат индивидуального познания; б) для него характерно отсутствие жесткой структуры, объемность, вследствие чего концепт не может быть выражен в полном объеме; в) невозможность зафиксировать все возможные выражения концепта [Попова, Стернин, 2000, с. 30]

Следует отметить, что младший школьный возраст является благоприятным для реализации концептуального подхода в обучении русскому языку. Именно в этот период происходит формирование личности ребенка как объекта культурно-исторического процесса, развитие его представлений об окружающем мире, приобщение к фактам культуры разных народов, формирование интереса к семантике слова как единице языка. При использовании концептного подхода в процессе языкового образования учащихся в условиях многоязычия необходимо учитывать следующие цели обучения русскому языку как неродному: создание положительной мотивации и развитие познавательного интереса к изучению русского языка как средству общения; формирование знаний учащихся-инофонов о фонетических, лексических и грамматических особенностях русского языка; развитие и совершенствование всех видов речевой деятельности; развитие коммуникативных способностей школьников, создание условий для «мягкого» погружения учащихся-инофонов в процесс обучения русскому языку, воспитание толерантности и взаимоуважения в условиях межнационального общения [Трегубова, 2016, с. 293].

У школьников, овладевающих русским языком как неродным, должны быть сформированы представления о том, что система ценностей, которой они руководствуются в своей жизни, является универсальной и имеет отношение ко всему мировому опыту. В связи с этим следует отметить универсальность такого концепта, как «дружба», для которого характерны общечеловеческие, культурные и национальные ценности. Рассмотрим возможности данного концепта для обучения русскому языку в начальной поликультурной школе. Можно выделить следующие ступени в познании младшими школьниками содержания концепта.

На первой ступени происходит актуализация личностных знаний учащихся-инофонов о концепте «дружба». Для того чтобы помочь им осознать ассоциативное поле данного концепта, предлагается задание следующего характера:

Задание 1. Разгадываем загадки!

Прочитай и отгадай загадки.

1. Радость делит он со мной,

За меня всегда горой.

Коль беда случится вдруг,

Мне поможет верный... (друг)

2. Говорят, что мы похожи.

Отвечаем: «Ну и что же?».

Говорят, что неразлучны.

Друг без друга вправду скучно.

Говорят, что мы болтушки...

Ну и что! Ведь мы... (подружки)

Назови еще раз слова-отгадки. Есть у тебя верный хороший друг или верная хорошая подруга?

Подбери слово-действие к словам *друг, подружка*. Как ты думаешь, можно ли эти слова назвать родственниками? Обоснуй свой ответ.

На следующей ступени происходит расширение представлений учащихся-инофонов о смыслах концепта, то есть определение места данного концепта в языковой картине мира через обращение к энциклопедическим, лингвистическим и другим словарям. Однако при изучении концепта «дружба» в начальных классах не всегда целесообразно использовать сведения из толковых словарей, поскольку в этом возрасте у учащихся доминирует образное и эмоциональное восприятие содержания концепта. В связи с этим даются такого рода задания:

Задание 9. Послушай текст.

Пашка – мой знакомый, мы живём в одном доме, здороваемся, но никогда не играем вместе. Семён – хороший приятель, мы играем с ним во дворе. А вот Игорь – мой лучший друг, я доверяю ему все свои тайны.

О ком идет речь в этом тексте? С кем общается мальчик?

Как он называет Пашу? Почему он так называет мальчика?

Как мальчик называет Семёна? Почему он называет его приятелем? Есть ли у тебя приятели? Где ты с ними общаешься?

Почему он Игоря называет другом? Есть ли у тебя хорошие друзья, которым ты можешь доверить свои тайны?

Задание 14. Почему так говорят?

Прочитай предложение.

С Петькой мы давно друзья,

С ним мы не разлей вода.

Объясни, как ты понимаешь выражение *не разлей вода*?

<Знакомимся со значение выражения>

Водой не разольешь – так говорят о людях, которые очень дружны и которые все дела выполняют вместе.

Третья ступень связана с познанием философии слова *дружба*. На основе ценностно-смыслового чтения и анализа пословиц, текстов художественной литературы происходит освоение учащимися-инофонами нравственных и моральных норм поведения на основе их личностного выбора, развитие их нравственных качеств. На данной ступени целесообразно предлагать задания такого характера:

Задание 4. Народная мудрость!

Прочитай начало пословиц. Правильно подбери к началу каждой пословицы подходящий по смыслу конец. После этого произнеси пословицу. Объясни ее смысл.

Без беды друга

нашел – береги

Не бросай друга

не узнаешь

Нет друга - ищи,

в несчастье.

Приведи примеры пословиц и поговорок о дружбе, которые используются в твоём родном языке. Объясни их значение.

Четвертая ступень (социокультурная) предполагает вовлечение детей-инофонов в реальные коммуникативные ситуации, на основе которых осуществляется формирование их представлений о стране изучаемого языка, об особенностях национального менталитета, о культурных ценностях и традициях русского народа, связанных с концептом «дружба». На данной ступени учащиеся-инофоны учатся правильно употреблять в собственных высказываниях национально-маркированные единицы языка с целью выражения личностного отношения к фактам культуры. Приведем пример задания, которое используется на данной ступени познания концепта.

Задание 5. Прочитай.

Три товарища

Витя потерял завтрак. На большой перемене все ребята завтракали, а Витя стоял в сторонке.

- Почему ты не ешь? – спросил его Коля.
- Завтрак потерял...
- Плохо, – сказал Коля, откусывая большой кусок белого хлеба.
- До обеда далеко еще!
- А ты где его потерял? – спросил Миша.
- Не знаю... – тихо сказал Витя и отвернулся.
- Ты, наверное, в кармане нес, а надо в сумку класть, – сказал Миша.

А Володя ничего не спросил. Он подошел к Вите, разломил пополам кусок хлеба с маслом и протянул товарищу:

- Бери, ешь! (В.А. Осеева)

Как ты думаешь, кто из ребят поступил как настоящий друг? Обоснуй свой ответ. Как бы ты поступил в этой ситуации?

Следует отметить, что рассмотрение концепта «дружба» в разных культурных контекстах помогает школьникам, плохо владеющим русским языком, раскрыть и понять внутренние ресурсы слова.

Пятая ступень (ступень смыслотворчества) предполагает формирование у учащихся-инофонов мировоззренческих позиций, их ценностно-смыслового отношения к концепту как к личностно значимому объекту. С этой целью детям предлагаются задания, направленные на создание собственных речевых высказываний, которые расширяют использование концепта «дружба».

Задание 8. Прочитай стихотворение. О чем идет речь в этом стихотворении?

*Дружба – это тёплый ветер,
 Дружба – это светлый мир,
 Дружба – солнце на рассвете,
 Для души весёлый пир.
 Дружба – это только счастье,
 Дружба – у людей одна.
 С дружбой не страшны ненастья,
 С дружбой – жизнь весной полна. (В.Бережная)*

Прочитай еще раз последние 4 строчки стихотворения. Что значит для автора стихотворения дружба? А что значит дружба для тебя? Начни свое высказывание по образцу: *Дружба для меня – это...*

Задание 30. Игра «Снежный ком».

Прочитайте предложение.

Мы с друзьями отправились в поход.

Составьте текст о приключениях в походе.

Работаем в группе. Один из участников группы добавляет к этому предложению следующее предложение. Далее каждый ученик в группе по цепочке продолжает текст, добавляя в него по предложению. Каждое новое предложение было связано по смыслу с предыдущим предложением. Если возникают трудности, помогаем друг другу.

Таким образом, использование концептного подхода в процессе обучения русскому языку в условиях многоязычия имеет большое значение для формирования в сознании учащихся-инофонов целостной картины мира, их представлений о системе культурных ценностей, мировоззрения, а также для обогащения эмоционально-когнитивной сферы школьников и совершенствования их речевой деятельности.

Список литературы:

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. Монография. М.: Гнозис, 2004.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.
- Модернизация комплексной системы обучения русскому языку детей мигрантов на начальной ступени образования: коллективная монография / Науч. ред. Т.И.Зиновьева. М.: Издательство «Перо», 2016.
- Попова З.Д.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2000.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.
- Трегубова Л.С.* Принципы обучения младших школьников русскому языку в условиях поликультурной среды // Языковое и литературное образование в современном обществе – 2016: сб. научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Спб.: Изд-во ВВМ, 2016. С. 292–298.
- Трегубова Л.С.* Формирование культурной идентичности обучающихся в условиях многоязычия современной начальной школы // Начальное филологическое образование и подготовка учителя: проблемы формирования культурной идентичности: Материалы Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2017. С. 30-37

Третьякова Г.М.
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина
г. Москва (Россия)

Tretiakova Galina
Gubkin Russian State University of Oil and Gas
(National Research University)
Moscow (Russia)

ВИДЫ УЧЕБНОЙ И ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ С ИНОСТРАННЫМИ ОБУЧАЮЩИМИСЯ КАК ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОТРАСЛЕВОМ ВУЗЕ

KINDS OF EDUCATIONAL AND EXTRACURRICULAR WORK WITH FOREIGN STUDENTS AS WAYS OF IMPROVING MOTIVATION TO STUDY RUSSIAN LANGUAGE IN INDUSTRY THE UNIVERSITY

В статье рассматриваются виды учебной и внеаудиторной работы с иностранными обучающимися как пути повышения мотивации изучения русского языка в отраслевом вузе (нефтегазовый профиль); обосновывается важность профессиональной мотивации, при которой познавательная активность обучающегося направлена на овладение будущей специальностью, необходимость учета в учебной работе профессиональной направленности обучения, что обязывает преподавателя подбирать соответствующие учебные материалы, которые представляли бы собой когнитивную, коммуникативную, профессиональную ценность, носящие творческий характер, стимулирующие мыслительную активность учащихся; использование в процессе обучения языку специальности в технических вузах текстов из отраслевых журналов (нефтегазовый профиль) как основы обеспечения коммуникативной деятельности обучающихся в различных учебно-научных сферах в рамках избранной специальности и формирования устойчивого уровня мотивации; рассматриваются виды внеаудиторной работы с иностранными обучающимися, способствующие активизации изучения русского языка, развитию коммуникативных навыков обучающихся, формированию психологической готовности к эффективному общению на русском языке; рассказывается о программе, реализуемой Губкинским университетом, направленной на продвижение и укрепление позиций русского языка и являющейся важным мотивационным фактором, способствующим повышению интереса к изучению русского языка в современном мире.

The article discusses the types of educational and extracurricular work with foreign students as a way to increase the motivation of learning the Russian language in the branch of higher education (oil and gas profile); substantiates the importance of professional motivation, in which the cognitive activity of the student is aimed at mastering the future specialty; the need to take into account in the educational work of the professional orientation of training, which obliges the teacher to select the appropriate educational materials, which would be cognitive, communicative, professional value, having a creative nature, stimulating the mental activity of students; the use of texts from industry journals (oil and gas profile) in the process of language teaching in technical universities as a basis for ensuring communicative activity of students in various educational and scientific fields within the framework of the chosen specialty and the formation of a stable level of motivation; the types of extracurricular work with foreign students, contributing to the activation of the study of the Russian language, the development of communicative skills of students, the formation of psychological readiness for effective communication in the Russian language are considered; the article describes the program implemented by Gubkin University, aimed at promoting and strengthening the position of the Russian language and is an important motivating factor contributing to the increase of interest in the study of the Russian language in the modern world.

Ключевые слова: мотивация, профессиональная направленность, язык специальности, научный стиль речи, коммуникативная компетентность, отраслевой вуз, внеаудиторная работа.

Keywords: motivation, professional orientation, specialty language, scientific style of speech, communicative competence, branch University, extracurricular work.

Мотивация изучения русского языка иностранными обучающимися в вузе технического профиля – важнейший фактор, обеспечивающий высокую результативность качества обучения.

Мотивация овладения русским языком в условиях обучения в техническом вузе обусловлена самими условиями обучения, когда язык является не только целью обучения, но и инструментом подготовки к будущей профессиональной деятельности. Это учебно-профессиональная мотивация, при которой познавательная активность обучающегося направлена на овладение будущей специальностью, стремление овладеть русским языком как одним из средств получения профессиональных знаний, желание получить прочные и глубокие знания, приобрести умения и навыки, необходимые в дальнейшей профессиональной деятельности, стремление стать квалифицированным специалистом.

Несомненно, что эффективность процесса обучения иностранных студентов языку специальности зависит от наличия интереса к будущей профессии.

Так, в РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина на протяжении многих лет обучаются группы студентов, магистрантов и аспирантов, направленные на учебу российскими и зарубежными нефтегазовыми компаниями: НК «Роснефть» - обучающиеся из Венесуэлы, Кубы, Монголии; «Газпром нефть» - обучающиеся из Ирака; Газпром Интернэшнл – обучающиеся из Вьетнама; Китайская национальная нефтегазовая корпорация» (CNPC), Китайская национальная нефтехимическая компания (СИНОПЕК) – обучающиеся из Китая; Государственная корпорация «Петровьетнам», Совместное предприятие «Вьетсовпетро» - обучающиеся из Вьетнама; компании «ОВЕРГАЗ» - обучающиеся из Болгарии и др.

Выпускники Губкинского университета после завершения обучения успешно работают в вышеперечисленных компаниях.

В период обучения компании осуществляют контроль за учебной работой обучающихся. Например, в процессе обучения вьетнамских обучающихся университет осуществляет тесную связь с нефтегазовыми компаниями Вьетнама.

Практика для студентов, магистрантов и аспирантов организуется на месторождениях Вьетнама при непосредственном участии сотрудников нефтегазовых

компаний. Тематика выпускных квалификационных работ студентов и магистрантов и темы диссертационных исследований аспирантов согласуются с ГК «Петровъетнам» и СП «Вьетсовпетро», работы выполняются по их заданию и при непосредственном участии сотрудников этих компаний.

Молодыми учеными и студентами Вьетнама под руководством профессоров Губкинского университета был выполнен целый комплекс научных исследований по наиболее актуальной для обеих стран тематике, связанной с освоением минеральных природных ресурсов СРВ.

Целый ряд работ был связан с применением новых и перспективных методов повышения нефтеотдачи пластов, созданию и адаптации геолого-технологической модели нефтяных залежей кристаллического фундамента месторождения Дракон, повышению продуктивности скважин на основе идентификации механизмов изменения фильтрационных свойств гранитоидного коллектора месторождения «Белый Тигр», теории и технологии строительства глубоководных трубопроводов в условиях шельфа Вьетнама, расчетам и анализу режимов и процессов систем автономного электроснабжения морских стационарных платформ добычи нефти, разработке методов анализа надежности функционирования газоперерабатывающего завода «Зинь Ко», совершенствованию моделей реструктуризации нефтегазовых компаний Вьетнама, научно-технические решения по освоению малых нефтяных месторождений на шельфе Вьетнама.

За успехи в подготовке инженерных кадров для нефтегазовой отрасли Вьетнама в 2000 г. университет был награжден орденом Дружбы, в 2010 г.-орденом Труда 3-ей степени.

Опыт подтверждает, что обучающиеся, имеющие четкую профессиональную направленность, гораздо лучше мотивированы на обучение и имеют лучшие показатели в изучении русского языка.

Обучение различным видам и формам речевого общения на материале конкретной отрасли науки предполагает достижение обучающимися необходимого в рамках избранной специальности уровня коммуникативной компетенции: формирование языковых навыков и умений, позволяющих активно участвовать в учебно-научном

процессе, и овладение необходимыми функционально-стилистическими языковыми средствами, характерными для научного стиля речи.

Формирование устойчивого уровня мотивации обучения обязывает преподавателя подбирать соответствующие учебные материалы, которые представляли бы собой когнитивную, коммуникативную, профессиональную ценность, носящие творческий характер, стимулирующие мыслительную активность учащихся.

В настоящее время обучение в вузах ведется на основе трехступенчатой системы высшего образования. В связи с этим возникает необходимость дифференцировать обучение языку специальности студентов, магистрантов и аспирантов. На каждой из этих ступеней решаются свои задачи, соответственно весь процесс обучения, а также учебные материалы, используемые в этом процессе, должны быть ориентированы на те объективные требования, которые предъявляются к обучающимся на каждом из этих этапов. Следует также учитывать превалирующие в процессе обучения на той или иной ступени виды речевой деятельности. Например, для студентов более значимы навыки аудирования. Для магистрантов и аспирантов важны навыки чтения научной литературы, создания письменных научных текстов.

Обучение языку специальности в техническом вузе предполагает формирование у обучающихся определенного уровня языковой и предметной компетенций как базовых составляющих коммуникативной компетенции в сфере профессионального общения.

Особенно значимым этот процесс становится в аудитории магистрантов, так как данная категория обучающихся уже имеет определенную профессиональную подготовку и обладает высоким интеллектуальным потенциалом. Русский язык для магистрантов прежде всего инструмент для решения коммуникативных задач, актуальных для овладения профессиональными знаниями и умениями, развития системных, аналитических компетенций, обеспечения качественного общения в учебно-научной сфере определенной области знания.

Важнейшая задача – научить магистрантов свободно ориентироваться в научно-технической литературе по специальности, осмысливать и перерабатывать необходимую информацию, фиксировать информацию, используя компрессию на всех уровнях, участвовать в дискуссии, используя систему аргументов.

Необходимо также выработать у обучающихся умение строить монологическое высказывание на материале изученной научной проблемы, что требует сформированности навыка «перевода» письменной речи в устную. Перед преподавателем стоит задача научить обучающихся строить монологическое высказывание по законам синтаксиса устной научной речи.

Наиболее эффективным для формирования и совершенствования языковой и коммуникативной компетенций в сфере профессионального общения в аудитории магистрантов, на наш взгляд, является использование текстов из отраслевых журналов нефтегазового профиля. Тематика таких текстов вызывает профессиональный интерес обучающихся и отвечает их коммуникативным потребностям в учебно-научной сфере общения.

Работа с текстами по специальности стимулирует мотивацию учебной и познавательной деятельности обучающихся, способствует формированию умений анализировать языковой материал, самостоятельно находить причинно-следственные связи, выявлять основные противоречия в изучаемой области, формулировать новые задачи и проблемы, объяснять, аргументировать, отстаивать свою позицию и как результат – способствует развитию учебно-научной речи.

Работа с текстами по специальности позволяет выработать у обучающихся навыки логического осмысления и переработки необходимой информации: строить монолог на основе переработки исходного текста, передавать содержание текста, производя в нем необходимые преобразования, обобщать информацию, воспринятую в ходе монолога, диалога или полилога, участвовать в дискуссии, используя систему аргументов, выражая согласие/несогласие, поддерживая/опровергая чье-либо мнение; составлять тезисы выступления, аннотацию.

В ходе работы над текстом проблемного характера обучающиеся, используя лексико-грамматический материал, актуальный для ориентированной речевой деятельности в области нефтегазовой специальности, делают сообщения по вопросам, поставленным в тексте, высказывая свое мнение по данной проблеме или информируя, как подобная проблема решается специалистами нефтегазовой отрасли в их странах.

Специфика и сложность работы на объектах нефтегазовой отрасли, использование сложнейшего современного оборудования и инновационных технологий предъявляет

высокие требования к уровню подготовки специалиста, что, в свою очередь, требует от вузов нефтегазового профиля постоянного поиска инновационных образовательных технологий подготовки инженеров-нефтяников.

Формирование профессиональных компетенций будущих инженеров нефтегазовой отрасли необходимо осуществлять в условиях, максимально приближенных к условиям реальной профессиональной деятельности, когда в процессе задействованы специалисты различных направлений.

Виртуальная среда профессиональной деятельности, имитирующая реальную производственную или проектную работу команды специалистов различного профиля, как новая учебная среда позволяет реализовать принципиально новую образовательную технологию, способствующую освоению будущими специалистами профессиональных знаний.

Решая задачу обучения иностранных обучающихся работе в команде специалистов различных нефтегазовых направлений и профилей, кафедра русского языка нашего университета ежегодно проводит научно-практическую конференцию для магистрантов 2 года обучения, в ходе которой магистранты, обучающиеся на разных факультетах и кафедрах, выступают с сообщениями о состоянии нефтегазовой отрасли своих стран и актуальности тематики своих магистерских диссертаций. Дискуссия в ходе обсуждения этих выступлений способствует формированию у обучающихся определенного уровня языковой и предметной компетенций как базовых составляющих коммуникативной компетенции в сфере профессионального общения специалистов нефтегазовой отрасли различных направлений. (Как пример можно привести темы сообщений, заслушанные и предложенные к обсуждению: «Идентификация газогидратов с помощью сейсмических данных» - кафедра разведочной геофизики и компьютерных систем; «Использование горизонтальных скважин при эксплуатации месторождений высоковязкой нефти» - кафедра разработки и эксплуатации нефтяных месторождений; «Обоснование эффективности технологии гидроразрыва пласта при добыче тяжелой нефти из тонких пластов» - кафедра разработки и эксплуатации нефтяных месторождений; «Особенности бурения горизонтальных скважин на площадях Дацина (КНР)» - кафедра бурения нефтяных и газовых скважин; «Диагностическое исследование трубопроводов» - кафедра сооружения и ремонта газонефтепроводов и хранилищ»; «Перспективы международного

сотрудничества Китая в нефтегазовой сфере» - кафедра международного нефтегазового бизнеса и др.).

Подготовка обучающихся к конференции и их участие в конференции позволяет конструировать практические ситуации и осуществлять обучение языку специальности в условиях, приближающихся к реальному профессиональному общению.

Таким образом, учебная работа в аудитории магистратов позволяет осуществлять учебный процесс так, чтобы эффективнее реализовать различные коммуникативные задачи, активизировать и интенсифицировать занятия, тем самым повышая мотивацию изучения русского языка.

Внеаудиторная работа с иностранными обучающимися также направлена на повышение мотивации изучения русского языка. Знакомство с русской историей, общечеловеческими ценностями русской культуры, несомненно, побуждает обучающихся к изучению языка.

Участие в работе студенческого научного общества, экскурсиях, различных конкурсах, вечерах, ежегодном праздновании Дня губкинца, Пушкинском молодежном фестивале искусств и других мероприятиях способствует активизации изучения русского языка, развитию коммуникативных навыков обучающихся, формированию психологической готовности к эффективному общению на русском языке.

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации с 1998 года проводит Всероссийский Пушкинский молодежный фестиваль искусств «С веком наравне», в котором иностранные обучающиеся принимают активное участие в различных номинациях.

С целью повышения интереса китайских студентов к изучению русского языка и изучению истории и культуры России Губкинский университет с 2016 года проводит в Китайском нефтяном университете (г. Пекин), с которым университет связывает долгосрочное и плодотворное сотрудничество, конкурс в рамках Пушкинского молодежного фестиваля искусств «С веком наравне».

Конкурс включает две номинации: написание сочинения «Россия далекая и близкая» и творческий конкурс (чтение стихотворений русских поэтов на русском языке и исполнение русских песен и романсов на русском языке).

В своих сочинениях участники конкурса пишут, как изучение русского языка помогает им лучше понять традиции и культуру России, о «чувстве очарования русской литературой», о своих любимых русских поэтах и писателях, о своей первой встрече с творчеством А.С. Пушкина, о своих мечтах увидеть красоту русских пейзажей, Кремль, московское метро, о том, что хотели бы учиться в России. И все конкурсанты пишут о дружеских связях между Россией и Китаем: «Хотя мы живем далеко, наши сердца близки», «Несмотря на то, что Россия далеко, она живет в моем сердце».

Участники творческого конкурса радуют жюри и зрителей яркими, талантливыми выступлениями и знанием русской литературы. На конкурсе звучат стихи А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, С.А. Есенина, И.А. Бунина, К. Симонова, Р. Рождественского и других русских поэтов. Студенты исполняют песни и романсы на стихи русских поэтов.

Победители конкурса принимают участие в заключительных мероприятиях Пушкинского фестиваля в Губкинском университете (концерт лауреатов и Пушкинский бал). Многие участники конкурса после окончания бакалавриата направляются Китайским нефтяным университетом (г. Пекин) на учебу в магистратуру Губкинского университета.

Подобные программы, направленные на продвижение и укрепление позиций русского языка, несомненно, являются важным мотивационным фактором, способствующим повышению интереса к изучению русского языка в современном мире.

Список литературы:

- Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
- Васильева Т.В.* Специфика коммуникативных потребностей в учебно-профессиональной сфере речевой деятельности у студентов-иностранцев инженерного профиля. // Материалы городского научно-методического семинара «Русский язык как иностранный в технических вузах». М., «Янус-К», 2003. С.219-225.
- Девисилов В.А.* Портфолио и метод проектов как педагогическая технология мотивации и личностно ориентированная технология обучения в высшей школе. [Электронный ресурс] // Московский государственный Технический университет им. Н.Э. Баумана. Режим доступа: [http://www.mhnts.ru/science/Devisilov/Technologii motivacii.pdf](http://www.mhnts.ru/science/Devisilov/Technologii%20motivacii.pdf).
- Новикова И.Ю.* Обучение профессиональному общению как приоритетная составляющая языковой подготовки специалистов в техническом вузе. // Материалы Всероссийской конференции «Теоретические и методические основы технологий предвузовского обучения российских и иностранных студентов». М., Издательство Российского университета дружбы народов, 2005. С. 238-240.
- Пассов Е.И.* Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного // Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. – М.: Русский язык. Курсы, 2010. – 568 с.

Научное издание

**РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА
В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА**

IX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
(г. Салоники, Греция, 10–14 апреля 2019 г.)

Материалы конференции

Электронное издание

Подписано в печать 27.03.2019. Формат 60×90/8. Изд. № 11 347. Усл. печ. л. 35,0

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
(ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
<http://msupress.com>

Отдел реализации.
Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
Высшая школа перевода (факультет)

esti.msu.ru
info@esti.msu.ru